ЛЕНИН

О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА · 1955

ЛЕНИН

О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
Москва — 1958

Составитель сборника
кандидат экономических наук
И. И. КУЛЬКОВ

Составитель предметного указателя
Л. Г. ШАТОВ

Огромное научное наследие создателя Коммунистической партии Советского Союза и первого в мире социалистического государства В. И. Ленина содержит большое количество работ, речей и высказываний по вопросам международной политики и международного права.

В настоящий сборник включены высказывания В. И. Ленина по указанным вопросам. В тех случаях, когда по одному и тому же вопросу имеется несколько высказываний В. И. Ленина, в сборник включалась работа, наиболее полно освещающая вопрос.

Учитывая выход в свет ряда других тематических сборников, содержащих работы В. И. Ленина (например, сборника «Ленин о национальном и национально-колониальном вопросе»), круг вопросов, затронутых в сборнике, ограничен вопросами межгосударственных отношений и международного права. Поэтому по таким вопросам, как, например, национально-колониальный, в сборнике приводятся лишь несколько высказываний В. И. Ленина.

Работы В. И. Ленина, вошедшие в состав сборника, расположены в хронологическом порядке и печатаются по четвертому изданию Сочинений В. И. Ленина (включая 36 том).

В конце сборника приводятся примечания (составленные на основе четвертого издания Сочинений В. И. Ленина) и предметный указатель.

ЛЕНИН

О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

ИЗ КНИГИ
«РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ.
ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА ДЛЯ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ»

ГЛАВА I
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ ЭКОНОМИСТОВ-НАРОДНИКОВ [1]

VIII. ПОЧЕМУ НЕОБХОДИМ ДЛЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ НАЦИИ ВНЕШНИЙ РЫНОК?

По поводу изложенной теории реализации продукта в капиталистическом обществе может возникнуть вопрос: не противоречит ли она тому положению, что капиталистическая нация не может обойтись без внешних рынков?

Необходимо помнить, что приведенный анализ реализации продукта в капиталистическом обществе исходил из предположения об отсутствии внешней торговли: выше было уже отмечено это предположение и показана его *необходимость* при таком анализе. Очевидно, что ввоз и вывоз продуктов только запутал бы дело, нисколько не помогая разъяснению вопроса. Ошибка гг. В. В. и Н. —она в том и состоит, что они привлекают внешний рынок *для объяснения* реализации сверхстоимости: ровно ничего не объясняя, это указание на внешний рынок только прикрывает теоретические ошибки их; это — с одной стороны. С другой стороны, оно позволяет им отделаться, посредством этих ошибочных «теорий», от необходимости *объяснить* факт развития внутреннего рынка для русского капитализма *. «Внешний рынок» для них является просто отго-

---

* Г-н Булгаков очень верно замечает в вышецитированной книге (имеется в виду книга Булгакова «О рынках при капиталистическом производстве», М., 1897. *Ред.*): «До сих пор рост хлопчатобумажного производства, рассчитанного на крестьянский рынок, совершается непрерывно, следовательно, это абсолютное сокращение народного потребления...» (о котором толкует г. Н.—он) «...мыслимо только теоретически». (Стр. 214—215.)

воркой, затушевывающей развитие капитализма (а, следовательно, и рынка) внутри страны, — отговоркой тем более удобной, что она избавляет их также и от необходимости рассмотреть факты, свидетельствующие о завоевании русским капитализмом внешних рынков *.

Необходимость внешнего рынка для капиталистической страны определяется вовсе не законами реализации общественного продукта (и сверхстоимости в частности), а, во-1-х, тем, что капитализм является лишь как результат широко развитого товарного *обращения*, которое выходит за пределы государства. Поэтому нельзя себе представить капиталистической нации без внешней торговли, да и нет такой нации.

Как видит читатель, эта причина — свойства исторического. И от нее народники не могли бы отделаться парой обветшалых фраз о «невозможности для капиталистов потребить сверхстоимость». Тут пришлось бы рассмотреть — если бы они действительно хотели поставить вопрос о внешнем рынке — историю развития внешней торговли, историю развития товарного обращения. А рассмотрев эту историю, нельзя было бы, конечно, изображать капитализм случайным уклонением с пути.

Во-2-х, то соответствие между отдельными частями общественного производства (по стоимости и по натуральной форме), которое необходимо предполагалось теорией воспроизводства общественного капитала и которое на деле устанавливается лишь как средняя величина из ряда постоянных колебаний, — это соответствие постоянно нарушается в капиталистическом обществе вследствие обособленности отдельных производителей, работающих на неизвестный рынок. Различные отрасли промышленности, служащие «рынком» друг для друга, развиваются не равномерно, а обгоняют друг друга, и более развитая промышленность ищет внешнего рынка. Это нисколько не означает «невозможность для капиталистической нации реализовать сверхстоимость», как готов глубокомысленно заключить народник. Это указывает лишь на непропорциональность в развитии отдельных производств. При *другом* распределении национального капитала то же самое количество продуктов могло бы быть реализовано внутри страны. Но для того, чтобы капитал оставил одну область промышленности и перешел в другую, необходим кризис в этой области, и какие же причины могут удержать капиталистов, которым грозит такой кризис, от поисков внешнего рынка? от поисков пособий и премий для облегчения вывоза и т. д.?

В-3-х. Законом докапиталистических способов производства

---

* Волгин. «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова». СПБ, 1896, стр. 71—76.

является повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем основании: таково барщинное хозяйство помещиков, натуральное хозяйство крестьян, ремесленное производство промышленников. Напротив, законом капиталистического производства является постоянное преобразование способов производства и безграничный рост размеров производства. При старых способах производства хозяйственные единицы могли существовать веками, не изменяясь ни по характеру, ни по величине, не выходя из пределов помещичьей вотчины, крестьянской деревни или небольшого окрестного рынка для сельских ремесленников и мелких промышленников (так называемых кустарей). Напротив, капиталистическое предприятие неизбежно перерастает границы общины, местного рынка, области, а затем и государства. И так как обособленность и замкнутость государств разрушены уже товарным обращением, то естественное стремление каждой капиталистической отрасли промышленности ведет ее к необходимости «искать внешнего рынка».

Таким образом необходимость искать внешнего рынка отнюдь не доказывает несостоятельности капитализма, как любят изображать дело народники-экономисты. Совсем напротив. Эта необходимость наглядно показывает прогрессивную историческую работу капитализма, который разрушает старинную обособленность и замкнутость систем хозяйства (а, следовательно, и узость духовной и политической жизни), который связывает все страны мира в единое хозяйственное целое.

Мы видим отсюда, что две последние причины необходимости внешнего рынка — опять-таки причины характера исторического. Чтобы разобрать их, надо рассмотреть каждую отдельную отрасль промышленности, ее развитие внутри страны, ее превращение в капиталистическую, — одним словом, надо взять *факты* о развитии капитализма в стране, — и нет ничего удивительного, что народники пользуются случаем уклониться от этих фактов под сень ничего не стоящих (и ничего не говорящих) фраз о «невозможности» и внутреннего и внешнего рынка...

ГЛАВА VIII

ОБРАЗОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА

V. ЗНАЧЕНИЕ ОКРАИН. ВНУТРЕННИЙ ИЛИ ВНЕШНИЙ РЫНОК?

В первой главе было указано на ошибочность той теории, которая связывает вопрос о внешнем рынке для капитализма с вопросом о реализации продукта (стр. 42—43 и следующие *).

* См. Сочинения В. И. Ленина, изд. 4, т. 3, стр. 42—43.

Необходимость внешнего рынка для капитализма объясняется вовсе не невозможностью реализовать продукт на внутреннем рынке, а тем обстоятельством, что капитализм не в состоянии повторять одни и те же процессы производства в прежних размерах, при неизменных условиях (как это было при докапиталистических режимах), что он неизбежно ведет к безграничному росту производства, перерастающему старые, узкие границы прежних хозяйственных единиц. При свойственной капитализму неравномерности развития, одна отрасль производства перегоняет другие и стремится выйти за пределы старого района хозяйственных отношений. Возьмем, напр., текстильную индустрию в начале пореформенной эпохи. Будучи довольно высоко развитой в капиталистическом отношении (мануфактура, начинающая переходить в фабрику), она вполне овладела рынком центральной России. Но крупные фабрики, которые росли так быстро, не могли уже удовлетвориться прежними размерами рынка; они стали искать себе рынка дальше, среди того нового населения, которое колонизовало Новороссию, юго-восточное Заволжье, Северный Кавказ, затем Сибирь и т. д. Стремление крупных фабрик выйти за пределы старых рынков несомненно. Означает ли это, что в районах, служивших этими старыми рынками, большее количество продуктов текстильной промышленности, вообще, не могло быть потреблено? означает ли это, что, напр., промышленные и центральные земледельческие губернии не могут уже, вообще, поглощать большего количества фабрикатов? Нет; мы знаем, что разложение крестьянства, рост торгового земледелия и увеличение индустриального населения продолжали и продолжают расширять внутренний рынок и этого старого района. Но это расширение внутреннего рынка задерживается многими обстоятельствами (главным образом, сохранением устарелых учреждений, задерживающих развитие земледельческого капитализма); и фабриканты не станут, конечно, ждать, чтобы другие отрасли народного хозяйства догнали в своем капиталистическом развитии текстильную индустрию. Фабрикантам нужен рынок немедленно, и если отсталость других сторон народного хозяйства суживает рынок в старом районе, то они будут искать рынка в другом районе или в других странах или в колониях старой страны.

Но что такое колония в политико-экономическом смысле? Было уже указано выше, что, по Марксу, основные признаки этого понятия следующие: 1) наличность незанятых, свободных земель, легко доступных переселенцам; 2) наличность сложившегося мирового разделения труда, мирового рынка, благодаря которому колонии могут специализироваться на массовом производстве сельскохозяйственных продуктов, получая

в обмен за них готовые промышленные изделия, «которые, при других обстоятельствах, им пришлось бы изготовлять самим» (см. выше, стр. 219, прим., гл. IV, § II *). О том, что южные и восточные окраины Евр. России, заселявшиеся в пореформенную эпоху, отличаются именно указанными чертами и представляют из себя, в экономическом смысле, колонии центральной Евр. России, — было уже говорено в своем месте **. Еще более приложимо это понятие колонии к другим окраинам, напр., к Кавказу. Экономическое «завоевание» его Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое, а вполне это экономическое завоевание не закончено и поныне. В пореформенную эпоху происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа ***, широкая распашка земли колонистами (особенно в Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России. С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов. Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кож и т. д. ****; все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия. Падала обработка рогов в бокалы вследствие упадка феодального строя в Грузии и ее исторических пиров, — падал шапочный промысел вследствие замены азиатского костюма европейским, падало производство бурдюков и кувшинов для местного вина, которое впервые стало поступать в продажу (развивая бочарное производство) и завоевывало в свою очередь русский рынок. Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной

---

* См. Сочинения В. И. Ленина, изд. 4, т. 3, стр. 219.

** «...Благодаря исключительно им, благодаря этим народным формам производства, и основываясь на них, колонизовалась и населилась вся южная Россия» (г. Н.—он, «Очерки», 284). Как замечательно широко и содержательно это понятие: «народные формы производства»! Оно покрывает все, что угодно: и патриархальное крестьянское земледелие, и отработки, и примитивное ремесло, и мелкое товарное производство, и те типично-капиталистические отношения внутри крестьянской общины, которые мы видели выше по данным о Таврической и Самарской губернии (гл. II) и пр. и пр.

*** Ср. статьи г. П. Семенова в «Вестн. Фин.», 1897, № 21, и В. Михайловского в «Нов. Слове», июнь, 1897 г.

**** См. статьи К. Хатисова во II т. «Отч. и иссл. по куст. пром.» и П. Острякова в V-ом вып. «Трудов куст. ком.».

замкнутости, — *создавал себе рынок* для своих фабрик. Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табаку, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтичного национального костюма в костюм европейского лакея (Гл. Успенский) [3]. Рядом с процессом усиленной колонизации Кавказа и усиленного роста его земледельческого населения шел также (прикрываемый этим ростом) процесс отвлечения населения от земледелия к промышленности. Городское население Кавказа возросло с 350 тыс. в 1863 г. до ок. 900 тыс. в 1897 г. (все население Кавказа возросло с 1851 г. по 1897 г. на 95%). Нам нет надобности добавлять, что то же самое происходило и происходит и в Средней Азии и в Сибири и т. д.

Таким образом возникает естественно вопрос, где же граница между внутренним и внешним рынком? Взять политическую границу государства было бы слишком механическим решением, да и решение ли это? Если Средняя Азия — внутренний рынок, а Персия — внешний, то куда отнести Хиву и Бухару? Если Сибирь — внутренний рынок, а Китай — внешний, то куда отнести Манчжурию? Подобные вопросы не имеют важного значения. Важно то, что капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства. И это свойство капитализма с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России.

Следовательно, процесс образования рынка для капитализма представляет две стороны, именно: развитие капитализма вглубь, т. е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории, — и развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории. По плану настоящей работы, мы ограничились почти исключительно первой стороной процесса, и поэтому считаем особенно необходимым подчеркнуть здесь, что другая сторона его имеет чрезвычайно важное значение. Сколько-нибудь полное изучение процесса колонизации окраин и расширения русской территории, с точки зрения развития капитализма, потребовало бы особой работы. Нам достаточно отметить здесь, что Россия находится в особенно выгодных условиях сравнительно с другими капиталистическими странами вследствие обилия свободных и доступных колонизации земель на ее

окраинах *. Не говоря уже об Азиатской России, мы имеем и в Европейской России такие окраины, которые — вследствие громадных расстояний и дурных путей сообщения — крайне еще слабо связаны в хозяйственном отношении с центральной Россией. Возьмем, напр., «дальний север» — губернию Архангельскую; необъятные пространства земли и природных богатств эксплуатируются еще в самой ничтожной степени. Один из главных местных продуктов, лес, шел до последнего времени, главным образом, в Англию. В этом отношении, след., данный район Европейской России служил внешним рынком для Англии, не будучи внутренним рынком для России. Русские предприниматели, конечно, завидовали английским, и теперь, с проведением железной дороги до Архангельска, они ликуют, предвидя «подъем духа и предпринимательскую деятельность в разных отраслях промышленности края» **...

Написано в 1896—1899 гг. Впервые напечатано отдельной книгой в конце марта 1899 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 3, стр. 12—45, 519—523.

---

* Указанное в тексте обстоятельство имеет также другую сторону. Развитие капитализма вглубь в старой, издавна заселенной, территории задерживается вследствие колонизации окраин. Разрешение свойственных капитализму и порождаемых им противоречий временно отсрочивается вследствие того, что капитализм легко может развиваться вширь. Напр., одновременное существование самых передовых форм промышленности и полусредневековых форм земледелия представляет из себя, несомненно, противоречие. Если бы русскому капитализму некуда было расширяться за пределы территории, занятой уже в начале пореформенного периода, то это противоречие между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (прикрепление крестьян к земле и пр.) должно было бы быстро привести к полной отмене этих учреждений, к полному расчищению пути для земледельческого капитализма в России. Но возможность искать и находить рынок в колонизуемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение. Само собою разумеется, что *такое* замедление роста капитализма равносильно подготовке еще большего и более широкого роста его в ближайшем будущем.

** «Произв. силы», XX, 12.

КИТАЙСКАЯ ВОЙНА

Россия заканчивает войну с Китаем: мобилизован целый ряд военных округов, затрачены сотни миллионов рублей, десятки тысяч войска отправлены в Китай, дан ряд сражений, одержан ряд побед, — побед, правда, не столько над регулярными войсками неприятеля, сколько над китайскими повстанцами и еще более над безоружными китайцами, которых топили и избивали, не останавливаясь перед умерщвлением детей и женщин, не говоря уже о грабеже дворцов, домов и лавок. И русское правительство, вместе с холопствующими перед ним газетами, торжествует победу, ликует по поводу новых подвигов доблестного воинства, ликует по поводу поражения китайской дикости европейскою культурою, по поводу новых успехов русской «цивилизаторской миссии» на Дальнем Востоке.

Не слышно только во всем этом ликовании голоса сознательных рабочих, этих передовых представителей многомиллионного рабочего народа. А всю тяжесть новых победоносных походов несет на себе именно рабочий народ: у него отнимают работников для отправки за тридевять земель, с него собирают особо повышенные подати на миллионные расходы. Попробуем же разобраться в вопросе: как должны относиться социалисты к этой войне? в чьих интересах она ведется? каково настоящее значение той политики, которой следует русское правительство?

Правительство наше уверяет, прежде всего, что оно даже не ведет войны с Китаем: оно только подавляет восстание, усмиряет мятежников, помогает законному китайскому правительству восстановить законный порядок. Война не объявлена, но суть дела от этого нимало не меняется, так как война все равно ведется. Чем же вызвано нападение китайцев на европейцев, этот мятеж, усмиряемый с таким рвением англичанами, французами, немцами, русскими, японцами и проч.? «Враждой желтой расы к белой расе», «ненавистью китайцев к европейской культуре и цивилизации», — уверяют сторон-

ники войны. Да, китайцы, действительно, ненавидят европейцев, но только каких европейцев они ненавидят, и за что? Не европейские народы ненавидят китайцы, — с ними у них не было столкновений, — а европейских капиталистов и покорные капиталистам европейские правительства. Могли ли китайцы не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленой цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия, которые вели с Китаем войны для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом (война Англии и Франции с Китаем в 1856 г.), которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства? Эту политику грабежа давно уже ведут по отношению к Китаю буржуазные правительства Европы, а теперь к ней присоединилось и русское самодержавное правительство. Принято называть эту политику грабежа колониальной политикой. Всякая страна с быстро развивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходит к поискам колоний, т. е. таких стран, в которых слабо развита промышленность, которые отличаются более или менее патриархальным бытом, куда можно сбывать продукты промышленности и наживать на этом хорошие деньги. И ради наживы кучки капиталистов буржуазные правительства вели бесконечные войны, морили полки солдат в нездоровых тропических странах, бросали миллионы собранных с народа денег, доводили население до отчаянных восстаний и до голодной смерти. Вспомните восстание индийских туземцев против Англии [4] и голод в Индии, или теперешнюю войну англичан с бурами [5].

И вот теперь жадные лапы европейских капиталистов потянулись к Китаю. Потянулось чуть ли не прежде всех и русское правительство, которое теперь так распинается о своем «бескорыстии». Оно «бескорыстно» взяло у Китая Порт-Артур и стало строить железную дорогу в Манчжурию под охраной русских войск. Одно за другим, европейские правительства так усердно принялись грабить, то-бишь «арендовать», китайские земли, что недаром поднялись толки о разделе Китая. И если называть вещи их настоящим именем, то надо сказать, что европейские правительства (и русское едва ли не первое из них) уже начали раздел Китая. Но они начали раздел не открыто, а исподтишка, как воры. Они принялись обкрадывать Китай, как крадут с мертвеца, а когда этот мнимый мертвец попробовал оказать сопротивление, — они бросились на него, как дикие звери, выжигая целые деревни, топя в Амуре, расстреливая и поднимая на штыки безоружных жителей, их жен и детей. И все эти христианские подвиги сопровождаются криками против дикарей-китайцев, дерзающих поднять руку на цивилизованных европейцев. Занятие Ньючжуана и введение русских войск

в пределы Манчжурии, — это временные меры, заявляет российское самодержавное правительство в своей циркулярной ноте державам от 12-го августа 1900 года; эти меры «вызваны исключительно необходимостью отражать агрессивные действия китайских мятежников»; они «отнюдь не могут свидетельствовать о каких-либо своекорыстных планах, совершенно чуждых политике императорского правительства».

Бедное императорское правительство! Оно так христиански бескорыстно, а его так несправедливо обижают! Оно бескорыстно захватило несколько лет тому назад Порт-Артур и теперь бескорыстно захватывает Манчжурию, оно бескорыстно наводнило пограничные с Россией области Китая сворой подрядчиков, инженеров и офицеров, доводивших своим обращением даже известных своею покорностью китайцев до возмущения. На постройке китайской дороги рабочим-китайцам платили по 10 коп. в день на их содержании, — это ли еще не бескорыстие со стороны России?

Но чем же объяснить, что наше правительство ведет эту безумную политику в Китае? Кому выгодна эта политика? Она выгодна кучке капиталистов-тузов, которые ведут торговые дела с Китаем, кучке фабрикантов, производящих товары на азиатский рынок, кучке подрядчиков, наживающих теперь бешеные деньги на срочных военных заказах (некоторые заводы, производящие предметы вооружения, припасы для войск и т. п., работают теперь во-всю и принанимают сотни новых поденщиков). Такая политика выгодна кучке дворян, занимающих высокие места на гражданской и военной службе. Им нужна политика приключений, потому что в ней можно выслужиться, сделать карьеру, прославить себя «подвигами». Интересам этой кучки капиталистов и чиновных пройдох наше правительство, не колеблясь, приносит в жертву интересы всего народа. Самодержавное царское правительство и в этом случае, как и всегда, оказывается правительством безответственных чиновников, раболепствующих перед тузами-капиталистами и дворянами.

Какая польза русскому рабочему классу и всему рабочему народу от завоеваний в Китае? Тысячи разоренных семей, у которых отняты работники на войну, громадный рост государственных долгов и расходов, увеличение налогов, усиление власти капиталистов — эксплуататоров рабочих, ухудшение положения рабочих, еще большее вымирание крестьянства, голод в Сибири — вот что обещает принести и уже приносит с собою китайская война. Вся русская печать, все газеты и журналы находятся в рабстве, они не смеют ничего печатать без разрешения правительственных чиновников, — и потому мы не имеем точных сведений о том, во что обходится народу китай-

ская война, но несомненно, что она требует денежных расходов во *много сотен миллионов рублей*. Есть сведения, что правительство сразу выдало на войну 150 миллионов рублей по неопубликованному указу, да затем текущие расходы на войну поглощают по *одному миллиону рублей* каждые три или четыре дня. И эти бешеные деньги бросает правительство, которое бесконечно урезывало пособия голодающим крестьянам, торгуясь из-за каждой копейки, которое не находит денег на народное образование, которое, как любой кулак, выжимает соки из рабочих на казенных заводах, из мелких служащих в почтовых учреждениях и проч.!

Министр финансов Витте заявлял, что к 1-му января 1900 г. в казначействе имеется свободная наличность в 250 млн. руб., — теперь уже этих денег нет, они ушли на войну, правительство ищет займов, увеличивает налоги, отказывается от необходимых расходов за недостатком денег, приостанавливает постройку железных дорог. Царскому правительству грозит банкротство, а оно бросается в политику завоеваний, — политику, которая не только требует громадных денежных средств, но и грозит вовлечь в еще более опасные войны. Набросившиеся на Китай европейские державы начинают уже ссориться из-за дележа добычи, и никто не в состоянии сказать, как кончатся эти ссоры.

Но политика царского правительства в Китае представляет из себя не только надругательство над народными интересами, — она стремится развратить политическое сознание народных масс. Правительства, которые держатся только силой штыков, которым приходится постоянно сдерживать или подавлять народное возмущение, давно уже сознали ту истину, что народного недовольства не устранить ничем; надо попытаться отвлечь это недовольство от правительства на кого-нибудь другого. Разжигают, напр., вражду к евреям: площадные газеты травят евреев, как будто бы еврейский рабочий не страдает точно так же, как русский, от гнета капитала и полицейского правительства. В настоящее время поднят в печати поход против китайцев, кричат о дикой желтой расе, о ее вражде к цивилизации, о просветительных задачах России, о том, с каким воодушевлением идут в бой русские солдаты, и проч. и проч. Пресмыкающиеся перед правительством и перед денежным мешком журналисты из кожи лезут вон, чтобы разжечь ненависть в народе к Китаю. Но китайский народ ничем и никогда не притеснял русского народа: китайский народ сам страдает от тех же зол, от которых изнемогает и русский, — от азиатского правительства, выколачивающего подати с голодающих крестьян и подавляющего военной силой всякое

стремление к свободе, — от гнета капитала, пробравшегося и в Срединное царство.

Русский рабочий класс начинает выбиваться из той политической забитости и темноты, в которой находится масса народа. На всех сознательных рабочих лежит поэтому долг — всеми силами восстать против тех, кто разжигает национальную ненависть и отвращает внимание рабочего народа от его истинных врагов. Политика царского правительства в Китае есть преступная политика, еще более разоряющая народ, еще более развращающая и угнетающая его. Царское правительство не только держит наш народ в рабстве, — оно посылает его усмирять другие народы, восстающие против своего рабства (как это было в 1849 году, когда русские войска подавляли революцию в Венгрии). Оно не только помогает русским капиталистам эксплуатировать своих рабочих и связывает руки рабочим, чтобы они не смели соединяться и защищаться, оно посылает солдат грабить другие народы ради интересов кучки богачей и знати. Чтобы избавиться от нового ярма, которое взваливает война на рабочий народ, есть только одно средство: созыв народных представителей, которые положили бы конец самовластию правительства и заставили его считаться с интересами не одной только придворной шайки.

«Искра» № 1, декабрь 1900 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 4, стр. 347—352.

ПРОТЕСТ ФИНЛЯНДСКОГО НАРОДА

Приводим полностью новый массовый адрес, посредством которого финляндский народ выражает свой решительный протест против политики правительства, посягнувшего и продолжающего посягать на конституцию Финляндии в нарушение *клятвы*, торжественно данной всеми царями, начиная с Александра I и кончая Николаем II.

Адрес этот подан 17 (30) сентября 1901 г. в финляндский сенат для доставления царю. Подписан он 473 363 финляндцами обоего пола и всех слоев общества, т. е. почти *полумиллионом* граждан. Все население Финляндии равняется $2^1/_2$ миллионам, так что новый адрес является поистине *голосом всего народа*.

Вот полный текст этого адреса:

«Державнейший всемилостивейший государь император и великий князь! Изменение вашим императорским величеством закона о воинской повинности Финляндии вызвало повсеместно в крае всеобщую тревогу и глубочайшую скорбь.

Утвержденные вашим императорским величеством 12 июля (29 июня) сего года повеления, манифест и закон о воинской повинности составляют коренное нарушение основных законов великого княжества и драгоценнейших прав, принадлежащих финскому народу и всем гражданам края в силу его законов.

Правила об обязанностях граждан по защите края не могут, на основании основных законов, издаваться в ином порядке, как с согласия земских чинов. В этом порядке и был издан закон о воинской повинности 1878 года согласным решением императора Александра II и земских чинов. В царствование императора Александра III последовали многие частные изменения этого закона, но каждый раз не иначе, как с согласия земских чинов. Вопреки сему ныне без согласия земских чинов объявлено, что закон 1878 года отменяется, между тем как изданные взамен его новые постановления всецело расходятся с решением земских чинов Чрезвычайного Сейма 1899 года.

Одно из важнейших прав, принадлежащих каждому финляндскому гражданину, — жить и действовать под защитою финляндских законов. Ныне этого права лишены тысячи и тысячи финляндских граждан, так как новый закон о воинской повинности обязует их служить в русских войсках, превращая выполнение воинской повинности в страдание для тех сынов края, которые насильственно будут зачисляемы в войска, чуждые им по языку, религии, правам и обычаям.

Новые постановления отменяют всякое законом определенное ограничение ежегодного контингента. Сверх того в них нет какого-либо признания указанного в основных законах права земских чинов участвовать в определении военного бюджета.

Даже ополчение, вопреки основного положения закона 1878 года, поставлено в совершенную зависимость от усмотрения военного министерства.

Впечатление от подобных установлений не смягчается объявленными в манифесте облегчениями в продолжение неопределенного пока еще переходного времени, так как вслед за временным уменьшением числа призываемых последуют неограниченные призывы на службу в русских войсках.

Финляндский народ не просил какого-либо облегчения в несомой им ныне военной тяготе. Земские чины, высказавшие мнение народа, доказали готовность со стороны Финляндии по мере сил увеличить долю участия по защите государства, при условиях сохранения правового положения финских войск в качестве финляндских учреждений.

В противоположность сему установляется в новых постановлениях, что финские войска по большей части будут упразднены, что русские офицеры могут поступать на службу в немногие остающиеся части; что даже унтер-офицеры в этих частях должны владеть русским языком, чем финляндские уроженцы по преимуществу из крестьянского сословия совершенно устраняются от занятия названных должностей; что эти войска поступают под ведомство русских управлений и что они также и в мирное время могут размещаться вне пределов Финляндии.

Эти повеления, не составляющие какой-либо реформы, а преследующие лишь уничтожение национальных войск Финляндии, указывают на недоверие, к которому финляндский народ ничем не дал повода за все время почти столетнего его соединения с Россиею.

В новых постановлениях о воинской повинности встречаются также выражения, заключающие в себе отрицание существования у финляндского народа особого отечества, а у уроженцев края — прав финляндского гражданства. В этих выражениях просвечивают цели, несовместимые с непременным правом финляндского народа сохранить в соединении своем с Россиею то политическое положение, которое непоколебимо было удостоверено за Финляндиею в 1809 году.

За последние годы накоплялось над нашим краем тяжелое горе. Раз за разом убеждались, что установления основных законов края игнорировались, отчасти в законодательных мероприятиях, отчасти замещением важных должностей русскими уроженцами. Администрация края направлялась таким образом, как будто задача ее поколебать спокойствие и порядок, препятствовать общеполезным стремлениям и вызывать неприязнь между русскими и финляндцами.

Самым тяжелым несчастьем для края является, однакож, введение новых постановлений о воинской повинности.

В всеподданнейшем ответном представлении от 27 мая 1899 года земские чины подробно доложили о том порядке, который по основным законам Финляндии должен быть соблюдаем при издании закона о воинской повинности. При этом они указали, что если новый закон о воинской повинности будет издан в ином порядке, то подобный закон, даже если он будет действовать под давлением насилия, не может быть признан правовым законом, а в глазах финляндского народа покажется лишь повелением силы.

Все, что земскими чинами было указано, продолжает неизменно составлять правосознание финляндского народа, которое насильственно не может быть изменено.

Надо опасаться весьма тяжелых последствий от повелений, несогласованных с законами края. Для чиновников и правительственных учреждений возникает мучительный разлад с чувством долга, так как совесть побуждает их не руководствоваться подобными повелениями. Число трудоспособных переселенцев, уже ранее вынужденных выселиться из опасения грозящих перемен, еще более увеличится, если объявленные постановления приведены будут в действие.

Новые постановления о воинской повинности, как и другие мероприятия, направленные против прав финляндского народа на особое политическое и национальное существование, неминуемо должны подрывать доверие между монархом и народом, а равно вызывать все усиливающееся неудовольствие, чувство всеобщего гнета, неуверенность и величайшие затруднения для общества и для его членов в работе на благо края. Для предотвращения сего не имеется иных средств, как заменить вышеприведенные повеления законом о воинской повинности, изданным при участии земских чинов, а правительственным властям края вообще руководствоваться точно указаниями основных законов.

Финляндский народ не может перестать быть особым народом. Сплотившийся благодаря общей исторической судьбе, правовым понятиям и культурной работе, наш народ останется верным своей любви к финляндскому отечеству и к своей закономерной свободе. Народ не уклонится в своем стремлении с достоинством занимать в среде народов свое скромное, судьбою ему указанное место.

Так же твердо, как мы верим в наше право и уважаем наши законы, служащие нам опорою в общественной нашей жизни, так же твердо мы убеждены в том, что единству могущественной России не может быть причинен вред, если Финляндия и впредь будет управляема в согласии с основными началами, определенными в 1809 году, дабы чувствовать себя счастливою и спокойною в соединении своем с Россиею.

Чувства долга перед родиною заставляют жителей всех общин и слоев общества обратиться к вашему императорскому величеству с правдивым и неприкрашенным изложением положения дела. Выше мы указали, что недавно обнародованные постановления о воинской повинности, противоречащие торжественно удостоверенным основным законам великого княжества, не могут быть признаны правовым законом. Считаем долгом добавить к сему, что военная тягота сама по себе не такое значение имеет для финляндского народа, как потеря твердых правовых установлений и законом обеспеченное спокойствие по отношению к этому столь важному вопросу. Всеподданнейше просим посему, да соблаговолите ваше императорское величество подвергнуть вопросы, затронутые в этом представлении, такому всемилостивейшему рассмотрению, которое вызывается серьезностью их свойства. Пребываем и проч.».

Нам остается немного добавить к этому адресу, который выражает собою настоящий народный суд над шайкой нарушающих основные законы русских чиновников.

Напомним главные данные по «финляндскому вопросу».

Финляндия присоединена к России в 1809 г., во время войны с Швецией. Желая привлечь на свою сторону финляндцев, бывших подданных шведского короля, Александр I решил признать и утвердить старую финляндскую конституцию. По этой конституции, *иначе как с согласия сейма, т. е. собрания представителей всех сословий*, не может быть издан, изменен, пояснен или отменен никакой основной закон. И Александр I

в нескольких манифестах «торжественно» подтвердил *«обещание о святом хранении особенной конституции края»*.

Это клятвенное обещание подтверждали затем все русские государи, в том числе и Николай II в манифесте 25 октября (6 ноября) 1894 г.: «...обещая хранить оные (основные законы) в ненарушимой и непреложной их силе и действии».

И вот, не прошло и пяти лет, как русский царь оказался *клятвопреступником*. После того, как продажная и пресмыкающаяся печать долго травила Финляндию, был издан «манифест» 3 (15) февраля 1899 г., установивший новый порядок: *без согласия сейма* могут быть изданы законы, «если они касаются общегосударственных потребностей или находятся в связи с законодательством империи».

Это было вопиющее нарушение конституции, настоящий *государственный переворот*, потому что ведь про всякий закон можно сказать, что он касается общегосударственных потребностей!

И этот государственный переворот был совершен *насильственно:* генерал-губернатор Бобриков грозил ввести войска в Финляндию, если сенат откажется опубликовать манифест. Русским войскам, расположенным в Финляндии, были уже розданы (по словам русских же офицеров) боевые патроны, лошади стояли под седлом и т. д.

За первым насилием последовал бесчисленный ряд других: запрещали одну за другой финляндские газеты, отменили свободу собраний, наводнили Финляндию сворами русских шпионов и гнуснейших провокаторов, которые возбуждали к восстанию, и т. д. и т. д. Наконец, *без согласия сейма*, издан был закон 29 июня (12 июля) о воинской повинности, — закон, достаточно разобранный в адресе.

И манифест 3 февраля 1899 г., и закон 29 июня 1901 г. *незаконны*, это — насилие клятвопреступника с шайкой башибузуков, которая называется царским правительством. Двум с половиной миллионам финляндцев нечего, конечно, и думать о восстании, но нам всем, русским гражданам, надо думать о том позоре, какой на нас падает. Мы всё еще до такой степени рабы, что нами пользуются для обращения в рабство других племен. Мы всё еще терпим у себя правительство, не только подавляющее со свирепостью палача всякое стремление к свободе в России, но и пользующееся, кроме того, русскими войсками для насильственного посягательства на чужую свободу!

«Искра» № 11, 20 ноября 1901 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 5, стр. 280—284.

ПАДЕНИЕ ПОРТ-АРТУРА [6]

«Порт-Артур капитулировал.

Это событие — одно из величайших событий современной истории. Эти три слова, переданные вчера по телеграфу во все концы цивилизованного мира, производят подавляющее впечатление, впечатление громадной и страшной катастрофы, несчастья, которое трудно передать словами. Рушится моральная сила могучей империи, тускнеет престиж молодой расы, не успевшей еще как следует развернуться. Выносится приговор целой политической системе, обрывается длинный ряд притязаний, ломаются могучие усилия. Конечно, падение Порт-Артура давно уже предвидели, давно уже отделывались словами и утешали себя готовыми фразами. Но осязательный, грубый факт разбивает всю условную ложь. Теперь значение происшедшего краха нельзя ослаблять. Впервые старый мир унижен непоправимым поражением, которое нанесено ему новым миром, столь таинственным и, повидимому, отрочески-юным, вчера только призванным к цивилизации».

Так писала, под непосредственным впечатлением события, одна солидная европейская буржуазная газета. И, надо сознаться, ей удалось не только рельефно выразить настроение всей европейской буржуазии. Устами этой газеты говорит верный классовый инстинкт буржуазии старого мира, обеспокоенной успехами нового буржуазного мира, встревоженной крахом русской военной силы, которая долго считалась надежнейшим оплотом европейской реакции. Неудивительно, что даже не участвующая в войне европейская буржуазия чувствует все-таки себя униженной и подавленной. Она так привыкла отождествлять моральную силу России с военной силой европейского жандарма. Для нее престиж молодой русской расы был неразрывно связан с престижем непоколебимо сильной, твердо охраняющей современный «порядок», царской власти. Неудивительно, что катастрофа правящей и командующей России кажется всей европейской буржуазии «страшной»: эта катастрофа означает гигантское ускорение всемирного

капиталистического развития, ускорение истории, а буржуазия очень хорошо, слишком хорошо знает, по горькому опыту знает, что такое ускорение есть ускорение социальной революции пролетариата. Западно-европейская буржуазия чувствовала себя так спокойно в атмосфере долгого застоя, под крылышком «могучей империи», и вдруг какая-то «таинственная, отрочески-юная» сила смеет рвать этот застой и ломать эти опоры.

Да, европейской буржуазии есть чего пугаться. Пролетариату есть чему радоваться. Катастрофа нашего злейшего врага означает не только приближение русской свободы. Она предвещает также новый революционный подъем европейского пролетариата.

Но почему и в какой мере падение Порт-Артура является действительно исторической катастрофой?

Прежде всего бросается в глаза значение этого события в ходе войны. Главная цель войны для японцев достигнута. Прогрессивная, передовая Азия нанесла непоправимый удар отсталой и реакционной Европе. Десять лет тому назад эта реакционная Европа, с Россией во главе, обеспокоилась разгромом Китая молодой Японией и объединилась, чтобы отнять у нее лучшие плоды победы. Европа охраняла установившиеся отношения и привилегии старого мира, его предпочтительное право, веками освященное исконное право на эксплуатацию азиатских народов. Возвращение Порт-Артура Японией есть удар, нанесенный всей реакционной Европе. Россия шесть лет владела Порт-Артуром, затратив сотни и сотни миллионов рублей на стратегические железные дороги, на создание портов, на постройку новых городов, на укрепление крепости, которую вся масса подкупленных Россией и раболепствующих перед Россией европейских газет прославила неприступною. Военные писатели говорят, что по своей силе Порт-Артур равнялся шести Севастополям. И вот, маленькая, всеми до тех пор презираемая, Япония в восемь месяцев овладевает этой твердыней, после того как Англия и Франция вместе возились целый год со взятием одного Севастополя. Военный удар непоправим. Решен вопрос о преобладании на море, — главный и коренной вопрос настоящей войны. Русский тихоокеанский флот, вначале бывший не менее, если не более, сильным, чем японский, уничтожен окончательно. Отнята самая база для операций флота, и эскадре Рождественского остается только позорно вернуться вспять, после бесполезной затраты новых миллионов, после великой победы грозных броненосцев над английскими рыбацкими лодками. Считают, что одна материальная потеря России на одном только флоте составляет сумму в триста миллионов рублей. Но еще важнее потеря десятка тысяч лучшего флот-

ского экипажа, потеря целой сухопутной армии. Многие европейские газеты стараются теперь ослабить значение этих потерь, усердствуя при этом до смешного, договариваясь до того, что Куропаткин «облегчен», «освобожден» от забот о Порт-Артуре! Русское войско освобождено также от целой армии. Число пленных достигает, по последним английским данным, *48 000 человек*, а сколько тысяч еще погибло в битвах под Кинчау и под самой крепостью. Японцы окончательно овладевают всем Ляодуном, приобретают опорный пункт неизмеримой важности для воздействия на Корею, Китай и Манчжурию, освобождают для борьбы с Куропаткиным закаленную армию в 80—100 тысяч человек и притом с громадной тяжелой артиллерией, доставка которой на реку Шахэ даст им подавляющий перевес над главными русскими силами.

Самодержавное правительство, по известиям заграничных газет, решило продолжать войну во что бы то ни стало и послать 200 000 войска Куропаткину. Очень может быть, что война протянется еще долго, но ее безнадежность уже очевидна, и все оттяжки будут только обострять те неисчислимые бедствия, которые несет русский народ за то, что терпит еще у себя на шее самодержавие. Японцы и до сих пор скорее и обильнее подкрепляли свои военные силы после каждого большого сражения, чем русские. А теперь, добившись полного господства на море и полного уничтожения одной из русских армий, они сумеют послать вдвое больше подкреплений, чем русские. Японцы до сих пор били и били русских генералов, несмотря на то, что вся масса лучшей артиллерии была у них занята в крепостной войне. Японцы добились теперь полного сосредоточения своих сил, а русским приходится опасаться не только за Сахалин, но и за Владивосток. Японцы заняли лучшую и наиболее населенную часть Манчжурии, где они могут содержать армию на средства завоеванной страны и при помощи Китая. А русским приходится все более ограничиваться припасами, привозимыми из России, и дальнейшее увеличение армии скоро станет для Куропаткина невозможным в силу невозможности подвоза достаточного количества припасов.

Но военный крах, понесенный самодержавием, приобретает еще большее значение, как признак крушения всей нашей политической системы. Безвозвратно канули в вечность те времена, когда войны велись наемниками или представителями полуоторванной от народа касты. Войны ведутся теперь народами, — даже Куропаткин, по свидетельству Немировича-Данченко, начал понимать теперь, что эта истина годится не для одних только прописей. Войны ведутся теперь народами, и потому особенно ярко выступает в настоящее время великое

свойство войны: разоблачение на деле, перед глазами десятков миллионов людей, того несоответствия между народом и правительством, которое видно было доселе только небольшому сознательному меньшинству. Критика самодержавия со стороны всех передовых русских людей, со стороны русской социал-демократии, со стороны русского пролетариата подтверждена теперь критикой японского оружия, подтверждена так, что невозможность жить при самодержавии *чувствуется* все более даже теми, кто не знает, что значит самодержавие, даже теми, кто знает это и всей душой хотел бы отстоять самодержавие. Несовместимость самодержавия с интересами всего общественного развития, с интересами всего народа (кроме кучки чиновников и тузов) выступила наружу, как только пришлось народу на деле, своей кровью, расплачиваться за самодержавие. Своей глупой и преступной колониальной авантюрой самодержавие завело себя в такой тупик, из которого может высвободиться только сам народ и только ценой разрушения царизма.

Падение Порт-Артура подводит один из величайших исторических итогов тем преступлениям царизма, которые начали обнаруживаться с самого начала войны и которые будут обнаруживаться теперь еще шире, еще более неудержимо. После нас хоть потоп! — рассуждал каждый маленький и большой Алексеев [7], не думая о том, не веря в то, что потоп действительно наступит. Генералы и полководцы оказались бездарностями и ничтожествами. Вся история кампании 1904 г. явилась, по авторитетному свидетельству одного английского военного обозревателя (в «Times» [8]), «преступным пренебрежением элементарных принципов морской и сухопутной стратегии». Бюрократия гражданская и военная оказалась такой же тупеядствующей и продажной, как и во времена крепостного права. Офицерство оказалось необразованным, неразвитым, неподготовленным, лишенным тесной связи с солдатами и не пользующимся их доверием. Темнота, невежество, безграмотность, забитость крестьянской массы выступили с ужасающей откровенностью при столкновении с прогрессивным народом в современной войне, которая так же необходимо требует высококачественного человеческого материала, как и современная техника. Без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне. Никакая выносливость, никакая физическая сила, никакая стадность и сплоченность массовой борьбы не могут дать перевеса в эпоху скорострельных малокалиберных ружей, машинных пушек, сложных технических устройств на судах, рассыпного строя в сухопутных сражениях. Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным. Царизм оказался помехой совре-

менной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела, — того самого дела, которому царизм отдавался всей душой, которым он всего более гордился, которому он приносил безмерные жертвы, не стесняясь никакой народной оппозицией. Гроб повапленный — вот чем оказалось самодержавие в области внешней защиты, наиболее родной и близкой ему, так сказать, специальности. События подтвердили правоту тех иностранцев, которые смеялись, видя, как десятки и сотни миллионов рублей бросаются на покупку и постройку великолепных военных судов, и говорили о бесполезности этих затрат при неумении обращаться с современными судами, при отсутствии людей, способных со знанием дела пользоваться новейшими усовершенствованиями военной техники. Отсталыми и никуда не годными оказались и флот, и крепость, и полевые укрепления, и сухопутная армия.

Связь между военной организацией страны и всем ее экономическим и культурным строем никогда еще не была столь тесной, как в настоящее время. Военный крах не мог не оказаться поэтому началом глубокого политического кризиса. Война передовой страны с отсталой сыграла и на этот раз, как неоднократно уже в истории, великую революционную роль. И сознательный пролетариат, будучи беспощадным врагом войны, неизбежного и неустранимого спутника всякого классового господства вообще, — не может закрывать глаза на эту революционную задачу, выполняемую разгромившей самодержавие японской буржуазией. Пролетариат враждебен всякой буржуазии и всяким проявлениям буржуазного строя, но эта враждебность не избавляет его от обязанности различения исторически прогрессивных и реакционных представителей буржуазии. Вполне понятно поэтому, что наиболее последовательные и решительные представители революционной международной социал-демократии, Жюль Гед во Франции и Гайндман в Англии, выразили без обиняков свои симпатии к Японии, громящей русское самодержавие. У нас в России нашлись, конечно, социалисты, которые проявили путаницу мысли и в этом вопросе. «Революционная Россия»[9] сделала выговор Геду и Гайндману, заявив, что социалист может быть лишь за рабочую, народную Японию, а не за буржуазную Японию. Этот выговор так же нелеп, как если бы стали осуждать социалиста за признание прогрессивности фритредерской буржуазии по сравнению с протекционистской. Гед и Гайндман не защищали японской буржуазии и японского империализма, но в вопросе о столкновении двух буржуазных стран они правильно отметили исторически-прогрессивную роль одной из них. Путаница мысли «социалистов-революционеров» явилась, конечно, неизбежным результатом непонимания классовой точки зрения

и исторического материализма нашей радикальной интеллигенцией. Не могла не проявить путаницы и новая «Искра». Она наговорила сначала немало фраз о мире во что бы то ни стало. Она метнулась затем «поправляться», когда Жорес наглядно показал, чьим интересам, прогрессивной или реакционной буржуазии, должна послужить квази-социалистическая кампания в пользу мира вообще. Она кончила теперь пошлыми рассуждениями о том, как неуместно «спекулировать» (!!?) на победу японской буржуазии, и о том, что война есть бедствие «независимо от того», кончится ли она победой или поражением самодержавия.

Нет. Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия. Это дело много выиграло от военного краха, внушающего страх всем европейским хранителям порядка. Революционный пролетариат должен неутомимо агитировать против войны, всегда памятуя при этом, что войны неустранимы, пока держится классовое господство вообще. Банальными фразами о мире à la* Жорес не поможешь угнетенному классу, который не отвечает за буржуазную войну между двумя буржуазными нациями, который все делает для свержения всякой буржуазии вообще, который знает необъятность народных бедствий и во время «мирной» капиталистической эксплуатации. Но, борясь против свободной конкуренции, мы не можем забывать ее прогрессивности по сравнению с полукрепостным строем. Борясь против всякой войны и всякой буржуазии, мы строго должны отличать в своей агитации прогрессивную буржуазию от крепостнического самодержавия, мы всегда должны отмечать великую революционную роль исторической войны, невольным участником которой является русский рабочий.

Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма. Война далеко еще не кончена, но всякий шаг в ее продолжении расширяет необъятно брожение и возмущение в русском народе, приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу. Недаром так тревожится самая спокойная и трезвенная европейская буржуазия, которая всей душой сочувствовала бы либеральным уступкам русского самодержа-

* — вроде. *Ред.*

вия, но которая пуще огня боится русской революции, как пролога революции европейской.

«Прочно укоренилось мнение, — пишет один из таких трезвенных органов немецкой буржуазии, — что взрыв революции в России вещь совершенно невозможная. Защищают это мнение всеми и всяческими доводами. Ссылаются на неподвижность русского крестьянства, на его веру в царя, зависимость от духовенства. Говорят, что крайние элементы среди недовольных представлены лишь маленькой горсткой людей, которые могут устроить путчи (мелкие вспышки) и террористические покушения, но никак не вызвать общее восстание. Широкой массе недовольных, говорят нам, нехватает организации, оружия, а главное — решимости рисковать собой. Русский же интеллигент настроен обыкновенно революционно лишь до тридцати, примерно, лет, а затем он прекрасно устраивается в уютном гнездышке казенного местечка, и большая часть горячих голов проделывает превращение в дюжинного чиновника». Но теперь, продолжает газета, целый ряд признаков свидетельствует о крупной перемене. О революции в России говорят уже не одни революционеры, а такие совершенно чуждые «увлечений», солидные столпы порядка, как князь Трубецкой, письмо которого к министру внутренних дел перепечатывается теперь всей заграничной печатью. «Боязнь революции в России имеет, видимо, фактические основания. Правда, никто не думает, что русские крестьяне возьмутся за вилы и пойдут бороться за конституцию. Но разве революции делаются в деревнях? Носителями революционного движения в новейшей истории давно стали крупные города. А в России именно в городах идет брожение с юга до севера и с востока до запада. Никто не возьмется предсказать, чем это кончится, но что число людей, считающих революцию в России невозможной, убывает с каждым днем, это факт несомненный. А если последует серьезный революционный взрыв, то более чем сомнительно, чтобы с ним сладило самодержавие, ослабленное войной на Дальнем Востоке».

Да. Самодержавие ослаблено. В революцию начинают верить самые неверующие. Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции. О ее продолжении печется само правительство своей военной авантюрой. О поддержке и расширении серьезного революционного натиска позаботится русский пролетариат.

«Вперед» № 2, 14(1) января 1905 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 8, стр. 31—39.

ЦАРСКИЙ МИР

Заграничные газеты сообщили, что на последних совещаниях в Царском Селе (после победы 9 января) при царе или без него оживленно обсуждался вопрос о желательности мира с Японией. В принципе теперь все окружающие обожаемого монарха стоят уже за мир. Число государственных сановников, десять дней тому назад бывших безусловно за продолжение войны, значительно убыло теперь, и многие из них стали уже убежденными сторонниками мира.

К сведению тех глупеньких социал-демократов из так называемого ЦО нашей партии, которые не понимали, что фразы о «мире *во что бы то ни стало*», оставаясь пустыми фразами (ибо никто не спрашивал о мнениях социал-демократов и от их мнения ничего не зависело), на деле, при данной конъюнктуре, служили лишь на руку испуганным сторонникам самодержавия. Наши новоискровцы прозевали поворот в настроении всей европейской буржуазии (начавшей с сочувствия Японии и ставшей давно уже переходить на сторону России из боязни революции — ср. «Frankfurter Zeitung» * и др.). Теперь они прозевывают, как пустые банальные фразы о мире *во что бы то ни стало* начинают утилизировать в своих целях и петербургские Угрюм-Бурчеевы [10].

Написано 19 января (1 февраля) 1905 г.
Впервые напечатано в 1931 г. в Ленинском сборнике XVI

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 8, стр. 104.

---

* — «Франкфуртская Газета». *Ред.*

ПЛАН ЧТЕНИЯ О КОММУНЕ [11]

1. Исторический очерк Коммуны.

Франция при Наполеоне III. Основа империализма: буржуазия уже не, пролетариат еще не [12]...

Авантюризм Наполеона III. Необходимость внешнего блеска, войн.

2. Рост пролетариата после июня 1848. Internationale Arbeiter Association* 1864. Преследование ее Наполеоном III.

Протест французских рабочих против войны (12 июля, Парижская секция Интернационала, S.** 16) и немецких (Брауншвейгское рабочее собрание 16 июля, Хемницкое, Берлинская секция Интернационала, S. 18) [13].

3. Седан: 2 сентября 1870 и провозглашение республики *4 сентября 1870*. Либеральные пройдохи захватывают власть.

Либеральные адвокаты и двуличные монархисты: *Тьер*.

4. Правительство национальной обороны = правительство народной измены. Трошю: «план» защиты Парижа. Комедия защиты. Геройство парижских рабочих. *Капитуляция* 28 января 1871.

5. Предписание Бисмарком условия созыва Национального собрания *в 8 дней* (S. 34) для решения вопроса о войне и мире. Интриги Тьера с монархистами.

Палата юнкеров (ruraux***). *Национальное собрание* в *Бордо* 630 членов = 30 бонапартистов + 200 республиканцев (100 умеренных и 100 радикалов) + 400 монархистов (200 орлеанистов + 200 легитимистов).

Разговор Тьера с Фаллу.

6. Провоцирование Парижа: назначение монархических послов; отнятие «30 су» у солдат национальной гвардии; в Париже префект полиции Валентэн, начальник национальной

---

* — Международное Товарищество Рабочих. *Ред.*

** — Seite — страница. *Ред.*

*** — деревенщина. *Ред.*

гвардии д'Ореаль де Паладин и др. (Трепов и Васильчиков!!) [14]; перенесение Национального собрания в Версаль; подавление республиканских газет и т. д. Стремление свалить расходы войны на бедных. (S. 35.) Вооруженные парижские рабочие и — монархическое собрание. Конфликт неизбежен.

7. Предостережение Маркса *: второй адрес Генерального Совета Интернационала 9 сентября 1870: «Не обольщаться национальными традициями 1792 г.», развернуть «организацию своего класса», не задаваться целью свергнуть правительство («отчаянная глупость»): S. 25. То же писал Евгений Дюпон, секретарь Интернационала (Генерального Совета) для Франции 7 сентября 1870 (Weill**, 134) [15].

8. Последний акт провокации. Отняты у национальной гвардии пушки 18 марта 1871. Обманные доводы Тьера. Покушение не удалось. Центральный комитет национальной гвардии объявил Коммуну. *Гражданская война началась* между Парижской Коммуной и Версальским правительством.

9. Направления в Коммуне: (а) *бланкисты*. Еще в ноябре *1880* Бланки в «Ni Dieu ni maître» *** порицает теорию классовой борьбы и отделение интересов пролетариата от интересов нации. (Weill, 229) (не отделяет рабочих от революционной буржуазии). (б) *прудонисты* (мутуалисты) «организация обмена и кредита».

Революционный инстинкт рабочего класса прорывается *вопреки* ошибочным теориям.

10. *Политические меры Коммуны:*

(1) уничтожение постоянного войска.
(2) уничтожение бюрократии а) выборность всех чиновников; б) жалование не > 6 000 fr.
(3) отделение церкви от государства
(4) введение бесплатного обучения

Программа-minimum

Коммуна и крестьяне. В 3 месяца было бы все иначе! (S. 49—50) ****.

Коммуна и Интернационал. Франкель, *поляки* (знамя всемирной республики).

11. *Экономические меры Коммуны.*

(1) запрещение ночной работы булочников.
(2) » штрафов.

---

* Contra (против. *Ред.*) Бланки, основавшего в 1870 «Patrie en danger». («Отечество в опасности». *Ред.*). (NB) (Nota bene — заметьте. *Ред.*).

** — Вейль. *Ред.*

*** — «Ни бога ни господина». *Ред.*

**** разоблачение «тайн»: проделки Трошю, «порядки» в монастырях (S. 54). *Сделано еще очень мало!*

(3) регистрация оставленных фабрик, передача в товарищества рабочих, с вознаграждением по определению посреднических комиссий. (S. 54.)

NB | Не взяли банка. Не прошел 8-часовой рабочий день Weill, 142.

(4) приостановка продажи залогов. Отсрочка платежа (квартирной платы).

12. Крах. Недостатки организации. Оборонительное положение. Сделка Тьера с Бисмарком (роль Бисмарка = наемный убийца). *Кровавая неделя 21—28 мая 1871.*

Ужасы ее, ссылка etc. * Клеветы (S. 65—66).

Дети и женщины...

P. ** 487: 20 000 убито на улицах, 3 000 умерло в тюрьмах etc. Военные суды: до 1 января 1875 осуждено *13 700* человек (80 женщин, 60 детей), ссылка, тюрьма [16].

13. Уроки: буржуазия пойдет *на все*. Сегодня либералы, радикалы, республиканцы, завтра измена, расстрелы.

Самостоятельная организация пролетариата — классовая борьба — гражданская война.

На плечах Коммуны стоим мы все в теперешнем движении.

Написано в феврале — марте 1905 г.
Впервые напечатано в 1931 г. в Ленинском сборнике XVI

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 8, стр. 180—182.

---

* — et cetera — и так далее. *Ред.*
** — Page — страница. *Ред.*

ЕВРОПЕЙСКИЙ КАПИТАЛ И САМОДЕРЖАВИЕ

Социал-демократическая печать указывала уже неоднократно, что европейский капитал спасает русское самодержавие. Без иностранных займов оно не могло бы держаться. Французской буржуазии было выгодно поддерживать своего военного союзника, особенно пока платежи по займам поступали исправно. И французские буржуа ссудили самодержавному правительству маленькую сумму *миллиардов в десять франков* (до 4 000 миллионов рублей).

Но... ничто не вечно под луной! Война с Японией, разоблачив всю гнилость самодержавия, подорвала наконец и его кредит даже у «дружественной и союзной» французской буржуазии. Во-первых, война показала военную слабость России: во-вторых, непрерывный ряд поражений, одно другого тяжеле, показал безнадежность войны и неминуемость полного краха всей правительственной системы самодержавия; в-третьих, внушительный рост революционного движения в России вызвал у европейской буржуазии смертельный страх перед таким взрывом, который может зажечь и Европу. Горючего материала накоплено за последние десятилетия горы. И вот, все эти обстоятельства, вместе взятые, привели наконец к отказу в дальнейших ссудах. Недавняя попытка самодержавного правительства занять, по-старому, у Франции не удалась: с одной стороны, капитал уже не верит самодержавию; с другой стороны, боясь революции, капитал хочет оказать давление на самодержавие в целях заключения мира с Японией и мира с либеральной русской буржуазией.

Европейский капитал спекулирует на мир. Буржуазия не только в России, но и в Европе начала понимать связь войны с революцией, начала бояться действительно народного и победоносного движения против царизма. Буржуазия хочет сохранить «общественный порядок» основанного на эксплуатации общества от чрезмерных потрясений, хочет сохранить русскую монархию в виде конституционной, или якобы конституционной, монархии, и поэтому буржуазия спекулирует на

мир в интересах противопролетарских и антиреволюционных. Этот несомненный факт наглядно показывает нам, как даже такой «простой» и ясный вопрос, как вопрос о войне и мире, не может быть правильно поставлен, если упускается из виду классовый антагонизм современного общества, если упускается из виду, что буржуазия при всех и всяких ее выступлениях, как бы демократичны и гуманитарны они ни казались, оберегает прежде всего и больше всего интересы своего класса, интересы «социального мира», т. е. интересы подавления и обезоружения всех угнетенных классов. Пролетарская постановка вопроса о мире так же неизбежно поэтому отличается и должна отличаться от буржуазно-демократической постановки этого вопроса, как это имеет место и по отношению к свободной торговле, к антиклерикализму и т. п. Пролетариат борется и всегда будет неуклонно бороться против войны, не забывая, однако, ни на минуту, что уничтожение войн возможно лишь наряду с полным уничтожением деления общества на классы, что при сохранении классового господства нельзя оценивать войны с одной только демократически сентиментальной точки зрения, что при войне между эксплуататорскими нациями необходимо различать роль прогрессивной и реакционной буржуазии той или иной нации. Русской социал-демократии пришлось применить на деле эти общие положения марксизма к японской войне. Когда мы рассматривали ее значение (№ 2 «Вперед», статья: «Падение Порт-Артура» *), мы указали, как сбились на ошибочную, буржуазно-демократическую точку зрения не только наши социалисты-революционеры (порицавшие Геда и Гайндмана за сочувствие Японии), но и новоискровцы. У последних это выразилось в рассуждениях, во-первых, о «мире *во что бы то ни стало*», и, во-вторых, о непозволительности «спекуляции на победу японской буржуазии». И те и другие рассуждения были достойны лишь буржуазного демократа, ставящего политические вопросы на сентиментальную почву. Теперь действительность показала, что «мир *во что бы то ни стало*» стал лозунгом европейских биржевиков и реакционеров (кн. Мещерский в «Гражданине» [17] ясно указывает уже теперь на необходимость мира для спасения самодержавия). Спекуляция на мир в целях подавления революции выступила перед нами воочию, как спекуляция реакционера в противоположность спекуляции *прогрессивной* буржуазии на победу японской буржуазии. Новоискровские фразы против «спекуляции» вообще оказались именно сентиментальными фразами, чуждыми классовой точки зрения и учета различных сил.

* См. настоящий сборник, стр. 27—28. *Ред.*

События, показавшие новый облик реакционной буржуазии, били в глаза так ярко, что теперь и «Искра» начала понимать свою ошибку. Если за статью нашу в № 2 «Вперед» она сердито «огрызалась» в № 83, то теперь в № 90 мы с удовольствием читаем (передовица): «Нельзя требовать *только* мира, потому что мир при сохранении самодержавия будет означать гибель страны». Вот это так: нельзя требовать только мира, ибо царский мир не лучше (а иногда хуже) царской войны; нельзя ставить лозунга «мир во что бы то ни стало», а лишь мир вместе с падением самодержавия, мир, заключенный освобожденным народом, свободным учредительным собранием, т. е. мир не любой ценой, а исключительно ценой низвержения абсолютизма. Будем надеяться, что, поняв это, «Искра» поймет и неуместность своих высоконравственных тирад против спекуляции на победу японской буржуазии.

Но вернемся к европейскому капиталу и его политической «спекуляции». До какой степени трусит царская Россия этого капитала, видно, между прочим, из следующего поучительного происшествия. Орган консервативной английской буржуазии, «Times»*, поместил статью «Платежеспособна ли Россия?». В статье обстоятельно доказывалась «хитрая механика» финансовых проделок гг. Витте, Коковцева и компании. Они хозяйничают вечно в убыток. Они вывертываются только входя глубже и глубже в долги. При этом выручка от займов помещается, на время от одного займа до другого, в государственное казначейство, и на «золотой запас» с торжеством указывают, как на «свободную наличность». Золото, полученное взаймы, показывается всем и каждому, как доказательство богатства и платежеспособности России! Неудивительно, что английский купец сравнил эту проделку со штукой знаменитых мошенников Эмберов, которые показывали занятые или мошенничеством добытые деньги (или даже шкаф якобы с деньгами) для того, чтобы заключать новые займы! «Частые появления русского правительства в качестве должника на континентальных рынках — писал *«Таймс»* — вызываются не недостатком капитала, не потребностью производительных предприятий или временными и исключительными расходами, а почти исключительно нормальным дефицитом национального дохода. А это значит, что при таком положении дел Россия прямиком идет к банкротству. Ее национальный баланс с каждым годом погружает ее глубже в долги. Ее долги пред иностранцами превышают народные средства, и у нее реального обеспечения этих долгов нет. Ее золотой запас есть колоссальный эмберов шкаф, пресловутые миллионы в котором ссужены

* — «Таймс» («Времена»). *Ред.*

жертвами обмана и служат для дальнейшего их обманывания».

Хитро, не правда ли? Наметить себе жертву для обмана, занять у нее деньги. Затем эти же деньги показывать ей же, как доказательство богатства, и добывать от нее же новые займы!

Сравнение с известной мошеннической семьей Эмберов было до того метко и так пригвоздило к позорному столбу «суть» и смысл знаменитой «свободной наличности», что статья солидной консервативной газеты наделала шуму. Сам министр финансов Коковцев послал телеграмму в *«Таймс»*, которую эта газета тотчас и напечатала (23/10 марта). Обиженный Коковцев приглашал в этой телеграмме редакцию *«Таймса»* приехать в Питер и проверить лично размер золотого запаса. Редакция ответила благодарностью за любезное приглашение и отказом на том простом основании, что обидевшая царского слугу статья ничуть не отрицает, что золотой запас имеется налицо. Сравнение с Эмберами означало не то, что у России нет золотого запаса, на который она ссылается, а то, что этот запас есть в сущности чужие, занятые и ничем не обеспеченные деньги, которые нисколько не говорят о богатстве России и на которые ссылаться при дальнейших займах смешно!

Г. Коковцев не понял *соли* остроумного и злого сравнения и насмешил своей телеграммой весь мир. Проверять запасы золота в банках не входит в обязанности журналистов, — отвечал *«Таймс»* министру финансов. И в самом деле, обязанностью печати было раскрыть суть проделки, совершаемой при помощи этих реально-существующих, но фиктивно выставляемых в доказательство богатства страны «золотых запасов». Не в том вопрос, — поучала русского министра газета в статье по поводу этой комической телеграммы, — не в том вопрос, есть у вас этот золотой запас или нет. Мы верим, что есть. Вопрос в том, каков ваш актив и пассив? какова сумма ваших долгов и обеспечения их? или, говоря проще, ваш ли этот у вас лежащий запас или занятый в долг и подлежащий возврату, причем вернуть-то вам всего долга не из чего? И английские буржуа, высмеивая глупенького министра, разжевывали ему на все лады эту не бог весть какую хитрую штуку, добавляя поучительно: если вы ищете кого-нибудь для проверки вашего кредита и дебета, то почему бы вам не обратиться к представителям русского народа? Представители народа как раз хотят теперь собраться в земский собор или национальное собрание, — как оно у вас там называется. Они наверно не откажутся проверить *как следует* не один только пресловутый «золотой запас», а *все* финансовое хозяйство самодержавия. И они, наверное, сумеют произвести такую проверку досконально и с полным знанием дела.

«А может быть — саркастически заканчивал *«Таймс»*, — может быть уверенность в том, что представительное собрание будет настаивать на своем праве произвести такую проверку, эта уверенность и заставляет царское правительство бояться созыва такого собрания, по крайней мере в том случае, если бы это собрание обладало хоть какой-нибудь реальной властью?»

Вопрос ядовитый. И он тем более ядовит, тем более многозначителен, что задает его в сущности не газета *«Таймс»*, а вся *европейская буржуазия*, — задает его не для полемической выходки, а прямо выражая этим вопросом свое недоверие самодержавию, свое нежелание ссужать ему деньги, свое стремление иметь дело с законным представительством русской буржуазии. Это не вопрос, а предостережение. Это не насмешка, а *ультиматум*, ультиматум европейского капитала русскому самодержавию. Если союзники Японии, англичане, формулируют этот ультиматум в виде сарказма, то союзники России, французы, в лице консервативнейшей и буржуазнейшей газеты «Temps»*, говорят то же самое лишь помягче, золотя пилюли, но по существу все-таки отказываясь больше давать займы, советуя самодержавию заключить мир и с Японией и с русскими буржуазными либералами. Вот еще голос не менее солидного английского журнала «The Economist» («Экономист»): «Правда насчет русских финансов начинает наконец сознаваться во Франции. Мы указывали уже много раз, что Россия давно живет на занятые деньги, что ее бюджеты вопреки радужным заявлениям всех министров финансов, сменяющих один другого, сводятся год за годом с крупным дефицитом, хотя эти дефициты и скрываются прехитро посредством бухгалтерских ухищрений; — что наконец пресловутая «свободная наличность» состоит главным образом из выручки от займов и частью из вкладов в государственный банк». И, высказавши таким образом русскому самодержавию горькую правду, этот специальный финансовый журнал считает однако необходимым добавить буржуазные утешения: дескать, если вы сумеете теперь немедленно заключить мир и сделать уступочки либералам, то Европа, несомненно, опять начнет давать вам займы миллионы да миллионы.

Перед нами происходит то, что можно назвать спекуляцией международной буржуазии на избавление России от революции и царизма от полного краха. Спекулянты оказывают давление на царя путем отказа в займе. Они пускают в ход свою силу — силу денежного мешка. Они хотят умеренного и акку-

---

* — «Время». *Ред.*

ратного буржуазно-конституционного (или якобы конституционного) порядка в России. Они сплачиваются под влиянием быстро развивающихся событий все теснее в один буржуазный противореволюционный союз, вопреки различиям национальностей, французские биржевики и английские тузы, немецкие капиталисты и русские купцы. В духе этой умереннейшей буржуазной партии действует «Освобождение». В № 67, излагая «программу демократической партии», признавая даже (надолго ли?) всеобщее, прямое и равное избирательное право с тайной подачей голосов (и обходя скромным молчанием вооружение народа!), г. Струве заканчивает свое новое profession de foi* таким характерным заявлением, печатаемым «для ради важности» жирным шрифтом: «В настоящий момент вне программы и *над программой всякой прогрессивной* партии в России должно стоять требование немедленного прекращения войны. Практически это означает, что *существующее в данный момент в России правительство* должно — при посредничестве Франции — начать переговоры о мире с японским правительством». Кажется, рельефнее нельзя выставить различие буржуазно-демократического и социал-демократического требования прекратить войну. Революционный пролетариат ставит это требование не «над программой», обращается с ним не к «существующему в данный момент правительству», а к свободному, действительно суверенному, народному учредительному собранию. Революционный пролетариат не «спекулирует» на посредничестве французской буржуазии, добивающейся мира заведомо в антиреволюционных и противопролетарских интересах.

Наконец, в сущности, с этой же международной партией умеренной буржуазии торгуется теперь г. Булыгин, ловко выигрывая время, утомляя противника, кормя его завтраками, не давая абсолютно ничего положительного, оставляя все, решительно все в России по-старому, начиная от посылки войск против стачечников, продолжая арестами неблагонадежных лиц и репрессиями печати, кончая подлым натравливанием крестьян на интеллигентов и зверской поркой восстающих крестьян. А либералы идут на удочку, некоторые начинают уже верить Булыгину, и г. Кузьмин-Караваев в юридическом обществе убеждает либеральное общество пожертвовать всеобщим избирательным правом ради... ради... ради прекрасных глаз г. Булыгина [18]!

Международному союзу умеренной консервативной буржуазии может противостоять только одна сила: международный союз революционного пролетариата. Этот союз образовался

* — символ веры, программа, изложение миросозерцания. *Ред.*

уже вполне в смысле политической солидарности. Что же касается практической стороны дела и революционного почина, то в этом отношении все зависит от рабочего класса России и успеха его совместного демократического выступления на решительный бой вместе с миллионами городской и деревенской бедноты.

«Вперед» № 13,
5 апреля (23 марта) 1905 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 8, стр. 238—245.

РАЗГРОМ

Морской бой в Корейском проливе заполонил внимание политической печати всего мира. Сначала царское правительство пыталось скрыть горькую истину от своих верноподданных, но скоро убедилось в безнадежности такой попытки. Скрыть полный разгром всего русского флота было бы все равно невозможно.

Оценивая политическое значение последнего морского боя, приходится повторять то, что мы говорили в № 2 «Вперед» * по поводу падения Порт-Артура. Полный военный крах царской России стал очевиден уже тогда, но балтийская эскадра внушала еще русским патриотам тень надежды. Все понимали, что окончательный исход войны зависит от победы той или другой стороны на море. Самодержавие видело, что несчастный исход войны равносилен победе «внутреннего врага», т. е. победе революции. Поэтому на карту было поставлено все. Сотни миллионов рублей были затрачены на спешную отправку балтийской эскадры. С бору да с сосенки собран экипаж, наскоро закончены последние приготовления военных судов к плаванию, увеличено число этих судов посредством добавления к новым и сильным броненосцам «старых сундуков». Великая армада, — такая же громадная, такая же громоздкая, нелепая, бессильная, чудовищная, как вся Российская империя, — двинулась в путь, расходуя бешеные деньги на уголь, на содержание, вызывая общие насмешки Европы, особенно после блестящей победы над рыбацкими лодками, грубо попирая все обычаи и требования нейтралитета. По самым скромным расчетам, эта армада стоила до 300 миллионов рублей, да посылка ее обошлась в 100 миллионов рублей, — итого *400 миллионов рублей* выброшено на эту последнюю военную ставку царского самодержавия.

Теперь и последняя ставка побита. Этого ожидали все, но никто не думал, чтобы поражение русского флота оказалось

---

* См. настоящий сборник, стр. 23—29. *Ред.*

таким беспощадным разгромом. Точно стадо дикарей, армада русских судов налетела прямиком на великолепно вооруженный и обставленный всеми средствами новейшей защиты японский флот. Двухдневное сражение, — и из двадцати военных судов России с 12—15 тысячами человек экипажа потоплено и уничтожено тринадцать, взято в плен четыре, спаслось и прибыло во Владивосток только одно («Алмаз»). Погибла большая половина экипажа, взят в плен «сам» Рождественский и его ближайший помощник Небогатов, а весь японский флот вышел невредимым из боя, потеряв всего три миноносца.

Русский военный флот окончательно уничтожен. Война проиграна бесповоротно. Полное изгнание русских войск из Манчжурии, отнятие японцами Сахалина и Владивостока — теперь лишь вопросы времени. Перед нами не только военное поражение, а полный военный крах самодержавия.

Значение этого краха, как краха всей политической системы царизма, становится все яснее и для Европы и для всего русского народа с каждым новым ударом, наносимым японцами. Все ополчается против самодержавия, — и оскорбленное национальное самолюбие крупной и мелкой буржуазии, и возмущенная гордость армии, и горечь утраты десятков и сотен тысяч молодых жизней в бессмысленной военной авантюре, и озлобление против расхищения сотен миллионов народных денег, и опасения неизбежного финансового краха и долгого экономического кризиса вследствие такой войны, и страх перед грозной народной революцией, которую (по мнению буржуазии) царь мог бы и должен бы был избежать путем своевременных «благоразумных» уступок. Растет и ширится требование мира, негодует либеральная печать, начинают грозить даже умереннейшие элементы, вроде землевладельцев «шиповского» направления, требует немедленного созыва народных представителей даже холопское «Новое Время».

Европейская буржуазия, этот вернейший оплот царской власти, начинает тоже терять терпение. Ее пугает неизбежная перегруппировка в международных отношениях, растущее могущество молодой и свежей Японии, потеря военного союзника в Европе. Ее беспокоит судьба тех миллиардов, которые она великодушно ссудила самодержавию. Ее серьезно тревожит революция в России, слишком волнующая европейский пролетариат и грозящая всемирным революционным пожаром. Во имя «дружбы» с царизмом она взывает к его благоразумию, настаивает на необходимости мира — мира с японцами и мира с либеральной русской буржуазией. Европа нисколько не закрывает глаз на то, что мир с Японией может быть куплен теперь лишь очень дорогой ценой, но она трезво и деловито рассчитывает, что каждый новый месяц войны извне и рево-

люции внутри неизбежно повышает эту цену и увеличивает опасность такого революционного взрыва, который как песчинку сметет всю политику «уступок». Европа понимает, что самодержавию страшно трудно, почти невозможно уже остановиться теперь, — слишком далеко оно зашло, и вот она, эта буржуазная Европа, старается успокоить и себя самое и своего союзника розовыми мечтами.

Вот что пишет, например, газета французской патриотической буржуазии, «Le Siècle»*, в статейке Корнели, озаглавленной «Конец одной эпопеи»: «Теперь, когда русские разбиты на море после ряда поражений на суше, на их правительство ложится обязанность заключить мир и преобразовать свои военные силы. Правительства авантюристские бывают иногда вынуждены в силу своих притязаний или в целях своей безопасности вовлекать в войну те народы, над которыми они властвуют. И, так как для таких правительств ставкой в борьбе за победу является самое их существование, то они требуют от их народов новых и новых жертв, ведя их таким образом к конечной гибели. Такова была во Франции история двух наших империй. Такова была бы история и третьей империи, если бы удалось создать таковую у нас.

Наоборот, положение русского правительства именно не таково; оно держится за самые недра русского народа, и общие несчастья не разъединяют правительство и народ, а лишь теснее спаивают их друг с другом. Побежденный Цезарь не есть уже Цезарь. Несчастный царь может остаться священным и популярным царем».

Увы, увы! Хвастовство шовинистского французского лавочника «уже слишком явно», его уверения, будто война не разъединила русского правительства и народа, настолько противоречат общеизвестным фактам, что вызывают улыбку и кажутся наивной и невинной хитростью. Чтобы предостеречь своего друга и союзника, русского самодержца, от неизбежного краха, к которому он, как истинный «Цезарь», идет слепо и упорно, французский буржуа ласково уверяет этого Цезаря, что он не должен походить на других цезарей, что у него есть еще иной, лучший выход. «Чего хочется, тому верится». Французской буржуазии так хочется иметь могущественного союзника — царя, что она убаюкивает себя романтической сказкой о несчастье, спаивающем русский народ с царем. Серьезно и сам г. Корнели не верит, разумеется, в эту сказку, — тем менее нам стоит брать ее всерьез.

Авантюристскими бывают не только правительства цезарей, но и правительства законнейших монархов старейшей

* — «Век». *Ред.*

династии. В русском самодержавии, отставшем от истории на целое столетие, авантюристского больше, чем в любой из французских империй. Самодержавие именно по-авантюристски бросило народ в нелепую и позорную войну. Оно стоит теперь перед заслуженным концом. Война вскрыла все его язвы, обнаружила всю его гнилость, показала полную разъединенность его с народом, разбила единственные опоры цезарьянского господства. Война оказалась грозным судом. Народ уже произнес свой приговор над этим правительством разбойников. Революция приведет этот приговор в исполнение.

«Пролетарий» № 8,
9 июня (27 мая) 1905 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 8, стр. 448—451.

РУССКИЙ ЦАРЬ ИЩЕТ ЗАЩИТЫ ОТ СВОЕГО НАРОДА У ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА

Заграничная печать всех стран и всех партий полна известиями, телеграммами, статьями по поводу перехода части судов Черноморского флота на сторону русской революции. Газеты не находят слов для выражения своего изумления, для достаточно сильной характеристики того позора, до которого довело себя самодержавное правительство.

Верхом этого позора было *обращение царского правительства к Румынии и Турции с просьбой о полицейской помощи* против восставших матросов! Вот когда сказалось, что «турки внутренние» страшнее для русского народа, чем всякие «турки внешние». Турецкий султан должен защитить царское самодержавие от русского народа; — царю нельзя опереться на русские военные силы, и он молит о помощи чужие державы. Трудно представить себе лучшее доказательство полного краха царской власти. Трудно подыскать лучший материал для разъяснения солдатам русской армии их роли.

Вот что пишет в передовой статье 4-го июля (н. ст.) газета *«Таймс»;* — надо заметить, что это одна из самых богатых и наилучше осведомленных во всем мире газет, орган консервативной английской буржуазии, находящий даже наших «освобожденцев» непомерно радикальными, сочувствующий «шиповцам» и т. д. Одним словом, в преувеличении сил и значения русской революции никто уже не заподозрит эту газету.

«Бессилие русского правительства на море — пишет *«Таймс»* — нашло себе поразительное подтверждение в той ноте, с которой, как сообщают, оно обратилось к *Порте* (т. е. к *турецкому* правительству) и к *румынскому* правительству. В этой ноте русское правительство просит названные государства рассматривать возмутившихся матросов русского флота, как обыкновенных уголовных преступников, и предостерегает их, что в противном случае возможны международные осложнения. Другими словами, правительство царя унизилось до

того, что умоляет *турецкого султана* и *короля румынского* быть настолько добрыми и выполнить для него ту полицейскую работу, которую оно само для себя выполнить уже не в состоянии. Остается выждать, соблагоизволит ли *Абдул-Гамид* оказать царю просимую им помощь или нет. До сих пор единственным результатом восстания матросов с точки зрения его влияния на турецкие власти было то, что оно побудило их к более строгому, чем обыкновенно, надзору; причем первой жертвой этого надзора оказалось в субботу русское судно береговой обороны, на котором вечером, когда уже было темно, въезжал в Босфор *русский посол*. Турки выстрелили по этому судну холостым зарядом. Год тому назад турки вряд ли решились бы таким способом осуществить свой надзор. Что касается до румынского правительства, то оно поступило правильно, игнорируя просьбу рассматривать восставших матросов, как уголовных преступников. Этого, конечно, и следовало ожидать от правительства нации, уважающей самое себя. Румынское правительство приказало не давать ни припасов, ни угля «Потемкину», но оно сообщило в то же время его 700 матросам, что если они высадятся на берег в Румынии, то их будут рассматривать лишь как иностранных дезертиров».

Итак, румынское правительство отнюдь не на стороне революции, ничего подобного! Но унижаться до полицейской службы всеми ненавидимому и презираемому царю всей России оно все же не хочет. Оно отказывает царю в его просьбе. Оно поступает, как только и может поступать «правительство *нации, уважающей себя*».

Вот как говорят теперь в Европе о русском самодержавном правительстве, говорят те люди, которые еще вчера подобострастно кланялись «великому и могучему монарху»!

Теперь и в немецких газетах есть подтверждение этого нового неслыханного позора самодержавия. В «Франкфуртскую Газету» телеграфируют из *Константинополя* от 4 июля н. ст.: «Русский посол Зиновьев передал вчера турецкому правительству ноту петербургского кабинета, в которой сообщается, что около 400 русских матросов, потопив один крейсер, спаслись третьего дня на одно английское торговое судно, шедшее по направлению к Константинополю. Русский посланник требует от Турции безусловного задержания этого торгового судна при переходе его через Босфор, а также ареста и выдачи возмутившихся русских матросов. Турецкое правительство в тот же вечер собрало на экстренное заседание совет министров, который обсудил русскую ноту. Турция ответила русскому посольству, что исполнение его требования для нее *невозможно*, ибо по международному праву Турция не имеет прав полицейского надзора за судами, идущими под английским флагом, даже

тогда, когда эти суда находятся в турецких гаванях. Кроме того между Россией и Турцией нет договора о выдаче преступников».

Турция ответила «мужественно», — замечает по этому поводу немецкая газета. Турки не хотят быть полицейскими прислужниками царя!

Сообщают также, что когда миноносец «Стремительный» * вместе с несколькими другими военными судами пришел в Констанцу (Румыния) в поисках за «Потемкиным», то румынское правительство указало русским властям, что в румынских водах за порядком наблюдает румынская армия и румынская полиция даже в том случае, если бы «Потемкин» находился еще в румынских водах.

Оказывается таким образом, что вместо беспокойства иностранным судам со стороны «Потемкина» (чем пугало Европу царское самодержавие) неприятности сыплются теперь на них от русского флота. Англичане возмущены задержанием и обыском в Одессе их судна «Granley». Немцы негодуют по поводу слухов о том, что турки остановят и обыщут, по просьбе русских, идущее из Одессы в Константинополь немецкое судно «Пера». Может быть, при таких обстоятельствах не так-то легко будет России получить помощь от Европы против русских революционеров. Вопрос об оказании такой помощи обсуждают очень многие заграничные газеты, но большей частью они приходят к выводу, что не дело Европы помогать царю бороться против «Потемкина». В немецкой газете «Berliner Tageblatt»** появилось сообщение, что русское правительство обратилось и к державам с просьбой послать их военные суда из Константинополя в Одессу, чтобы помочь восстановить порядок! Насколько верно это сообщение (опровергаемое некоторыми другими газетами), покажет недалекое будущее. Несомненно одно, что переход «Потемкина» на сторону восстания сделал первый шаг к превращению русской революции в международную силу, в сопоставлении ее лицом к лицу с европейскими государствами.

Этого обстоятельства не надо забывать при оценке того сообщения, которое делает г. *Леру* в телеграмме от 4/VII н. ст. из Петербурга в парижскую газету «Le Matin»***: «Во всем этом происшествии с «Потемкиным» — пишет он — поразительна непредусмотрительность русских властей, но нельзя не отметить также недостатки в *организации революции*. Ре-

---

* На «Стремительном», говорят, нет матросов. Почти вся команда состоит из одних офицеров. Аристократия против народа!

** — «Берлинская Ежедневная Газета». *Ред.*

*** — «Утро». *Ред.*

волюция овладевает броненосцем — событие, невиданное в истории! — не зная в то же время, что с ним делать».

Тут есть большая доля правды, несомненно. Мы повинны, спора нет, в недостаточной организованности революции. Мы повинны в слабости сознания некоторых социал-демократов насчет необходимости организовать революцию, поставить восстание в число неотложных практических задач, пропагандировать необходимость временного революционного правительства. Мы заслужили то, что нам, революционерам, делают теперь буржуазные писатели упреки по поводу плохой постановки революционных функций.

Но заслужил ли этот упрек броненосец «Потемкин», — мы не решимся сказать. Может быть, его команда преследовала именно ту цель, чтобы показаться в гавани европейской державы? Разве русское правительство не скрывало от народа вестей о событиях в Черноморском флоте до тех пор, пока «Потемкин» не пошел свободно в Румынию? И в Румынии революционный броненосец передал консулам прокламацию с объявлением войны царскому флоту, с подтверждением того, что по отношению к нейтральным судам он не позволит себе никаких враждебных действий. *Русская революция объявила Европе об открытой войне русского народа с царизмом.* Фактически, русская революция делает этим попытку выступить от имени нового, революционного правительства России. Несомненно, что это лишь первая, слабая попытка, — но «лиха беда начало», говорит пословица.

По последним известиям, «Потемкин» пришел в Феодосию, требуя припасов и угля. Городское население волнуется. Рабочие требуют удовлетворения просьбы революционного броненосца. Дума постановляет отказать в угле, но дать провизию. Весь юг России волнуется так, как никогда. Число жертв гражданской войны в Одессе исчисляется в *6 000 человек.* Телеграфируют о расстреле 160 инсургентов военным судом, о том, что из Петербурга дан приказ *«не давать пощады!».* Но войска бессильны, войска сами ненадежны. В фабричных предместьях Одессы волнение не утихает. В прошлую ночь (с 4 на 5 июля н. ст.) убито 35 человек. Большая часть войск, по приказу генерал-губернатора, выведена из города, потому что *среди войск обнаружился серьезный недостаток дисциплины.* В Николаеве и Севастополе произошли волнения в правительственных арсеналах. В Севастополе убито 13 человек. В пяти уездах Херсонской губернии идут крестьянские восстания. *В последние четыре дня убито до 700 крестьян.* «Начинается, повидимому, — так гласит телеграмма из Одессы в

Лондон от 5/VII н. ст. — борьба не на жизнь, а на смерть между народом и бюрократией».

Да, настоящая борьба за свободу, борьба не на жизнь, а на смерть только еще начинается. Революционный броненосец еще не сказал своего последнего слова. Да здравствует же революционная армия! Да здравствует революционное правительство!

«Пролетарий» № 7,
10 июля (27 июня) 1905 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 8, стр. 533—537.

ИЗ СТАТЬИ
«ПРОЛЕТАРИАТ БОРЕТСЯ, БУРЖУАЗИЯ КРАДЕТСЯ К ВЛАСТИ»

Во время войны дипломатии нечего делать. По окончании военных действий дипломаты выдвигаются на первый план, подводя итоги, составляя счета, упражняясь в честном маклерстве.

Нечто подобное происходит и в русской революции. Во время военных столкновений народа с силами самодержавия либеральные буржуа прячутся по своим норам. Они против насилия сверху и снизу, они враги и произвола власти и анархии черни. Они выходят на сцену по окончании военных действий, и в их политических решениях ясно отражается перемена в политической ситуации, произведенная этими действиями. Либеральная буржуазия «порозовела» после 9-го января; она начинает «краснеть» теперь после одесских событий, ознаменовавших (в связи с событиями на Кавказе, в Польше и т. д.) крупный рост народного восстания против самодержавия за полгода революции...

«Пролетарий» № 10, 2 августа (20 июля) 1905 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 9, стр. 147.

ИЗ СТАТЬИ
«СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ И ТАКТИКА РАБОЧЕЙ ПАРТИИ» [19]

...Партизанские выступления не месть, а военные действия. Они так же мало похожи на авантюру, как набеги охотничьих дружин на тыл неприятельской армии во время затишья на главном поле сражения непохожи на убийства дуэлянтов или заговорщиков. Партизанские действия боевых дружин, образованных давно уже социал-демократами обеих фракций во всех крупнейших центрах движения и включающих в себя, главным образом, рабочих, несомненно связаны с настроением масс самым явным, самым непосредственным образом. Партизанские действия боевых дружин непосредственно готовят боевых руководителей масс. Партизанские действия боевых дружин теперь не только не являются результатом неверия в восстание или невозможности восстания, а, напротив, являются необходимой составной частью происходящего восстания. Конечно, во всём и всегда возможны ошибки, возможны неуместные попытки выступлений не во-время; возможны увлечения и крайности, которые всегда и безусловно вредны и способны повредить самой верной тактике. Но факт тот, что мы до сих пор страдаем в большинстве чисто-русских центров от другой крайности, от недостаточной инициативности наших боевых дружин, от недостатка у них боевого опыта, от малой решительности их выступлений. Нас опередили в этом отношении и Кавказ, и Польша, и Прибалтийский край, т. е. именно такие центры, где движение всего дальше ушло от старого террора, где восстание подготовлено всего лучше, где массовый характер пролетарской борьбы всего сильнее и ярче выражен.

Нам надо догонять эти центры. Нам надо не удерживать, а поощрять партизанские выступления боевых дружин, если мы не на словах только хотим готовить восстание и признали пролетариат всерьез готовым к восстанию...

«Партийные Известия» № 1, 7 февраля 1906 г. Подпись: Большевик

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 10, стр. 99—100.

ИЗ СТАТЬИ
«НОВЫЙ ПОДЪЕМ»

...Мы переживаем начало нового общественного подъема. И движение безработных, и первое мая, и усиление брожения в крестьянстве, в войсках, и митинги, и печать, и союзы, — все свидетельствует о новом подъеме самым недвусмысленным образом. Подъем широкого народного движения уже обогнал, в какие-нибудь несколько дней, тот подъем, который выразился в победе кадетов и «левых» вообще на выборах. Кадеты уже отстали. Кадетская Дума уже блекнет, отцветает, не успевши расцвесть. Прехарактерным выражением этого отцветания наших мелкобуржуазных пустоцветов, этой растерянности кадетов явилась, между прочим, статья г. Д. Протопопова (к.-д., член Гос. думы) во вчерашней «Думе». Г. Протопопов жалуется и плачет: «Страна ждет от Государственной думы коренного и немедленного разрешения ряда самых сложных вопросов и, главное, столь же немедленного практического осуществления ожидаемых реформ». Помилосердствуйте, сограждане, — взывает кадет. — Ведь у нас нет ни «жезла чародея», ни «полноты власти» (кадет забывает добавить, что полноты власти для народа нет и в программе, т. е. в политическом идеале, к.-д.). Ведь Гос. дума не Конвент. И с уст кадета срывается бесподобное, почти трогательное признание перепуганного мещанина: «Лишь такая Дума-Конвент могла бы удовлетворить требования значительной части нашего общества». Что верно, то верно. «Значительная часть», пожалуй даже масса крестьян и рабочих, требует Конвента, а получает... Думу кадетов. Бедные, бедные кадеты! Могли ли они ждать, что подъем так быстро и так безнадежно обгонит их?

И вот этот великий подъем служит материальной основой того явления, что борьба необыкновенно обостряется, что «мирный парламентаризм» блекнет и отходит на задний план, что игра в конституцию сменяется непосредственным реше-

нием государственных вопросов силой. Получается возобновление октябрьского подъема только на гораздо более широком основании, в более широких размерах, при большей сознательности масс крестьянства и рабочего класса, при наличности у них (благодаря пережитому периоду октября — декабря) несравненно большего политического опыта. В октябре силы борющихся сторон сравнялись. Старое самодержавие оказалось *уже не* в силах править страной. Народ *еще не* в силах добиться полноты власти, обеспечивающей полноту свободы. Манифест 17-го октября был юридическим выражением этого уравновешения сил. Но это уравновешение сил, поведя к уступке со стороны старой власти, заставив ее признать на бумаге свободу, означало лишь кратковременную приостановку, отнюдь не прекращение борьбы. О нашем правительстве говорили в октябре и ноябре, что оно «забастовало», сделало «стойку» над революцией, замерло совершенно и, выждав момент, бросилось в отчаянный бой, кончившийся его победой. Политические мещане, ограниченные, как и всегда, с той робостью и тем дряблым, фарисейским «идеализмом», которые им свойственны, негодовали, плакались, возмущались по поводу «безнравственности» этой «забастовки» правительства, этой стойки над революцией. Негодование тут ни к чему. «Коль война, так по-военному». На всякой войне противники, силы которых уравновешиваются, останавливаются на некоторое время, копят силы, отдыхают, переваривают пережитый опыт, готовятся и — бросаются в новый бой. Так бывало с армиями Куропаткина и Ойямы. Так бывало и будет всегда во всякой великой гражданской войне. «Коль война, так по-военному».

Но гражданская война отличается от обыкновенной войны неизмеримо большей сложностью, неопределенностью и неопределимостью состава борющихся — в силу переходов из одного лагеря в другой (то октябристы уйдут на сторону правительства, то часть войска уйдет на сторону народа), в силу невозможности провести грань между «комбатантами» и «не-комбатантами», т. е. между числящимися в рядах воюющих и нечисляющимися. Когда правительство «бастует», когда полиция замирает в «стойке», — война все же не прекращается, именно потому, что она есть гражданская война, что внутри самого населения есть заинтересованные защитники старой власти и защитники свободы. Вот почему и теперешний подъем, который уравновесил силы, приводит опять-таки с железной необходимостью, с одной стороны, к ослаблению правительства, к «забастовке» его, к некоторому повторению «стойки над революцией», — а с другой стороны, к возобновлению октябрьских, ноябрьских и декабрьских форм борьбы. Всякий, кто хочет

сознательно относиться к великим событиям, развертывающимся перед нами, кто хочет учиться у революции, должен дать себе полный отчет в неизбежности этих форм борьбы, должен продумать те задачи, которые возлагаются на нас этими формами борьбы...

«Волна» № 10, 6 мая 1908 г.
Подпись: Н. Л — н

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 10, стр. 355—357.

ИЗ СТАТЬИ
«ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА»

IV

Формы борьбы в русской революции отличаются гигантским разнообразием по сравнению с буржуазными революциями Европы. Каутский отчасти предсказал это, говоря в 1902 году о том, что будущая революция (он добавлял: за исключением *может* быть России) будет не столько борьбой народа с правительством, сколько борьбой между двумя частями народа. В России мы видим, несомненно, более широкое развитие этой *второй* борьбы, чем в буржуазных революциях Запада. Враги нашей революции из среды народа малочисленны, но они организуются все больше и больше с обострением борьбы и получают поддержку реакционных слоев буржуазии. Совершенно естественно и неизбежно поэтому, что в *такую* эпоху, в эпоху всенародных политических стачек, *восстание* не сможет вылиться в старую форму единичных актов, ограниченных очень коротким промежутком времени и очень небольшой местностью. Совершенно естественно и неизбежно, что восстание принимает более высокие и сложные формы продолжительной, охватывающей всю страну гражданской войны, т. е. вооруженной борьбы между двумя частями народа. Такую войну нельзя себе мыслить иначе, как ряд немногих, отделенных большими сравнительно промежутками времени, крупных сражений и массу мелких стычек в течение этих промежутков. Раз это так, — а это несомненно так, — то социал-демократия непременно должна ставить своей задачей создание таких организаций, которые бы в наибольшей мере способны были руководить массами и в этих крупных сражениях и, по возможности, в этих мелких стычках. Социал-демократия в эпоху обострившейся до гражданской войны борьбы классов должна ставить своей задачей не только участие, но и руководящую роль в *этой гражданской войне*. Социал-демократия должна воспитывать и подготовлять свои организации к тому, чтобы они действительно выступали, как *воюющая сторона*,

не упускающая ни одного случая нанести ущерб силам неприятеля.

Это — трудная задача, слов нет. Ее нельзя решить сразу. Как перевоспитывается и учится в борьбе весь народ в ходе гражданской войны, так и наши организации должны быть воспитаны, должны быть на основании данных опыта перестроены для того, чтобы удовлетворить этой задаче.

Мы не имеем ни малейших претензий на то, чтобы навязывать практикам какую-нибудь сочиненную форму борьбы, или даже на то, чтобы решать из кабинета вопрос о роли тех или иных форм партизанской войны в общем ходе гражданской войны в России. Мы далеки от мысли видеть в конкретной оценке тех или иных партизанских выступлений вопрос *направления* в социал-демократии. Но мы видим свою задачу в том, чтобы помочь по мере сил правильной *теоретической* оценке новых форм борьбы, выдвигаемых жизнью; — в том, чтобы бороться беспощадно с шаблонами и предрассудками, мешающими сознательным рабочим правильно поставить новый и трудный вопрос, правильно подойти к его разрешению.

«Пролетарий» № 5, 30 сентября 1906 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 11, стр. 194—196.

ИЗ СТАТЬИ

«МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В ШТУТГАРТЕ»

Недавно закончившийся конгресс в Штутгарте был двенадцатым конгрессом пролетарского Интернационала. Первые пять конгрессов относятся к эпохе первого Интернационала (1866—1872 годы), которым руководил Маркс, пытаясь — по удачному выражению Бебеля — сверху создать международное единство борющегося пролетариата. Попытка эта не могла иметь успеха, пока не сплотились и не окрепли национальные социалистические партии, но деятельность первого Интернационала оказала великие услуги рабочему движению всех стран и оставила прочные следы.

Второй Интернационал открывается Парижским международным социалистическим съездом 1889 года. На последующих съездах в Брюсселе (1891), Цюрихе (1893), Лондоне (1896), Париже (1900) и Амстердаме (1904) этот новый Интернационал, опирающийся на крепкие национальные партии, окончательно упрочился. В Штутгарте было 884 делегата от 25 народов Европы, Азии (Япония и часть из Индии), Америки, Австралии и Африки (один делегат от южной Африки).

Великое значение международного социалистического конгресса в Штутгарте состоит именно в том, что он ознаменовал собой окончательное упрочение второго Интернационала и превращение международных съездов в деловые собрания, которые оказывают самое серьезное влияние на характер и направление социалистической работы во всем мире. Формально решения международных съездов не обязательны для отдельных наций, но моральное значение их таково, что несоблюдение решений является на деле исключением, едва ли не более

редким, чем несоблюдение отдельными партиями решений своих съездов. Амстердамский съезд добился объединения французских социалистов, и его резолюция против министериализма действительно выразила волю сознательного пролетариата всего мира, определила политику рабочих партий...

Написано в сентябре 1907 г.
Напечатано в октябре 1907 г. в «Календаре для всех на 1908 г.»
Подпись: Н. Л — ъ

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 13, стр. 68—69.

ИЗ СТАТЬИ
«ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ»

Шовинисты работают. Усиленно распространяются слухи о вооружениях японцев, о том, что они сконцентрировали 600 батальонов в Маньчжурии для нападения на Россию. Турция, будто бы, деятельно вооружается для объявления этой же весной войны России. Готовится, дескать, восстание на Кавказе с целью отделения от России (недоставало еще, чтобы закричали о планах поляков!). Травля Финляндии подогревается россказнями о ее вооружении. Ведется ожесточенная кампания против Австрии по поводу постройки железной дороги в Боснии. Усиливаются нападки российской печати на Германию, которая будто бы натравливает Турцию на Россию. Кампания ведется не только в русской, но и во французской печати — о подкупе которой российским правительством так кстати напомнил недавно один социал-демократ в Думе.

Серьезная буржуазная пресса Запада отказывается признать всю эту кампанию за порождение фантазии газетчиков или аферу гоняющихся за сенсацией людей. Нет, очевидно, из «правящих кругов» — читай: от черносотенного царского правительства или от тайной придворной шайки вроде пресловутой «звездной палаты» — исходит вполне определенный пароль, ведется какая-то систематическая «линия», взят какой-то «новый курс». Закрытие думской комиссии по государственной обороне от всех невходящих в нее членов Думы, т. е. не только от революционных партий, но и от кадетов, заграничная печать ставит в прямую связь с этой шовинистской кампанией; говорят даже, что русское правительство, чтобы окончательно довершить свою издевку над «конституционализмом», намерено испрашивать не у всей Думы, а только у черносотенно-октябристской комиссии кредиты на пограничные военные подкрепления.

Вот некоторые цитаты из европейских, отнюдь не социалистических, газет, которые не могут быть заподозрены в оптимизме насчет русской революции:

«Немецкие победы над Францией (в 1870 году) разожгли, как заметил однажды Бисмарк, честолюбие русских военных, и они тоже протянули руку за военными лаврами. По причинам политическим, религиозным и историческим Турция казалась особенно пригодным объектом для этой цели (война с Турцией 1877—1878 гг.). Очевидно, того же взгляда держатся и теперь известные круги в России, забывшие уроки японской войны и не понимающие истинных нужд страны. Так как на Балканах не приходится уже освобождать никаких «братушек», то приходится придумать другие средства, чтобы повлиять на русское общественное мнение. И средства эти, надо сказать правду, еще более аляповатые, чем тогдашние: Россию хотят представить окруженной внутренними и внешними врагами».

«Правящие круги России хотят попытаться укрепить свое положение старыми средствами, именно: насильственным подавлением освободительного движения внутри и отвлечением народного внимания от печального внутреннего положения посредством пробуждения чувств национализма, посредством создания дипломатических конфликтов, которые неизвестно чем могут кончиться».

Каково же значение этой новой шовинистской линии в политике контрреволюционного самодержавия? На такую политику, после Цусимы и Мукдена, могут бросаться только люди, у которых окончательно уходит почва из-под ног. Опыт двухлетней реакции *не дал*, несмотря на все усилия, никакой сколько-нибудь надежной внутренней опоры черносотенному самодержавию, не создал никаких новых классовых элементов, способных *экономически* обновить самодержавие. А *без этого* никакие зверства, никакое бешенство контрреволюции не в силах удержать современный политический строй России...

«Пролетарий» № 21, 26(13) февраля 1908 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 13, стр. 404—405.

ГОРЮЧИЙ МАТЕРИАЛ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Революционное движение в разных государствах Европы и Азии дало знать о себе за самое последнее время так внушительно, что перед нами обрисовывается довольно ясно новый и несравненно более высокий, чем прежде, этап международной борьбы пролетариата.

В Персии произошла контрреволюция, своеобразно соединившая российский разгон первой Думы с российским восстанием конца 1905 г. Войска русского царя, позорно разбитые японцами, берут реванш, усердствуя на службе контрреволюции. За подвигами расстрелов, карательных экспедиций, избиений и грабежей в России следуют подвиги тех же казаков по подавлению революции в Персии. Что Николай Романов во главе черносотенных помещиков и запуганных стачками и гражданской войной капиталистов неистовствует против персидских революционеров, это понятно, и роль международных палачей не первый раз выпадает на долю христолюбивых российских воинов. Что Англия, фарисейски умывая руки, держит явный дружественный нейтралитет по отношению к персидским реакционерам и сторонникам абсолютизма, — это явление несколько иного рода. Либеральные английские буржуа, раздраженные ростом рабочего движения у себя дома, испуганные подъемом революционной борьбы в Индии, все чаще, все откровеннее, все резче показывают, какими *зверями* становятся самые «цивилизованные», прошедшие самую высшую школу конституционализма, европейские политические «деятели», когда дело доходит до пробуждения борьбы масс против капитала, против капиталистической колониальной системы, т. е. системы порабощения, грабежа и насилия. Трудно положение персидских революционеров в стране, которую почти собрались уже делить между собой хозяева Индии, с одной стороны, и контрреволюционное русское правительство, с другой. Но упорная борьба в Тавризе, неоднократный переход военного счастья в руки революционеров, совсем уже — казалось — разбитых наголову, показывает, что башибузуки шаха, даже при помощи

русских Ляховых [20] и английских дипломатов, встречают самое сильное сопротивление снизу. Такое революционное движение, которое умеет дать военный отпор попыткам реставрации, которое заставляет героев таких попыток обращаться за помощью к иноплеменникам, — не может быть уничтожено, и самый полный триумф персидской реакции оказался бы при таких условиях лишь преддверием новых народных возмущений.

В Турции одержало победу революционное движение в войсках, руководимое младотурками. Правда, эта победа — полупобеда или даже меньшая часть победы, ибо турецкий Николай Второй отделался пока обещанием восстановить знаменитую турецкую конституцию. Но такие полупобеды в революциях, такие вынужденные скоропалительные уступки старой власти являются вернейшим залогом новых, гораздо более решительных, более острых, вовлекающих более широкие массы народа, перипетий гражданской войны. А школа гражданской войны не проходит для народов даром. Это — тяжелая школа, и полный курс ее *неизбежно* содержит в себе победы контрреволюции, разгул озлобленных реакционеров, дикие расправы старой власти над мятежниками и т. д. Но только отъявленные педанты и выжившие из ума мумии могут плакаться по поводу поступления народов в эту мучительную школу; эта школа учит угнетенные классы ведению гражданской войны, учит победоносной революции, концентрирует в массах современных рабов ту ненависть, которую вечно таят про себя рабы забитые, тупые, невежественные, и которая ведет к величайшим историческим подвигам рабов, сознавших позор своего рабства.

В Индии туземные рабы «цивилизованных» английских капиталистов как раз в последнее время причиняют неприятное беспокойство своим «господам». Нет конца тем насилиям и тому грабежу, который называется системой английского управления Индией. Нет нигде на свете — за исключением, конечно, России — такой нищеты масс, хронической голодовки населения. Самые либеральные и радикальные деятели свободной Британии, вроде Джона Морли (Morley) — авторитета для русских и нерусских кадетов, звезды «прогрессивной» (на деле = лакействующей перед капиталом) публицистики — превращаются в качестве правителей Индии в настоящих Чингисханов, которые способны санкционировать все меры «успокоения» вверенного населения, вплоть до *сечения* политических протестантов! Маленькая еженедельная газетка английских социал-демократов «Justice» («Справедливость») *запрещена* в Индии этими либеральными и «радикальными» негодяями вроде Морли. А когда член английского парламента, вождь «Независимой рабочей партии» (Independent Labour Party) Кейр-Гарди посмел дерзостным образом приехать в Индию и

говорить туземцам об элементарнейших требованиях демократии, то вся английская буржуазная печать подняла вой против «мятежника». И теперь влиятельнейшие английские газеты со скрежетом зубовным говорят об «агитаторах», нарушающих покой Индии, и приветствуют чисто-русские, плевенские, приговоры судей и меры административной расправы против индийских демократов-публицистов. Но за *своих* писателей и политических вождей начинает заступаться в Индии улица. Подлый приговор английских шакалов, вынесенный индийскому демократу Тилаку (Tilak), — он осужден на долголетнюю ссылку, причем запрос, сделанный на-днях английской палате общин, выяснил, что присяжные-индийцы высказались за оправдание, обвинение же вынесено *голосами присяжных-англичан!* — эта месть демократу со стороны лакеев денежного мешка вызвала уличные демонстрации и стачку в Бомбее. Пролетариат и в Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы, — а раз это стало так, песенка английско-русских порядков в Индии спета! Своим колониальным грабежом азиатских стран европейцы сумели закалить одну из них, Японию, для великих военных побед, обеспечивших ей самостоятельное национальное развитие. Нет никакого сомнения, что вековой грабеж Индии англичанами, что современная борьба этих «передовых» европейцев против демократии персидской и индийской *закалит* миллионы и десятки миллионов пролетариев в Азии, закалит для такой же победоносной (как у японцев) борьбы против угнетателей. У европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи, и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам.

В Китае революционное движение против средневековья тоже дало себя с особенной силой знать в последние месяцы. Правда, ничего определенного нельзя еще сказать относительно данного именно движения, — так мало о нем сведений и так обильны вести о мятежах в различных местностях Китая, — но сильный рост «нового духа» и «европейских веяний» в Китае, особенно после русско-японской войны, не подлежит сомнению, а следовательно, неизбежен и переход старых китайских бунтов в сознательное демократическое движение. Что на этот раз некоторые участники колониального грабежа почувствовали себя обеспокоенными, это видно из поведения французов в Индо-Китае: они *помогали* китайской «исторической власти» расправляться с революционерами! Они боялись равным образом за целость «своих», по соседству находящихся, азиатских владений.

Но французской буржуазии не одни только азиатские владения причиняют беспокойство. Баррикады в Вельнев-Сан-Жорж, под Парижем, расстрел стачечников, построивших эти

баррикады (четверг, 30 (17) июля), — эти события еще и еще раз показали обострение классовой борьбы в Европе. Клемансо, радикал, правящий Францией от имени капиталистов, с необыкновенным усердием работает над разрушением последних остатков республикански-буржуазных иллюзий в пролетариате. Расстрел рабочих войсками, действующими по приказу «радикального» правительства, — при Клемансо стал едва ли не более частым явлением, чем прежде. Клемансо получил уже за это от французских социалистов прозвище «Красного», и теперь, когда снова пролита рабочая кровь его агентами, жандармами и генералами, социалисты вспоминают крылатое слово, сказанное однажды этим наиболее прогрессивным буржуазным республиканцем рабочим делегатам: «мы с вами на разных сторонах баррикады». Да, французский пролетариат и самые крайние буржуазные республиканцы окончательно размещаются теперь по разным сторонам баррикады. Рабочий класс Франции много крови пролил, завоевывая и защищая республику, и в настоящее время, на почве вполне упрочившихся республиканских порядков, решительная борьба собственников и трудящихся надвигается все быстрее. «Это было не простое избиение, — пишет «L'Humanité» [21] про день 30 июля, — это был кусочек сражения». Генералы и полицейские во что бы то ни стало хотели провоцировать рабочих и превратить мирную, невооруженную демонстрацию в побоище. Но, окружив со всех сторон стачечников и манифестантов, нападая на безоружных, войска встретили отпор, вызвали немедленную постройку баррикад и довели дело до событий, волнующих всю Францию. Эти баррикады из дощечек были до смешного плохи, пишет та же газета. Но важно не это. Важно то, что третья республика вывела из обычая баррикады. Теперь «Клемансо снова вводит их в обычай», — и он рассуждает при этом с той же откровенностью, с какой говорили о гражданской войне «палачи июня 1848 года, Галифе в 1871 году».

И не одна социалистическая печать по поводу событий 30-го июля вспоминает эти великие исторические даты. Буржуазные газеты с бешеной злобой накидываются на рабочих, обвиняя их в том, что они вели себя так, как будто бы собирались начать социалистическую революцию. Одна из этих газет рассказывает при этом один мелкий, но характерный эпизод, рисующий настроение обеих сторон на месте происшествия. Когда рабочие несли одного своего раненого товарища мимо генерала Вирвэра, командовавшего атакой на стачечников, из толпы манифестантов раздались крики: «Saluez!» («отдайте честь»). И генерал буржуазной республики отдал честь раненому неприятелю.

Обострение борьбы пролетариата с буржуазией наблюдается во всех передовых капиталистических странах, причем различие исторических условий, политических порядков и форм рабочего движения обусловливает различное проявление одной и той же тенденции. В Америке и Англии, при полной политической свободе, при отсутствии всякой или, по крайней мере, сколько-нибудь живой революционной и социалистической традиции в пролетариате, это обострение сказывается в усилении движения против трестов, в чрезвычайном росте социализма и внимания к нему имущих классов, в переходе рабочих, иногда чисто экономических, организаций к планомерной и самостоятельно-пролетарской политической борьбе. В Австрии и Германии, отчасти также в скандинавских странах, обострение классовой борьбы сказывается на избирательной борьбе, на отношении партий, на сближении всех и всяческих буржуа разных цветов между собою против общего врага — пролетариата, на усилении судебных и полицейских репрессий. Два враждебные лагеря медленно, но неуклонно увеличивают свои силы, укрепляют свои организации, расходятся все резче друг с другом во всей общественной жизни, как бы готовясь, молча и сосредоточенно, к грядущим революционным битвам. В романских странах — Италия, особенно Франция — обострение классовой борьбы проявляется в особенно бурных, резких, частью прямо революционных взрывах, когда затаенная ненависть пролетариата к его угнетателям вырывается с внезапной силой, и «мирная» обстановка парламентской борьбы сменяется сценами настоящей гражданской войны.

Международное революционное движение пролетариата не идет и не может идти равномерно и в одинаковых формах в разных странах. Полное и всестороннее использование всех возможностей на всех поприщах деятельности складывается лишь в итоге классовой борьбы рабочих различных стран. Каждая страна вносит свои ценные, оригинальные черты в общий поток, но в каждой отдельной стране движение страдает той или иной односторонностью, теми или иными теоретическими или практическими недостатками отдельных социалистических партий. В общем и целом мы видим ясно громадный шаг вперед международного социализма, сплочение миллионных армий пролетариата в целом ряде конкретных столкновений с врагом, приближение решительной борьбы с буржуазией — борьбы, во много раз более *подготовленной* со стороны рабочего класса, чем во времена Коммуны, этого последнего великого восстания пролетариев.

И этот шаг вперед всего международного социализма, наряду с обострением революционно-демократической борьбы в Азии, ставит русскую революцию в особенные и особенно

трудные условия. У русской революции есть великий международный союзник и в Европе и в Азии, но вместе с тем и *именно вследствие этого* у нее есть не только национальный, не только российский, но и *международный* враг. Реакция против усиливающейся борьбы пролетариата неизбежна во всех капиталистических странах, и эта реакция сплачивает буржуазные правительства всего мира против всякого народного движения, против всякой революции и в Азии и особенно в Европе. Оппортунисты в нашей партии, подобно большинству российской либеральной интеллигенции, до сих пор мечтают о такой буржуазной революции в России, которая бы «не отталкивала» буржуазию, не запугивала ее, не порождала «чрезмерной» реакции, не вела к захвату власти революционными классами. Тщетные надежды! Филистерская утопия! Горючий материал так быстро растет во всех передовых государствах мира, пожар так явно перекидывается на большинство государств Азии, вчера еще спавших глубоким сном, что усиление международной буржуазной реакции и обострение всякой отдельной национальной революции абсолютно неизбежны.

Контрреволюция в России не выполняет и не может выполнить исторических задач нашей революции. Русская буржуазия неизбежно тяготеет все больше и больше в сторону международного антипролетарского и антидемократического течения. Не на либеральных союзников следует рассчитывать русскому пролетариату. Он должен самостоятельно идти своим путем к полной победе революции, опираясь на необходимость насильственного разрешения аграрного вопроса в России самими крестьянскими массами, помогая им свергнуть господство черносотенных помещиков и черносотенного самодержавия, ставя своей задачей демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства в России и памятуя, что его борьба и его победы неразрывно связаны с международным революционным движением. Поменьше иллюзий насчет либерализма контрреволюционной (и в России и во всем мире) буржуазии. Побольше внимания к росту международного революционного пролетариата!

«Пролетарий» № 33,
23 июля (5 августа) 1908 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 15, стр. 159—165.

СОБЫТИЯ НА БАЛКАНАХ И В ПЕРСИИ

За последнее время балканские события заполонили политическую прессу не только России, но и всей Европы. Некоторое время опасность европейской войны казалась придвинувшейся совсем близко, да и сейчас еще — хотя гораздо больше вероятности, что дело ограничится шумом и криком, а до войны не дойдет, — опасность ее все же далеко не устранена.

Бросим общий взгляд на характер кризиса и на те задачи, которые он возлагает на русскую рабочую партию.

Пробуждение к политической жизни азиатских народов получило особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции. Но это пробуждение так медленно перекидывалось с одной страны на другую, что в Персии едва ли не решающую роль сыграла и продолжает играть русская контрреволюция, а турецкая революция сразу встретила перед собой контрреволюционную коалицию держав с Россией во главе. Правда, это последнее утверждение, на первый взгляд, противоречит общему тону европейской прессы и заявлений дипломатии: послушать эти заявления, поверить статьям официозов — все полны «сочувствия» к обновленной Турции, все только и желают укрепления и развития конституционного режима в Турции, все не нахвалятся «умеренностью» буржуазных младо-турков.

Но все эти речи — образец подлого буржуазного лицемерия современных реакционных правительств Европы и современной реакционной европейской буржуазии. На деле ни одна европейская страна, называющая себя демократией, ни одна европейская буржуазная партия, именующаяся демократической, прогрессивной, либеральной, радикальной и т. п., не доказала ничем своего действительного желания помочь турецкой революции, ее победе, ее упрочению. Напротив, все *боятся* успеха турецкой революции, ибо этот успех означал бы неминуемо, с одной стороны, развитие стремлений к автономии и действительной демократии во всех балканских народах, с другой стороны, победу персидской революции, новый толчок к

демократическому движению в Азии, усиление борьбы за самостоятельность в Индии, создание свободных порядков на громадном протяжении русской границы, следовательно, создание новых условий, затрудняющих политику черносотенного царизма и облегчающих подъем революции в России, и так далее.

Суть того, что происходит теперь на Балканах, в Турции, в Персии, сводится к контрреволюционной коалиции европейских держав *против* растущего демократизма в Азии. Все усилия наших правительств, вся проповедь «больших» европейских газет сводятся к тому, чтобы замазать этот факт, чтобы сбить с толку общественное мнение, чтобы прикрыть лицемерными речами и дипломатическими фокус-покусами *контрреволюционную коалицию* так называемых цивилизованных наций Европы против наименее цивилизованных и наиболее рвущихся к демократизму наций Азии. И вся суть политики пролетариата в данный момент состоит в том, чтобы сорвать маску с буржуазных лицемеров, чтобы обнаружить перед глазами самых широких народных масс реакционность европейских правительств, которые из боязни пролетарской борьбы у себя дома играют и помогают играть роль жандарма по отношению к революции в Азии.

Сеть интриг, которыми окутала Европа все турецкие и балканские происшествия, чрезвычайно плотная, и обывательская публика поддается на удочку дипломатов, которые стараются обратить внимание на мелочи, на частности, на отдельные стороны происходящих событий, стараются затемнить смысл всего процесса в целом. Напротив, наша задача, задача международной социал-демократии — разъяснить народу именно общую связь событий, основное направление и подкладку всего происходящего.

Конкуренция капиталистических держав, желающих «урвать кус» и расширить свои владения и свои колонии, — затем боязнь самостоятельного демократического движения среди зависимых или «опекаемых» Европой народов, — вот два двигателя всей европейской политики. Младо-турков хвалят за умеренность и за сдержанность, т. е. хвалят турецкую революцию за то, что она слаба, за то, что не пробуждает народных низов, не вызывает действительной самостоятельности масс, за то, что она враждебна начинающейся пролетарской борьбе в империи оттоманов, — и в то же самое время Турцию продолжают грабить попрежнему. Хвалят за то, что возможно продолжать по-старому грабеж турецких владений. Хвалят младотурков и продолжают политику, которая самым очевидным образом представляет из себя политику *раздела Турции*. Чрезвычайно верно и метко сказала по этому поводу «Лейпцигская Народная Газета», орган местных соц.-дем.:

«В мае 1791 года дальновидные государственные люди, действительно заботящиеся о благе родины, провели политическую реформу в Польше. Король прусский и император австрийский хвалили конституцию 3 мая, приветствовали ее, как дело, «несущее благо соседнему государству». Весь свет расхваливал польских реформаторов за ту «умеренность», с которой они принялись за свое дело в отличие от страшных якобинцев в Париже... 23 января 1793 года Пруссия, Австрия и Россия подписали договор о разделе Польши!

В августе 1908 года младо-турки провели политическую реформу, прошедшую необыкновенно гладко. Весь свет хвалил их за благопристойную «умеренность», с которой они принялись за дело в отличие от страшных социалистов в России... В октябре 1908 года разыгрывается ряд событий, которые все ведут к дележу Турции».

В самом деле, было бы прямо ребячеством, если бы кто-нибудь вздумал верить *словам* дипломатов, не считаясь с *делами* их, с коллективным выступлением держав против революционной Турции. Достаточно сопоставить *факт* свидания и переговоров министров иностранных дел, глав некоторых государств — с последующими событиями, чтобы наивная вера в заявления дипломатов рассеялась, как дым. В августе и сентябре, как раз после младо-турецкой революции и перед самыми декларациями Австрии и Болгарии, мы наблюдаем свидание г. Извольского в Карлсбаде и Мариенбаде с королем Эдуардом, с премьером французской республики Клемансо, свидание министра иностранных дел Австрии фон-Эренталя с итальянским министром иностранных дел Титтони в Зальцбурге, затем свидание Извольского с Эренталем 15 сентября в Бухлое, свидание Фердинанда, князя Болгарского, с Францом-Иосифом в Будапеште, свидание Извольского с фон-Шеном, германским министром иностранных дел, потом с Титтони и с королем итальянским.

Эти факты говорят сами за себя. *Перед* выступлением Австрии и Болгарии *все существенное* было уже переговорено самым конспиративным и непосредственным образом, при личном свидании королей и министров, *между шестью* державами: Россией, Австрией, Германией, Италией, Францией и Англией. Начавшаяся *потом* газетная перебранка из-за того, правду ли сказал Эренталь, что Италия, Германия и Россия дали свое согласие на аннексию (присоединение) Боснии и Герцеговины Австрией или нет, — это все *сплошная комедия, сплошной отвод глаз,* на который поддаются только либеральные филистеры. Воротилы внешней политики европейских государств, Извольские, Эренталь и вся эта банда коронованных разбойников со своими министрами нарочно бросила кость печати: грызитесь, господа, пожалуйста, из-за того, кто кого надул и кто кого обидел, Австрия ли Россию, Болгария ли Австрию и т. д., кто «первый» начал рвать Берлинский трактат [22], кто и как относится к плану конференции держав и прочее и тому подобное.

Пожалуйста, занимайте этими интересными и важными — о! чрезвычайно важными! — вопросами общественное мнение. Нам именно это и нужно, чтобы прикрыть *главное и основное:* состоявшееся уже предварительно соглашение в коренном, т. е. в выступлении против младо-турецкой революции, в дальнейших шагах к разделу Турции, в пересмотре под тем или иным соусом вопроса о Дарданеллах, в разрешении русскому черносотенному царю душить персидскую революцию. Вот в чем вся суть, вот что нам, вождям реакционной буржуазии всей Европы, действительно нужно и что мы делаем. А либеральные дурачки в печати и в парламентах пусть займутся болтовней о том, с чего началось и как кто сказал и под каким соусом должна быть окончательно оформлена, подписана и показана всему свету политика колониального грабежа и подавления демократических движений.

Либеральная печать всех крупных европейских держав — кроме наиболее в данный момент «сытой» Австрии — занимается теперь тем, что обвиняет *свое* правительство в недостаточном соблюдении *своих* национальных интересов. Либералы каждой страны изображают свою страну и свое правительство наиболее неумелыми, наименее «использовавшими» положение, обманутыми и т. п. Именно эту политику ведут и наши кадеты, давно уже договорившиеся до того, что успехи Австрии внушают им «зависть» (буквальное выражение г. Милюкова). Вся эта политика либеральных буржуа вообще и политика наших кадетов в особенности есть самое отвратительное лицемерие, самое гнусное предательство действительных интересов прогресса и свободы. Ибо такая политика, во-первых, затемняет демократическое сознание народных масс, замалчивая заговор реакционных правительств; во-вторых, она толкает каждую страну на путь так называемой активной внешней политики, т. е. одобряет систему колониального грабежа и вмешательства держав в дела Балканского полуострова, вмешательства, всегда реакционного; в-третьих, эта политика прямо играет наруку реакции, заинтересовывая народы в том, сколько «мы» получим, сколько «нам» достанется при дележе, сколько «мы» выторгуем. Реакционным правительствам как раз в данный момент нужнее всего именно то, чтобы они могли сослаться на «общественное мнение» в подкрепление своих захватов или требований «компенсации» и т. п. Смотрите, дескать, печать моей страны обвиняет меня в чрезмерном бескорыстии, в недостаточном отстаивании национальных интересов, в податливости, она грозит войной, следовательно, мои требования, как самые «скромные и справедливые», всецело подлежат удовлетворению!

Политика русских кадетов, как и политика европейских либеральных буржуа, есть лакейство перед реакционными правительствами, есть отстаивание колониальных захватов, грабежа и вмешательства в чужие дела. Политика кадетов особенно вредна потому, что она ведется под флагом «оппозиции», и вследствие этого сбивает с толку очень и очень многих, внушает доверие тем, кто не верит русскому правительству, развращает сознание масс. Поэтому и наши депутаты в Думе и все наши партийные организации должны иметь в виду, что нельзя сделать ни одного серьезного шага в деле социал-демократической пропаганды и агитации по поводу балканских событий, не разъясняя, *и с думской трибуны,* и в листках, и на собраниях, *связи* между реакционной политикой самодержавия и лицемерной оппозицией кадетов. Нельзя разъяснить народу всего вреда, всей реакционности царской политики, не разъясняя *той же сущности* кадетской внешней политики. Нельзя бороться с шовинизмом и черносотенством во внешней политике, не борясь с фразами, ужимками, недомолвками и подходцами кадетов.

Вот пример того, до чего доводит социалистов податливость к точке зрения либеральной буржуазии. В известном органе оппортунистов «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический — ??? — Ежемесячник») Макс Шиппель пишет по поводу балканского кризиса: «Почти все мыслящие члены партии сочли бы это ошибкой, если бы мнение, еще раз высказанное недавно в нашем берлинском центральном органе (т. е. в «Vorwärts'e» *), получило преобладание, именно то мнение, что Германии нечего искать ни в теперешних, ни в будущих переворотах на Балканах. Понятно, нам не надо стремиться к территориальным приобретениям... Но несомненно, что крупные перегруппировки держав в этой области, служащей важным соединительным звеном между Европой, всей Азией и частью Африки, самым непосредственным образом затрагивают наше международное положение... Всякое сколько-нибудь решающее значение русской реакционной машины пока совершенно отпадает... В России... мы не имеем основания видеть врага во всяком случае и во что бы то ни стало, как считала ее врагом демократия 50-х годов» (S. 1319).

Этот глупенький либерал, прикрывающий себя маской социалиста, не заметил реакционных интриг России за ее «заботами» о «славянских братьях»! Говоря: «мы» (от имени немецкой буржуазии), «наше» положение и т. п., он не заметил ни удара младо-турецкой революции, ни шагов России против персидской революции!

---

* — «Вперед». *Ред.*

Приведенные слова напечатаны в журнале, помеченном 22 октября. 18-го (5) октября «Новое Время»[23] поместило громовую статью по поводу того, что «анархия в Тавризе достигла невероятных размеров», что город этот будто бы «наполовину разрушен и разграблен полудикими революционерами». Победа революции над шахскими войсками в Тавризе, как видите, сейчас же вызвала бешенство русского официоза. Вождь революционного персидского войска, Саттар-хан, объявлен в этой статье «адербейджанским Пугачевым» (Адербейджан или Азербейджан есть северная провинция Персии; главный город этой провинции — Тавриз, население этой провинции, по Реклю, доходит почти до $^1/_5$ всего населения Персии). «Спрашивается, — писало «Новое Время», — может ли Россия терпеть без конца все эти безобразия, которые разоряют нашу миллионную торговлю на персидской границе?... Не следует забывать, что все восточное Закавказье и Адербейджан в этнографическом отношении представляют одно целое... Татарские полуинтеллигенты в Закавказьи, забыв, что они русские подданные, отнеслись с горячим участием к тавризским смутам и посылают туда своих добровольцев... для нас гораздо важнее, чтобы смежный с нами Адербейджан был умиротворен. Как это ни прискорбно, обстоятельства могут вынудить Россию, при всем ее желании ни во что не вмешиваться, взять это дело на себя».

20-го октября в немецкую «Франкфуртскую Газету» телеграфировали из Петербурга, что «компенсацией» для России предполагается оккупация Адербейджана. 24-го (11) октября та же газета поместила телеграмму из Тавриза: *«Третьего дня шесть батальонов русской пехоты с соответствующим количеством кавалерии и артиллерии перешли персидскую границу и ожидаются сегодня в Тавризе».*

Русские войска переходили персидскую границу в тот самый день, когда М. Шиппель, повторяя, как раб, уверения, *вой* либеральной и полицейской печати, говорил немецким рабочим, что значение России, как реакционной глыбы, отошло в прошлое и что видеть в России врага во что бы то ни стало — ошибочно!

Предстоит новое избиение персидских революционеров войсками Николая Кровавого. За неофициальным Ляховым следует официальная оккупация Адербейджана и повторение в Азии того, что сделала Россия в Европе в 1849 году, когда Николай I посылал войска против венгерской революции. Тогда была еще в Европе среди буржуазных партий настоящая демократия, способная бороться за свободу, а не только лицемерно болтать о ней, как делают все буржуазные демократы в наши дни. Тогда России приходилось играть роль европей-

ского жандарма против некоторых, по крайней мере, европейских стран. Теперь *все* крупнейшие державы Европы, не исключая «демократической» республики «красного» Клемансо, смертельно боясь всякого расширения демократии у себя дома, как идущего на пользу пролетариату, *помогают* России играть роль азиатского жандарма.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что в *сентябрьский реакционный заговор* России, Австрии, Германии, Италии, Франции и Англии *входила* «свобода действий» России против персидской революции. Совершенно не важно, было ли это написано в каком-нибудь тайном документе, который будет напечатан много лет спустя в собрании исторических материалов, или это было только сказано Извольским его любезнейшим собеседникам, или сами эти собеседники «намекнули на то, что мы вот переходим от «оккупации» к «аннексии», а вы, может быть, от Ляхова к «оккупации», или еще как-нибудь иначе, — все это имеет ничтожное значение. Существенно то, что, как бы ни был мало оформлен сентябрьский контрреволюционный заговор держав, но этот *заговор есть факт* и с каждым днем значение его выясняется все больше и больше. Это — заговор против пролетариата и против демократии. Это — заговор во имя прямого подавления революции в Азии или косвенных ударов этой революции. Это — заговор во имя продолжения колониального грабежа и территориальных завоеваний сегодня на Балканах, завтра в Персии, послезавтра, может быть, в Малой Азии, в Египте и т. д. и т. д.

Свергнуть эту объединенную силу коронованных разбойников и международного капитала в состоянии только одна всемирная революция пролетариата. Злободневная задача всех социалистических партий — усилить агитацию в массах, сорвать маску с игры дипломатов всех стран и показать наглядно, воочию все факты, свидетельствующие о подлой роли *всех союзных держав*, всех одинаково, как непосредственных выполнителей функций жандарма, так и пособников, друзей, финансистов этого жандарма.

На русских с.-д. депутатов в Думе, — в которой ожидается и сообщение Извольского и кадетско-октябристский запрос, — ложится теперь чрезвычайно тяжелая, но и чрезвычайно высокая, великая обязанность. Они состоят членами учреждения, которое прикрывает политику главной реакционной державы, главного заговорщика контрреволюции, и они должны найти в себе уменье и мужество *сказать всю правду*. В такой момент, как теперь, социал-демократическим депутатам черносотенной Думы многое дано, но многое с них и спросится. Ибо кроме них *некому* в Думе поднять голос против царизма *не* с октябристско-*кадетской* точки зрения. А кадетский «протест» в

подобные времена и при подобных обстоятельствах хуже, чем ничто, ибо это может быть лишь протест *из среды той же* капиталистической волчьей стаи во имя той же волчьей политики.

Пусть же берется за работу и наша думская и все остальные наши партийные организации. Агитация в массах приобретает теперь значение во сто крат большее, чем в обыденные времена. Три обстоятельства должны быть выдвинуты при этом на первый план во всей нашей партийной агитации. Во-первых, в противоположность всей реакционной и либеральной печати, начиная от черносотенцев и до кадетов включительно, социал-демократия срывает маску с дипломатической игры в конференции, в соглашение держав, в союзы с Англией против Австрии или с Австрией против Германии или какие бы то ни было иные. Наше дело — показать *факт* реакционного заговора держав, который уже состоялся, который правительства изо всех сил стараются прикрыть комедией более открытых переговоров. Против дипломатических комедий, за выяснение народу правды, за разоблачение международной антипролетарской реакции! Во-вторых, мы должны выяснить реальные, а не словесные, плоды и результаты этого заговора: удар турецкой революции — содействие России в деле душения персидской революции — вмешательство в чужие дела и нарушение основного принципа демократии, права наций на самоопределение. Наша программа, как и программа всех с.-д. мира, отстаивает это право. И нет ничего реакционнее, как заботы австрийцев, с одной стороны, русских черносотенцев, с другой, о «братьях-славянах». Эти «заботы» прикрывают самые подлые интриги, какими издавна прославила себя Россия на Балканах. Эти «заботы» всегда сводятся к покушению на *действительный* демократизм в тех или иных балканских странах. Единственная искренняя «забота» держав по отношению к балканским странам могла бы состоять в одном и только в одном: предоставить их самим себе, не портить им жизни иностранным вмешательством, не бросать палок под колеса турецкой революции. Но, конечно, не от буржуазии может ждать рабочий класс такой политики!

Все буржуазные партии — вплоть до самых либеральных и «демократичных» по названию, в том числе вплоть до наших кадетов — стоят на точке зрения капиталистической внешней политики. Это — третье обстоятельство, на которое социал-демократия должна особенно энергично указывать. Либералы и партия к.-д. стоят по сути дела за то же соревнование капиталистических наций, подчеркивая лишь другие формы этого соревнования, чем у черной сотни, добиваясь лишь иных международных соглашений, чем те, на которые опирается сейчас правительство. И эта либеральная борьба против одного вида

буржуазной внешней политики за другой вид такой же политики, эти либеральные попреки правительства за то, что оно отстает от других (в деле грабежа и вмешательства!) оказывают самое развращающее действие на массы. Долой всякую колониальную политику, долой всю политику вмешательства и капиталистической борьбы за чужую землю, за чуждое население, за новые привилегии, за новые рынки, проливы и т. п.! Социал-демократия не разделяет нелепой мещанской утопии «мирного и справедливого» капиталистического прогресса. Социал-демократия борется против всего капиталистического общества, зная, что нет на свете другого защитника мира и свободы, кроме международного революционного пролетариата.

P. S. * После того, как эта статья была сдана в печать, в газетах появилась телеграмма *Петербургского телеграфного агентства,* опровергающая известие о переходе персидской границы русскими войсками. Телеграмма эта помещена в «Frankfurter Zeitung» ** 24. X., второе утреннее издание. В *3-ем* издании есть телеграмма из Константинополя от 24.X. 10 час. 50 мин. *вечера.* В этой телеграмме говорится, что вечером 24. X. в Константинополе узнали о переходе персидской границы русскими войсками. Заграничная печать, *кроме социалистической,* пока молчит о вторжении русских войск в Персию.

Итог: окончательно узнать всей правды мы пока не можем. Во всяком случае «опровержения», исходящие от царского правительства и из *СПБ. телеграфного агентства,* конечно, никакого доверия не заслуживают. Что Россия с ведома держав ведет борьбу с персидской революцией всеми средствами, от интриг до посылки войск, это факт. Что она ведет политику, направленную к оккупации Азербейджана, это тоже несомненно. Если войска не перешли еще границу, то, наверное, все меры к тому приняты: без огня дыма не бывает.

«Пролетарий» № 37, 16(29) октября 1908 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 15, стр. 198—208.

---

* — Postscriptum — приписка. *Ред.*

** — «Франкфуртская Газета». *Ред.*

ИЗ СТАТЬИ
«„СОЖАЛЕНИЕ“ И „СТЫД“»

Всякие кризисы вскрывают суть явлений или процессов, отметают прочь поверхностное, мелкое, внешнее, обнаруживают более глубокие основы происходящего. Возьмите, напр., такой наиболее обычный и наименее сложный кризис в области экономических явлений, каким является всякая стачка. Ничто так не обнаруживает действительных отношений между классами, действительную природу современного общества, подчинение силе *голода* громаднейшей массы населения, апелляцию имущего меньшинства к организованному насилию для поддержания своего господства. Возьмите торговые и промышленные кризисы: ничто не опровергает так наглядно всевозможные речи апологетов и апостолов «гармонии интересов», ничто не обнаруживает так рельефно весь механизм современного, капиталистического, уклада, всю «анархию производства», всю раздробленность производителей, всю войну каждого против всех и всех против каждого. Возьмите, наконец, такой кризис, как война: все политические и социальные учреждения подвергаются проверке и испытанию «огнем и мечем». Сила и слабость учреждений и порядков любого народа определяется исходом войны и последствиями ее. Сущность международных отношений при капитализме: открытый грабеж слабого — вскрывается с полной ясностью...

«Звезда» № 21, 7 мая 1911 г.
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 17, стр. 161.

VI («ПРАЖСКАЯ») ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП [24]

ИЗ РЕЗОЛЮЦИЙ КОНФЕРЕНЦИИ

О НАПАДЕНИИ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ПЕРСИЮ

Российская социал-демократическая рабочая партия протестует против разбойничьей политики царской шайки, решившей задушить свободу персидского народа и не останавливающейся в этом перед самыми варварскими и гнусными актами.

Конференция констатирует, что всячески рекламируемый и поддерживаемый русскими либералами союз российского правительства с правительством Англии направлен прежде всего против революционного движения азиатской демократии и что этот союз делает английское либеральное правительство соучастником кровавых зверств царизма.

Конференция выражает свое полное сочувствие борьбе персидского народа и, в частности, борьбе персидской с.-д. партии, понесшей столько жертв в борьбе с царскими насильниками.

О КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Конференция, ввиду кампании правительственных и либеральных («Речь») газет, пропагандирующих — в интересах российских капиталистов — отторжение от Китая, пользуясь революционным движением в нем, пограничных с Россией областей, — констатирует мировое значение революционной борьбы китайского народа, несущей освобождение Азии и подрывающей господство европейской буржуазии, приветствует революционеров-республиканцев Китая, свидетельствует о глубоком воодушевлении и полной симпатии, с которой пролетариат России следит за успехами революционного народа в Китае, и клеймит поведение русского либерализма, поддерживающего политику захватов царизма.

О ПОЛИТИКЕ ЦАРИЗМА ПО ОТНОШЕНИЮ К ФИНЛЯНДИИ

Конференция РСДРП, собравшись впервые после проведения русским царизмом и Думой контрреволюции законов, упи-

чтожающих права и свободу финляндского народа, выражает свою полную солидарность с братской финляндской соц.-дем. партией, подчеркивает единство задач рабочих Финляндии и России в борьбе против русского контрреволюционного правительства и контрреволюционной буржуазии, попирающих права народа, и выражает свою твердую уверенность, что лишь совместными усилиями рабочих России и Финляндии может быть достигнуто свержение царизма и свобода русского и финляндского народов.

Написано в январе 1912 г.
Напечатано в феврале 1912 г. в брошюре: «Всероссийская конференция Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии». Изд. ЦК. Париж

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 17, стр. 434—435.

КОНЕЦ ВОЙНЫ ИТАЛИИ С ТУРЦИЕЙ

Как известно из телеграмм, предварительные условия мира подписаны уполномоченными Италии и Турции.

Италия «победила». Год тому назад она бросилась грабить турецкие земли в Африке, и отныне Триполи будет принадлежать Италии. Не лишне бросить взгляд на эту типичную колониальную войну «цивилизованного» государства XX века.

Чем вызвана была война? Корыстью итальянских финансовых тузов и капиталистов, которым нужен новый рынок, нужны успехи итальянского империализма.

Чем была эта война? Усовершенствованной, цивилизованной человеческой бойней, избиением арабов при помощи «новейших» орудий.

Арабы сопротивлялись отчаянно. Когда итальянские адмиралы неосторожно высадили в начале войны 1 200 матросов, арабы напали на них и перебили до 600 человек. «В наказание» было избито до 3 000 арабов, опустошены и вырезаны целые семьи, перебиты женщины и дети. Итальянцы — цивилизованная, конституционная нация.

Около 1 000 арабов было повешено.

Потери итальянцев — свыше 20 тысяч человек; в том числе 17 429 больных, 600 пропавших без вести, 1 405 убитых.

Стоила итальянцам эта война свыше 800 миллионов лир, т. е. свыше 320 миллионов рублей. Страшная безработица, застой промышленности — последствия войны.

Арабов перебито около 14 800. Война, несмотря на «мир», будет еще на деле продолжаться, ибо арабские племена внутри материка Африки, вдали от берега, не подчинятся. Их будут долго еще «цивилизовать» штыком, пулей, веревкой, огнем, насилованием женщин.

Италия, конечно, не лучше и не хуже остальных капиталистических стран. Все они одинаково управляются буржуазией, которая ни перед какими бойнями не останавливается ради нового источника прибыли.

«Правда» № 129, 28 сентября 1912 г.
Подпись: Т.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 18, стр. 309—310.

БАЛКАНСКИЕ НАРОДЫ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Всеобщий интерес устремлен теперь на Балканы. И это понятно. Для всей восточной Европы бьет, может быть, час, когда скажут свое свободное и решительное слово сами народы. Игре буржуазных «держав» и их дипломатов, превзошедших науку интриг, подслушиваний и корыстных подножек друг другу, нет теперь места.

Балканские народы могли бы сказать, как говаривали в старину наши крепостные: «Минуй нас, пуще всех печалей, и барский гнев и барская любовь» [25]. И враждебное и якобы-дружелюбное вмешательство «держав» Европы означает для балканских крестьян и рабочих только прибавление всяческих пут и помех свободному развитию к общим условиям капиталистической эксплуатации.

Поэтому, между прочим, надо бороться и с казенно-правительственной и с либеральной «дипломатией». Насквозь лживы, например, рассуждения «Речи», которая приглашала на-днях «русское общество» (т. е. буржуазию) запомнить слова английского министерского органа, что Европа-де не допустит «дурного управления» на Балканах! «Пусть наша дипломатия не складывает рук» — кричит «Речь».

Ничего, кроме поддержки гнилья и застоя, кроме бюрократических помех свободе не несет Балканам даже самая «либеральная» буржуазная Европа, — ответим мы. Именно «Европа» мешает установлению федеративной балканской республики.

Передовые рабочие на Балканах и вся балканская демократия возлагают свои надежды исключительно на развитие сознательности, демократизма и самодеятельности *масс*, а не на интриги буржуазных дипломатов, какими бы либеральными фразами они себя ни прихорашивали!

«Правда» № 144, 16 октября 1912 г.
Подпись: В.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 18, стр. 320—321.

НОВАЯ ГЛАВА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Даже буржуазная печать всей Европы, защищавшая из реакционных и корыстных целей пресловутое status quo (статус кво — прежнее, неизменное положение) на Балканах, признает теперь единодушно, что началась новая глава всемирной истории.

Разгром Турции несомненен. Победы балканских, объединенных в четверной союз, государств (Сербия, Болгария, Черногория, Греция) громадны. Союз этих четырех государств стал фактом. «Балканы — балканским народам» — это *уже* достигнуто.

Какое же значение имеет новая глава всемирной истории?

В восточной Европе (Австрия, Балканы, Россия) — до сих пор не устранены еще могучие остатки средневековья, страшно задерживающие общественное развитие и рост пролетариата. Эти остатки — абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевладение и привилегии крепостников-помещиков) и подавление национальностей.

Сознательные рабочие балканских стран первые выдвинули лозунг последовательного демократического решения национального вопроса на Балканах. Этот лозунг: федеративная балканская республика. Слабость демократических классов в теперешних балканских государствах (пролетариат немногочислен, крестьяне забиты, раздроблены, безграмотны) привела к тому, что экономически и политически необходимый союз стал союзом балканских монархий.

Национальный вопрос на Балканах сделал громадный шаг вперед к своему решению. Из всей восточной Европы теперь остается *только одна Россия* наиболее отсталым государством.

Несмотря на то, что на Балканах образовался союз монархий, а не союз республик, — несмотря на то, что осуществлен союз благодаря войне, а не благодаря революции, — несмотря на это, сделан великий шаг вперед к разрушению остатков средневековья во всей восточной Европе. И рано ликуете, гос-

нода националисты! Этот шаг — *против* вас, ибо в России *больше всего* остатков средневековья!

А в западной Европе пролетариат еще сильнее провозглашает лозунг: никакого вмешательства! Балканы — балканским народам!

21 октября 1912 г.,
«Правда» № 149.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 18, стр. 340—341.

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЕРБСКО-БОЛГАРСКИХ ПОБЕД

«Для Македонии завоевание ее Болгарией и Сербией означает буржуазную революцию, своего рода 1789 или 1848 год»,— эти слова австрийского марксиста Отто Бауэра сразу вскрывают главную суть происходящих теперь на Балканах событий.

Революция 1789 года во Франции, 1848 года в Германии и других странах была буржуазной революцией, потому что освобождение страны от абсолютизма и от помещичьих, крепостнических привилегий давало на деле свободу развития капитала. Но, само собою разумеется, такая революция самым настоятельным образом требовалась интересами рабочего класса, и даже «беспартийные», не организованные в класс, рабочие 1789 и 1848 годов были передовыми борцами французской и немецкой революции.

Македония, как и все балканские страны, сильно отстала экономически. Там еще уцелели сильнейшие остатки крепостного права, средневековой зависимости крестьян от помещиков-феодалов. К таким остаткам принадлежит крестьянский оброк помещику (денежный или продуктами), затем испольщина (обычно крестьянин в Македонии отдает помещику, при испольщине, треть урожая, меньше чем в России) и т. п.

Помещики в Македонии (так называемые *спаги*) — турки и магометане, крестьяне же — славяне и христиане. Классовое противоречие обостряется поэтому религиозным и национальным.

Таким образом победы сербов и болгар означают подрыв господства феодализма в Македонии, означают создание более или менее свободного класса крестьян-землевладельцев, означают обеспечение всего общественного развития балканских стран, задержанного абсолютизмом и крепостническими отношениями.

Буржуазные газеты, начиная «Новым Временем» и кончая «Речью», толкуют о *национальном* освобождении на Балканах,

оставляя в тени *экономическое* освобождение. А на деле именно это последнее есть главное.

При полном освобождении от помещиков и от абсолютизма, национальное освобождение и полная свобода самоопределения народов были бы неизбежным результатом. Наоборот, если останется гнет помещиков и балканских монархий над народами, останется непременно в той или иной мере и национальное угнетение.

Если бы освобождение Македонии совершилось путем революции, то есть посредством борьбы и сербских и болгарских и *турецких* крестьян против помещиков *всех* национальностей (и против помещичьих балканских правительств), то освобождение стоило бы балканским народам, наверное, во сто раз меньше человеческих жизней, чем теперешняя война. Освобождение было бы достигнуто неизмеримо более легкой ценой и было бы неизмеримо полнее.

Спрашивается, какие же исторические причины вызвали то, что вопрос решается войной, а не революцией? Главная историческая причина этого — слабость, раздробленность, неразвитость, темнота крестьянских масс во всех балканских странах, а также малочисленность рабочих, которые хорошо понимали положение дел и требовали балканской федеративной (союзной) республики.

Отсюда ясно коренное отличие европейской буржуазии и европейских рабочих в их отношении к балканскому вопросу. Буржуазия, даже либеральная, вроде наших кадетов, кричит о «национальном» освобождении «славян». Этим прямо извращается смысл и историческое значение тех событий, которые происходят сейчас на Балканах, этим *затрудняют* дело действительного освобождения балканских народов. Этим *поддерживается* сохранение в той или иной мере помещичьих привилегий, политического бесправия, национального гнета.

Напротив, рабочая демократия одна только отстаивает действительное и полное освобождение балканских народов. Только доведенное до конца экономическое и политическое освобождение *крестьян* всех балканских народностей может уничтожить всякую возможность какого бы то ни было национального угнетения.

7 ноября 1912 г., «Правда» № 162. Подпись: Т.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 18, стр. 368—370.

ОБНОВЛЕННЫЙ КИТАЙ

Передовая и цивилизованная Европа не интересуется обновлением Китая. Четыреста миллионов отсталых азиатов добились свободы, проснулись к политической жизни. *Четвертая* часть населения земного шара перешла, так сказать, от спячки к свету, движению, борьбе.

Цивилизованной Европе дела нет. До сих пор даже французская республика не признала еще официально китайской республики! Об этом будет скоро запрос в французской палате депутатов.

Чем же объясняется это равнодушие Европы? Тем, что повсюду на Западе царит империалистическая буржуазия, на три четверти уже сгнившая, готовая продать любому авантюристу всю свою «цивилизацию» за меры «строгости» против рабочих или за лишний пятак на рубль прибыли. На Китай эта буржуазия смотрит *только* как на кусок добычи, которую, пожалуй, теперь — после «нежного обнимания» Монголии Россией — будут рвать японцы, англичане, немцы и т. д.

Но обновление Китая все же идет вперед. В настоящее время начинаются выборы в парламент — *первый* парламент бывшей деспотии. Нижняя палата будет состоять из 600 членов, «сенат» — из 274.

Избирательное право — *не* всеобщее и *не* прямое. Выбирают только имеющие свыше 21 года и прожившие не менее 2-х лет в данном избирательном участке, если они платят прямые налоги на сумму около 2-х рублей или обладают имуществом около 500 рублей. Избирают сначала выборщиков, которые избирают депутатов.

Уже такое избирательное право указывает на союз зажиточного крестьянства с буржуазией, при отсутствии или полном бессилии пролетариата.

На то же самое обстоятельство указывает характер политических партий Китая. Главных партий три:

1) «Радикально-социалистическая», — в которой на самом деле так же нет *ровно никакого* социализма, как у наших «на-

родных социалистов» (и $^{9}/_{10}$ «социалистов-революционеров»). Это — партия мелкобуржуазной *демократии*. Главные требования ее: политическое объединение Китая, развитие торговли и промышленности «в социальном направлении» (столь же туманная фраза, как «трудовое начало» и «уравнительность» у наших народников и эсеров), сохранение мира.

2) Вторая партия — либералы. Они находятся в союзе с «радикально-социалистической» партией, составляя вместе *«национальную партию»*. По всей вероятности, эта партия будет иметь большинство в первом китайском парламенте. Вождь этой партии — известный доктор Сун Ят-сен. Теперь он занят особенно разработкой плана обширной железнодорожной сети (к сведению русских народников: Сун Ят-сен делает это *во имя того,* чтобы Китай «миновал» судьбы капитализма!).

3) Третья партия называется «союзом республиканцев» — один из образцов того, как обманчивы вывески в политике! На деле, это — *консервативная* партия, опирающаяся преимущественно на чиновников, помещиков, буржуа *северного* Китая, т. е. наиболее отсталого. «Национальная» же партия — преимущественно партия более промышленного, более передового, более развитого *юга* Китая.

Главная опора «национальной партии» — широкая крестьянская масса. Вожди ее — воспитанная за границей интеллигенция.

Китайская свобода завоевана союзом крестьянской демократии и либеральной буржуазии. Сумеют ли крестьяне, не руководимые партией пролетариата, удержать свою демократическую позицию *против* либералов, которые только ждут удобного момента, чтобы перекинуться направо, — это покажет недалекое будущее.

«Правда» № 163, 8 ноября 1912 г.
Подпись: Т.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 18, стр. 371—372.

РУССКИЕ И НЕГРЫ

Что за странное сопоставление? — подумает читатель. — Как можно ставить рядом одну из рас с одной из наций?

Сопоставление возможное. Негры позже всех освободились от рабства и до сих пор несут на себе всего более тяжелые следы рабства — даже в передовых странах, ибо капитализм не может «вместить» иного освобождения кроме правового, да и это последнее всячески урезывает.

Про русских история говорит, что они «почти» освободились от *крепостного* рабства в 1861 году. Приблизительно в то же самое время, после гражданской войны с американскими рабовладельцами, освободились от рабства негры в Сев. Америке.

Освобождение американских рабов произошло путем менее «реформаторским», чем освобождение рабов русских.

Поэтому теперь, полвека спустя, на русских осталось *гораздо больше* следов рабства, чем на неграх. И даже было бы точнее, если бы мы говорили не только о следах, но и об учреждениях... Но мы ограничимся в данной статейке одной маленькой иллюстрацией сказанного: вопросом о грамотности. Известно, что безграмотность — один из следов рабства. Не может быть грамотно большинство населения в стране, угнетенной пашами, Пуришкевичами и т. п.

— В России *неграмотных 73%*, не считая детей до 9-тилетнего возраста.

Среди негров в Сев.-Амер. Соед. Штатах неграмотных (1900 г.) — *44½%*.

Позором ложится на цивилизованную, передовую страну, северо-американскую республику, такой безобразно высокий % неграмотных. И всякому известно, притом, что *вообще* положение негров в Америке недостойно цивилизованной страны: капитализм *не может* дать *полного* освобождения ни даже полного равенства.

Поучительно, что среди белых в Америке процент неграмотных составляет всего 6%. Но если мы разделим Америку на районы бывшие рабовладельческие (американскую «Россию») и

и на районы не-рабовладельческие (американскую не-Россию), то получим процент неграмотных *среди белых:* 11—12% у первых, 4—6% у вторых!

В бывших рабовладельческих районах *вдвое выше* процент неграмотных *среди белых.* Следы рабства лежат не только на неграх!

Позор Америке за положение негров!..

Написано в конце января 1913 г.
Впервые напечатано в 1925 г. в журнале «Красная Нива» № 3
Подпись: W.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 18, стр. 508—509.

БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА И БУРЖУАЗНЫЙ ШОВИНИЗМ

Балканская война подходит к концу. Взятие Адрианополя означает решительную победу болгар, и центр тяжести вопроса перенесен окончательно с театра военных действий на театр грызни и интриг так наз. великих держав.

Балканская война есть одно из звеньев в цепи мировых событий, знаменующих крах средневековья в Азии и в восточной Европе. Создание объединенных национальных государств на Балканах, свержение гнета местных феодалов, окончательное освобождение балканских крестьян всяческих национальностей от помещичьего ига, — такова была историческая задача, стоявшая перед балканскими народами.

Эту задачу балканские народы могли решить вдесятеро легче, чем теперь, и с жертвами, во сто раз меньшими, устройством федеративной балканской республики. Ни национальное угнетение, ни национальная грызня, ни разжигание религиозных различий не были бы возможны при полном и последовательном демократизме. Балканским народам было бы обеспечено действительно быстрое, широкое и свободное развитие.

Какова историческая причина того, что насущные вопросы Балкан решались войной, руководимой буржуазными и династическими интересами? Главная причина — слабость пролетариата на Балканах, а затем реакционные влияния и давления могущественной европейской буржуазии. Она боится действительной свободы и у себя дома и на Балканах, она стремится только к наживе на чужой счет, она разжигает шовинизм и национальную вражду, чтобы облегчить себе политику грабежа, чтобы затруднить балканским угнетенным классам свободное развитие.

Русский шовинизм по поводу балканских событий не менее отвратителен, чем европейский. А прикрытый, нарумяненный, закрашенный либеральными фразами шовинизм кадетов еще отвратительнее и еще вреднее, чем грубый шовинизм черносотенных газет. Эти газеты открыто науськивают на Австрию, — в этой, самой отсталой из европейских стран,

стране народам обеспечено (заметим в скобках) несравненно больше свободы, чем в России. Кадетская же «Речь» по поводу взятия Адрианополя писала: «новые обстоятельства дают русской дипломатии полную возможность быть более настойчивой»...

Хороши «демократы», которые прикидываются непонимающими того, что речь может идти только о настойчивости в преследовании шовинистических целей! Неудивительно, что на обеде у Родзянко, 14 марта, Милюков и Ефремов, Гучков, Беннигсен, Крупенский и Балашов дружно сошлись вместе. Националисты, октябристы, кадеты, это — лишь разные оттенки отвратительного, бесповоротно враждебного свободе, буржуазного национализма и шовинизма!

29 марта 1913 г.,
«Правда» № 74.
Подпись: В. И.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 19, стр. 19—20.

«КОМУ ВЫГОДНО?»

Есть такое латинское изречение «cui prodest» (куи продэст), — «кому выгодно?». Когда не сразу видно, какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т. п., следует всегда ставить вопрос: «Кому выгодно?».

Не то важно, *кто* отстаивает непосредственно известную политику, — ибо для защиты всяких взглядов, при современной благородной системе капитализма, любой богач всегда сможет «нанять» или купить или привлечь любое число адвокатов, писателей, даже депутатов, профессоров, попов и так далее. Мы живем в торговое время, когда буржуазия не стесняется торговать и честью и совестью. Бывают и простачки, которые по недомыслию или по слепой привычке защищают господствующие в известной буржуазной среде взгляды.

Нет, в политике не так важно, *кто* отстаивает непосредственно известные взгляды. Важно то, *кому выгодны* эти взгляды, эти предложения, эти меры.

Например, «Европа», государства, именующие себя «цивилизованными», ведут теперь бешеную скачку с препятствиями из-за вооружений. На тысячи ладов, в тысячах газет, с тысяч кафедр кричат и вопят о патриотизме, о культуре, о родине, о мире, о прогрессе, — и все это ради оправдания новых затрат десятков и сотен миллионов рублей на всяческие орудия истребления, на пушки, на «дредноуты» (броненосцы новейшего типа) и т. п.

Господа публика! — хочется сказать по поводу всех этих фраз «патреотов». Не верьте фразам, посмотрите лучше, *кому выгодно!*

Недавно знаменитая английская фирма «Армстронг, Уитверс и К⁰» опубликовала свой годичный отчет. Фирма производит главным образом всяческие предметы вооружения. Баланс сведен в сумме 877 тысяч фунтов стерлингов, т. е. *около 8-ми миллионов рублей,* дивиденд *по 12½ процентов!!*

Около 900 000 рублей отнесено в запасный капитал и т. д. и т. д.

Вот куда идут миллионы и миллиарды, выколачиваемые из рабочих и крестьян на вооружения. Дивиденды по $12^1/_2$ процентов, — это значит *удвоение* капитала в 8 лет. А всяческие вознаграждения директоров и т. п. тут еще не считаются. Армстронг в Англии, Крупп в Германии, Крезо во Франции, Кокериль в Бельгии, а сколько их во всех «цивилизованных» странах? А тьма тем поставщиков?

Вот *кому выгодно* раздувание шовинизма, болтовня о «патриотизме» (пушечном патриотизме), о защите культуры (орудиями истребления культуры) и так далее!

11 апреля 1913 г.,
«Правда» № 84.
Подпись: В.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 19, стр. 33—34.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА БУРЖУАЗИИ

Газеты правительственные и газеты либеральные переполнены известиями, слухами, предположениями и расчетами относительно «балканской» политики. Чего тут только нет! Одна «сенсация» подгоняет другую, одно сообщение «пикантнее» другого. Вчера, якобы, совсем уже готова была разразиться война — Австрии с Черногорией, Болгарии с Сербией. Сегодня в перегонку опровергают вчерашние известия и уверяют, что «мир обеспечен».

Вчера — пикантные сказки про Эссад-пашу, его тайный договор с королем Черногории, его коварные планы насчет захвата власти в Албании. Сегодня — опровержение этих сказок и новые «пикантные» вести про сговоры Австрии с Эссадом.

Обывательская публика, развеся уши, слушает эти россказни, принимая побасенки за чистую монету, и слепо идет за аферистами, которые стараются занять «общественное» внимание как раз тем, что им, аферистам, требуется. Обывательская публика не подозревает, что ее ведут на поводу, что звонкими фразами о «патриотизме», о «чести и престиже отечества», о «группировке великих держав» прикрывают намеренно проделки финансовых мошенников и всяких капиталистических авантюристов. Пикантные новости, фабрикуемые ежедневно большими буржуазными газетами, которые тем и заняты, что продают с барышом «самые свежие» и «самые пикантные» сообщения, предназначены как раз для того, чтобы *отвлекать* внимание толпы от действительно важных вопросов, от действительной подкладки «высокой» политики.

Газеты консервативные в Европе, черносотенные и октябристские, а также беспартийные у нас, ведут эту игру грубо и аляповато — в России, напр., они ежедневно науськивают на Австрию и изображают Россию «защитницей» славян. Газеты либеральные, вроде «Речи» и ей подобных органов, ведут *ту же самую игру*, только потоньше, половчее прикрывая ее, поосторожнее пуская «шпильки» Австрии, корча из себя

государственных мужей, обсуждающих вопросы европейского концерта.

А на деле вся эта грызня Австрии с Россией, тройственного союза с тройственным соглашением, все эти тонкие подходы, — все это лишь споры капиталистических дельцов и капиталистических правительств из-за дележа добычи. Обывателя стараются втянуть в вопрос о том, как бы «нам» урвать побольше, как бы «им» дать поменьше, обывателя стараются занять, заинтересовать грызней из-за этого.

О том, сколько шкур будут теперь сдирать с крестьянина и рабочего в Сербии, Болгарии и Греции для оплаты расходов на войну, — или в Австрии для покрытия расходов на мобилизацию — или в России на то же и на великодержавную политику; о том, будут ли обеспечены и как именно демократические учреждения в «новых» государствах Балкан или в Армении или в Монголии, — об этом не пишут и не говорят. Это — неинтересно. Прибыль международных акул зависит не от этого. «Спокойному» получению барышей даже мешают демократические учреждения. Вместо *разоблачения* политики великих держав газеты, и охранительные и либеральные, заняты рассуждениями о том, как *лучше* насытить акул этой политикой.

«Правда» № 101, 4 мая 1913 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 36, стр. 190—191.

БУРЖУАЗИЯ И МИР

Состоявшаяся в прошлое воскресенье, 11 мая (28 апреля по ст. ст.), конференция французских и немецких парламентариев в Берне снова напоминает об отношении европейской буржуазии к войне и миру.

Почин созыва конференции принадлежал эльзас-лотарингским и швейцарским представителям. Социалистические депутаты Франции и Германии явились дружно. Из буржуазных депутатов явилось довольно много французских радикалов и «радикалов-социалистов» (мелкобуржуазных демократов, на деле совершенно чуждых, а большею частью и враждебных социализму). Из Германии явилось ничтожное число буржуазных депутатов. Национал-либералы (среднее между кадетами и октябристами, нечто вроде наших «прогрессистов») ограничились присылкой приветствия. Из партии «центра» (католическая мелкобуржуазная партия в Германии, любящая играть в демократизм) *двое* обещали приехать,... но... предпочли не явиться!

Из видных социалистов на конференции говорили речи Грейлих, ветеран швейцарской социал-демократии, и Август Бебель.

Единогласно была принята резолюция, осуждающая шовинизм, заявляющая, что оба народа, французский и немецкий, в подавляющем большинстве хотят мира и требуют решения международных конфликтов путем третейских судов.

Несомненно, что конференция была внушительной демонстрацией в пользу мира. Но было бы громадной ошибкой довериться прекраснодушным речам тех немногих буржуазных депутатов, которые присутствовали на конференции и голосовали за резолюцию. При серьезном желании мира, эти буржуазные депутаты должны были бы прямо *осудить* увеличение вооружений в Германии (армия Германии увеличивается на 140 000 человек; это новое предложение правительства, несомненно, примут буржуазные партии Германии вопреки решительному протесту социалистов), — осудить точно так же и

французское правительственное предложение о продлении срока службы до трех лет.

Этого гг. буржуазные депутаты не решились сделать. Еще менее способны они были выступить с решительным требованием милиции, то есть замены постоянного войска всеобщим вооружением народа. Эта мера, не выходящая из рамок буржуазного общества, единственно способна демократизировать войско и сколько-нибудь *серьезно* двинуть хоть на шаг вперед вопрос о мире.

Нет. Европейская буржуазия судорожно цепляется за военщину и реакцию, из страха перед рабочим движением. Ничтожное число мелкобуржуазных демократов бессильно твердо желать мира и еще более бессильно обеспечить его. Власть — в руках банков, картелей и крупного капитала вообще. Единственная гарантия мира — организованное, сознательное движение рабочего класса.

«Правда» № 103, 7 мая 1913 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 19, стр. 63—64.

ПРОБУЖДЕНИЕ АЗИИ

Давно ли Китай слыл образцом стран векового полного застоя? А теперь в Китае кипит политическая жизнь, ключом бьет общественное движение и демократический подъем. Вслед за русским движением 1905 года демократическая революция охватила всю Азию — Турцию, Персию, Китай. Растет брожение в английской Индии.

Интересно, что революционно-демократическое движение охватило теперь и голландскую Индию, остров Яву и другие колонии Голландии, имеющие население до 40 миллионов человек.

Носителями этого демократического движения являются, во-первых, народные массы на Яве, среди которых пробудилось националистическое движение под знаменем ислама. Во-вторых, капитализм создал местную интеллигенцию из акклиматизировавшихся европейцев, которые стоят за независимость голландской Индии. В-третьих, довольно значительное китайское население на Яве и других островах перенесло революционное движение со своей родины.

Голландский марксист Ван-Равестейн, описывая это пробуждение голландской Индии, указывает, что исконный деспотизм и произвол голландского правительства встречают теперь решительный отпор и протест среди масс туземного населения.

Начинаются обычные явления предреволюционного периода: возникают с поразительной быстротой союзы и партии. Правительство запрещает их, вызывая тем еще большее озлобление и новый рост движения. Так, голландское правительство недавно распустило «индийскую партию» за то, что в уставе и программе ее говорилось о стремлении к *независимости*. Голландские «держиморды» (кстати сказать, одобряемые и клерикалами и либералами: сгнил европейский либерализм!) увидели в этом преступное стремление отделиться от Голландии! Распущенная партия, конечно, воскресла под другим названием.

На Яве возник национальный союз туземцев, имеющий уже 80 000 членов и организующий массовые митинги. Рост демократического движения неудержим.

Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию.

Рабочие передовых стран мира с интересом и воодушевлением следят за этим могучим ростом мирового освободительного движения во всех частях света и во всех формах. Буржуазия Европы, испуганная силой рабочего движения, бросилась в объятия реакции, военщины, поповщины и мракобесия. Но на смену этой, заживо гниющей, буржуазии идет пролетариат европейских стран и молодая, полная веры в свои силы и доверия к массам, демократия азиатских стран.

Пробуждение Азии и начало борьбы за власть передовым пролетариатом Европы знаменуют открывшуюся, в начале XX века, новую полосу всемирной истории.

«Правда» № 103, 7 мая 1913 г.
Подпись: Ф.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 19, стр. 65—66.

ОТСТАЛАЯ ЕВРОПА И ПЕРЕДОВАЯ АЗИЯ

Сопоставление этих слов кажется парадоксом. Кто не знает, что Европа — передовая, Азия же отстала? Но в словах, взятых для заглавия настоящей статьи, есть горькая правда.

В цивилизованной и передовой Европе, с ее блестящей развитой техникой, с ее богатой, всесторонней культурой и конституцией, наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство.

В передовой Европе командует поддерживающая все отсталое буржуазия. Европа является передовой в наши дни не *благодаря* буржуазии, а *вопреки* ей, ибо один только пролетариат все увеличивает миллионную рать борцов за лучшее будущее, один только сохраняет и распространяет беспощадную вражду к отсталости, дикости, привилегиям, рабству и унижению человека человеком.

В «передовой» Европе *передовым* классом является *только* пролетариат. А живая буржуазия готова на все дикости, зверства и преступления, чтобы отстоять гибнущее капиталистическое рабство.

И едва ли можно привести более разительный пример этого гниения *всей* европейской буржуазии, как поддержка ею *реакции* в Азии из-за корыстных целей финансовых дельцов и мошенников-капиталистов.

В Азии везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение. Буржуазия там *еще* идет с народом против реакции. Просыпаются к жизни, к свету, к свободе *сотни* миллионов людей. Какой восторг вызывает это мировое движение в сердцах всех сознательных рабочих, знающих, что путь к коллективизму лежит через демократию! каким сочувствием к молодой Азии проникнуты все честные демократы!

А «передовая» Европа? Она грабит Китай и помогает врагам демократии, врагам свободы в Китае!

Вот простой, но поучительный расчетец. Новый китайский заем заключен *против* китайской демократии: «Европа» *за* Юань Ши-кая, готовящего военную диктатуру. Почему она за него? По случаю выгодного дельца. Заем заключен на сумму около 250 миллионов рублей по курсу 84 за 100. Это значит: буржуа «Европы» *платят* китайцам 210 млн.; а с публики они берут 225 млн. рублей. Вот вам сразу, в несколько недель, чистая прибыль в *15 миллионов рублей!* Не правда ли, какая это в самом деле *«чистая»* прибыль?

А если китайский народ не признает займа? В Китае ведь республика, и большинство в парламенте *против* займа?

О, тогда «передовая» Европа закричит о «цивилизации», «порядке», «культуре» и «отечестве»! тогда она двинет *пушки* и задавит республику «отсталой» Азии в союзе с авантюристом, изменником и другом реакции Юань Ши-каем!

Вся командующая Европа, вся европейская буржуазия *в союзе* со всеми силами реакции и средневековья в Китае.

Зато вся молодая Азия, то есть сотни миллионов трудящихся в Азии имеют надежного союзника в лице пролетариата всех цивилизованных стран. Никакая сила в мире не сможет удержать его победы, которая освободит и народы Европы и народы Азии.

«Правда» № 113, 18 мая 1913 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 19, стр. 77—78.

ВООРУЖЕНИЯ И КАПИТАЛИЗМ

Англия — одна из самых богатых, самых свободных и самых передовых стран мира. Горячка вооружений охватила уже давно английское «общество» и английское правительство — совершенно так же, как французское, германское и т. д.

И вот, английская печать, — особенно рабочая — приводит теперь интереснейшие данные, которые показывают хитрую капиталистическую «механику» вооружений. Морские вооружения Англии особенно велики. Судостроительные заводы Англии (Виккерс, Армстронг, Броун и др.) пользуются мировой известностью. Сотни и тысячи миллионов рублей расходуются Англией и другими странами на приготовления к войне, — разумеется, все это делается исключительно в интересах мира, в интересах охраны культуры, в интересах родины, цивилизации и т. д.

А в качестве акционеров и директоров предприятий судостроительных, пороховых, динамитных, пушечных и т. д. мы видим адмиралов и знаменитейших государственных деятелей Англии из обеих партий: и консервативной, и либеральной. Золотой дождь льется прямо в карманы буржуазных политиков, которые составляют тесную международную шайку, подстрекающую народы к соревнованию в деле вооружений и *стригущую* эти доверчивые, глупые, тупые и покорные народы, как стригут овец!

Вооружения считаются национальным делом, патриотическим делом; предполагается, что все строго оберегают тайну. А судостроительные и пушечные, динамитные и ружейные фабрики и заводы представляют из себя *международные предприятия*, в которых капиталисты разных стран дружно надувают и обдирают, как липку, «публику» разных стран, строя суда или пушки одинаково для Англии против Италии, для Италии против Англии.

Хитрая капиталистическая механика! Цивилизация, порядок, культура, мир — и грабеж сотен миллионов рублей

дельцами и аферистами капитала судостроительного, динамитного и пр.!

Англия входит в тройственное соглашение, враждебное тройственному союзу. Италия входит в тройственный союз. Знаменитая фирма Виккерс (Англия) имеет *отделения* в Италии. Акционеры и директора этой фирмы науськивают (через продажные газеты и через продажных парламентских «деятелей» консерваторов, либералов, все равно) Англию на Италию и обратно. А прибыль берут и с рабочих Англии и с рабочих Италии, обдирают народ и здесь и там.

Консервативные и либеральные министры и члены палаты — почти все участники этих фирм. Рука руку моет. Сын «великого» либерального министра Гладстона — директор фирмы Армстронг. Контр-адмирал Бэйкон, известнейший морской специалист и высший чин «ведомства» в Англии, переходит на службу к фабрике артиллерийских орудий в Ковентри на жалованье в 7 000 фунтов стерлингов (свыше 60 000 рублей), а английский первый министр получает 5 000 фунтов (около 45 000 рублей).

То же самое происходит, разумеется, во всех капиталистических странах. Правительства — приказчики класса капиталистов. Приказчикам платят хорошо. Приказчики — сами пайщики. А овечек стригут вместе под шумок речей о «патриотизме»...

«Правда» № 115, 21 мая 1913 г.
Подпись: Фр.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 19, стр. 83—84.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПРОФЕССОР О РАВЕНСТВЕ

Г. либеральный профессор Туган-Барановский отправился в поход против социализма. На этот раз он подошел к вопросу не с политико-экономической стороны, а со стороны общих рассуждений о равенстве (может быть, эти общие рассуждения показались профессору более подходящими для религиозно-философских собеседований, на которых он выступал?).

«Если взять социализм — провозгласил г. Туган — не как экономическую теорию, а как жизненный идеал, то, несомненно, он связан с идеалом равенства, но равенство — понятие... из опыта и разума не выводимое».

Вот рассуждения либерального ученого, повторяющего невероятно избитые и затасканные доводы: дескать, опыт и разум свидетельствуют явно, что люди *не* равны, а социализм основывает свой идеал на равенстве. Значит, социализм, изволите видеть, нелепость, противоречит опыту и разуму и так далее!

Г. Туган повторяет старый прием реакционеров: сначала извратить социализм, приписав ему нелепость, а потом победоносно опровергать нелепицы! Когда говорят, что опыт и разум свидетельствуют, что люди *не* равны, то под равенством разумеют равенство *способностей* или *одинаковость* физических сил и душевных способностей людей.

Само собою разумеется, что в этом смысле люди *не* равны. Ни один разумный человек и ни один социалист не забывает этого. Только к социализму *такое* равенство не имеет *никакого* отношения. Если г. Туган совсем не умеет *думать*, то во всяком случае он *умеет* читать и, взявши известное сочинение одного из основателей научного социализма, Фридриха Энгельса, против Дюринга, г. Туган мог бы прочесть там специальное разъяснение, что под равенством в области экономической глупо разуметь что-либо иное кроме *уничтожения классов*. Но, когда господа профессора берутся опровергать социализм, то не знаешь, чему больше удивляться, их тупости или их невежеству или их недобросовестности.

Придется начинать с азов, раз имеешь дело с г. Туганом.

Под равенством социал-демократы в области политической разумеют *равноправие*, а в области экономической, как уже сказано, *уничтожение классов*. Об установлении же человеческого равенства в смысле равенства сил и способностей (телесных и душевных) социалисты и не помышляют.

Равноправие есть требование одинаковых политических прав для *всех* граждан государства, достигших известного возраста и не страдающих ни обыкновенным, ни либерально-профессорским слабоумием. Это требование выдвинуто впервые вовсе не социалистами, не пролетариатом, а *буржуазией*. Общеизвестный исторический опыт всех стран мира свидетельствует об этом, и г. Туган легко мог бы узнать это, если бы он не ссылался на «опыт» исключительно в целях одурачения студентов и рабочих, в целях угождения власть имущим «уничтожением» социализма.

Буржуазия выдвинула требование *равенства* прав всех граждан в борьбе с средневековыми, феодальными, крепостническими, сословными привилегиями. В России, например, в отличие от Америки, от Швейцарии и т. п. и сейчас сохраняются привилегии сословия дворянского во всей политической жизни, и на выборах в Государственный совет, и на выборах в Думу, и в местном управлении, и в отношении налогов, и в многом, многом другом.

Даже самый недогадливый и неразвитый человек может сообразить, что отдельные люди, принадлежащие к дворянскому сословию, *не* равны по своим телесным и душевным способностям, как *не* равны между собой и люди, принадлежащие к «податному», «черному», «низшему» или «непривилегированному» крестьянскому сословию. Но по *правам* своим все дворяне *равны*, а все крестьяне равны по своему бесправию.

Понимает ли теперь г. ученый и либеральный профессор Туган разницу между равенством в смысле равноправия и равенством в смысле равенства сил и способностей?

Перейдем теперь к равенству в смысле экономическом. В Соединенных Штатах Америки, как и в других передовых государствах, средневековых привилегий нет. Все граждане равны в смысле политических прав. Но равны ли они *по положению в общественном производстве?*

— Нет, г. Туган, не равны. Одни владеют землей, фабриками, капиталами и живут на счет неоплаченного труда рабочих; — таковых ничтожное меньшинство. Другие, именно громадная масса населения, не имеют никаких средств производства и живут только продажей своей рабочей силы; это — пролетарии.

Дворян в Соединенных Штатах Америки нет, а буржуа и пролетарии имеют *равные* политические права. Но они *не* равны по своему *классовому* положению: одни, класс капиталистов, владеют средствами производства и живут на счет неоплаченного труда рабочих; другие, класс наемных рабочих, пролетариев, не имеют средств производства и живут продажей на рынке своей рабочей силы.

Уничтожить классы — это значит поставить *всех* граждан в *одинаковое* отношение к *средствам производства* всего общества, это значит — все граждане имеют *одинаковый* доступ к работе на общественных средствах производства, на общественной земле, на общественных фабриках и так далее.

Это разъяснение того, что есть социализм, необходимо было для просвещения ученого либерального профессора г. Туган, который, может быть, понатужившись, поймет теперь, что *равенства* сил и способностей людей в социалистическом обществе ждать нелепо.

Кратко говоря: когда социалисты говорят о равенстве, они понимают под ним всегда *общественное* равенство, равенство общественного положения, а никоим образом не равенство физических и душевных способностей отдельных личностей.

Читатель спросит, пожалуй, в недоумении: как могло быть, чтобы ученый либеральный профессор позабыл эти азбучные истины, известные всякому из любого изложения взглядов социализма? Ответ простой: *личные* особенности современных профессоров таковы, что среди них можно встретить даже редкостно-тупых людей вроде Тугана. Но *общественное* положение профессоров в буржуазном обществе таково, что пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересам капитала, только тех, кто соглашается против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие нелепости и чепуху. Буржуазия все это простит профессорам, лишь бы они занимались «уничтожением» социализма.

«Путь Правды» № 33, 11 марта 1914 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 20, стр. 126—129.

ИЗ РАБОТЫ
«О ПРАВЕ НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ»

1. ЧТО ТАКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАЦИЙ?

Естественно, что этот вопрос становится в первую голову, когда делаются попытки марксистски рассмотреть так называемое самоопределение. Что следует понимать под ним? Искать ли ответа в юридических дефинициях (определениях), выведенных из всяческих «общих понятий» права? Или ответа надо искать в историко-экономическом изучении национальных движений?

Неудивительно, что гг. Семковские, Либманы, Юркевичи даже и не догадались поставить этого вопроса, отделываясь простым хихиканьем по поводу «неясности» марксистской программы и, видимо, даже не зная, в своей простоте, что о самоопределении наций говорит не только российская программа 1903 года, но и решение Лондонского международного конгресса 1896-го года (об этом подробно в своем месте). Гораздо более удивительно, что Роза Люксембург, много декламирующая по поводу будто бы абстрактности и метафизичности данного параграфа, сама впала именно в этот грех абстрактности и метафизичности. Именно Роза Люксембург постоянно сбивается на общие рассуждения о самоопределении (вплоть даже до совсем забавного умствования о том, как узнать волю нации), не ставя нигде ясно и точно вопроса, в юридических ли определениях суть дела или в опыте национальных движений всего мира?

Точная постановка этого, неизбежного для марксиста, вопроса сразу подорвала бы девять десятых доводов Розы Люксембург. Национальные движения не впервые возникают в России и не одной ей свойственны. Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с

населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем.

Образование *национальных государств*, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, и для всей Западной Европы — более того: для всего цивилизованного мира — *типичным*, нормальным для капиталистического периода является поэтому национальное государство.

Следовательно, если мы хотим понять значение самоопределения наций, не играя в юридические дефиниции, не «сочиняя» абстрактных определений, а разбирая историко-экономические условия национальных движений, то мы неизбежно придем к выводу: под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства.

Мы увидим ниже еще другие причины, почему неправильно было бы под правом на самоопределение понимать что-либо иное кроме права на отдельное государственное существование. Теперь же мы должны остановиться на том, как Роза Люксембург пыталась «отделаться» от неизбежного вывода о глубоких экономических основаниях стремлений к национальному государству.

Розе Люксембург прекрасно известна брошюра Каутского: «Национальность и интернациональность» (приложение к «Neue Zeit» [26], № 1, 1907—1908; русский перевод в журнале «Научная Мысль», Рига, 1908). Ей известно, что Каутский, подробно разобрав в § 4 этой брошюры вопрос о национальном государстве, пришел к выводу, что Отто Бауэр «*недооценивает* силу стремления к созданию национального государства» (стр. 23 цитируемой брошюры). Роза Люксембург цитирует сама слова Каутского: «Национальное государство есть форма государства, *наиболее соответствующая* современным» (т. е. капиталистическим, цивилизованным, экономически-прогрессивным в отличие от средневековых, докапиталистических и проч.) «условиям, есть та форма, в которой оно всего легче

может выполнить свои задачи» (т. е. задачи наиболее свободного, широкого и быстрого развития капитализма). К этому надо добавить еще более точное заключительное замечание Каутского, что пестрые в национальном отношении государства (так называемые государства национальностей в отличие от национальных государств) являются «всегда государствами, внутреннее сложение которых по тем или другим причинам осталось ненормальным или недоразвитым» (отсталым). Само собою разумеется, что Каутский говорит о ненормальности исключительно в смысле несоответствия тому, что наиболее приспособлено к требованиям развивающегося капитализма.

Спрашивается теперь, как же отнеслась Роза Люксембург к этим историко-экономическим выводам Каутского. Верны они или неверны? Прав ли Каутский с его историко-экономической теорией или Бауэр, теория которого является, в основе своей, психологической? В чем состоит связь несомненного «национального оппортунизма» у Бауэра, его защиты культурно-национальной автономии, его националистических увлечений («кое-где усиление национального момента», как выразился Каутский), его «громадного преувеличения момента национального и полного забвения момента интернационального» (Каутский), с его недооценкой силы стремления к созданию национального государства?

Роза Люксембург не поставила даже этого вопроса. Она не заметила этой связи. Она не вдумалась в *целое* теоретических взглядов Бауэра. Она совсем даже не противопоставила историко-экономической и психологической теории в национальном вопросе. Она ограничилась следующими замечаниями против Каутского.

«...Это «наилучшее» национальное государство есть только абстракция, легко поддающаяся теоретическому развитию и теоретической защите, но не соответствующая действительности» («Przegląd Socjaldemokratyczny» *, 1908, № 6, стр. 499).

И в подтверждение этого решительного заявления следуют рассуждения о том, что развитие великих капиталистических держав и империализм делают иллюзорным «право на самоопределение» мелких народов. «Можно ли серьезно говорить, — восклицает Роза Люксембург, — о «самоопределении» формально независимых черногорцев, болгар, румын, сербов, греков, отчасти даже швейцарцев, независимость которых сама является продуктом политической борьбы и дипломатической игры «европейского концерта»?»!(стр. 500). Наилучше соответствует условиям «не государство национальное, как пола-

* — «Социал-демократическое Обозрение». *Ред.*

гает Каутский, а государство хищническое». Приводится несколько десятков цифр о величине колоний, принадлежащих Англии, Франции и пр.

Читая подобные рассуждения, нельзя не подивиться способности автора не понимать, *что к чему!* Поучать с важным видом Каутского тому, что мелкие государства экономически зависят от крупных; что между буржуазными государствами идет борьба из-за хищнического подавления других наций; что существует империализм и колонии, — это какое-то смешное, детское умничанье, ибо к делу все это ни малейшего отношения не имеет. Не только маленькие государства, но и Россия, например, целиком зависят экономически от мощи империалистского финансового капитала «богатых» буржуазных стран. Не только балканские миниатюрные государства, но и Америка в XIX веке была, экономически, колонией Европы, как указал еще Маркс в «Капитале» [27]. Все это Каутскому и каждому марксисту, конечно, прекрасно известно, но по вопросу о национальных движениях и о национальном государстве это решительно ни к селу ни к городу.

Роза Люксембург подменила вопрос о политическом самоопределении наций в буржуазном обществе, об их государственной самостоятельности вопросом об их экономической самостоятельности и независимости. Это так же умно, как если бы человек, обсуждающий программное требование о верховенстве парламента, т. е. собрания народных представителей, в буржуазном государстве, принялся выкладывать свое вполне правильное убеждение в верховенстве крупного капитала при всяких порядках буржуазной страны.

Нет сомнения, что большая часть Азии, наиболее населенной части света, находится в положении либо колоний «великих держав» либо государств, крайне зависимых и угнетенных национально. Но разве это общеизвестное обстоятельство колеблет хоть сколько-нибудь тот бесспорный факт, что в самой Азии условия наиболее полного развития товарного производства, наиболее свободного, широкого и быстрого роста капитализма создались только в Японии, т. е. только в самостоятельном национальном государстве? Это государство — буржуазное, а потому оно само стало угнетать другие нации и порабощать колонии: мы не знаем, успеет ли Азия, до краха капитализма, сложиться в систему самостоятельных национальных государств, подобно Европе. Но остается неоспоримым, что капитализм, разбудив Азию, вызвал и там повсюду национальные движения, что тенденцией этих движений является создание национальных государств в Азии, что наилучшие условия развития капитализма обеспечивают именно такие государства. Пример Азии говорит *за* Каутского, *против* Розы Люксембург.

Пример балканских государств тоже говорит против нее, ибо всякий видит теперь, что наилучшие условия развития капитализма на Балканах создаются как раз в мере создания на этом полуострове самостоятельных национальных государств.

Следовательно, и пример всего передового цивилизованного человечества, и пример Балкан, и пример Азии доказывают, вопреки Розе Люксембург, безусловную правильность положения Каутского: национальное государство есть правило и «норма» капитализма, пестрое в национальном отношении государство — отсталость или исключение. С точки зрения национальных отношений, наилучшие условия для развития капитализма представляет, несомненно, национальное государство. Это не значит, разумеется, чтобы такое государство, на почве буржуазных отношений, могло исключить эксплуатацию и угнетение наций. Это значит лишь, что марксисты не могут упускать из виду могучих *экономических* факторов, порождающих стремления к созданию национальных государств. Это значит, что «самоопределение наций» в программе марксистов *не может* иметь, с историко-экономической точки зрения, иного значения кроме как политическое самоопределение, государственная самостоятельность, образование национального государства.

Какими условиями обставляется, с марксистской, т. е. классовой пролетарской, точки зрения, поддержка буржуазно-демократического требования «национального государства», об этом подробно будет речь ниже. Сейчас мы ограничиваемся определением *понятия* «самоопределения» и должны еще только отметить, что Роза Люксембург *знает* о содержании этого понятия («национальное государство»), тогда как ее оппортунистические сторонники, Либманы, Семковские, Юркевичи, *не знают даже и этого!*

2. ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНКРЕТНАЯ ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи.

Что означает это безусловное требование марксизма в применении к нашему вопросу?

Прежде всего оно означает необходимость строго разделить две, коренным образом отличные, с точки зрения национальных движений, эпохи капитализма. С одной стороны, это — эпоха краха феодализма и абсолютизма, эпоха сложения бур-

жуазно-демократического общества и государства, когда национальные движения впервые становятся массовыми, втягивают так или иначе *все* классы населения в политику путем печати, участия в представительных учреждениях и т. д. С другой стороны, перед нами эпоха вполне сложившихся капиталистических государств, с давно установившимся конституционным строем, с сильно развитым антагонизмом пролетариата и буржуазии, — эпоха, которую можно назвать кануном краха капитализма.

Для первой эпохи типично пробуждение национальных движений, вовлечение в них крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее «тяжелого на подъем» слоя населения в связи с борьбой за политическую свободу вообще и за права национальности в частности. Для второй эпохи типично отсутствие массовых буржуазно-демократических движений, когда развитой капитализм, все более сближая и перемешивая вполне уже втянутые в торговый оборот нации, ставит на первый план антагонизм интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением.

Конечно, та и другая эпоха не отделены друг от друга стеной, а связаны многочисленными переходными звеньями, причем разные страны отличаются еще быстротой национального развития, национальным составом населения, размещением его и т. д. и т. п. Не может быть и речи о приступе к национальной программе марксистов данной страны без учета всех этих общеисторических и конкретно-государственных условий.

И вот здесь как раз мы натыкаемся на самое слабое место в рассуждениях Розы Люксембург. Она с необыкновенным усердием украшает свою статью набором «крепких» словечек против § 9 нашей программы, объявляя его «огульным», «шаблоном», «метафизической фразой» и так далее без конца. Естественно было бы ожидать, что писательница, так превосходно осуждающая метафизику (в марксовском смысле, т. е. антидиалектику) и пустые абстракции, даст нам образец конкретно-исторического рассмотрения вопроса. Речь идет о национальной программе марксистов одной определенной страны, России, одной определенной эпохи, начала XX века. Вероятно, Роза Люксембург и ставит вопрос о том, *какую историческую* эпоху переживает Россия, *каковы конкретные* особенности национального вопроса и национальных движений *данной* страны в *данную* эпоху?

Ровнехонько ничего об этом Роза Люксембург не говорит! Ни тени разбора вопроса о том, как стоит национальный вопрос в России в данную историческую эпоху, каковы особенности России в данном отношении, — вы у нее не найдете!

Нам говорят, что иначе ставится национальный вопрос на Балканах, чем в Ирландии, что Маркс вот так-то оценивал польское и чешское национальное движение в конкретных условиях 1848-го года (страница выписок из Маркса), что Энгельс вот так-то оценивал борьбу лесных кантонов Швейцарии против Австрии и битву под Моргартеном, имевшую место в 1315-ом году (страничка цитат из Энгельса с соответствующим комментарием из Каутского), что Лассаль считал реакционной крестьянскую войну в Германии в XVI веке и т. п.

Нельзя сказать, чтобы эти замечания и цитаты блистали новизной, но, во всяком случае, читателю интересно еще и еще раз вспомнить, как именно Маркс, Энгельс и Лассаль подходили к разбору конкретно-исторических вопросов отдельных стран. И, перечитывая поучительные цитаты из Маркса и Энгельса, видишь с особенной наглядностью, в какое смешное положение поставила себя Роза Люксембург. Она красноречиво и сердито проповедует необходимость конкретно-исторического анализа национального вопроса в разных странах в разное время, — и она не делает *ни малейшей* попытки определить, *какую* же историческую стадию развития капитализма переживает *Россия* в начале XX века, каковы *особенности* национального вопроса в этой стране. Роза Люксембург показывает примеры, как *другие* разбирали вопрос по-марксистски, точно нарочно подчеркивая этим, как часто благими намерениями мостят ад, добрыми советами прикрывают нежелание или неуменье пользоваться ими на деле.

Вот одно из поучительных сопоставлений. Восставая против лозунга независимости Польши, Роза Люксембург ссылается на свою работу 1898-го года, доказавшую быстрое «промышленное развитие Польши» с сбытом фабричных продуктов в России. Нечего и говорить, что отсюда еще ровно ничего не следует по вопросу о *праве* на самоопределение, что этим доказано только исчезновение старой шляхетской Польши и т. д. Роза же Люксембург незаметным образом переходит постоянно к тому выводу, будто среди факторов, соединяющих Россию с Польшей, преобладают уже теперь чисто экономические факторы современно-капиталистических отношений.

Но вот переходит наша Роза к вопросу об автономии и — хотя ее статья озаглавлена «Национальный вопрос и автономия» *вообще* — начинает доказывать *исключительное* право королевства Польского на автономию (смотри об этом «Просвещение» 1913 г., № 12 *). Чтобы подтвердить право Польши на автономию, Роза Люксембург характеризует государственный строй России по признакам, очевидно, и экономическим, и по-

* — См. Сочинения В. И. Ленина, изд. 4, т. 20, стр. 28—34.

литическим, и бытовым, и социологическим — совокупностью черт, которые дают в сумме понятие «азиатского деспотизма» (№ 12 «Przeglad'a», стр. 137).

Всем известно, что подобного рода государственный строй обладает очень большой прочностью в тех случаях, когда в экономике данной страны преобладают совершенно патриархальные, докапиталистические черты и ничтожное развитие товарного хозяйства и классовой диференциации. Если же в такой стране, в которой государственный строй отличается резко *до*капиталистическим характером, существует национально-отграниченная область с *быстрым* развитием капитализма, то, чем быстрее это капиталистическое развитие, тем сильнее противоречие между ним и *до*капиталистическим государственным строем, тем вероятнее отделение передовой области от целого, — области, связанной с целым не «современно-капиталистическими», а «азиатско-деспотическими» связями.

Роза Люксембург, таким образом, совершенно не свела концов с концами даже по вопросу о социальной структуре власти в России по отношению к буржуазной Польше, а вопроса о конкретно-исторических особенностях национальных движений в России она даже и не поставила.

На этом вопросе мы и должны остановиться.

3. КОНКРЕТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В РОССИИ И ЕЕ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ

...«Несмотря на растяжимость принципа «право наций на самоопределение», который является чистейшим общим местом, будучи, очевидно, одинаково применимым не только к народам, живущим в России, но и к нациям, живущим в Германии и Австрии, Швейцарии и Швеции, Америке и Австралии, мы не находим его ни в одной программе современных социалистических партий»... (№ 6 «Przeglad'a», стр. 483).

Так пишет Роза Люксембург в начале своего похода против § 9 марксистской программы. Подсовывая нам понимание этого пункта программы, как «чистейшего общего места», Роза Люксембург сама именно в этот грех и впадает, заявляя с забавной смелостью, будто этот пункт «очевидно, одинаково применим» к России, Германии и т. д.

Очевидно, — ответим мы, — что Роза Люксембург решила дать в своей статье собрание логических ошибок, которые годятся для учебных занятий гимназистов. Ибо тирада Розы Люксембург — сплошь бессмыслица и насмешка над исторически-конкретной постановкой вопроса.

Если толковать марксистскую программу не по-ребячьи, а по-марксистски, то весьма нетрудно смекнуть, что она относится к буржуазно-демократическим национальным движениям. Раз

так, — а это, несомненно, так, — то отсюда «очевидно», что эта программа относится «огульно», как «общее место» и т. д., ко *всем* случаям буржуазно-демократических национальных движений. Не менее очевидным был бы также для Розы Люксембург, при самом небольшом размышлении, тот вывод, что программа наша относится *только* к случаям наличности такого движения.

Подумав над этими очевидными соображениями, Роза Люксембург без особого труда увидела бы, какую бессмыслицу она сказала. Обвиняя *нас* в преподнесении «общего места», она *против нас* приводит тот довод, что о самоопределении наций не говорится в программе тех стран, где *нет* буржуазно-демократических национальных движений. Замечательно умный довод!

Сравнение политического и экономического развития разных стран, а также их марксистских программ имеет громадное значение с точки зрения марксизма, ибо несомненны как общая капиталистическая природа современных государств, так и общий закон развития их. Но подобное сравнение надо производить умеючи. Азбучным условием при этом является выяснение вопроса, *сравнимы* ли исторические эпохи развития сравниваемых стран. Например, аграрную программу российских марксистов могут «сравнивать» с западноевропейскими только полные невежды (подобно князю Е. Трубецкому в «Русской Мысли»), ибо наша программа дает ответ на вопрос о *буржуазно-демократическом* аграрном преобразовании, о котором и речи нет в западных странах.

То же самое относится к национальному вопросу. В большинстве западных стран он давным-давно решен. Смешно искать ответа на несуществующие вопросы в западных программах. Роза Люксембург упустила здесь из виду как раз самое главное: различие между странами с давно законченными и с незаконченными буржуазно-демократическими преобразованиями.

В этом различии весь гвоздь. Полное игнорирование этого различия и превращает длиннейшую статью Розы Люксембург в набор пустых, бессодержательных общих мест.

В Западной, континентальной, Европе эпоха буржуазно-демократических революций охватывает довольно определенный промежуток времени, примерно, с 1789 по 1871 год. Как раз эта эпоха была эпохой национальных движений и создания национальных государств. По окончании этой эпохи Западная Европа превратилась в сложившуюся систему буржуазных государств, по общему правилу при этом национально-единых государств. Поэтому теперь искать права самоопределения в

программах западноевропейских социалистов значит не понимать азбуки марксизма.

В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905-ом году. Революция в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах — вот цепь мировых событий *нашей* эпохи нашего «востока». И в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждения *целого ряда* буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств. Именно потому и только потому, что Россия вместе с соседними странами переживает эту эпоху, нам нужен пункт о праве наций на самоопределение в нашей программе.

Но продолжим еще несколько вышеприведенную цитату из статьи Розы Люксембург:

...«В особенности — пишет она — программа партии, которая действует в государстве с чрезвычайно пестрым национальным составом и для которой национальный вопрос играет первостепенную роль, — программа австрийской социал-демократии не содержит принципа о праве наций на самоопределение» (там же).

Итак, читателя хотят убедить «в особенности» примером Австрии. Посмотрим, с конкретно-исторической точки зрения, много ли разумного в этом примере.

Во-1-х, ставим основной вопрос о завершении буржуазно-демократической революции. В Австрии она началась 1848-м годом и закончилась 1867-ым. С тех пор почти полвека там господствует установившаяся, в общем и целом, буржуазная конституция, на почве которой легально действует легальная рабочая партия.

Поэтому в внутренних условиях развития Австрии (т. е. с точки зрения развития капитализма в Австрии вообще и в отдельных ее нациях в частности) *нет* факторов, порождающих скачки, одним из спутников каковых может быть образование национально-самостоятельных государств. Предполагая своим сравнением, что Россия находится, по этому пункту, в аналогичных условиях, Роза Люксембург не только делает в корне неверное, антиисторическое допущение, но и скатывается невольно к ликвидаторству.

Во-2-х, особенно большое значение имеет совершенно различное соотношение между национальностями в Австрии и в России по занимающему нас вопросу. Австрия не только была долгое время государством с преобладанием немцев, но австрийские немцы претендовали на гегемонию среди немецкой нации вообще. Эта «претенция», как может быть соблаговолит припомнить Роза Люксембург (столь нелюбящая будто бы общие места, шаблоны, абстракции...), разбита войной 1866 го-

да. Господствующая в Австрии нация, немецкая, оказалась *за пределами* самостоятельного немецкого государства, создавшегося окончательно к 1871-му году. С другой стороны, попытка венгров создать самостоятельное национальное государство потерпела крушение еще в 1849-ом году, под ударами русского крепостного войска.

Таким образом создалось чрезвычайно своеобразное положение: со стороны венгров, а затем и чехов, тяготение как раз не к отделению от Австрии, а к сохранению целости Австрии именно в интересах национальной независимости, которая могла бы быть совсем раздавлена более хищническими и сильными соседями! Австрия сложилась, в силу этого своеобразного положения, в двухцентровое (дуалистическое) государство, а теперь превращается в трехцентровое (триалистическое: немцы, венгры, славяне)...

* * *

6. ОТДЕЛЕНИЕ НОРВЕГИИ ОТ ШВЕЦИИ

Роза Люксембург берет именно этот пример и рассуждает по поводу его следующим образом:

«Последнее событие в истории федеративных отношений, отделение Норвегии от Швеции, — в свое время торопливо подхваченное социал-патриотичной польской печатью (см. краковский «Напшуд» [28]) как отрадное проявление силы и прогрессивности стремлений к государственному отделению, — немедленно превратилось в разительное доказательство того, что федерализм и вытекающее из него государственное отделение отнюдь не являются выражением прогрессивности или демократизма. После так называемой норвежской «революции», которая состояла в смещении и удалении из Норвегии шведского короля, норвежцы преспокойно выбрали себе другого короля, формально отвергнув народным голосованием проект учреждения республики. То, что поверхностные поклонники всяких национальных движений и всяческих подобий независимости провозгласили «революцией», было простым проявлением крестьянского и мелкобуржуазного партикуляризма, желания за свои деньги иметь «собственного» короля вместо навязанного шведской аристократией, а следовательно было движением, не имеющим решительно ничего общего с революционностью. Вместе с тем эта история разрыва шведско-норвежской унии снова доказала, до какой степени и в данном случае федерация, существовавшая до тех пор, была только выражением чисто династических интересов, а следовательно, формой монархизма и реакции» («Пшеглонд»).

Это — буквально все, что говорит Роза Люксембург по данному пункту!! И, надо признаться, трудно было бы рельефнее обнаружить беспомощность своей позиции, чем сделала это Роза Люксембург в данном примере.

Вопрос шел и идет о том, необходима ли для с.-д. в пестром национальном государстве программа, признающая право на самоопределение или на отделение.

Что же говорит нам по этому вопросу взятый самой Розой Люксембург пример Норвегии?

Наш автор вертится и виляет, остроумничает и шумит против «Напшуда», но на вопрос не отвечает!! Роза Люксембург говорит о чем угодно, чтобы *не сказать ни слова* по существу вопроса!!

Несомненно, что норвежские мелкие буржуа, пожелав за свои деньги иметь своего короля и провалив народным голосованием проект учреждения республики, обнаружили весьма дурные мещанские качества. Несомненно, что «Напшуд», если он не заметил этого, обнаружил столь же дурные и столь же мещанские качества.

Но при чем все это??

Ведь речь шла о праве наций на самоопределение и об отношении социалистического пролетариата к этому праву! Почему же Роза Люксембург не отвечает на вопрос, а ходит кругом да около?

Говорят, для мыши сильнее кошки зверя нет. Для Розы Люксембург, видимо, сильнее «фрака» зверя нет. «Фраками» зовут в просторечии «польскую социалистическую партию», так называемую революционную фракцию, и краковская газетка «Напшуд» разделяет идеи этой «фракции». Борьба Розы Люксембург с национализмом этой «фракции» до того ослепила нашего автора, что из его кругозора исчезает все, кроме «Напшуда».

Если «Напшуд» говорит: «да», Роза Люксембург считает своим священным долгом немедленно провозгласить: «нет», совершенно не думая, что таким приемом она обнаруживает не свою независимость от «Напшуда», а, как раз напротив, свою забавную зависимость от «фраков», свою неспособность взглянуть на вещи с точки зрения немного более глубокой и широкой, чем точка зрения краковского муравейника. «Напшуд», конечно, очень плохой и вовсе не марксистский орган, но это не должно помешать нам разобрать по существу пример Норвегии, раз мы его взяли.

Чтобы разобрать этот пример по-марксистски, мы должны остановиться не на дурных качествах ужасно страшных «фраков», а, во-1-х, на конкретных исторических особенностях отделения Норвегии от Швеции и, во-2-х, на том, каковы были задачи *пролетариата* обеих стран при этом отделении.

Норвегию сближают с Швецией связи географические, экономические и языковые не менее тесные, чем связи многих

невеликорусских славянских наций с великоруссами. Но союз Норвегии с Швецией был недобровольный, так что о «федерации» Роза Люксембург говорит совсем зря, просто потому, что она не знает, что сказать. Норвегию *отдали* Швеции монархи во время наполеоновских войн, вопреки воле норвежцев, и шведы должны были ввести войска в Норвегию, чтобы подчинить ее себе.

После этого в течение долгих десятилетий, несмотря на чрезвычайно широкую автономию, которой пользовалась Норвегия (свой сейм и т. д.), трения между Норвегией и Швецией существовали беспрерывно, и норвежцы всеми силами стремились сбросить с себя иго шведской аристократии. В августе 1905 года они, наконец, и сбросили его: норвежский сейм постановил, что король шведский перестал быть королем норвежским, а произведенный затем референдум, опрос норвежского народа, дал подавляющее большинство голосов (около 200 тысяч против нескольких сот) за полное отделение от Швеции. Шведы, после некоторых колебаний, примирились с фактом отделения.

Этот пример показывает нам, на какой почве возможны и бывают случаи отделения наций при современных экономических и политических отношениях и какую *форму* принимает иногда отделение в обстановке политической свободы и демократизма.

Ни один социал-демократ, если он не решится объявить безразличными для себя вопросы политической свободы и демократизма (а в таком случае, разумеется, он перестал бы быть социал-демократом), не сможет отрицать, что этот пример *фактически* доказывает *обязательность* для сознательных рабочих систематической пропаганды и подготовки того, чтобы возможные столкновения из-за отделения наций решались *только так*, как они разрешены были в 1905 г. между Норвегией и Швецией, а не «по-русски». Это именно и выражается программным требованием признания права наций на самоопределение. И Розе Люксембург пришлось отговариваться от неприятного для ее теории факта посредством грозных нападок на мещанство норвежских мещан и на краковский «Напшуд», ибо она прекрасно понимала, до какой степени *бесповоротно опровергает* этот исторический факт ее фразы, будто право самоопределения наций есть «утопия», будто оно равняется праву «есть на золотых тарелках» и т. п. Такие фразы выражают лишь убого-самодовольную, оппортунистическую веру в неизменность данного соотношения сил между национальностями Восточной Европы.

Пойдем далее. В вопросе о самоопределении наций, как и во всяком другом вопросе, нас интересует прежде всего и более

всего самоопределение пролетариата внутри наций. Роза Люксембург обошла скромненько и этот вопрос, чувствуя, как неприятен для ее «теории» разбор его на взятом ею примере Норвегии.

Какова была и должна была быть позиция норвежского и шведского пролетариата в конфликте из-за отделения? Сознательные рабочие Норвегии голосовали бы, конечно, *после* отделения за республику*, и если были социалисты, голосовавшие иначе, то это лишь доказывает, как много иногда тупого, мещанского оппортунизма в европейском социализме. Об этом не может быть двух мнений, и мы касаемся данного пункта лишь потому, что Роза Люксембург пытается замять суть дела разговорами *не на тему*. По вопросу об отделении мы не знаем, обязывала ли социалистическая норвежская программа норвежских с.-д. держаться одного определенного мнения. Допустим, что нет, что норвежские социалисты оставляли открытым вопрос о том, насколько достаточна была для свободной классовой борьбы автономия Норвегии и насколько тормозили свободу хозяйственной жизни вечные трения и конфликты с шведской аристократией. Но что норвежский пролетариат должен был идти против этой аристократии за норвежскую крестьянскую демократию (при всех мещанских ограниченностях последней), это неоспоримо.

А шведский пролетариат? Известно, что шведские помещики, споспешествуемые шведскими попами, проповедывали войну против Норвегии, и так как Норвегия гораздо слабее Швеции, так как она испытывала уже шведское нашествие, так как шведская аристократия имеет очень сильный вес в своей стране, то проповедь эта была очень серьезной угрозой. Можно ручаться, что шведские Кокошкины долго и усердно развращали шведские массы призывами к «осторожному обращению» с «растяжимыми формулами политического самоопределения наций», размалевыванием опасностей «распада государства» и уверениями в совместимости «народной свободы» с устоями шведской аристократии. Не подлежит ни малейшему сомнению, что шведская социал-демократия изменила бы делу социализма и делу демократии, если бы она не боролась изо всех сил и с помещичьей и с «кокошкинской» идеологией и политикой, если бы она не отстаивала *помимо* равноправия наций вообще (признаваемого и Кокошкиными) права наций на самоопределение, свободы отделения Норвегии.

* Если большинство норвежской нации было за монархию, а пролетариат за республику, то перед норвежским пролетариатом, вообще говоря, открывалось два пути: или революция, если условия для нее назрели, или подчинение большинству и длительная работа пропаганды и агитации.

Тесный союз норвежских и шведских рабочих, их полная товарищеская классовая солидарность *выигрывала* от этого признания шведскими рабочими права норвежцев на отделение. Ибо норвежские рабочие убеждались в том, что шведские не заражены шведским национализмом, что братство с норвежскими пролетариями для них выше, чем привилегии шведской буржуазии и аристократии. Разрушение связей, навязанных Норвегии европейскими монархами и шведскими аристократами, усилило связи между норвежскими и шведскими рабочими. Шведские рабочие доказали, что через *все* перипетии буржуазной политики — вполне возможно на почве буржуазных отношений возрождение насильственного подчинения норвежцев шведам! — они сумеют сохранить и отстоять полное равноправие и классовую солидарность рабочих обеих наций в борьбе и против шведской и против норвежской буржуазии.

Отсюда видно, между прочим, как неосновательны и просто даже несерьезны попытки, делаемые иногда «фраками», «использовать» наши разногласия с Розой Люксембург против польской социал-демократии. «Фраки» — не пролетарская, не социалистическая, а мелкобуржуазная националистическая партия, нечто вроде польских социал-революционеров. Ни о каком единстве российских с.-д. с этой партией никогда не было и не могло быть речи. Наоборот, ни один российский социал-демократ никогда не «раскаивался» в сближении и соединении с польскими с.-д. Польской социал-демократии принадлежит громадная историческая заслуга впервые создать действительно марксистскую, действительно пролетарскую партию в Польше, насквозь пропитанной националистическими стремлениями и увлечениями. Но эта заслуга польских с.-д. является великой заслугой не благодаря тому обстоятельству, что Роза Люксембург наговорила вздору против § 9 российской марксистской программы, а вопреки этому печальному обстоятельству.

Для польских с.-д. «право самоопределения», конечно, не имеет такого важного значения, как для русских. Вполне понятно, что борьба с националистически ослепленной мелкой буржуазией Польши заставила с.-д. поляков с особенным (иногда, может быть, чуточку чрезмерным) усердием «перегибать палку». Ни один российский марксист никогда и не думал ставить в вину польским с.-д., что они против отделения Польши. Ошибку делают эти с.-д. лишь тогда, когда пробуют — подобно Розе Люксембург — отрицать необходимость признания права на самоопределение в программе *российских* марксистов.

Это значит, в сущности, переносить отношения, понятные с точки зрения краковского горизонта, на масштаб всех народов и наций России, великороссов в том числе. Это значит быть

«польскими националистами навыворот», а не российскими, не интернациональными социал-демократами.

Ибо интернациональная социал-демократия стоит именно на почве признания права наций на самоопределение. К этому мы теперь и переходим.

7. РЕШЕНИЕ ЛОНДОНСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА 1896-го ГОДА

Решение это гласит:

«Конгресс объявляет, что он стоит за полное право самоопределения (Selbstbestimmungsrecht) всех наций и выражает свое сочувствие рабочим всякой страны, страдающей в настоящее время под игом военного, национального или другого абсолютизма; конгресс призывает рабочих всех этих стран вступать в ряды сознательных (Klassenbewusste = сознающих интересы своего класса) рабочих всего мира, чтобы вместе с ними бороться за преодоление международного капитализма и за осуществление целей международной социал-демократии» *.

Как мы уже указывали, наши оппортунисты, гг. Семковский, Либман, Юркевич просто-таки не знают об этом решении. Но Роза Люксембург знает и приводит его полный текст, в котором стоит то же выражение, что и в нашей программе: «самоопределение».

Спрашивается, как же устраняет Роза Люксембург это препятствие, лежащее на пути ее «оригинальной» теории?

О, совсем просто: ...центр тяжести здесь во второй части резолюции... декларативный характер ее... только по недоразумению можно на нее ссылаться!!

Беспомощность и растерянность нашего автора просто поразительны. Обыкновенно на декларативный характер последовательных демократических и социалистических программных пунктов указывают одни оппортунисты, трусливо уклоняясь от прямой полемики против них. Видимо, недаром на этот раз Роза Люксембург оказалась в печальной компании гг. Семковских, Либмана и Юркевича. Прямо заявить Роза Люксембург не решается, считает ли она приведенную резолюцию правильной или ошибочной. Она увертывается и прячется, как бы рассчитывая на такого невнимательного и незнающего читателя, который забывает первую часть резолюции, до-

* См. официальный немецкий отчет о Лондонском конгрессе: «Verhandlungen und Beschlüsse des internationalen sozialistischen Arbeiter und Gewerkschafts - Kongresses zu London, vom 27. Juli bis 1. August 1896», Berlin, 1897, S. 18 («Протоколы и постановления международного конгресса социалистических рабочих партий и профессиональных союзов в Лондоне, с 27 июля по 1 августа 1896», Берлин, 1897, стр. 18. *Ред.*). Есть русская брошюра с решениями международных конгрессов, где вместо «самоопределения» переведено неправильно: «автономия».

читывая до второй, или никогда не слыхал о дебатах в социалистической печати *перед* Лондонским конгрессом.

Но Роза Люксембург очень ошибается, если воображает, что ей удастся, перед сознательными рабочими России, так легко наступить ногой на резолюцию Интернационала по важному принципиальному вопросу, не соблаговоляя даже критически разобрать ее.

В дебатах перед Лондонским конгрессом — главным образом на страницах журнала немецких марксистов «Die Neue Zeit» — была выражена точка зрения Розы Люксембург, *и эта точка зрения, по существу, потерпела поражение перед Интернационалом!* Вот в чем суть дела, которую в особенности должен иметь в виду русский читатель.

Дебаты велись по поводу вопроса о независимости Польши. Три точки зрения были высказаны:

1) Точка зрения «фраков», от имени которых выступал Геккер. Они хотели, чтобы Интернационал *своей* программой признал требование независимости Польши. Это предложение не было принято. Эта точка зрения потерпела поражение перед Интернационалом.

2) Точка зрения Розы Люксембург: польские социалисты не должны требовать независимости Польши. О провозглашении права наций на самоопределение с этой точки зрения не могло быть и речи. Эта точка зрения тоже потерпела поражение пред Интернационалом.

3) Точка зрения, которую тогда всего обстоятельнее развивал К. Каутский, выступая против Розы Люксембург и доказывая крайнюю «односторонность» ее материализма. С этой точки зрения, Интернационал не может в настоящее время ставить своей программой независимость Польши, но польские социалисты — говорил Каутский — вполне могут выставлять подобное требование. С точки зрения социалистов, безусловно ошибочно игнорировать задачи национального освобождения в обстановке национального гнета.

В резолюции Интернационала и воспроизведены самые существенные, основные положения этой точки зрения: с одной стороны, совершенно прямое и недопускающее никаких кривотолков признание полного права на самоопределение за всеми нациями; с другой стороны, столь же недвусмысленный призыв рабочих к *интернациональному* единству их классовой борьбы.

Мы думаем, что эта резолюция совершенно правильна и что для стран Восточной Европы и Азии в начале XX века именно эта резолюция и именно в неразрывной связи обеих своих частей дает единственно правильную директиву пролетарской классовой политики в национальном вопросе.

Остановимся несколько подробнее на трех вышеуказанных точках зрения.

Известно, что К. Маркс и Фр. Энгельс считали безусловно обязательным для всей западноевропейской демократии, а тем более социал-демократии, активную поддержку требования независимости Польши. Для эпохи 40-х и 60-х годов прошлого века, эпохи буржуазной революции Австрии и Германии, эпохи «крестьянской реформы» в России, эта точка зрения была вполне правильной и единственной последовательно-демократической и пролетарской точкой зрения. Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах *не было* самостоятельных, массовых, демократических движений, *шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской *.

Но если эта точка зрения Маркса была вполне верна для второй трети или третьей четверти XIX века, то она перестала быть верной к XX веку. Самостоятельные демократические движения и даже самостоятельное пролетарское движение пробудилось в большинстве славянских стран и даже в одной из наиболее отсталых славянских стран, России. Шляхетская Польша исчезла и уступила свое место капиталистической Польше. При таких условиях Польша не могла не потерять своего *исключительного* революционного значения.

Если ППС («Польская социалистическая партия», нынешние «фраки») пыталась в 1896-ом году «закрепить» точку зрения Маркса *иной эпохи*, то это означало уже использование *буквы* марксизма против *духа* марксизма. Поэтому совершенно правы были польские социал-демократы, когда они выступили против националистических увлечений польской мелкой буржуазии, показали второстепенное значение национального вопроса для польских рабочих, создали впервые чисто-пролетарскую партию в Польше, провозгласили величайшей важно-

---

* Было бы весьма интересной исторической работой сопоставить позицию польского шляхтича-повстанца 1863-го года — позицию всероссийского демократа-революционера Чернышевского, который тоже (подобно Марксу) умел оценить значение польского движения, и позицию выступавшего гораздо позже украинского мещанина Драгоманова, который выражал точку зрения крестьянина, настолько еще дикого, сонного, приросшего к своей куче навоза, что из-за законной ненависти к польскому пану он не мог понять значения борьбы этих панов для всероссийской демократии. (Ср. «Историческая Польша и великорусская демократия» Драгоманова). Драгоманов вполне заслужил восторженные поцелуи, которыми впоследствии награждал его ставший уже националлибералом г. П. Б. Струве.

сти принцип теснейшего союза польского и русского рабочего в их классовой борьбе.

Значило ли это, однако, что Интернационал в начале XX века мог признать излишним для Восточной Европы и для Азии принцип политического самоопределения наций? их права на отделение? Это было бы величайшим абсурдом, который равнялся бы (теоретически) признанию законченного буржуазно-демократического преобразования государств турецкого, российского, китайского; — который равнялся бы (практически) оппортунизму по отношению к абсолютизму.

Нет. Для Восточной Европы и Азии, в эпоху начавшихся буржуазно-демократических революций, в эпоху пробуждения и обострения национальных движений, в эпоху возникновения самостоятельных пролетарских партий, задача этих партий в национальной политике должна быть двусторонняя: признание права на самоопределение за всеми нациями, ибо буржуазно-демократическое преобразование еще не закончено, ибо рабочая демократия последовательно, серьезно и искренне, не по-либеральному, не по-кокошкински, отстаивает равноправие наций, — и теснейший, неразрывный союз классовой борьбы пролетариев всех наций данного государства, на все и всяческие перипетии его истории, при всех и всяческих переделках буржуазией границ отдельных государств.

Именно эту двустороннюю задачу пролетариата формулирует резолюция Интернационала 1896-го года. Именно такова, в ее принципиальных основах, резолюция летнего совещания российских марксистов 1913-го года. Есть люди, которым кажется «противоречивым», что эта резолюция в 4-ом пункте, признавая право на самоопределение, на отделение, как будто бы «дает» максимум национализму (на деле в признании *права* на самоопределение *всех* наций есть максимум *демократизма* и минимум национализма), — а в пункте 5-ом предостерегает рабочих против националистических лозунгов какой бы то ни было буржуазии и требует единства и слияния рабочих всех наций в интернационально-единых пролетарских организациях. Но видеть здесь «противоречие» могут лишь совсем плоские умы, не способные понять, например, почему единство и классовая солидарность шведского и норвежского пролетариата *выиграли*, когда шведские рабочие отстояли свободу отделения Норвегии в самостоятельное государство.

8. УТОПИСТ КАРЛ МАРКС И ПРАКТИЧНАЯ РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

Объявляя «утопией» независимость Польши и повторяя это до тошноты часто, Роза Люксембург иронически восклицает: почему бы не ставить требование независимости Ирландии?

Очевидно, «практичной» Розе Люксембург неизвестно, как относился К. Маркс к вопросу о независимости Ирландии. На этом стоит остановиться, чтобы показать анализ *конкретного* требования национальной независимости с действительно-марксистской, а не оппортунистической точки зрения.

Маркс имел обыкновение «щупать зуб», как он выражался, своим знакомым социалистам, проверяя их сознательность и убежденность [29]. Познакомившись с Лопатиным, Маркс пишет Энгельсу 5 июля 1870-го года в высшей степени лестный отзыв о молодом русском социалисте, но добавляет при этом:

... «Слабый пункт: *Польша*. По этому пункту Лопатин говорит совершенно так же, как англичанин — скажем, английский чартист старой школы — об Ирландии» [30].

Социалиста, принадлежащего к угнетающей нации, Маркс расспрашивает об его отношении к угнетенной нации и сразу вскрывает *общий* социалистам господствующих наций (английской и русской) недостаток: непонимание их социалистических обязанностей по отношению к нациям подавленным, пережевывание предрассудков, перенятых от «великодержавной» буржуазии.

Надо оговориться, прежде чем переходить к положительным заявлениям Маркса об Ирландии, что к национальному вопросу вообще Маркс и Энгельс относились строго критически, оценивая условно-историческое значение его. Так, Энгельс писал Марксу 23 мая 1851 года, что изучение истории приводит его к пессимистическим выводам насчет Польши, что значение Польши временное, только до аграрной революции в России. Роль поляков в истории — «смелые глупости». «Ни на минуту нельзя предположить, что Польша, даже только против России, с успехом представляет прогресс или имеет какое-либо историческое значение». В России больше элементов цивилизации, образования, индустрии, буржуазии, чем в «шляхетско-сонной Польше». «Что значат Варшава и Краков против Петербурга, Москвы, Одессы!» [31]. Энгельс не верит в успех восстаний польских шляхтичей.

Но все эти мысли, в которых так много гениально-прозорливого, нисколько не помешали Энгельсу и Марксу, 12 лет спустя, когда Россия все еще спала, а Польша кипела, отнестись с самым глубоким и горячим сочувствием к польскому движению.

В 1864-м году, составляя адрес Интернационала, Маркс пишет Энгельсу (4 ноября 1864 года), что приходится бороться с национализмом Мадзини. «Когда в адресе речь идет об интернациональной политике, я говорю о странах, а не о национальностях и разоблачаю Россию, а не менее важные государства» — пишет Маркс. По сравнению с «рабочим вопросом»

подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса. Но от игнорирования национальных движений его теория далека, как небо от земли.

Наступает 1866-ой год. Маркс пишет Энгельсу про «прудоновскую клику» в Париже, которая «объявляет национальности бессмыслицей и нападает на Бисмарка и Гарибальди. Как полемика с шовинизмом, эта тактика полезна и объяснима. Но когда верующие в Прудона (к ним принадлежат также мои здешние добрые друзья, Лафарг и Лонге) думают, что вся Европа может и должна сидеть тихо и смирно на своей задней, пока господа во Франции отменят нищету и невежество... то они смешны» (письмо от 7 июня 1866 г.).

«Вчера — пишет Маркс 20 июня 1866 г. — были прения в Совете Интернационала о теперешней войне... Прения свелись, как и следовало ожидать, к вопросу о «национальностях» и о нашем отношении к нему... Представители «молодой Франции» *(нерабочие)* выдвигали ту точку зрения, что всякая национальность и самая нация — устарелые предрассудки. Прудонистское штирнерианство... Весь мир должен ждать, пока французы созреют для совершения социальной революции... Англичане очень смеялись, когда я начал свою речь с того, что наш друг Лафарг и другие, отменившие национальности, обращаются к нам по-французски, т. е. на языке, непонятном для $^{9}/_{10}$ собрания. Далее я намекнул, что Лафарг, сам того не сознавая, под отрицанием национальностей понимает, кажется, их поглощение образцовой французской нацией» [32].

Вывод из всех этих критических замечаний Маркса ясен: рабочий класс меньше всего может создать себе фетиш из национального вопроса, ибо развитие капитализма не обязательно пробуждает к самостоятельной жизни *все* нации. Но, раз возникли массовые национальные движения, отмахнуться от них, отказаться от поддержки прогрессивного в них — значит на деле поддаться *националистическим* предрассудкам, именно: признать «свою» нацию «образцовой нацией» (или, добавим от себя, нацией, обладающей исключительной привилегией на государственное строительство) *.

Но вернемся к вопросу о Ирландии.

Всего яснее позиция Маркса по этому вопросу выражена в следующих отрывках из его писем:

«Демонстрацию английских рабочих в пользу фенианизма я старался вызвать всяческими способами... Прежде я считал отделение Ирландии от Англии невозможным. Теперь я счи-

* Сравни еще письмо Маркса к Энгельсу от 3 июня 1867 г. ... «С истинным удовольствием узнал из парижской корреспонденции «Таймса» о полонофильских возгласах парижан против России... Г. Прудон и его маленькая доктринерская клика — не то, что французский народ» [33].

таю его неизбежным, хотя бы после отделения дело и пришло к федерации». Так писал Маркс в письме к Энгельсу от 2-го ноября 1867-го года.

В письме от 30-го ноября того же года он добавлял:

«Что мы должны советовать *английским* рабочим? По моему мнению, они должны сделать пунктом своей программы Repeal (разрыв) союза» (Ирландии с Англией, т. е. отделение Ирландии от Англии) — «короче говоря, требование 1783-го года, только демократизированное и приноровленное к современным условиям. Это — единственно легальная форма ирландского освобождения и потому единственно возможная для принятия в программу *английской* партии. Опыт впоследствии должен показать, сможет ли существовать длительно простая личная уния между обеими странами...

... Ирландцам необходимо следующее:

1. Самоуправление и независимость от Англии.

2. Аграрная революция»...

Придавая громадную важность вопросу об Ирландии, Маркс читал в немецком рабочем союзе полуторачасовые доклады на эту тему (письмо от 17 декабря 1867 г.) [34].

Энгельс отмечает в письме от 20-го ноября 1868 г. «ненависть к ирландцам среди английских рабочих», а почти год спустя (24 октября 1869 г.), возвращаясь к этой теме, он пишет:

«От Ирландии до России il n'y a qu'un pas (один только шаг)... На примере ирландской истории можно видеть, какое это несчастье для народа, если он поработил другой народ. Все английские подлости имеют свое происхождение в ирландской сфере. Кромвелевскую эпоху я еще должен изучать, но во всяком случае для меня несомненно, что дела и в Англии приняли бы иной оборот, если бы не было необходимости господствовать по-военному в Ирландии и создавать новую аристократию».

Мимоходом отметим письмо Маркса к Энгельсу от 18 августа 1869 г.:

«В Познани польские рабочие провели победоносную стачку благодаря помощи их берлинских товарищей. Эта борьба против «Господина Капитала» — даже в ее низшей форме, форме стачки — покончит с национальными предрассудками посерьезнее, чем декламации о мире в устах господ буржуа» [35].

Политика по ирландскому вопросу, которую вел Маркс в Интернационале, видна из следующего:

18-го ноября 1869 г. Маркс пишет Энгельсу, что он держал речь в $1^1/_4$ часа в Совете Интернационала по вопросу об отношении британского министерства к ирландской амнистии и предложил следующую резолюцию:

«Постановлено,

что в своем ответе на ирландские требования освободить ирландских патриотов г. Гладстон умышленно оскорбляет ирландскую нацию;

что он связывает политическую амнистию с условиями, одинаково унизительными и для жертв дурного правительства и для представляемого ими народа;

что Гладстон, связанный своим официальным положением, публично и торжественно приветствовал бунт американских рабовладельцев, а теперь принимается проповедовать ирландскому народу учение пассивного повиновения;

что вся его политика по отношению к ирландской амнистии является самым настоящим проявлением той *«политики завоевания»*, разоблачением которой г. Гладстон низпроверг министерство своих противников — тори;

что Генеральный Совет Интернациональной ассоциации рабочих выражает свое восхищение тем, как смело, твердо и возвышенно ведет ирландский народ свою кампанию за амнистию;

что эта резолюция должна быть сообщена всем секциям Интернациональной ассоциации рабочих и всем связанным с ней рабочим организациям Европы и Америки» [36].

10-го декабря 1869 г. Маркс пишет, что его доклад по ирландскому вопросу в Совете Интернационала будет построен следующим образом:

...«Совершенно независимо от всякой «интернациональной» и «гуманитарной» фразы о «справедливости к Ирландии» — ибо это само собою разумеется в Совете Интернационала — *прямой абсолютный интерес английского рабочего класса требует разрыва его теперешней связи с Ирландией*. Таково мое самое глубокое убеждение, и основанное на причинах, которые я отчасти не могу раскрыть самим английским рабочим. Я долго думал, что возможно низпровергнуть ирландский режим подъемом английского рабочего класса. Я всегда защищал этот взгляд в «Нью-Йоркской Трибуне» (американская газета, в которой Маркс долго сотрудничал). Более глубокое изучение вопроса убедило меня в обратном. Английский рабочий класс *ничего не поделает*, пока он не избавится от Ирландии... Английская реакция в Англии коренится в порабощении Ирландии» (курсив Маркса) [37].

Теперь читателям должна быть вполне ясна политика Маркса в ирландском вопросе.

«Утопист» Маркс так «непрактичен», что стоит за отделение Ирландии, оказавшееся и полвека спустя неосуществленным.

Чем же вызвана эта политика Маркса и не была ли она ошибкой?

Сначала Маркс думал, что не национальное движение угнетенной нации, а рабочее движение среди угнетающей нации освободит Ирландию. Никакого абсолюта из национальных движений Маркс не делает, зная, что полное освобождение всех национальностей сможет дать только победа рабочего класса. Учесть наперед все возможные соотношения между буржуазными освободительными движениями угнетенных наций и пролетарским освободительным движением среди угнетающей нации (как раз та проблема, которая делает столь трудным национальный вопрос в современной России) — вещь невозможная.

Но вот обстоятельства сложились так, что английский рабочий класс попал довольно надолго под влияние либералов, став их хвостом, обезглавив себя либеральной рабочей политикой. Буржуазное освободительное движение в Ирландии усилилось и приняло революционные формы. Маркс пересматривает свой взгляд и исправляет его. «Несчастье для народа, если он поработил другой народ». Не освободиться рабочему классу в Англии, пока не освободится Ирландия от английского гнета. Реакцию в Англии укрепляет и питает порабощение Ирландии (как питает реакцию в России порабощение ею ряда наций!).

И Маркс, проводя в Интернационале резолюцию симпатий «ирландской нации», «ирландскому народу» (умный Л. Вл., вероятно, разнес бы бедного Маркса за забвение классовой борьбы!), проповедует *отделение* Ирландии от Англии, «хотя бы после отделения дело и пришло к федерации».

Каковы теоретические посылки этого вывода Маркса? В Англии вообще давно закончена буржуазная революция. Но в Ирландии она не закончена; ее заканчивают только теперь, полвека спустя, реформы английских либералов. Если бы капитализм в Англии был ниспровергнут так быстро, как ожидал Маркс сначала, то места для буржуазно-демократического, общенационального, движения в Ирландии не было бы. Но раз оно возникло, Маркс советует английским рабочим поддержать его, дать ему революционный толчок, довести его до конца в интересах *своей* свободы.

Экономические связи Ирландии с Англией в 60-х годах прошлого века были, конечно, еще теснее, чем связи России с Польшей, Украиной и т. п. «Непрактичность» и «неосуществимость» отделения Ирландии (хотя бы в силу географических условий и в силу необъятного колониального могущества Англии) бросались в глаза. Будучи принципиальным врагом федерализма, Маркс допускает в данном случае и федера-

цию *, *лишь бы* освобождение Ирландии произошло не-реформистским, а революционным путем, в силу движения масс народа в Ирландии, поддержанного рабочим классом Англии. Не может подлежать никакому сомнению, что только такое решение исторической задачи наиболее благоприятствовало бы интересам пролетариата и быстроте общественного развития.

Вышло иначе. И ирландский народ и английский пролетариат оказались слабы. Только теперь, жалкими сделками английских либералов с ирландской буржуазией *решается* (пример Ольстера показывает, насколько туго) ирландский вопрос земельной реформой (с выкупом) и автономией (пока еще не введенной). Что же? Следует ли из этого, что Маркс и Энгельс были «утопистами», что они ставили «неосуществимые» национальные требования, что они поддавались влиянию ирландских националистов — мелких буржуа (мелкобуржуазный характер движения «фениев» несомненен) и т. п.?

Нет. Маркс и Энгельс и в ирландском вопросе вели последовательно-пролетарскую политику, действительно воспитывавшую массы в духе демократизма и социализма. Только эта политика способна была избавить и Ирландию и Англию от полувековой затяжки необходимых преобразований и от изуродования их либералами в угоду реакции.

Политика Маркса и Энгельса в ирландском вопросе дала величайший, доныне сохранивший громадное *практическое* значение, образец того, как должен относиться пролетариат угнетающих наций к национальным движениям; — дала предостережение против той «холопской торопливости», с которой мещане всех стран, цветов и языков спешат признать «утопичным» изменение границ государств, созданных насилиями и привилегиями помещиков и буржуазии одной нации.

Если бы ирландский и английский пролетариат не приняли политики Маркса, не поставили своим лозунгом отделения Ирландии, это было бы злейшим оппортунизмом с их стороны, забвением задач демократа и социалиста, уступкой *английской* реакции и буржуазии...

---

* Между прочим, нетрудно видеть, почему под правом «самоопределения» наций нельзя, с социал-демократической точки зрения, понимать *ни* федерации, *ни* автономии (хотя, абстрактно говоря, и то и другое подходит под «самоопределение»). Право на федерацию есть вообще бессмыслица, ибо федерация есть двусторонний договор. Ставить в свою программу защиту федерализма вообще марксисты никак не могут, об этом нечего и говорить. Что же касается автономии, то марксисты защищают не «право на» автономию, а *самое* автономию, как общий, универсальный принцип демократического государства с пестрым национальным составом, с резким различием географических и др. условий. Поэтому признавать «право наций на автономию» было бы так же бессмысленно, как и «право наций на федерацию».

10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги.

С точки зрения теории марксизма вообще, вопрос о праве самоопределения не представляет трудностей. Серьезно не может быть и речи ни об оспаривании лондонского решения 1896-го года, ни о том, что под самоопределением разумеется лишь право на отделение, ни о том, что образование самостоятельных национальных государств есть тенденция всех буржуазно-демократических переворотов.

Трудность создает до известной степени то, что в России борется и должен бороться рядом пролетариат угнетенных наций и пролетариат угнетающей нации. Отстоять единство классовой борьбы пролетариата за социализм, дать отпор всем буржуазным и черносотенным влияниям национализма — вот в чем задача. Среди угнетенных наций выделение пролетариата в самостоятельную партию приводит иногда к такой ожесточенной борьбе с национализмом данной нации, что перспектива извращается и забывается национализм угнетающей нации.

Но такое извращение перспективы возможно лишь ненадолго. Опыт совместной борьбы пролетариев разных наций слишком ясно показывает, что не с «краковской», а с общероссийской точки зрения должны мы ставить политические вопросы. А в общероссийской политике господствуют Пуришкевичи и Кокошкины. Их идеи царят, их травля инородцев за «сепаратизм», за *мысли* об отделении проповедуется и ведется в Думе, в школах, в церквах, в казармах, в сотнях и тысячах газет. Вот этот, великорусский, яд национализма отравляет всю общероссийскую политическую атмосферу. Несчастье народа, который, порабощая другие народы, укрепляет реакцию во всей России. Воспоминания 1849 и 1863 годов составляют живую политическую традицию, которая, если не произойдут бури очень большого масштаба, еще долгие десятилетия грозит затруднять всякое демократическое и *особенно* социал-демократическое движение.

Не может быть сомнения, что, как бы естественна ни казалась подчас точка зрения некоторых марксистов угнетенных наций («несчастье» которых состоит иногда в ослеплении масс населения идеей «своего» национального освобождения), *на деле,* по объективному соотношению классовых сил в России, отказ от защиты права на самоопределение равняется злейшему оппортунизму, заражению пролетариата идеями Кокошкиных. А эти идеи суть, в сущности, идеи и политика Пуришкевичей.

Поэтому, если точка зрения Розы Люксембург могла быть оправдываема вначале, как специфическая польская, «краковская» узость *, то в настоящее время, когда всюду усилился национализм и прежде всего национализм правительственный, великорусский, когда *он* направляет политику, — подобная узость становится уже непростительной. На деле за нее цепляются оппортунисты *всех* наций, чуждающиеся идеи «бурь» и «скачков», признающие окончательным буржуазно-демократический переворот, тянущиеся за либерализмом Кокошкиных.

Национализм великорусский, как и всякий национализм, переживет различные фазы, смотря по главенству тех или иных классов в буржуазной стране. До 1905 года мы знали почти только национал-реакционеров. После революции у нас народились *национал-либералы*.

На этой позиции стоят у нас фактически и октябристы и кадеты (Кокошкин), т. е. вся современная буржуазия.

А дальше *неизбежно* нарождение великорусских национал-демократов. Один из основателей «народно-социалистической» партии г. Пешехонов уже выразил эту точку зрения, когда звал (в августовской книжке «Русского Богатства» за 1906 год) к осторожности по отношению к националистическим предрассудкам мужика. Сколько бы ни клеветали на нас, большевиков, будто мы «идеализируем» мужика, но мы всегда строго отличали и будем отличать мужицкий рассудок от мужицкого предрассудка, мужицкий демократизм против Пуришкевича и мужицкое стремление примириться с попом и помещиком.

С национализмом великорусских крестьян пролетарская демократия должна считаться (не в смысле уступок, а в смысле борьбы) уже теперь и будет считаться, вероятно, довольно долго **. Пробуждение национализма в угнетенных на-

---

* Нетрудно понять, что признание марксистами *всей России* и в первую голову великороссами *права* наций на отделение нисколько не исключает *агитации* против отделения со стороны марксистов той или иной *угнетенной* нации, как признание права на развод не исключает агитации в том или ином случае против развода. Мы думаем, поэтому, что будет неизбежно расти число польских марксистов, которые станут смеяться над несуществующим «противоречием», ныне «подогреваемым» Семковским и Троцким.

** Было бы интересно проследить, как видоизменяется, напр., национализм в Польше, превращаясь из шляхетского в буржуазный и затем в крестьянский. Людвиг Бернгард в своей книге «Das polnische Gemeinwesen im preussischen Staat» («Поляки в Пруссии»; есть рус. перевод), стоя сам на точке зрения немецкого Кокошкина, описывает чрезвычайно характерное явление: образование своего рода «крестьянской республики» поляков в Германии в виде тесного сплочения всяческих кооперативов и прочих союзов *польских* крестьян в борьбе за национальность, за религию, за «польскую» землю. Немецкий гнет сплотил поляков,

циях, столь сильно сказавшееся после 1905-го года (напомним хотя бы группу «автономистов-федералистов» в I Думе, рост украинского движения, мусульманского движения и т. д.), — неизбежно вызовет усиление национализма великорусской мелкой буржуазии в городах и в деревнях. Чем медленнее пойдет демократическое преобразование России, тем упорнее, грубее, ожесточеннее будет национальная травля и грызня буржуазии разных наций. Особая реакционность русских Пуришкевичей будет порождать (и усиливать) при этом «сепаратистские» стремления среди тех или других угнетенных наций, иногда пользующихся гораздо большей свободой в соседних государствах.

Такое положение вещей ставит пролетариату России двоякую или, вернее, двустороннюю задачу: борьбу со всяким национализмом и в первую голову с национализмом великорусским; признание не только полного равноправия всех наций вообще, но и равноправия в отношении государственного строительства, т. е. права наций на самоопределение, на отделение; — а наряду с этим, и именно в интересах успешной борьбы со всяческим национализмом всех наций, отстаивание единства пролетарской борьбы и пролетарских организаций, теснейшего слияния их в интернациональную общность, вопреки буржуазным стремлениям к национальной обособленности.

Полное равноправие наций; право самоопределения наций; слияние рабочих всех наций — этой национальной программе учит рабочих марксизм, учит опыт всего мира и опыт России...

Написано в феврале — мае 1914 г.
Напечатано в апреле — июне 1914 г. в журнале «Просвещение» №№ 4, 5 и 6.
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 20, стр. 367—379, 395—412, 420—423.

обособил их, пробудив национализм сначала шляхты, потом буржуа, наконец крестьянской массы (особенно после начавшегося в 1873 году похода немцев против польского языка в школах). К этому идет дело и в России и по отношению не к одной только Польше.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРДОСТИ ВЕЛИКОРОССОВ

Как много говорят, толкуют, кричат теперь о национальности, об отечестве! Либеральные и радикальные министры Англии, бездна «передовых» публицистов Франции (оказавшихся вполне согласными с публицистами реакции), тьма казенных, кадетских и прогрессивных (вплоть до некоторых народнических и «марксистских») писак России — все на тысячи ладов воспевают свободу и независимость «родины», величие принципа национальной самостоятельности. Нельзя разобрать, где здесь кончается продажный хвалитель палача Николая Романова или истязателей негров и обитателей Индии, где начинается дюжинный мещанин, по тупоумию или по бесхарактерности плывущий «по течению». Да и неважно разбирать это. Перед нами очень широкое и очень глубокое идейное течение, корни которого весьма прочно связаны с интересами господ помещиков и капиталистов великодержавных наций. На пропаганду выгодных этим классам идей затрачиваются десятки и сотни миллионов в год: мельница немалая, берущая воду отовсюду, начиная от убежденного шовиниста Меньшикова и кончая шовинистами по оппортунизму или по бесхарактерности, Плехановым и Масловым, Рубановичем и Смирновым, Кропоткиным и Бурцевым.

Попробуем и мы, великорусские социал-демократы, определить свое отношение к этому идейному течению. Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса; — особенно в такой стране, которую справедливо называют «тюрьмой народов»; — в такое время, когда именно на дальнем востоке Европы и в Азии капитализм будит к жизни и к сознанию целый ряд «новых», больших и малых наций; — в такой момент, когда царская монархия поставила под ружье миллионы великороссов и «инородцев», чтобы «решить» целый ряд национальных вопросов сообразно интересам совета объединенного дворянства и Гуч-

ковых с Крестовниковыми, Долгоруковыми, Кутлерами, Родичевыми.

Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $^{9}/_{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика.

Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы» [38]. Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами.

Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы *особенно* ненавидим *свое* рабское прошлое (когда помещики дворяне вели на войну мужиков, чтобы душить свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая) и свое рабское настоящее, когда те же помещики, сопутствуемые капиталистами, ведут нас на войну, чтобы душить Польшу и Украину, чтобы давить демократическое движение в Персии и в Китае, чтобы усилить позорящую наше великорусское национальное достоинство шайку Романовых, Бобринских, Пуришкевичей. Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (например, называет удушение Польши, Украины и т. д. «защитой отечества» великороссов), такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам.

«Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы» [39], так говорили величайшие представители последовательной демократии XIX века, Маркс и Энгельс, ставшие учителями революционного пролетариата. И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий. Именно потому, что мы хотим ее, мы говорим: нельзя в XX веке, в Европе (хотя бы и дальневосточной Европе), «защищать отечество» иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов *своего* отечества, т. е. *худших* врагов нашей родины; — нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для $^{9}/_{10}$ населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти $^{9}/_{10}$ населения экономически и политически, но и деморализирует, унижает, обесценивает, проституирует его, приучая к угнетению чужих народов, приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патриотическими фразами.

Нам возразят, может быть, что кроме царизма и под его крылышком возникла и окрепла уже другая историческая сила, великорусский капитализм, который делает прогрессивную работу, централизуя экономически и сплачивая громадные области. Но такое возражение не оправдывает, а еще сильнее обвиняет наших социалистов-шовинистов, которых надо бы назвать царско-пуришкевичевскими социалистами (как Маркс назвал лассальянцев королевско-прусскими социалистами). Допустим даже, что история решит вопрос в пользу великорусского великодержавного капитализма против ста и одной маленькой нации. Это не невозможно, ибо вся история капитала есть история насилий и грабежа, крови и грязи. И мы вовсе не сторонники непременно маленьких наций; мы безусловно, *при прочих равных условиях*, за централизацию и против мещанского идеала федеративных отношений. Однако даже в таком случае, во-первых, не наше дело, не дело демократов (не говоря уже о социалистах) помогать Романову-Бобринскому-Пуришкевичу душить Украину и т. д. Бисмарк сделал по-своему, по-юнкерски, прогрессивное историческое дело, но хорош был бы тот «марксист», который на этом основании вздумал бы оправдывать социалистическую помощь Бисмарку! И притом Бисмарк помогал экономическому развитию, объединяя раздробленных немцев, которых угнетали другие народы. А экономическое процветание и быстрое развитие Великорос-

сии требует освобождения страны от насилия великороссов над другими народами — эту разницу забывают наши поклонники истинно-русских почти-Бисмарков.

Во-вторых, если история решит вопрос в пользу великорусского великодержавного капитализма, то отсюда следует, что тем более великой будет *социалистическая* роль великорусского пролетариата, как главного двигателя коммунистической революции, порождаемой капитализмом. А для революции пролетариата необходимо длительное воспитание рабочих в духе *полнейшего* национального равенства и братства. Следовательно, с точки зрения интересов именно великорусского пролетариата, необходимо длительное воспитание масс в смысле самого решительного, последовательного, смелого, революционного отстаивания полного равноправия и права самоопределения всех угнетенных великороссами наций. Интерес (не по-хохлопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает с *социалистическим* интересом великорусских (и всех иных) пролетариев. Нашим образцом останется Маркс, который, прожив десятилетия в Англии, стал наполовину англичанином и требовал свободы и национальной независимости Ирландии в интересах социалистического движения английских рабочих.

Наши же доморощенные социалистические шовинисты, Плеханов и проч. и проч., в том последнем и предположительном случае, который мы рассматривали, окажутся изменниками не только своей родине, свободной и демократической Великороссии, но и изменниками пролетарскому братству всех народов России, т. е. делу социализма.

«Социал-Демократ» № 35, 12 декабря 1914 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 21, стр. 84—88.

ИЗ БРОШЮРЫ
«СОЦИАЛИЗМ И ВОЙНА
(ОТНОШЕНИЕ РСДРП К ВОЙНЕ)» [40]

ГЛАВА I
ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛИЗМА И ВОЙНА 1914—1915 г.

ОТНОШЕНИЕ СОЦИАЛИСТОВ К ВОЙНАМ

Социалисты всегда осуждали войны между народами, как варварское и зверское дело. Но наше отношение к войне принципиально иное, чем буржуазных пацифистов (сторонников и проповедников мира) и анархистов. От первых мы отличаемся тем, что понимаем неизбежную связь войн с борьбой классов внутри страны, понимаем невозможность уничтожить войны без уничтожения классов и создания социализма, а также тем, что мы вполне признаем законность, прогрессивность и необходимость гражданских войн, т. е. войн угнетенного класса против угнетающего, рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против помещиков, наемных рабочих против буржуазии. И от пацифистов, и от анархистов мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности. В истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения (напр., самодержавие или крепостничество), самые варварские в Европе деспотии (турецкую и русскую). Поэтому надо рассмотреть исторические особенности именно теперешней войны.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ ВОЙН НОВОГО ВРЕМЕНИ

Новую эпоху в истории человечества открыла великая французская революция. С этих пор и до Парижской Коммуны, с 1789 до 1871 г., одним из типов войн были войны буржуазно-прогрессивного, национально-освободительного характера. Другими словами, главным содержанием и историческим значением этих войн было свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение чуженационального гнета. Поэтому то были прогрессивные войны, и все честные, революционные демократы, а также все социалисты, при *таких* войнах, всегда сочувствовали успеху той страны (т. е. той буржуазии), которая содействовала свержению или подрыву самых опасных устоев феодализма, абсолютизма и угнетения чужих народов. Напр., в революционных войнах Франции был элемент грабежа и завоевания чужих земель французами, но это нисколько не меняет основного исторического значения этих войн, которые разрушали и потрясали феодализм и абсолютизм всей старой, крепостнической Европы. Во франко-прусской войне Германия ограбила Францию, но это не меняет основного исторического значения этой войны, освободившей десятки миллионов немецкого народа от феодального раздробления и угнетения двумя деспотами, русским царем и Наполеоном III.

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ И ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ВОЙНОЙ

Эпоха 1789—1871 гг. оставила глубокие следы и революционные воспоминания. До свержения феодализма, абсолютизма и чуженационального гнета не могло быть и речи о развитии пролетарской борьбы за социализм. Говоря о законности «оборонительной» войны по отношению к войнам *такой* эпохи, социалисты всегда имели в виду именно эти цели, сводящиеся к революции против средневековья и крепостничества. Социалисты всегда понимали под «оборонительной» войной *«справедливую»* в этом смысле войну (В. Либкнехт однажды так и выразился). Только в этом смысле социалисты признавали и признают сейчас законность, прогрессивность, справедливость «защиты отечества» или «оборонительной» войны. Например, если бы завтра Марокко объявило войну Франции, Индия — Англии, Персия или Китай — России и т. п., это были бы «справедливые», «оборонительные» войны, *независимо* от того, кто первый напал, и всякий социалист сочувствовал бы победе угнетаемых, зависимых, неполноправных государств против угнетательских, рабовладельческих, грабительских «великих» держав.

Но представьте себе, что рабовладелец, имеющий 100 рабов, воюет с рабовладельцем, имеющим 200 рабов, за более «справедливый» передел рабов. Ясно, что применение к подобному случаю понятия «оборонительной» войны или «защиты отечества» было бы исторической фальшью и практически просто обманом простонародья, мещанства, темного люда ловкими рабовладельцами. Именно так и обманывает народы посредством «национальной» идеологии и понятия защиты отечества теперешняя, империалистическая буржуазия в современной войне между рабовладельцами за укрепление и усиление рабства.

ТЕПЕРЕШНЯЯ ВОЙНА ЕСТЬ ИМПЕРИАЛИСТСКАЯ ВОЙНА

Почти все признают теперешнюю войну империалистской, но большей частью искажают это понятие, или применяют его к одной стороне, или подсовывают все же возможность того, чтобы эта война имела буржуазно-прогрессивное, национально-освободительное значение. Империализм есть высшая ступень развития капитализма, достигнутая лишь в XX веке. Капитализму стало тесно в старых национальных государствах, без образования которых он не мог свергнуть феодализма. Капитализм настолько развил концентрацию, что целые отрасли промышленности захвачены синдикатами, трестами, союзами капиталистов-миллиардеров, и почти весь земной шар поделен между этими «владыками капитала», в форме ли колоний или посредством запутывания чужих стран тысячами нитей финансовой эксплуатации. Свободную торговлю и конкуренцию сменили стремления к монополии, к захвату земель для приложения капитала, для вывоза сырья и т. д. Из освободителя наций, каким капитализм был в борьбе с феодализмом, империалистский капитализм стал величайшим угнетателем наций. Капитализм из прогрессивного стал реакционным, он развил производительные силы настолько, что человечеству предстоит либо перейти к социализму, либо годами и даже десятилетиями переживать вооруженную борьбу «великих» держав за искусственное сохранение капитализма посредством колоний, монополий, привилегий и национальных угнетений всяческого рода.

ВОЙНА МЕЖДУ КРУПНЕЙШИМИ РАБОВЛАДЕЛЬЦАМИ ЗА СОХРАНЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ РАБСТВА

Чтобы пояснить значение империализма, приведем точные данные о разделе мира т. наз. «великими» (то есть имеющими успех в великом грабеже) державами:

Раздел мира «великими» рабовладельческими державами:

«Великие» державы	Колонии 1876		Колонии 1914		Метрополии 1914		Всего	
	квадратн. километр.	жителей	квадратн. километр.	жителей	квадратн. километр.	жителей	квадратн. километр.	жителей
	миллионы		миллионы		миллионы		миллионы	
Англия	22,5	251,9	33,5	393,5	0,3	46,5	33,8	440,0
Россия	17,0	15,9	17,4	33,2	5,4	136,2	22,8	169,4
Франция	0,9	6,0	10,6	55,5	0,5	39,6	11,1	95,1
Германия	—	—	2,9	12,3	0,5	64,9	3,4	77,2
Япония	—	—	0,3	19,2	0,4	53,0	0,7	72,2
С. Штаты С. Америки	—	—	0,3	9,7	9,4	97,0	9,7	106,7
Шесть «великих» держав	40,4	273,8	65,0	523,4	16,5	437,2	81,5	960,6
Колонии, принадлежащие *не* великим державам (а Бельгии, Голландии и друг. государствам)			9,9	45,3			9,9	45,3
Три страны «полуколонии» (Турция, Китай и Персия)							14,5	361,2
Итого							105,9	1367,1
Остальные государства и страны							28,0	289,9
Весь земной шар (без полярной области)							133,9	1657,0

Отсюда видно, как народы, боровшиеся большей частью во главе других за свободу в 1789—1871 гг., превратились теперь, после 1876-го года, на почве высокоразвитого и «перезрелого» капитализма, в угнетателей и поработителей большинства народонаселения и наций всего земного шара. С 1876 по 1914 г. шесть «великих» держав награбили 25 миллионов кв. километров, т. е. пространство в $2^1/_2$ раза больше всей Европы! Шесть держав порабощают *свыше полумиллиарда* (523 миллиона) населения в колониях. На каждые 4 жителя «великих» держав приходится по 5 жителей в «их» колониях. И всем известно, что колонии завоеваны огнем и мечом, что в колониях зверски обращаются с населением, что его эксплуатируют тысячами способов (посредством вывоза капитала, концессий и т. п., обмана при продаже товаров, подчинения властям «господствующей» нации и так далее и тому подобное). Англо-французская буржуазия обманывает народ, говоря, что ведет войну за свободу народов и Бельгии: на деле она ведет войну ради сохранения награбленных ею непомерно

колоний. Германские империалисты сразу освободили бы Бельгию и пр., если бы англичане и французы «по-божески» поделили с ними свои колонии. Своеобразие положения заключается в том, что в этой войне судьбы колоний решаются войной на континенте. С точки зрения буржуазной справедливости и национальной свободы (или права наций на существование) Германия безусловно была бы права против Англии и Франции, ибо она «обделена» колониями, ее враги угнетают несравненно больше наций, чем она, а у ее союзника, Австрии, угнетенные славяне пользуются, несомненно, большей свободой, чем в царской России, этой настоящей «тюрьме народов». Но Германия сама воюет не за освобождение, а за угнетение наций. Не дело социалистов помогать более молодому и сильному разбойнику (Германии) грабить более старых и обожравшихся разбойников. Социалисты должны воспользоваться борьбой между разбойниками, чтобы свергнуть всех их. Для этого социалисты должны прежде всего говорить народу правду, именно, что эта война в трояком смысле есть война рабовладельцев за укрепление рабства. Это есть война, во-1-х, за укрепление рабства колоний посредством более «справедливого» раздела и дальнейшей более «дружной» эксплуатации их; во-2-х, за укрепление гнета над чужими нациями в самих «великих» державах, ибо *и* Австрия *и* Россия (Россия гораздо больше и гораздо хуже, чем Австрия) держатся только таким гнетом, усиливая его войной; в-3-х, за укрепление и продление наемного рабства, ибо пролетариат расколот и придавлен, а капиталисты выигрывают, наживаясь на войне, растравляя национальные предрассудки и усиливая реакцию, которая подняла голову во всех, даже самых свободных и республиканских странах.

«ВОЙНА ЕСТЬ ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ ИНЫМИ» (ИМЕННО: НАСИЛЬСТВЕННЫМИ) «СРЕДСТВАМИ» [4]

Это знаменитое изречение принадлежит одному из самых глубоких писателей по военным вопросам, Клаузевицу. Марксисты справедливо считали всегда это положение теоретической основой взглядов на значение каждой данной войны. Маркс и Энгельс всегда именно с этой точки зрения смотрели на различные войны.

Примените этот взгляд к теперешней войне. Вы увидите, что в течение десятилетий, почти полувека, правительства и господствующие классы и Англии, и Франции, и Германии, и Италии, и Австрии, и России вели политику грабежа колоний, угнетения чужих наций, подавления рабочего движения. Именно такая политика, только такая, продолжается в теперешней войне. В частности, и в Австрии и в России политика

как мирного, так и военного времени состоит в порабощении наций, а не в освобождении их. Наоборот, в Китае, Персии, Индии и других зависимых странах мы видим в течение последних десятилетий политику пробуждения к национальной жизни десятков и сотен миллионов людей, освобождения их от гнета реакционных «великих» держав. Война на такой исторической почве может быть и теперь буржуазно-прогрессивной, национально-освободительной.

Достаточно взглянуть на теперешнюю войну с точки зрения продолжения в ней политики «великих» держав и основных классов внутри них, чтобы сразу увидать вопиющую антиисторичность, лживость и лицемерность того мнения, будто можно оправдывать идею «обороны отечества» в данной войне.

ПРИМЕР БЕЛЬГИИ

Социал-шовинисты тройственного (теперь четверного) согласия (в России Плеханов и К°) больше всего любят ссылаться на пример Бельгии. Но этот пример говорит против них. Германские империалисты бесстыдно нарушили нейтралитет Бельгии, как делали всегда и везде воюющие государства, попиравшие в случае надобности *все* договоры и обязательства. Допустим, что все государства, заинтересованные в соблюдении международных договоров, объявили бы войну Германии с требованием освобождения и вознаграждения Бельгии. В этом случае сочувствие социалистов было бы, конечно, на стороне врагов Германии. Однако, дело как раз в том, что война ведется «тройственным (и четверным) согласием» *не* из-за Бельгии: это прекрасно известно, и лишь лицемеры скрывают это. Англия грабит колонии Германии и Турцию, Россия — Галицию и Турцию, Франция добивается Эльзаса-Лотарингии и даже левого берега Рейна; с Италией заключен договор о дележе добычи (Албании, Малой Азии); с Болгарией и Румынией идет торг тоже из-за дележа добычи. На почве теперешней войны теперешних правительств *нельзя* помочь Бельгии *иначе* как помогая душить Австрию или Турцию и т. д.! При чем же тут «защита отечества»?? В этом-то и состоит особенность империалистской войны, войны между реакционно-буржуазными, исторически пережившими себя, правительствами, ведомой ради угнетения иных наций. Кто оправдывает участие в данной войне, тот увековечивает империалистское угнетение наций. Кто проповедует использование теперешних затруднений правительств для борьбы за социальную революцию, тот отстаивает действительную свободу действительно всех наций, осуществимую лишь при социализме.

ЗА ЧТО ВОЮЕТ РОССИЯ?

В России капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Манчжурии, Монголии, но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм. Нигде в мире нет такого угнетения большинства населения страны, как в России: великороссы составляют только 43% населения, т. е. менее половины, а все остальные бесправны, как инородцы. Из 170 миллионов населения России *около 100 миллионов* угнетены и бесправны. Царизм ведет войну для захвата Галиции и окончательного придушения свободы украинцев, для захвата Армении, Константинополя и т. д. Царизм видит в войне средство отвлечь внимание от роста недовольства внутри страны и подавить растущее революционное движение. Теперь на двух великороссов в России приходится от двух до трех бесправных «инородцев»: посредством войны царизм стремится увеличить количество угнетаемых Россией наций, упрочить их угнетение и тем подорвать борьбу за свободу и самих великороссов. Возможность угнетать и грабить чужие народы укрепляет экономический застой, ибо вместо развития производительных сил источником доходов является нередко полуфеодальная эксплуатация «инородцев». Таким образом со стороны России война отличается сугубой реакционностью и противоосвободительным характером.

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМ?

Социал-шовинизм есть защита идеи «обороны отечества» в данной войне. Из этой идеи вытекает, далее, отказ от классовой борьбы во время войны, вотирование военных кредитов и т. п. На деле социал-шовинисты проводят антипролетарскую, буржуазную политику, ибо на деле отстаивают они не «оборону отечества» в смысле борьбы с чуженациональным гнетом, а «право» тех или иных «великих» держав грабить колонии и угнетать чужие народы. Социал-шовинисты повторяют буржуазный обман народа, будто война ведется из-за защиты свободы и существования наций, и тем переходят на сторону буржуазии против пролетариата. К социал-шовинистам принадлежат как те, которые оправдывают и прикрашивают правительства и буржуазию *одной* из воюющих групп держав, так и те, кто, подобно Каутскому, признают одинаковое право социалистов во *всех* воюющих державах «защищать отечество». Социал-шовинизм, будучи на деле защитой привилегий, преимуществ, грабежей и насилий «своей» (или всякой вообще) империалистской буржуазии, представляет из себя полную измену всем социалистическим убеждениям и решению Международного социалистического конгресса в Базеле.

БАЗЕЛЬСКИЙ МАНИФЕСТ

Манифест о войне, принятый единогласно в 1912 г. в Базеле, имеет в виду как раз ту войну между Англией и Германией с их теперешними союзниками, которая и разразилась в 1914 г. Манифест прямо заявляет, что никакой народный интерес не может оправдать такой войны, ведущейся «ради прибылей капиталистов и выгод династий» на почве империалистской, грабительской политики великих держав. Манифест прямо заявляет, что война опасна «для правительств» (всех без исключения), отмечает их боязнь «пролетарской революции», указывает с полнейшей определенностью на пример Коммуны 1871 г. и октября — декабря 1905 г., *т. е. на пример революции и гражданской войны.* Таким образом Базельский манифест как раз для данной войны устанавливает тактику революционной борьбы рабочих в интернациональном масштабе против своих правительств, тактику пролетарской революции. Базельский манифест повторяет слова Штутгартской резолюции, что, в случае наступления войны, социалисты должны использовать создаваемый ею «экономический и политический кризис» для «ускорения падения капитализма», т. е. использовать созданные войной затруднения правительств и возмущение масс для социалистической революции.

Политика социал-шовинистов, их оправдание войны с буржуазно освободительных точек зрения, их допущение «защиты отечества», голосование за кредиты, вступления в министерства и проч. и проч. есть прямая измена социализму, объясняемая лишь, как увидим ниже, победой оппортунизма и национал-либеральной рабочей политики внутри большинства европейских партий.

ЛОЖНЫЕ ССЫЛКИ НА МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

Социал-шовинисты русские (с Плехановым во главе) ссылаются на тактику Маркса в войне 1870 г.; — немецкие (типа Ленча, Давида и К°) на заявления Энгельса в 1891 г. об обязательности для немецких социалистов защищать отечество в случае войны с Россией и Францией вместе; — наконец, социал-шовинисты типа Каутского, желающие примирить и узаконить интернациональный шовинизм, ссылаются на то, что Маркс и Энгельс, осуждая войны, становились тем не менее постоянно, от 1854—1855 до 1870—1871 и 1876—1877 гг., на сторону того или иного воюющего государства, раз война все же разражалась.

Все эти ссылки представляют из себя возмутительное искажение взглядов Маркса и Энгельса в угоду буржуазии и оппортунистам, точно так же, как писания анархистов Гильома

и К° искажают взгляды Маркса и Энгельса для оправдания анархизма. Война 1870—1871 года была исторически-прогрессивной со стороны Германии, пока не был побежден Наполеон III, ибо он, вместе с царем, долгие годы угнетал Германию, поддерживая в ней феодальное раздробление. И как только война перешла в грабеж Франции (аннексия Эльзаса и Лотарингии), Маркс и Энгельс решительно осудили немцев. Да и в начале этой войны Маркс и Энгельс одобряли отказ Бебеля и Либкнехта голосовать за кредиты и советовали с.-д. не сливаться с буржуазией, а отстаивать самостоятельные классовые интересы пролетариата. Перенесение оценки этой войны, буржуазно-прогрессивной и национально-освободительной, на современную империалистскую войну есть издевательство над истиной. То же относится с еще большей силой к войне 1854—1855 гг. и всем войнам XIX века, когда не было *ни* современного империализма, *ни* созревших объективных условий социализма, *ни* массовых социалистических партий во *всех* воюющих странах, т. е. не было именно тех условий, из которых Базельский манифест выводил тактику «пролетарской революции» *в связи* с войной между великими державами.

Кто ссылается теперь на отношение Маркса к войнам эпохи *прогрессивной* буржуазии и забывает о словах Маркса: «рабочие не имеют отечества» — словах, относящихся *именно* к эпохе реакционной, отжившей буржуазии, к эпохе социалистической революции, тот бесстыдно искажает Маркса и подменяет социалистическую точку зрения буржуазной.

*
* *

ПРИМЕР БРАТАНЬЯ В ТРАНШЕЯХ

Буржуазные газеты всех воюющих стран приводили примеры братанья солдат воюющих наций даже в траншеях. А издание военными властями (Германии, Англии) драконовских указов против такого братанья доказало, что правительства и буржуазия придавали ему серьезное значение. Если при полном господстве оппортунизма в верхах с.-д. партий Западной Европы и при поддержке социал-шовинизма всей с.-д. прессой, всеми авторитетами II Интернационала, были возможны случаи братанья, то это показывает нам, насколько возможно было бы сократить теперешнюю преступную, реакционную и рабовладельческую войну и организовать революционное интернациональное движение при систематической работе в этом направлении хотя бы только левых социалистов всех воюющих стран.

*
* *

О ПОРАЖЕНИИ «СВОЕГО» ПРАВИТЕЛЬСТВА В ИМПЕРИАЛИСТСКОЙ ВОЙНЕ

Защитники победы своего правительства в данной войне, как и защитники лозунга «ни победы, ни поражения», одинаково стоят на точке зрения социал-шовинизма. Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своего правительства, не может не видеть связи его военных неудач с облегчением низвержения его. Только буржуа, верящий, что война, начатая правительствами, непременно кончится, как война между правительствами, и желающий этого, находит «смешной» или «нелепой» идею о том, чтобы социалисты *всех* воюющих стран выступили с пожеланием поражения *всем* «своим» правительствам. Напротив, именно такое выступление соответствовало бы затаенным мыслям всякого сознательного рабочего и лежало бы по линии нашей деятельности, направленной к превращению империалистской войны в гражданскую.

Несомненно, серьезная агитация против войны части английских, немецких, русских социалистов «ослабляла военную мощь» соответственных правительств, но такая агитация была заслугой социалистов. Социалисты должны разъяснять массам, что для них нет спасения вне революционного низвержения «своих» правительств и что затруднения этих правительств в теперешней войне надо использовать именно для этой цели.

О ПАЦИФИЗМЕ И ЛОЗУНГЕ МИРА

Настроение масс в пользу мира часто выражает начало протеста, возмущения и сознания реакционности войны. Использовать это настроение — долг всех с.-д. Они примут самое горячее участие во всяком движении и во всякой демонстрации на этой почве, но они не будут обманывать народ допущением мысли о том, что, при отсутствии революционного движения, возможен мир без аннексий, без угнетения наций, без грабежа, без зародыша новых войн между теперешними правительствами и господствующими классами. Такой обман народа был бы лишь наруку тайной дипломатии воюющих правительств и их контрреволюционным планам. Кто хочет прочного и демократического мира, тот должен быть за гражданскую войну против правительств и буржуазии.

О ПРАВЕ НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Самым распространенным обманом народа буржуазией в данной войне является прикрытие ее грабительских целей «национально-освободительной» идеологией. Англичане сулят свободу Бельгии, немцы — Польше и т. д. На деле, как мы

видели, это есть война угнетателей большинства наций мира за укрепление и расширение такого угнетения.

Социалисты не могут достигнуть своей великой цели, не борясь против всякого угнетения наций. Поэтому они безусловно должны требовать, чтобы с.-д. партии *угнетающих* стран (т. наз. «великих» держав особенно) признавали и отстаивали право *угнетенных* наций на самоопределение, и именно в политическом смысле слова, т. е. право на политическое отделение. Социалист великодержавной или владеющей колониями нации, не отстаивающий этого права, есть шовинист.

Отстаивание этого права не только не поощряет образование мелких государств, а напротив, ведет к более свободному, безбоязненному и потому более широкому и повсеместному образованию более выгодных для массы и более соответствующих экономическому развитию крупнейших государств и союзов между государствами.

Социалисты *угнетенных* наций, в свою очередь, должны безусловно бороться за полное (в том числе организационное) единство *рабочих* угнетенных и угнетающих народностей. Идея правового отделения одной нации от другой (т. наз. «культурно-национальная автономия» Бауэра и Реннера) есть реакционная идея.

Империализм есть эпоха прогрессирующего угнетения наций всего мира горсткой «великих» держав, и потому борьба за социалистическую интернациональную революцию против империализма невозможна без признания права наций на самоопределение. «Не может быть свободен народ, угнетающий чужие народы» (Маркс и Энгельс). Не может быть социалистическим пролетариат, мирящийся с малейшим насилием «его» нации над другими нациями.

ГЛАВА II
КЛАССЫ И ПАРТИИ В РОССИИ
БУРЖУАЗИЯ И ВОЙНА

В одном отношении русское правительство не отстало от своих европейских собратьев: так же, как и они, оно сумело осуществить обман «своего» народа в грандиозном масштабе. Громадный, чудовищный аппарат лжи и хитросплетений был пущен в ход и в России, чтобы заразить массы шовинизмом, чтобы вызвать представление, будто царское правительство ведет «справедливую» войну, бескорыстно защищает «братьев-славян» и т. д.

Класс помещиков и верхи торгово-промышленной буржуазии горячо поддержали воинствующую политику царского пра-

вительства. Они справедливо ждут для себя громадных материальных выгод и привилегий от раздела турецкого и австрийского наследства. Целый ряд их съездов уже предвкушает те барыши, которые потекли бы в их карманы при победе царской армии. К тому же реакционеры очень хорошо понимают, что если что̀ еще может отсрочить падение монархии Романовых и задержать новую революцию в России, так это только победоносная для царя внешняя война.

Широкие слои городской «средней» буржуазии, буржуазной интеллигенции, лиц свободных профессий и т. д. — по крайней мере, в начале войны — тоже заражены были шовинизмом. Партия российской либеральной буржуазии — кадеты — целиком и безоговорочно поддержала царское правительство. В области иностранной политики кадеты уже давно являются правительственной партией. Панславизм, при посредстве которого царская дипломатия не раз уже совершала свои грандиозные политические надувательства, стал официальной идеологией кадетов. Русский либерализм выродился в *национал*-либерализм. Он состязается в «патриотизме» с черной сотней, всегда с охотой вотирует за милитаризм, маринизм и т. п. В лагере русского либерализма наблюдается приблизительно то же явление, что в 70-х годах в Германии, когда «свободомыслящий» либерализм разложился и выделил из себя национал-либеральную партию. Русская либеральная буржуазия окончательно стала на путь контрреволюции. Точка зрения РСДРП в этом вопросе целиком подтвердилась. Разбит жизнью тот взгляд наших оппортунистов, будто русский либерализм является еще движущей силой революции в России...

Написано в июле — августе 1915 г. Напечатано осенью 1915 г. отдельной брошюрой в изд. редакции газеты «Социал-Демократ», Женева

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 21, стр. 271—280, 284—285, 285—288.

ИЗ СТАТЬИ
«О ЛОЗУНГЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ЕВРОПЫ»

В № 40 «Социал-Демократа» мы сообщили, что Конференция заграничных секций нашей партии постановила отложить вопрос о лозунге «Соединенные Штаты Европы» до обсуждения в печати *экономической* стороны дела *.

Дискуссия по этому вопросу приняла на нашей конференции односторонне-политический характер. Отчасти это вызвано было, может быть, тем, что в манифесте Центрального Комитета этот лозунг прямо формулирован как политический («ближайшим *политическим* лозунгом...» — говорится там), причем не только выдвинуты республиканские Соединенные Штаты Европы, но и подчеркнуто специально, что «без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской» этот лозунг бессмыслен и лжив.

Возражать против такой постановки вопроса *в пределах* политической оценки данного лозунга, — например, с той точки зрения, что он заслоняет или ослабляет и т. п. лозунг социалистической революции, совершенно неправильно. Политические преобразования в действительно демократическом направлении, а тем более политические революции, ни в коем случае, никогда, ни при каких условиях не могут ни заслонить, ни ослабить лозунга социалистической революции. Напротив, они всегда приближают ее, расширяют для нее базу, втягивают в социалистическую борьбу новые слои мелкой буржуазии и полупролетарских масс. А с другой стороны, политические революции неизбежны в ходе социалистической революции, которую нельзя рассматривать, как один акт, а следует рассматривать, как эпоху бурных политических и экономических потрясений, самой обостренной классовой борьбы, гражданской войны, революций и контрреволюций.

Но, если лозунг республиканских Соединенных Штатов Европы, поставленный в связь с революционным низверже-

* См. Сочинения В. И. Ленина, изд. 4, т. 21, стр. 137.

нием трех реакционнейших монархий Европы, с русской во главе, совершенно неуязвим, как политический лозунг, то остается еще важнейший вопрос об экономическом содержании и значении этого лозунга. С точки зрения экономических условий империализма, т. е. вывоза капитала и раздела мира «передовыми» и «цивилизованными» колониальными державами, Соединенные Штаты Европы, при капитализме, либо невозможны, либо реакционны.

Капитал стал интернациональным и монополистическим. Мир поделен между горсткой великих, т. е. преуспевающих в великом грабеже и угнетении наций, держав. Четыре великих державы Европы: Англия, Франция, Россия и Германия, с населением в 250—300 миллионов, с площадью около 7 млн. кв. километров, имеют колонии с населением *почти в полмиллиарда* (494,5 млн.), с площадью в 64,6 млн. кв. км., т. е. почти в половину земного шара (133 млн. кв. км. без полярной области). Прибавьте к этому три азиатские государства: Китай, Турцию, Персию, которых теперь рвут на части разбойники, ведущие «освободительную» войну, именно: Япония, Россия, Англия и Франция. В этих трех азиатских государствах, которые можно назвать полуколониями (на деле они теперь на $^9/_{10}$— колонии), 360 млн. населения и 14,5 млн. кв. км. площади (т. е. почти в $1^1/_2$ раза более площади всей Европы).

Далее, Англия, Франция и Германия поместили за границей не менее 70 миллиардов рублей капитала. Чтобы получать «законный» доходец с этой приятной суммы, — доходец свыше трех миллиардов рублей ежегодно — служат национальные комитеты миллионеров, называемые правительствами, снабженные войском и военным флотом, «помещающие» в колониях и полуколониях сынков и братцев «господина миллиарда» в качестве вице-королей, консулов, послов, чиновников всяческого рода, попов и прочих пиявок.

Так организовано, в эпоху наивысшего развития капитализма, ограбление горсткой великих держав около миллиарда населения земли. И при капитализме иная организация невозможна. Отказаться от колоний, от «сфер влияния», от вывоза капитала? Думать об этом, значит свести себя на уровень попика, который каждое воскресенье проповедует богатым величие христианства и советует дарить бедным... ну, если не несколько миллиардов, то несколько сот рублей ежегодно.

Соединенные Штаты Европы, при капитализме, равняются соглашению о дележе колоний. Но при капитализме невозможна иная основа, иной принцип дележа, кроме силы. Миллиардер не может делить «национальный доход» капиталистической страны с кем-либо другим иначе, как в пропорции: «по

капиталу» (и притом еще с добавкой, чтобы крупнейший капитал получил больше, чем ему следует). Капитализм есть частная собственность на средства производства и анархия производства. Проповедывать «справедливый» раздел дохода на такой базе есть прудонизм, тупоумие мещанина и филистера. Нельзя делить иначе, как «по силе». А сила изменяется с ходом экономического развития. После 1871 года Германия усилилась раза в 3—4 быстрее, чем Англия и Франция, Япония — раз в 10 быстрее, чем Россия. Чтобы проверить действительную силу капиталистического государства, нет и быть не может иного средства, кроме войны. Война не есть противоречие основам частной собственности, а прямое и неизбежное развитие этих основ. При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств. При капитализме невозможны иные средства восстановления, время-от-времени, нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике.

Конечно, возможны *временные* соглашения между капиталистами и между державами. В этом смысле возможны и Соединенные Штаты Европы, как соглашение *европейских* капиталистов... о чем? Только о том, как бы сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии *против* Японии и Америки, которые крайне обижены при теперешнем разделе колоний и которые усилились за последние полвека неизмеримо быстрее, чем отсталая, монархическая, начавшая гнить от старости Европа...

«Социал-Демократ» № 44, 23 августа 1915 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 21, стр. 308—311.

ИЗ СТАТЬИ
«ИМПЕРИАЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ В ИТАЛИИ
(ЗАМЕТКА)»

Для освещения тех вопросов, которые поставила теперешняя империалистская война перед социализмом, небесполезно бросить взгляд на различные европейские страны, чтобы научиться отделять национальные видоизменения и частности общей картины от коренного и существенного. Со стороны, говорят, виднее. Поэтому, чем меньше сходство Италии с Россией, тем интереснее в некоторых отношениях сравнить империализм и социализм в обеих странах.

В настоящей заметке мы намерены лишь отметить материал, который дают по этому вопросу вышедшие после войны сочинения буржуазного профессора Роберта Михельса: «Итальянский империализм» и социалиста Т. Барбони: «Интернационализм или классовый национализм? (Итальянский пролетариат и европейская война)» *. Болтливый Михельс остался столь же поверхностным, как и в других своих сочинениях, едва коснувшись экономической стороны империализма, но в его книге собран ценный материал о происхождении итальянского империализма и о том переходе, который составляет сущность современной эпохи и который особенно наглядно выступает в Италии, именно: переходе от эпохи войн национально-освободительных к эпохе войн империалистски-грабительских и реакционных. Италия революционно-демократическая, т. е. революционно-буржуазная, свергавшая иго Австрии, Италия времен Гарибальди, превращается окончательно на наших глазах в Италию, угнетающую другие народы, грабящую Турцию и Австрию, в Италию грубой, отвратительно-реакционной, грязной буржуазии, у которой текут слюнки от удовольствия, что и ее допустили к дележу добычи.

* *Roberto Michels:* «L'imperialismo italiano», Milano 1914. — *T. Barboni:* «Internazionalismo o Nazionalismo di Classe? (il proletariato d'Italia e la guerra europea)». Edito dall'autore a Campione d'Intelvi (provincia di Como) 1915.

Михельс, как и всякий порядочный профессор, считает, разумеется, свое услужничество перед буржуазией «научным объективизмом» и называет этот дележ добычи «дележом той части мира, которая еще осталась в руках слабых народов» (стр. 179). Пренебрежительно отвергая, как «утопическую», точку зрения тех социалистов, которые враждебны всякой колониальной политике, Михельс повторяет рассуждения людей, считающих, что Италия «должна была бы быть второй колониальной державой», уступая первенство лишь Англии, по густоте населения и силе эмиграционного движения. А что в Италии 40% населения безграмотны, что в ней доныне бывают холерные бунты и пр. и т. п., то этот аргумент опровергается ссылкой на Англию: разве она не была страной невероятного разорения, приниженья, вымиранья голодной смертью рабочих масс, алкоголизма и чудовищной нищеты и грязи в бедных кварталах городов в 1-ой половине XIX века, когда английская буржуазия так успешно закладывала основы своего теперешнего колониального могущества?

И надо сказать, что с буржуазной точки зрения это рассуждение неопровержимо. Колониальная политика и империализм — вовсе не болезненные, исцелимые, уклонения капитализма (как думают филистеры и Каутский среди них), а неизбежное следствие самых основ капитализма: конкуренция между отдельными предприятиями ставит вопрос только так — разориться или разорить других; конкуренция между отдельными странами ставит вопрос только так — остаться на девятом месте и вечно рисковать судьбой Бельгии или разорять и покорять другие страны, проталкивая себе местечко среди «великих» держав.

Итальянский империализм прозвали «империализмом бедняков» (l'imperialismo della povera gente), имея в виду бедность Италии и отчаянную нищету массы итальянских эмигрантов. Итальянский шовинист Артур Лабриола, который отличается от своего бывшего противника, Г. Плеханова, только тем, что немножко раньше него обнаружил свой социал-шовинизм и пришел к этому социал-шовинизму через мелкобуржуазный полуанархизм, а не через мелкобуржуазный оппортунизм, этот Артур Лабриола писал в своей книжке о триполитанской войне (в 1912 году):

...«Ясно, что мы боремся не только против турок, ...но и против интриг, угроз, денег и войск плутократической Европы, которая не может потерпеть, чтобы маленькие нации дерзнули совершить хоть один жест, сказать хоть одно слово, компрометирующее железную гегемонию ее» (стр. 22). А вождь итальянских националистов, Коррадини, заявлял: «Как социализм был методом освобождения пролетариата от буржуазии, так

национализм будет для нас, итальянцев, методом освобождения от французов, немцев, англичан, американцев севера и юга, которые по отношению к нам являются буржуазией».

Всякая страна, которая имеет больше «нашего» колоний, капиталов, войска, отнимает у «нас» известные привилегии, известную прибыль или сверхприбыль. Как среди отдельных капиталистов получает сверхприбыль тот, кто имеет машины лучше среднего или обладает известными монополиями, так и среди стран получает сверхприбыль та, которая экономически поставлена лучше других. Дело буржуазии — бороться за привилегии и преимущества для своего национального капитала и надувать народ или простонародие (при помощи Лабриола и Плеханова), выдавая империалистскую борьбу ради «права» грабить других за национально-освободительную войну.

До триполитанской войны Италия не грабила — по крайней мере в больших размерах — других народов. Разве это не нестерпимая обида для национальной гордости? Итальянцы — в угнетении и в унижении перед другими нациями. Итальянская эмиграция составляла около 100 000 человек в год в 70-х годах прошлого века, а теперь достигает от $^1/_2$ до 1 миллиона, и все это нищие, которых гонит из своей страны прямо голод в самом буквальном значении слова, все это поставщики рабочей силы в наихудше оплачиваемых отраслях промышленности, вся эта масса населяет самые тесные, бедные и грязные кварталы американских и европейских городов. Число итальянцев, живущих за границей, с 1 миллиона в 1881 году поднялось до $5^1/_2$ миллионов в 1910 году, причем громадная масса приходится на богатые и «великие» страны, по отношению к которым итальянцы являются самой грубой и «черной», нищей и бесправной рабочей массой. Вот главные страны, потребляющие дешевый итальянский труд: Франция — 400 тысяч итальянцев в 1910 г. (240 тысяч в 1881 г.); Швейцария — 135 тысяч (41) — (в скобках число тысяч в 1881 г.); Австрия — 80 тысяч (40); Германия — 180 тысяч (7); Соединенные Штаты — 1 779 тысяч (170); Бразилия — 1 500 тысяч (82); Аргентина — 1 000 (254). «Блестящая» Франция, которая 125 лет тому назад боролась за свободу и по этому случаю называет «освободительной» свою теперешнюю войну за свое и английское рабовладельческое «право на колонии», эта Франция держит сотни тысяч итальянских рабочих прямотаки в особых гетто, от которых мелкобуржуазная сволочь «великой» нации старается отгородиться как можно больше, которых она всячески старается унизить и оскорбить. Итальянцев зовут презрительной кличкой: «макароны» (пусть припомнит великорусский читатель, сколько презрительных

кличек ходит в нашей стране по отношению к «инородцам», которые не имели счастья родиться с правом на благородные великодержавные привилегии, служащие для Пуришкевичей орудием угнетения *и* великорусского *и* всех других народов России). Великая Франция заключила в 1896 году договор с Италией, в силу которого эта последняя обязуется не увеличивать число итальянских школ в Тунисе! А итальянское население в Тунисе с тех пор увеличилось вшестеро. Итальянцев в Тунисе 105 000 против 35 000 французов, но из первых только 1 167 поземельные собственники, имеющие 83 000 гектаров, а из вторых 2 395, награбившие в «своей» колонии 700 000 гектаров. Ну, как же не согласиться с Лабриола и другими итальянскими «плехановцами» в том, что Италия имеет «право» на свою колонию в Триполи, на угнетение славян в Далмации, на раздел Малой Азии и т. д.! *

Как Плеханов поддерживает «освободительную» войну России против стремления Германии превратить ее в свою колонию, так вождь партии реформистов Леонид Биссолати вопиет против «нашествия иностранного капитала в Италию» (стр. 97): немецкий капитал в Ломбардии, английский в Сицилии, французский в Пьяченцино, бельгийский в трамвайных предприятиях и т. д. и т. д. без конца.

Вопрос поставлен ребром, и нельзя не признать, что европейская война принесла человечеству гигантскую пользу, поставив его действительно ребром перед сотнями миллионов

---

* В высшей степени поучительно отметить связь между переходом Италии к империализму и согласием правительства на избирательную реформу. Реформа эта повысила число избирателей с 3 219 000 до 8 562 000, т. е. «почти что» дала всеобщее избирательное право. До триполитанской войны тот же Джиолитти, проведший реформу, был решительно против нее. «Мотивировка перемены линии правительством» и умеренными партиями — пишет Михельс — была, по своему существу, патриотической. «Несмотря на старинное теоретическое отвращение к колониальной политике, промышленные рабочие, а еще больше чернорабочие, дрались против турок чрезвычайно дисциплинированно и послушно, вопреки всем предвидениям. Такое рабское по отношению к правительственной политике поведение заслуживало награды, чтобы побудить пролетариат продолжать идти по этому новому пути. В парламенте председатель совета министров заявил, что итальянский рабочий класс своим патриотическим поведением на полях сражения в Ливии доказал перед родиной, что он достиг отныне самой высокой ступени политической зрелости. Кто способен жертвовать жизнью ради благородной цели, тот способен также защищать интересы родины в качестве избирателя и имеет поэтому право на то, чтобы государство считало его достойным всей полноты политических прав» (стр. 177). Хорошо говорят итальянские министры! Но еще лучше немецкие «радикальные» социал-демократы, которые повторяют теперь это лакейское рассуждение: «мы» исполнили свой долг, помогали «вам» грабить чужие страны, а «вы» не хотите дать «нам» всеобщего избирательного права в Пруссии...

людей разных наций: *либо* защищать, ружьем или пером, прямо или косвенно, в какой бы то ни было форме, великодержавные и вообще национальные привилегии или преимущества или притязания «своей» буржуазии, и тогда это значит быть ее сторонником или лакеем; *либо* использовать всякую, и особенно вооруженную, борьбу за великодержавные привилегии для разоблачения и низвержения всякого, а прежде всего *своего* правительства посредством революционных действий интернационально-солидарного пролетариата. Середины тут нет, или другими словами: попытка занять среднюю позицию означает на деле прикрытый переход на сторону империалистской буржуазии.

Вся книжка Барбони посвящена, в сущности, именно тому, чтобы прикрыть этот переход. Барбони корчит из себя интернационалиста совершенно так же, как наш г. Потресов, рассуждая, что надо с интернациональной точки зрения определить, успех какой стороны полезнее или безвреднее для пролетариата, и решая этот вопрос, разумеется, против... Австрии и Германии. Барбони вполне в духе Каутского предлагает итальянской социалистической партии торжественно провозгласить солидарность рабочих всех стран, — воюющих в первую голову, конечно, — интернационалистские убеждения, программу мира на основе разоружения и национальной независимости всех наций с образованием «лиги всех наций для взаимной гарантии неприкосновенности и независимости» (стр. 126). И как раз во имя этих принципов Барбони объявляет, что милитаризм — «паразитическое» явление в капитализме, а «вовсе не необходимое»; — что «милитаристским империализмом» пропитаны Германия и Австрия, что их агрессивная политика была «постоянно угрозой европейскому миру», что Германия «постоянно отвергала предложения об ограничении вооружений, делавшиеся Россией (sic!! *) и Англией» и т. д. и т. д. — и что социалистическая партия Италии должна высказаться за вмешательство Италии в пользу тройственного согласия в подходящий момент!

Остается неизвестным, в силу каких принципов можно предпочесть буржуазному империализму Германии, которая развивалась экономически в XX веке быстрее остальных европейских стран и которая особенно «обижена» при разделе колоний, — буржуазный империализм Англии, развивающейся гораздо медленнее, загребшей бездну колоний, применяющей там (вдали от Европы) зачастую не менее зверские приемы подавления, чем немцы, и нанимающей на свои мил-

* — так!! *Ред.*

лиарды миллионные войска различных континентальных держав для грабежа Австрии, и Турции и пр. Интернационализм Барбони сводится в сущности, как и у Каутского, к словесной защите социалистических принципов, а под прикрытием этого лицемерия проводится на деле защита своей, итальянской буржуазии...

«Коммунист» № 1—2, 1915 г.
Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 21, стр. 324—329.

ИЗ СТАТЬИ
«О „ПРОГРАММЕ МИРА“»

...Припомним основные понятия социалистического учения, извращаемые каутскианцами. Война есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны. Мир есть продолжение *той же* политики, с *записью* тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями. Война сама по себе не изменяет того направления, в котором развивалась политика до войны, а лишь *ускоряет* это развитие.

Война 1870—1871 года была продолжением буржуазно-прогрессивной (десятилетиями тянувшейся) политики освобождения и объединения Германии. Разгром Наполеона III и свержение его ускорили это освобождение. Программа мира социалистов той эпохи была учетом этого прогрессивно-буржуазного итога, была поддержкой демократической буржуазии: не грабить Францию, почетный мир с республикой.

Посмотрите, каким клоунством является попытка рабски «повторить» этот пример в обстановке империалистской войны 1914—1916 гг. Эта война продолжает политику перезревшей, реакционной буржуазии, грабившей мир, захватывавшей колонии и т. д. Эта война, на почве буржуазных отношений, *не может,* в силу объективного положения не может, вести ни к какому демократическому «прогрессу», а только к усилению и расширению всякого гнета вообще, национального в частности, — и это при любом исходе войны.

Та война ускорила развитие в направлении демократическом, буржуазно-прогрессивном: свержение Наполеона III, объединение Германии. *Эта* война ускоряет развитие *только* к социалистической революции. *Тогда* программа демократического (буржуазного) мира имела под собой *объективную* историческую основу. *Теперь* этой основы *нет,* и фразерство о демократическом мире есть буржуазное лганье, объективное значение которого состоит в отвлечении рабочих от

революционной борьбы за социализм! *Тогда* программой демократического мира социалисты поддерживали имевшееся в наличности, глубокое, десятилетиями проявившее себя, демократически-буржуазное движение *масс* (к свержению Наполеона III, к объединению Германии). *Теперь* программой демократического мира, на почве буржуазных отношений, социалисты поддерживают *обман* народа буржуазией, желающей отвлечь пролетариат от *социалистической* революции.

Как фразы о «защите отечества» облыжно несут в массы идеологию национально-освободительной войны, так фразы о демократическом мире *обходным путем* протаскивают ту же самую буржуазную ложь!..

«Социал-Демократ» № 52, 25 марта 1916 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 22, стр. 152—153.

ИЗ РАБОТЫ
«ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РСДРП 2-ой СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ»

...5. Главным из «вопросов мира» является в настоящее время вопрос об аннексиях. И именно на этом вопросе всего нагляднее видно как господствующее ныне социалистическое лицемерие, так и задачи действительно социалистической пропаганды и агитации.

Необходимо разъяснить, что такое аннексия, почему и как социалисты должны бороться с аннексиями. Аннексией нельзя считать ни *всякое* присоединение «чужой» территории, ибо социалисты, вообще говоря, сочувствуют устранению границ между нациями и образованию более крупных государств; — ни всякое нарушение status quo, ибо это было бы величайшей реакционностью и насмешкой над основными понятиями исторической науки; — ни всякое военное присоединение, ибо насилия и войны в интересах большинства населения социалисты отрицать не могут. Аннексией должно считать лишь присоединение территории *вопреки воле* ее населения; другими словами, понятие аннексии неразрывно связано с понятием самоопределения наций.

Но на почве данной войны, именно потому, что она является империалистской со стороны *обеих* групп воюющих держав, должно было вырасти и выросло то явление, что буржуазия и социал-шовинисты усиленно «борются» против аннексий, когда их совершает или совершило неприятельское государство. Ясно, что подобная «борьба против аннексий» и подобное «единодушие» в вопросе об аннексиях есть сплошное лицемерие. Ясно, что *аннексионистами* являются *на деле* и те французские социалисты, которые защищают войну из-за Эльзаса-Лотарингии, и те немецкие социалисты, которые не требуют свободы отделения Эльзаса-Лотарингии, немецкой Польши и т. п. от Германии, и те русские социалисты, которые называют «спасением страны» войну за новое порабощение

царизмом Польши, требуя присоединения Польши к России во имя «мира без аннексий», и т. д. и т. д.

Чтобы борьба против аннексий не была лицемерием или пустой фразой, чтобы она действительно воспитывала массы в духе интернационализма, для этого необходима такая постановка этого вопроса, которая бы раскрывала массам глаза на царящий ныне обман в вопросе об аннексиях, а не прикрывала этот обман. Недостаточно, чтобы социалист каждой нации на словах признавал равноправие наций или декламировал, божился и клялся, что он против аннексий. Необходимо, чтобы социалист каждой нации требовал немедленно и безусловно *свободы отделения* колоний и наций, угнетенных *его собственным* «отечеством».

Без этого условия и в Циммервальдском манифесте признание самоопределения наций и принципов интернационализма останется, в лучшем случае, мертвой буквой...

Написано в феврале—марте 1916 г. Напечатано 22 апреля 1916 г. в «Bulletin Internationale Sozialistische Kommission zu Bern» № 1
На русском языке напечатано 10 июня 1916 г. в газете «Социал-Демократ» № 54—55.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 22, стр. 163—164.

ИЗ КНИГИ
«ИМПЕРИАЛИЗМ, КАК ВЫСШАЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА [42]
ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя брошюра написана мной весной 1916 г. в Цюрихе. В тамошних условиях работы мне приходилось, естественно, терпеть известный недостаток во французской и английской литературе и очень большой недостаток — в литературе русской. Но все же главный английский труд об империализме, книгу Дж. А. Гобсона, я использовал с тем вниманием, которого этот труд, по моему убеждению, заслуживает.

Брошюра писана для царской цензуры. Поэтому я не только был вынужден строжайше ограничить себя исключительно теоретическим — экономическим в особенности — анализом, но и формулировать необходимые немногочисленные замечания относительно политики с громаднейшей осторожностью, намеками, тем эзоповским — проклятым эзоповским — языком, к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для «легального» произведения.

Тяжело перечитывать теперь, в дни свободы, эти искаженные мыслью о царской цензуре, сдавленные, сжатые в железные тиски места брошюры. О том, что империализм есть канун социалистической революции, о том, что социал-шовинизм (социализм на словах, шовинизм на деле) есть полная измена социализму, полный переход на сторону буржуазии, что этот раскол рабочего движения стоит в связи с объективными условиями империализма и т. п. — мне приходилось говорить «рабьим» языком, и я вынужден отослать читателя, интересующегося вопросом, к выходящему вскоре переизданию моих зарубежных статей 1914—1917 годов. Особенно стоит отметить одно место, на странице 119—120 *: чтобы в цензурной

* См. настоящий сборник, стр. 217—218. *Ред.*

форме пояснить читателю, как бесстыдно лгут капиталисты и перешедшие на их сторону социал-шовинисты (с коими так непоследовательно борется Каутский) по вопросу об аннексиях, как бесстыдно они *прикрывают* аннексии *своих* капиталистов, я вынужден был взять пример... Японии! Внимательный читатель легко подставит вместо Японии — Россию, а вместо Кореи — Финляндию, Польшу, Курляндию, Украину, Хиву, Бухару, Эстляндию и прочие не-великороссами заселенные области.

Я бы хотел надеяться, что моя брошюра поможет разобраться в основном экономическом вопросе, без изучения которого нельзя ничего понять в оценке современной войны и современной политики, именно: в вопросе об экономической сущности империализма.

Автор

Петроград. 26 апреля 1917 года

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ И НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЯМ [43]

I

Настоящая книжка написана, как указано в предисловии к русскому изданию, в 1916 году для царской цензуры. Я не имею возможности переделать весь текст в настоящее время, да это было бы, пожалуй, нецелесообразно, ибо основная задача книги была и остается: показать, по сводным данным бесспорной буржуазной статистики и признаниям буржуазных ученых всех стран, какова была *итоговая картина* всемирного капиталистического хозяйства, в его международных взаимоотношениях, в начале XX века, накануне первой всемирной империалистической войны.

Отчасти будет даже небесполезно для многих коммунистов в передовых капиталистических странах убедиться на примере этой, *легальной с точки зрения царской цензуры*, книжки в возможности — и необходимости — использовать даже те слабые остатки легальности, которые остаются еще для коммунистов в современной, скажем, Америке или во Франции после недавнего, почти поголовного ареста коммунистов, для разъяснения всей лживости социал-пацифистских взглядов и надежд на «мировую демократию». А самые необходимые дополнения к этой подцензурной книжке я попытаюсь дать в настоящем предисловии.

II

В книжке доказано, что война 1914—1918 годов была с обеих сторон империалистской (т. е. захватной, грабительской, разбойнической) войной, войной из-за дележа мира, из-за

раздела и передела колоний, «сфер влияния» финансового капитала и т. д.

Ибо доказательство того, каков истинный социальный, или вернее: истинный классовый характер войны, содержится, разумеется, не в дипломатической истории войны, а в анализе *объективного* положения командующих классов во *всех* воюющих державах. Чтобы изобразить это объективное положение, надо взять не примеры и не отдельные данные (при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения), а непременно *совокупность* данных об *основах* хозяйственной жизни *всех* воюющих держав и *всего* мира.

Именно такие сводные данные, которые не могут быть опровергнуты, приведены мной в картине *раздела мира* в 1876 и 1914 годах (в § 6) и раздела *железорог* всего мира в 1890 и 1913 годах (в § 7). Железороги, это — итоги самых главных отраслей капиталистической промышленности, каменноугольной и железоделательной, итоги — и наиболее наглядные показатели развития мировой торговли и буржуазно-демократической цивилизации. Как связаны железороги с крупным производством, с монополиями, с синдикатами, картелями, трестами, банками, с финансовой олигархией, это показано в предыдущих главах книги. Распределение железорожной сети, неравномерность его, неравномерность ее развития, это — итоги современного, монополистического капитализма во всемирном масштабе. И эти итоги показывают абсолютную неизбежность империалистских войн на *такой* хозяйственной основе, *пока* существует частная собственность на средства производства.

Постройка железорог кажется простым, естественным, демократическим, культурным, цивилизаторским предприятием: такова она в глазах буржуазных профессоров, которым платят за подкрашивание капиталистического рабства, и в глазах мелкобуржуазных филистеров. На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения *миллиарда* людей (колонии плюс полуколонии), т. е. больше половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в «цивилизованных» странах.

Частная собственность, основанная на труде мелкого хозяина, свободная конкуренция, демократия, — все эти лозунги, которыми обманывают рабочих и крестьян капиталисты и их пресса, остались далеко позади. Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства

населения земли. И дележ этой «добычи» происходит между 2—3 всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в *свою* войну из-за дележа *своей* добычи всю землю.

III

Брест-Литовский мир, продиктованный монархической Германией, а затем гораздо более зверский и подлый Версальский мир, продиктованный «демократическими» республиками, Америкой и Францией, а также «свободной» Англией, сослужили полезнейшую службу человечеству, разоблачив как наемных чернильных кули империализма, так и реакционных мещан, хотя бы и называющих себя пацифистами и социалистами, которые воспевали «вильсонизм», доказывали возможность мира и реформ при империализме.

Десятки миллионов трупов и калек, оставленных войной, войной из-за того, английская или германская группа финансовых разбойников должна получить больше добычи, и затем два этих «мирных договора» открывают глаза с невиданной прежде быстротой миллионам и десяткам миллионов забитых, задавленных, обманутых, одураченных буржуазией людей. На почве всемирного разорения, созданного войной, растет, таким образом, всемирный революционный кризис, который, какие бы долгие и тяжелые перипетии он ни проходил, не может кончиться иначе, как пролетарской революцией и ее победой.

Базельский манифест II Интернационала, давший в 1912 году оценку именно той войне, которая наступила в 1914 году, а не войне вообще (войны бывают разные, бывают и революционные), этот манифест остался памятником, разоблачающим весь позорный крах, все ренегатство героев II Интернационала.

Я перепечатываю поэтому этот манифест в приложении к настоящему изданию и обращаю внимание читателей еще и еще раз, что герои II Интернационала так же заботливо обходя те места этого манифеста, где говорится точно, ясно, прямо о связи именно этой грядущей войны с пролетарской революцией, — обходят так же заботливо, как вор обходит то место, где он совершил кражу.

IV

Особенное внимание уделено в настоящей книжке критике «каутскианства», международного идейного течения, которое представлено во всех странах мира «виднейшими теорети-

ками», вождями II Интернационала (в Австрии — Отто Бауэр и К°, в Англии — Рамсей Макдональд и др., во Франции — Альбер Тома и т. д. и т. п.) и массой социалистов, реформистов, пацифистов, буржуазных демократов, попов.

Это идейное течение есть, с одной стороны, продукт разложения, гниения II Интернационала, а с другой стороны — неизбежный плод идеологии мелких буржуа, которых вся жизненная обстановка держит в плену буржуазных и демократических предрассудков.

У Каутского и подобных ему подобные взгляды есть полное отречение именно от тех революционных основ марксизма, которые этот писатель защищал десятки лет, специально, между прочим, в борьбе с социалистическим оппортунизмом (Бернштейна, Мильерана, Гайндмана, Гомперса и т. п.). Не случайно поэтому, что во всем мире «каутскианцы» объединились теперь практически-политически с крайними оппортунистами (через II или желтый Интернационал) и с буржуазными правительствами (через коалиционные буржуазные правительства с участием социалистов).

Растущее во всем мире пролетарское революционное движение вообще, коммунистическое в особенности не может обойтись без анализа и разоблачения теоретических ошибок «каутскианства». Это тем более так, что пацифизм и «демократизм» вообще, нисколько не претендующие на марксизм, по совершенно так же, как Каутский и К°, затушевывающие глубину противоречий империализма и неизбежность порожденного им революционного кризиса, — эти течения распространены еще чрезвычайно сильно во всем мире. И борьба с этими течениями обязательна для партии пролетариата, которая должна отвоевывать от буржуазии одураченных ею мелких хозяйчиков и миллионы трудящихся, поставленных в более или менее мелкобуржуазные условия жизни.

V

Необходимо сказать несколько слов о главе VIII: «Паразитизм и загнивание капитализма». Как уже отмечено в тексте книги, Гильфердинг, бывший «марксист», теперь соратник Каутского и один из главных представителей буржуазной, реформистской политики в «Независимой с.-д. партии Германии» [44], сделал по этому вопросу шаг назад по сравнению с *откровенным* пацифистом и реформистом, англичанином Гобсоном. Международный раскол всего рабочего движения теперь уже обнаружился вполне (II и III Интернационал). Обнаружился также и факт вооруженной борьбы и гражданской войны между обоими течениями: поддержка

Колчака и Деникина в России меньшевиками и «социалистами-революционерами» против большевиков, шейдемановцы и Носке с К⁰ в Германии с буржуазией против спартаковцев [45], тоже в Финляндии, Польше, Венгрии и т. д. В чем же экономическая основа этого всемирно-исторического явления?

Именно в паразитизме и загнивании капитализма, которые свойственны его высшей исторической стадии, т. е. империализму. Как доказано в настоящей книжке, капитализм выделил теперь *горстку* (менее одной десятой доли населения земли, при самом «щедром» и преувеличенном расчете менее одной пятой) особенно богатых и могущественных государств, которые грабят — простой «стрижкой купонов» — весь мир. Вывоз капитала дает доход 8—10 миллиардов франков в год, по довоенным ценам и довоенной буржуазной статистике. Теперь, конечно, много больше.

Понятно, что из такой гигантской *сверхприбыли* (ибо она получается сверх той прибыли, которую капиталисты выжимают из рабочих «своей» страны) *можно подкупать* рабочих вождей и верхнюю прослойку рабочей аристократии. Ее и подкупают капиталисты «передовых» стран — подкупают тысячами способов, прямых и косвенных, открытых и прикрытых.

Этот слой обуржуазившихся рабочих или «рабочей аристократии», вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему миросозерцанию, есть главная опора II Интернационала, а в наши дни главная *социальная* (не военная) *опора буржуазии*. Ибо это настоящие *агенты буржуазии в рабочем* движении, рабочие приказчики класса капиталистов (labor lieutenants of the capitalist class), настоящие проводники реформизма и шовинизма. В гражданской войне пролетариата с буржуазией они неизбежно становятся, в немалом числе, на сторону буржуазии, на сторону «версальцев» против «коммунаров».

Не поняв экономических корней этого явления, не оценив его политического и общественного значения, нельзя сделать ни шага в области решения практических задач коммунистического движения и грядущей социальной революции.

Империализм есть канун социальной революции пролетариата. Это подтвердилось с 1917-го года в всемирном масштабе.

6 июля 1920 г.

Н. Ленин

*
* *

IV. ВЫВОЗ КАПИТАЛА

Для старого капитализма, с полным господством свободной конкуренции, типичен был вывоз *товаров*. Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичным стал вывоз *капитала*.

Капитализм есть товарное производство на высшей ступени его развития, когда и рабочая сила становится товаром. Рост обмена как внутри страны, так и в особенности международного есть характерная отличительная черта капитализма. Неравномерность и скачкообразность в развитии отдельных предприятий, отдельных отраслей промышленности, отдельных стран неизбежны при капитализме. Сначала Англия стала, раньше других, капиталистической страной и, к половине XIX века, введя свободную торговлю, претендовала на роль «мастерской всего мира», поставщицы фабрикатов во все страны, которые должны были снабжать ее, в обмен, сырыми материалами. Но *эта* монополия Англии уже в последней четверти XIX века была подорвана, ибо ряд других стран, защитившись «охранительными» пошлинами, развились в самостоятельные капиталистические государства. На пороге XX века мы видим образование иного рода монополий: во-первых, монополистических союзов капиталистов во всех странах развитого капитализма; во-вторых, монополистического положения немногих богатейших стран, в которых накопление капитала достигло гигантских размеров. Возник громадный «избыток капитала» в передовых странах.

Разумеется, если бы капитализм мог развить земледелие, которое теперь повсюду страшно отстало от промышленности, если бы он мог поднять жизненный уровень масс населения, которое повсюду остается, несмотря на головокружительный технический прогресс, полуголодным и нищенским, — тогда об избытке капитала не могло бы быть и речи. И такой «довод» сплошь да рядом выдвигается мелкобуржуазными критиками капитализма. Но тогда капитализм не был бы капитализмом, ибо и неравномерность развития и полуголодный уровень жизни масс есть коренные, неизбежные условия и предпосылки этого способа производства. Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны. В этих отсталых странах прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы. Возможность вывоза капитала создается тем, что ряд отсталых стран втянут уже

в оборот мирового капитализма, проведены или начаты главные линии железных дорог, обеспечены элементарные условия развития промышленности и т. д. Необходимость вывоза капитала создается тем, что в немногих странах капитализм «перезрел», и капиталу недостает (при условии неразвитости земледелия и нищеты масс) поприщ «прибыльного» помещения.

Вот приблизительные данные о размерах капитала, вложенного за границей тремя главными странами *:

Капитал, помещенный за границей
(в миллиардах франков)

Годы	Англией	Францией	Германией
1862	3,6	—	—
1872	15	10 (1869)	—
1882	22	15 (1880)	?
1893	42	20 (1890)	?
1902	62	27—37	12,5
1914	75—100	60	44

Мы видим отсюда, что гигантского развития вывоз капитала достиг только в начале XX века. Перед войной вложенный за границей капитал трех главных стран достигал 175—200 миллиардов франков. Доход с этой суммы, по скромной норме в 5%, должен достигать 8—10 миллиардов франков в год. Солидная основа империалистского угнетения и эксплуатации большинства наций и стран мира, капиталистического паразитизма горстки богатейших государств!

Как распределяется этот помещенный за границей капитал между разными странами, *где* он помещен, на этот вопрос можно дать лишь приблизительный ответ, который однако

* Hobson: «Imperialism», L. 1902, p. 58 (Гобсон. «Империализм». *Ред.*). Riesser, n. c., c. 395 и 404; P. Arndt в «Weltvirtschaftliches Archiv», Bd. 7, 1916, S. 35 (П. Арндт в «Архиве мирового хозяйства», т. 7, 1916, стр. 35. *Ред.*); Neymarck в Bulletin (Неймарк в Бюллетене. *Ред.*); Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 492; Lloyd George (Ллойд-Джордж. *Ред.*), речь в палате общин 4 мая 1915 г. «Daily Telegraph» («Ежедневный телеграф». *Ред.*) 5 мая 1915. B. Harms: «Probleme der Weltwirtschaft», Jena 1912, S. 235 и др. (Б. Хармс. «Проблемы мирового хозяйства». Иена 1912, стр. 235 и др. *Ред.*). Dr. Siegmund. Schilder: «Entwicklungstendenzen der Weltwirtschaft», Berlin. 1912. Band 1, S. 150 (Д-р Зигмунд Шильдер. «Тенденции развития мирового хозяйства». Берлин 1912, том I, стр. 150. *Ред.*). George Paish: «Great Britain's Capital Investments etc.» в «Journal of the Royal Statistical Society», vol. LXXIV. 1910—11, c. 167, слл. (Джордж Пэйш. «Помещение великобританского капитала и т. д.» в «Журнале королевского статистического общества», т. LXXIV. *Ред.*). Georges Diouritch: «L'Expansion des banques allemandes à l'étranger, ses rapports avec le développment économique de l'Allemagne», P. 1909, p. 84 (Жорж Диурич. «Экспансия германских банков за границей, в связи с экономическим развитием Германии». Париж 1909, стр. 84. *Ред.*)

в состоянии осветить некоторые общие соотношения и связи современного империализма:

Части света, между которыми распределены (приблизительно) заграничные капиталы (около 1910 г.)

	Англии	Франции (миллиарды	Германии марок)	Всего
Европа	4	23	18	45
Америка	37	4	10	51
Азия, Африка и Австралия	29	8	7	44
Итого	70	35	35	140

В Англии на первое место выдвигаются ее колониальные владения, которые очень велики и в Америке (напр., Канада), не говоря уже об Азии и пр. Гигантский вывоз капитала теснее всего связан здесь с гигантскими колониями, о значении которых для империализма мы еще будем говорить дальше. Иное дело во Франции. Здесь заграничный капитал помещен главным образом в Европе и прежде всего в России (не менее 10 миллиардов франков), причем преимущественно это — *ссудный* капитал, государственные займы, а не капитал, вкладываемый в промышленные предприятия. В отличие от английского, колониального, империализма, французский можно назвать ростовщическим империализмом. В Германии — третья разновидность: колонии ее невелики, и распределение помещаемого ею за границей капитала наиболее равномерное между Европой и Америкой.

Вывоз капитала в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его. Если поэтому, до известной степени, этот вывоз способен приводить к некоторому застою развития в странах вывозящих, то это может происходить лишь ценою расширения и углубления дальнейшего развития капитализма во всем мире.

Для стран, вывозящих капитал, почти всегда получается возможность приобрести известные «выгоды», характер которых проливает свет на своеобразие эпохи финансового капитала и монополий. Вот, напр., что писал в октябре 1913 г. берлинский журнал «Банк»:

«На международном рынке капиталов разыгрывается с недавнего времени комедия, достойная кисти Аристофана. Целый ряд чужестранных государств, от Испании до Балкан, от России до Аргентины, Бразилии и Китая, выступают открыто или прикрыто перед крупными денежными рынками с требованиями, иногда в высшей степени настоятельными, получить заем. Денежные рынки находятся теперь не в очень блестящем положении, и политические перспективы не радуж-

ные. Но ни один из денежных рынков не решается отказать в займе, из боязни, что сосед предупредит его, согласится на заем, а вместе с тем обеспечит себе известные услуги за услуги. При такого рода международных сделках почти всегда кое-что перепадает в пользу кредитора: уступка в торговом договоре, угольная станция, постройка гавани, жирная концессия, заказ на пушки» *.

Финансовый капитал создал эпоху монополий. А монополии всюду несут с собой монополистические начала: использование «связей» для выгодной сделки становится на место конкуренции на открытом рынке. Самая обычная вещь: условием займа ставится расходование части его на покупку продуктов кредитующей страны, особенно на предметы вооружения, на суда и т. д. Франция в течение двух последних десятилетий (1890—1910) очень часто прибегала к этому средству. Вывоз капитала за границу становится средством поощрять вывоз товаров за границу. Сделки между особенно крупными предприятиями бывают при этом таковы, что они стоят — как выразился «мягко» Шильдер ** — «на границе подкупа». Крупп в Германии, Шнейдер во Франции, Армстронг в Англии — образцы таких фирм, тесно связанных с гигантскими банками и с правительством, которые не легко «обойти» при заключении займа.

Франция, давая займы России, «прижала» ее в торговом договоре 16 сентября 1905 г., выговорив известные уступки до 1917 года; то же по торговому договору с Японией от 19 августа 1911 г. Таможенная война Австрии с Сербией, продолжавшаяся с семимесячным перерывом с 1906 по 1911 год, была вызвана отчасти конкуренцией Австрии и Франции в деле поставок военных припасов Сербии. Поль Дешанель заявил в палате в январе 1912 г., что французские фирмы за 1908—1911 гг. доставили Сербии военных материалов на 45 миллионов франков.

В отчете австро-венгерского консула в Сао-Пауло (Бразилия) говорится: «постройка бразильских железных дорог совершается большей частью на французские, бельгийские, британские и немецкие капиталы; эти страны при финансовых операциях, связанных с постройкой дорог, выговаривают себе поставку железнодорожных строительных материалов».

Таким образом финансовый капитал в буквальном, можно сказать, смысле слова раскидывает свои сети на все страны мира. Большую роль играют при этом банки, учреждаемые в колониях, и их отделения. Немецкие империалисты с за-

* «Die Bank», 1913, 2, 1024.
** Schilder, u. c., c. 346, 350, 371.

вистью смотрят на «старые» колониальные страны, обеспечившие себя в этом отношении особенно «успешно»: Англия имела в 1904 г. 50 колониальных банков с 2 279 отделениями (1910: 72 с 5 449 отделениями); Франция — 20 с 136 отделениями; Голландия — 16 с 68, а Германия «всего только» 13 с 70 отделениями *. Американские капиталисты, в свою очередь, завидуют английским и германским: «в южной Америке — жаловались они в 1915 г. — 5 германских банков имеют 40 отделений и 5 английских — 70 отделений... Англия и Германия за последние 25 лет поместили в Аргентине, Бразилии, Уругвае приблизительно 4 биллиона (миллиарда) долларов, и в результате они пользуются 46% всей торговли этих 3-х стран» **.

Страны, вывозящие капитал, поделили мир между собою, в переносном смысле слова. Но финансовый капитал привел и к *прямому* разделу мира.

V. РАЗДЕЛ МИРА МЕЖДУ СОЮЗАМИ КАПИТАЛИСТОВ

Монополистические союзы капиталистов, картели, синдикаты, тресты, делят между собою прежде всего внутренний рынок, захватывая производство данной страны в свое, более или менее полное, обладание. Но внутренний рынок, при капитализме, неизбежно связан с внешним. Капитализм давно создал всемирный рынок. И по мере того, как рос вывоз капитала и расширялись всячески заграничные и колониальные связи и «сферы влияния» крупнейших монополистических союзов, дело «естественно» подходило к всемирному соглашению между ними, к образованию международных картелей.

Это — новая ступень всемирной концентрации капитала и производства, несравненно более высокая, чем предыдущие. Посмотрим, как вырастает эта сверх-монополия.

Электрическая промышленность — самая типичная для новейших успехов техники, для капитализма *конца* XIX и начала XX века. И всего более развилась она в двух наиболее передовых из новых капиталистических стран, Соединенных Штатах и Германии. В Германии на рост концентрации в этой отрасли особо сильное влияние оказал кризис 1900 года. Банки,

---

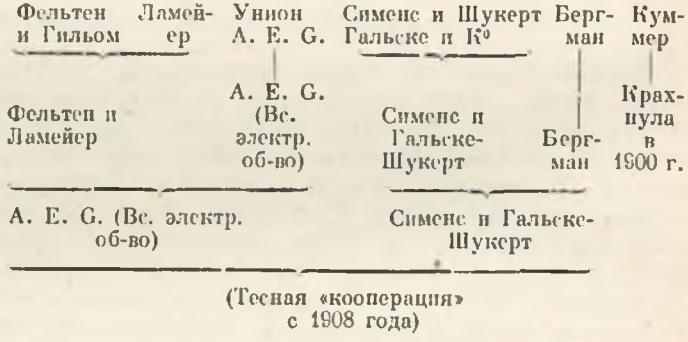
* Riesser, u. c., c. 375, 4 изд. и Diouritch, c. 283.

** The Annals of the American Academy of Political and Social Science, vol. LIX, May 1915, p. 301 (Летописи Американской академии политических и социальных знаний, том LIX, май 1915, стр. 301. *Ред.*). Здесь же, стр. 331, читаем, что известный статистик Paish (Пэйш) в последнем выпуске финансового журнала «Statist» («Статистик». *Ред.*) определял сумму капитала, вывезенного Англией, Германией, Францией, Бельгией и Голландией, в 40 миллиардов долларов, т. е. 200 миллиардов франков.

к тому времени достаточно уже сросшиеся с промышленностью, в высшей степени ускорили и углубили во время этого кризиса гибель сравнительно мелких предприятий, их поглощение крупными. «Банки — пишет Ейдэльс — отнимали руку помощи как раз у тех предприятий, которые всего более нуждались в ней, вызывая этим сначала бешеный подъем, а потом безнадежный крах тех обществ, которые были недостаточно тесно связаны с ними» *.

В результате концентрация после 1900 года пошла вперед гигантскими шагами. До 1900 года было восемь или семь «групп» в электрической промышленности, причем каждая состояла из нескольких обществ (всего их было 28) и за каждой стояло от 2 до 11 банков. К 1908—1912 гг. все эти группы слились в две или одну. Вот как шел этот процесс:

Группы в электрической промышленности:

Знаменитое A. E. G. (Всеобщее общество электричества), выросшее таким образом, господствует над 175—200 обществ (по системе «участий») и распоряжается общей суммой капитала приблизительно в 1½ *миллиарда* марок. Одних только прямых заграничных представительств оно имеет 34, из них 12 акционерных обществ, — более чем в 10 государствах. Еще в 1904 г. считали, что капиталы, вложенные немецкой электрической промышленностью за границей, составляли 233 миллиона марок, из них 62 милл. в России. Нечего и говорить, что «Всеобщее общество электричества» представляет из себя гигантское «комбинированное» предприятие с производством — число одних только фабрикационных обществ у него равняется 16 — самых различных продуктов, от кабелей и изоляторов до автомобилей и летательных аппаратов.

* Ейдэльс, н. с., 232.

Но концентрация в Европе была также составной частью процесса концентрации в Америке. Вот как шло дело:

	«Всеобщая электрич. К°» (General Electric C°)	
Америка	К° Томпсон — Гаустон основывает для Европы фирму	К° Эдисона основывает для Европы фирму: «Французская К° Эдисона», которая передает патенты немецкой фирме
Германия	«Унион К° электричества»	«Вс. об-во эл.» (A. E. G.)

«Вс. об-во эл.» (A. E. G.)

Таким образом сложились *две* электрические «державы»: «других, *вполне* независимых от них, электрических обществ на земле нет» — пишет Гейниг в своей статье: «Путь электрического треста». О размере оборотов и величине предприятий обоих «трестов» некоторое, далеко не полное, представление дают следующие цифры:

	оборот товаров (милл. марок)	число служащих	чистая прибыль (милл. марок)
Америка: «Вс. эл. К°» (G. E. C.)	1907: 252 1910: 298	28 000 32 000	35,4 45,6
Германия: «Вс. об-во эл.» (A. E. G.)	1907: 216 1911: 362	30 700 60 800	14,5 21,7

И вот в 1907 году между американским и германским трестом заключен договор о дележе мира. Конкуренция устраняется. «Вс. эл. К°» (G. E. C.) «получает» Соединенные Штаты и Канаду; «Вс. об-ву эл.» (A. E. G.) «достается» Германия, Австрия, Россия, Голландия, Дания, Швейцария, Турция, Балканы. Особые — разумеется, тайные — договоры заключены относительно «обществ-дочерей», проникающих в новые отрасли промышленности и в «новые», формально еще не поделенные, страны. Установлен взаимный обмен изобретениями и опытами *.

Понятно само собою, насколько затруднена конкуренция против этого, фактически единого, всемирного треста, который распоряжается капиталом в несколько миллиардов и имеет свои «отделения», представительства, агентуры, связи и т. д. во всех концах мира. Но раздел мира между двумя сильными трестами, конечно, не исключает *передела*, если отношения

* Riesser, u. c.; Diouritch, u. c., c. 239; Kurt Heinig, назв. ст.

силы — вследствие неравномерности развития, войн, крахов и т. п. — изменяются.

Поучительный пример попытки такого передела, борьбы за передел, представляет керосиновая промышленность.

«Керосиновый рынок мира — писал Ейдэльс в 1905 году — и теперь еще поделен между двумя крупными финансовыми группами: американским «Керосиновым трестом (Standard Oil C-y) Рокфеллера и хозяевами русской бакинской нефти, Ротшильдом и Нобелем. Обе группы стоят в тесной связи между собою, но их монопольному положению угрожают, в течение вот уже нескольких лет, пятеро врагов» *: 1) истощение американских источников нефти; 2) конкурирующая фирма Манташева в Баку; 3) источники нефти в Австрии и 4) в Румынии; 5) заокеанские источники нефти, особенно в голландских колониях (богатейшие фирмы Самюэля и Шелля, связанные также с английским капиталом). Три последние ряда предприятий связаны с немецкими крупными банками, с крупнейшим «Немецким банком» во главе. Эти банки самостоятельно и планомерно развивали керосиновую промышленность, напр., в Румынии, чтобы иметь «свою» точку опоры. В румынской керосиновой промышленности считали в 1907 году иностранных капиталов на 185 милл. франков, в том числе немецких 74 милл. **.

Началась борьба, которую в экономической литературе так и называют борьбой за «дележ мира». С одной стороны, «Керосиновый трест» Рокфеллера, желая захватить *все*, основал «общество-дочь» в *самой* Голландии, скупая нефтяные источники в Голландской Индии и желая таким образом нанести удар своему главному врагу: голландско-английскому тресту «Шелля». С другой стороны, «Немецкий банк» и другие берлинские банки стремились «отстоять» «себе» Румынию и объединить ее с Россией против Рокфеллера. Этот последний обладал капиталом неизмеримо более крупным и превосходной организацией транспорта и доставки керосина потребителям. Борьба должна была кончиться и кончилась в 1907 году полным поражением «Немецкого банка», которому оставалось одно из двух: либо ликвидировать с миллионными потерями свои «керосиновые интересы», либо подчиниться. Выбрали последнее и заключили очень невыгодный для «Немецкого банка» договор с «Керосиновым трестом». По этому договору, «Немецкий банк» обязался «не предпринимать ничего к невыгоде американских интересов», причем было однако предусмот-

* Ейдэльс, с. 193.
** Diouritch, с. 245.

рено, что договор теряет силу, если в Германии пройдет закон о государственной монополии на керосин.

Тогда начинается «керосиновая комедия». Один из финансовых королей Германии, фон-Гвиннер, директор «Немецкого банка», через своего частного секретаря, Штауса, пускает в ход агитацию *за* керосиновую монополию. Весь гигантский аппарат крупнейшего берлинского банка, все обширные «связи» приводятся в движение, пресса захлебывается от «патриотических» криков против «ига» американского треста, и рейхстаг почти единогласно принимает 15 марта 1911 года резолюцию, приглашающую правительство разработать проект о керосиновой монополии. Правительство ухватилось за эту «популярную» идею, и игра «Немецкого банка», который хотел надуть своего американского контрагента и поправить свои дела посредством государственной монополии, казалась выигранной. Немецкие керосиновые короли предвкушали уже гигантские прибыли, не уступающие прибылям русских сахарозаводчиков... Но, во-первых, немецкие крупные банки перессорились между собой из-за дележа добычи, и «Учетное общество» разоблачило корыстные интересы «Немецкого банка»; во-вторых, правительство испугалось борьбы с Рокфеллером, ибо было весьма сомнительно, достанет ли Германия керосина помимо него (производительность Румынии невелика); в-третьих, подоспела миллиардная ассигновка 1913-го года на военную подготовку Германии. Проект монополии отложили. «Керосиновый трест» Рокфеллера вышел из борьбы пока победителем.

Берлинский журнал «Банк» писал по этому поводу, что бороться с «Керосиновым трестом» Германия могла бы лишь вводя монополию электрического тока и превращая водяную силу в дешевое электричество. Но — добавлял он — «электрическая монополия придет тогда, когда она понадобится производителям; именно тогда, когда будет стоять перед дверьми следующий крупный крах в электрической промышленности и когда те гигантские, дорогие электрические станции, которые строятся теперь повсюду частными «концернами» электрической промышленности и для которых эти «концерны» теперь уже получают известные отдельные монополии от городов, государств и пр., будут не в состоянии работать с прибылью. Тогда придется пустить в ход водяные силы; но их нельзя будет превращать на государственный счет в дешевое электричество, их придется опять-таки передать «частной монополии, контролируемой государством», потому что частная промышленность уже заключила ряд сделок и выговорила себе крупные вознаграждения... Так было с монополией кали, так есть с керосиновой монополией, так будет с монополией элек-

тричества. Пора бы нашим государственным социалистам, дающим себя ослепить красивым принципом, понять наконец, что в Германии монополии никогда не преследовали такой цели и не вели к такому результату, чтобы приносить выгоды потребителям или хотя бы предоставлять государству часть предпринимательской прибыли, а служили только к тому, чтобы оздоровлять на государственный счет частную промышленность, дошедшую почти до банкротства» *.

Такие ценные признания вынуждены делать буржуазные экономисты Германии. Мы видим здесь наглядно, как частные и государственные монополии переплетаются воедино в эпоху финансового капитала, как и те и другие на деле являются лишь отдельными звеньями империалистской борьбы между крупнейшими монополистами за дележ мира.

В торговом судоходстве гигантский рост концентрации привел тоже к разделу мира. В Германии выделились два крупнейших общества: «Гамбург — Америка» и «Сев.-Германский Ллойд», оба с капиталом по 200 милл. марок (акций и облигаций), с пароходами, стоящими 185—189 милл. марок. С другой стороны, в Америке 1 января 1903 г. образовался так называемый трест Моргана, «Международная компания морской торговли», объединяющая американские и английские судоходные компании, числом в 9, и располагающая капиталом в 120 милл. долларов (480 милл. марок). Уже в 1903 году между германскими колоссами и этим американо-английским трестом заключен был договор о разделе мира в связи с разделом прибыли. Немецкие общества отказались от конкуренции в деле перевозок между Англией и Америкой. Было точно установлено, кому какие гавани «предоставляются», был создан общий контрольный комитет и т. д. Договор заключен на 20 лет, с предусмотрительной оговоркой, что в случае войны он теряет силу **.

Чрезвычайно поучительна также история образования международного рельсового картеля. В первый раз английские, бельгийские и немецкие рельсовые заводы сделали попытку основать такой картель еще в 1884 г., во время сильнейшего упадка промышленных дел. Согласились не конкурировать на внутреннем рынке вошедших в соглашение стран, а внешние поделить по норме: 66% Англии, 27% Германии и 7% Бельгии. Индия была предоставлена всецело Англии. Против одной английской фирмы, оставшейся вне соглашения, была поведена общая война, расходы на которую покрывали известным процентом с общих продаж. Но в 1886 г., когда

* «Die Bank», 1912, 1, 1036; 1912, 2, 629; 1913, 1, 388.
** Риссер, н. с., с. 125.

из союза вышли две английские фирмы, он распался. Характерно, что соглашения не удавалось достигнуть во время последовавших периодов промышленного подъема.

В начале 1904 года основан стальной синдикат в Германии. В ноябре 1904 г. возобновлен международный рельсовый картель по нормам: Англии — 53,5%, Германии — 28,83%, Бельгии — 17,67%. Затем присоединилась Франция с нормами 4,8%, 5,8% и 6,4% в первый, второй и третий год, сверх 100%, т. е. при сумме 104,8% и т. д. В 1905 г. присоединился «Стальной трест» Соединенных Штатов («Стальная корпорация»), затем Австрия и Испания. «В данный момент — писал Фогельштейн в 1910 г. — дележ земли закончен, и крупные потребители, в первую голову государственные железные дороги, — раз мир уже поделен и с их интересами не считались — могут жить, как поэт, на небесах Юпитера» *.

Упомянем еще международный цинковый синдикат, основанный в 1909 году и точно распределивший размеры производства между пятью группами заводов: немецких, бельгийских, французских, испанских, английских; — затем пороховой международный трест, этот, по словам Лифмана, «вполне современный тесный союз между всеми немецкими фабриками взрывчатых веществ, которые затем вместе с аналогично организованными французскими и американскими динамитными фабриками поделили между собою, так сказать, весь мир» **.

Всего Лифман считал в 1897 г. около 40 международных картелей с участием Германии, а к 1910 году уже около 100.

Некоторые буржуазные писатели (к которым присоединился теперь и К. Каутский, совершенно изменивший своей марксистской позиции, напр., 1909-го года) выражали то мнение, что международные картели, будучи одним из наиболее рельефных выражений интернационализации капитала, дают возможность надеяться на мир между народами при капитализме. Это мнение теоретически совершенно вздорно, а практически есть софизм и способ нечестной защиты худшего оппортунизма. Международные картели показывают, до какой степени выросли теперь капиталистические монополии и *из-за чего* идет борьба между союзами капиталистов. Это последнее обстоятельство есть самое важное; только оно выясняет нам историко-экономический смысл происходящего, ибо *форма* борьбы может меняться и меняется постоянно в зависимости от различных, сравнительно частных и временных, причин, но *сущность* борьбы, ее классовое *содержание* прямо-таки *не может* измениться, пока существуют классы. Понятно, что

* Vogelstein: «Organisationsformen», с. 100.
** Liefmann: «Kartelle und Trusts», 2. A., с. 161.

в интересах, напр., немецкой буржуазии, к которой по сути дела перешел в своих теоретических рассуждениях Каутский (об этом речь пойдет еще ниже), затушевывать *содержание* современной экономической борьбы (раздел мира) и подчеркивать то одну, то другую *форму* этой борьбы. Ту же ошибку делает Каутский. И речь идет, конечно, не о немецкой, а о всемирной буржуазии. Капиталисты делят мир не по своей особой злобности, а потому, что достигнутая ступень концентрации заставляет становиться на этот путь для получения прибыли; при этом делят они его «по капиталу», «по силе» — иного способа дележа не может быть в системе товарного производства и капитализма. Сила же меняется в зависимости от экономического и политического развития; для понимания происходящего надо знать, какие вопросы решаются изменениями силы, а есть ли это — изменения «чисто»-экономические или *вне*экономические (напр., военные), это вопрос второстепенный, не могущий ничего изменить в основных взглядах на новейшую эпоху капитализма. Подменять вопрос о *содержании* борьбы и сделок между союзами капиталистов вопросом о форме борьбы и сделок (сегодня мирной, завтра немирной, послезавтра опять немирной) значит опускаться до роли софиста.

Эпоха новейшего капитализма показывает нам, что между союзами капиталистов складываются известные отношения *на почве* экономического раздела мира, а рядом с этим, в связи с этим между политическими союзами, государствами, складываются известные отношения на почве территориального раздела мира, борьбы за колонии, «борьбы за хозяйственную территорию».

VI. РАЗДЕЛ МИРА МЕЖДУ ВЕЛИКИМИ ДЕРЖАВАМИ

Географ А. Супан в своей книге о «территориальном развитии европейских колоний» * подводит следующий краткий итог этому развитию в конце XIX века:

Процент земельной площади, принадлежащей европейским колониальным державам (С. Штаты в том числе):

	1876	1900	Увеличение на
В Африке	10,8%	90,4%	+ 79,6%
» Полинезии	56,8%	98,9%	+ 42,1%
» Азии	51,5%	56,6%	+ 5,1%
» Австралии	100,0%	100,0%	—
» Америке	27,5%	27,2%	— 0,3%

* A. Supan: «Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien», 1906, стр. 254 (А. Супан. «Территориальное развитие европейских колоний». *Ред.*)

«Характеристичной чертой этого периода — заключает он — является, следовательно, раздел Африки и Полинезии». Так как в Азии и в Америке незанятых земель, т. е. не принадлежащих никакому государству, нет, то вывод Супана приходится расширить и сказать, что характеристичной чертой рассматриваемого периода является окончательный раздел земли, окончательный не в том смысле, чтобы не возможен был *передел,* — напротив, переделы возможны и неизбежны, — а в том смысле, что колониальная политика капиталистических стран *закончила* захват незанятых земель на нашей планете. Мир впервые оказался уже поделенным, так что дальше предстоят *лишь* переделы, т. е. переход от одного «владельца» к другому, а не от бесхозяйности к «хозяину».

Мы переживаем, следовательно, своеобразную эпоху всемирной колониальной политики, которая теснейшим образом связана с «новейшей ступенью в развитии капитализма», с финансовым капиталом. Необходимо поэтому подробнее остановиться прежде всего на фактических данных, чтобы возможно точнее выяснить как отличие этой эпохи от предыдущих, так и положение дела в настоящее время. В первую голову возникают здесь два фактических вопроса: наблюдается ли усиление колониальной политики, обострение борьбы за колонии именно в эпоху финансового капитала и как именно поделен мир в этом отношении в настоящее время.

Американский писатель Моррис в своей книге об истории колонизации * делает попытку свести данные о размерах колониальных владений Англии, Франции и Германии за разные периоды XIX века. Вот, в сокращении, полученные им итоги:

Размеры колониальных владений

Годы	Англии		Франции		Германии	
	площадь (милл. кв. миль)	население (милл.)	площадь (милл. кв. миль)	население (милл.)	площадь (милл. кв. миль)	население (милл.)
1815—1830	?	126,4	0,02	0,5	—	—
1860	2,5	145,1	0,2	3,4	—	—
1880	7,7	267,9	0,7	7,5	—	—
1899	9,3	309,0	3,7	56,4	1,0	14,7

Для Англии период громадного усиления колониальных захватов приходится на 1860—1880 годы и очень значитель-

* Henry C. Morris: «The history of colonization», N. Y., 1900, vol. II, pp. 88; I, 419; II, 304 (Генри К. Моррис. «История колонизации», Нью-Йорк, 1900, т. II, стр. 88; I, 419; II, 304. *Ред.*).

ного на последнее двадцатилетие XIX века. Для Франции и Германии — именно на это двадцатилетие. Мы видели выше, что период предельного развития капитализма домонополистического, капитализма с преобладанием свободной конкуренции, приходится на 1860-ые и 1870-ые годы. Мы видим теперь, что *именно после этого периода* начинается громадный «подъем» колониальных захватов, обостряется в чрезвычайной степени борьба за территориальный раздел мира. Несомненен, следовательно, тот факт, что переход капитализма к ступени монополистического капитализма, к финансовому капиталу *связан* с обострением борьбы за раздел мира.

Гобсон в своем сочинении об империализме выделяет эпоху 1884—1900 гг., как эпоху усиленной «экспансии» (расширения территории) главных европейских государств. По его расчету, Англия приобрела за это время 3,7 миллиона кв. миль с населением в 57 милл.; Франция — 3,6 милл. кв. миль с населением в 36½ милл.; Германия — 1,0 милл. кв. миль с 14,7 милл.; Бельгия — 900 тыс. кв. миль с 30 милл.; Португалия — 800 тыс. кв. миль с 9 милл. Погоня за колониями в конце XIX века, особенно с 1880-х годов, со стороны всех капиталистических государств представляет из себя общеизвестный факт истории дипломатии и внешней политики.

В эпоху наибольшего процветания свободной конкуренции в Англии, в 1840—1860-х годах, руководящие буржуазные политики ее были *против* колониальной политики, считали освобождение колоний, полное отделение их от Англии неизбежным и полезным делом. М. Бер указывает в своей, появившейся в 1898 г., статье о «новейшем английском империализме» *, как в 1852-м году такой склонный вообще говоря к империализму государственный деятель Англии, как Дизраэли, говорил: «Колонии, это — мельничные жернова на нашей шее». А в конце XIX века героями дня в Англии были Сесиль Родс и Джозеф Чемберлен, открыто проповедывавшие империализм и применявшие империалистскую политику с наибольшим цинизмом!

Небезинтересно, что связь чисто, так сказать, экономических и социально-политических корней новейшего империализма была уже тогда ясна для этих руководящих политиков английской буржуазии. Чемберлен проповедывал империализм как «истинную, мудрую и экономную политику», указывая особенно на ту конкуренцию, которую встречает теперь Англия на мировом рынке со стороны Германии, Америки,

* «Die Neue Zeit», XVI, I, 1898, S. 302.

Бельгии. Спасение в монополии — говорили капиталисты, основывая картели, синдикаты, тресты. Спасение в монополии — вторили политические вожди буржуазии, торопясь захватить еще неподеленные части мира. А Сесиль Родс, как рассказывал его интимный друг, журналист Стэд, говорил ему по поводу своих империалистских идей в 1895 году: «Я был вчера в лондонском Ист-Энде (рабочий квартал) и посетил одно собрание безработных. Когда я послушал там дикие речи, которые были сплошным криком: хлеба, хлеба!, я, идя домой и размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма... Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами» *.

Так говорил Сесиль Родс в 1895 г., миллионер, финансовый король, главный виновник англо-бурской войны; а ведь его защита империализма только грубовата, цинична, по сути же не отличается от «теории» гг. Маслова, Зюдекума, Потресова, Давида, основателя русского марксизма и пр. и пр. Сесиль Родс был немножко более честным социал-шовинистом...

Для того, чтобы дать возможно более точную картину территориального раздела мира и изменений в этом отношении за последние десятилетия, воспользуемся теми сводками, которые дает Супан в названном сочинении по вопросу о колониальных владениях всех держав мира. Супан берет 1876 и 1900 годы; мы возьмем 1876 — пункт, выбранный очень удачно, ибо именно к этому времени можно, в общем и целом, считать законченным развитие западноевропейского капитализма в его домонополистической стадии — и 1914, заменяя цифры Супана более новыми по «Географически-статистическим таблицам» Гюбнера. Супан берет только колонии; мы считаем полезным — для того, чтобы представить полную картину раздела мира, — добавить сведения, вкратце, и о неколониальных странах и о полуколониях, к которым мы относим Персию, Китай и Турцию: первая из этих стран почти целиком стала уже колонией, вторая и третья становятся таковыми.

* Там же, с. 304.

Получаем следующие итоги:

Колониальные владения великих держав:
(милл. кв. клм. и милл. жителей)

	Колонии				Метрополии		Всего	
	1876		1914		1914		1914	
	кв. км.	жит.	кв. км.	жит.	кв. км.	жит.	кв. км.	жит.
Англия	22,5	251,9	33,5	393 5	0 3	46 5	33,8	440,0
Россия	17 0	15 9	17,4	33,2	5 4	136 2	22 8	169,4
Франция	0,9	6,0	10,6	55,5	0 5	39 6	11.1	95,1
Германия	—	—	2 9	12 3	0.5	64 9	3.4	77 2
С. Штаты	—	—	0.3	9 7	9.4	97,0	9.7	106 7
Япония	—	—	0,3	19,2	0,4	53 0	0,7	72 2
Итого 6 великих держав	40,4	273,8	65,0	523,4	16,5	437 2	81,5	960,6
Колонии остальных держав (Бельгия, Голландия и пр.)							9,9	45,3
Полуколонии (Персия, Китай, Турция)							14.5	361.2
Остальные страны							28 0	289,9
Вся земля							133,9	1657,0

Мы видим тут наглядно, как «закончен» был на границе XIX и XX веков раздел мира. Колониальные владения расширились после 1876 года в гигантских размерах: более чем в полтора раза, с 40 до 65 миллионов кв. клм. у шести крупнейших держав; прирост составляет 25 милл. кв. клм., в полтора раза больше площади метрополий (16½ милл.). Три державы не имели в 1876 г. никаких колоний, а четвертая, Франция, почти не имела их. К 1914-му году эти четыре державы приобрели колонии площадью в 14,1 милл. кв. клм., т. е. приблизительно раза в полтора больше площади Европы, с населением почти в 100 миллионов. Неравномерность в расширении колониального владения очень велика. Если сравнить, напр., Францию, Германию и Японию, которые не очень сильно разнятся по величине площади и по количеству населения, то окажется, что первая из этих стран приобрела почти втрое больше колоний (по площади), чем вторая и третья, вместе взятые. Но по размерам финансового капитала Франция в начале рассматриваемого периода была, может быть, тоже в несколько раз богаче Германии и Японии, взятых вместе. На размер колониальных владений, кроме чисто-экономических условий, и на базе их, оказывают влияние условия географические и пр. Как ни сильно шла за последние десятилетия

нивелировка мира, выравнивание условий хозяйства и жизни в различных странах под давлением крупной промышленности, обмена и финансового капитала, но все же разница остается немалая, и среди названных шести стран мы наблюдаем, с одной стороны, молодые, необыкновенно быстро прогрессировавшие капиталистические страны (Америка, Германия, Япония); с другой — страны старого капиталистического развития, которые прогрессировали в последнее время гораздо медленнее предыдущих (Франция и Англия); с третьей, страну наиболее отставшую в экономическом отношении (Россию), в которой новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических.

Рядом с колониальными владениями великих держав мы поставили небольшие колонии маленьких государств, являющиеся, так сказать, ближайшим объектом возможного и вероятного «передела» колоний. Большей частью эти маленькие государства сохраняют свои колонии только благодаря тому, что между крупными есть противоположности интересов, трения и пр., мешающие соглашению о дележе добычи. Что касается до «полуколониальных» государств, то они дают пример тех переходных форм, которые встречаются во всех областях природы и общества. Финансовый капитал — такая крупная, можно сказать решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью; мы увидим сейчас примеры тому. Но, разумеется, наибольшие «удобства» и наибольшие выгоды дает финансовому капиталу *такое* подчинение, которое связано с потерей политической независимости подчиняемыми странами и народами. Полуколониальные страны типичны, как «середина» в этом отношении. Понятно, что борьба из-за этих полузависимых стран особенно должна была обостриться в эпоху финансового капитала, когда остальной мир уже был поделен.

Колониальная политика и империализм существовали и до новейшей ступени капитализма и даже до капитализма. Рим, основанный на рабстве, вел колониальную политику и осуществлял империализм. Но «общие» рассуждения об империализме, забывающие или отодвигающие на задний план коренную разницу общественно-экономических формаций, превращаются неизбежно в пустейшие банальности или бахвальство, вроде сравнения «великого Рима с великой Британией» *.

* C. P. Lucas: «Greater Rome and Greater Britain», Oxf. 1912. (Ч. П. Лукас. «Великий Рим и Великая Британия». Оксфорд, 1912. *Ред.*) или Earl of Cromer: «Ancient and modern imperialism», L. 1910 (Кромер. «Древний и современный империализм». Лондон, 1910. *Ред.*).

Даже капиталистическая колониальная политика *прежних* стадий капитализма существенно отличается от колониальной политики финансового капитала.

Основной особенностью новейшего капитализма является господство монополистических союзов крупнейших предпринимателей. Такие монополии всего прочнее, когда захватываются в одни руки *все* источники сырых материалов, и мы видели, с каким рвением международные союзы капиталистов направляют свои усилия на то, чтобы вырвать у противника всякую возможность конкуренции, чтобы скупить, напр., железорудные земли или нефтяные источники и т. п. Владение колонией одно дает полную гарантию успеха монополии против всех случайностей борьбы с соперником — вплоть до такой случайности, когда противник пожелал бы защититься законом о государственной монополии. Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний.

«Можно выставить утверждение, — пишет Шильдер — которое некоторым, пожалуй, покажется парадоксальным, именно: что рост городского и промышленного населения в более или менее близком будущем гораздо скорее может встретить препятствие в недостатке сырья для промышленности, чем в недостатке предметов питания». Так, например, обостряется недостаток дерева, которое все более дорожает, — кож, — сырья для текстильной промышленности. «Союзы промышленников пытаются создать равновесие между сельским хозяйством и промышленностью в пределах всего мирового хозяйства; как пример можно назвать существующий с 1904 года международный союз союзов — бумагопрядильных фабрикантов в нескольких важнейших промышленных государствах; затем основанный по образцу его в 1910 году союз европейских союзов льнопрядильщиков» *.

Конечно, значение такого рода фактов буржуазные реформисты и среди них особенно теперешние каутскианцы пытаются ослабить указанием на то, что сырье «можно бы» достать на свободном рынке без «дорогой и опасной» колониальной политики, что предложение сырья «можно бы» гигантски увеличить «простым» улучшением условий сельского хозяйства вообще. Но такие указания превращаются в апологетику империализма, в прикрашивание его, ибо они основываются на забвении главной особенности новейшего капитализма: монополий. Свободный рынок все более отходит в область прошлого, монополистические синдикаты и тресты

* Schilder, н. с., с. 38—42.

с каждым днем урезывают его, а «простое» улучшение условий сельского хозяйства сводится к улучшению положения масс, к повышению заработной платы и уменьшению прибыли. Где же, кроме как в фантазии сладеньких реформистов, существуют тресты, способные заботиться о положении масс вместо завоевания колоний?

Не только открытые уже источники сырья имеют значение для финансового капитала, но и возможные источники, ибо техника с невероятной быстротой развивается в наши дни, и земли, непригодные сегодня, могут быть сделаны завтра пригодными, если будут найдены новые приемы (а для этого крупный банк может снарядить особую экспедицию инженеров, агрономов и пр.), если будут произведены большие затраты капитала. То же относится к разведкам относительно минеральных богатств, к новым способам обработки и утилизации тех или иных сырых материалов и пр. и т. п. Отсюда — неизбежное стремление финансового капитала к расширению хозяйственной территории и даже территории вообще. Как тресты капитализируют свое имущество по двойной или тройной оценке, учитывая «возможные» в будущем (а не настоящие) прибыли, учитывая дальнейшие результаты монополии, так и финансовый капитал вообще стремится захватить как можно больше земель каких бы то ни было, где бы то ни было, как бы то ни было, учитывая возможные источники сырья, боясь отстать в бешеной борьбе за последние куски неподеленного мира или за передел кусков, уже разделенных.

Английские капиталисты всячески стараются развить производство хлопка в *своей* колонии, Египте, — в 1904 г. из 2,3 миллионов гектаров культурной земли в Египте уже 0,6 милл. было под хлопком, т. е. свыше четверти — русские в *своей* колонии, Туркестане, потому что таким путем они легче могут побить своих иностранных конкурентов, легче могут придти к монополизации источников сырья, к созданию более экономного и прибыльного текстильного треста с «комбинированным» производством, с сосредоточением *всех* стадий производства и обработки хлопка в одних руках.

Интересы вывоза капитала равным образом толкают к завоеванию колоний, ибо на колониальном рынке легче (а иногда единственно только и возможно) монополистическими путями устранить конкурента, обеспечить себе поставку, закрепить соответствующие «связи» и пр.

Внеэкономическая надстройка, вырастающая на основе финансового капитала, его политика, его идеология усиливают стремление к колониальным завоеваниям. «Финансовый капитал хочет не свободы, а господства», справедливо говорит Гильфердинг. А один буржуазный французский писатель, как

бы развивая и дополняя приведенные выше мысли Сесиля Родса *, пишет, что к экономическим причинам современной колониальной политики следует прибавить социальные: «вследствие растущей сложности жизни и трудности, давящей не только на рабочие массы, но и на средние классы, во всех странах старой цивилизации скопляется «нетерпение, раздражение, ненависть, угрожающие общественному спокойствию; энергии, выбиваемой из определенной классовой колеи, надо найти применение, дать ей дело вне страны, чтобы не произошло взрыва внутри»» **.

Раз идет речь о колониальной политике эпохи капиталистического империализма, необходимо отметить, что финансовый капитал и соответствующая ему международная политика, которая сводится к борьбе великих держав за экономический и политический раздел мира, создают целый ряд *переходных* форм государственной зависимости. Типичны для этой эпохи не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости. Одну из форм — полуколонии — мы уже указали раньше. Образцом другой является, напр., Аргентина.

«Южная Америка, а особенно Аргентина — пишет Шульце-Геверниц в своем сочинении о британском империализме — находится в такой финансовой зависимости от Лондона, что ее следует назвать почти что английской торговой колонией» ***. Капиталы, помещенные Англией в Аргентине, Шильдер определял, по сообщениям австро-венгерского консула в Буэнос-Айресе за 1909 г., в $8^3/_4$ миллиарда франков. Нетрудно себе представить, какие крепкие связи получает в силу этого финансовый капитал — и его верный «друг», дипломатия — Англии с буржуазией Аргентины, с руководящими кругами всей ее экономической и политической жизни.

Несколько иную форму финансовой и дипломатической зависимости, при политической независимости, показывает нам

---

* См. настоящий сборник, стр. 191. *Ред.*

** Wahl: «La France aux colonies» (Валь. «Франция в колониях». *Ред.*), цитировано у Henri Russier: «Le Partage de l'Océanie», P. 1905, p. 165 (Анри Рюссие. «Раздел Океании», Париж, 1905, стр. 165. *Ред.*).

*** Schulze-Gaevernitz: «Britischer Imperialismus und englischer Freihandel zu Beginn des 20-ten Jahrhunderts» Lpz. 1906, s. 318 (Шульце-Геверниц. «Британский империализм и английская свободная торговля к началу 20-го века». Лейпциг, 1906. *Ред.*). То же говорит Sartorius v. Waltershausen: «Das volkswirtschaftliche System der Kapitalanlage im Auslande», Berlin, 1907. S. 46 (Сарториус фон Вальтерсхаузен. «Народнохозяйственная система помещения капитала за границей». Берлин, 1907, стр. 46. *Ред.*).

пример Португалии. Португалия — самостоятельное, суверенное государство, но фактически в течение более 200 лет, со времени войны за испанское наследство (1701—1714), она находится под протекторатом Англии. Англия защищала ее и ее колониальные владения ради укрепления своей позиции в борьбе с своими противниками, Испанией, Францией. Англия получала в обмен торговые выгоды, лучшие условия для вывоза товаров и особенно для вывоза капитала в Португалию и ее колонии, возможность пользоваться гаванями и островами Португалии, ее кабелями и пр. и т. д. * Такого рода отношения между отдельными крупными и мелкими государствами были всегда, но в эпоху капиталистического империализма они становятся всеобщей системой, входят, как часть, в сумму отношений, «раздела мира», превращаются в звенья операций всемирного финансового капитала.

Чтобы покончить с вопросом о разделе мира, мы должны отметить еще следующее. Не только американская литература после испано-американской и английская после англо-бурской войн поставили этот вопрос вполне открыто и определенно в самом конце XIX и начале XX века, не только немецкая литература, всего «ревнивее» следившая за «британским империализмом», систематически оценивала этот факт. И во французской буржуазной литературе вопрос поставлен достаточно определенно и широко, поскольку это мыслимо с буржуазной точки зрения. Сошлемся на историка Дрио, который в своей книге: «Политические и социальные проблемы в конце XIX века» в главе о «великих державах и разделе мира» писал следующее: «В течение последних лет все свободные места на земле, за исключением Китая, заняты державами Европы и Северной Америки. На этой почве произошло уже несколько конфликтов и перемещений влияния, являющихся предвестниками более ужасных взрывов в близком будущем. Ибо приходится торопиться: нации, не обеспечившие себя, рискуют никогда не получить своей части и не принять участия в той гигантской эксплуатации земли, которая будет одним из существеннейших фактов следующего (т. е. XX) века. Вот почему вся Европа и Америка были охвачены в последнее время лихорадкой колониальных расширений, «империализма», который является самой замечательной характерной чертой конца XIX века». И автор добавлял: «При этом разделе мира, в этой бешеной погоне за сокровищами и крупными рынками земли, сравнительная сила империй, основанных в этом, XIX, веке, находится в полном несоответствии с тем местом, которое занимают в Европе нации, основавшие их.

* Шильдер, н. с., 1 т., с. 160—161.

Державы, преобладающие в Европе, вершительницы ее судеб, *не* являются равным образом преобладающими во всем мире. А так как колониальное могущество, надежда обладать богатствами, еще не учтенными, окажет очевидно свое отраженное действие на сравнительную силу европейских держав, то в силу этого колониальный вопрос — «империализм», если хотите, — изменивший уже политические условия самой Европы, будет изменять их все более и более» *.

VII. ИМПЕРИАЛИЗМ, КАК ОСОБАЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА

Мы должны теперь попытаться подвести известные итоги, свести вместе сказанное выше об империализме. Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями. Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из нее вырастала и вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков. И в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов. Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю.

Если бы необходимо было дать как можно более короткое определение империализма, то следовало бы сказать, что империализм есть монополистическая стадия капитализма. Такое определение включало бы самое главное, ибо, с одной стороны, финансовый капитал есть банковый капитал монополистически-немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников; а с другой сто-

* J.-E. Driault: «Problèmes politiques et sociaux». P. 1907, c. 299 (Ж.-Э. Дрио. «Политические и социальные проблемы». Париж. *Ред.*).

роны, раздел мира есть переход от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на незахваченные ни одной капиталистической державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца.

Но слишком короткие определения хотя и удобны, ибо подытоживают главное, — все же недостаточны, раз из них надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которое надо определить. Поэтому, не забывая условного и относительного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии, следует дать такое определение империализма, которое бы включало следующие пять основных его признаков: 1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами. Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами.

Мы увидим еще ниже, как можно и должно иначе определить империализм, если иметь в виду не только основные чисто-экономические понятия (которыми ограничивается приведенное определение), а историческое место данной стадии капитализма по отношению к капитализму вообще или отношение империализма и двух основных направлений в рабочем движении. Сейчас же надо отметить, что, понимаемый в указанном смысле, империализм представляет из себя, несомненно, особую стадию развития капитализма. Чтобы дать читателю возможно более обоснованное представление об империализме, мы намеренно старались приводить как можно больше отзывов *буржуазных* экономистов, вынужденных признавать особенно бесспорно установленные факты новейшей экономики капитализма. С той же целью приводились подробные статистические данные, позволяющие видеть, до какой именно степени вырос банковый капитал и т. д., в чем именно выразился переход количества в качество, переход развитого капитализма в империализм. Нечего и говорить, конечно, что

все грани в природе и обществе условны и подвижны, что было бы нелепо спорить, напр., о том, к какому году или десятилетию относится «окончательное» установление империализма.

Но спорить об определении империализма приходится прежде всего с главным марксистским теоретиком эпохи так называемого второго интернационала, т. е. 25-тилетия 1889—1914 годов, К. Каутским. Против основных идей, выраженных в данном нами определении империализма, Каутский выступил вполне решительно и в 1915-ом и даже еще в ноябре 1914-го года, заявляя, что под империализмом надо понимать не «фазу» или ступень хозяйства, а политику, именно определенную политику, «предпочитаемую» финансовым капиталом, что империализм нельзя «отождествлять» с «современным капитализмом», что если понимать под империализмом «все явления современного капитализма», — картели, протекционизм, господство финансистов, колониальную политику — то тогда вопрос о необходимости империализма для капитализма сведется к «самой плоской тавтологии», ибо тогда «естественно, империализм есть жизненная необходимость для капитализма» и т. д. Мысль Каутского мы выразим всего точнее, если приведем данное им определение империализма, направленное прямо против существа излагаемых нами идей (ибо возражения из лагеря немецких марксистов, проводивших подобные идеи в течение целого ряда лет, давно известны Каутскому, как возражения определенного течения в марксизме).

Определение Каутского гласит:

«Империализм есть продукт высокоразвитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении каждой промышленной капиталистической нации присоединять к себе или подчинять все большие *аграрные* (курсив Каутского) области, без отношения к тому, какими нациями они населены» *.

Это определение ровнехонько никуда не годится, ибо оно односторонне, т. е. произвольно, выделяет один только национальный вопрос (хотя и в высшей степени важный как сам по себе, так и в его отношении к империализму), произвольно и *неверно* связывая его *только* с промышленным капиталом в аннектирующих другие нации странах, столь же произвольно и неверно выдвигая аннексию аграрных областей.

Империализм есть стремление к аннексиям — вот к чему сводится *политическая* часть определения Каутского. Она верна, но крайне неполна, ибо политически империализм есть вообще стремление к насилию и к реакции. Нас занимает здесь однако *экономическая* сторона дела, которую внес в *свое*

* «Die Neue Zeit», 1914, 2 (32 т.), с. 909, от 11 сентября 1914 г. Ср. 1915, 2, с. 107 слл.

определение *сам* Каутский. Неверности в определении Каутского бьют в лицо. Для империализма характерен как раз *не* промышленный, *а* финансовый капитал. Не случайность, что во Франции как раз особо быстрое развитие *финансового* капитала, при ослаблении промышленного, вызвало с 80-х годов прошлого века крайнее обострение аннексионистской (колониальной) политики. Для империализма характерно как раз стремление к аннектированию *не только* аграрных областей, а даже самых промышленных (германские аппетиты насчет Бельгии, французские насчет Лотарингии), ибо, во-1-х, законченный раздел земли вынуждает, при *переделе*, протягивать руку ко *всяким* землям; во-2-х, для империализма существенно соревнование нескольких крупных держав в стремлении к гегемонии, т. е. к захвату земель не столько прямо для себя, сколько для ослабления противника и подрыва *его* гегемонии (Германии Бельгия особенно важна, как опорный пункт против Англии; Англии Багдад как опорный пункт против Германии и т. д.).

Каутский ссылается в особенности — и неоднократно — на англичан, установивших будто бы чисто-политическое значение слова империализм в его, Каутского, смысле. Берем англичанина Гобсона и читаем в его сочинении «Империализм», вышедшем в 1902-м году:

«Новый империализм отличается от старого, во-первых, тем, что он на место стремлений одной растущей империи ставит теорию и практику соревнующих империй, каждая из которых руководится одинаковыми вожделениями к политическому расширению и к коммерческой выгоде; во-вторых, господством над торговыми интересами интересов финансовых или относящихся к помещению капитала» *.

Мы видим, что Каутский абсолютно неправ фактически в своей ссылке на англичан вообще (он мог бы сослаться разве на вульгарных английских империалистов или прямых апологетов империализма). Мы видим, что Каутский, претендуя, что он продолжает защищать марксизм, на деле делает шаг назад по сравнению с *социал-либералом* Гобсоном, который *правильнее* учитывает две «исторически-конкретные» (Каутский как раз издевается своим определением над исторической конкретностью!) особенности современного империализма: 1) конкуренцию *нескольких* империализмов и 2) преобладание финансиста над торговцем. А если речь идет главным образом о том, чтобы промышленная страна аннектировала аграрную, то этим выдвигается главенствующая роль торговца.

---

* Hobson: «Imperialism», L. 1902, p. 324 (Гобсон. «Империализм». Лондон, 1902, стр. 324. *Ред.*).

Определение Каутского не только неверное и не марксистское. Оно служит основой целой системы взглядов, разрывающих по всей линии и с марксистской теорией и с марксистской практикой, о чем еще пойдет речь ниже. Совершенно несерьезен тот спор о словах, который поднят Каутским: назвать ли новейшую ступень капитализма империализмом или ступенью финансового капитала. Называйте, как хотите; это безразлично. Суть дела в том, что Каутский отрывает политику империализма от его экономики, толкуя об аннексиях, как «предпочитаемой» финансовым капиталом политике, и противопоставляя ей другую возможную будто бы буржуазную политику на той же базе финансового капитала. Выходит, что монополии в экономике совместимы с немонополистическим, ненасильственным, незахватным образом действий в политике. Выходит, что территориальный раздел земли, завершенный как раз в эпоху финансового капитала и составляющий основу своеобразия теперешних форм соревнования между крупнейшими капиталистическими государствами, совместим с неимпериалистской политикой. Получается затушевывание, притупление самых коренных противоречий новейшей ступени капитализма вместо раскрытия глубины их, получается буржуазный реформизм вместо марксизма.

Каутский спорит с немецким апологетом империализма и аннексий, Куновым, который рассуждает аляповато и цинично: империализм есть современный капитализм; развитие капитализма неизбежно и прогрессивно; значит, империализм прогрессивен; значит, надо раболепствовать перед империализмом и славословить! Нечто вроде той карикатуры, которую рисовали народники против русских марксистов в 1894—1895 годах: дескать, если марксисты считают капитализм в России неизбежным и прогрессивным, то они должны открыть кабак и заняться насаждением капитализма. Каутский возражает Купову: нет, империализм не есть современный капитализм, а лишь одна из форм политики современного капитализма, и мы можем и должны бороться с этой политикой, бороться с империализмом, с аннексиями и т. д.

Возражение кажется вполне благовидным, а на деле оно равняется более тонкой, более прикрытой (и потому более опасной) проповеди примирения с империализмом, ибо «борьба» с политикой трестов и банков, не затрагивающая основ экономики трестов и банков, сводится к буржуазному реформизму и пацифизму, к добреньким и невинным благопожеланиям. Отговориться от существующих противоречий, забыть самые важные из них, вместо вскрытия всей глубины противоречий — вот теория Каутского, не имеющая ничего

общего с марксизмом. И понятно, что такая «теория» служит только к защите идей единства с Куновыми!

«С чисто экономической точки зрения — пишет Каутский — не невозможно, что капитализм переживет еще одну новую фазу, перенесение политики картелей на внешнюю политику, фазу ультраимпериализма» *, т. е. сверхъимпериализма, объединения империализмов всего мира, а не борьбы их, фазу прекращения войн при капитализме, фазу «общей эксплуатации мира интернационально-объединенным финансовым капиталом» **.

На этой «теории ультраимпериализма» нам придется остановиться ниже, чтобы подробно показать, до какой степени она разрывает решительно и бесповоротно с марксизмом. Здесь же нам надо, сообразно общему плану настоящего очерка, взглянуть на точные экономические данные, относящиеся к этому вопросу. «С чисто-экономической точки зрения» возможен «ультра-империализм» или это ультра-пустяки?

Если понимать под чисто-экономической точкой зрения «чистую» абстракцию, тогда все, что можно сказать, сведется к положению: развитие идет к монополиям, следовательно, к одной всемирной монополии, к одному всемирному тресту. Это бесспорно, но это и совершенно бессодержательно, вроде указания, что «развитие идет» к производству предметов питания в лабораториях. В этом смысле «теория» ультраимпериализма такой же вздор, каким была бы «теория ультраземледелия».

Если же говорить о «чисто-экономических» условиях эпохи финансового капитала, как об исторически-конкретной эпохе, относящейся к началу XX века, то лучшим ответом на мертвые абстракции «ультра-империализма» (служащие исключительно реакционнейшей цели: отвлечению внимания от глубины *наличных* противоречий) является противопоставление им конкретно-экономической действительности современного всемирного хозяйства. Бессодержательнейшие разговоры Каутского об ультра-империализме поощряют, между прочим, ту глубоко-ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала *ослабляет* неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно *усиливает* их.

Р. Кальвер в своей небольшой книжке «Введение в всемирное хозяйство» *** сделал попытку свести главнейшие чисто-экономические данные, позволяющие конкретно представить

* «Die Neue Zeit», 1914, 2 (32 т.), с. 921, от 11 сентября 1914 г. Ср. 1915, 2, с. 107 слл.

** «Die Neue Zeit», 1915, 1, с. 144, от 30 апреля 1915.

*** R. Calwer: «Einführung in die Weltwirtschaft». Brl. 1906.

взаимоотношения внутри всемирного хозяйства на рубеже XIX и XX веков. Он делит весь мир на 5 «главных хозяйственных областей»: 1) среднеевропейская (вся Европа кроме России и Англии); 2) британская; 3) российская; 4) восточно-азиатская и 5) американская, включая колонии в «области» тех государств, которым они принадлежат, и «оставляя в стороне» немногие, нераспределенные по областям, страны, напр., Персию, Афганистан, Аравию в Азии, Марокко и Абиссинию в Африке и т. п.

Вот, в сокращенном виде, приводимые им экономические данные об этих областях:

Главные хозяйственные области мира	Площадь (милл. кв. киром.)	Население (милл.)	Пути сообщения: жел. дор. (тыс. км.)	Пути сообщения: торговый флот (милл. тонн)	Пути сообщения: Торговля (ввоз и вывоз вместе) (млрд. марок)	Промышленность: добыча кам. угля (милл. тонн)	Промышленность: добыча чугуна (милл. тонн)	Промышленность: число веретен в хл.-бум. пром. (милл.)
1) ср.-европ.	27,6	388	204	8	41	251	15	26
*	(23,6)	(146)						
2) британск.	28,9	398	140	11	25	249	9	51
*	(28,6)	(355)						
3) российск.	22	131	63	1	3	16	3	7
4) вост.-азиат.	12	389	8	1	2	8	0,02	2
5) америк.	30	148	379	6	14	245	14	19

Мы видим три области с высоко развитым капитализмом (сильное развитие и путей сообщения и торговли и промышленности): среднеевропейскую, британскую и американскую. Среди них три господствующие над миром государства: Германия, Англия, Соединенные Штаты. Империалистское соревнование между ними и борьба крайне обострены тем, что Германия имеет ничтожную область и мало колоний; создание «средней Европы» еще в будущем, и рождается она в отчаянной борьбе. Пока — признак всей Европы политическая раздробленность. В британской и американской областях очень высока, наоборот, политическая концентрация, но громадное несоответствие между необъятными колониями первой и ничтожными — второй. А в колониях капитализм только начинает развиваться. Борьба за южную Америку все обостряется.

Две области — слабого развития капитализма, российская и восточно-азиатская. В первой крайне слабая плотность населения, во второй — крайне высокая; в первой политическая концентрация велика, во второй отсутствует. Китай только

---

* В скобках площадь и население колоний.

еще начали делить, и борьба за него между Японией, С. Штатами и т. д. обостряется все сильнее.

Сопоставьте с этой действительностью, — с гигантским разнообразием экономических и политических условий, с крайним несоответствием в быстроте роста разных стран и пр., с бешеной борьбой между империалистическими государствами — глупенькую побасенку Каутского о «мирном» ультраимпериализме. Разве это не реакционная попытка запуганного мещанина спрятаться от грозной действительности? Разве интернациональные картели, которые кажутся Каутскому зародышами «ультра-империализма» (как производство таблеток в лаборатории «можно» объявить зародышем ультра-земледелия), не показывают нам примера раздела *и передела* мира, перехода от мирного раздела к не-мирному и обратно? Разве американский и проч. финансовый капитал, мирно деливший весь мир, при участии Германии, скажем, в международном рельсовом синдикате или в международном тресте торгового судоходства, не *переделяют* теперь мир на основе новых отношений силы, изменяющихся совсем *не*-мирным путем?

Финансовый капитал и тресты не ослабляют, а усиливают различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства. А раз соотношения силы изменились, то в чем может заключаться, *при капитализме*, разрешение противоречия кроме как в *силе?* Чрезвычайно точные данные о различной быстроте роста капитализма и финансового капитала во всем всемирном хозяйстве мы имеем в статистике железных дорог *. За последние десятилетия империалистского развития длина железных дорог изменилась так:

	Железные дороги (тыс. клм.)				
	1890		1913	+	
Европа	224		346	+ 122	
Соед. Штаты Америки	268		411	+ 143	
Все колонии	82	125	210	+ 128	+ 222
Самостоят. и полусамост. государства Азии и Америки	43		137	+ 94	
Всего	617		1104		

Быстрее всего развитие железных дорог шло, следовательно, в колониях и в самостоятельных (и полусамостоятельных) государствах Азии и Америки. Известно, что финансовый капитал 4—5 крупнейших капиталистических государств

* Stat. Jahrbuch für das deutsche Reich, 1915; Archiv für Eisenbahnwesen, 1892 (Статистический ежегодник Германского государства, 1915; Архив железнодорожного дела, 1892. *Ред.*); за 1890 год небольшие частности относительно распределения железных дорог между колониями разных стран пришлось определить приблизительно.

царит и правит здесь всецело. Двести тысяч километров новых железных дорог в колониях и в других странах Азии и Америки, это значит свыше 40 миллиардов марок нового помещения капитала на особо выгодных условиях, с особыми гарантиями доходности, с прибыльными заказами для сталелитейных заводов и пр. и т. д.

Быстрее всего растет капитализм в колониях и в заокеанских странах. Среди них появляются *новые* империалистские державы (Япония). Борьба всемирных империализмов обостряется. Растет дань, которую берет финансовый капитал с особенно прибыльных колониальных и заокеанских предприятий. При разделе этой «добычи» исключительно высокая доля попадает в руки стран, не всегда занимающих первое место по быстроте развития производительных сил. В крупнейших державах, взятых вместе с их колониями, длина железных дорог составляла:

	(тыс. клм.)		
	1890	*1913*	
С. Штаты	268	413	+ 145
Британская империя	107	208	+ 101
Россия	32	78	+ 46
Германия	43	68	+ 25
Франция	41	63	+ 22
Всего в 5 державах	491	830	+ 339

Итак, около 80% всего количества железных дорог сконцентрировано в 5 крупнейших державах. Но концентрация *собственности* на эти дороги, концентрация финансового капитала еще неизмеримо более значительна, ибо английским и французским, напр., миллионерам принадлежит громадная масса акций и облигаций американских, русских и других железных дорог.

Благодаря своим колониям Англия увеличила «свою» железнодорожную сеть на 100 тысяч километров, вчетверо больше, чем Германия. Между тем общеизвестно, что развитие производительных сил Германии за это время, и особенно развитие каменноугольного и железоделательного производства, шло несравненно быстрее, чем в Англии, не говоря уже о Франции и России. В 1892 г. Германия производила 4,9 миллиона тонн чугуна, против 6,8 в Англии; а в 1912 году уже 17,6 против 9,0, т. е. гигантский перевес над Англией! * Спрашивается, *на*

* Ср. также Edgar Crammond: «The Economic Relations of the British and German Empires» в «Journal of the Royal Statistical Society», 1914, July, pp. 777 ss (Эдгар Крэммонд. «Экономические отношения между Британской и Германской империями» в «Журнале королевского статистического общества», 1914, июль, стр. 777, слл. *Ред.*).

почве капитализма какое могло быть иное средство, кроме войны, для устранения несоответствия между развитием производительных сил и накоплением капитала, с одной стороны, — разделом колоний и «сфер влияния» для финансового капитала, с другой?

VIII. ПАРАЗИТИЗМ И ЗАГНИВАНИЕ КАПИТАЛИЗМА

Нам следует остановиться теперь еще на одной очень важной стороне империализма, которая большей частью недостаточно оценивается в большинстве рассуждений на эту тему. Одним из недостатков марксиста Гильфердинга является то, что он сделал тут шаг назад по сравнению с немарксистом Гобсоном. Мы говорим о паразитизме, свойственном империализму.

Как мы видели, самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия. Это — монополия капиталистическая, т. е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой. Но тем не менее, как и всякая монополия, она порождает неизбежно стремление к застою и загниванию. Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является, далее, *экономическая* возможность искусственно задерживать технический прогресс. Пример: в Америке некий Оуэнс изобрел бутылочную машину, производящую революцию в выделке бутылок. Немецкий картель бутылочных фабрикантов скупает патенты Оуэнса и кладет их под сукно, задерживает их применение. Конечно, монополия при капитализме никогда не может полностью и на очень долгое время устранить конкуренции с всемирного рынка (в этом, между прочим, одна из причин вздорности теории ультра-империализма). Конечно, возможность понизить издержки производства и повысить прибыль посредством введения технических улучшений действует в пользу изменений. Но *тенденция* к застою и загниванию, свойственная монополии, продолжает в свою очередь действовать, и в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени она берет верх.

Монополия обладания особенно обширными, богатыми или удобно расположенными колониями действует в том же направлении.

Далее. Империализм есть громадное скопление в немногих странах денежного капитала, достигающего, как мы видели, 100—150 миллиардов франков ценных бумаг. Отсюда — необычайный рост класса или, вернее, слоя рантье, т. е. лиц, живущих «стрижкой купонов», — лиц, совершенно отделенных от участия в каком бы то ни было предприятии, — лиц, профессией которых является праздность. Вывоз капитала, одна из самых существенных экономических основ империализма, еще более усиливает эту полнейшую оторванность от производства слоя рантье, налагает отпечаток паразитизма на всю страну, живущую эксплуатацией труда нескольких заокеанских стран и колоний.

«В 1893 году — пишет Гобсон — британский капитал, помещенный за границей, составлял около 15% всего богатства Соединенного Королевства» *. Напомним, что к 1915 году этот капитал увеличился приблизительно в 2½ раза. «Агрессивный империализм, — читаем далее у Гобсона — который стоит так дорого плательщикам налогов и имеет так мало значения для промышленника и торговца,... есть источник больших прибылей для капиталиста, ищущего помещения своему капиталу»... (по-английски это понятие выражается одним словом: «инвестор» — «поместитель», рантье)... «Весь годичный доход, который Великобритания получает от всей своей внешней и колониальной торговли, ввоза и вывоза, определяется статистиком Гиффеном в 18 миллионов фунтов стерлингов (около 170 милл. рублей) за 1899 год, считая по 2½% на весь оборот в 800 милл. фунтов стерлингов». Как ни велика эта сумма, она не может объяснить агрессивного империализма Великобритании. Его объясняет сумма в 90—100 милл. фунтов стерлингов, представляющая доход от «помещенного» капитала, доход слоя рантье.

Доход рантье *впятеро* превышает доход от внешней торговли в самой «торговой» стране мира! Вот сущность империализма и империалистического паразитизма.

Понятие: «государство-рантье» (Rentnerstaat), или государство-ростовщик, становится поэтому общеупотребительным в экономической литературе об империализме. Мир разделился на горстку государств-ростовщиков и гигантское большинство государств-должников. «Среди помещений капитала за границей — пишет Шульце-Геверниц — на первом месте стоят такие, которые падают на страны, политически зависимые или союзные: Англия дает займы Египту, Японии, Китаю, Южной Америке. Ее военный флот играет роль, в случае крайности, судебного пристава. Политическая сила Англии

* Hobson, c. 59, 60.

оберегает ее от возмущения должников» *. Сарторпус фон Вальтерсхаузен в своем сочинении «Народнохозяйственная система помещения капитала за границей» выставляет образцом «государства-рантье» Голландию и указывает, что таковыми становятся теперь Англия и Франция **. Шильдер считает, что пять промышленных государств являются «определенно выраженными странами-кредиторами»: Англия, Франция, Германия, Бельгия и Швейцария. Голландию он не относит сюда только потому, что она «мало индустриальна» ***. Соед. Штаты являются кредитором лишь по отношению к Америке.

«Англия — пишет Шульце-Геверниц — перерастает постепенно из промышленного государства в государство-кредитора. Несмотря на абсолютное увеличение промышленного производства и промышленного вывоза, возрастает относительное значение для всего народного хозяйства доходов от процентов и дивидендов, от эмиссий, комиссий и спекуляции. По моему мнению, именно этот факт является экономической основой империалистического подъема. Кредитор прочнее связан с должником, чем продавец с покупателем» ****. Относительно Германии издатель берлинского журнала «Банк», А. Лансбург писал в 1911 г. в статье: «Германия — государство рантье» следующее: «В Германии охотно посмеиваются над склонностью к превращению в рантье, наблюдаемой во Франции. Но при этом забывают, что, поскольку дело касается буржуазии, германские условия все более становятся похожими на французские»*****.

Государство рантье есть государство паразитического, загнивающего капитализма, и это обстоятельство не может не отражаться как на всех социально-политических условиях данных стран вообще, так и на двух основных течениях в рабочем движении в особенности. Чтобы показать это возможно нагляднее, предоставим слово Гобсону, который всего более «надежен», как свидетель, ибо его невозможно заподозрить в пристрастии к «марксистскому правоверию», а с другой стороны, он — англичанин, хорошо знающий положение дел в стране, наиболее богатой и колониями и финансовым капиталом и империалистским опытом.

Описывая, под живым впечатлением англо-бурской войны, связь империализма с интересами «финансистов», рост их при-

---

* Schulze — Gaevernitz, Br. Imp., 320 и др.

** Sart. von Waltershausen: «D. Volkswirt. Syst. etc.» B. 1907, Buch IV.

*** Schilder, c. 393.

**** Schulze-Gaevernitz, Br. Imp., 122.

***** «Die Bank», 1911, 1, c. 10—11.

былей от подрядов, поставок и пр., Гобсон писал: «направителями этой определенно паразитической политики являются капиталисты; но те же самые мотивы оказывают действие и на специальные разряды рабочих. Во многих городах самые важные отрасли промышленности зависят от правительственных заказов; империализм центров металлургической и кораблестроительной промышленности зависит в немалой степени от этого факта». Двоякого рода обстоятельства ослабляли, по мнению автора, силу старых империй: 1) «экономический паразитизм» и 2) составление войска из зависимых народов. «Первое есть обычай экономического паразитизма, в силу которого господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения своего правящего класса и для подкупа своих низших классов, чтобы они оставались спокойными». Для экономической возможности такого подкупа, в какой бы форме он ни совершался, необходима — добавим от себя — монополистически высокая прибыль.

Относительно второго обстоятельства Гобсон пишет: «Одним из наиболее странных симптомов слепоты империализма является та беззаботность, с которой Великобритания, Франция и другие империалистские нации становятся на этот путь. Великобритания пошла дальше всех. Большую часть тех сражений, которыми мы завоевали нашу индийскую империю, вели наши войска, составленные из туземцев; в Индии, как в последнее время и в Египте, большие постоянные армии находятся под начальством британцев; почти все войны, связанные с покорением нами Африки, за исключением ее южной части, проведены для нас туземцами».

Перспектива раздела Китая вызывает у Гобсона такую экономическую оценку: «Большая часть западной Европы могла бы тогда принять вид и характер, который теперь имеют части этих стран: юг Англии, Ривьера, наиболее посещаемые туристами и населенные богачами места Италии и Швейцарии, именно: маленькая кучка богатых аристократов, получающих дивиденды и пенсии с далекого Востока, с несколько более значительной группой профессиональных служащих и торговцев и с более крупным числом домашних слуг и рабочих в перевозочной промышленности и в промышленности, занятой окончательной отделкой фабрикатов. Главные же отрасли промышленности исчезли бы, и массовые продукты питания, массовые полуфабрикаты притекали бы, как дань, из Азии и из Африки». «Вот какие возможности открывает перед нами более широкий союз западных государств, европейская федерация великих держав: она не только не двигала бы вперед дело всемирной цивилизации, а могла бы означать гигантскую опасность западного паразитизма: выделить группу передовых

промышленных наций, высшие классы которых получают громадную дань с Азии и с Африки и при помощи этой дани содержат большие приученные массы служащих и слуг, занятых уже не производством массовых земледельческих и промышленных продуктов, а личным услужением или второстепенной промышленной работой под контролем новой финансовой аристократии. Пусть те, кто готов отмахнуться от такой теории» (надо было сказать: перспективы) «как незаслуживающей рассмотрения, вдумаются в экономические и социальные условия тех округов современной южной Англии, которые уже приведены в такое положение. Пусть они подумают, какое громадное расширение такой системы стало бы возможным, если бы Китай был подчинен экономическому контролю подобных групп финансистов, «поместителей капитала», их политических и торгово-промышленных служащих, выкачивающих прибыли из величайшего потенциального резервуара, который только знал когда-либо мир, с целью потреблять эти прибыли в Европе. Разумеется, ситуация слишком сложна, игра мировых сил слишком трудно поддается учету, чтобы сделать очень вероятным это или любое иное истолкование будущего в одном только направлении. Но те влияния, которые управляют империализмом западной Европы в настоящее время, двигаются в этом направлении и, если они не встретят противодействия, если они не будут отвлечены в другую сторону, они работают в направлении именно такого завершения процесса» *.

Автор совершенно прав: *если бы* силы империализма не встретили противодействия, они привели бы именно к этому. Значение «Соед. Штатов Европы» в современной, империалистской, обстановке оценено здесь правильно. Следовало бы лишь добавить, что *и внутри* рабочего движения оппортунисты, победившие ныне на время в большинстве стран, «работают» систематически и неуклонно именно в таком направлении. Империализм, означая раздел мира и эксплуатацию не одного только Китая, означая монопольно-высокие прибыли для горстки богатейших стран, создает экономическую возможность подкупа верхних прослоек пролетариата и тем питает, оформливает, укрепляет оппортунизм. Не следует лишь забывать тех противодействующих империализму вообще и оппортунизму в частности сил, которых естественно не видеть социал-либералу Гобсону.

Немецкий оппортунист Гергард Гильдебранд, который в свое время был исключен из партии за защиту империализма, а ныне мог бы быть вождем так называемой «социал-

* Hobson, стр. 103, 205, 144, 335, 386.

демократической» партии Германии, хорошо дополняет Гобсона, проповедуя «Соед. Штаты западной Европы» (без России) в целях «совместных» действий... против африканских негров, против «великого исламистского движения», для содержания «сильного войска и флота», против «японо-китайской коалиции» * и пр.

Описание «британского империализма» у Шульце-Геверница показывает нам те же черты паразитизма. Народный доход Англии приблизительно удвоился с 1865 по 1898 г., а доход «от заграницы» за это время возрос *в девять раз*. Если «заслугой» империализма является «воспитание негра к труду» (без принуждения не обойтись...), то «опасность» империализма состоит в том, что «Европа свалит физический труд — сначала сельскохозяйственный и горный, а потом и более грубый промышленный — на плечи темнокожего человечества, а сама успокоится на роли рантье, подготовляя, может быть, этим экономическую, а затем и политическую эмансипацию краснокожих и темнокожих рас».

Все большая часть земли в Англии отнимается от сельскохозяйственного производства и идет под спорт, под забаву для богачей. Про Шотландию — самое аристократическое место охоты и другого спорта — говорят, что «она живет своим прошлым и мистером Карнеджи» (американским миллиардером). На одни только скачки и на охоту за лисицами Англия расходует ежегодно 14 миллионов фунтов стерлингов (около 130 милл. рублей). Число рантье в Англии составляет около 1 миллиона. Процент производительного населения понижается:

	Население Англии	Число рабочих в главных отраслях промышленности	% к населению
	(миллионы)		
1851	17,9	4,1	23%
1901	32,5	4,9	15%

И, говоря об английском рабочем классе, буржуазный исследователь «британского империализма начала XX века» вынужден систематически проводить разницу между *«верхним слоем»* рабочих и *«собственно пролетарским низшим слоем»*. Верхний слой поставляет массу членов кооперативов и профессиональных союзов, спортивных обществ и многочисленных религиозных сект. К его уровню приноровлено избирательное право, которое в Англии «все еще *достаточно ограниченное*,

* Gerhard Hildebrand: «Die Erschütterung der Industrieherrschaft und des Industriesozialismus», 1910, с. 229 слл. (Гергард Гильдебранд. «Потрясение господства промышленности и промышленного социализма». *Ред.*).

чтобы исключать собственно-пролетарский низший слой»!! Чтобы прикрасить положение английского рабочего класса, обыкновенно говорят только об этом верхнем слое, составляющем *меньшинство* пролетариата: напр., «вопрос о безработице есть преимущественно вопрос, касающийся Лондона и пролетарского низшего слоя, *с которым политики мало считаются*» *... Надо было сказать: с которым буржуазные политиканы и «социалистические» оппортунисты мало считаются.

К числу особенностей империализма, которые связаны с описываемым кругом явлений, относится уменьшение эмиграции из империалистских стран и увеличение иммиграции (прихода рабочих и переселения) в эти страны из более отсталых стран, с более низкой заработной платой. Эмиграция из Англии, как отмечает Гобсон, падает с 1884 г.: она составляла 242 тыс. в этом году и 169 тыс. в 1900. Эмиграция из Германии достигла максимума за 10-тилетие 1881—1890 гг.: 1 453 тыс., падая в два следующие десятилетия до 544 и до 341 тыс. Зато росло число рабочих, приходящих в Германию из Австрии, Италии, России и пр. По переписи 1907 г. в Германии было 1 342 294 иностранца, из них рабочих промышленных — 440 800, сельских — 257 329 **. Во Франции рабочие в горной промышленности «в значительной части» иностранцы: поляки, итальянцы, испанцы ***. В Соединенных Штатах иммигранты из восточной и южной Европы занимают наихудшие оплачиваемые места, а американские рабочие дают наибольший процент выдвигающихся в надсмотрщики и получающих наилучше оплачиваемые работы ****. Империализм имеет тенденцию и среди рабочих выделить привилегированные разряды и оторвать их от широкой массы пролетариата.

Необходимо отметить, что в Англии тенденция империализма раскалывать рабочих и усиливать оппортунизм среди них, порождать временное загнивание рабочего движения, сказалась гораздо раньше, чем конец XIX и начало XX века. Ибо две крупные отличительные черты империализма имели место в Англии с половины XIX века: громадные колониальные владения и монопольное положение на всемирном рынке. Маркс и Энгельс систематически, в течение ряда десятилетий, прослеживали эту связь оппортунизма в рабочем движении с империалистическими особенностями английского капита-

---

* Schulze — Gaevernitz, Br. Imp., 301.

** Statistik des Deutschen Reichs, Bd. 211 (Статистика германского государства, т. 211. *Ред.*).

*** Henger: «Die Kapitalsanlage der Franzosen», St. 1913 (Генгер. «Вложение французских капиталов». Штутгарт, 1913. *Ред.*).

**** Hourvich: «Immigration and Labour», N. V. 1913 (Гурвич. «Иммиграция и труд». Нью-Йорк, 1913. *Ред.*).

лизма. Энгельс писал, напр., Марксу 7 октября 1858 года: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, повидимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно» [46]. Почти четверть века спустя, в письме от 11 августа 1881 г. он говорит о «худших английских тред-юнионах, которые позволяют руководить собою людям, купленным буржуазией или по крайней мере оплачиваемым ею» [47]. А в письме к Каутскому от 12 сентября 1882 г. Энгельс писал: «Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативные и либеральные радикалы, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке» *. (То же самое изложено Энгельсом для печати в предисловии ко 2-му изданию «Положения рабочего класса в Англии», 1892 г.)

Здесь ясно указаны причины и следствия. Причины: 1) эксплуатация данной страной всего мира; 2) ее монопольное положение на всемирном рынке; 3) ее колониальная монополия. Следствия: 1) обуржуазение части английского пролетариата; 2) часть его позволяет руководить собой людям, купленным буржуазией или по крайней мере оплачиваемым ею. Империализм начала XX века докончил раздел мира горсткой государств, из которых каждое эксплуатирует теперь (в смысле извлечения сверхприбыли) немногим меньшую часть «всего мира», чем Англия в 1858 году; каждое занимает монопольное положение на всемирном рынке благодаря трестам, картелям, финансовому капиталу, отношениям кредитора к должнику; каждое имеет до известной степени колониальную монополию (мы видели, что из 75 милл. кв. килом. *всех* колоний мира *65* милл., т. е. 86% сосредоточено в руках шести держав; *61* милл., т. е. 81% сосредоточено в руках 3-х держав).

Отличие теперешнего положения состоит в таких экономических и политических условиях, которые не могли не усилить непримиримость оппортунизма с общими и коренными интересами рабочего движения: империализм из зачатков вырос

* Briefwechsel von Marx und Engels, Bd. II, S. 290; IV, 433. (Переписка Маркса и Энгельса, т. II, стр. 290. *Ред.*). — K. Kautsky: «Sozialismus und Kolonialpolitik», Brl. 1907, c. 79 (К. Каутский. «Социализм и колониальная политика». Берлин, 1907. *Ред.*); эта брошюра писана еще в те бесконечно далекие времена, когда Каутский был марксистом.

в господствующую систему; капиталистические монополии заняли первое место в народном хозяйстве и в политике; раздел мира доведен до конца; а с другой стороны вместо безраздельной монополии Англии мы видим борьбу за участие в монополии между небольшим числом империалистических держав, характеризующую все начало XX века. Оппортунизм не может теперь оказаться полным победителем в рабочем движении одной из стран на длинный ряд десятилетий, как победил оппортунизм в Англии во второй половине XIX столетия, но он окончательно созрел, перезрел и сгнил в ряде стран, вполне слившись с буржуазной политикой, как социал-шовинизм *.

IX. КРИТИКА ИМПЕРИАЛИЗМА

Критику империализма мы понимаем в широком смысле слова, как отношение к политике империализма различных классов общества в связи с их общей идеологией.

Гигантские размеры финансового капитала, концентрированного в немногих руках и создающего необыкновенно широко раскинутую и густую сеть отношений и связей, подчиняющую ему массу не только средних и мелких, но и мельчайших капиталистов и хозяйчиков, — с одной стороны, а с другой, обостренная борьба с другими национально-государственными группами финансистов за раздел мира и за господство над другими странами, — все это вызывает повальный переход всех имущих классов на сторону империализма. «Всеобщее» увлечение его перспективами, бешеная защита империализма, всевозможное прикрашивание его — таково знамение времени. Империалистская идеология проникает и в рабочий класс. Китайская стена не отделяет его от других классов. Если вожди теперешней так называемой «социал-демократической» партии Германии получили по справедливости название «социал-империалистов», т. е. социалистов на словах, империалистов на деле, то Гобсон еще в 1902 году отметил существование «фабианских империалистов» в Англии, принадлежащих к оппортунистическому «Фабианскому обществу».

Буржуазные ученые и публицисты выступают защитниками империализма обыкновенно в несколько прикрытой форме, затушевывая полное господство империализма и его глубокие корни, стараясь выдвинуть на первый план частности и второстепенные подробности, усиливаясь отвлечь внимание

* Русский социал-шовинизм господ Потресовых, Чхенкели, Масловых и т. д. как в своем откровенном виде, так и в прикровенном (гг. Чхеидзе, Скобелев, Аксельрод, Мартов и пр.), тоже вырос из русской разновидности оппортунизма, именно из ликвидаторства.

от существенного совершенно несерьезными проектами «реформ» вроде полицейского надзора за трестами или банками и т. п. Реже выступают циничные, откровенные империалисты, имеющие смелость признать нелепость мысли о реформировании основных свойств империализма.

Приведем один пример. Немецкие империалисты в издании: «Архив всемирного хозяйства» стараются следить за национально-освободительными движениями в колониях, особенно, разумеется, не-немецких. Они отмечают брожение и протесты в Индии, движение в Натале (южная Африка), в Голландской Индии и т. д. Один из них в заметке по поводу английского издания, дающего отчет о конференции подчиненных наций и рас, состоявшейся 28—30 июня 1910 года из представителей различных, находящихся под чужестранным господством, народов Азии, Африки, Европы, пишет, оценивая речи на этой конференции: «С империализмом, говорят нам, надо бороться; господствующие государства должны признать право подчиненных народов на самостоятельность; международный трибунал должен наблюдать за исполнением договоров, заключенных между великими державами и слабыми народами. Дальше этих невинных пожеланий конференция не идет. Мы не видим ни следа понимания той истины, что империализм неразрывно связан с капитализмом в его теперешней форме и что поэтому (!!) прямая борьба с империализмом безнадежна, разве если ограничиваться выступлением против отдельных, особенно отвратительных, эксцессов» *. Так как реформистское исправление основ империализма есть обман, «невинное пожелание», так как буржуазные представители угнетенных наций не идут «дальше» вперед, поэтому буржуазный представитель угнетающей нации идет «дальше» *назад,* к раболепству перед империализмом, прикрытому претензией на «научность». Тоже «логика»!

Вопросы о том, возможно ли реформистское изменение основ империализма, вперед ли идти, к дальнейшему обострению и углублению противоречий, порождаемых им, или назад, к притуплению их, являются коренными вопросами критики империализма. Так как политическими особенностями империализма являются реакция по всей линии и усиление национального гнета в связи с гнетом финансовой олигархии и устранением свободной конкуренции, то мелкобуржуазно-демократическая оппозиция империализму выступает едва ли не во всех империалистских странах начала XX века. И разрыв с марксизмом со стороны Каутского и широкого интернацио-

* Weltwirtschaftliches Archiv, Bd. II, s. 193 (Архив мирового хозяйства, т. II. *Ред.*).

нального течения каутскианства состоит именно в том, что Каутский не только не позаботился, не сумел противопоставить себя этой мелкобуржуазной, реформистской, экономически в основе своей реакционной, оппозиции, а напротив слился с ней практически.

В Соед. Штатах империалистская война против Испании 1898-го года вызвала оппозицию «антиимпериалистов», последних могикан буржуазной демократии, которые называли войну эту «преступной», считали нарушением конституции аннексию чужих земель, объявляли «обманом шовинистов» поступок по отношению к вождю туземцев на Филиппинах, Агвинальдо (ему обещали свободу его страны, а потом высадили американские войска и аннектировали Филиппины), — цитировали слова Линкольна: «когда белый человек сам управляет собой, это — самоуправление; когда он управляет сам собой и вместе с тем управляет другими, это уже не самоуправление, это — деспотизм» *. Но пока вся эта критика боялась признать неразрывную связь империализма с трестами и, следовательно, основами капитализма, боялась присоединиться к силам, порождаемым крупным капитализмом и его развитием, она оставалась «невинным пожеланием».

Такова же основная позиция Гобсона в его критике империализма. Гобсон предвосхитил Каутского, восставая против «неизбежности империализма» и апеллируя к необходимости «поднять потребительную способность» населения (при капитализме!). На мелкобуржуазной точке зрения в критике империализма, всесилия банков, финансовой олигархии и пр. стоят цитированные неоднократно нами Агад, А. Лансбург, Л. Эшвегэ, а из французских писателей — Виктор Берар, автор поверхностной книги: «Англия и империализм», вышедшей в 1900 году. Все они, нисколько не претендуя на марксизм, противопоставляют империализму свободную конкуренцию и демократию, осуждают затею Багдадской железной дороги, ведущую к конфликтам и войне, высказывают «невинные пожелания» мира и т. п. — вплоть до статистика международных эмиссий А. Неймарка, который, подсчитывая сотни миллиардов франков «международных» ценностей, восклицал в 1912 году: «возможно ли предположить, чтобы мир мог быть нарушен? ... чтобы при таких громадных цифрах рисковали вызвать войну?» **.

---

* J. Patouillet: «L'impérialisme américain». Dijon. 1904, c. 272 (Ж. Патуйе. «Американский империализм». Дижон. *Ред.*).

** Bulletin de l'Institut International de Statistique. T. XIX, livr. II, p. 225 (Бюллетень международного статистического института, т. XIX, кн. II, стр. 225. *Ред.*).

Со стороны буржуазных экономистов такая наивность не удивительна; им же притом и *выгодно* казаться столь наивными и «всерьез» говорить о мире при империализме. Но что же осталось от марксизма у Каутского, когда он в 1914, 1915, 1916 годах становится на ту же буржуазно-реформистскую точку зрения и утверждает, что «все согласны» (империалисты, якобы-социалисты и социал-пацифисты) насчет мира? Вместо анализа и вскрытия глубины противоречий империализма мы видим одно лишь реформистское «невинное желание» отмахнуться, отговориться от них.

Вот образчик экономической критики империализма Каутским. Он берет данные о вывозе и ввозе Англии из Египта за 1872 и 1912 годы; оказывается, что этот вывоз и ввоз рос слабее, чем общий вывоз и ввоз Англии. И Каутский умозаключает: «мы не имеем никаких оснований полагать, что без военного занятия Египта торговля с ним выросла бы меньше под влиянием простого веса экономических факторов». «Стремления капитала к расширению» «лучше всего могут быть достигнуты не насильственными методами империализма, а мирной демократией» *.

Это рассуждение Каутского, на сотни ладов переиеваемое его российским оруженосцем (и российским прикрывателем социал-шовинистов) г. Спектатором[48], составляет основу каутскианской критики империализма и на нем надо поэтому подробнее остановиться. Начнем с цитаты из Гильфердинга, выводы которого Каутский много раз, в том числе в апреле 1915 г., объявлял «единогласно принятыми всеми социалистическими теоретиками».

«Не дело пролетариата — пишет Гильфердинг — более прогрессивной капиталистической политике противопоставлять оставшуюся позади политику эры свободной торговли и враждебного отношения к государству. Ответом пролетариата на экономическую политику финансового капитала, на империализм, может быть не свобода торговли, а только социализм. Не такой идеал, как восстановление свободной конкуренции — он превратился теперь в реакционный идеал — может быть теперь целью пролетарской политики, а единственно лишь полное уничтожение конкуренции посредством устранения капитализма» **.

Каутский порвал с марксизмом, защищая для эпохи финансового капитала «реакционный идеал», «мирную демократию», «простой вес экономических факторов», — ибо этот идеал

* Kautsky: «Nationalstaat, imperialistischer Staat und Staatenbund», Nürnberg. 1915, с. 72 и 70 (Каутский. «Национальное государство, империалистическое государство и союз государств». Нюрнберг. *Ред.*).

** «Финансовый капитал», с. 567.

объективно тащит назад, от монополистического капитализма к немонополистическому, является реформистским обманом.

Торговля с Египтом (или с другой колонией или полуколонией) «выросла бы» сильнее *без* военного занятия, без империализма, без финансового капитала. Что это значит? Что капитализм развивался бы быстрее, если бы свободная конкуренция не ограничивалась ни монополиями вообще, ни «связями» или гнетом (т. е. тоже монополией) финансового капитала, ни монопольным обладанием колониями со стороны отдельных стран?

Другого смысла рассуждения Каутского иметь не могут, а *этот* «смысл» есть бессмыслица. Допустим, что *да*, что свободная конкуренция, без каких бы то ни было монополий, развивала *бы* капитализм и торговлю быстрее. Но ведь чем быстрее идет развитие торговли и капитализма, тем сильнее концентрация производства и капитала, *рождающая* монополию. И монополии *уже* родились — именно *из свободной* конкуренции! Если даже монополии стали теперь замедлять развитие, все-таки это не довод за свободную конкуренцию, которая невозможна после того, как она родила монополии.

Как ни вертите рассуждения Каутского, ничего кроме реакционности и буржуазного реформизма в нем нет.

Если исправить это рассуждение, и сказать, как говорит Спектатор: торговля английских колоний с Англией развивается теперь медленнее, чем с другими странами, — это тоже не спасает Каутского. Ибо Англию побивает *т о ж е* монополия, *т о ж е* империализм только другой страны (Америки, Германии). Известно, что картели привели к охранительным пошлинам нового, оригинального типа: охраняются (это отметил еще Энгельс в III томе «Капитала» [49]) как раз те продукты, которые способны к вывозу. Известна, далее, свойственная картелям и финансовому капиталу система «вывоза по бросовым ценам», «выбрасывания», как говорят англичане: внутри страны картель продает свои продукты по монопольно-высокой цене, а за границу сбывает в три-дешева, — чтобы подорвать конкурента, чтобы расширять до максимума свое производство и т. д. Если Германия быстрее развивает свою торговлю с английскими колониями, чем Англия, — это доказывает лишь, что германский империализм свежее, сильнее, организованнее, выше английского, но вовсе не доказывает «перевеса» свободной торговли, ибо борется не свободная торговля с протекционизмом, с колониальной зависимостью, а борется один империализм против другого, одна монополия против другой, один финансовый капитал против другого. Перевес немецкого империализма над английским сильнее, чем стена колониальных границ или протекционных пошлин: делать отсюда «довод» *за*

свободную торговлю и «мирную демократию» есть пошлость, забвение основных черт и свойств империализма, замена марксизма мещанским реформизмом.

Интересно, что даже буржуазный экономист А. Лансбург, критикующий империализм так же мещански, как Каутский, подошел все же к более научной обработке данных торговой статистики. Он взял сравнение не одной случайно выхваченной страны и только колонии с остальными странами, а сравнение вывоза из империалистской страны 1) в страны финансово зависимые от нее, занимающие у нее деньги и 2) в страны финансово независимые. Получилось следующее:

Вывоз из Германии (милл. марок)

		1889	1908	Увелич. в %
В страны финансово зависимые от Германии:	Румыния	48,2	70,8	+ 47%
	Португалия	19,0	32,8	+ 73%
	Аргентина	60,7	147,0	+ 143%
	Бразилия	48,7	84,5	+ 73%
	Чили	28,3	52,4	+ 85%
	Турция	29,9	64,0	+ 114%
	Итого	*234,8*	*451,5*	*+ 92%*
В страны финансово независимые от Германии:	Великобритания	651,8	997,4	+ 53%
	Франция	210,2	437,9	+ 108%
	Бельгия	137,2	322,8	+ 135%
	Швейцария	177,4	401,1	+ 127%
	Австралия	21,2	64,5	+ 205%
	Голл. Индия	8,8	40,7	+ 363%
	Итого	*1206,6*	*2264,4*	*+ 87%*

Лансбург не подвел *итогов* и поэтому странным образом не заметил, что *если* эти цифры что-либо доказывают, то только *против* него, ибо вывоз в финансово зависимые страны возрос *все же быстрее,* хотя и немногим, чем в финансово независимые (подчеркиваем «если», ибо статистика Лансбурга далеко еще не полна).

Прослеживая связь вывоза с займами, Лансбург пишет: «В 1890/91 г. был заключен румынский заем при посредстве немецких банков, которые уже в предыдущие годы давали ссуды под него. Заем служил главным образом для покупки железнодорожного материала, который получался из Германии. В 1891 г. немецкий вывоз в Румынию составлял 55 милл. марок. В следующем году он упал до 39,4 милл. и, с перерывами, упал до 25,4 милл. в 1900 году. Лишь в самые последние годы достигнут снова уровень 1891 года — благодаря двум новым займам.

Немецкий вывоз в Португалию возрос вследствие займов 1888/89 до 21,1 милл. (1890); затем в два следующие года упал

до 16,2 и 7,4 милл. и достиг своего старого уровня лишь в 1903 году.

Еще рельефнее данные о немецко-аргентинской торговле. Вследствие займов 1888 и 1890 гг. немецкий вывоз в Аргентину достиг в 1889 г. 60,7 милл. Два года спустя вывоз составлял всего 18,6 милл., меньше третьей части прежнего. Лишь в 1901 г. достигнут и превзойден уровень 1889 года, что было связано с новыми государственными и городскими займами, с выдачей денег на постройку электрических заводов и с другими кредитными операциями.

Вывоз в Чили возрос вследствие займа 1889 года до 45,2 милл. (1892) и упал затем через год до 22,5 милл. После нового займа, заключенного при посредстве немецких банков в 1906 г., вывоз поднялся до 84,7 милл. (1907), чтобы вновь упасть до 52,4 милл. в 1908 г.» *.

Лансбург выводит из этих фактов забавную мещанскую мораль, как непрочен и неравномерен вывоз, связанный с займами, как нехорошо вывозить капиталы за границу вместо того, чтобы «естественно» и «гармонично» развивать отечественную промышленность, как «дорого» обходятся Круппу многомиллионные бакшиши при иностранных займах и т. п. Но факты говорят ясно: повышение вывоза *как раз* связано с мошенническими проделками финансового капитала, который не заботится о буржуазной морали и дерет две шкуры с вола: во-первых, прибыль с займа, во-вторых, прибыль с *того же* займа, когда он идет на покупку изделий Круппа или железнодорожных материалов стального синдиката и пр.

Повторяем, мы вовсе не считаем статистику Лансбурга совершенством, но ее обязательно было привести, ибо она научнее, чем статистика Каутского и Спектатора, ибо Лансбург намечает правильный подход к вопросу. Чтобы рассуждать о значении финансового капитала в деле вывоза и т. п., надо уметь выделить связь вывоза специально и только с проделками финансистов, специально и только со сбытом картельных продуктов и т. д. А сравнивать попросту колонии вообще и не-колонии, один империализм и другой империализм, одну полуколонию или колонию (Египет) и все остальные страны значит обходить и затушевывать как раз *суть* дела.

Теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к проповеди мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречие между монополиями и существую-

* «Die Bank», 1909, 2, с. 819 слл.

щей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартеллированной промышленностью, с другой, и т. д.

Совершенно такой же реакционный характер носит пресловутая теория «ультра-империализма», сочиненная Каутским. Сравните его рассуждение на эту тему в 1915 г. с рассуждением Гобсона в 1902 году:

Каутский: «...Не может ли теперешняя империалистская политика быть вытеснена новою, ультра-империалистскою, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собою общую эксплуатацию мира интернационально-объединенным финансовым капиталом? Подобная новая фаза капитализма во всяком случае мыслима. Осуществима ли она, для решения этого нет еще достаточных предпосылок» *.

Гобсон: «Христианство, упрочившееся в немногих крупных федеральных империях, из которых каждая имеет ряд нецивилизованных колоний и зависимых стран, кажется многим наиболее законным развитием современных тенденций и притом таким развитием, которое дало бы больше всего надежды на постоянный мир на прочной базе интер-империализма».

Ультра-империализмом или сверх-империализмом назвал Каутский то, что Гобсон за 13 лет до него назвал интер-империализмом или между-империализмом. Кроме сочинения нового премудрого словечка, посредством замены одной латинской частички другою, прогресс «научной» мысли у Каутского состоит только в претензии выдавать за марксизм то, что Гобсон описывает, в сущности, как лицемерие английских попиков. После англо-бурской войны со стороны этого высокопочтенного сословия было вполне естественно направить главные усилия на *утешение* английских мещан и рабочих, потерявших немалое количество убитыми в южно-африканских сражениях и расплачивавшихся повышением налогов за обеспечение более высоких прибылей английским финансистам. И какое же утешение могло быть лучше того, что империализм не так плох, что он близок к интер- (или ультра-) империализму, способному обеспечить постоянный мир? Каковы бы ни были благие намерения английских попиков или сладенького Каутского, объективный, т. е. действительный социальный смысл его «теории» один и только один: реакционнейшее утешение масс надеждами на возможность постоянного мира при капитализме посредством отвлечения внимания от острых противо-

* «Neue Zeit», 30 апреля 1915, 144.

речий и острых проблем современности и направления внимания на ложные перспективы какого-то якобы нового будущего «ультра-империализма». Обман масс — кроме этого ровно ничего нет в «марксистской» теории Каутского.

В самом деле, достаточно ясно сопоставить общеизвестные, бесспорные факты, чтобы убедиться в том, насколько ложны перспективы, которые старается внушить немецким рабочим (и рабочим всех стран) Каутский. Возьмем Индию, Индо-Китай и Китай. Известно, что эти три колониальные и полуколониальные страны с населением в 6—7 сот миллионов душ подвергаются эксплуатации финансового капитала нескольких империалистских держав: Англии, Франции, Японии, Соединенных Штатов и т. д. Допустим, что эти империалистские страны составят союзы, один против другого, с целью отстоять или расширить свои владения, интересы и «сферы влияния» в названных азиатских государствах. Это будут «интер-империалистские» или «ультра-империалистские» союзы. Допустим, что *все* империалистские державы составят союз для «мирного» раздела названных азиатских стран, — это будет «интернационально-объединенный финансовый капитал». Фактические примеры такого союза имеются в истории XX века, напр., в отношениях держав к Китаю. Спрашивается, «мыслимо» ли предположить, при условии сохранения капитализма (а именно такое условие предполагает Каутский), чтобы такие союзы были не-кратковременными? чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и во всех возможных формах?

Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа кроме отрицательного. Ибо при капитализме *не*мыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы* участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо *равномерного* развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может. Полвека тому назад Германия была жалким ничтожеством, если сравнить ее капиталистическую силу с силой тогдашней Англии; тоже — Япония по сравнению с Россией. Через десяток-другой лет «мыслимо» ли предположить, чтобы осталось *не*изменным соотношение силы между империалистскими державами? Абсолютно немыслимо.

Поэтому «интер-империалистские» или «ультра-империалистские» союзы в капиталистической действительности, а не в пошлой мещанской фантазии английских попов или немецкого «марксиста» Каутского, — в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистской коалиции

против другой империалистской коалиции, или в форме всеобщего союза *всех* империалистских держав — являются *неизбежно* лишь «передышками» между войнами. Мирные союзы подготовляют войны и в свою очередь вырастают из войн, обусловливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из *одной и той же* почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики. А премудрый Каутский, чтобы успокоить рабочих и примирить их с перешедшими на сторону буржуазии социал-шовинистами, *отрывает* одно звено единой цепи от другого, отрывает сегодняшний мирный (и ультра-империалистский — даже ультра-ультра-империалистский) союз *всех* держав для «успокоения» Китая (вспомните подавление боксерского восстания [50]) от завтрашнего немирного конфликта, подготовляющего послезавтра опять «мирный» всеобщий союз для раздела, допустим, Турции *и т. д. и т. д.* Вместо живой связи периодов империалистского мира и периодов империалистских войн Каутский преподносит рабочим мертвую абстракцию, чтобы примирить их с их мертвыми вождями.

Американец Хилл в своей «Истории дипломатии в международном развитии Европы» намечает в предисловии следующие периоды новейшей истории дипломатии: 1) эра революции; 2) конституционное движение; 3) эра «торгового империализма» * наших дней. А один писатель делит историю «всемирной политики» Великобритании с 1870-го года на 4 периода: 1) первый азиатский (борьба против движения России в Средней Азии по направлению к Индии); 2) африканский (приблизительно 1885—1902) — борьба с Францией из-за раздела Африки («Фашода» 1898— на волосок от войны с Францией); 3) второй азиатский (договор с Японией против России) и 4) «европейский» — главным образом против Германии **. «Политические стычки передовых отрядов разыгрываются на финансовой почве», писал еще в 1905 г. банковый «деятель» Риссер, указывая на то, как французский финансовый капитал, оперируя в Италии, подготовлял политический союз этих стран, как развертывалась борьба Германии и Англии из-за Персии, борьба всех европейских капиталов из-за займов Китаю и пр. Вот она — живая действительность «ультра-империалистских» мирных союзов в их неразрывной связи с простоимпериалистскими конфликтами.

---

* David Jayne Hill: «A History of the Diplomacy in the International development of Europe»; vol. I, p. X (Давид Джейн Хилл. «История дипломатии в международном развитии Европы», т. 1, стр. X. *Ред.*).

** Schilder, н. с., 178.

Затушевывание самых глубоких противоречий империализма Каутским, неизбежно превращающееся в прикрашивание империализма, не проходит бесследно и на критике политических свойств империализма этим писателем. Империализм есть эпоха финансового капитала и монополий, которые всюду несут стремления к господству, а не к свободе. Реакция по всей линии при всяких политических порядках, крайнее обострение противоречий и в этой области — результат этих тенденций. Особенно обостряется также национальный гнет и стремление к аннексиям, т. е. к нарушениям национальной независимости (ибо аннексия есть не что иное, как нарушение самоопределения наций). Гильфердинг справедливо отмечает связь империализма с обострением национального гнета: «Что касается вновь открытых стран — пишет он — там ввозимый капитал усиливает противоречия и вызывает постоянно растущее сопротивление народов, пробуждающихся к национальному самосознанию, против пришельцев; сопротивление это легко может вырасти в опасные меры, направленные против иностранного капитала. В корень революционизируются старые социальные отношения, разрушается тысячелетняя аграрная обособленность «внеисторических наций», они вовлекаются в капиталистический водоворот. Сам капитализм мало-по-малу дает покоренным средства и способы для освобождения. И они выдвигают ту цель, которая некогда представлялась европейским нациям наивысшею: создание единого национального государства, как орудия экономической и культурной свободы. Это движение к независимости угрожает европейскому капиталу в его наиболее ценных областях эксплуатации, сулящих наиболее блестящие перспективы, и европейский капитал может удерживать господство, лишь постоянно увеличивая свои военные силы» *.

К этому надо добавить, что не только во вновь открытых, но и в старых странах империализм ведет к аннексиям, к усилению национального гнета и, следовательно, также к обострению сопротивления. Возражая против усиления политической реакции империализмом, Каутский оставляет в тени ставший особенно насущным вопрос о невозможности единства с оппортунистами в эпоху империализма. Возражая против аннексий, он придает своим возражениям такую форму, которая наиболее безобидна для оппортунистов и все легче приемлема для них. Он обращается непосредственно к немецкой аудитории и тем не менее затушевывает как раз самое важное и злободневное, например, что Эльзас-Лотарингия является аннексией Германии. Для оценки этого «уклона мысли» Каутского

* Финансовый капитал, 487.

возьмем пример. Допустим, японец осуждает аннексию Филиппин американцами. Спрашивается, многие ли поверят, что это делается из вражды к аннексиям вообще, а не из желания самому аннектировать Филиппины? И не придется ли признать, что «борьбу» японца против аннексий можно счесть искренней и политически-честной исключительно в том случае, если он восстает против аннексии Кореи Японией, если он требует свободы отделения Кореи от Японии?

И теоретический анализ империализма у Каутского и его экономическая, а также политическая критика империализма *насквозь* проникнуты абсолютно непримиримым с марксизмом духом затушевывания и сглаживания самых коренных противоречий, стремлением во что бы то ни стало отстоять разрушающееся единство с оппортунизмом в европейском рабочем движении.

X. ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ИМПЕРИАЛИЗМА

Мы видели, что по своей экономической сущности империализм есть монополистический капитализм. Уже этим определяется историческое место империализма, ибо монополия, вырастающая на почве свободной конкуренции и именно из свободной конкуренции, есть переход от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу. Надо отметить в особенности четыре главных вида монополий или главных проявлений монополистического капитализма, характерных для рассматриваемой эпохи.

Во-первых, монополия выросла из концентрации производства на очень высокой ступени ее развития. Это — монополистические союзы капиталистов, картели, синдикаты, тресты. Мы видели, какую громадную роль они играют в современной хозяйственной жизни. К началу XX века они получили полное преобладание в передовых странах и если первые шаги по пути картеллирования были раньше пройдены странами с высоким охранительным тарифом (Германия, Америка), то Англия с ее системой свободной торговли показала лишь немногим позже тот же основной факт: рождение монополий из концентрации производства.

Во-вторых, монополии привели к усиленному захвату важнейших источников сырья, особенно для основной, и наиболее картеллированной, промышленности капиталистического общества: каменноугольной и железоделательной. Монополистическое обладание важнейшими источниками сырых материалов страшно увеличило власть крупного капитала и обострило противоречие между картеллированной и некартеллированной промышленностью.

В-третьих, монополия выросла из банков. Они превратились из скромных посреднических предприятий в монополистов финансового капитала. Каких-нибудь три-пять крупнейших банков любой из самых передовых капиталистических наций осуществили «личную унию» промышленного и банкового капитала, сосредоточили в своих руках распоряжение миллиардами и миллиардами, составляющими большую часть капиталов и денежных доходов целой страны. Финансовая олигархия, налагающая густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества, — вот рельефнейшее проявление этой монополии.

В-четвертых, монополия выросла из колониальной политики. К многочисленным «старым» мотивам колониальной политики финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья, за вывоз капитала, за «сферы влияния» — т. е. сферы выгодных сделок, концессий, монополистических прибылей и пр. — наконец за хозяйственную территорию вообще. Когда европейские державы занимали, напр., своими колониями одну десятую долю Африки, как это было еще в 1876 году, тогда колониальная политика могла развиваться не-монополистически по типу, так сказать, «свободно-захватного» занятия земель. Но когда $^{9}/_{10}$ Африки оказались захваченными (к 1900 году), когда весь мир оказался поделенным, — наступила неизбежно эра монопольного обладания колониями, а, следовательно, и особенно обостренной борьбы за раздел и за передел мира.

Насколько обострил монополистический капитализм все противоречия капитализма, общеизвестно. Достаточно указать на дороговизну и на гнет картелей. Это обострение противоречий является самой могучей двигательной силой переходного исторического периода, который начался со времени окончательной победы всемирного финансового капитала.

Монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация все бо́льшего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций — все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм. Все более и более выпукло выступает, как одна из тенденций империализма, создание «государства-рантье», государства-ростовщика, буржуазия которого живет все более вывозом капитала и «стрижкой купонов». Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма

с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом, капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется также в частности в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия).

Про быстроту экономического развития Германии автор исследования о немецких крупных банках Риссер говорит: «Не слишком медленный прогресс предыдущей эпохи (1848—1870) относится к быстроте развития всего хозяйства Германии и в частности ее банков в данную эпоху (1870—1905) приблизительно так, как быстрота движения почтовой кареты доброго старого времени относится к быстроте современного автомобиля, который несется так, что становится опасным и для беззаботно идущего пешехода и для самих едущих в автомобиле лиц». В свою очередь этот необыкновенно быстро выросший финансовый капитал именно потому, что он так быстро вырос, поспешил перейти к более «спокойному» обладанию колониями, подлежащими захвату, путем не только мирных средств, у более богатых наций. А в Соединенных Штатах экономическое развитие за последние десятилетия шло еще быстрее, чем в Германии, и как раз *благодаря* этому паразитические черты новейшего американского капитализма выступили особенно ярко. С другой стороны, сравнение хотя бы республиканской американской буржуазии с монархической японской или германской показывают, что крупнейшее политическое различие в высшей степени ослабляется в эпоху империализма — не потому, чтобы оно было вообще не важно, а потому, что речь идет во всех этих случаях о буржуазии с определенными чертами паразитизма.

Получение монопольно-высокой прибыли капиталистами одной из многих отраслей промышленности, одной из многих стран и т. п. дает им экономическую возможность подкупать отдельные прослойки рабочих, а временно и довольно значительное меньшинство их, привлекая их на сторону буржуазии данной отрасли или данной нации против всех остальных. И усиленный антагонизм империалистских наций из-за раздела мира усиливает это стремление. Так создается связь империализма с оппортунизмом, которая сказалась раньше всех и ярче всех в Англии благодаря тому, что некоторые империалистические черты развития наблюдались здесь гораздо раньше, чем в других странах. Некоторые писатели, напр. Л. Мартов, любят отмахиваться от факта связи империализма с оппортунизмом в рабочем движении — факта, который ныне особенно сильно бросается в глаза, — посредством «казенно-оптимистических» (в духе Каутского и Гюисманса) рассуждений такого рода: дело противников капитализма было бы безнадежно,

если бы именно передовой капитализм вел к усилению оппортунизма или если бы именно наилучше оплачиваемые рабочие оказывались склонны к оппортунизму и т. п. Не надо обманываться насчет значения такого «оптимизма»: это — оптимизм насчет оппортунизма, это — оптимизм, служащий к прикрытию оппортунизма. На самом же деле особенная быстрота и особенная отвратительность развития оппортунизма вовсе не служит гарантией прочной победы его, как быстрота развития злокачественного нарыва на здоровом организме может лишь ускорить прорыв нарыва, освобождение организма от него. Опаснее всего в этом отношении люди, не желающие понять, что борьба с империализмом, если она не связана неразрывно с борьбой против оппортунизма, есть пустая и лживая фраза.

Из всего сказанного выше об экономической сущности империализма вытекает, что его приходится характеризовать, как переходный или, вернее, умирающий капитализм. Чрезвычайно поучительно в этом отношении, что ходячими словечками буржуазных экономистов, описывающих новейший капитализм, являются: «переплетение», «отсутствие изолированности» и т. п.; банки суть «предприятия, которые по своим задачам и по своему развитию не носят чисто частно-хозяйственного характера, а все более вырастают из сферы чисто частно-хозяйственного регулирования». И тот же самый Рисер, которому принадлежат последние слова, с чрезвычайно серьезным видом заявляет, что «предсказание» марксистов относительно «обобществления» «не осуществилось»!

Что же выражает это словечко «переплетение»? Оно схватывает лишь наиболее бросающуюся в глаза черточку происходящего у нас перед глазами процесса. Оно показывает, что наблюдатель перечисляет отдельные деревья, не видя леса. Оно рабски копирует внешнее, случайное, хаотическое. Оно изобличает в наблюдателе человека, который подавлен сырым материалом и совершенно не разбирается в его смысле и значении. «Случайно переплетаются» владения акциями, отношения частных собственников. Но то, что́ лежит в подкладке этого переплетения, — то, что́ составляет основу его, есть изменяющиеся общественные отношения производства. Когда крупное предприятие становится гигантским и планомерно, на основании точного учета массовых данных, организует доставку первоначального сырого материала в размерах: $^2/_3$ или $^3/_4$ всего необходимого для десятков миллионов населения; когда систематически организуется перевозка этого сырья в наиболее удобные пункты производства, отделенные иногда сотнями и тысячами верст один от другого; когда из одного центра распоряжаются всеми стадиями последовательной обработки материала вплоть до получения целого ряда разно-

видностей готовых продуктов; когда распределение этих продуктов совершается по одному плану между десятками и сотнями миллионов потребителей (сбыт керосина и в Америке и в Германии американским «Керосиновым трестом»); — тогда становится очевидным, что перед нами налицо обобществление производства, а вовсе не простое «переплетение»; — что частно-хозяйственные и частно-собственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию, которая неизбежно должна загнивать, если искусственно оттягивать ее устранение, — которая может оставаться в гнию-щем состоянии сравнительно долгое (на худой конец, если излечение от оппортунистического нарыва затянется) время, но которая все же неизбежно будет устранена.

Восторженный поклонник немецкого империализма Шульце-Геверниц восклицает:

«Если в последнем счете руководство немецкими банками лежит на дюжине лиц, то их деятельность уже теперь важнее для народного блага, чем деятельность большинства государственных министров» (о «переплетении» банковиков, министров, промышленников, рантье здесь выгоднее позабыть...) ...«Если продумать до конца развитие тех тенденций, которые мы видели, то получается: денежный капитал нации объединен в банках; банки связаны между собой в картель; капитал нации, ищущий помещения, отлился в форму ценных бумаг. Тогда осуществляются гениальные слова Сен-Симона: «Теперешняя анархия в производстве, которая соответствует тому факту, что экономические отношения развертываются без единообразного регулирования, должна уступить место организации производства. Направлять производство будут не изолированные предприниматели, независимые друг от друга, не знающие экономических потребностей людей; это дело будет находиться в руках известного социального учреждения. Центральный комитет управления, имеющий возможность обозревать широкую область социальной экономии с более высокой точки зрения, будет регулировать ее так, как это полезно для всего общества и передавать средства производства в подходящие для этого руки, а в особенности будет заботиться о постоянной гармонии между производством и потреблением. Есть учреждения, которые включили известную организацию хозяйственного труда в круг своих задач: банки». Мы еще далеки от осуществления этих слов Сен-Симона, но мы находимся уже на пути к их осуществлению: марксизм иначе, чем представлял его себе Маркс, но только по форме иначе» *.

---

* Grundriss der Sozialoekonomik, 146 («Основы социальной экономики». *Ред.*).

Нечего сказать: хорошее «опровержение» Маркса, делающее шаг назад от точного научного анализа Маркса к догадке — хотя и гениальной, но все же только догадке, Сен-Симона.

Написано в январе — июне 1916 г.
Впервые напечатано в апреле 1917 г. отдельной брошюрой. Петроград

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 22, стр. 175—182, 228—290.

ИЗ РАБОТЫ
«О КАРИКАТУРЕ НА МАРКСИЗМ И ОБ „ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ ЭКОНОМИЗМЕ“»

3. ЧТО ТАКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

...Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом (империализм есть монополистический капитализм) является поворот *от* демократии *к* политической реакции. Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция. «Финансовый капитал стремится к господству, а не к свободе», справедливо говорит Р. Гильфердинг в своем «Финансовом капитале».

Выделять «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противополагать внешнюю политику внутренней есть в корне не правильная, не марксистская, не научная мысль. И во внешней политике, и во внутренней одинаково, империализм стремится к нарушениям демократии, к реакции. В этом смысле неоспоримо, что империализм есть «отрицание» *демократии вообще, всей демократии*, а вовсе не *одного* из требований демократии, именно: самоопределения наций.

Будучи «отрицанием» демократии, империализм *так же* «отрицает» и демократию в национальном вопросе (т. е. самоопределение наций): «так же», т. е. он стремится нарушить ее; осуществление ее ровно настолько же и в том же смысле труднее при империализме, насколько труднее при империализме (по сравнению с домонополистическим капитализмом) осуществление республики, милиции, выбора чиновников народом и т. д. Об «экономической» неосуществимости не может быть и речи.

П. Киевского[51] ввело в ошибку здесь, вероятно, еще то обстоятельство (кроме общего непонимания требований экономического анализа), что с обывательской точки зрения аннексия (т. е. присоединение чуженациональной области вопреки воле ее населения, т. е. нарушение самоопределения нации)

считается равнозначной «расширению» (экспансии) финансового капитала на более обширную хозяйственную территорию.

Но с обывательскими понятиями нельзя браться за теоретические вопросы.

Империализм есть, экономически, монополистический капитализм. Чтобы монополия была полной, надо устранить конкурентов не только с внутреннего рынка (с рынка данного государства), но и с внешнего, со всего мира. Есть ли *экономическая* возможность «в эру финансового капитала» устранить конкуренцию даже в чужом государстве? Конечно, есть: это средство — финансовая зависимость и скупка источников сырья, а затем и всех предприятий конкурента.

Американские тресты есть высшее выражение экономики империализма или монополистического капитализма. Для устранения конкурента тресты не ограничиваются экономическими средствами, а постоянно прибегают к политическим и даже уголовным. Но было бы глубочайшей ошибкой считать экономически неосуществимой монополию трестов при чисто экономических приемах борьбы. Напротив, действительность на каждом шагу доказывает «осуществимость» этого: тресты подрывают кредит конкурента через посредство банков (хозяева трестов суть хозяева банков: скупка акций); тресты подрывают подвоз материалов конкурентам (хозяева трестов суть хозяева железных дорог: скупка акций); тресты на известное время сбивают цены ниже себестоимости, тратя на это миллионы, чтобы разорить конкурента и *скупить* его предприятия, его источники сырья (рудники, землю и пр.).

Вот — чисто экономический анализ силы трестов и расширения их. Вот чисто экономический путь к расширению: *скупка* предприятий, заведений, источников сырья.

Крупный финансовый капитал одной страны всегда может скупить конкурентов и чужой, политически независимой, страны и всегда делает это. Экономически это вполне осуществимо. Экономическая «аннексия» *вполне* «осуществима» без политической и постоянно встречается. В литературе об империализме вы встретите на каждом шагу такие, напр., указания, что Аргентина есть на деле «торговая колония» Англии, что Португалия есть на деле «вассал» Англии и т. п. Это верно: экономическая зависимость от английских банков, задолженность Англии, скупка Англией местных железных дорог, рудников, земель и пр. — все это делает названные страны «аннексией» Англии в экономическом смысле, без нарушения политической независимости этих стран.

Самоопределением наций называется политическая независимость их. Империализм стремится нарушить ее, ибо при

политической аннексии экономическая часто удобнее, дешевле (легче подкупить чиновников, добиться концессии, провести выгодный закон и пр.), сподручнее, спокойнее, — совершенно так же, как империализм стремится заменить демократию вообще олигархией. Но толковать об *экономической* «неосуществимости» самоопределения при империализме есть просто сапоги всмятку...

Написано в августе — октябре 1916 г.
Впервые напечатано в 1924 г. в журнале «Звезда» №№ 1 и 2
Подпись: В. Ленин

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 23, стр. 31—33.

О СЕПАРАТНОМ МИРЕ

Между Россией и Германией ведутся уже переговоры о сепаратном мире. Эти переговоры официальные, и в главном обе державы уже столковались.

Такое заявление было напечатано недавно в бернской социалистической газете, на основании имеющихся у нее сведений. И когда русское посольство в Берне поспешило выступить с официальным опровержением, а французские шовинисты приписали распространение этих слухов тому, что «немец гадит», то социалистическая газета отказалась придать какое бы то ни было значение опровержению и в подтверждение своего заявления сослалась еще на тот факт, что в Швейцарии находятся как раз теперь и немецкие (Бюлов) и русские «государственные люди» (Штюрмер, Гирс и один дипломат, приехавший из Испании) и что в торговых кругах Швейцарии имеются аналогичные положительные сведения из торговых кругов России.

Разумеется, одинаково возможен обман и со стороны России, которая не может признаться в ведении переговоров о сепаратном мире, и со стороны Германии, которая не может не попытаться рассорить Россию с Англией независимо от того, ведутся ли переговоры и насколько успешно.

Чтобы разобраться в вопросе о сепаратном мире, мы должны исходить не из слухов и сообщений о том, что происходит теперь в Швейцарии и чего проверить по существу дела невозможно, а из непреоборимо установленных *фактов политики* за последние десятилетия. Пусть господа Плеханов, Чхенкели, Потресов и К°, играющие теперь роль марксистообразных лакеев или шутов при Пуришкевиче и Милюкове, лезут из кожи вон, доказывая «вину Германии» и «оборонительный характер» войны со стороны России, — этих шутов сознательные рабочие не слушали и не слушают. Война порождена империалистскими отношениями между великими державами, т. е. борьбой за раздел добычи, за то, кому скушать такие-то колонии и мелкие государства, причем на первом

месте стоят в этой войне *два* столкновения. Первое — между Англией и Германией. Второе — между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великих разбойника на большой дороге являются главными величинами в настоящей войне, остальные — несамостоятельные союзники.

Оба столкновения подготовлялись *всей* политикой этих держав за *несколько десятилетий*, предшествовавших войне. Англия воюет за то, чтобы ограбить колонии Германии и разорить своего главного конкурента, который бил ее беспощадно своей превосходной техникой, организацией, торговой энергией, бил и побил так, что без войны Англия *не могла* отстоять своего мирового господства. Германия воюет потому, что ее капиталисты считают себя — и вполне справедливо — имеющими «священное» буржуазное право на мировое первенство в грабеже колоний и зависимых стран, в частности, воюет за подчинение себе Балканских стран и Турции. Россия воюет за Галицию, владеть которой ей надо в особенности для удушения украинского народа (кроме Галиции у этого народа нет и быть не может уголка свободы, сравнительной конечно), за Армению и за Константинополь, затем тоже за подчинение Балканских стран.

Наряду с столкновением разбойничьих «интересов» России и Германии существует не менее — если не более — глубокое столкновение между Россией и Англией. Задача империалистской политики России, определяемая вековым соперничеством и объективным международным соотношением великих держав, может быть кратко выражена так: при помощи Англии и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь). А затем при помощи Японии *и той же* Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять *всю* Персию, довести до конца раздел Китая и т. д.

И к завоеванию Константинополя, и к завоеванию все большей части Азии царизм стремится веками, систематически проводя соответствующую политику и используя для этого всяческие противоречия и столкновения между великими державами. Англия выступала более долго, более упорно и более сильным противником этих стремлений, чем Германия. С 1878 года, когда русские войска подходили к Константинополю и английский флот появился перед Дарданеллами с угрозой расстрелять русских, как только они покажутся в «Царьграде» — до 1885 г., когда Россия была на волосок от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии (Афганистан; движение русских войск в глубь Средней Азии угрожало господству англичан в Индии) — и до 1902 года, когда Англия заключила союз с Японией, подготовляя войну ее

против России — за все это долгое время Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов.

А теперь? Посмотрите, что происходит в настоящей войне. Нестерпимо слушать «социалистов», перешедших от пролетариата к буржуазии и толкующих о «защите отечества» со стороны России в данной войне или о «спасении страны» (Чхеидзе). Нестерпимо слушать сладенького Каутского и К°, толкующих о демократическом мире так, как будто его *могли* заключить теперешние и вообще буржуазные правительства. Ибо на деле эти правительства опутаны сетью *тайных договоров* между собой, со своими союзниками и *против* своих союзников, причем содержание этих договоров не случайно, не только «злой волей» определено, а зависит от всего хода и развития империалистской внешней политики. Те «социалисты», которые засоряют глаза и умы рабочих пошлыми фразами о хороших вещах вообще (защита отечества, демократический мир), *не* разоблачая *тайных* договоров *своего* правительства о грабеже чужих стран, — такие «социалисты» совершают полную измену по отношению к социализму.

Правительству, и германскому, и английскому, и русскому, только выгодно, чтобы из лагерей социалистов раздавались речи о добреньком мире, ибо этим, во-первых, внушается вера в возможность такого мира при современном правительстве, а во-вторых, отвлекается внимание от разбойничьей политики тех же правительств.

Война есть продолжение политики. И политика тоже «продолжается» *во время* войны! Германия имеет тайные договоры с Болгарией и Австрией о дележе добычи и продолжает вести такие переговоры. Россия имеет тайные договоры с Англией, Францией и т. д., и *все* они посвящены *разбою и грабежу*, грабежу колоний Германии, грабежу Австрии, разделу Турции и пр.

«Социалист», который при таком положении дела говорит народам и правительствам речи о добреньком мире, вполне подобен попу, который видит перед собой в церкви на первых местах содержательницу публичного дома и станового пристава, находящихся в стачке друг с другом, и «проповедует» им и народу любовь к ближнему и соблюдение христианских заповедей.

Между Россией и Англией, несомненно, есть тайный договор, между прочим, о Константинополе. Известно, что Россия надеется получить его и что Англия не хочет дать его, а если даст, то либо постарается затем отнять, либо обставит «уступку» условиями, направленными против России. Текст

тайного договора неизвестен, но что борьба между Англией и Россией идет именно вокруг этого вопроса, идет и сейчас, это не только известно, но и не подлежит ни тени сомнения. В то же время известно, что между Россией и Японией, в дополнение к их прежним договорам (напр., к договору 1910-го года, предоставлявшему Японии «скушать» Корею, а России скушать Монголию), заключен уже во время теперешней войны *новый* тайный договор, направленный не только против Китая, но *до известной степени и против Англии*. Это несомненно, хотя текст договора неизвестен. Япония при помощи Англии побила в 1904—1905 году Россию и теперь осторожно подготовляет возможность при помощи России побить Англию.

В России в «правящих сферах» — в придворной шайке Николая Кровавого, в дворянстве, в армии и т. д. — есть немцофильская партия. В Германии за последнее время по всей линии виден поворот буржуазии (а за нею и социалистов-шовинистов) к руссофильству, к сепаратному миру с Россией, к тому, чтобы задобрить Россию и со всей силой ударить на Англию. Со стороны Германии этот план ясен и не возбуждает сомнений. Со стороны России дело обстоит так, что царизм предпочел бы, конечно, сначала вполне разбить Германию, чтобы «взять» как можно больше, и всю Галицию, и всю Польшу, и всю Армению, и Константинополь, и «добить» Австрию и т. д. Тогда было бы удобнее, при помощи Японии, повернуть против Англии. Но сил, очевидно, не хватает. В этом гвоздь.

Если бывший социалист г. Плеханов изображает дело так, будто реакционеры в России хотят вообще мира с Германией, а «прогрессивная буржуазия» — разрушения «прусского милитаризма» и дружбы с «демократической» Англией, то это детская сказка, приноровленная к уровню политических младенцев. На деле *и* царизм *и* все реакционеры в России *и* вся «прогрессивная» буржуазия (октябристы и кадеты) хотят *одного:* ограбить Германию, Австрию и Турцию в Европе, — побить Англию в Азии (отнять всю Персию, всю Монголию, весь Тибет и т. д.). Спор идет между этими «милыми дружками» только из-за того, *когда и как* повернуть от борьбы против Германии к борьбе против Англии. Только из-за того, когда и как!

А решение этого, единственно спорного между милыми дружками, вопроса зависит от *военных и дипломатических соображений,* которые полностью известны *только* царскому правительству, а Милюковым и Гучковым известны только на одну четверть.

Отнять всю Польшу у Германии и Австрии! Царизм *за* это, но хватит ли силы? и позволит ли Англия?

Отнять Константинополь и проливы! Добить и раздробить Австрию! Царизм вполне за это. Но хватит ли силы? и позволит ли Англия?

Царизм знает, сколько именно миллионов солдат уложено и сколько можно *еще* взять с народа, сколько именно снарядов расходуется и сколько еще можно добавить (Япония в случае грозящей и вполне возможной войны с Китаем *не* даст больше снарядов!). Царизм знает, как шли у него и как идут теперь тайные переговоры с Англией о Константинополе, о силе английских войск в Салониках, в Месопотамии и пр. Царизм знает все это, имеет все карты в руках и рассчитывает точно, — насколько мыслимо вообще точное знание в таких делах, где роль сомнительного, недостоверного, роль «военного счастья» особенно велика.

А Милюковы и Гучковы чем меньше знают, тем больше болтают на ветер. А Плехановы, Чхенкели, Потресовы совсем ничего не знают о тайных сделках царизма, забывают даже то, что раньше знали, не изучают того, что можно знать по иностранной печати, не вникают в ход внешней политики царизма до войны, не следят за ходом *ее* во время войны, и потому играют роль просто социалистических Иванушек.

Если царизм убедился, что даже при всей помощи со стороны *либерального* общества, при всем усердии военно-промышленных комитетов, при всем содействии благородному делу умножения снарядов от господ Плехановых, Гвоздевых, Потресовых, Булкиных, Чиркиных, Чхендзе («спасение страны», не шутите!), Кропоткиных и прочей челяди, — даже при всем этом и при данном состоянии военных сил (или военного бессилия) всех возможных и втянутых в войну союзников *нельзя* добиться большего, нельзя *сильнее* победить Германию или это непомерно дорого стоит (напр., стоит *еще* потери десяти миллионов русских солдат, на рекрутирование, обучение и снаряжение коих требуется еще столько-то миллиардов и столько-то лет войны), тогда царизм *не может не искать* сепаратного мира с Германией.

Если «мы» погонимся за чересчур большой добычей в Европе, то «мы» рискуем обессилить «свои» военные ресурсы окончательно, не получить почти ничего в Европе и потерять возможность получить «свое» в Азии — так рассуждает царизм и рассуждает *правильно* с точки зрения империалистских интересов. Рассуждает *правильнее,* чем буржуазные и оппортунистические говоруны Милюковы, Плехановы, Гучковы, Потресовы.

Если нельзя взять большего в Европе, даже после присоединения Румынии и Греции (от коей «мы» взяли все, что могли), тогда возьмем, что̀ можно! Англия «нам» сейчас ничего дать

не может. Германия нам даст, возможно, и Курляндию и часть Польши назад, и, наверное, восточную Галицию — это «нам» особенно важно, дабы удушить украинское движение, движение многомиллионного, исторически еще спавшего доныне, народа к свободе и к родному языку, — наверное также турецкую Армению. Беря это *теперь*, мы можем выйти из войны, *усилившись*, и тогда *завтра* мы при помощи Японии и Германии сможем получить, при умненькой политике и при дальнейшей помощи Милюковых, Плехановых, Потресовых в деле «спасания» возлюбленного «отечества», хороший кусок Азии при войне против Англии (всю Персию и Персидский залив с выходом в открытый океан, а не так, как в Константинополе, где выход есть только в Средиземное море, да и то через острова, которые легко может взять и укрепить Англия, лишая «нас» всякого выхода в свободное море) и т. д.

Именно так рассуждает царизм, и, повторяем, он рассуждает правильно не только с узко-монархической, но и с общеимпериалистической точки зрения, он знает больше и видит дальше, чем либералы и Плехановы с Потресовыми.

Поэтому вполне возможно, что мы завтра или послезавтра проснемся и получим манифест трех монархов: «внимая голосу возлюбленных народов, решили мы осчастливить их благами мира, установить перемирие и созвать общеевропейский конгресс мира». Три монарха могут даже при этом недурно сострить, повторив несколько обрывков фраз из Вандервельда, Плеханова, Каутского: мы-де «обещаем» — обещания есть единственная вещь, которая дешева даже в эпоху бешеной дороговизны, — обсудить вопрос о сокращении вооружений и о «постоянном» мире и т. п. Вандервельд, Плеханов и Каутский побегут петушком устраивать свой конгресс «социалистов» в том же городе, где будет заседать конгресс мира: добреньких пожеланий, сладеньких фраз, уверений в необходимости «защищать отечество» будет наговорено без конца на всех языках. Обстановочка будет недурная — для прикрытия перехода от империалистического союза англо-русского против Германии к такому же союзу германо-русскому против Англии!

Кончится ли данная война таким образом в очень близком будущем или Россия «продержится» в стремлении победить Германию и побольше ограбить Австрию несколько дольше, сыграют ли переговоры о сепаратном мире роль маневра ловкого шантажиста (царизм покажет Англии готовый проект договора с Германией и скажет: столько-то миллиардов рублей и такие-то уступочки или гарантии, а не то я подпишу завтра этот договор) — *во всяком случае* империалистская война *не может* кончиться никаким иным, кроме как империалистским, миром, *если* эта война не превратится в гражданскую

войну пролетариата с буржуазией за социализм. Во всяком случае, за исключением этого последнего исхода, империалистская война поведет к усилению тех или иных из трех сильнейших империалистских держав, Англии, Германии, России, на счет слабых (Сербии, Турции, Бельгии и пр.), причем вполне возможно, что *все* эти три разбойника усилятся после войны, поделив награбленное (колонии, Бельгию, Сербию, Армению), и весь спор будет идти лишь о том, в каких пропорциях разделить *эту* добычу.

Во всяком случае неминуемо, неизбежно и несомненно будут одурачены и ошельмованы как социал-шовинисты цельные и открытые, т. е. субъекты, прямо признающие «защиту отечества» в данной войне, так и социал-шовинисты прикрытые, половинчатые, т. е. каутскианцы, проповедующие «мир» *вообще*, «без победителей и побежденных» и т. п. Всякий мир, заключенный теми же или столь же буржуазными правительствами, которые начали эту войну, покажет наглядно всем народам, какую роль холопов империализма сыграли те и другие социалисты.

Каков бы ни был исход данной войны, окажутся правы те, кто говорил, что единственный социалистический выход из нее возможен в виде гражданской войны пролетариата за социализм. Окажутся правы те русские социал-демократы, которые говорили, что поражение царизма, полный военный разгром его есть меньшее зло «во всяком случае». Ибо история никогда не стоит на месте, она идет вперед и во время теперешней войны; и если вперед к социализму пролетариат Европы не сможет перейти теперь, не сможет скинуть с себя ига социал-шовинистов и каутскианцев во время первой великой империалистской войны, то вперед к демократии восточная Европа и Азия пошли бы семимильными шагами только в случае полного военного разгрома царизма и отнятия у него *всякой* возможности практиковать империалистскую политику полуфеодального типа.

Война убьет и добьет все слабое, в том числе социал-шовинизм и каутскианство. Империалистский мир сделает *эти* слабости еще нагляднее, еще позорнее, еще отвратительнее.

«Социал-Демократ» № 58, 6 ноября 1916 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 23, стр. 114—122.

ИЗ РАБОТЫ
«ТЕЗИСЫ ОБ ОТНОШЕНИИ ШВЕЙЦАРСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ К ВОЙНЕ» [52]

1. Современная мировая война является войной империалистской, которая ведется в целях политической и экономической эксплуатации мира, за рынки сбыта, источники сырья и новые области вложения капитала, угнетение слабых народов и т. д. Фразы обеих воюющих коалиций о «защите отечества» являются не чем иным, как буржуазным обманом народов.

2. Швейцарское правительство является управляющим делами швейцарской буржуазии, которая всецело зависит от международного финансового капитала и самым тесным образом связана с империалистской буржуазией великих держав.

Поэтому отнюдь не случайность, а необходимый результат этих экономических фактов то, что швейцарское правительство с каждым днем — и так происходит уже в течение десятилетий — ведет все более и более реакционную политику и тайную дипломатию, оттесняя и нарушая демократические права и свободы народа, пресмыкается перед военной кликой и интересы широких масс населения систематически и бесстыдно приносит в жертву интересам кучки финансовых магнатов.

Вовлечение Швейцарии в настоящую войну возможно теперь в любой момент, благодаря этой зависимости швейцарского буржуазного правительства от интересов финансовой олигархии, а также под сильным нажимом той или иной из коалиций империалистских держав.

3. Поэтому и в отношении к Швейцарии «защита отечества» является теперь не чем иным, как лицемерной фразой, потому что в действительности речь идет не о защите демократии, независимости и интересов широких народных масс и т. д., а наоборот, о подготовке к бойне рабочих и мелкого крестьянства в целях удержания монополий и привилегий буржуазии, об усилении господства капиталистов и политической реакции.

4. Исходя из этих фактов, социал-демократическая партия

Швейцарии принципиально отклоняет «защиту отечества», требует немедленной демобилизации и призывает рабочий класс ответить на военные приготовления швейцарской буржуазии, равно как и на войну, если таковая наступит, самыми резкими средствами пролетарской классовой борьбы...

Написано на немецком языке в начале декабря 1916 г. Впервые напечатано в 1931 г. в Ленинском сборнике XVII

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 23, стр. 138—150

ИЗ РАБОТЫ
«ПАЦИФИЗМ БУРЖУАЗНЫЙ И ПАЦИФИЗМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ» [53]

СТАТЬЯ (ИЛИ ГЛАВА) I
ПОВОРОТ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Есть признаки, что такой поворот наступил или наступает. Именно: это — поворот от империалистской войны к империалистскому миру.

Несомненное сильное истощение обеих империалистских коалиций; трудность продолжать войну дальше; трудность для капиталистов вообще и для финансового капитала в частности содрать с народов еще сколько-нибудь кроме двух и более шкур, содранных в виде скандальных «военных» прибылей; пресыщение финансового капитала нейтральных стран, Соединенных Штатов, Голландии, Швейцарии и др., который нажился гигантски на войне и которому не легко продолжать дальше это «выгодное» хозяйство ввиду недостатка сырых материалов и съестных припасов; усиленные попытки Германии отколоть от ее главного империалистского соперника, Англии, того или другого союзника; пацифистские выступления германского правительства, а за ним и ряда правительств нейтральных стран — вот главнейшие из этих признаков.

Имеются ли шансы на быстрое окончание войны или нет?

На этот вопрос очень трудно ответить положительно. Две возможности вырисовываются, по нашему мнению, довольно определенно:

Первая — сепаратный мир между Германией и Россией заключен, хотя бы и не в обычной форме письменного формального договора. Вторая — такого мира не заключено, Англии и ее союзникам действительно под силу продержаться еще и год и два и т. п. В первом случае война не теперь, так в ближайшем будущем неминуемо прекращается, и серьезных изменений в ходе ее ждать нельзя. Во втором случае возможно неопределенно долгое продолжение ее.

Остановимся на первом случае.

Что переговоры о сепаратном мире между Германией и Россией совсем недавно велись, что сам Николай II или влиятельнейшая придворная шайка на стороне такого мира, что в всемирной политике обрисовался поворот от империалистского союза России с Англией против Германии к не менее империалистскому союзу России с Германией против Англии, все это не может подлежать сомнению.

Смена Штюрмера Треповым, публичное заявление царизма, что «право» России на Константинополь признано всеми союзниками, создание Германией особого государства польского — эти признаки указывают как будто на то, что переговоры о сепаратном мире кончились неудачей. Может быть, царизм вел эти переговоры *только* для того, чтобы шантажировать Англию, чтобы добиться от нее формального и недвусмысленного признания «прав» Николая Кровавого на Константинополь и тех или иных «серьезных» гарантий этого права?

Так как главным, основным содержанием данной империалистской войны является дележ добычи между тремя главными империалистскими соперниками, тремя разбойниками, Россией, Германией и Англией, то ничего невероятного в таком предположении нет.

С другой стороны, чем больше вырисовывается для царизма фактическая, военная невозможность вернуть Польшу, завоевать Константинополь, сломать железный германский фронт, который Германия великолепно выравнивает, сокращает и укрепляет своими последними победами в Румынии, тем более *вынуждается* царизм к заключению сепаратного мира с Германией, *то есть* к переходу от империалистского союза с Англией против Германии к империалистскому союзу с Германией против Англии. Почему бы нет? Была же Россия на волосок от войны с Англией из-за империалистского соревнования обеих держав насчет дележа добычи в средней Азии! Велись же между Англией и Германией переговоры о союзе *против* России в 1898 году, причем Англия и Германия тайно условились тогда разделить между собой колонии Португалии «на случай», что она не исполнит своих финансовых обязательств!

Усиленное стремление руководящих империалистских кругов Германии к союзу с Россией против Англии определилось уже несколько месяцев тому назад. Основой союза явится, очевидно, дележ Галиции (царизму очень важно удушить центр украинской агитации и украинской свободы), Армении и, *может быть, Румынии!* Проскользнул же в одной немецкой газете «намек» на то, что Румынию можно бы разделить между Австрией, Болгарией и Россией! Германия могла бы согласиться и еще на какие-либо «уступочки» царизму лишь бы

реализовать союз с Россией, а может быть еще и с Японией против Англии.

Сепаратный мир мог быть заключен между Николаем II и Вильгельмом II тайно. История дипломатии знает примеры тайных договоров, о которых не знал никто, даже министры, за исключением 2—3 человек. История дипломатии знает примеры, когда «великие державы» шли на «общий европейский» конгресс, предварительно договорив тайком главное между главными соперниками (напр., тайное соглашение России с Англией насчет грабежа Турции перед берлинским конгрессом 1878 года). Не было бы ровно ничего удивительного в том, если бы царизм отверг формальный сепаратный мир правительств между прочим по соображению о том, что при теперешнем состоянии России ее правительством могли бы тогда оказаться Милюков с Гучковым или Милюков с Керенским, и в то же время заключил тайный, не формальный, но не менее «прочный» договор с Германией о том, что обе «высокие договаривающиеся стороны» ведут совместно *такую-то* линию на будущем конгрессе мира!

Верно это предположение или нет, решить нельзя. Но во всяком случае оно в тысячу раз больше содержит в себе *правды*, характеристики *того, что́ есть*, чем бесконечные добренькие фразы о мире между теперешними и вообще между буржуазными правительствами на основе отрицания аннексий и т. п. Эти фразы — либо невинные пожелания либо лицемерие и ложь, служащие для сокрытия истины. Истина данного времени, данной войны, данного момента попыток заключить мир состоит *в дележе империалистской добычи*. В этом суть, и понять эту истину, высказать ее, «высказать то, что́ есть», — такова коренная задача социалистической политики в отличие от буржуазной, для коей главное скрыть, затушевать эту истину.

Обе империалистские коалиции награбили известное количество добычи, причем именно два главных и наиболее сильных хищника, Германия и Англия, награбили больше всего. Англия не потеряла ни пяди своей земли и своих колоний, «приобретя» немецкие колонии и часть Турции (Месопотамию). Германия потеряла почти все свои колонии, но приобрела неизмеримо более ценные территории в Европе, захватив Бельгию, Сербию, Румынию, часть Франции, часть России и пр. Речь идет о том, чтобы разделить эту добычу, причем «атаман» каждой разбойничьей шайки, т. е. и Англия и Германия, должен вознаградить в той или иной мере своих союзников, которые, за исключением Болгарии и в меньшей степени Италии, особенно много потеряли. Самые слабые союзники потеряли больше всего: в английской коалиции раздавлены Бельгия,

Сербия, Черногория, Румыния, в германской Турция потеряла Армению и часть Месопотамии.

До сих пор добыча Германии несомненно и очень значительно больше, чем добыча Англии. До сих пор Германия победила, оказавшись неизмеримо сильнее, чем кто бы то ни было предполагал до войны. Понятно поэтому, что Германии выгодно было бы заключить мир как можно скорее, ибо ее соперник мог бы еще, в наивыгоднейшем мыслимом для него (хотя и не очень вероятном) случае, пустить в ход больший запас рекрутов и т. п.

Таково *объективное* положение. Таков данный момент борьбы за дележ империалистской добычи. Совершенно естественно, что *этот* момент породил пацифистские стремления, заявления и выступления преимущественно среди буржуазии и правительств германской коалиции, затем нейтральных стран. Так же естественно, что буржуазия и *ее* правительства вынуждены изо всех сил стремиться к тому, чтобы одурачить народы, прикрывая отвратительную наготу империалистского мира, дележ награбленного, — фразами, насквозь лживыми фразами о демократическом мире, о свободе малых народов, о сокращении вооружений и т. п...

Впервые напечатано в 1924 г. в Ленинском сборнике II Подпись: Н. Л.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 23, стр. 167—170.

ИЗ РАБОТЫ
«ЧЕРНОВОЙ ПРОЕКТ ТЕЗИСОВ ОБРАЩЕНИЯ К ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОМИССИИ И КО ВСЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ» [51]

...5. Возможные условия мира, подготовляемого ныне буржуазными правительствами обеих империалистских коалиций, определяются на деле теми *изменениями* в отношениях *силы*, которые произвела и может произвести война. Эти изменения в основных и главных чертах следующие: (а) германская империалистская коалиция до сих пор оказалась гораздо сильнее своей соперницы, и занятые германскими, и союзными с ними, войсками земли являются в их руках *залогом* при новом империалистском разделе мира (колоний, слабых стран, сфер влияния финансового капитала и т. п.), который будет лишь формально закреплен миром; (б) английская империалистская коалиция надеется улучшить свое военное положение весной; но (в) истощение, вызванное войной, и *главное* трудность для финансовой олигархии отрабить народы *еще* больше, чем это сделано посредством неслыханных «военных прибылей», вызывает, в связи с боязнью пролетарской революции, стремления некоторых буржуазных кругов закончить войну поскорее сделкой между обеими группами империалистских разбойников; (г) в мировой политике виден поворот от коалиции англо-русской против Германии к коалиции (столь же империалистского характера) германо-русской против Англии, — коалиции, основанной на том, что царизм не в силах завоевать Константинополь, обещанный ему тайными договорами с Францией, Англией, Италией и пр., и стремится вознаградить себя за потери разделом Галиции, Армении и, может быть, Румынии и т. п., а также союзом с Германией для грабежа Азии против Англии; (д) другой крупный поворот в мировой политике состоит в гигантском обогащении, на счет Европы, финан-

сового капитала Соединенных Штатов Америки, который увеличил за самое последнее время свои вооружения (как и японский империализм, хотя гораздо более слабый) в неслыханных размерах и который очень рад отвлечь от этих вооружений внимание «своих» рабочих посредством дешевых пацифистских фраз *насчет... Европы!*

6. Эту объективную политическую ситуацию, эту империалистскую действительность буржуазия, боясь пролетарской революции, вынуждена всячески пытаться прикрыть и прикрасить, отвлечь от нее внимание рабочих, одурачить их, и лучшим средством являются ни к чему не обязывающие, лицемерные, обычные для насквозь изолгавшейся дипломатии, фразы насчет «демократического» мира, свободы малых народов «вообще», «ограничения вооружений» и т. п. Такое одурачение народов тем легче совершается империалистской буржуазией, что, говоря, напр., о «мире без аннексий», *всякая* буржуазия имеет в виду аннексии своего *соперника* и «скромно умалчивает» об аннексиях, *уже* произведенных *ею самою*. Германцы «забывают», что аннексией их *фактически* является не только Константинополь, Белград, Бухарест, Брюссель, но и Эльзас-Лотарингия, часть Шлезвига, прусская Польша и т. п. Царизм и его лакеи, империалистские буржуа России (Плеханов и Потресов с К° в том числе, т. е. большинство партии ОК в России) «забывают», что аннексией России является не только Эрзерум и часть Галиции, но и Финляндия, Украина и т. п. Французские буржуа «забывают», что они вместе с англичанами ограбили колонии Германии. Итальянские буржуа «забывают», что они грабят Триполи, Далмацию, Албанию и т. д. без конца...

*
* *

... 9... За время войны мировой капитализм сделал шаг вперед не только к концентрации вообще, но и к переходу от монополий вообще к *государственному капитализму* в еще более широких размерах, чем прежде. Экономические реформы в этом направлении неизбежны.

В области политики империалистская война доказала, что именно с точки зрения империалистов *иногда* гораздо выгоднее иметь союзником маленькую, политически самостоятельную, финансово зависимую нацию, чем рисковать ирландскими или чешскими «инцидентами» (т. е. восстаниями или переходом целых полков на сторону неприятеля) во время войны. Вполне возможно поэтому, что наряду с политикой прямого удушения мелких наций, от которой империализм никогда не сможет

отказаться совершенно, он проведет в отдельных случаях политику «добровольного» (т. е. только финансовым удушением вызванного) союза с новыми маленькими национальными государствами или ублюдками государств, вроде Польши...

Написано до 25 декабря 1916 г. (7 января 1917 г.) Впервые напечатано в 1931 г. в Ленинском сборнике XVII

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 23, стр. 198—200, 204—205.

ЗАЩИТА НЕЙТРАЛИТЕТА

Признание того положения, что теперешняя война является империалистской, т. е. войной между двумя крупными хищниками за господство над миром и его разграбление, еще не доказывает, что необходимо отвергнуть защиту швейцарского отечества. Мы, швейцарцы, защищаем именно наш нейтралитет, мы заняли наши границы войсками именно для того, чтоб избегнуть участия в этой хищнической войне!

Так говорят социал-патриоты, грютлианцы, в социалистической партии и вне ее.

Этот аргумент основывается на следующих, молчаливо принимаемых или незаметно подсовываемых, посылках:

Некритическое повторение того, что говорит буржуазия и что она должна говорить для сохранения своего классового господства.

Полное доверие к буржуазии и полное недоверие по отношению к пролетариату.

Игнорирование действительного, не измышленного, международного положения, которое сложилось на почве империалистских отношений между всеми европейскими странами и империалистской «связанности» швейцарского капиталистического класса.

Разве румынская и болгарская буржуазия не уверяли в течение целых месяцев самым торжественным образом, что их военные приготовления диктуются, якобы, «только» защитой нейтралитета?

Существуют ли серьезные, научные основания для проведения в этом вопросе *принципиального* различия между буржуазией упомянутых стран и швейцарской?

Конечно, нет! Когда указывают на то, что в Румынии и Болгарии буржуазия одержима известной страстью к завоеваниям и аннексиям, а что по отношению к швейцарской буржуазии этого нельзя установить, то это, ведь, нельзя считать *принципиальным* различием. Империалистские интересы проявляются, как всем известно, не только в территориальных приоб-

ретениях, но и в *финансовых*. Не надо упускать из виду, что швейцарская буржуазия экспортирует капитал, по меньшей мере, в 3 миллиарда франков, т. е. империалистски эксплуатирует отсталые народы. Таков факт. Фактом является и то, что швейцарский банковый капитал теснейшим образом связан и переплетен с банковым капиталом великих держав, что «Fremdenindustrie»* в Швейцарии и т. д. знаменует постоянный *раздел* империалистского богатства между великими державами и Швейцарией. К тому же Швейцария стоит на гораздо более высокой ступени развития капитализма, чем Румыния и Болгария; о каком-либо «национальном» народном движении в Швейцарии абсолютно не может быть и речи: эта эпоха исторического развития закончилась для Швейцарии уже много веков назад, чего нельзя сказать ни об одном из вышеназванных балканских государств.

Итак, буржуа подобает стремиться к тому, чтобы внушить народу, эксплуатируемым, доверие к буржуазии и стараться прикрыть подходящими фразами *действительную* империалистскую политику «своей» буржуазии.

Социалисту же подобает совершенно иное. А именно: беспощадно, не допуская никаких иллюзий, разоблачать действительную политику «своей» буржуазии. Такое продолжение этой действительной политики швейцарской буржуазии, как *продажа* своего народа той или иной империалистской коалиции держав, было бы много вероятнее и много «естественнее» (т. е. более соответствовало бы природе этой буржуазии), чем защита демократии в истинном значении этого слова, в противоречии с интересами прибыли.

«Каждому свое»: пусть грютлианцы, в качестве слуг и агентов буржуазии, обманывают народ фразами о «защите нейтралитета».

А социалисты, борцы против буржуазии, должны открыть народу глаза на весьма реальную, доказываемую всей историей швейцарской буржуазной политики, опасность быть *проданным* «своей» буржуазией!

Написано на немецком языке в январе 1917 г.
Впервые напечатано в 1931 г. в Ленинском сборнике XVII

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 23, стр. 253—255.

---

* — «Промышленность по обслуживанию иностранцев». *Ред.*

ИЗ СТАТЬИ
«ПОВОРОТ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ»

На улице пацифистов нечто вроде праздника. Ликуют добродетельные буржуа нейтральных стран: «мы достаточно нагрели руки на военных прибылях и дороговизне; не довольно ли? больше, пожалуй, все равно прибыли уже не получишь, а народ может и не стерпеть до конца»...

Как же им не ликовать, когда «сам» Вильсон «перефразирует» пацифистское заявление итальянской социалистической партии, только что принявшей в Кинтале официальную и торжественную резолюцию о полнейшей несостоятельности социал-пацифизма?

Удивительно ли, что Турати торжествует в «Avanti!»* по поводу этой перефразировки Вильсоном *их*, итальянских «тоже-социалистических» пацифистских фраз? Удивительно ли, что французские социал-пацифисты и каутскианцы в своем «Le Populaire»[55] любовно «объединяются» с Турати и с Каутским, который выступил в немецкой социал-демократической печати с пятью особенно глупыми пацифистскими статьями, тоже, конечно, «перефразирующими» поставленную событиями на очередь дня болтовню о добреньком демократическом мире.

А эта болтовня в настоящее время действительно отличается от прежней именно тем, что у нее есть известная *объективная* почва. Такую почву создал поворот в мировой политике *от империалистской войны*, наградившей народы величайшими бедствиями и величайшим предательством социализма господами Плехановыми, Альбертами Тома, Легинами, Шейдеманами и пр., к *империалистскому миру*, который имеет наградить народы величайшим обманом добреньких фраз, полуреформ, полууступочек и т. п.

Этот поворот наступил.

---

* — «Вперед!». *Ред.*

Нельзя знать в данный момент, — и сами руководители империалистской политики, финансовые короли и коронованные разбойники не в состоянии определить этого с точностью — когда именно придет этот империалистский мир, какие до тех пор произойдут изменения на войне, каковы будут детали этого мира. Но это и неважно. Важен *факт* поворота к миру, важен *основной характер* этого мира, а эти два обстоятельства достаточно уже выяснены предыдущим развитием событий.

За 29 месяцев войны ресурсы обеих империалистских коалиций достаточно определились, все или почти все возможные союзники из числа ближайших «соседей», представляющих серьезную величину, втянуты в войну, силы армий и флотов испытаны и переиспытаны, измерены и переизмерены. Финансовый капитал нажил миллиарды: гора военных долгов показывает размеры дани, которую пролетариат и неимущие массы «должны» теперь выплачивать десятилетиями международной буржуазии за то, что она всемилостивейше позволила им перебить миллионы своих братьев по наемному рабству в войне за дележ империалистской добычи.

Содрать при помощи *данной* войны еще больше шкур с волов наемного труда, пожалуй, уже нельзя — в этом одна из глубоких экономических основ наблюдаемого теперь поворота в мировой политике. Нельзя потому, что исчерпываются ресурсы вообще. Американские миллиардеры и их младшие братья в Голландии, Швейцарии, Дании и прочих нейтральных странах начинают замечать, что золотой родник оскудевает, — в этом источник роста нейтрального пацифизма, а не в благородных гуманитарных чувствах, как думают наивные, жалкие, смешные Турати, Каутский и К°.

А к тому же растет недовольство и возмущение масс. Мы привели в предыдущем номере свидетельства Гучкова и Гельферих а [56], показывающие, что оба они *боятся* революции. Не пора ли кончать первую империалистскую бойню?

Объективные условия, вынуждающие прекращение войны, дополняются таким образом воздействием классового инстинкта и классового расчета обожравшейся военными прибылями буржуазии.

Политический поворот на почве этого экономического поворота идет по двум главным линиям: победившая Германия *откалывает* от своего главного врага, Англии, ее союзников, с одной стороны, тем, что как раз не Англии, а именно этим союзникам нанесены (и могут быть еще нанесены) самые тяжелые удары, а с другой стороны, тем, что награбивший очень и очень много германский империализм в состоянии дать союзникам Англии полууступочки.

Возможно, что сепаратный мир Германии с Россией все-таки *заключен*. Изменена только *форма* политической сделки между этими двумя разбойниками. Царь мог сказать Вильгельму: «если я открыто подпишу сепаратный мир, то завтра тебе, о мой августейший контрагент, придется, пожалуй, иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского. Ибо революция растет, и я не ручаюсь за армию, с генералами которой переписывается Гучков, а офицеры которой теперь больше из вчерашних гимназистов. Расчет ли нам рисковать тем, что я могу потерять трон, а ты можешь потерять хорошего контрагента?».

«Конечно, не расчет» — должен был ответить Вильгельм, если ему прямо или косвенно сказана была такая вещь. «Да и к чему нам открытый сепаратный мир или вообще написанный на бумаге? Разве нельзя того же добиться иным, более тонким, путем? Я обращусь открыто ко всему человечеству с предложением осчастливить его благами мира. Под сурдинку я мигну французам, что я готов отдать назад всю или почти всю Францию и Бельгию за «божецкие» уступки их колоний в Африке, — а итальянцам, что они могут рассчитывать на «кусочек» итальянских земель Австрии плюс кусочки на Балканах. Я в силах добиться того, что мои предложения и планы станут известны народам: смогут ли тогда англичане удержать дальше своих западноевропейских союзников? А мы с тобой разделим Румынию, Галицию, Армению — Константинополя же тебе, о мой августейший брат, все равно, как ушей, не увидать! Польши, о мой августейший брат, все равно, как ушей, не увидать!»

Был ли такой разговор, знать нельзя. Да это и не существенно. Существенно то, что дела пошли *именно* так. Если царь не согласился на доводы германских дипломатов, то *«доводы»* армии Макензена в Румынии должны были подействовать повнушительнее.

А о плане дележа Румынии между Россией и «четверным союзом» (т. е. союзниками Германии, Австрией и Болгарией) говорят уже *открыто* в германской империалистской печати! А болтливый Эрве уже пробалтывается: мы не сможем заставить народ воевать, если он узнает, что мы *сейчас же* можем получить назад Бельгию и Францию. И пацифистские дурачки из нейтральной буржуазии уже пущены «в дело»: им развязал рот Вильгельм! А пацифистские... мудрецы из социалистов, Турати в Италии, Каутский в Германии и пр. и пр. лезут из кожи, прилагая свою гуманность, свое человеколюбие, свою неземную добродетель (и свой высокий ум) *к прикрашиванию* грядущего империалистского мира!

Как хорошо вообще устроено все в этом лучшем из миров! Запутались мы, финансовые короли и коронованные разбой-

ники, в политике империалистского грабежа, пришлось воевать — ну, что ж? мы наживемся на войне не хуже, чем на мире, даже гораздо лучше! А лакейской челяди для провозглашения нашей войны «освободительною», всех этих Плехановых, Альбертов Тома, Легинов, Шейдеманов и К°, у нас сколько угодно! Приходит пора заключить империалистский мир? — ну что ж? Военные долги, ведь это же обязательства, гарантирующие наше священное право на взимание стократной дани с народов? А простаков для *прикрашивания* этого империалистского мира, для надувания народов сладенькими речами, у нас сколько угодно, возьмите хоть Турати, Каутского и прочих «вождей» всемирного социализма!

В том-то и состоит трагикомедия выступлений Турати и Каутского, что они *не понимают той действительной*, объективной, политической роли, которую они играют, роли попиков, *утешающих* народы, вместо того, чтобы поднимать их на революцию, роли *буржуазных адвокатов*, которые пышными фразами о всяких хороших вещах вообще и о демократическом мире в особенности затушевывают, прикрывают, прикрашивают, приодевают отвратительную наготу торгующего народами и кромсающего страны империалистского мира.

В том-то и состоит *принципиальное единство* социал-шовинистов (Плехановых и Шейдеманов) и социал-пацифистов (Турати и Каутского), что и те и другие *объективно* представляют из себя *услужающих* империализма: одни «служат» ему, прикрашивая империалистскую войну применением к ней понятия «защиты отечества», другие служат *тому же* империализму, прикрашивая фразами о демократическом мире назревающий и подготовляемый империалистский мир.

Империалистской буржуазии нужны лакеи обоих видов или оттенков: Плехановы — чтобы криками «долой завоевателей» поощрять продолжение бойни, Каутские — чтобы сладеньким воспеванием мира утешать и успокаивать слишком озлобленные массы.

Поэтому и общее объединение социал-шовинистов всех стран с социал-пацифистами, — тот общий «заговор против социализма», о котором говорит одно обращение Международной социалистической комиссии в Берне[57], та «всеобщая амнистия», о которой не раз говорили мы, — не будет случайностью, а лишь проявлением принципиального единства *обоих этих* направлений мирового тоже-«социализма». Не случайно, что Плеханов в одно и то же время исступленно кричит об «измене» Шейдеманов и намекает на мир и единство с этими господами, когда придет тому время.

Но — возразит, пожалуй, читатель — разве можно забывать, что империалистский мир «все же лучше» империалист-

ской войны? что если не вся, то «по возможности», «частями» программа демократического мира может быть осуществлена? что независимая Польша лучше, чем русская Польша? что присоединение итальянских земель Австрии к Италии есть шаг вперед?

Подобными соображениями и прикрывают себя защитники Турати и Каутского, не замечая, что из революционных марксистов они превращаются тем в дюжинных буржуазных реформистов.

Разве можно, не сойдя с ума, отрицать, что бисмарковская Германия и ее социальные законы «лучше» Германии до 1848 года? Столыпинские реформы «лучше» России до 1905 года? Разве на этом основании немецкие социал-демократы (они были еще тогда социал-демократами) голосовали за бисмарковские реформы? Разве столыпинские реформы прикрашивались или хотя бы поддерживались русскими социал-демократами, кроме, конечно, гг. Потресова, Маслова и К°, от коих теперь отвертывается с презрением даже член *их собственной партии* Мартов?

История не стоит на месте и во время контрреволюций. История шла вперед и во время империалистской бойни 1914—1916 годов, которая была *продолжением* империалистской политики предыдущих десятилетий. Мировой капитализм, который в 60—70-х годах прошлого века был передовой и прогрессивной силой свободной конкуренции, и который в начале XX века перерос *в монополистический* капитализм, т. е. империализм, сделал за время войны изрядный шаг *вперед* не только к еще большей концентрации финансового капитала, но и к превращению в *государственный капитализм*. Силу национального сцепления, значение национальных симпатий обнаружило в эту войну поведение, напр., ирландцев в одной империалистской коалиции, чехов в другой. Сознательные вожди империализма говорят себе: мы не можем, конечно, осуществить свои цели без удушения мелких народов, но ведь есть два способа удушения. Бывают случаи, когда надежнее — и выгоднее — получить искренних, добросовестных «защитников отечества» в империалистской войне путем создания *политически* независимых государств, о *финансовой* зависимости которых «мы» уже позаботимся! Выгоднее быть союзником (при серьезной войне империалистских держав) независимой Болгарии, чем господином зависимой Ирландии! Довершение недоделанного в области национальных реформ может иногда внутренно укрепить империалистскую коалицию — это правильно учитывает, напр., один из особенно подлых холопов германского империализма, К. Реннер — разумеется, горой стоящий за «един-

ство» социал-демократических партий вообще и за единство с Шейдеманом и Каутским в особенности.

Объективный ход вещей берет свое, и как душители революций 1848 и 1905 годов были, в известном смысле, их душеприказчиками, так дирижеры империалистской бойни *вынуждены* проводить известные государственно-капиталистические, известные национальные реформы. А к тому же надо уступочками *успокоить* массы, озлобленные войной и дороговизной: почему не обещать (и не провести частично — это ведь ни к чему не обязывает!) «сокращения вооружений»? Все равно ведь война есть такая «отрасль промышленности», которая похожа на лесоводство: нужны десятилетия, чтобы подросли достаточно большие деревья... то бишь достаточно обильное и взрослое «пушечное мясо». А через десятилетия, мы надеемся, в недрах «единой» международной социал-демократии подрастут новые Плехановы, новые Шейдеманы, новые сладенькие примиренцы Каутские...

«Социал-Демократ» № 58, 31 января 1917 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 23, стр. 256—262.

О ЗАДАЧАХ ПРОЛЕТАРИАТА В ДАННОЙ РЕВОЛЮЦИИ [58]

Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, я мог, конечно, лишь от своего имени и с оговорками относительно недостаточной подготовленности выступить на собрании 4 апреля с докладом о задачах революционного пролетариата.

Единственное, что я мог сделать для облегчения работы себе, — и *добросовестным* оппонентам, — было изготовление *письменных* тезисов. Я прочел их и передал их текст тов. Церетели. Читал я их очень медленно и *дважды:* сначала на собрании большевиков, потом на собрании и большевиков и меньшевиков.

Печатаю эти мои личные тезисы, снабженные лишь самыми краткими пояснительными примечаниями, которые гораздо подробнее были развиты в докладе.

ТЕЗИСЫ

1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К° безусловно остается грабительской империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

Ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, ввиду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной,

доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром *нельзя* без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

Братанье.

2. Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия *сейчас* самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к *особым* условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни, масс пролетариата.

3. Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, «требования», чтобы *это* правительство, правительство капиталистов, *перестало* быть империалистским.

4. Признание факта, что в большинстве Советов рабочих депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед *блоком всех* мелкобуржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов от народных социалистов, социалистов-революционеров до ОК (Чхеидзе, Церетели и пр.), Стеклова и пр. и пр.

Разъяснение массам, что С. Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока *это* правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

5. Не парламентарная республика, — возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

Устранение полиции, армии, чиновничества *.

Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Сов. батр. депутатов.

Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землею местными Сов. батр. и крест. депутатов. Выделение Советов депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 дес. до 300 по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем батр. депутатов и на общественный счет.

7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С. Р. Д.

8. Не «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов.

9. Партийные задачи:

а) немедленный съезд партии;

б) перемена программы партии, главное:

1) об империализме и империалистской войне,

2) об отношении к государству и *наше* требование «государства-коммуны» **,

3) исправление отсталой программы-минимум;

в) перемена названия партии ***.

10. Обновление Интернационала.

Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против *социал-шовинистов* и против «центра» ****.

Чтобы читатель понял, почему мне пришлось подчеркнуть особо, как редкое исключение, «случай» добросовестных оппонентов, приглашаю сравнить с этими тезисами следующее возражение господина Гольденберга: Лениным «водружено

---

* Т. е. замена постоянной армии всеобщим вооружением народа.

** То есть такого государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна.

*** Вместо «социал-демократии», официальные вожди которой во *всем* мире предали социализм, перейдя к буржуазии («оборонцы» и колеблющиеся «каутскианцы»), надо назваться *Коммунистической партией*.

**** «Центром» называется в международной социал-демократии течение, колеблющееся между шовинистами (= «оборонцами») и интернационалистами, именно: Каутский и К° в Германии, Лонге и К° во Франции, Чхеидзе и К° в России, Турати и К° в Италии, Макдональд и К° в Англии и т. д.

знамя гражданской войны в среде революционной демократии» (цитировано в «Единстве» [59] г-на Плеханова, № 5).

Не правда ли, перл?

Я пишу, читаю, разжевываю: «ввиду несомненной добросовестности *широких* слоев *массовых* представителей революционного оборончества... ввиду их обмана буржуазией, надо *особенно* обстоятельно, настойчиво, *терпеливо* разъяснять им их ошибку»...

А господа из буржуазии, называющие себя социал-демократами, *не* принадлежащие ни к *широким* слоям, ни к *массовым* представителям оборончества, с ясным лбом передают мои взгляды, излагают их так: «водружено (!) знамя (!) гражданской войны» (о ней нет ни слова в тезисах, не было ни слова в докладе!) «в среде (!!) революционной демократии»....

Что это такое? Чем это отличается от погромной агитации? от «Русской Воли»?

Я пишу, читаю, разжевываю: «Советы Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства, и поэтому нашей задачей может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение ошибок* их тактики»...

А оппоненты известного сорта излагают мои взгляды, как призыв к «гражданской войне в среде революционной демократии»!!

Я нападал на Вр. правительство за то, что оно *не* назначало ни скорого, ни вообще какого-либо срока созыва Учр. собрания, отделываясь посулами. Я доказывал, что *без* Советов р. и с. деп. созыв Учр. собрания не обеспечен, успех его невозможен.

Мне приписывают взгляд, будто я против скорейшего созыва Учр. собрания!!!

Я бы назвал это «бредовыми» выражениями, если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добросовестность оппонентов, как на редкое исключение.

Г-н Плеханов в своей газете назвал мою речь «бредовой». Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели «бред» сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению «бреда»? Некругло, совсем некругло у вас выходит.

Гораздо легче, конечно, кричать, браниться, вопить, чем попытаться рассказать, разъяснить, вспомнить, *как* рассуждали Маркс и Энгельс в 1871, 1872, 1875 гг. об опыте Парижской Коммуны [60] и о том, *какое* государство пролетариату нужно?

Бывший марксист г. Плеханов не желает, вероятно, вспоминать о марксизме.

Я цитировал слова Розы Люксембург, назвавшей 4 августа 1914 г. *германскую* социал-демократию «смердящим трупом». А гг. Плехановы, Гольденберги и К⁰ «обижаются»... за кого? — за *германских* шовинистов, названных шовинистами!

Запутались бедные русские социал-шовинисты, социалисты на словах, шовинисты на деле.

Напечатано 7 апреля 1917 г. в газете «Правда» № 26 Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 24, стр. 3—7.

КАК МЫ ДОЕХАЛИ [61]

В социалистическую печать уже проникли известия, что английское и французское правительства отказались пропустить в Россию эмигрантов-интернационалистов.

Приехавшие сюда 32 эмигранта разных партий (среди них 19 большевиков, 6 бундистов, 3 сторонника парижской интернациональной газеты «Наше Слово» [62]) считают своим долгом огласить следующее:

В наших руках имеется ряд документов, которые мы огласим, как только получим их из Стокгольма (мы оставили их потому, что на шведско-русской границе хозяйничают представители английского правительства), и которые обрисуют пред всеми печальную роль названных «союзных» правительств в данном вопросе. По этому пункту прибавим только следующее: Цюрихский комитет по эвакуации эмигрантов, в который входят представители 23 групп (в том числе Центральный Комитет, Организационный комитет, социалисты-революционеры, Бунд и т. д.), в единогласно принятой резолюции публично констатировал тот факт, что английское правительство решило отнять у эмигрантов-интернационалистов возможность вернуться на родину и принять участие в борьбе против империалистической войны.

Уже с первых дней революции для эмигрантов выяснилось это намерение английского правительства. Тогда на совещании представителей партии социалистов-революционеров (М. А. Натансон), Организационного комитета РСДРП [63] (Л. Мартов), Бунда (Коссовский) возник план (его выдвинул Л. Мартов) добиться пропуска эмигрантов через Германию в обмен на интернированных в России германских и австрийских пленных.

В Россию был послан ряд телеграмм в этом смысле, и вместе с тем через швейцарских социалистов были предприняты шаги для проведения этого плана.

Телеграммы, посланные в Россию, были задержаны, очевидно, нашим Временным «революционным правительством» (или его сторонниками).

Прождав две недели ответа из России, мы решились сами провести названный план (другие эмигранты решили пока

ждать еще, считая еще недоказанным, что Временное правительство так и не примет мер для пропусков всех эмигрантов).

Дело находилось в руках швейцарского социалиста-интернационалиста Фрица Платтена. Он заключил точное письменное условие с германским послом в Швейцарии. Текст условий мы опубликуем. Главные его пункты: 1) Едут все эмигранты без различия взглядов на войну. 2) Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности, никто не имеет права входить в вагон без разрешения Платтена. Никакого контроля ни паспортов, ни багажа. 3) Едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских интернированных.

Все попытки германского социал-демократического большинства вступить в общение с едущими последние решительно отклонили. Вагон всю дорогу сопровождался Платтеном. Последний решил доехать с нами до Петрограда, но был задержан на русской границе (Торнео). Будем надеяться, только временно. Все переговоры велись при участии и в полной солидарности с рядом иностранных социалистов-интернационалистов. Протокол о поездке подписан двумя французскими социалистами: Лорио и Гильбо и социалистом из группы Либкнехта (Гартштейн), швейцарским социалистом Платтеном, польским социал-демократом Бронским, шведскими социал-демократическими депутатами Линдхагеном, Карльсоном, Штремом, Туре Нерманом и другими.

«Если бы Карл Либкнехт был сейчас в России, Милюковы охотно выпустили бы его в Германию; Бетман-Гольвеги выпускают вас, русских интернационалистов, в Россию. Ваше дело — ехать в Россию и бороться там и с германским и с русским империализмом». Так сказали нам названные товарищи-интернационалисты. Мы думаем, что они были правы. Доклад о поездке мы сделаем Исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов. Мы надеемся, что он добьется освобождения соответствующего числа интернированных, в первую очередь видного австрийского социалиста Отто Бауэра, и что он добьется пропуска в Россию всех эмигрантов, а не только социал-патриотов. Мы надеемся, что Исполнительный комитет положит конец и тому неслыханному положению вещей, когда никакие газеты левее «Речи» [64] не пропускаются за границу и когда даже манифест Совета рабочих и солдатских депутатов [65] к рабочим всех стран не пропускается в заграничную печать.

Написано 4(17) апреля 1917 г.
Напечатано 5 апреля 1917 г. в газетах «Правда» № 24 и «Известия» № 32

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 24, стр. 8—10.

ВОЙНА И ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

....Мы все-таки заставили Временное правительство отказаться от аннексий.

Из речи Ю. Стеклова, произнесенной 4 апреля в Таврическом дворце.

...Как бы ни относиться к лозунгу «мир без аннексий», нельзя игнорировать признанные всеми союзниками принципы...

Из речи П. Милюкова («Речь» 11 апреля).

Шаг за шагом вожди Временного правительства разоблачают свою истинную политику в отношении войны. Уже в пресловутой декларации Временного правительства[66] рядом со словесным «отказом» от аннексий говорилось о том, что «наши» договоры с английским и французским правительствами остаются в силе. Прошла пара недель, и в газете «Речь», органе министра иностранных дел г. Милюкова, мы читаем:

ЗАЯВЛЕНИЕ МИЛЮКОВА

В бытность свою в Москве министр иностранных дел П. Н. Милюков на собрании членов партии народной свободы сделал следующее заявление:

Декларация Временного правительства о целях войны содержит не условия мира, а лишь общие принципы, не раз уже провозглашенные ранее государственными деятелями союзных с нами стран. Условия мира могут быть выработаны не иначе, как в согласии с нашими союзниками согласно лондонской конвенции. Как бы ни относиться к лозунгу «мир без аннексий», нельзя игнорировать признанные всеми союзниками принципы воссоединения Польши, Армении, удовлетворение национальных стремлений австрийских славян. *(«Речь» 11 (24) апреля 1917 г., № 83.)*

Это заявление министра иностранных дел Милюкова, без всякого сомнения, обойдет всю иностранную печать и *усилит* воинственное настроение в Германии. Милюков помогает германским империалистам разжигать шовинизм в Германии, *Милюков помогает Вильгельму II вести грабительскую войну «до конца».*

Разберем заявление г. Милюкова. Декларация Временного правительства о целях войны (та самая, которую Ю. Стеклов по печальному недоразумению называет отказом от аннексий) содержит — говорит Милюков — не условия мира, а «лишь *общие принципы*, не раз уже провозглашенные ранее государственными деятелями союзных с нами стран». В переводе на простой язык сие означает: отказ от аннексий это лишь парадная фраза, «общие принципы», слова, слова, слова. Этих слов сколько угодно говорили и «наши» союзники. А действительные условия «мира» — это нечто совсем другое.

Один государственный деятель, если не ошибаемся, Бисмарк, сказал: принять *«в принципе»* на языке дипломатов означает отвергнуть *на деле*. Так и у Милюкова. «В принципе» он против аннексий, на деле он за аннексию, и ради этого он стоит за войну «до конца».

Парадные фразы — это еще не условия мира, — заявляет нам г. Милюков.

Каковы же его условия мира?

Условия эти предусмотрены лондонской конвенцией. К ней и отсылает нас Милюков.

Но кем заключена эта конвенция (договор)? Царем Николаем II с английскими и французскими капиталистами! Значит, договоры, заключенные царской шайкой, остаются в силе. Значит, мы воюем во имя этих грабительских договоров, заключенных царской шайкой и «союзными» банкирами.

Захват Польши, Армении, захваты в Австрии (о Константинополе г. Милюков на этот раз умолчал) — вот к чему сводится программа мира г. Милюкова.

Что скажут по поводу последнего заявления министра иностранных дел Милюкова вожди большинства Совета рабочих депутатов? Ограничатся тем, что от имени «контактной» комиссии «поставят на вид» Милюкову эти его слова... Куда девался тот отказ «Временного правительства от аннексий», которого «все-таки» добились от последнего Ю. Стеклов и Н. Чхеидзе?

Никакого двоевластия в России не существует. Совет рабочих депутатов только осуществляет благожелательный контроль над Временным правительством. Так говорил, если верить газетным отчетам, Н. С. Чхеидзе на военном съезде в Минске [67].

Вот куда мы пришли с этим благожелательным контролем! От имени России продолжают говорить люди, разжигающие войну. Рабочих и солдат кормят общими фразами о мире без аннексий, а под сурдинку проводится политика, выгодная только кучке миллионеров, наживающихся на войне.

Товарищи рабочие и солдаты! На всех собраниях читайте и разъясняйте приведенное выше заявление Милюкова! Заявите, что вы не желаете умирать во имя тайных конвенций (договоров), заключенных царем Николаем II и остающихся священными для Милюкова!

«Правда» № 31, 13 апреля 1917 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 24, стр. 87—89.

РЕЗОЛЮЦИЯ ЦК РСДРП(б) 20 АПРЕЛЯ (3 МАЯ) 1917 ГОДА О КРИЗИСЕ В СВЯЗИ С НОТОЙ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТ 18 АПРЕЛЯ (1 МАЯ) 1917 г.

Нота Временного правительства показала полную правильность позиции, занятой нашей партией в резолюции Петроградской общегородской конференции, а именно, что: 1) Временное правительство есть правительство насквозь империалистское, связанное по рукам и ногам англо-французским и русским капиталом; 2) все его обещания, которые оно делало или могло бы делать (относительно «выявления воли народа к миру» и т. п.), ничего кроме обмана содержать не могут; 3) Временное правительство *не может* отказаться от аннексий — независимо от того, каков будет личный состав его, потому что в настоящей войне и особенно в данный момент класс капиталистов связан банковым капиталом; 4) политика мелкой буржуазии, проводимая народниками, меньшевиками, большинством вождей данного Совета рабочих депутатов, и состоящая в поддержке обманчивых надежд на возможность «исправить» «мерами воздействия» капиталистов (т. е. Временное правительство), еще и еще раз разоблачена этой нотой.

Ввиду этого ЦК признает:

I. Всякие изменения личного состава данного правительства (отставка Милюкова, отзыв Керенского и т. п.) будут подражанием худшим приемам буржуазного парламентарного республиканизма, *подменяющего* борьбу классов соревнованием клик и личными перетасовками.

II. Единственным спасением для массы мелкобуржуазного населения, колеблющегося между капиталистами и рабочим классом, является безусловный переход этой массы на сторону революционного пролетариата, который один только способен на деле разорвать путы финансового капитала и аннексионистской политики. Только взявши — при поддержке большинства народа — всю государственную власть в свои руки,

революционный пролетариат совместно с революционными солдатами, в лице Советов рабочих и солдатских депутатов, создаст такое правительство, которому поверят рабочие всех стран и которое одно в состоянии быстро закончить войну истинно-демократическим миром.

«Правда» № 37, 4 мая (21 апреля) 1917 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 24, стр. 155—156.

СЕДЬМАЯ (АПРЕЛЬСКАЯ) ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП(б) [71]

24—29 АПРЕЛЯ (7—12 МАЯ) 1917 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ О ВОЙНЕ

I

Современная война со стороны обеих групп воюющих держав есть война империалистическая, т. е. ведущаяся капиталистами из-за дележа выгод от господства над миром, из-за рынков финансового (банкового) капитала, из-за подчинения слабых народностей и т. д. Каждый день войны обогащает финансовую и промышленную буржуазию и разоряет и истощает силы пролетариата и крестьянства всех воюющих, а затем и нейтральных стран. В России же затягивание войны, кроме того, несет величайшую опасность завоеваниям революции и ее дальнейшему развитию.

Переход государственной власти в России к Временному правительству, правительству помещиков и капиталистов, не изменил и не мог изменить такого характера и значения войны со стороны России.

Этот факт особенно наглядно обнаружился в том, что новое правительство не только не опубликовало тайных договоров, заключенных царем Николаем II с капиталистическими правительствами Англии, Франции и т. д., но и формально подтвердило, без опроса народа, эти тайные договоры, обещающие русским капиталистам ограбление Китая, Персии, Турции, Австрии и т. д. Сокрытием этих договоров русский народ вводится в обман относительно истинного характера войны.

Поэтому пролетарская партия не может поддерживать ни теперешней войны, ни теперешнего правительства, ни его займов, не разрывая совершенно с интернационализмом, т. е. с братской солидарностью рабочих всех стран в борьбе против ига капитала.

Никакого доверия не заслуживают обещания нынешнего правительства отказаться от аннексий, т. е. от завоеваний чужих стран или от насильственного удержания в пределах России каких-либо народностей. Ибо, во-первых, капиталисты, связанные тысячами нитей банкового капитала, не могут

отказаться от аннексий в данной войне, не отказавшись от прибыли на миллиарды, вложенные в займы, в концессии, в военные предприятия и т. д. Во-вторых, новое правительство, отказавшись от аннексий для обмана народа, заявило устами Милюкова 9 апреля 1917 года в Москве, что оно от аннексий не отказывается, а нотой от 18 апреля и разъяснением ее от 22 апреля оно подтвердило захватный характер своей политики. Предостерегая народ против пустых посулов капиталистов, конференция заявляет поэтому, что надо строго отличать отказ от аннексий на словах и отказ от аннексий на деле, т. е. немедленное опубликование и отмену всех тайных грабительских договоров и немедленное предоставление всем народностям права свободным голосованием решить вопрос, желают ли они быть независимыми государствами или входить в состав какого угодно государства.

II

Так называемое «революционное оборончество», которое охватило теперь в России все народнические партии (народных социалистов, трудовиков, социалистов-революционеров) и оппортунистическую партию социал-демократов меньшевиков (ОК, Чхеидзе, Церетели и др.), а также большинство беспартийных революционеров, представляет из себя, по своему классовому значению, с одной стороны, интересы и точку зрения зажиточных крестьян и части мелких хозяев, которые, подобно капиталистам, извлекают прибыли из насилия над слабыми народами. С другой стороны, «революционное оборончество» является результатом обмана капиталистами части пролетариев и полупролетариев города и деревни, которые по своему классовому положению в прибылях капиталистов и в империалистской войне не заинтересованы.

Конференция признает безусловно недопустимыми и означающими на деле полный разрыв с интернационализмом и социализмом какие бы то ни было уступки «революционному оборончеству». Что касается оборонческих настроений широких народных масс, то наша партия будет бороться с этими настроениями неустанным разъяснением той истины, что бессознательно-доверчивое отношение к правительству капиталистов есть в данный момент одна из главных помех к быстрому окончанию войны.

III

Что касается до самого важного вопроса о том, как кончить возможно скорее, и притом не насильническим, а истинно демократическим миром, эту войну капиталистов, то конференция признает и постановляет:

Нельзя окончить эту войну отказом солдат только одной стороны от продолжения войны, простым прекращением военных действий одною из воюющих сторон.

Конференция протестует еще и еще раз против низкой клеветы, распространяемой капиталистами против нашей партии, именно, будто мы сочувствуем сепаратному (отдельному) миру с Германией. Мы считаем германских капиталистов такими же разбойниками, как и капиталистов русских, английских, французских и пр., а императора Вильгельма таким же коронованным разбойником, как Николая II и монархов английского, итальянского, румынского и всех прочих.

Наша партия будет терпеливо, но настойчиво разъяснять народу ту истину, что войны ведутся *правительствами*, что войны всегда бывают связаны неразрывно с политикой определенных *классов*, что эту войну можно окончить демократическим миром *только* посредством перехода всей государственной власти по крайней мере нескольких воюющих стран в руки класса пролетариев и полупролетариев, который действительно способен положить конец гнету капитала.

Революционный класс, который взял бы в свои руки государственную власть в России, принял бы ряд мер, подрывающих экономическое господство капиталистов, и мер, ведущих к их полному политическому обезвреживанию, и немедленно и открыто предложил бы демократический мир всем народам на основе полного отказа от каких бы то ни было аннексий и контрибуций. Эти меры и это открытое предложение мира создали бы полное доверие рабочих воюющих стран друг к другу и неизбежно привели бы к восстаниям пролетариата против тех империалистических правительств, которые воспротивились бы предложенному миру.

Пока же революционный класс в России не взял в свои руки всей государственной власти, наша партия будет всемерно поддерживать те пролетарские партии и группы за границей, которые на деле ведут уже во время войны революционную борьбу против своих империалистических правительств и своей буржуазии. В особенности же партия будет поддерживать начавшееся массовое братание солдат всех воюющих стран на фронте, стремясь превратить это стихийное проявление солидарности угнетенных в сознательное и возможно более организованное движение к переходу всей государственной власти во всех воюющих странах в руки революционного пролетариата.

«Правда» № 44, 12 мая (29 апреля) 1917 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 24, стр. 239—242.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

Политика национального угнетения, будучи наследием самодержавия и монархии, поддерживается помещиками, капиталистами и мелкой буржуазией в интересах охраны их классовых привилегий и разъединения рабочих разных народностей. Современный империализм, усиливая стремления к подчинению слабых народов, является новым фактором обострения национального гнета.

Поскольку достижимо в капиталистическом обществе устранение национального гнета, это возможно лишь при последовательно-демократическом республиканском устройстве и управлении государства, обеспечивающем полное равноправие всех наций и языков.

За всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства. Отрицание такого права и непринятие мер, гарантирующих его практическую осуществимость, равносильно поддержке политики захватов или аннексий. Лишь признание пролетариатом права наций на отделение обеспечивает полную солидарность рабочих разных наций и способствует действительно демократическому сближению наций.

Конфликт, возникший в настоящее время между Финляндией и русским Временным правительством, особенно наглядно показывает, что отрицание права на свободное отделение ведет к прямому продолжению политики царизма.

Вопрос о праве наций на свободное отделение непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или другой нации в тот или иной момент. Этот последний вопрос партия пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм.

Партия требует широкой областной автономии, отмены надзора сверху, отмены обязательного государственного

языка и определения границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. п.

Партия пролетариата решительно отвергает так называемую «культурно-национальную автономию», т. е. изъятие из ведения государства школьного дела и т. п. и передачу его в руки своего рода национальных сеймов. Рабочих, живущих в одной местности и даже работающих в одних и тех же предприятиях, культурно-национальная автономия * искусственно размежевывает по принадлежности к той или иной «национальной культуре», т. е. усиливает связь рабочих с буржуазной культурой отдельных наций, между тем как задача социал-демократии состоит в усилении интернациональной культуры всемирного пролетариата.

Партия требует включения в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций, какие бы то ни было нарушения прав национальных меньшинств.

Интересы рабочего класса требуют слияния рабочих всех национальностей России в единых пролетарских организациях, политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и т. д. Только такое слияние в единых организациях рабочих различных национальностей дает возможность пролетариату вести победоносную борьбу с международным капиталом и с буржуазным национализмом.

Приложение к № 13 газеты «Солдатская Правда» 16(3) мая 1917 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 24, стр. 269—270.

---

* Слова «культурно-национальная автономия» вставлены И. В. Сталиным вместо слов «этот план». *Ред.*

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ

Мировая война, порожденная борьбой мировых трестов и банкового капитала за господство над мировым рынком, уже привела к массовому разрушению материальных ценностей, к истощению производительных сил, к такому росту военной промышленности, что даже производство безусловно необходимого минимума предметов потребления и средств производства оказывается невозможным.

Таким образом эта война привела человечество к безвыходному положению и поставила его на край гибели.

Объективные предпосылки социалистической революции, несомненно бывшие уже налицо перед войной в наиболее развитых передовых странах, назревали дальше и продолжают назревать вследствие войны с громадной быстротой. Вытеснение и гибель мелких и средних хозяйств еще более ускоряется. Концентрация и интернационализация капитала гигантски растет. Монополистический капитализм переходит в государственно-монополистический капитализм, общественное регулирование производства и распределения, в силу давления обстоятельств, вводится в ряде стран, некоторые из них переходят к всеобщей трудовой повинности.

При сохранении частной собственности на средства производства все эти шаги к большей монополизации и большему огосударствлению производства неизбежно сопровождаются усилением эксплуатации трудящихся масс, усилением гнета, затруднением отпора эксплуататорам, усилением реакции и военного деспотизма и вместе с тем неизбежно ведут к неимоверному росту прибыли крупных капиталистов за счет всех остальных слоев населения, к закабалению трудящихся масс на много десятилетий данью капиталистам в виде уплаты миллиардных процентов по займам. Но те же самые условия при отмене частной собственности на средства производства, при переходе государственной власти полностью в руки про-

летариата являются залогом успеха такого преобразования общества, которое уничтожит эксплуатацию человека человеком и обеспечит благосостояние всех и каждого.

* *
*

С другой стороны, предвидение социалистов всего мира, единогласно заявивших в Базельском манифесте 1912 года о неизбежности *пролетарской революции* именно в связи с приближавшейся тогда и свирепствующей теперь империалистической войной, — явно оправдывается ходом событий.

Русская революция является только первым этапом первой из пролетарских революций, неизбежно порождаемых войной.

Во всех странах растет возмущение широких народных масс против класса капиталистов и сознание пролетариата, что только переход власти в его руки и уничтожение частной собственности на средства производства спасет человечество от гибели.

Во всех странах, особенно в наиболее передовых, Англии и Германии, сотни социалистов, не перешедших на сторону «своей» национальной буржуазии, брошены в тюрьмы правительствами капиталистов, которые этими преследованиями обнаружили наглядно свой страх перед растущей в глубинах народных масс пролетарской революцией. Назревание ее в Германии видно и из массовых стачек, особенно усилившихся за последние недели, а равно из роста братания немецких солдат с русскими на фронте.

Братское доверие и братский союз между рабочими разных стран, — рабочими, ныне истребляющими друг друга ради интересов капиталистов, начинает таким образом понемногу восстанавливаться, а это создает, в свою очередь, предпосылки для единодушных революционных действий рабочих разных стран. Такие действия одни только в состоянии гарантировать наиболее планомерное развитие и возможно более верный успех всемирной социалистической революции...

Приложение к № 13 газеты «Солдатская Правда», 16(3) мая 1917 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 24, стр. 276—277.

ЗНАЧЕНИЕ БРАТАНЬЯ

Капиталисты либо издеваются над братаньем солдат на фронте, либо с бешеной злобой накидываются на него, лгут и клевещут, сводя дело к «обману» русских немцами, грозят — через *своих* генералов и офицеров — карами за братанье.

С точки зрения охраны «священной собственности» на капитал и на прибыль с капитала, такая политика капиталистов вполне правильна: действительно, для *подавления* пролетарской социалистической революции в ее зачатках *необходимо* относиться к братанью именно так, как относятся к нему капиталисты.

Сознательные рабочие, а за ними, по верному инстинкту угнетенных классов, и масса полупролетариев, масса беднейших крестьян, относятся к братанью с самым глубоким сочувствием. Ясно, что братанье есть путь к миру. Ясно, что этот путь идет не через капиталистические правительства, не в союзе с ними, а *против* них. Ясно, что этот путь развивает, укрепляет, упрочивает братское доверие между рабочими различных стран. Ясно, что этот путь *начинает ломать* проклятую дисциплину казармы-тюрьмы, дисциплину мертвого подчинения солдат «своим» офицерам и генералам, своим капиталистам (ибо офицеры и генералы большей частью либо принадлежат к классу капиталистов, либо отстаивают его интересы). Ясно, что братанье есть революционная инициатива *масс*, есть пробуждение совести, ума, смелости угнетенных классов, есть, другими словами, одно из звеньев в цепи шагов к социалистической, пролетарской революции.

Да здравствует братанье! Да здравствует *начинающаяся* всемирная социалистическая революция пролетариата!

Чтобы братанье возможно легче, вернее, быстрее шло к нашей цели, мы обязаны заботиться о наибольшей организованности и о ясной политической программе его.

Сколько бы ни клеветала на нас злобствующая пресса капиталистов и их друзей, называя нас анархистами, мы не устанем

повторять: мы не анархисты, мы горячие сторонники наилучшей организации масс и самой твердой «государственной» власти, — только государства хотим мы не такого, как буржуазно-парламентарная республика, а такого, как Республика Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов.

Мы всегда советовали и советуем вести братанье возможно более организованно, проверяя — умом, опытом, наблюдением самих солдат, — чтобы обмана тут не было, стараясь удалять с митингов офицеров и генералов, большей частью злобно клевещущих против братанья.

Мы добиваемся, чтобы братанье не ограничивалось разговорами о мире вообще, а переходило к обсуждению *ясной* политической программы, к обсуждению вопроса, *как* кончить войну, *как* свергнуть иго капиталистов, начавших войну и затягивающих ее ныне.

Поэтому наша партия издала обращение к солдатам всех воюющих стран (см. текст его в № 37 «Правды») * с изложением нашего определенного, точного ответа на эти вопросы, с ясной политической программой.

Хорошо, что солдаты проклинают войну. Хорошо, что они требуют мира. Хорошо, что они начинают чувствовать, что война выгодна капиталистам. Хорошо, что они, ломая каторжную дисциплину, сами начинают братанье на всех фронтах. Все это хорошо.

Но этого еще недостаточно.

Надо, чтобы солдаты переходили теперь к такому братанью, во время которого обсуждалась бы ясная политическая программа. Мы не анархисты. Мы не думаем, что войну можно кончить простым «отказом», отказом лиц, групп или случайных «толп». Мы за то, что войну должна кончить и кончит *революция* в ряде стран, т. е. завоевание *государственной* власти новым классом, именно: не капиталистами, не мелкими хозяйчиками (наполовину всегда зависимыми от капиталистов), а пролетариями и полупролетариями.

В нашем воззвании к солдатам всех воюющих стран мы и изложили нашу программу рабочей революции во всех странах: переход всей государственной власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов.

Товарищи-солдаты! Обсуждайте эту программу в своей среде и вместе с немецкими солдатами! Такое обсуждение поможет вам найти верный, наиболее организованный, наиболее близкий путь к прекращению войны и к свержению ига капитала.

---

* См. Сочинения В. И. Ленина, изд. 4, т. 24, стр. 157—159.

* *
*

Пара слов об одном из слуг капитала, Плеханове. Жалко смотреть, до чего опустился этот бывший социалист! Он сопоставляет братанье с «изменой»!! Он рассуждает: разве не поведет братанье, при его удаче, к сепаратному миру?

Нет, господин бывший социалист, братанье, которое мы поддерживали на *всех* фронтах, ведет не к «сепаратному» миру между капиталистами нескольких стран, а к всеобщему миру между революционными рабочими всех стран *вопреки* капиталистам всех стран *против* капиталистов, для свержения их ига.

«Правда» № 43, 11 мая (28 апреля) 1917 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 24, стр. 284—286.

ФИНЛЯНДИЯ И РОССИЯ

Вопрос об отношении Финляндии к России стал злободневным. Врем. правительство *не сумело* удовлетворить финский народ, требующий *пока еще* не отделения, а только широкой автономии.

Недемократическую, аннексионистскую политику Временного правительства формулировала и «защитила» на-днях «Рабочая Газета». Она сделала это так, что успешнее «провалить» подзащитного было бы нельзя. Вопрос это действительно коренной, общегосударственный, и остановиться на нем со всем вниманием необходимо.

«Организационный комитет полагает, — пишет «Рабочая Газета», № 42, — что вопрос о взаимоотношениях между Финляндией и Российским государством в целом может и должен быть решен только соглашением между Финляндским сеймом и Учредительным собранием. А до тех пор тт. финны» (Организационный комитет беседовал с финскими с.-д.) «должны помнить, что если бы в Финляндии усилились сепаратные тенденции, то это могло бы усилить централистические стремления русской буржуазии».

Это — точка зрения капиталистов, буржуазии, кадетов, но никоим образом не пролетариата. Программу с.-д. партии, именно § 9 ее, признающий право самоопределения за всеми нациями, входящими в состав государства, с.-д. меньшевики выкинули за борт. Они отреклись на деле от этой программы, перейдя фактически на сторону буржуазии, как и по вопросу о замене постоянной армии всеобщим вооружением народа и т. д.

Капиталисты, буржуазия, а в том числе и партия к.-д., никогда не признавали политического самоопределения наций, т. е. *свободы отделения* их от России.

С.-д. партия в программе своей, принятой в 1903 году, *признала* это право в § 9 программы.

Если Организационный комитет «отослал» финских с.-д. к «соглашению» Финляндского сейма с Учредительным собранием, то это и есть переход, по данному вопросу, на сторону

буржуазии. Чтобы вполне убедиться в этом, достаточно ясно сопоставить позицию *всех* главных классов и партий.

Царь, правые, монархисты не за соглашение Сейма с Учредительным собранием, а за прямое подчинение Финляндии русскому народу. Буржуазия республиканская — за *соглашение* Финляндского сейма с Учредительным собранием. Сознательный пролетариат и с.-д., *верные* своей программе, за *свободу отделения* Финляндии, как и всех неполноправных народностей, *от* России. Вот бесспорная, ясная, точная картина. Под лозунгом «соглашения», который ровно ничего не решает, — ибо как быть, если соглашение *не* будет достигнуто? — буржуазия проводит то же самое, царистское, подчинение, ту же политику аннексий.

Ибо Финляндию аннектировали русские цари по сделкам с душителем французской революции, Наполеоном, и т. д. Если мы действительно против аннексий, то мы должны сказать: *свобода отделения для Финляндии!* Когда мы сказали и осуществили это, *тогда* — и только тогда! — «соглашение» с Финляндией будет действительно добровольным, свободным, действительно соглашением, а не обманом.

Соглашаться могут только равные. Чтобы соглашение было на деле соглашением, а не словесным прикрытием подчинения, для этого необходимо действительное равноправие *обеих* сторон, т. е. чтобы и Россия имела право *не* согласиться *и Финляндия*. Это ясно, как ясен ясный божий день.

Только «свобода отделения» и выражает это: только имеющая свободу отделиться Финляндия действительно в состоянии вступать в «соглашение» с Россией о том, надо ли ей отделяться. Кто *без* этого условия, без признания свободы отделения, фразерствует «соглашение», тот обманывает себя и народ.

Организационный комитет должен был ясно сказать финнам, признает он свободу отделения или нет. Он по-кадетски затушевал это и тем отрекся от свободы отделения. Он должен был напасть на русскую буржуазию за ее отказ угнетенным нациям в праве отделения, отказ, *равносильный аннексионизму*. А Организационный комитет вместо этого нападает на финнов, предостерегая их, что «сепаратные» (надо было сказать: сепаратистские) тенденции усилят централистические стремления!! Организационный комитет, другими словами, грозит финнам усилением аннексионистской великорусской буржуазии, — именно это делали всегда кадеты, именно под этим флагом Родичевы и К° проводят *свой* аннексионизм.

Вот наглядное практическое пояснение к вопросу об аннексиях, о коих ныне «все» говорят, боясь прямо и точно поставить вопрос. *Кто против свободы отделения, тот за аннексии.*

Цари проводили политику аннексий грубо, обменивая один народ на другой по соглашению с другими монархами (раздел Польши, сделка с Наполеоном о Финляндии и пр.), как помещики обменивали меж собой крепостных крестьян. Буржуазия, становясь республиканской, проводит *ту же самую* политику аннексий более тонко, более прикрыто, *обещая* «соглашение», *но отнимая* единственную реальную гарантию действительного равноправия при соглашении, именно: свободу отделения. Организационный комитет плетется в хвосте буржуазии, переходя на деле на ее сторону. (Вполне права была поэтому «Биржевка», которая перепечатала все существенное из статьи «Рабочей Газеты» и похвалила ответ Организационного комитета финнам, назвав этот ответ «уроком русской демократии» финнам. «Рабочая Газета» заслужила этот поцелуй «Биржевки».)

Партия пролетариата («большевики») еще раз на своей конференции, в резолюции по национальному вопросу, подтвердила свободу отделения.

Группировка классов и партий ясная.

Мелкие буржуа дают себя запугать призраком запуганной буржуазии — в этом вся суть политики с.-д. меньшевиков и эсеров. Они «боятся» отделения. Сознательные пролетарии *не* боятся его. И Норвегия и Швеция выиграли, когда Норвегия свободно отделилась от Швеции в 1905 г.: выиграло доверие между обеими нациями, выиграло добровольное сближение между ними, исчезли нелепые и вредные трения, укрепилось экономическое и политическое, культурное и бытовое *тяготение* обеих друг к другу, усилился братский союз рабочих обеих стран.

Товарищи рабочие и крестьяне! Не поддавайтесь аннексионистской политике русских капиталистов, Гучкова, Милюкова, Временного правительства по отношению к Финляндии, Курляндии, Украине и пр.! Не бойтесь признать свободу отделения всех этих наций. Не насилием надо привлекать другие народы к союзу с великороссами, а только действительно добровольным, действительно свободным соглашением, *невозможным* без свободы отделения.

Чем свободнее будет Россия, чем решительнее признает наша республика свободу отделения невеликорусских наций, тем сильнее *потянутся* к союзу с нами другие нации, тем меньше будет трений, тем реже будут случаи действительного отделения, тем короче то время, на которое некоторые из наций отделятся, тем теснее и прочнее — в конечном счете — братский союз пролетарски-крестьянской республики российской с республиками какой угодно иной нации.

«Правда» № 46, 15(2) мая 1917 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 24, стр. 301—304.

«ФАКТИЧЕСКОЕ ПЕРЕМИРИЕ»

В газете «Новая Жизнь» от 7 мая напечатаны беседы с министрами «нового» правительства. Министр-председатель Львов заявил: «страна должна сказать свое властное слово и послать свою армию в бой».

Вот — суть «программы» нового правительства. Наступление, наступление, наступление!

И, защищая эту империалистскую программу, за которой пошли теперь Черновы и Церетели, министр Львов в тонах величайшего нравственного возмущения громил «*установившееся на фронте фактическое перемирие*»!

Пусть каждый русский рабочий, пусть каждый крестьянин подумает хорошенечко над этой программой *наступления*, над этими громовыми речами министров против «фактического перемирия».

Миллионы людей перебиты и искалечены на войне. Бедствия, причиненные войной человечеству, и особенно трудящимся массам, неслыханны. Капиталисты наживают на войне скандально-высокие прибыли. Солдаты истерзаны и измучены до последней степени.

Что же дурного в фактическом перемирии? Что дурного в том, что бойня приостановилась? Что дурного в том, что солдаты получили хоть небольшую передышку?

Нам возражают, что перемирие установилось только на одном фронте и что поэтому оно грозит сепаратным миром. Но это возражение явно несостоятельное. Ибо если ни русское правительство, ни русские рабочие и крестьяне *не хотят* сепаратного мира с германскими капиталистами — (против такого мира наша партия, как известно, тоже протестовала не раз и не только в статьях «Правды», но и в резолюции нашей конференции *, которая говорила от имени всей партии) — если никто в России не хочет сепаратного мира с сепаратными капи-

* См. настоящий сборник, стр. 265. *Ред.*

талистами, то как, откуда, каким чудом может придти такой мир?? Кто может навязать его??

Возражение до очевидности несостоятельное, явная выдумка, попытка засорить глаза.

Далее. Почему фактическое перемирие на одном фронте «грозит» сепаратным миром на этом фронте, *а не грозит распространением фактического перемирия на все фронты?*

Фактическое перемирие есть состояние неустойчивое, переходное. Это бесспорно. Переходное к чему? К сепаратному миру оно не может привести, раз *нет* на это обоюдного согласия двух правительств или двух народов. Но почему бы такое перемирие не могло быть переходом к фактическому перемирию на *всех* фронтах? Ведь на это, наверное, есть согласие *всех* народов против всех или большинства правительств?

Братанье на одном фронте может и должно быть переходом к братанью на всех фронтах. Фактическое перемирие на одном фронте может и должно быть переходом к фактическому перемирию на всех фронтах.

Народы отдохнули бы от бойни. Революционные рабочие во *всех* странах подняли бы голову еще больше, их влияние усилилось бы, вера в возможность и необходимость рабочей революции в передовых капиталистических странах укрепилась бы.

Что дурного в таком переходе? Почему бы нам, по мере сил, не помочь *такому* переходу?

Возразят, что фактическое перемирие на всех фронтах помогло бы сейчас германским капиталистам, ибо они сейчас награбили больше добычи. Это неверно, ибо английские капиталисты больше награбили (немецкие колонии в Африке, немецкие острова в Тихом Океане, Месопотамия, часть Сирии и пр.) и — в отличие от немецких капиталистов — ровно ничего не потеряли. Это во-первых. А во-вторых, если бы германские капиталисты проявили больше неуступчивости, чем английские, то рост революции в Германии еще более усилился бы. Революция в Германии явно нарастает. Наступление русских войск помешает этому росту. «Фактическое перемирие» ускоряет рост этой революции.

В-третьих, положение Германии, с точки зрения растущего голода, краха, разрухи, самое отчаянное и самое безвыходное, хуже, чем в каких бы то ни было других странах, особенно после вступления в войну Америки. «Фактическое перемирие» *этого,* основного, источника слабости Германии не устранит, а, напротив, скорее улучшит положение других стран (свобода подвоза) и ухудшит положение германских капиталистов (подвезти неоткуда, скрывать правду от народа будет труднее).

Две программы стоят перед русским народом. Одна — программа капиталистов, перенятая Черновыми и Церетели. Это —

программа наступления, программа затягивания империалистической войны, затягивание бойни.

Другая — программа революционных рабочих всего мира, защищаемая в России нашей партией. Это программа: развить братанье (не позволяя немцам обманывать русских), брататься обменом воззваний, распространить и братанье и фактическое перемирие на все фронты, всячески помочь такому распространению, ускорить этим рост рабочей революции во всех странах, облегчить этим хоть временную передышку солдатам всех воюющих стран, ускорить переход власти в России в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, ускорить этим заключение действительно справедливого, действительно всеобщего мира в интересах трудящихся, а не в интересах капиталистов.

Правительство наше с Черновыми и Церетели, с народниками и меньшевиками, за первую программу.

Большинство русского народа и всех народов России (и не только России), т. е. большинство рабочих и беднейших крестьян, несомненно, встают за вторую программу.

Каждый день будет приближать *ее* победу.

«Правда» № 52, 22(9) мая 1917 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 24, стр. 340—342.

ТАЙНЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Как жаль, что народные массы не могут читать ни книг по истории дипломатии, ни передовых статей капиталистических газет! И еще более жаль, — это слово, впрочем, слишком мягко в данном случае, — что министры из партий социалистов-революционеров и с.-д. меньшевиков вместе со своими министериабельными коллегами обходят молчанием хорошо известные им факты из этой истории и хорошо известные им статьи «великих людей» дипломатического мира.

«Речь» приводит достоверное, по ее мнению, сообщение «Биржевки», истинный смысл которого состоит в том, что Англия вовсе не прочь отказаться от «расчленения Турции и от раздела Австро-Венгрии»; т. е. Англия готова согласиться на то, чтобы Россия *не* получила обещанных ей по прежним договорам аннексий (Константинополя, Армении, Галиции). *В этом* смысле — и только в этом смысле — Англия готова пересмотреть договоры.

И «Речь» негодует:

«Итак, вот первый результат победы нового лозунга» (т. е. лозунга мир без аннексий и контрибуций). «Пересмотр соглашений, вероятно, состоится: «подготовительные шаги» к нему делаются теперь даже не нами, а нашими союзниками. Но результатом пересмотра явится не равномерный» (слушайте! слушайте!) «отказ от всех серьезных задач, поставленных всеми союзниками, а однобокий» (ну, разве это не перл?) «отказ от задач, поставленных на юго-востоке Европы» (читай: в Австрии и в Турции, т. е. грабеж Армении, Константинополя, Галиции), «за счет задач, поставленных уже не нами, а нашими союзниками, в других местах и в колониях.

В частности, в печати уже упоминалось о возможности отказа наших союзников от задач, поставленных в Малой Азии. Правда, заявления об этом, якобы сделанные Альбером Тома в Совете р. и с. деп. и переданные московской печатью, до сих пор официально не подтверждены. Но что касается Англии, трудно было бы и ожидать такого отказа. Англия держится правильного взгляда, что то, что хочешь получить, нужно предварительно занять» (слушайте! слушайте!) — «и она уже сейчас занимает своими войсками местности Месопотамии и Палестины, важные для ее жизненных интересов» (читай: для ее капиталистов). «При таком условии ее отказ бороться за удовлетворение жиз-

ненных интересов *других* (курсив «Речи») союзников в этой области, конечно, также имел бы характер односторонний, выгодный только для нее самой».

Право, Милюкову или другому автору этих строк надо бы при жизни поставить памятник... за откровенность. Браво, браво, откровенные дипломаты из «Речи»! (А почему они откровенны? потому что злы на потерю портфеля Милюковым)...

Все, что сказано в приведенных строках, есть истина, подтверждаемая всей историей дипломатии — *и историей помещения капитала за границей* — последних лет. Англия во всяком случае не откажется от грабежа (аннексии) Палестины и Месопотамии, но русских она согласна наказать (за «фактическое перемирие» на немецко-русском фронте) лишением Галиции, Константинополя, Армении и т. п. — вот простой и ясный, не дипломатическим, а русским языком изложенный смысл приведенных мест «Речи».

И русские капиталисты, говорящие речами «Речи», с трудом сдерживают злобу, выбалтывают тайны внешней политики, шипят и беснуются, говоря колкости английским капиталистам: это-де «односторонне», вам-де это «выгодно», а *другим* нет.

Товарищи-рабочие, товарищи-солдаты! Вдумайтесь в эти на редкость откровенные, на редкость правдивые заявления *многознающих* дипломатов и бывших министров «Речи». Вдумайтесь в это превосходное разоблачение *истинных целей* войны со стороны не только русских, но и английских капиталистов.

Товарищи — русские солдаты! Хотите ли вы воевать из-за того, чтобы английские капиталисты заграбили Месопотамию и Палестину? Хотите ли вы поддерживать русское правительство Львова, Чернова, Терещенко, Церетели, связанное интересами капиталистов и *боящееся* открыто сказать правду, выбалтываемую «Речью».

«Правда» № 53, 23(10) мая 1917 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 24, стр. 343—344.

ОДИН ИЗ ТАЙНЫХ ДОГОВОРОВ

Известно, что первым словом «революционного» Временного правительства по вопросу об иностранной политике было заявление: все тайные договоры, заключенные бывшим царем Николаем II с «союзными» капиталистами остаются в силе, и новая Россия будет исполнять их свято и нерушимо.

Известно, далее, что наши «оборонцы» яростно защищают отказ милюковцев опубликовать тайные договоры. Эти горе-социалисты дошли до жизни такой, что защищают тайную дипломатию и притом тайную дипломатию бывшего царя.

Почему защитники империалистской войны так усердно охраняют тайну договоров?

Хотите знать почему, товарищи рабочие и солдаты?

Познакомьтесь хотя бы только с одним из этих благородных договоров: мы говорим о «нашем» договоре с Италией (т. е. с итальянскими капиталистами) в начале 1915 года.

Буржуазный демократ г. В. Водовозов в газете «День» (от 6 мая 1917 г.), опираясь на материалы, опубликованные в «Новом Времени», сообщает содержание этого договора:

«Союзницы гарантировали Италии южный Тироль с Триентом, всю береговую землю, северную часть Далмации с городами Зара и Спалато, среднюю часть Албании с Валоной, острова Эгейского моря у малоазиатского берега, а кроме того, выгодную железнодорожную концессию в Малоазиатской Турции — такова цена крови, выторгованная Италией. Эти земельные приращения во много раз превосходят все национальные притязания Италии, когда-либо ею прежде выставлявшиеся. Кроме областей с итальянским населением (южный Тироль и Триест) приблизительно в 600 000 душ, Италия получает по договору земли более чем с миллионным населением, этнографически и религиозно ей совершенно чуждым. Сюда входит, например, Далмация, 97 проц. населения которой принадлежит к сербскому племени, тогда как итальянцы составляют в ней немного более 2 проц. Совершенно естественно, что договор с Италией, заключенный не только помимо согласия, но и помимо ведома Сербии, вызвал там сильнейшее огорчение и раздражение. Пашич в скупщине выражал надежду, что слух о договоре неверен, так как Италия сама объединилась во имя национального принципа и не может совершить ничего такого, что этот принцип ниспровергает в самой его основе. Но Пашич ошибся: договор был заключен.

Это единственный договор, касающийся нынешней войны, содержание которого мы знаем, и этот договор — грубо хищнический. Сказываются ли и в других договорах столь же хищнические инстинкты, или нет, — мы этого не знаем. Во всяком случае для демократии, пишущей на своем знамени: «мир без аннексий», было бы чрезвычайно важно это узнать».

«Мы не знаем», насколько хищническими являются другие тайные договоры? — Нет, г. Водовозов, мы это очень хорошо знаем: тайные договоры относительно дележа Персии, Турции, захвата Галиции, Армении — такие же грязные грабительские договоры, как грабительский договор с Италией.

Товарищи солдаты и рабочие! Вам говорят, что вы защищаете «свободу» и «революцию»? На деле вы защищаете темные договоры царя, которые прячут от вас, как прячут секретную болезнь.

«Правда» № 53, 23(10) мая 1917 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 24, стр. 345—346.

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

ЛЕКЦИЯ 14(27) МАЯ 1917 г.

Вопрос о войне и революции так часто ставится в последнее время и во всей прессе и в каждом народном собрании, что, по всей вероятности, многим из вас многие стороны этого вопроса не только хорошо известны, но и успели уже наскучить. Я не имел еще возможности выступать ни разу, ни даже присутствовать на партийных или вообще на народных собраниях здешнего района и потому рискую, может быть, впасть в повторения или не остановиться достаточно подробно на тех сторонах этого вопроса, которые вас очень интересуют.

Мне кажется, что главное, что обыкновенно забывают в вопросе о войне, на что обращают недостаточно внимания, главное, из-за чего ведется так много споров и, пожалуй, я бы сказал, пустых, безнадежных, бесцельных споров, — это забвение основного вопроса о том, какой классовый характер война носит, из-за чего эта война разразилась, какие классы ее ведут, какие исторические и историко-экономические условия ее вызвали. Насколько мне пришлось на митингах и на партийных собраниях следить за тем, как ставится у нас вопрос о войне, я пришел к убеждению, что масса недоразумений на этой почве возникает именно потому, что сплошь и рядом мы говорим, разбирая вопрос о войне, на совершенно различных языках.

С точки зрения марксизма, т. е. современного научного социализма, основной вопрос при обсуждении социалистами того, как следует оценивать войну и как следует относиться к ней, состоит в том, из-за чего эта война ведется, какими классами она подготовлялась и направлялась. Мы, марксисты, не принадлежим к числу безусловных противников всякой войны. Мы говорим: наша цель — достижение социалистического общественного устройства, которое, устранив деление человечества на классы, устранив всякую эксплуатацию человека человеком и одной нации другими нациями, неминуемо устранит всякую возможность войн вообще. Но в войне за этот социалистический общественный строй мы неминуемо встретим такие усло-

вия, когда классовая борьба внутри каждой отдельной нации может столкнуться с порождаемой ею же, этой классовой борьбой, войной между различными нациями, и мы не можем поэтому отрицать возможности революционных войн, т. е. войн, которые вытекли из классовой борьбы, ведутся революционными классами и имеют прямое, непосредственное революционное значение. Тем более мы не можем отрицать этого, что в истории европейских революций за последнее столетие, лет за 125—135, наряду с большинством войн реакционных имели место и войны революционные, например, война французских революционных народных масс против объединенной монархической, отсталой, феодальной и полуфеодальной Европы. И в настоящее время нет обмана масс, более распространенного в Западной Европе, а в последнее время и у нас, в России, как обман их посредством ссылок на пример революционных войн. Бывают войны и войны. Надо разобраться, из каких исторических условий данная война вытекла, какие классы ее ведут, во имя чего. Не разобравши этого, мы все свои рассуждения о войне осудим на полную пустоту, на споры чисто словесные и бесплодные. Вот почему я и позволю себе, раз вы поставили вашей темой вопрос о соотношении войны и революции, остановиться подробно на этой стороне дела.

Известно изречение одного из самых знаменитых писателей по философии войн и по истории войн — Клаузевица, которое гласит: «Война есть продолжение политики иными средствами» [68]. Это изречение принадлежит писателю, который обозревал историю войн и выводил философские уроки из этой истории — вскоре после эпохи наполеоновских войн. Этот писатель, основные мысли которого сделались в настоящее время безусловным приобретением всякого мыслящего человека, уже около 80 лет тому назад боролся против обывательского и невежественного предрассудка, будто бы войну можно выделить из политики соответственных правительств, соответственных классов, будто бы войну когда-нибудь можно рассматривать как простое нападение, нарушающее мир, и затем восстановление этого нарушенного мира. Подрались и помирились! Это грубый и невежественный взгляд, десятки лет тому назад опровергнутый и опровергаемый всяким, сколько-нибудь внимательным, анализом любой исторической эпохи войн.

Война есть продолжение политики иными средствами. Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия.

Война есть продолжение политики иными средствами. Если французские революционные горожане и революционные крестьяне в конце XVIII века, свергнув у себя монархию революционным путем, установили демократическую республику, — расправившись со своим монархом, расправились по-революционному и со своими помещиками, — то эта политика революционного класса не могла не потрясти до основания всей остальной самодержавной, царской, королевской, полуфеодальной Европы. И неизбежным продолжением этой политики победившего во Франции революционного класса явились войны, в которых против революционной Франции стали все монархические народы Европы, составив свою знаменитую коалицию, и пошли на Францию контрреволюционной войной. Как внутри страны французский революционный народ тогда впервые проявил невиданный в течение столетий максимум революционной энергии, так и в войне конца XVIII века он проявил такое же гигантское революционное творчество, пересоздав всю систему стратегии, порвав все старые законы и обычаи войны и создав, вместо старых войск, новое, революционное, народное войско и новое ведение войны. Этот пример, мне кажется, особенно заслуживает внимания, потому что он наглядно показывает нам то, что на каждом шагу забывают сейчас публицисты буржуазных газет, играя на предрассудках и на обывательском невежестве совершенно неразвитых народных масс, не понимающих этой неразрывной экономической и исторической связи всякой войны с предшествовавшей ей политикой каждой страны, каждого класса, который господствовал перед войной и обеспечивал достижение своих целей так называемыми «мирными» средствами. Так называемыми, — ибо те расправы, которые, например, нужны бывают для «мирного» господства над колониями, едва ли могут быть названы мирными.

В Европе господствовал мир, но он держался потому, что господство европейских народов над сотнями миллионов жителей колоний осуществлялось только постоянными, непрерывными, никогда не прекращавшимися войнами, которых мы, европейцы, не считаем войнами, потому что они слишком часто похожи были не на войны, а на самое зверское избиение, истребление безоружных народов. А дело обстоит именно так, что для понимания современной войны мы должны прежде всего бросить общий взгляд на политику европейских держав в целом. Надо брать не отдельные примеры, не отдельные случаи, которые легко вырвать всегда из связи общественных явлений и которые не имеют никакой цены, потому что также легко привести противоположный пример. Нет, надо взять всю политику всей системы европейских государств в их

экономическом и политическом взаимоотношении, чтобы понять, каким образом из этой системы неуклонно и неизбежно вытекла данная война.

Мы постоянно наблюдаем попытки, особенно со стороны капиталистических газет — все равно, монархических или республиканских — подставить под теперешнюю войну чуждое ей историческое содержание. Например, нет приема более обычного во французской республике, как попытки представить эту войну со стороны Франции продолжением и подобием войн великой французской революции 1792 года. Нет более распространенного приема обмана французских народных масс, французских рабочих и рабочих всех стран, как перенесение на нашу эпоху «жаргона» той эпохи, отдельных лозунгов ее, и как попытка представить дело таким образом, что вот и теперь республиканская Франция защищает свою свободу против монархии. Забывают то «маленькое» обстоятельство, что тогда, в 1792 г., войну вел во Франции революционный класс, который совершил невиданную революцию, неслыханным героизмом масс разрушил до основания французскую монархию и восстал против объединенной монархической Европы не из-за каких-либо других целей, как только из-за целей продолжения своей революционной борьбы.

Война во Франции была продолжением политики того революционного класса, который сделал революцию, завоевал республику, расправился с французскими капиталистами и помещиками с невиданной до тех пор энергией, и во имя этой политики, продолжения ее, повел революционную войну против объединенной монархической Европы.

А сейчас мы имеем перед собой прежде всего союз двух групп капиталистических держав. Мы имеем перед собой все величайшие мировые капиталистические державы — Англию, Францию, Америку, Германию, — вся политика которых в течение целого ряда десятилетий состояла в непрерывном экономическом соперничестве из-за того, как господствовать над всем миром, как душить маленькие народности, как обеспечить себе тройные и десятерные прибыли банковского капитала, захватившего весь мир в цепь своего влияния. В этом состоит действительная политика Англии и Германии. Это я подчеркиваю. Никогда нельзя устать подчеркивать это, потому что, если мы это забудем, мы ничего не сможем понять в современной войне и окажемся тогда беспомощными, во власти любого буржуазного публициста, подсовывающего нам обманные фразы.

Действительная политика обеих групп величайших капиталистических гигантов — Англии и Германии, которые со своими союзниками двинулись друг против друга, — эта политика за целый ряд десятилетий до войны должна быть изучена и понята

в ее целом. Если бы мы этого не сделали, мы не только бы забыли основное требование научного социализма и всякой общественной науки вообще, — мы лишили бы себя возможности понять что бы то ни было в современной войне. Мы отдались бы во власть Милюкова, обманщика, раздувающего шовинизм и ненависть одного народа к другому приемами, которые применяются без всякого исключения везде, приемами, по поводу которых писал названный мною вначале Клаузевиц восемьдесят лет тому назад и уже тогда осмеявший тот взгляд, что вот — жили народы мирно, а потом подрались! Как будто это правда! Разве войну можно объяснять, не ставя ее в связь с предшествовавшей политикой данного государства, данной системы государств, данных классов? Повторяю еще раз: это — основной вопрос, который постоянно забывают, из-за непонимания которого $^{9}/_{10}$ разговоров о войне превращаются в пустую перебранку и обмен словесностями. Мы говорим: если вы не изучили политики обеих групп воюющих держав в течение десятилетий, — чтобы не было случайностей, чтобы не выхватывали отдельных примеров, — если вы не показали связь этой войны с предшествовавшей политикой, вы ничего в этой войне не поняли!

А эта политика показывает нам сплошь одно: непрерывное экономическое соперничество двух величайших мировых гигантов, капиталистических хозяйств. С одной стороны — Англия, государство, которое владеет большей частью земного шара, государство, которое стоит на первом месте по богатству, которое создало это богатство не столько трудом своих рабочих, но, главным образом, эксплуатацией необъятного количества колоний, необъятной силой английских банков, сложившихся, во главе всех остальных банков, в ничтожную по числу — каких-нибудь три, четыре, пять — группу банков-гигантов, распоряжающихся сотнями миллиардов рублей и распоряжающихся ими так, что без всякого преувеличения можно сказать: нет кусочка земли на всем земном шаре, на который этот капитал не наложил бы свою тяжелую руку, нет кусочка земли, который не был бы опутан тысячами нитей английского капитала. Этот капитал вырос в конце XIX и начале XX века до таких размеров, что перенес свою деятельность далеко за границы отдельных государств, образовав группу банков-гигантов с богатством неслыханным. Выдвинув это ничтожное число банков, он посредством этой сети сотнями миллиардов рублей опутал весь мир. Вот основное в экономической политике Англии и в экономической политике Франции, про которую сами французские писатели, сотрудники, например, «L'Humanité»[69], газеты, руководимой сейчас бывшими социалистами (например, не кто иной, как известный писатель по финансовым вопросам,

Лизис), писали уже за несколько лет до войны: «Франция — это финансовая монархия, Франция — это финансовая олигархия, Франция — это ростовщик всего света».

С другой стороны, против этой группы, англо-французской главным образом, выдвинулась другая группа капиталистов, еще более хищническая, еще более разбойничья — группа пришедших к столу капиталистических яств, когда места были заняты, но внесших в борьбу новые приемы развития капиталистического производства, лучшую технику, несравненную организацию, превращающую старый капитализм, капитализм эпохи свободной конкуренции, в капитализм гигантских трестов, синдикатов, картелей. Группа эта внесла сначала огосударствления капиталистического производства, соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма. Вот та экономическая история, вот та дипломатическая история в течение ряда десятилетий, от которой не может уйти никто. Она одна дает вам путь к правильному решению вопроса о войне и приводит вас к тому, что данная война тоже есть продукт политики тех классов, которые в этой войне сцепились, двух величайших гигантов, накинувших задолго до войны на весь мир, на все страны сети своей финансовой эксплуатации и поделивших между собой экономически весь мир до войны. Они должны были столкнуться потому, что передел этого господства с точки зрения капитализма стал неизбежен.

Старый дележ основывался на том, что Англия в течение нескольких сот лет разорила своих прежних конкурентов. Ее прежним конкурентом была Голландия, которая господствовала над всем светом, ее прежним конкурентом была Франция, которая вела войны из-за господства около ста лет. Путем долгих войн Англия утвердила, на основе своей экономической силы, силы своего торгового капитала, свое, неоспариваемое нигде, господство над миром. Появился новый хищник, создалась в 1871 г. новая капиталистическая держава, развивавшаяся неизмеримо более быстро, чем Англия. Это — основной факт. Вы не найдете ни одной книги по экономической истории, которая не признавала бы этого бесспорного факта — более быстрого развития Германии. Это быстрое развитие капитализма Германии было развитием молодого и сильного хищника, который появился в союзе европейских держав и сказал: «Вы разорили Голландию, вы разбили Францию, вы взяли полмира в свои руки, — потрудитесь нам дать соответствующую долю». А что значит «соответствующая доля»? Каким образом ее определить в капиталистическом мире, в мире бан-

ков? Там сила определяется количеством банков, там сила определяется так, как определял один орган американских миллиардеров с чисто американской откровенностью и чисто американским цинизмом. Им было заявлено: «В Европе идет война из-за господства над миром. Для того, чтобы господствовать над миром, нужно иметь две вещи: доллары и банки. Доллары у нас есть, банки мы сделаем и будем господствовать над миром». Это — заявление руководящей газеты американских миллиардеров. Я должен сказать, что в этой американской циничной фразе зазнавшегося и обнаглевшего миллиардера в тысячу раз больше правды, чем в тысячах статей буржуазных лгунов, выставляющих эту войну как войну из-за каких-то национальных интересов, национальных вопросов и тому подобную, явную до очевидности, ложь, которая всю историю в целом выкидывает и берет отдельный пример, как тот случай, что германский хищник обрушился на Бельгию. Этот случай, несомненно, истинный. Да, эта группа хищников с неслыханным зверством обрушилась на Бельгию, но она сделала то же самое, что другая группа их делала вчера другими способами и делает сегодня над другими народами.

Когда мы спорим по вопросу об аннексиях, — это, ведь, вопрос, входящий в то, что я вам пытался вкратце изложить, как историю экономических и дипломатических отношений, вызвавших современную войну, — когда мы спорим об аннексиях, то всегда забываем, что обыкновенно это и есть то, из-за чего эта война ведется: из-за дележа захватов, или, что более популярно, из-за дележа награбленной двумя кучками разбойников добычи. И когда мы спорим об аннексиях, мы постоянно встречаемся с приемами, с научной стороны не выдерживающими никакой критики, а со стороны общественно-публицистической — приемами, которые нельзя назвать иначе, как грубым обманом. Спросите вы русского шовиниста или социал-шовиниста, и он вам превосходно объяснит, что такое аннексия со стороны Германии, — он великолепно это понимает. Но он никогда не ответит вам на просьбу дать такое общее определение аннексии, чтобы оно подходило и для Германии, и для Англии, и для России. Никогда он его не даст! И когда газета «Речь» (чтобы перейти от теории к практике), подсмеиваясь над нашей газетой «Правдой», сказала: «Эти правдисты Курляндию считают аннексией! Какой может быть разговор с такими людьми?». И когда мы отвечаем: «Будьте добры, дайте такое определение аннексии, чтобы оно подходило и к немцам, и к англичанам, и к русским, и мы добавляем, что либо вы от этого уклонитесь, либо мы вас сейчас же разоблачим» *, —

* См. Сочинения В. И. Ленина, изд. 4, т. 24, стр. 16—17.

«Речь» смолчала. Мы утверждаем, что ни одна газета, ни тех шовинистов вообще, которые попросту говорят, что надо защищать отечество, ни социал-шовинистов, никогда не давала такого определения аннексии, которое относилось бы и к Германии и к России, такого, чтобы его можно было применить к любой стороне. И не может дать, потому что вся эта война есть продолжение политики аннексий, т. е. захватов, капиталистического грабежа с обеих сторон, со стороны обеих групп, ведущих войну. И поэтому понятно, что вопрос о том, который из этих двух хищников первый вытащил нож, не имеет никакого для нас значения. Возьмите историю морских и военных расходов в обеих группах в течение десятилетий, возьмите историю тех маленьких войн, которые они вели перед большой, — «маленьких» потому, что европейцев в них гибло немного, но гибли зато сотни тысяч тех народов, которых душили, которые с их точки зрения даже народами не считаются (какие-то азиаты, африканцы — разве это народы?); с этими народами вели войны такого сорта: они были безоружны, а их расстреливали из пулеметов. Разве это войны? Это, ведь, собственно, даже не войны, это можно забыть. Вот как подходят они к этому сплошному обману народных масс.

Война эта является продолжением той политики захватов, расстрелов целых народностей, неслыханных зверств, которые проделывали немцы и англичане в Африке, англичане и русские в Персии, — не знаю, кто из них больше, — из-за которых германские капиталисты смотрели на них, как на врагов. А, вы сильны тем, что вы богаты? Но мы вас сильнее, поэтому мы имеем такое же «священное» право грабить. Вот к чему сводится действительная история английского и немецкого финансового капитала за целый ряд десятилетий, предшествовавших войне. Вот к чему сводится история русско-немецких, русско-английских и немецко-английских отношений. Вот где ключ к пониманию того, из-за чего война ведется. Вот почему шарлатанством и обманом является распространенная история о том, из-за чего загорелась война. Забывая историю финансового капитала, историю того, как назревала эта война из-за передела, представляют дело так: жили мирно два народа, потом — одни напали, другие стали защищаться. Забыта вся наука, забыты банки, народы приглашаются стать под оружие, приглашается стать под оружие крестьянин, который не знает, что такое политика. Надо защищать — только и всего! Если рассуждать так, тогда было бы последовательно все газеты закрыть, все книжки сжечь и об аннексиях в печати разговоры запретить, — таким путем можно придти к оправданию такой точки зрения на аннексии. Они не могут сказать правду об аннексиях, потому что вся история и России, и Англии, и Гер-

мании есть сплошная, беспощадная, кровавая война из-за аннексий. В Персии, в Африке вели беспощадные войны либералы, которые пороли политических преступников в Индии за то, что они смели выдвигать те требования, за которые боролись у нас в России. Французские колониальные войска также угнетали народы. Вот предшествующая история, вот действительная история небывалого грабежа! Вот какую политику этих классов продолжает данная война. Вот почему в вопросе об аннексиях они не могут дать того ответа, который мы даем, когда говорим: всякий народ, который присоединен к другому народу не по добровольному желанию своего большинства, а по решению царя или правительства, есть народ аннексированный, народ захваченный. Отказ от аннексий есть предоставление каждому народу права образовать отдельное государство, или жить в союзе с кем он хочет. Такой ответ совершенно ясен всякому сколько-нибудь сознательному рабочему.

В любой резолюции, которые выносятся десятками, которые печатаются хотя бы в газете «Земля и Воля» [70], вы найдете плохо выраженный ответ: мы не хотим войны из-за господства над другими народами, мы боремся за свою свободу, — так говорят все рабочие и крестьяне, и этим они выражают взгляд рабочего, взгляд трудящегося человека на то, как они войну понимают. Они говорят этим: если бы война была в интересах трудящихся против эксплуататоров, мы были бы за войну. И мы были бы тогда за войну, и нет той революционной партии, которая могла бы быть против такой войны. Они не правы, эти авторы многочисленных резолюций, потому что они представляют себе дело так, будто бы война ведется ими. Мы, солдаты, мы, рабочие, мы, крестьяне, воюем за свою свободу. Я никогда не забуду того вопроса, который после одного митинга задал мне один из них: «Что вы толкуете все против капиталистов? Да разве я капиталист? Мы — рабочие, мы защищаем свою свободу». Неправда, — вы воюете потому, что вы слушаетесь вашего правительства капиталистов, войну ведут не народы, а правительства. Я не удивляюсь, если рабочий или крестьянин, не изучавший политику, не имевший счастья или несчастья пройти тайны дипломатии, картину этого финансового грабежа (этого угнетения Персии Россией и Англией хотя бы), я не удивляюсь, что он эту историю забывает, что он наивно спрашивает: какое мне дело до капиталистов, если воюю я? Он не понимает связи войны с правительством, не понимает, что войну ведет правительство, а он есть то орудие, которым орудует правительство. Он может называть себя революционным народом, писать красноречивые резолюции, — для русских это много, так как это только недавно вошло в жизнь. Недавно вышла «революционная» декларация Временного правительства

От этого дело не меняется, и другие народы, более нас опытные в искусстве надувания масс капиталистами по части писания «революционных» манифестов, давно побили в этом все рекорды на свете. Если вы возьмете парламентскую историю французской республики с тех пор, как она стала республикой, поддерживающей царизм, — мы имеем десятки примеров в течение десятилетий продолжающейся французской парламентской истории, когда манифесты, полные самых красноречивых слов, прикрывали политику самого грязного колониального и финансового грабежа. Вся история третьей французской республики есть история этого грабежа. Из этих источников возникла теперешняя война. Это не результат злой воли капиталистов, не какая-нибудь ошибочная политика монархов. Так смотреть было бы неверно. Нет, эта война вызвана неизбежно тем развитием гигантски-крупного капитализма, особенно банкового, которое привело к тому, что каких-нибудь четыре банка в Берлине и пять или шесть в Лондоне господствуют над всем миром, забирают себе все средства, подкрепляют свою финансовую политику всей вооруженной силой и, наконец, столкнулись в неслыханно-зверской схватке из-за того, что дальше идти свободно захватным порядком некуда. Либо один должен отказаться от владения своими колониями, либо другой. Такие вопросы в этом мире капиталистов не решаются добровольно. Это может быть решено только войной. Вот почему смешно тут обвинять того или другого коронованного разбойника. Они все одинаковы — эти коронованные разбойники. Вот почему также нелепо обвинять капиталистов той или другой страны. Они виноваты только в том, что завели такую систему. Но так делается по всем законам, охраняемым всеми силами цивилизованного государства. «Я в полном моем праве, я покупаю акции. Все суды, вся полиция, вся постоянная армия и все флоты на свете охраняют это мое священное право на акции». Если создаются банки, которые ворочают сотнями миллионов рублей, если они накинули сети банковского грабежа на весь мир, если эти банки столкнулись в мертвой схватке, — кто виноват? Ищи виноватого! Виновато в этом все развитие капитализма за полвека, и нет выхода из этого, кроме свержения господства капиталистов и рабочей революции. Вот тот ответ, к которому пришла из анализа войны наша партия, вот почему мы говорим: простейший вопрос об аннексиях запутан настолько, настолько изолгались представители буржуазных партий, что они могут представить дело так, будто бы Курляндия не есть аннексия России. Курляндию и Польшу они вместе делили, эти три коронованных разбойника. Они делили сто лет, они рвали по живому мясу, и русский разбойник урвал больше, потому что был тогда сильнее. А когда из

молодого хищника, участвовавшего тогда в дележе, выросла сильная капиталистическая держава — Германия, она говорит: давайте, переделим! Вы хотите сохранить старое? Вы думаете, что вы сильнее? Померяемся!

Вот к чему сводится эта война. Конечно, этот призыв — «померяемся!» — есть только выражение десятилетней политики грабежа, политики крупных банков. Вот почему простую, всякому рабочему и крестьянину понятную правду об аннексиях никто не может так сказать, как мы. Вот почему вопрос о договорах, такой простой, так бесстыдно запутан всей печатью. Вы говорите, что у нас революционное правительство, что в это революционное правительство вошли министры почти совсем социалисты, народники и меньшевики. Но когда они заявляют о мире без аннексий, только с условием не определять, что такое мир без аннексий (это значит: — немецкие аннексии отними, а свои сохрани), — мы говорим: чего стоит ваше «революционное» министерство, ваши декларации, ваши заявления, что вы не хотите завоевательной войны, — с приглашением в то же время армии к наступлению? Разве вы не знаете, что есть у вас договоры, что их заключал Николай Кровавый самым разбойническим путем? Вы этого не знаете? Это простительно не знать рабочим, крестьянам, которые не грабили, которые умных книжек не читали, а когда это проповедуют образованные кадеты, они прекрасно знают, что эти договоры содержат. Эти договоры — «тайные», но вся дипломатическая пресса всех стран о них говорит: «Ты получишь проливы, ты — Армению, ты — Галицию, ты — Эльзас-Лотарингию, ты — Триест, а мы окончательно разделим Персию». А германский капиталист говорит: «А я захвачу Египет, а я удушу европейские народы, если вы не вернете мои колонии, и с процентами». Акция — штука такая, что без процентов нельзя. Вот почему вопрос о договорах, такой простой и такой ясный, вызвал такую массу вопиющей, неслыханной, наглой лжи, которая несется со страниц всех капиталистических газет.

Возьмите сегодняшнюю газету «День». Там Водовозов, человек в большевизме никоим образом неповинный, но честный демократ, заявляет: я противник тайных договоров, позвольте сказать о договоре с Румынией. Тайный договор с Румынией есть, и он состоит в том, что Румыния получит целый ряд чужих народов, если будет воевать на стороне союзников. Сплошь таковы все договоры других союзников. Они без договора не пошли бы душить всех. Чтобы знать содержание этих договоров, не нужно рыться в специальных журналах. Достаточно припомнить основные факты экономической и дипломатической истории, чтобы их знать. Да, ведь, Австрия десятилетия шла на Балканы, чтобы там душить... И если они

столкнулись в войне, то они и не могли не столкнуться. И вот почему на все призывы народных масс опубликовать договоры, призывы, которые становятся все настойчивее, министры, бывший — Милюков и настоящий — Терещенко (один — в правительстве без социалистических министров, другой — с целым рядом почти-социалистических министров), заявляют: опубликование договоров означает разрыв с союзниками.

Да, опубликовать договоры нельзя, потому что вы все — участники одной и той же шайки разбойников. Мы согласны с Милюковым и Терещенко, что договоры опубликовать нельзя. Из этого можно сделать два различных вывода. Если мы согласны с Милюковым и Терещенко, что договоры опубликовать нельзя, то что отсюда следует? Если договоры опубликовать нельзя, то надо помогать министрам-капиталистам продолжать войну. А другой вывод такой: так как опубликовать договоры самим капиталистам нельзя, то надо капиталистов свергнуть. Который из выводов вы считаете более правильным, предлагаю решить вам самим, но предлагаю обязательно обдумать последствия. Если рассуждать так, как рассуждают народнические и меньшевистские министры, то выходит так: раз правительство говорит, что опубликовать договоры нельзя, то надо издать новый манифест. Бумага еще не настолько дорога, чтобы нельзя было писать новых манифестов. Напишем новый манифест и будем производить наступление. Для чего? С какими целями? Кто будет распоряжаться этими целями? Солдаты призываются осуществить грабительские договоры с Румынией и Францией. Пошлите эту статью Водовозова на фронт и потом жалуйтесь: это все большевики, это, верно, большевики придумали этот договор с Румынией. Но тогда не только придется сжить со свету газету «Правду», придется изгнать даже Водовозова за то, что он изучил историю, тогда придется сжечь все книги Милюкова, неслыханно опасные книги. Попробуйте открыть любую книгу вождя партии «народной свободы», бывшего министра иностранных дел. Книги хорошие. О чем они говорят? О том, что Россия имеет «права» на проливы, на Армению, на Галицию, на Восточную Пруссию. Он все поделил, он даже карту приложил. Придется не только большевиков и Водовозова отправить в Сибирь за то, что они пишут такие революционные статьи, — придется сжечь книги Милюкова, потому что, если собрать сейчас простые цитаты из этих книжек Милюкова и их послать на фронт, то не найдется ни одной зажигательной прокламации, которая произвела бы столь же зажигательное действие.

Мне осталось теперь, по тому короткому плану, который я набросал для сегодняшней беседы, коснуться вопроса о «революционном оборончестве». Я думаю, что после того, что я

вам имел честь докладывать, мне можно уже быть кратким, говоря об этом вопросе.

«Революционным оборончеством» называется такое прикрытие войны, которое делается при помощи ссылок на то, что, ведь, мы сделали революцию, ведь, мы — революционный народ, мы — революционная демократия. Но на этот вопрос — какой мы даем ответ? Какую революцию мы сделали? Мы сбросили Николая. Революция не была очень трудной по сравнению с такой революцией, которая бы свергла весь класс помещиков и капиталистов. Кто оказался у власти после нашей революции? — Помещики и капиталисты, — те самые, которые в Европе давно у власти. Там произошли такие революции сто лет тому назад, там давно у власти стоят Терещенки, Милюковы и Коноваловы, и никакой роли не играет, платят ли они цивильный лист [71] своему царьку или обходятся без этого предмета роскоши. Банк все равно остается банком, кладут ли сотни капиталов в концессии, прибыль остается прибылью, все равно, в республике или в монархии. Если какая-либо дикая страна смеет не слушаться нашего цивилизованного капитала, который устраивает такие прекрасные банки в колониях, в Африке, в Персии, если какие-либо дикие народы не слушают нашего цивилизованного банка, то мы посылаем войска, и они водворяют культуру, порядок и цивилизацию, как это делал Ляхов в Персии, как это делали французские «республиканские» войска, с таким же зверством истреблявшие народы в Африке. Не все ли равно: это то же «революционное оборончество», проявляемое только бессознательными широкими народными массами, которые связи войны с правительством не видят, которые не знают, что эта политика закреплена договорами. Договоры остались, банки остались, концессии остались. В России в правительстве сидят лучшие люди своего класса, но от этого в характере мировой войны ровно ничего не изменилось. Новое «революционное оборончество» есть только прикрытие великим понятием революции грязной и кровавой войны из-за грязных и отвратительных договоров.

Войны не изменила русская революция, но она создала организации, которых ни в одной стране нет и не было в большинстве революций на Западе. Большинство революций ограничивалось тем, что выходило новое правительство вроде наших Терещенок и Коноваловых, а страна пребывала в пассивности и дезорганизации. Русская революция пошла дальше. В этом факте зародыш того, что она может победить войну. Этот факт заключается в том, что кроме правительства «почти-социалистических» министров, правительства империалистской войны, правительства наступления, правительства, связанного с англо-французским капиталом, кроме этого,

независимо от этого, мы имеем по всей России сеть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вот она, та революция, которая не сказала еще своего последнего слова. Вот революция, которой в Западной Европе при таких условиях не было. Вот организации тех классов, которым действительно аннексии не нужны, которые в банки миллионов не положили, которые, пожалуй, не заинтересованы в том, правильно ли поделили Персию русский полковник Ляхов и английский либеральный посол. Вот в чем залог того, что эта революция может пойти дальше. В том, что классы, действительно в аннексиях не заинтересованные, несмотря на всю их чрезмерную доверчивость к правительству капиталистов, несмотря на эту страшную путаницу, страшный обман, который в самом понятии «революционного оборончества» заключается, несмотря на то, что они поддерживают заем, поддерживают правительство империалистской войны, — несмотря на все это, они сумели создать организации, в которых представлены массы угнетенных классов. Это — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые в очень многих местностях России пошли в своей революционной работе гораздо дальше, чем в Петрограде. Вполне естественно, потому что в Петрограде мы имеем центральный орган капиталистов.

И если Скобелев вчера говорил в своей речи: мы возьмем всю прибыль, 100% возьмем, то это он размахнулся, размахнулся по-министерски. Если вы возьмете сегодня газету «Речь», то увидите, как к этому месту речи Скобелева отнеслись. Там пишут: «Да ведь это голод, смерть, 100% — это значит — все!». Министр Скобелев идет дальше самого крайнего большевика. Это клевета, будто бы большевики самые левые. Министр Скобелев гораздо «левее». Меня самыми гнусными ругательствами ругали — я предлагал будто бы чуть не раздевать капиталистов. По крайней мере Шульгин говорил: «Пусть нас разденут!». Вообразите большевика, который подходит к гражданину Шульгину и собирается его раздевать. Он мог бы с большим успехом обвинять министра Скобелева в этом. Мы никогда так далеко не шли. Никогда мы не предлагали брать 100% прибыли. Обещание это все-таки ценно. Если вы возьмете резолюцию нашей партии, вы увидите, что мы предлагаем в ней в более обоснованной форме то же, что я предлагал. Должен быть установлен контроль над банками, а потом справедливый подоходный налог *. И только! Скобелев предлагает взять сто копеек из рубля. Ничего подобного мы не предлагали и не предлагаем. Да и Скобелев это просто размахнулся. Он этого серьезно осуществлять не собирается, а

* См. Сочинения В. И. Ленина, изд. 4, т. 24, стр. 278.

если собирается, то не сможет по той простой причине, что обещать все это, подружившись с Терещенко и Коноваловым, — немного смешно. Взять с миллионеров процентов 80—90 дохода можно, но только не под ручку с такими министрами. Если бы власть была у Советов рабочих и солдатских депутатов, они действительно взяли бы, но и то не все, — им этого не нужно. Они взяли бы большую часть дохода. Другая государственная власть этого сделать не может. А со стороны министра Скобелева могут быть самые хорошие пожелания. Я несколько десятилетий видал эти партии, я уже 30 лет нахожусь в революционном движении. Поэтому я меньше всего склонен сомневаться в их добрых намерениях. Но дело не в этом, дело не в добрых намерениях. Добрыми намерениями вымощен ад. А бумагами, подписанными гражданами министрами, полны все канцелярии, и от этого дело не изменилось. Начинайте, если хотите ввести контроль, начинайте! Наша программа такова, что, читая речь Скобелева, мы можем сказать: большего мы не требуем. Мы гораздо умереннее министра Скобелева. Он предлагает и контроль и 100%. Мы 100% брать не хотим, а говорим: «Пока вы не начали ничего делать, мы вам не верим». Вот в чем состоит разница между нами: в том, что мы не верим словам и обещаниям и не советуем верить другим. Опыт парламентарных республик учит нас тому, что бумажным заявлениям верить нельзя. Если хотите контроля, его надо начать. Достаточно одного дня, чтобы издать закон о таком контроле. Совет служащих каждого банка, совет рабочих каждой фабрики, каждая партия получают право контроля. Этого нельзя, скажут нам, это коммерческая тайна, это священная частная собственность! Ну, как хотите, выбирайте одно из двух. Если все эти книги, и счета, и все операции трестов вы хотите оберегать, не нужно болтать о контроле, не нужно говорить, что страна гибнет.

В Германии положение еще хуже. В России можно достать хлеба, в Германии его нельзя достать. В России можно многое сделать при организации. В Германии больше нельзя ничего сделать. Хлеба нет больше, и гибель всего народа неизбежна. Сейчас пишут, что Россия на краю гибели. Если так, то охранять «священную» частную собственность — это преступление. И поэтому, что значат слова о контроле? Разве вы забыли, что Николай Романов по части контроля тоже много писал. У него вы тысячу раз найдете слова: контроль государственный, контроль общественный, назначение сенаторов. Промышленники всю Россию ограбили за два месяца после революции. Капитал наживал сотни процентов прибыли, каждый отчет говорил об этом. А когда рабочие за два месяца революции имели «дерзость» сказать, что они хотят жить по-человечески, то вся

капиталистическая пресса страны подняла вой. Каждый номер «Речи» — дикий вой о том, что рабочие грабят страну, а, ведь, мы обещаем только контроль против капиталистов. Нельзя ли поменьше обещаний, нельзя ли побольше дела? Если вы хотите чиновничьего контроля, контроля через такие же органы, как прежде, наша партия заявляет свое глубокое убеждение, что нельзя оказать вам в этом поддержки, хотя бы там, в правительстве, вместо полдюжины имелась дюжина министров-народников и меньшевиков. Контроль может осуществить только сам народ. Вы должны устроить контроль — советы банковских служащих, советы инженеров, советы рабочих, и завтра же этот контроль начать. Всякого чиновника сделать ответственным под страхом уголовной кары в случае, если он в любом из этих учреждений даст неверные показания. Дело касается гибели страны. Мы хотим знать, сколько хлеба, сколько сырья, сколько рабочих рук, куда их поставить.

Здесь я перехожу к последнему вопросу. Это — вопрос о том, как кончить войну. Нам приписывают нелепый взгляд, будто бы мы хотим сепаратного мира. Германские капиталисты-разбойники делают шаги к миру, говоря: я тебе дам кусочек Турции и Армении, если ты мне дашь рудоносные земли. Ведь, вот о чем дипломаты говорят в каждом нейтральном городе! Всякий знает это. Это прикрыто только условной дипломатической фразой. Для того они и дипломаты, чтобы говорить дипломатическим языком. Какая бессмыслица, будто бы мы стоим за окончание войны сепаратным миром! Войну, которую ведут капиталисты всех богатейших держав, войну, которая вызвана десятилетней историей экономического развития, окончить отказом от военных действий с одной стороны, — это такая глупость, что нам смешно даже ее опровергать. Если мы специально писали резолюцию, чтобы это опровергнуть, то это потому, что мы имеем дело с широкими массами, в которые бросают клевету на нас. Но говорить об этом даже серьезно не приходится. Войну, которую ведут капиталисты всех стран, нельзя кончить без рабочей революции против этих капиталистов. Пока контроль из области фразы не перешел в область дела, пока на место правительства капиталистов не стало правительство революционного пролетариата, до тех пор правительство осуждено на то, чтобы только говорить: гибнем, гибнем и гибнем. Сейчас в «свободной» Англии сажают социалистов за то, что они говорят то же, что я. В Германии сидит Либкнехт, который сказал то же, что говорю я, в Австрии сидит Фридрих Адлер, который сказал то же посредством револьвера (его, может быть, уже казнили). Сочувствие рабочих масс во всех странах на стороне таких социалистов, а не тех, которые перешли на сторону своих капиталистов. Рабочая ре-

волюция растет во всем мире. Конечно, в других странах она труднее. Там нет таких полоумных, как Николай с Распутиным. Там лучшие люди своего класса во главе управления. Там нет условий для революции против самодержавия, там есть уже правительство капиталистического класса. Талантливейшие представители этого класса давно там правят. Вот почему там революция, хотя и не пришла еще, но она неизбежна, как бы много революционеров ни погибло, как гибнет Фридрих Адлер, как гибнет Карл Либкнехт. Будущее за ними, и рабочие во всех странах за них. И рабочие во всех странах должны победить.

Относительно вступления Америки в войну я скажу вот что. Ссылаются на то, что в Америке демократия, что там Белый Дом. Я говорю: свержение рабства было полвека тому назад. Война из-за рабства кончилась в 1865 году. А с тех пор там выросли миллиардеры. Они держат в своем финансовом кулаке всю Америку, подготовляют удушение Мексики и неизбежно придут к войне с Японией из-за раздела Тихого океана. Эта война уже несколько десятилетий подготовляется. О ней говорит вся литература. И действительная цель вступления Америки в войну — это подготовка к будущей войне с Японией. Американский народ все-таки пользуется значительной свободой, и трудно предположить, чтобы он вынес принудительную воинскую повинность, создание армии для каких-либо завоевательных целей, для борьбы с Японией, например. Американцы видят на примере Европы, к чему это приводит. И вот понадобилось американским капиталистам вмешаться в эту войну, чтобы иметь предлог, скрываясь за высокими идеалами борьбы за права малых народностей, создать сильную постоянную армию.

Крестьяне отказываются давать хлеб за деньги и требуют орудия, обувь и одежду. В этом решении заключается громадная доля чрезвычайно глубокой истины. Действительно, страна пришла к такой разрухе, что в России наблюдается, хотя и в менее сильной степени, то, что в других странах давно уже имеется: деньги потеряли свою силу. Господство капитализма настолько подрывается всем ходом событий, что крестьяне, например, денег не берут. Они говорят: «Зачем нам деньги?». И они правы. Господство капитализма подрывается не потому, что кто-то хочет захватить власть. «Захват» власти был бы бессмыслицей. Господство капитализма прекратить было бы невозможно, если бы к этому не вело все экономическое развитие капиталистических стран. Война ускорила этот процесс, и это сделало капитализм невозможным. Никакая сила не разрушила бы капитализм, если бы его не подмыла и не подрыла история.

И вот наглядчейший пример. Этот крестьянин передает то, что все наблюдают: власть денег подорвана. Здесь единственный выход — соглашение Советов рабочих и крестьянских депутатов, чтобы давать за хлеб орудия, обувь и одежду. Вот к чему дело подходит, вот какой ответ жизнь подсказывает. Вот то, без чего предстоит десяткам миллионов людей остаться голодными, необутыми и раздетыми. Десятки миллионов людей прямо стоят перед гибелью, и тут не до того, чтобы охранять интересы капиталистов. Выход только в том, чтобы вся власть перешла в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, представляющих большинство населения. Возможно, что при этом будут ошибки. Никто не убеждает, что такое трудное дело можно поставить сразу. Ничего подобного мы не говорим. Нам говорят: мы хотим, чтобы власть была в руках Советов, а они не хотят. Мы говорим, что опыт жизни подскажет им, и весь народ увидит, что другого выхода нет. «Захвата» власти мы не хотим, так как весь опыт революций учит, что только та власть прочна, которая опирается на большинство населения. Поэтому «захват» власти будет авантюрой, и наша партия на это не пошла бы. Если правительство будет правительством большинства, оно, может быть, поведет такую политику, которая окажется ошибочной на первых порах, но другого выхода нет. Тогда будет мирная перемена направления политики внутри тех же организаций. Нельзя придумать других организаций. Вот почему мы говорим, что нельзя представить себе другого разрешения вопроса.

Как кончить войну? Если бы власть взял Совет рабочих и солдатских депутатов, а германцы продолжали войну, — что бы мы сделали? Те, кто интересуется взглядами нашей партии, могли бы прочитать в нашей газете «Правда» на-днях, где мы привели точную цитату из того, что мы еще за границей говорили в 1915 г.: если революционный класс России, рабочий класс, окажется у власти, он должен предложить мир. И если на наши условия ответят отказом германские капиталисты или другой, какой угодно, страны, тогда он весь будет за войну *. Мы не предлагаем кончить войну одним ударом. Мы этого не обещаем. Мы такой невозможной и невыполнимой вещи, как окончание войны по воле одной стороны, не проповедуем. Такие обещания легко дать, но нельзя исполнить. Легко выйти из этой ужасной войны нельзя. Воюют три года. Будете воевать десять лет, либо идите на трудную, тяжелую революцию. Другого выхода нет. Мы говорим: война, начатая правительствами капиталистов, может быть окончена только рабочей революцией. Кто интересуется социалистическим движением,

* См. Сочинения В. И. Ленина, изд. 4, т. 24, стр. 358. *Ред.*

пусть прочтет Базельский манифест 1912 г., принятый единогласно всеми социалистическими партиями всего мира, манифест, который мы напечатали в нашей «Правде», манифест, который ни в одной воюющей стране нельзя сейчас опубликовать, ни в «свободной» Англии, ни в республиканской Франции, потому что там еще до войны сказана правда о войне. Там сказано: война будет между Англией и Германией из-за соперничества капиталистов. Там сказано: пороху накопилось столько, что ружья сами будут стрелять. Там написано, из-за чего будет война, и сказано, что война приведет к пролетарской революции. Поэтому мы говорим тем социалистам, которые, подписавши этот манифест, перешли на сторону своих капиталистических правительств, что они изменили социализму. Во всем мире социалисты раскололись. Одни — в министрах, другие — в тюрьмах. Во всем мире часть социалистов проповедует подготовку к войне, а другая, как американский Бебель — Евг. Дэбс, который пользуется огромным уважением американских рабочих, — говорит: «Пусть меня скорее расстреляют, но я не дам ни одного цента на эту войну. Я готов воевать только за войну пролетариата против капиталистов во всем мире». Вот как раскололись социалисты во всем мире. Социал-патриоты всего мира думают, что они защищают отечество. Они ошибаются, — они защищают интересы одной кучки капиталистов против другой. Мы проповедуем пролетарскую революцию — то единственно верное дело, из-за которого десятки взошли на эшафот, сотни и тысячи сидят по тюрьмам. Этих социалистов в тюрьмах — меньшинство, но за них рабочий класс, за них все экономическое развитие. Все это говорит нам, что другого выхода нет. Эту войну можно кончить только посредством рабочей революции в нескольких странах. А пока что мы должны подготовлять эту революцию, помогать ей. Русский народ, при всей своей ненависти к войне и при всей своей воле добиться мира, не мог, пока войну вел царь, сделать против войны ничего, кроме подготовки революции против царя и свержения царя. Так это и было. Это история подтвердила вам вчера, и это она вам подтвердит завтра. Мы давно еще сказали: надо помогать растущей русской революции. Мы это сказали в конце 1914 года. За это наши думские депутаты были сосланы в Сибирь, а нам говорили: «Вы не даете ответа. Вы ссылаетесь на революцию, когда стачки прекратились, когда депутаты на каторге, когда ни одной газеты нет!». И нас обвиняли в том, что мы уклоняемся от ответа. Эти обвинения, товарищи, мы слышали целый ряд лет. Мы отвечали: вы можете негодовать, но, пока царь не свергнут, ничего против войны сделать нельзя. И наше предсказание нашло подтверждение. Оно еще не подтвердилось полностью, но оно уже

начало подтверждаться. Революция начинает изменять войну со стороны России. Капиталисты еще продолжают войну, и мы говорим: пока не наступит рабочая революция в нескольких странах, война не может прекратиться, потому что остаются у власти люди, которые хотят этой войны. Нам говорят: «Все кажется спящим в ряде стран. В Германии все социалисты поголовно за войну, один Либкнехт против». Я отвечаю на это: этот один Либкнехт представляет рабочий класс, в нем одном, в его сторонниках, в пролетариате германском надежды всех. Вы не верите этому? Продолжайте войну! Другого пути нет. Если не верите в Либкнехта, если не верите в революцию рабочих, в революцию, которая назревает, если не верите этому, верьте капиталистам!

Кроме рабочей революции в нескольких странах, никто не победит в этой войне. Война не игрушка, война — неслыханная вещь, война стоит миллионов жертв, и не так легко ее окончить.

Солдаты на фронте не могут оторвать фронт от государства и решить по-своему. Солдаты на фронте — это часть страны. Пока государство воюет, будет страдать и фронт. Ничего тут не поделаешь. Война вызвана господствующими классами, ее кончит только революция рабочего класса. Получите ли вы скорый мир, зависит только от того, как пойдет развитие революции. Какие бы чувствительные вещи ни говорились, как бы ни говорили вам: давайте положим конец войне немедленно, его нельзя дать без развития революции. Когда власть перейдет в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, капиталисты выскажутся против нас: Япония — против, Франция — против, Англия — против; против выскажутся правительства всех стран. Против нас будут капиталисты, за нас будут рабочие. Тогда — конец войне, которую начали капиталисты. Вот ответ на вопрос о том, как кончить войну.

Впервые напечатано 23 апреля 1929 г. в газете «Правда» № 93

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 24, стр. 362—385.

УКРАИНА

Крах политики нового, коалиционного, Временного правительства вырисовывается все более и более рельефно. Изданный украинской Центральной радой и принятый 11 июня 1917 года Всеукраинским войсковым съездом «универсальный акт» об устроении Украины представляет собой прямое разоблачение этой политики и документальное свидетельство ее краха.

«Не отделяясь от всей России, не разрываясь с российским государством, — гласит этот акт, — пусть украинский народ на своей земле имеет право сам распоряжаться своей жизнью... Все законы, которыми должен устанавливаться порядок здесь, на Украине, имеет право издавать только наше украинское собрание; те же законы, которыми будет устанавливаться порядок на протяжении всего Российского государства, должны издаваться всероссийским парламентом».

Это совершенно ясные слова. С полнейшей точностью заявлено в них, что в данное время украинский народ отделяться от России не хочет. Он требует автономии, ничуть не отрицая необходимости и верховной власти «всероссийского парламента». Ни один демократ, не говоря уже о социалисте, не решится отрицать полнейшей законности украинских требований. Ни один демократ не может также отрицать *права* Украины на свободное отделение от России: именно безоговорочное признание этого права одно лишь и дает возможность агитировать за вольный союз украинцев и великороссов, за *добровольное* соединение в одно государство двух народов. Именно безоговорочное признание этого права одно лишь в состоянии разорвать на деле, бесповоротно, до конца, с проклятым царистским прошлым, которое *все* сделало для *взаимоотчуждения* народов, столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории. Проклятый царизм превращал великороссов в палачей украинского народа, всячески вскармливал в нем ненависть к тем, кто запрещал даже украинским детям говорить и учиться на родном языке.

Революционная демократия России, если она хочет быть действительно революционной, действительно демократией, должна порвать с этим прошлым, должна вернуть себе, рабочим и крестьянам России, братское доверие рабочих и крестьян Украины. Этого нельзя сделать без полного признания прав Украины, в том числе *права* на свободное отделение.

Мы не сторонники мелких государств. Мы за теснейший союз рабочих всех стран против капиталистов и «своих» и всех вообще стран. Но именно для того, чтобы этот союз был добровольным, русский рабочий, не доверяя ни в чем и ни на минуту ни буржуазии русской, ни буржуазии украинской, стоит сейчас за право отделения украинцев, *не навязывая* им своей дружбы, а *завоевывая ее* отношением как к равному, как к союзнику и брату в борьбе за социализм.

* *
*

Газета озлобленных, полуобезумевших от бешенства, буржуазных контрреволюционеров, «Речь» дико обрушивается на украинцев, на их «самовольное» решение. «Поступок украинцев» будто бы «есть прямое преступление против закона, которое вызывает против себя немедленное применение суровых законных кар». Прибавлять что-либо к этому выпаду озверелых буржуазных контрреволюционеров нечего. Долой контрреволюционеров буржуазии! Да здравствует свободный союз вольных крестьян и рабочих вольной Украины с рабочими и крестьянами революционной России!

«Правда» № 82, 28(15) июня 1917 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 25, стр. 73—74.

РЕВОЛЮЦИЯ, НАСТУПЛЕНИЕ И НАША ПАРТИЯ

«Настал поворотный момент в русской революции», сказал Церетели, сообщая съезду Советов о начавшемся наступлении [72]. Да, поворотный момент настал не только для русской революции, но и для всего хода мировой войны. Русское правительство после трех месяцев колебаний пришло на деле к тому решению, которого требовали от него правительства «союзников».

Наступление объявлено во имя мира. Но «во имя мира» бросают войска в бой империалисты всех стран: при каждом наступлении в каждой из воюющих стран генералы пытаются поднять дух солдат живой надеждой на то, что данное наступление приведет к скорейшему миру.

Этот обычный прием всех империалистов русские министры из «социалистов» разукрасили самыми трескучими фразами, в которых слова о социализме, демократии, революции звучат как погремушки в руках ловкого жонглера. Никакими трескучими фразами не прикрыть того факта, что революционная армия России послана в бой во имя целей империалистов Англии, Франции, Италии, Японии, Америки. Никакие софизмы бывшего циммервальдиста и нынешнего партнера Ллойд-Джорджа, Чернова, не могут скрыть того, что, если русская армия и русский пролетариат действительно не имеют захватных целей, то это ни капли не изменяет империалистского грабительского характера борьбы двух мировых трестов. До тех пор, пока не пересмотрены тайные договоры, связывающие Россию с империалистами других стран, пока Рибо, Ллойд-Джордж и Соннино, как союзники России, продолжают говорить о захватных целях своей внешней политики, до тех пор наступление русских войск есть и остается служением империалистам.

Но, ведь, мы же неоднократно заявляли, что от всяких захватов отказываемся, возражают Церетели и Черновы. Тем хуже, скажем мы: значит, слово у вас расходится с делом, ибо на деле вы служите и русскому и чужому империализму. А когда

вы начинаете активно содействовать «союзному» империализму, вы оказываете великолепные услуги русской контрреволюции. Радость всех черносотенцев и всех контрреволюционеров по поводу решительного поворота вашей политики свидетельствует об этом яснее ясного. Да, русская революция переживает поворотный момент. Русское правительство в лице министров-«социалистов» сделало то, чего не могли сделать министры-империалисты, Гучков и Милюков: оно предоставило русскую армию в распоряжение штабов и дипломатов, действующих во имя и на почве неотмененных тайных договоров, во имя целей, открыто провозглашенных Рибо и Ллойд-Джорджем. Но свою задачу правительство могло выполнить лишь потому, что ему поверила, за ним пошла армия. Пошла на смерть, веря, что жертвы ее приносятся во имя свободы, во имя революции, во имя скорейшего мира.

Но армия пошла на это потому, что она лишь часть народа, пошедшего на данном этапе революции за партиями эсеров и меньшевиков. Этот общий и основной факт — доверие большинства мелкобуржуазной, зависимой от капиталистов политике меньшевиков и эсеров — определяет позицию и поведение нашей партии.

С неустанной энергией будем мы продолжать разоблачать политику правительства, решительно предостерегая, попрежнему, рабочих и солдат против нелепых надежд на разрозненные, дезорганизованные выступления.

Дело в этапе общенародной революции. Церетели и Черновы, попав в зависимость от империализма, проводят этап мелкобуржуазных иллюзий, мелкобуржуазных фраз, прикрывающих тот же самый циничный империализм.

Этот этап надо изжить. Поможем скорее и безболезненнее изжить его. Он приведет к избавлению народ от *последних* мелкобуржуазных иллюзий, к переходу власти в руки революционного класса.

«Правда» № 87, 4 июля (21 июня) 1917 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 25, стр. 94—95.

МОЖНО ЛИ ЗАПУГАТЬ РАБОЧИЙ КЛАСС «ЯКОБИНСТВОМ»?

Орган «социалистической мысли» (не путите!) буржуазный и шовинистский «День» возвращается в № 91 к действительно интересной передовице «Речи» от 18 июня. «День» совсем не понял этой передовицы, в которой выступил как раз *историк* рядом с озлобленным контрреволюционным буржуа. «День» вычитывает из передовицы «твердо определившееся намерение кадетов выйти из коалиционного правительства».

Это пустяки. Кадеты грозят, чтобы запугать Церетели и Черновых. Это не серьезно.

Серьезно и интересно то, как с точки зрения историка ставил 18-го июня вопрос о власти передовик «Речи».

«Если, — писал он, — при прежнем составе правительства возможно было хотя некоторое руководство ходом русской революции, то теперь, видимо, ей суждено развиваться далее по стихийным законам всех революций... Вопрос о нецелесообразности дальнейшего существования не оправдавшей себя правительственной комбинации ставится уже не одними большевиками» (это заметьте: *не* одними большевиками!)... «и не одним только большинством Совета... Вопрос должен быть поставлен и самими министрами-капиталистами».

Правильное признание историка, что *не* одни большевики, а все взаимоотношение классов, вся жизнь общества поставила на очередь вопрос о «нецелесообразности дальнейшего существования не оправдавшей себя правительственной комбинации». Колебания — такова действительность. Наступление — возможный выход к победе империалистской буржуазии. Другой возможный выход?

Историк в «Речи» отвечает на этот последний вопрос:

«Взяв «всю власть», Советы скоро убедятся, что у них очень немного власти. И они должны будут восполнять недостаток власти испытанными в истории младотурецкими или якобинскими приемами... Захотят ли они, поставив вновь весь вопрос, скатиться вниз до якобинства и террора, или сделают попытку умыть себе руки? Вот тот очередной вопрос, который должен решиться на днях».

Историк прав. На-днях или не на-днях, но вскоре должен решиться именно этот вопрос. *Либо* наступление, поворот к контрреволюции, успех (надолго ли?) дела империалистской буржуазии, «умывание рук» Черновым и Церетели.

Либо — «якобинство». Историки буржуазии видят в якобинстве падение («скатиться вниз»). Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших *подъемов* угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики. Полной победы не суждено было завоевать якобинцам, главным образом потому, что Франция XVIII века была окружена на континенте слишком отсталыми странами и что в самой Франции не было материальных основ для социализма, не было банков, синдикатов капиталистов, машинной индустрии, железных дорог.

«Якобинство» в Европе или на границе Европы и Азии в XX веке было бы господством революционного класса, пролетариата, который, поддержанный беднейшим крестьянством и опираясь на наличность материальных основ для движения к социализму, мог бы не только дать все то великое, неискоренимое, незабываемое, что дали якобинцы XVIII века, но и привести, во всемирном масштабе, к прочной победе трудящихся.

Буржуазии свойственно ненавидеть якобинство. Мелкой буржуазии свойственно бояться его. Сознательные рабочие и трудящиеся верят в переход власти к революционному, угнетенному классу, ибо *в этом* суть якобинства, единственный выход из кризиса, избавление от разрухи и от войны.

«Правда» № 90, 7 июля (24 июня) 1917 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 25, стр. 101—102.

ИЗ РАБОТЫ
«ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МОМЕНТЕ»[73]

...13. Рабочий класс, когда он завоюет власть, один только сможет повести политику мира не на словах, как ее ведут меньшевики и эсеры, на деле поддерживающие буржуазию и ее тайные договоры, а на деле. Именно: он немедленно и при каком угодно военном положении, даже если корниловские генералы, сдав Ригу, сдадут и Петроград, предложит *всем* народам открытые, точные, ясные, *справедливые* условия мира. Рабочий класс может сделать это от имени всего народа, ибо подавляющее большинство рабочих и крестьян России высказалось против теперешней захватной войны и за мир на справедливых условиях, без аннексий (захватов) и без контрибуций.

Эсеры и меньшевики обманывают сами себя и обманывают народ, месяцами разговаривая о таком мире. Рабочий класс, завоевав власть, не теряя ни одного дня, предложит его всем.

Капиталисты всех стран с таким трудом сдерживают растущую повсюду рабочую революцию против войны, что если русская революция от бессильных и жалких воздыханий насчет мира перейдет к прямому предложению его, вместе с оглашением и разрывом тайных договоров и т. д., то девяносто девять шансов из ста, что мир наступит быстро, что капиталисты не смогут помешать миру.

А если осуществится наименее вероятный случай, что капиталисты отвергнут, вопреки воле своих народов, условия мира русского рабочего правительства, то революция в Европе приблизится во сто раз ближе, а армия наших рабочих и крестьян выберет себе не ненавидимых, а уважаемых начальников и полководцев, убедится в справедливости войны после того, как мир предложен, тайные договоры порваны, союз с помещиками и буржуазией прекращен, земля вся передана

крестьянам. Только тогда война станет справедливой войной со стороны России, только такую войну поведут рабочие и крестьяне не из-под палки, а добровольно, и такая война еще более приблизит неизбежную рабочую революцию в передовых странах...

Написано не позднее 3(16) сентября 1917 г. Впервые напечатано в 1925 г. в Ленинском сборнике IV

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 25, стр. 291—292.

ИЗ БРОШЮРЫ
«ГРОЗЯЩАЯ КАТАСТРОФА И КАК С НЕЙ БОРОТЬСЯ»

БОРЬБА С РАЗРУХОЙ И ВОЙНА

Вопрос о мерах борьбы с надвигающейся катастрофой подводит нас к освещению другого важнейшего вопроса: о связи внутренней политики с внешнею, или иначе: о соотношении между войной захватной, империалистской, и войной революционной, пролетарской, между войной преступно-грабительской и войной справедливо-демократической.

Все описанные нами меры борьбы с катастрофой чрезвычайно усилили бы, как уже было нами отмечено, обороноспособность или, говоря иначе, военную мощь страны. Это с одной стороны. А с другой стороны, эти меры нельзя провести в жизнь, не превращая войны захватной в войну справедливую, войны, ведомой капиталистами в интересах капиталистов, в войну, ведомую пролетариатом в интересах всех трудящихся и эксплуатируемых.

В самом деле. Национализация банков и синдикатов, в связи с отменой коммерческой тайны и рабочим контролем за капиталистами, означала бы не только гигантское сбережение народного труда, возможность сэкономить силы и средства, она означала бы также улучшение положения трудящихся *масс* населения, большинства его. В современной войне, как все знают, экономическая организация имеет решающее значение. В России хватит хлеба, угля, нефти, железа — в этом отношении наше положение лучше, чем какой бы то ни было из воюющих европейских стран. А при борьбе с разрухой указанными средствами, привлекая к этой борьбе самодеятельность масс, улучшая их положение, вводя национализацию банков и синдикатов, Россия использовала бы свою революцию и свой демократизм для подъема всей страны на неизмеримо более высокую ступень экономической организованности.

Если бы вместо «коалиции» с буржуазией, тормозящей все меры контроля и саботирующей производство, эсеры и

меньшевики осуществили в апреле переход власти к Советам и направили свои силы не на игру в «министерскую чехарду», не на бюрократическое просиживание, рядом с кадетами, местечек министров, товарищей министров и пр. и пр., а для руководства рабочими и крестьянами в *их* контроле *за* капиталистами, в их *войне против* капиталистов, — то Россия была бы теперь страной в полном экономическом преобразовании, с землей у крестьян, с национализацией банков, т. е. была бы *постольку* (а это крайне важные экономические базы современной жизни) *выше* всех остальных капиталистических стран.

Обороноспособность, военная мощь страны *с* национализацией банков *выше,* чем страны с банками, остающимися в частных руках. Военная мощь крестьянской страны, с землей в руках крестьянских комитетов, *выше,* чем страны с помещичьим землевладением.

Ссылаются постоянно на героический патриотизм и чудеса военной доблести французов в 1792—1793 годах. Но забывают о материальных, историко-экономических условиях, которые только и сделали эти чудеса возможными. Действительно революционная расправа с отжившим феодализмом, переход всей страны, и притом с быстротой, решительностью, энергией, беззаветностью поистине революционно-демократическими, к более высокому способу производства, к свободному крестьянскому землевладению — вот те материальные, экономические условия, которые с «чудесной» быстротой спасли Францию, *переродив, обновив* ее хозяйственную основу.

Пример Франции говорит нам одно и только одно: чтобы сделать Россию обороноспособной, чтобы добиться и в ней «чудес» массового героизма, надо с «якобинской» беспощадностью смести все старое и обновить, переродить Россию *хозяйственно.* А этого нельзя сделать в XX веке одним сметением царизма (Франция 125 лет тому назад не ограничилась этим). Этого нельзя сделать даже одним революционным уничтожением помещичьего землевладения (мы даже этого не сделали, ибо эсеры и меньшевики изменили крестьянству!), одной передачей земли крестьянству. Ибо мы живем в XX веке, господство над землей *без господства над банками* не в состоянии внести перерождения, обновления в жизнь народа.

Материальное, производственное, обновление Франции, в конце XVIII века, было связано с политическим и духовным, с диктатурой революционной демократии и революционного пролетариата (от которого демократия не обособлялась и который был еще почти слит с нею), — с беспощадной войной, объявленной всему реакционному. Весь народ и в особенности массы, т. е. *угнетенные* классы, были охвачены безграничным революционным энтузиазмом; войну *все* считали справедли-

вой, оборонительной, и она *была на деле* таковой. Революционная Франция оборонялась от реакционно-монархической Европы. Не в 1792—1793 гг., а много лет спустя, *после* победы реакции внутри страны, контрреволюционная диктатура Наполеона превратила войны со стороны Франции из оборонительных в завоевательные.

А в России? Мы продолжаем вести войну империалистскую, в интересах капиталистов, в союзе с империалистами, в согласии с тайными договорами, которые заключил *царь* с капиталистами Англии и проч., обещая в этих договорах русским капиталистам ограбление чужих стран, Константинополь, Львов, Армению и т. д.

Война остается несправедливой, реакционной, захватной со стороны России, пока она не предложила справедливого мира и не порвала с империализмом. Социальный характер войны, ее истинное значение определяется не тем, где стоят неприятельские войска (как думают эсеры и меньшевики, опускаясь до вульгарности темного мужика). Этот характер определяется тем, *какую политику* война продолжает («война есть продолжение политики»), *какой класс* в каких целях войну ведет.

Нельзя вести массы на грабительскую войну в силу тайных договоров и надеяться на их энтузиазм. Передовой класс революционной России, пролетариат, все яснее сознает преступность войны, и буржуазия не только не могла разубедить в этом массы, а напротив, сознание преступности войны растет. Пролетариат *обеих столиц* стал в России интернационалистским окончательно!

Где уж тут говорить о массовом энтузиазме за войну!

Одно неразрывно связано с другим, внутренняя политика с внешней. Нельзя сделать страну обороноспособной без величайшего героизма народа, осуществляющего смело, решительно великие экономические преобразования. И нельзя вызвать героизма в массах, не разрывая с империализмом, не предлагая всем народам демократический мир, не превращая войны таким путем из захватной, грабительской, преступной в справедливую, оборонительную, революционную.

Только беззаветно-последовательный разрыв с капиталистами и во внутренней и во внешней политике в состоянии спасти нашу революцию и нашу страну, зажатую в железные тиски империализма...

Напечатано в конце октября 1917 г. отдельной брошюрой в изд. «Прибой»

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 25, стр. 334—337.

ИЗ КНИГИ
ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ

УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА О ГОСУДАРСТВЕ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА В РЕВОЛЮЦИИ[74]

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Вопрос о государстве приобретает в настоящее время особенную важность и в теоретическом и в практически-политическом отношениях. Империалистская война чрезвычайно ускорила и обострила процесс превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Чудовищное угнетение трудящихся масс государством, которое теснее и теснее сливается с всесильными союзами капиталистов, становится все чудовищнее. Передовые страны превращаются — мы говорим о «тыле» их — в военно-каторжные тюрьмы для рабочих.

Неслыханные ужасы и бедствия затягивающейся войны делают положение масс невыносимым, усиливают возмущение их. Явно нарастает международная пролетарская революция. Вопрос об отношении ее к государству приобретает практическое значение.

Накопленные десятилетиями сравнительно мирного развития элементы оппортунизма создали господствующее в официальных социалистических партиях всего мира течение социал-шовинизма. Это течение (Плеханов, Потресов, Брешковская, Рубанович, затем в чуточку прикрытой форме гг. Церетели, Чернов и К[0] в России; Шейдеман, Легин, Давид и пр. в Германии; Ренодель, Гед, Вандервельд во Франции и Бельгии; Гайндман и фабианцы[75] в Англии и т. д. и т. д.), социализм на словах, шовинизм на деле, отличается подлым лакейским приспособлением «вождей социализма» к интересам не только «своей» национальной буржуазии, но именно «своего» государства, ибо большинство так называемых великих держав давно эксплуатирует и порабощает целый ряд мелких и слабых народностей. А империалистская война является как раз

войной за раздел и передел этого рода добычи. Борьба за высвобождение трудящихся масс из-под влияния буржуазии вообще, и империалистской буржуазии в особенности, невозможна без борьбы с оппортунистическими предрассудками насчет «государства».

Мы рассматриваем сначала учение Маркса и Энгельса о государстве, останавливаясь особенно подробно на забытых или подвергшихся оппортунистическому искажению сторонах этого учения. Мы разберем затем специально главного представителя этих искажений, Карла Каутского, наиболее известного вождя второго Интернационала (1889—1914 гг.), который потерпел такое жалкое банкротство во время настоящей войны. Мы подведем, наконец, главные итоги опыта русских революций 1905 и особенно 1917-го года. Эта последняя, видимо, заканчивает в настоящее время (начало августа 1917 г.) первую полосу своего развития, но вся эта революция вообще может быть понята лишь как одно из звеньев в цепи социалистических пролетарских революций, вызываемых империалистской войной. Вопрос об отношении социалистической революции пролетариата к государству приобретает таким образом не только практически-политическое значение, но и самое злободневное значение, как вопрос о разъяснении массам того, что они должны будут делать, для своего освобождения от ига капитала, в ближайшем будущем.

Автор

Август 1917 г.

Написано в августе — сентябре 1917 г.
Напечатано в 1918 г. отдельной брошюрой в изд. «Жизнь и Знание»

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 23, стр. 355—356.

ИЗ РАБОТЫ
«ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИИ»

МИР НАРОДАМ

3. Советское правительство должно *немедленно* предложить *всем* воюющим народам (т. е. одновременно и правительствам их, и рабочим и крестьянским массам) заключить сейчас же общий мир на демократических условиях, а равно заключить немедленно перемирие (хотя бы на три месяца).

Главным условием демократического мира является отказ от аннексий (захватов) — не в том неправильном смысле, что все державы возвращают потерянное ими, а в том, единственно правильном смысле, что *каждая* народность, без единого исключения, и в Европе, и в колониях, получает свободу и возможность решить сама, образует ли она *отдельное* государство или входит в состав любого иного государства.

Предлагая же условия мира, Советское правительство должно немедленно само приступить на деле к их выполнению, т. е. опубликовать и расторгнуть тайные договоры, которыми мы связаны до сих пор, которые заключены царем и обещают русским капиталистам ограбление Турции, Австрии и т. д. Затем мы обязаны удовлетворить тотчас условия украинцев и финляндцев, обеспечить им, как и всем инородцам в России, полную свободу, вплоть до свободы отделения, применить то же самое ко *всей* Армении, обязаться очистить ее и занятые нами турецкие земли и т. д.

Такие условия мира не будут встречены доброжелательно капиталистами, но у всех народов они встретят такое громадное сочувствие и вызовут такой великий, всемирно-исторический взрыв энтузиазма и всеобщего возмущения затягиванием грабительской войны, что, всего вероятнее, мы получим сразу перемирие и согласие на открытие мирных переговоров. Ибо рабочая революция против войны неудержимо растет всюду, и не фразы о мире (которыми давно обманывают рабочих и крестьян *все* империалистские правительства, в том числе и

наше правительство Керенского), а лишь разрыв с капиталистами и предложение мира способны двинуть ее вперед.

Если осуществится наименее вероятное, т. е. если ни одно воюющее государство не примет даже перемирия, тогда война с нашей стороны сделается действительно вынужденной, действительно справедливой и оборонительной войной. Уже одно сознание этого пролетариатом и беднейшим крестьянством сделает Россию во много раз более сильной и в военном отношении, особенно после полного разрыва с грабящими народ капиталистами, не говоря уже о том, что тогда с нашей стороны война будет не на словах, а на деле, войной в союзе с угнетенными классами всех стран, войной в союзе с угнетенными народами всего мира.

В частности, следует предостеречь народ от того утверждения капиталистов, которому поддаются иногда наиболее запуганные и мещане и которое состоит в том, будто английские и др. капиталисты, в случае разрыва нашего теперешнего, грабительского союза с ними, способны нанести серьезный вред русской революции. Это утверждение насквозь лживо, ибо «финансовая поддержка союзников», обогащая банкиров, «поддерживает» русских рабочих и крестьян только так, как веревка поддерживает повешенного. В России хватит хлеба, угля, нефти, железа, и только избавление от грабящих народ помещиков и капиталистов необходимо для правильного распределения этих продуктов. Что же касается до возможной военной угрозы русскому народу со стороны его теперешних союзников, то предположение, будто французы и итальянцы способны были бы соединить свои войска с немецкими и двинуть их против предложившей справедливый мир России, есть явно вздорное предположение; а Англия, Америка, Япония, даже если бы они объявили войну России (что для них затруднительно до последней степени как в силу чрезвычайной непопулярности такой войны в массах, так и в силу материального расхождения интересов между капиталистами этих стран из-за дележа Азии, и в особенности из-за ограбления Китая), не могли бы причинить России и сотой доли того вреда и тех бедствий, которые причиняет война с Германией, Австрией и Турцией...

«Рабочий Путь» №№ 20 и 21; 9 и 10 октября (26 и 27 сентября) 1917 г.
Подпись: Н. К.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 26, стр. 40—42.

ПИСЬМО ПИТЕРСКОЙ ГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ДЛЯ ПРОЧТЕНИЯ НА ЗАКРЫТОМ ЗАСЕДАНИИ

Товарищи! Позвольте мне обратить внимание конференции на крайнюю серьезность политического положения. Я могу опираться только на сведения утренних субботних газет. Но эти сведения заставляют поставить вопрос так:

Не доказывает ли полное бездействие английского флота вообще, а также английских подводных лодок при взятии Эзеля немцами, в связи с планом правительства переселиться из Питера в Москву, что между русскими и английскими империалистами, между Керенским и англо-французскими капиталистами заключен *заговор* об отдаче Питера немцам и об удушении русской революции *таким путем?*

Я думаю, что доказывает.

Заговор заключен, может быть, не прямо, а еще через каких-нибудь корниловцев (Маклакова, других кадетов, «беспартийных» русских миллионеров и т. п.), но все это сути дела нисколько не меняет.

Вывод ясен:

Надо признать, что революция погибла, если правительство Керенского не будет свергнуто пролетариями и солдатами в ближайшем будущем. Вопрос о восстании ставится на очередь.

Надо все силы мобилизовать, чтобы рабочим и солдатам внушить идею о безусловной необходимости отчаянной, последней, решительной борьбы за свержение правительства Керенского.

Надо обратиться к московским товарищам, убеждая их взять власть в Москве, объявить правительство Керенского низложенным и Совет рабочих депутатов в Москве объявить Временным правительством в России для предложения тотчас мира и для спасения России от заговора. Вопрос о восстании в Москве пусть московские товарищи поставят на очередь.

Надо воспользоваться созываемым на 8 октября в Гельсингфорсе Областным съездом Советов солдатских депутатов Се-

верного района [76], чтобы (при проезде делегатов назад через Питер) все силы мобилизовать для их привлечения на сторону восстания.

Надо обратиться к ЦК нашей партии с просьбой и предложением ускорить уход большевиков из предпарламента и все силы направить на разоблачение в массах заговора Керенского с империалистами других стран и на подготовку восстания для правильного выбора *момента* восстания.

P. S. * Резолюция *солдатской* секции Петроградского Совета против ухода правительства из Питера [77] показала, что и среди солдат *зреет* убеждение в заговоре Керенского. Надо все силы собрать для поддержки этого *верного* убеждения и для агитации среди солдат.

* *
*

Я вношу предложение принять следующую резолюцию:

«Конференция, обсудив теперешнее, по общему признанию до последней степени критическое положение, устанавливает следующие факты:

1. Наступательные операции германского флота, при крайне странном полном бездействии английского флота и в связи с планом Временного правительства переселиться из Питера в Москву вызывают сильнейшее подозрение в том, что правительство Керенского (или, что все равно, стоящие за ним русские империалисты) составило заговор с англо-французскими империалистами об отдаче немцам Питера для подавления революции *таким* способом.

2. Эти подозрения в высшей степени подкрепляются и приобретают максимум возможной в таких случаях вероятности в силу того, что:

во-первых, в армии давно крепнет и окрепло убеждение, что ее предавали царские генералы, предают и генералы Корнилова и Керенского (особенно сдача Риги);

во-вторых, англо-французская буржуазная пресса не скрывает своей бешеной, до неистовства доходящей ненависти к Советам и готовности какой угодно кровавой ценой уничтожить их;

в-третьих, что Керенский, кадеты, Брешковская, Плеханов и тому подобные политики являются вольно и невольно орудиями в руках англо-французского империализма, это доказала вполне полугодовая история русской революции;

в-четвертых, глухие, но упорные слухи о сепаратном мире Англии с Германией «за счет России» не могли возникнуть беспричинно;

---

* — Postscriptum — приписка. *Ред.*

в-пятых, вся обстановка корниловского заговора, как это является даже из заявления сочувствующих в общем Керенскому газет: «Дело Народа» и «Известия», доказала, что Керенский сильнейшим образом замешан в корниловской истории, что Керенский был и остается самым опасным корниловцем; Керенский прикрыл главарей корниловщины вроде Родзянки, Клембовского, Маклакова и др.

Исходя из этого, конференция признает, что все крики Керенского и поддерживающих его буржуазных газет об обороне Питера — сплошной обман и лицемерие, и что вполне права солдатская секция Петроградского Совета, резко осудившая план выселения из Питера; — далее, что для обороны Питера и для спасения революции безусловно и напряженно необходимо, чтобы измученная армия убедилась в добросовестности правительства и получила хлеб, одежду и обувь ценой революционных мер против капиталистов, до сих пор саботировавших борьбу с разрухой (по признанию даже Экономического отдела при меньшевистско-эсеровском ЦИК).

Конференция заявляет поэтому, что только свержение правительства Керенского вместе с подтасованным Советом республики и замена его рабочим и крестьянским революционным правительством способно:

а) передать землю крестьянам вместо подавления восстания крестьян;

б) тотчас же предложить справедливый мир и тем дать веру в правду всей нашей армии;

в) принять самые решительные революционные меры против капиталистов для обеспечения армии хлебом, одеждой и обувью и для борьбы с разрухой.

Конференция настоятельно просит ЦК принять все меры для руководства неизбежным восстанием рабочих, солдат и крестьян для свержения противонародного и крепостнического правительства Керенского.

Конференция постановляет немедленно послать делегацию в Гельсингфорс, Выборг, Кронштадт, Ревель, в войсковые части к югу от Питера и в Москву для агитации за присоединение к этой резолюции и за необходимость быстрым общим восстанием и свержением Керенского открыть дорогу к миру, к спасению Петрограда и революции, к передаче земли крестьянам и власти Советам».

Написано 7(20) октября 1917 г.
Впервые напечатано в 1924 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 26, стр. 119—122.

ИЗ РАБОТЫ
«К ПЕРЕСМОТРУ ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЫ»

VIII

...Наконец, по одному пункту я должен ответить здесь на один вопрос, возникший у некоторых товарищей, но не поднятый, насколько я знаю, в печати. Это вопрос о § 9 политической программы, о праве наций на самоопределение. Пункт состоит из двух частей: первая дает новую формулировку права на самоопределение, вторая содержит не требование, а декларацию. Вопрос, поставленный мне, состоял в том, уместна ли здесь декларация. Вообще говоря, декларациям место не в программе, но исключение из правила, по-моему, здесь необходимо. Вместо слова самоопределение, много раз подававшего повод к кривотолкам, я ставлю совершенно точное понятие: «право на свободное отделение». После опыта полугодовой революции 1917 года едва ли можно спорить, что партия революционного пролетариата России, партия, работающая на великорусском языке, обязана признать право на отделение. Завоевав власть, мы безусловно тотчас признали бы это право и за Финляндией, и за Украиной, и за Арменией, и за всякой угнетавшейся царизмом (и великорусской буржуазией) народностью. Но мы, с своей стороны, вовсе отделения не хотим. Мы хотим как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великоруссами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций. Мы хотим *революционно-пролетарского* единства, *соединения*, а не разделения. Мы хотим *революционного* соединения, поэтому не ставим лозунга объединения всех и всяких государств вообще, ибо на очереди дня социальная революция ставит объединение *только* государств, перешедших и переходящих к социализму, освобождающихся колоний и т. д. Мы хотим *свободного* соединения и потому мы обязаны

признать свободу отделения (без свободы отделения соединение не может быть названо свободным). Мы тем более обязаны признать свободу отделения, что царизм и великорусская буржуазия своим угнетением оставила в соседних нациях тьму озлобления и недоверия к великоруссам вообще, и это недоверие надо рассеять *делами*, а не словами.

Но мы хотим объединения, и это надо сказать, это так важно сказать в программе партии пестрого национального государства, что ради этого необходимо отступить от обычного, необходимо дать место декларации. Мы хотим, чтобы республика русского (я бы не прочь сказать даже: великорусского, ибо это правильнее) народа *привлекала* к себе иные нации, но чем? Не насилием, а исключительно добровольным соглашением. Иначе нарушается единство и братский союз *рабочих* всех стран. В отличие от буржуазных демократов мы ставим лозунг не братство народов, а братство *рабочих* всех народностей, ибо буржуазии всех стран мы не доверяем, считаем ее врагом.

Вот почему надо здесь допустить исключение из правила и вставить в § 9 *декларацию принципов...*

Написано 6—8 (19—21) октября 1917 г.
Напечатано в октябре 1917 г. в журнале «Просвещение» № 1—2
Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 26, стр. 148—149.

1258 с

ВТОРОЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

25—26 ОКТЯБРЯ (7—8 НОЯБРЯ) 1917 г. [78]

ДОКЛАД О МИРЕ 26 ОКТЯБРЯ (8 НОЯБРЯ)

Вопрос о мире есть жгучий вопрос, больной вопрос современности. О нем много говорено, написано, и вы все, вероятно, не мало обсуждали его. Поэтому позвольте мне перейти к чтению декларации, которую должно будет издать избранное вами правительство.

ДЕКРЕТ О МИРЕ

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, — миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, — таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия

и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета, — не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т. е. захватом и насилием.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях.

Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать немедленно открытые переговоры о заключении мира, правительство выражает с своей стороны готов-

ность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше как на 3 месяца, т. е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма, и великие образцы чартистского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в геройской борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии. Все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации.

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, должно немедленно начать переговоры о мире. Наше обращение должно быть направлено

и к правительствам и к народам. Мы не можем игнорировать правительства, ибо тогда затягивается возможность заключения мира, а народное правительство не смеет это делать, но мы не имеем никакого права одновременно не обратиться и к народам. Везде правительства и народы расходятся между собой, а поэтому мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира. Мы, конечно, будем всемерно отстаивать всю нашу программу мира без аннексий и контрибуций. Мы не будем отступать от нее, но мы должны вышибить из рук наших врагов возможность сказать, что их условия другие, и поэтому нечего вступать с нами в переговоры. Нет, мы должны лишить их этого выигрышного положения и не ставить наших условий ультимативно. Поэтому и включено положение о том, что мы рассмотрим всякие условия мира, все предложения. Рассмотрим, это еще не значит, что примем. Мы внесем их на обсуждение Учредительного собрания, которое уже будет властно решить, что можно и чего нельзя уступить. Мы боремся против обмана правительств, которые все на словах говорят о мире, справедливости, а на деле ведут захватные грабительские войны. Ни одно правительство не скажет всего того, что думает. Мы же против тайной дипломатии и будем действовать открыто перед всем народом. Мы не закрываем и не закрывали глаз на трудности. Войну нельзя кончить отказом, войну нельзя кончить одной стороне. Мы предлагаем перемирие на три месяца, но не отвергаем и более короткого срока, чтобы хоть на некоторое время могла вздохнуть свободно измученная армия, и, кроме того, во всех культурных странах необходимо созвать народные собрания, чтобы обсудить условия.

Предлагая немедленно заключить перемирие, мы обращаемся к сознательным рабочим тех стран, которые много сделали для развития пролетарского движения. Мы и обращаемся к рабочим Англии, где было чартистское движение, к рабочим Франции, неоднократно в восстаниях показавшим всю силу своего классового сознания, и к рабочим Германии, вынесшим борьбу с законом о социалистах и создавшим могучие организации.

В манифесте 14 марта мы предлагали свергнуть банкиров, но сами своих не только не свергли, но даже вступили с ними в союз. Теперь мы свергли правительство банкиров.

Правительства и буржуазия употребят все усилия, чтобы объединиться и раздавить в крови рабочую и крестьянскую революцию. Но три года войны достаточно научили массы. Советское движение в других странах, восстание германского флота, подавленное юнкерами палача Вильгельма. Наконец,

надо помнить, что мы живем не в глубине Африки, а в Европе, где все может быть скоро известно.

Рабочее движение возьмет верх и проложит дорогу к миру и социализму. (Долгие несмолкаемые аплодисменты.)

«Известия ЦИК» № 208, 27 октября 1917 г.
«Правда» № 171, 10 ноября (28 октября) 1917 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 26, стр. 217—221.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ О МИРЕ 26 ОКТЯБРЯ (8 НОЯБРЯ)

Я не буду касаться общего характера декларации. Правительство, которое ваш съезд создаст, сможет внести и изменение несущественных пунктов.

Я буду высказываться решительно против того, чтобы наше требование о мире было ультимативным. Ультимативность может оказаться губительной для всего нашего дела. Мы не можем требовать, чтобы какое-нибудь незначительное отступление от наших требований дало возможность империалистическим правительствам сказать, что нельзя было вступить в переговоры о мире из-за нашей непримиримости.

Мы наше обращение разошлем повсюду, все будут знать. Скрыть об условиях, выдвинутых нашим рабоче-крестьянским правительством, будет нельзя.

Нельзя скрыть о нашей рабоче-крестьянской революции, свергнувшей правительство банкиров и помещиков.

При ультимативности, правительства могут не ответить, при нашей редакции они должны будут ответить. Пусть каждый будет знать, что думают их правительства. Мы не хотим тайны. Мы хотим, чтобы правительство всегда было под контролем общественного мнения своей страны.

Что скажет крестьянин какой-нибудь отдаленной губернии, если из-за нашей ультимативности он не будет знать, что хочет другое правительство. Он скажет: товарищи, зачем вы исключили возможность предложений всяких условий мира. Я бы их обсудил, я бы их просмотрел, а затем бы наказал моим представителям в Учредительное собрание, как им поступить. Я готов биться революционным путем за справедливые условия, если правительства не согласятся, но могут быть такие условия для некоторых стран, что я готов предложить этим правительствам бороться самим дальше. Полное осуществление наших мыслей зависит только от свержения всего капиталистического строя. Вот что может сказать нам крестьянин,

и он обвинит нас в излишней неуступчивости и в мелочах, когда нам главное надо раскрыть всю мерзость, все негодяйство буржуазии и ее коронованных и некоронованных палачей, поставленных во главе правительства.

Мы не смеем, не должны давать возможность правительствам спрятаться за нашу неуступчивость и скрыть от народов, за что их посылают на бойню. Это капля, но мы не смеем, мы не должны отказываться от этой капли, которая долбит камень буржуазного захвата. Ультимативность облегчит нашим противникам их положение. Мы же все условия покажем народу. Мы все правительства поставим перед нашими условиями, и пусть они дадут ответ своим народам. Мы все предложения мира внесем на заключение Учредительного собрания.

Есть еще один пункт, на который вам, товарищи, надо обратить пристальное внимание. Тайные договоры должны быть опубликованы. Должны быть отменены пункты об аннексиях и контрибуциях. Есть разные пункты, товарищи, — ведь грабительские правительства не только соглашались о грабежах, но среди таких соглашений они помещали и экономические соглашения и разные другие пункты о добрососедских отношениях.

Мы не связываем себя договорами. Мы не дадим себя опутать договорами. Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать. Мы предлагаем перемирие на срок три месяца, мы выбираем длинный срок, потому что народы утомлены, народы жаждут отдыха от этой кровавой бойни, длящейся четвертый год. Мы должны понимать, что необходимо обсудить условия мира народам, выразить свою волю, при участии парламента, а для этого должен быть дан срок. Мы потому требуем длительного перемирия, чтобы отдохнула армия в окопах от этого кошмара вечных убийств, но мы не отвергаем предложений и более короткого перемирия, мы их рассмотрим и мы их должны будем принять, даже если нам предложат перемирие на месяц или на полтора. Наше предложение о перемирии тоже не должно быть ультимативным, ибо мы не дадим возможности нашим врагам скрыть всю правду от народов, спрятавшись за нашу непримиримость. Оно не должно быть ультимативным, ибо преступно правительство, не желающее перемирия. Если же мы предложение наше о перемирии сделаем не ультимативным, то мы тем самым заставим правительства в глазах народа стать преступниками, а с такими преступниками народы не станут церемониться. Нам возражают, что наша неультимативность покажет наше бессилие, но пора отбросить всю буржуазную фальшь в

разговорах о силе народа. Сила, по буржуазному представлению, это тогда, когда массы идут слепо на бойню, повинуясь указке империалистических правительств. Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше понятие о силе иное. По нашему представлению государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно. Нам нечего бояться сказать правду об усталости, ибо какое государство сейчас не устало, какой народ не говорит открыто об этом? Возьмите Италию, где на почве этой усталости было длительное революционное движение, требовавшее прекращения бойни. Разве в Германии не происходит массовых демонстраций рабочих, на которых выбрасываются лозунги о прекращении войны? Разве не усталостью вызвано то восстание германского флота, которое так беспощадно подавлено палачом Вильгельмом и его прислужниками? Если возможны такие явления в такой дисциплинированной стране, как Германия, где начинают говорить об усталости, о прекращении войны, то нам нечего бояться, если мы скажем открыто о том же, ибо это правда, одинаково верная как для нас, так и для всех воюющих и даже не-воюющих стран.

«Правда» № 171, 10 ноября (28 октября) 1917 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 26, стр. 222—224.

ЗАСЕДАНИЕ ВЦИК 10 (23) НОЯБРЯ 1917 г.

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

1

ДОКЛАД О ПЕРЕГОВОРАХ С ДУХОНИНЫМ

Полный текст наших переговоров с Духониным отпечатан, и я могу ограничиться небольшими заявлениями. Для нас было ясно, что мы имеем дело с противником народной воли и с врагом революции. Со стороны Духонина были разные увертки и уловки с целью затянуть дело. Выражали сомнение в подлинности нашей телеграммы, и с запросом о ее подлинности обращались не к Крыленко, а к генералу Маниковскому. Таким образом генералы украли, по крайней мере, сутки в таком важном и насущном вопросе, как вопрос о мире. Только тогда, когда мы заявили, что обратимся к солдатам, у провода появился генерал Духонин. Мы заявили Духонину, что требуем от него немедленно вступить в переговоры о перемирии, и только. Мы не давали Духонину права заключить перемирие. Не только вопрос о заключении перемирия не подлежит компетенции Духонина, но и каждый шаг его в деле ведения переговоров о перемирии должен был находиться под контролем народных комиссаров. Буржуазная пресса ставит нам упрек в том, что будто мы предлагаем сепаратное перемирие, будто мы не считаемся с интересами румынской армии. Это сплошная ложь. Мы предлагаем немедленно начать мирные переговоры и заключить перемирие со всеми странами без изъятия. Мы имеем сведения, что наши радиотелеграммы доходят в Европу. Так, наша радиотелеграмма о победе над Керенским* была перехвачена австрийским радиотелеграфом и передана. Германцы же посылали встречные волны, чтобы задержать ее. Мы имеем возможность сноситься радиотелеграфом с Парижем, и когда мирный договор будет составлен, мы будем иметь возможность сообщить французскому народу,

---

* См. Сочинения В. И. Ленина, изд. 4, т. 26, стр. 239.

что он может быть подписан и что от французского народа зависит заключить перемирие в два часа. Увидим, что скажет тогда Клемансо. Наша партия не заявляла никогда, что она может дать немедленный мир. Она говорила, что даст немедленное предложение мира и опубликует тайные договоры. И это сделано — борьба за мир начинается. Эта борьба будет трудной и упорной. Международный империализм мобилизует все свои силы против нас, но, как ни велики силы международного империализма, наши шансы весьма благоприятны; в этой революционной борьбе за мир и с борьбой за мир мы соединим революционное братание. Буржуазия желала бы, чтобы осуществился сговор империалистских правительств против нас.

2
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Тов. Чудновский говорил здесь о том, что он «позволил себе» подвергнуть действия комиссаров резкой критике. Здесь не может быть речи о том, можно ли или нельзя позволить себе резкой критики, эта критика составляет долг революционера, и народные комиссары не считают себя непогрешимыми.

Тов. Чудновский говорил, что похабный мир для нас неприемлем, но он не мог привести ни одного слова, ни одного факта, который мог бы быть истолкован в смысле неприемлемости для нас этого мира. Мы сказали: мир может быть подписан только Советом Народных Комиссаров. Когда мы шли на переговоры с Духониным, мы знали, что мы идем на переговоры с врагом, а когда имеешь дело с врагом, то нельзя откладывать своих действий. Результатов переговоров мы не знали. Но у нас была решимость. Необходимо было принять решение тут же, у прямого провода. В отношении к неповинующемуся генералу меры должны были быть приняты немедленно. Мы не могли созвать ЦИК по прямому проводу: здесь нет никакого нарушения прерогатив ЦИК. В войне не дожидаются исхода, а это была война против контрреволюционного генералитета, и мы тут же против него обратились к солдатам. Мы сместили Духонина, но мы не формалисты и бюрократы, и мы знаем, что одного смещения мало. Он идет против нас, а мы апеллируем против него к солдатской массе. Мы даем ей право вступать в переговоры о перемирии. Но не заключаем перемирия. Солдаты получили предостережение: стеречь контрреволюционных генералов*. Я считаю, что любой полк достаточно организован для того, чтобы поддержать необходимый революционный порядок. Если момент, когда солдаты пойдут на переговоры о перемирии, будет использован для измены, если во время братания будет произведено напа-

* См. Сочинения В. И. Ленина, изд. 4, т. 26, стр. 279—280.

дение, то обязанность солдат — расстрелять изменников тут-же без формальностей.

Говорить, что мы теперь ослабили наш фронт, на случай, если бы немцы перешли в наступление — чудовищно. Пока Духонин не был изобличен и смещен, у армии не было уверенности в том, что она проводит международную политику мира. Сейчас эта уверенность есть: воевать с Духониным можно только обращаясь к чувству организованности и самодеятельности солдатской массы. Мир не может быть заключен только сверху. Мира нужно добиваться снизу. Мы не верим ни на каплю немецкому генералитету, но мы верим немецкому народу. Без активного участия солдат мир, заключенный главнокомандующими — непрочен. Я против предложения Каменева не потому, что я в принципе против него, а потому, что того, что предлагает Каменев, недостаточно, это слишком слабо. Я ничего не имею против комиссии, но предлагаю не предрешать ее функции: я против слабых мер и предлагаю не связывать нам в этом отношении руки.

«Правда» № 188,
26(13) ноября 1917 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 26, стр. 281—284.

ИЗ РЕЧИ НА ПЕРВОМ ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ВОЕННОГО ФЛОТА [79]
22 НОЯБРЯ (5 ДЕКАБРЯ) 1917 г.

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

...Развитие русской революции показало, что политика рабского соглашательства с помещиками и капиталистами разлетелась, как мыльный пузырь. Господствовать должна воля большинства; эту волю большинства и проведет союз трудящихся, честная коалиция рабочих и крестьян, на основе общих интересов. Партии меняются и гибнут, а трудящиеся остаются, и о прочности этого союза оратор призывает больше всего заботиться.

Пусть флот, — говорит он, — посвятит все свои силы тому, чтобы этот союз остался основой государственной жизни; если этот союз будет крепок, ничто не сломит дело перехода к социализму.

Обращаясь к национальному вопросу, —говорит Ленин, — следует отметить особо пестрый состав национальностей России, в которой великороссов только около 40 процентов, а остальное большинство принадлежит к другим народностям. При царизме национальный гнет по отношению к последним, неслыханный по своей жестокости и нелепости, скапливал в неполноправных народностях сильнейшую ненависть к монархам. Нечего удивляться, что эта ненависть к тем, которые запрещали даже употребление родного языка и обрекали на безграмотность массы народа, переносилась и на всех великороссов. Думали, что великороссы хотели, как привилегированные, сохранить для себя только те преимущества, которые свято сохраняли за ними Николай II и Керенский.

Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций. (Бурные аплодисменты.)

Если финляндская буржуазия покупает у немцев оружие, чтобы направить его против своих рабочих, мы предлагаем последним союз с русскими трудящимися. Пусть буржуазия затевает презренную жалкую грызню и торг из-за границ, рабочие же всех стран и всех наций не разойдутся на этой гнусной почве. (Бурные аплодисменты.)

Мы сейчас, — я употреблю нехорошее слово — «завоевываем» Финляндию, но не так, как это делают международные хищники-капиталисты. Мы завоевываем тем, что, предоставляя Финляндии полную свободу жить в союзе с нами или с другими, гарантируем полную поддержку трудящимся всех национальностей против буржуазии всех стран. Этот союз основан не на договорах, а на солидарности между эксплуатируемыми против эксплуататоров.

Сейчас мы наблюдаем национальное движение на Украине и мы говорим: мы безусловно стоим за полную и неограниченную свободу украинского народа. Мы должны сломить то старое, кровавое и грязное прошлое, когда Россия капиталистов-угнетателей играла роль палача над другими народами. Это прошлое мы сметем, на этом прошлом мы не оставим камня на камне. (Бурные аплодисменты.)

Мы скажем украинцам: как украинцы, вы можете устраивать у себя жизнь, как вы хотите. Но мы протянем братскую руку украинским рабочим и скажем им: вместе с вами мы будем бороться против вашей и нашей буржуазии. Только социалистический союз трудящихся всех стран устранит всякую почву для национальной травли и грызни. (Бурные аплодисменты.)

— Перейду к вопросу о войне. С войной, вызванной столкновением хищников из-за добычи, мы начали решительную борьбу. Все партии до сих пор говорили об этой борьбе, но дальше слов и лицемерия не шли. Теперь борьба за мир начата. Борьба эта трудна. Кто думал, что мира достигнуть легко, что стоит только лишь заикнуться о мире, и буржуазия подпесет его нам на тарелочке, тот совсем наивный человек. Кто приписывал этот взгляд большевикам, тот обманывал. Капиталисты сцепились в мертвой схватке, чтобы поделить добычу. Ясно: убить войну — значит победить капитал, и в этом смысле Советская власть начала борьбу. Мы опубликовали и впредь будем опубликовывать тайные договоры. Никакая злоба и никакая клевета нас не остановит на этом пути. Господа буржуа злобствуют оттого, что народ видит, из-за чего его гнали на бойню. Они пугают страну перспективой новой войны, в которой Россия оказалась бы изолированной. Но нас не остановит та бешеная ненависть, которую буржуазия проявляет к нам, к нашему движению к миру. Пусть она попро-

бует повести народы на четвертый год войны друг против друга! Это ей не удастся. Не только у нас, но во всех воюющих странах назревает борьба против собственных империалистических правительств. Даже в Германии, которую империалисты десятки лет старались превратить в военный лагерь, где весь правительственный аппарат направлен к тому, чтобы малейшее проявление народного возмущения было пресечено в самом зародыше, и там дошло до открытого восстания во флоте. Нужно знать, как неслыханно велик полицейский произвол в Германии, чтобы понять, какое значение имеет это восстание. Но революция не заказывается; революция является, как следствие взрыва негодования народных масс. Если было так легко справиться с шайкой жалких, полоумных людей, как Романов и Распутин, то зато неизмеримо труднее бороться с организованной и сильной кликой германских коронованных и некоронованных империалистов. Но можно и должно работать рука об руку с революционным классом трудящихся всех стран. И на этот путь встало Советское правительство, когда опубликовало тайные договоры и показало, что правители всех стран — разбойники. Это есть пропаганда не словом, а делом. (Бурные аплодисменты.)

Коснувшись в заключение вопроса о мирных переговорах, оратор сказал:

Когда немцы на наши требования не перебрасывать войска на западный и итальянский фронты ответили уклончиво, мы прервали после этого переговоры и возобновим их некоторое время спустя. И когда мы об этом сообщим открыто на весь мир, то не будет ни одного немецкого рабочего, который бы не знал, что не по нашей вине были прерваны мирные переговоры. Если же представить такой случай, когда немецкий рабочий класс пошел бы вместе со своим правительством хищников-империалистов, и мы стали бы перед необходимостью продолжать войну, то русский народ, умевший безропотно проливать свою кровь, не зная зачем и во имя каких целей исполнявший волю душившего его правительства, без всякого сомнения с удесятеренной энергией, с удесятеренным героизмом пошел бы на борьбу тогда, ибо речь шла бы о борьбе за социализм, за свободу, на которую направила бы штыки международная буржуазия. Но мы верим в международную солидарность трудящихся масс, которые одолеют все препятствия и все препоны на пути борьбы за социализм. (Бурные аплодисменты.)

«Известия ЦИК» № 235, 25 ноября 1917 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 26, стр. 308—311.

КОНСПЕКТ ПРОГРАММЫ ПЕРЕГОВОРОВ О МИРЕ [80]

1) Переговоры политические и экономические.

2) главная тема политических переговоров и основной принцип: *«без аннексий и контрибуций»*.

3) понятие аннексии:

(а) *не*пригодность определения аннексии, как земель, присоединенных после объявления настоящей войны *.

(б) аннексией объявляется всякая территория, население которой в течение последних десятилетий (со второй половины XIX века) выражало недовольство присоединением ее территории к другому государству, или ее положением в государстве, — все равно, выражалось ли это недовольство в литературе, в решениях сеймов, муниципалитетов, собраний и тому подобных учреждений, в государственных и дипломатических актах, вызванных национальным движением этих территорий, в национальных трениях, столкновениях, волнениях и т. п. **.

1) Официальное признание за каждой (недержавной) нацией, входящей в состав данной воюющей страны, права на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 2) право на самоопределение осуществляется путем референдума всего населения самоопределяющейся области; 3) географические границы самоопределяющейся области устанавливаются демократически избранными представителями этой и смежных областей; 4) предварительные условия, гарантирующие осуществление права нации на свободное самоопределение:

а) вывод войск из пределов самоопределяющейся области;

б) водворение в означенную область беженцев, а также выселенных оттуда властью с начала войны жителей этой области;

в) создание в данной области временного правления из демократически-избранных представителей самоопределяю-

* Отклоняется такое определение аннексии, по которому аннектированными считаются земли, присоединенные после объявления войны.

** Дальнейший текст написан И. В. Сталиным. *Ред.*

щейся наций с правом (между прочим) проведения в жизнь пункта *б;*

г) создание при временном правлении комиссий договаривающихся сторон с правом взаимного контроля;

д) необходимые для проведения пунктов *б* и *в* расходы отнести на счет специального фонда из средств оккупировавшей стороны.

Написано 27 ноября (10 декабря) 1917 г.
Впервые напечатано в 1929 г. в Ленинском сборнике XI

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 26, стр. 313—314.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ТРУДЯЩЕГОСЯ И ЭКСПЛУАТИРУЕМОГО НАРОДА[81]

Учредительное собрание постановляет:

I. 1. Россия объявляется республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.

2. Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик.

II. Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление сопротивления эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах, Учредительное собрание постановляет далее:

1. Частная собственность на землю отменяется. Вся земля, со всеми постройками, инвентарем и прочими принадлежностями сельскохозяйственного производства, объявляется достоянием всего трудящегося народа.

2. Подтверждается советский закон о рабочем контроле и о Высшем совете народного хозяйства в целях обеспечения власти трудящегося народа, над эксплуататорами, и как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность рабоче-крестьянского государства.

3. Подтверждается переход всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства, как одно из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала.

4. В целях уничтожения паразитических слоев общества вводится всеобщая трудовая повинность.

5. В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров, декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии рабочих и крестьян, и полное разоружение имущих классов.

III. 1. Выражая непреклонную решимость вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма, залившних землю кровью в настоящей преступнейшей из всех войн, Учредительное собрание всецело присоединяется к проводимой Советской властью политике разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собою армий и достижения, во что бы то ни стало, революционными мерами, демократического мира между народами, без аннексий и без контрибуций, на основе свободного самоопределения наций.

2. В тех же целях Учредительное собрание настаивает на полном разрыве с варварской политикой буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплуататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах.

Учредительное собрание приветствует политику Совета Народных Комиссаров, провозгласившего полную независимость Финляндии [82], начавшего вывод войск из Персии [83], объявившего свободу самоопределения Армении [84].

3. Как первый удар международному банковому, финансовому капиталу, Учредительное собрание рассматривает советский закон об аннулировании (уничтожении) займов, заключенных правительствами царя, помещиков и буржуазии, выражая уверенность, что Советская власть пойдет твердо по этому пути вплоть до полной победы международного рабочего восстания против ига капитала.

IV. Будучи выбрано на основании партийных списков, составленных до Октябрьской революции, когда народ не мог еще всей массой восстать против эксплуататоров, не знал всей силы их сопротивления при отстаивании ими своих классовых привилегий, не взялся еще практически за созидание социалистического общества, Учредительное собрание считало бы в корне неправильным, даже с формальной точки зрения, противопоставлять себя Советской власти.

По существу же Учредительное собрание полагает, что теперь, в момент последней борьбы народа с его эксплуататорами, — эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Поддерживая Советскую власть и декреты Совета Народных Комиссаров, Учредительное собрание считает, что его задачи исчерпываются установлением коренных оснований социалистического переустройства общества.

Вместе с тем, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а, следовательно, тем более тесный и прочный, союз трудящихся классов всех наций России, Учредительное собрание ограничивает свою задачу установлением коренных начал федерации Советских республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном советском съезде, желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях.

Написано в начале января 1918 г.
Напечатано 17(4) января 1918 г. в газете «Правда» № 2

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 26, стр. 385—387.

ТРЕТИЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ[85]

10–18 (23–31) ЯНВАРЯ 1918 г.

ИЗ ДОКЛАДА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ 11 (24) ЯНВАРЯ

...Господа эксплуататоры еще летом 1917 года поняли, что дело идет о «последних и решительных битвах», что последний оплот буржуазии, этот главный и основной источник подавления ею трудящихся масс, будет вырван из их рук, если Советы получат власть.

Вот почему Октябрьская революция открыла эту систематическую неуклонную борьбу за то, чтобы эксплуататоры прекратили свое сопротивление, и чтобы, как это ни трудно даже лучшим из них, не пришлось бы им помириться с мыслью, что не будет больше господства эксплуатирующих классов, отныне простой мужик будет командовать и они должны его слушаться, — как это им ни неприятно, а придется.

Это будет стоить многих трудностей, жертв и ошибок, это дело новое, невиданное в истории, которое нельзя прочитать в книжках. Само собой разумеется, что это — величайший, труднейший в истории переход, но иначе никоим образом этого великого перехода сделать нельзя было. И то обстоятельство, что в России создалась Советская власть, показало, что богаче всего революционным опытом является сама революционная масса, — когда на помощь немногим десяткам партийных людей являются миллионы, — сама практически за горло берущая своих эксплуататоров.

Вот почему в настоящее время в России приобрела преимущество гражданская война. Против нас выдвигают лозунг — «да сгинет гражданская война». Мне пришлось услышать это от представителей правой части так называемого Учредительного собрания. Да сгинет гражданская война... Что это значит? С кем гражданская война? С Корниловым, Керенским, Рябушинским, которые миллионы тратят на подкупы босяков и чиновников? С теми саботажниками, которые, все равно, сознательно или

бессознательно, идут на этот подкуп? Нет сомнения, что из числа последних есть люди, из числа неразвитых, которые идут на это бессознательно, потому что они и представить себе не могут, что можно и должно разрушить до основания прежний буржуазный строй и на его обломках начать строить совершенно новое социалистическое общество. Нет сомнения, что есть такие люди, — но разве это меняет обстоятельства?

Вот почему представители имущих классов все ставят на карту, вот почему это для них последние и решительные битвы, и они не остановятся ни перед каким преступлением, лишь бы сломить Советскую власть. Разве вся история социализма, французского в особенности, которая так богата революционными стремлениями, не показывает нам, что когда сами трудящиеся массы берут в свои руки власть, правящие классы идут на неслыханные преступления и расстрелы, когда дело идет об охране их собственных денежных мешков. И когда эти люди говорят нам о гражданской войне, мы отвечаем им усмешкой, когда же они несут свой лозунг в среду учащейся молодежи, мы говорим им — вы обманываете их!

Классовая борьба не случайно пришла к своей последней форме, когда класс эксплуатируемых берет в свои руки все средства власти, чтобы окончательно уничтожить своего классового врага — буржуазию, смести с лица русской земли не только чиновников, но и помещиков, как смели их в некоторых губерниях русские крестьяне.

Нам говорят, что саботаж, который встретил Совет Народных Комиссаров со стороны чиновников и помещиков, доказывает нежелание идти навстречу социализму. Как будто не ясно было, что вся эта банда капиталистов и жуликов, босяков и саботажников представляет из себя одну, подкупленную буржуазией, банду, сопротивляющуюся власти трудящихся. Конечно, кто думал, что можно перепрыгнуть сразу от капитализма к социализму, или кто представлял себе возможным убедить большинство населения в том, что этого можно достигнуть посредством Учредительного собрания, кто в эту буржуазно-демократическую сказку верил, — тот может спокойно продолжать в эту сказку верить, но пусть он не пеняет на жизнь, если она эту сказку разобьет.

Тот, кто понял, что такое классовая борьба, что значит саботаж, который организовали чиновники, тот знает, что перескочить сразу к социализму мы не можем. Остались буржуа, капиталисты, которые имеют надежду вернуть свое господство и защищают свои денежные мешки, осталось босячество, слой подкупных людей, совершенно раздавленных капитализмом и не умеющих возвыситься до идеи пролетарской борьбы. Остались служащие, чиновники, которые думают, что охрана

старого порядка есть интересы общества. Как можно представить себе победу социализма иначе, как полным крахом этих слоев, иначе, как полной гибелью буржуазии и русской и европейской? Не думаем ли мы, что господа Рябушинские не понимают своих классовых интересов? Это они платят саботажникам для того, чтобы они не работали. Или они действуют врозь? Не действуют ли они вместе с французскими, английскими и американскими капиталистами, скупая ценные бумаги? Посмотрим только, много ли им помогут эти скупки. И не окажутся ли горы ценных бумаг, которые они теперь получают, пустейшей, никуда не годной, старой бумагой?

Вот почему, товарищи, на все упреки и обвинения нас в терроре, диктатуре, гражданской войне, хотя мы далеко еще не дошли до настоящего террора, потому что мы сильнее их, — у нас есть Советы, нам достаточно будет национализации банков и конфискации имущества, чтобы привести их к повиновению, — на все обвинения в гражданской войне мы говорим: да, мы открыто провозгласили то, чего ни одно правительство провозгласить не могло. Первое правительство в мире, которое может о гражданской войне говорить открыто, — есть правительство рабочих, крестьянских и солдатских масс. Да, мы начали и ведем войну против эксплуататоров. Чем прямее мы это скажем, тем скорее эта война кончится, тем скорее все трудящиеся и эксплуатируемые массы нас поймут, поймут, что Советская власть совершает настоящее, кровное дело всех трудящихся.

Я не думаю, товарищи, чтобы нам скоро удалось достигнуть победы в этой борьбе, но мы очень богаты опытом: в течение двух месяцев нам удалось достигнуть многого. Мы пережили попытку наступления Керенского против Советской власти и полнейший крах этой попытки; мы пережили организацию власти украинских Керенских, — там борьба еще не кончилась, но для всякого, кто ее наблюдает, кто слышал хоть несколько правдивых докладов от представителей Советской власти, ясно, что буржуазные элементы украинской Рады доживают последние дни. (Аплодисменты.) В победе Советской власти Украинской народной республики над украинской буржуазной Радой нет никакой возможности сомневаться.

А борьба с Калединым, — тут действительно все зиждется на основе эксплуатации трудящихся, на основе буржуазной диктатуры, — если есть какие-нибудь социальные основы против Советской власти. Крестьянский съезд воочию показал, что дело Каледина — дело безнадежное, трудящиеся массы против него. Опыт Советской власти, пропаганда делом, примером советских организаций берет свое, и внутренняя опора Кале-

дина на Дону теперь падает не столько извне, сколько извнутри.

Вот почему, смотря на фронт гражданской войны в России, мы можем с полной уверенностью сказать: тут победа Советской власти полная и совершенно обеспеченная. И победа этой Советской власти, товарищи, достигается тем, что с самого начала она стала осуществлять исконные заветы социализма, последовательно и решительно опираясь на массы, считая своей задачей самые угнетенные, забитые слои общества пробудить к живой жизни, поднять к социалистическому творчеству. Вот почему старая армия, армия казарменной муштровки, пытки над солдатами — отошла в прошлое. Она отдана на слом, и от нее не осталось камня на камне. (Аплодисменты.) Полная демократизация армии проведена.

Я позволю себе рассказать один происшедший со мной случай. Дело было в вагоне Финляндской железной дороги, где мне пришлось слышать разговор между несколькими финнами и одной старушкой. Я не мог принимать участия в разговоре, так как не знал финского языка, но ко мне обратился один финн и сказал: «Знаете, какую оригинальную вещь сказала эта старуха? Она сказала: теперь не надо бояться человека с ружьем. Когда я была в лесу, мне встретился человек с ружьем, и вместо того, чтобы отнять от меня мой хворост, он еще прибавил мне».

Когда я это услыхал, я сказал себе: пускай сотни газет, как бы они там ни назывались — социалистические, почти-социалистические и пр., пускай сотни чрезвычайно громких голосов кричат нам: «диктаторы», «насильники» и т. п. слова. Мы знаем, что в народных массах поднимается теперь другой голос; они говорят себе: теперь не надо бояться человека с ружьем, потому что он защищает трудящихся и будет беспощаден в подавлении господства эксплуататоров. (Аплодисменты.) Вот что народ почувствовал, и вот почему та агитация, которую ведут простые, необразованные люди, когда они рассказывают о том, что красногвардейцы направляют всю мощь против эксплуататоров, — эта агитация непобедима. Она обойдет миллионы и десятки миллионов и прочно создаст то, что французская Коммуна XIX в. начала создавать, но создала лишь на короткий промежуток, потому что она была разгромлена буржуазией, — создаст социалистическую Красную Армию, к чему все социалисты стремились — всеобщее вооружение народа. Она создаст новые кадры Красной гвардии, которые дадут возможность воспитания трудящихся масс к вооруженной борьбе.

Если про Россию говорили: она не может воевать, потому что у нее не будет офицеров, то мы не должны забывать того,

что говорили эти самые буржуазные офицеры, наблюдая борющихся рабочих против Керенского и Каледина: «да, эти красногвардейцы технически никуда не годятся, но если бы эти люди поучились несколько, то они имели бы непобедимую армию». Ибо в первый раз в истории всемирной борьбы в армию вступили элементы, которые несут с собой не казенные знания, но которыми руководят идеи борьбы за освобождение эксплуатируемых. И когда начатая нами работа будет окончена, Российская Советская республика будет непобедима. (Аплодисменты.)...

*
* *

...Великие основоположники социализма Маркс и Энгельс, наблюдая в течение ряда десятилетий развитие рабочего движения и рост мировой социалистической революции, видели ясно, что переход от капитализма к социализму потребует долгих мук родов, долгого периода диктатуры пролетариата, ломки всего старого, беспощадного уничтожения всех форм капитализма, сотрудничества рабочих всех стран, которые должны слить все свои усилия, чтобы обеспечить победу до конца. И они говорили, что в конце XIX века будет так, что «француз начнет, а немец доделает» [86], — француз начнет потому, что в течение десятилетий революции он выработал в себе тот беззаветный почин в революционном действии, который сделал из него авангард социалистической революции.

Мы видим теперь иное сочетание сил международного социализма. Мы говорим, что легче начинается движение в тех странах, которые не принадлежат к числу эксплуатирующих стран, имеющих возможность легче грабить и могущих подкупить верхушки своих рабочих. Эти, якобы-социалистические, почти все министериабельные черновско-церетелевские партии Западной Европы ничего не осуществляют и не имеют прочных основ. Мы видели пример Италии, мы наблюдали на этих днях геройскую борьбу австрийских рабочих против хищников-империалистов [87]. Пусть даже хищникам удастся остановить на время движение, но прекратить совсем его нельзя, — оно непобедимо.

Пример Советской республики будет стоять перед ними на долгое время. Наша социалистическая республика Советов будет стоять прочно, как факел международного социализма и как пример перед всеми трудящимися массами. Там — драка, война, кровопролитие, жертвы миллионов людей, эксплуатация капитала, здесь — настоящая политика мира и социалистическая республика Советов.

Дела сложились иначе, чем ожидали Маркс и Энгельс, они дали нам, русским трудящимся и эксплуатируемым классам, почетную роль авангарда международной социалистической революции, и мы теперь ясно видим, как пойдет далеко развитие революции; русский начал — немец, француз, англичанин доделает, и социализм победит. (Аплодисменты.)

Напечатано 12, 13, 14 и 20 января 1918 г. в газете «Известия ЦИК» №№ 8, 9, 10 и 15

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 26, стр. 417—421, 428—429.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЗАСЕДАНИИ ЦК РСДРП(б) 19 ЯНВАРЯ (1 ФЕВРАЛЯ) 1918 г.

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

1

Ленин ставит вопрос, какую конференцию созывать? [83] Следует, по его мнению, объясниться на чистоту со сторонниками революционной войны, так как в их Zwischenruf'e * можно усмотреть обвинение в том, что в партии одна группа подозревает другую в дипломатии по вопросу о мире; на самом деле никакой дипломатии нет, так как совершенно открыто заявлено в решении о перемирии, что всякая сторона, желая прекратить его, должна заявить об этом за семь дней до начала военных действий. Мы тянем с миром на этом основании. Как принято решение на третьем съезде Советов? Так, как это предложено ЦИК, ЦИК же вынес решение согласно решению фракции, а фракция приняла его согласно решению ЦК. Ленин полагает, что для разубеждения товарищей — сторонников революционной войны самое лучшее было бы съездить на фронт и там воочию убедиться в полной невозможности ведения войны. Не видит он смысла в конференции и потому, что решения ее не могут быть обязательными для ЦК; возможно, что в силу этого нам для получения точных директив от партии необходимо созвать партийный съезд. Затягивая мирные переговоры, мы даем возможность продолжать братание, а, заключая мир, мы можем сразу обменяться военнопленными и этим самым мы в Германию перебросим громадную массу людей, видевших нашу революцию на практике, обученные ею, они легче смогут работать над пробуждением ее в Германии. Кроме того, он считает, что для точного установления того, что делается в Германии, нам следовало бы послать в Берлин авиаторов, что, по их словам, вполне выполнимо...

Впервые напечатано в 1922 г. в Собрании сочинений Н. Ленина (В. Ульянова), том XV

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 26, стр. 461—462.

---

* — замечание с места во время речи оратора. *Ред.*

ТЕЛЕГРАММА С. Г. ШАУМЯНУ

Дорогой товарищ Шаумян!

Большое спасибо за письмо. Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики. Сумейте соединить с ней осторожнейшую дипломатию, предпосылаемую, безусловно, теперешним труднейшим положением, — и мы победим.

Трудности необъятны. Пока нас спасают только противоречия и конфликты и борьба между империалистами. Умейте использовать эти конфликты: пока надо научиться дипломатии.

Лучшие приветы и пожелания и привет всем друзьям.

В. Ульянов (Ленин)

Написано 14 февраля 1918 г.
Направлено в Баку
Впервые напечатано 20 сентября 1924 г. в «Красной Газете» № 215

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 36, стр. 268.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ РАДИОГРАММЫ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Совет Народных Комиссаров выражает свой протест по поводу того, что германское правительство двинуло войска против Российской Советской Республики, объявившей состояние войны прекращенным и начавшей демобилизацию армии на всех фронтах. Рабочее и крестьянское правительство России не могло ожидать такого шага тем более, что, ни прямо ни косвенно, ни одна из заключивших перемирие сторон не заявляла ни 10 февраля, ни вообще когда-либо, о прекращении перемирия, как это обязались сделать обе стороны по договору 2(15) декабря 1917 г.

Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным, при создавшемся положении, заявить о своей готовности формально подписать тот мир, на тех условиях, которых требовало в Брест-Литовске германское правительство.

Вместе с тем Совет Народных Комиссаров выражает свою готовность, если германское правительство формулирует свои точные условия мира, ответить не позже как через 12 часов, приемлемы ли они эти условия для нас.

Написано в ночь с 18 на 19 февраля 1918 г.

Напечатано 20(7) февраля 1918 г. в газете «Известия ЦИК» № 29

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 26, стр. 479.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ! [89]

Чтоб спасти изнуренную, истерзанную страну от новых военных испытаний, мы пошли на величайшую жертву и объявили немцам о нашем согласии подписать их условия мира [90]. Наши парламентеры 20 (7) февраля вечером выехали из Режицы в Двинск, *и до сих пор нет ответа.* Немецкое правительство, очевидно, медлит с ответом. Оно явно не хочет мира. Выполняя поручение капиталистов всех стран, германский милитаризм *хочет задушить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы — банкирам, власть — монархии.* Германские генералы хотят установить свой «порядок» в Петрограде и в Киеве. *Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности.* До того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии, священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита республики Советов против полчищ буржуазно-империалистской Германии. Совет Народных Комиссаров постановляет: *1) Все силы и средства страны целиком предоставляются на дело революционной обороны. 2) Всем Советам и революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови.* 3) Железнодорожные организации и связанные с ними Советы обязаны всеми силами воспрепятствовать врагу воспользоваться аппаратом путей сообщения; при отступлении уничтожать пути, взрывать и сжигать железнодорожные здания; весь подвижной состав — вагоны и паровозы — немедленно направлять на восток в глубь страны. 4) Все хлебные и вообще продовольственные запасы, а равно всякое ценное имущество, которым грозит опасность попасть в руки врага, должны подвергаться безусловному уничтожению; наблюдение за этим возлагается на местные Советы под личной ответственностью их председателей. 5) Рабочие и крестьяне Петрограда, Киева и всех городов, местечек, сел и деревень по линии нового фронта должны мобилизовать батальоны для рытья окопов под руководством военных специалистов. *6) В эти батальоны*

должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев; сопротивляющихся — расстреливать. 7) Все издания, противодействующие делу революционной обороны и становящиеся на сторону немецкой буржуазии, а также стремящиеся использовать нашествие империалистических полчищ в целях свержения Советской власти, закрываются; работоспособные редакторы и сотрудники этих изданий мобилизуются для рытья окопов и других оборонительных работ. *8) Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления.*

Социалистическое отечество в опасности! Да здравствует социалистическое отечество! Да здравствует международная социалистическая революция!

Совет Народных Комиссаров

21-го февраля 1918 года.
Петроград.

«Правда» № 32, 22 февраля 1918 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 27, стр. 13—14.

О ЧЕСОТКЕ

Мучительная болезнь — чесотка. А когда людьми овладевает чесотка революционной фразы, то одно уже наблюдение этой болезни причиняет страдания невыносимые.

Простые, ясные, понятные, очевидные любому представителю трудящейся массы, кажущиеся бесспорными истины извращаются теми, кто заболел рассматриваемой разновидностью чесотки. Нередко это извращение происходит из самых лучших, благороднейших, возвышенных побуждений, «просто» в силу непереваренности известных теоретических истин или детски-аляповатого, ученически-рабского повторения их не к месту (не понимают люди, как говорится, «что к чему»), но от этого чесотка не перестает быть скверной чесоткой.

Например, что может быть бесспорнее и яснее, чем следующая истина: правительство, давшее измученному трехлетней грабительской войной народу Советскую власть, землю, рабочий контроль и *мир*, было бы непобедимо? Мир — главное. Если после *добросовестных* усилий получить общий и справедливый мир оказалось, на деле оказалось, что его *сейчас* получить нельзя, то любой мужик понял бы, что приходится брать не общий, а сепаратный (отдельный) и несправедливый мир. Всякий мужик, даже самый темный и безграмотный, понял бы это и *ценил* давшее ему даже такой мир правительство.

Большевики должны были заболеть мерзкой чесоткой фразы, чтобы забыть это и вызвать законнейшее недовольство ими со стороны крестьян, когда эта чесотка привела к новой войне грабительской Германии против уставшей России! Какими смешными и жалкими «теоретическими» пустяками и софизмами прикрывалась чесотка, я показал в статье: «О революционной фразе» («Правда» от 21 (8) февраля) *. Я бы не стал вспоминать об этом, если бы та же самая чесотка не

* См. Сочинения В. И. Ленина, изд. 4, т. 28, стр. 1—10.

перекинулась сегодня (этакая прилипчивая болезнь!) на новое место [91].

Для пояснения того, как это случилось, приведу сначала маленький пример, попроще, пояснее, без «теории» — ежели чесотка выдается за «теорию», это бывает нестерпимо — без мудреных слов, без непонятного для массы.

Положим, Каляев [92], чтобы убить тирана и изверга, достает револьвер у крайнего мерзавца, жулика, разбойника, обещая ему за услугу принести хлеб, деньги, водку.

Можно осуждать Каляева за «сделку с разбойником» в целях приобретения орудия смерти? Всякий здоровый человек скажет: нельзя. Ежели Каляеву негде было иначе достать револьвера и ежели дело Каляева действительно честное (убийство тирана, а не убийство из-за грабежа), то Каляева не порицать надо за такое приобретение револьвера, а одобрять.

Ну, а ежели один разбойник в целях совершения убийства из-за грабежа достает за деньги, за водку, за хлеб револьвер у другого разбойника, то можно ли сравнивать (не говоря уже отождествлять) *этакую* «сделку с разбойником» с каляевской сделкой?

Нет. Всякий, не сошедший с ума и не заболевший чесоткой, согласится, что нельзя. Любой мужик, если бы он увидал «интеллигента», фразами отговаривающегося от столь очевидной истины, сказал бы: тебе, барин, не государством управлять, а в словесные клоуны записаться или просто в баньку сходить попариться, чесотку прогнать.

Ежели Керенский, представитель господствующего класса буржуазии, т. е. эксплуататоров, заключает сделку с эксплуататорами англо-французскими о получении от них оружия и картошки и в то же время скрывает от народа договоры, обещающие (в случае успеха) одному разбойнику Армению, Галицию, Константинополь, другому — Багдад, Сирию и проч., то трудно ли понять, что сделка эта — грабительская, мошенническая, гнусная со стороны Керенского и его друзей?

Нет. Это совсем не трудно понять. Любой мужик поймет, даже самый темный и безграмотный.

Ну, а если представитель класса эксплуатируемых, угнетенных, после того, как этот класс свергнул эксплуататоров, опубликовал и отменил все тайные и грабительские договоры, подвергся разбойному нападению со стороны империалистов Германии, то можно ли его осуждать за «сделку с разбойниками» англо-французами, за получение от них оружия и картошки за деньги или за лес и т. п.? Можно ли такую сделку находить нечестной, позорной, нечистой?

Нет, нельзя. Всякий здоровый человек поймет это и высмеет, как шутов гороховых, тех, кто вздумал бы «бла-а-родно» и с ученым видом доказывать, что «массы не поймут» отличия разбойной войны империалиста Керенского (и его бесчестных сделок с разбойниками о дележе общей награбленной добычи) от *каляевской* сделки большевистского правительства с разбойниками англо-французскими насчет добычи у них оружия и картошки для отпора разбойнику германскому.

Всякий здоровый человек скажет: добыть куплей оружие у разбойника в целях разбойных есть гнусность и мерзость, а купить оружие у такого же разбойника в целях справедливой борьбы с насильником есть вещь вполне законная. В такой вещи видеть что-либо «нечистое» могут только кисейные барышни да жеманные юноши, которые «читали в книжке» и вычитали одни жеманности. Кроме этих разрядов людей, разве еще заболевшие чесоткой могут впасть в подобную «ошибку».

Ну, а немецкий рабочий поймет ли разницу между покупкой оружия Керенским у англо-французских разбойников в целях отнятия у турок Константинополя, у Австрии — Галиции, у немцев — Восточной Пруссии, — ... и покупкой оружия большевиками у тех же разбойников в целях отпора Вильгельму, когда он повел войска на социалистическую Россию, предложившую всем честный и справедливый мир, Россию, которая объявила войну законченной?

Надо полагать, что немецкий рабочий «поймет» это, во-первых, потому, что это рабочий умный и образованный, во-вторых, потому, что жить он привык в культуре и опрятности, не страдая ни русской чесоткой вообще, ни чесоткой революционной фразы в особенности.

Есть ли разница между убийством с целью грабежа и убийством насильника?

Есть ли разница между войной двух групп хищников из-за дележа добычи и войной справедливой, за освобождение от нападения хищника на народ, свергнувший хищников?

Не зависит ли оценка того, хорошо или дурно я поступаю, приобретая оружие у разбойника, от цели и назначения этого оружия? От употребления его в нечестивой и подлой или в справедливой и честной войне?

Уф! И скверная же болезнь чесотка. И тяжкое же ремесло человека, которому приходится парить в баньке чесоточных...

P. S.* Северо-американцы в своей освободительной борьбе конца XVIII века против Англии пользовались помощью кон-

---

* — Postscriptum — приписка. *Ред.*

курента и такого же, как Англия, колониального разбойника, государств испанского и французского. Говорят, нашлись «левые большевики», севшие писать «ученый труд» о «нечистой сделке» этих американцев...

Написано 22 февраля 1918 г.
Напечатано 22 февраля 1918 г. в вечернем выпуске газеты «Правда» № 33
Подпись: К а р п о в

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 27, стр. 17—20.

СЕРЬЕЗНЫЙ УРОК И СЕРЬЕЗНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Наши горе-«левые», выступившие вчера с собственной газетой «Коммунист» [93] (надо бы добавить: коммунист до-марксовской эпохи), увертываются от урока и уроков истории, увертываются от своей ответственности.

Напрасные увертки. Увернуться им не удастся.

Увертывающиеся из кожи лезут вон, громоздят газетные столбцы без числа, трудятся в поте лица своего; не жалеют «даже» типографской краски, чтобы представить «теорию» «передышки» беспочвенной и плохой «теорией».

Увы! Их потуги бессильны опровергнуть факт. Факты — упрямая вещь, как говорит справедливая английская пословица. Факт тот, что с 3-го марта, когда в 1 час дня прекращены были германцами военные действия, и до 5-го марта, 7 час. вечера, когда я пишу эти строки, мы имеем передышку и мы *уже* воспользовались этими двумя днями для *деловой* (не фразами, а делами проявляющей себя) защиты социалистического отечества. Это — факт, который будет становиться с каждым днем все более и более очевидным для массы. Это — факт, что в момент, когда панически бежит, бросая пушки и не успевая взрывать мостов, фронтовая армия, неспособная воевать, защитой отечества и *повышением* его обороноспособности является не болтовня о революционной войне (болтовня — при таком паническом бегстве армии, *ни одного* отряда которой сторонники революционной войны *не удержали,* — прямо позорная), а отступление в порядке для спасения остатков армии, использование в этих целях каждого дня передышки.

Факты — упрямая вещь.

Наши горе-«левые», увертываясь от фактов, от их уроков, от вопроса об ответственности, стараются *скрыть* от читателя недавнее, совсем свежее, имеющее историческую важность, прошлое и *замазать* его посредством ссылок на давно прошедшее и несущественное. Пример: К. Радек вспоминает в своей статье про то, как он писал в декабре (в декабре!) о необходимости помочь армии продержаться, писал в «докладной за-

писке Совету Народных Комиссаров». Я этой записки не имел возможности прочесть, и я спрашиваю себя: отчего же не печатает ее *целиком* Карл Радек? Отчего не разъясняет он точно и прямо, что именно понимал он тогда под «компромиссным миром»? Отчего не вспоминает он более близкого прошлого, когда он писал в «Правде» о своей (худшей из всех) иллюзии насчет возможности заключения мира с германскими империалистами при условии возврата Польши?

Отчего?

Оттого, что горе-«левые» вынуждены затушевывать факты, вскрывающие *их*, «левых», ответственных за сеяние иллюзий, которые на деле *помогли* германским империалистам и *помешали* росту и развитию революции в Германии.

Н. Бухарин пытается теперь даже отрицать тот факт, что он и его друзья утверждали, будто немец не сможет наступать. Однако очень и очень многие знают, что это — факт, что Бухарин и его друзья утверждали это, что, сея такую иллюзию, они *помогли* германскому империализму и *помешали* росту германской революции, которая ослаблена теперь тем, что у великороссийской Советской республики отняли, при паническом бегстве крестьянской армии, тысячи и тысячи пушек, сотни и сотни миллионов богатств. Я это предсказал ясно и точно в тезисах от 7 января *. Если Н. Бухарин вынужден теперь «отпираться», тем хуже для него. Все, кто помнит слова Бухарина и его друзей насчет невозможности наступления для немцев, пожмут плечами по поводу того, что Н. Бухарину пришлось «отпираться» от своих собственных слов.

А для тех, кто их не помнит, для тех, кто их не слыхал, сошлемся на документ, немножечко более ценный, интересный и поучительный *сейчас*, чем декабрьские писания К. Радека. Этот документ, к сожалению скрытый «левыми» от их читателей, есть результаты голосований (1) 21 января 1918 г. на совещании ЦК нашей партии с теперешней «левой» оппозицией; и (2) голосования ЦК 17 февраля 1918 г.

21-го января 1918 г. по вопросу о том, разорвать ли переговоры с немцами немедленно, *за* голосовал (из сотрудников горе-«левого» «Коммуниста») один Стуков. Против все остальные.

По вопросу, *допустимо* ли идти на подписание аннексионистского мира в случае разрыва германцами переговоров или ультиматума их, *против* голосовали только Оболенский (когда же напечатаны будут «его» тезисы? отчего молчит о них «Коммунист»?) и Стуков. *За* голосовали все остальные.

---

* См. Сочинения В. И. Ленина, изд. 4, т. 26, стр. 401—408.

По вопросу о том, *надо* ли в таком случае подписать предложенный мир, *против* голосовали только Оболенский, Стуков, остальные «левые» *воздержались!!* Факт.

17-го февраля 1918 г. по вопросу о том, кто за революционную войну, Бухарин и Ломов «в такой постановке отказываются от участия в голосовании». *За* не голосует никто. Факт!

По вопросу о том, надо ли «выждать с возобновлением переговоров о мире до тех пор, пока в достаточной мере (именно так!) не проявится германское наступление и пока не обнаружится его влияние на немецкое рабочее движение», *за* голосуют Бухарин, Ломов и Урицкий из нынешних сотрудников «левой» газеты.

По вопросу о том, «заключаем ли мы мир, если мы будем иметь, как факт, немецкое наступление, а революционного подъема в Германии и Австрии не наступит», *воздержались* Ломов, Бухарин и Урицкий.

Факты — упрямая вещь. А факты говорят, что Бухарин отрицал возможность германского наступления, сеял иллюзии, которыми *на деле,* вопреки своему желанию, *помогал* германским империалистам, *мешал* росту германской революции. В этом и состоит суть революционной фразы. Шел в комнату, попал в другую.

Н. Бухарин упрекает меня в том, что я не разбираю конкретно условий теперешнего мира. Однако нетрудно понять, что для моей аргументации и по сути дела в этом не было и нет никакой надобности. Достаточно было доказать, что действительной, несфантазированной дилеммой для нас является одна: либо *такие* условия, оставляющие хотя бы на несколько дней передышку, либо положение Бельгии и Сербии. И этого Бухарин не опроверг хотя бы для Питера. Это его коллега М. Н. Покровский признал.

А что новые условия хуже, тяжелее, унизительнее худых, тяжелых и унизительных брестских условий, *в этом виноваты,* по отношению к великой Российской Советской республике, *наши горе-«левые»* Бухарин, Ломов, Урицкий и К°. Это исторический факт, доказанный вышеприведенными голосованиями. От этого факта никакими увертками не скроешься. Вам *давали* брестские условия, а вы отвечали фанфаронством и бахвальством, *доведя* до худших условий. Это факт. И ответственность за это вы с себя не снимете.

В моих тезисах от 7 января 1918 г. предсказано с полнейшей ясностью, что в силу состояния нашей армии (которое не могло измениться от фразерства *«против»* усталых крестьянских масс) Россия *должна будет* заключить *худший* сепаратный мир, если не примет Брестского.

«Левые» попались в ловушку буржуазии российской, которой *надо* было втянуть нас в войну, *наиболее* для нас невыгодную.

Что «левые эсеры», высказываясь за войну *сейчас*, заведомо разошлись с крестьянством, это факт. И этот факт говорит за *несерьезность* политики левых эсеров, как несерьезна была кажущаяся «революционной» политика всех эсеров летом 1917 года.

Что наиболее сознательные и передовые рабочие быстро сбрасывают с себя угар революционной фразы, показывает пример Питера и Москвы. В Питере уже отрезвились лучшие рабочие районы: Выборгский и Василеостровский. Петроградский Совет рабочих депутатов не стоит за войну *сейчас*, он понял необходимость *готовить* и готовит ее [94]. В Москве на городской конференции большевиков 3 и 4 марта 1918 года уже победили противники революционной фразы [95].

До каких чудовищных самообольщений договорились «левые», видно из одной фразы в статье Покровского, в которой говорится: «Если воевать, то воевать нужно *теперь* (курсив Покровского),... «когда — слушайте! слушайте! — когда еще не демобилизована российская армия вплоть до вновь образованных частей».

А кто не отмахивается от фактов, тот знает, что величайшей *помехой* для отпора немцам и в Великороссии, и на Украине, и в Финляндии в феврале 1918 г. была *наша недемобилизованная армия*. Это факт. Ибо она не могла не бежать панически, увлекая за собой и красноармейские отряды.

Кто хочет учиться у уроков истории, не прятаться от ответственности за них, не отмахиваться от них, тот вспомнит хотя бы войны Наполеона I с Германией.

Много раз Пруссия и Германия заключали с завоевателем *вдесятеро* более тяжелые и унизительные (чем наш) мирные договоры, вплоть до признания иноземной полиции, вплоть до обязательства давать свои войска на помощь завоевательным походам Наполеона I. В своих договорах с Пруссией Наполеон I угнетал и дробил Германию вдесятеро сильнее, чем Гинденбург и Вильгельм придавили нас теперь. И тем не менее в Пруссии находились люди, которые не фанфаронили, а подписывали архи-«позорные» мирные договоры, подписывали их в силу неимения армии, подписывали вдесятеро более угнетательские и унизительные условия, а потом *все же* поднимались на восстание и на войну. Так было не раз, а много раз. История знает таких несколько мирных договоров и несколько войн. Несколько случаев передышки. Несколько новых объявлений войны завоевателем. Несколько случаев союза *угнетенной* нации с угнетающей, которая была конкурентом

завоевателя и такой же завоевательницей (к сведению сторонников «революционной войны» *без* взятия помощи от империалистов!).

Так шла история.

Так было. Так будет. Мы вступили в эпоху *ряда* войн. Мы идем к новой *отечественной* войне. Мы придем к ней в условиях назревающей социалистической революции. И на этом тяжелом пути русский пролетариат и русская революция сумеют излечиться от фанфаронства, от революционной фразы, сумеют принимать и архитяжкие мирные договоры, сумеют подниматься снова.

Мы заключили *Тильзитский мир*. Мы придем и к нашей победе, к нашему освобождению, как немцы после Тильзитского мира 1807-го года пришли к освобождению от Наполеона в 1813 и 1814 годах. Расстояние, отделяющее наш Тильзитский мир от нашего освобождения, будет, вероятно, меньше, ибо история шагает быстрее.

Долой фанфаронство! За серьезную работу, дисциплину и организацию!

Написано 5 марта 1918 г.
Напечатано 6 марта 1918 г. в газете «Правда» № 42
Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 27, стр. 57—62.

СЕДЬМОЙ СЪЕЗД РКП(б) [96]

6—8 МАРТА 1918 г.

ДОКЛАД О ВОЙНЕ И МИРЕ
7 МАРТА

Политический отчет мог бы состоять из перечисления мероприятий ЦК, но для настоящего момента насущен не такой отчет, а очерк нашей революции в целом; только он и может дать единственно марксистское обоснование всем нашим решениям. Мы должны рассмотреть весь предыдущий ход развития революции и выяснить, почему дальнейшее ее развитие изменилось. В нашей революции мы имеем такие переломы, которые будут иметь громадное значение для революции международной, а именно — Октябрьскую революцию.

Первые успехи февральской революции были обусловлены тем, что за пролетариатом шла не только деревенская масса, но и буржуазия. Отсюда легкость победы над царизмом, чего не удалось нам достигнуть в 1905 году. Самочинное, стихийное создание Советов рабочих депутатов в февральскую революцию повторило опыт 1905 года — нам пришлось провозгласить принцип Советской власти. Массы учились задачам революции из собственного опыта борьбы. События 20—21 апреля — своеобразное сочетание демонстрации с чем-то вроде вооруженного восстания. Этого было достаточно для падения буржуазного правительства. Начинается длительная соглашательская политика, вытекающая из самого существа мелкобуржуазного правительства, ставшего у власти. Июльские события не могли еще осуществить диктатуру пролетариата — массы еще не были подготовлены. Поэтому ни одна из ответственных организаций и не призывала их к этому. Но в смысле разведки в стане врагов июльские события имели огромное значение. Корниловщина и последующие события, как практические уроки, сделали возможной октябрьскую победу. Ошибка желавших разделить и в октябре власть [97] — в том, что они не связали октябрьской победы с июльскими днями, наступлением, корниловщиной и т. д., и т. д., что подвело многомиллионные массы к сознанию того, что Советская власть стала неизбежна. Далее следует наше триумфальное шествие по всей России,

сопутствуемое стремлением всех к миру. Мы знаем, что односторонним отказом от войны мы не получим мира; это указывалось нами еще на Апрельской конференции *. Солдаты так ясно осознали в эпоху с апреля по октябрь, что соглашательская политика все затягивает войну, ведет к диким, бессмысленным попыткам империалистов наступать, запутаться еще больше в войне, которая будет тянуться годами. Вот на этой почве необходимо было во что бы то ни стало перейти поскорее к активной политике мира, необходимо было взять в руки Советов власть, смести до конца помещичье землевладение. Вы знаете, его поддерживал не только Керенский, но и Авксентьев, доходя даже до ареста членов земельных комитетов. И вот эта политика, этот лозунг «власть Советам», насаждаемые нами в сознание широчайших народных масс, дали нам возможность в октябре победить так легко в Петербурге, превратили последние месяцы русской революции в одно сплошное триумфальное шествие.

Гражданская война стала фактом. То, что нами предсказывалось в начале революции и даже в начале войны, и к чему тогда в значительной части социалистических кругов относились с недоверием или даже с насмешкой, именно превращение империалистской войны в войну гражданскую, 25 октября 1917 года стало фактом для одной из самых больших и самых отсталых стран, участвовавших в войне. В этой гражданской войне подавляющее большинство населения оказалось на нашей стороне, и вследствие этого победа давалась нам необычайно легко.

Войска, уходящие с фронта, приносили оттуда всюду, куда только они являлись, максимум революционной решимости покончить с соглашательством, и соглашательские элементы, белая гвардия, сынки помещиков оказались лишенными всякой опоры в населении. Война с ними постепенно, с переходом на сторону большевиков широких масс и войсковых частей, двигавшихся против нас, превратилась в победное триумфальное шествие революции. Это мы видели в Питере, на Гатчинском фронте, где казаки, которых Керенский и Краснов пытались вести против красной столицы, заколебались, это мы видели потом в Москве, в Оренбурге, на Украине. По всей России вздымалась волна гражданской войны, и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью именно потому, что плод созрел, потому, что массы уже проделали весь опыт соглашательства с буржуазией. Наш лозунг «Вся власть Советам», практически проверенный массами долгим историческим опытом, стал их плотью и кровью.

---

* См. Сочинения В. И. Ленина, изд. 4, т. 24, стр. 233—234. *Ред.*

Вот почему сплошным триумфальным шествием были первые месяцы русской революции после 25 октября 1917 года. За этим сплошным триумфальным шествием забывались, отодвигались на второй план те трудности, на которые социалистическая революция наткнулась сразу и не могла не наткнуться. Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, вырастающей из феодализма, в недрах старого строя постепенно создаются новые экономические организации, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача — смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется: она усиливает рост капитализма.

В совершенно ином положении революция социалистическая. Чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные. Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 года, не создало Советов еще в феврале 1917-го года, то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависел только от наличности уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Этой готовой формой явились Советы, и потому в политической области нас ждали те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили, ибо новая форма политической власти была наготове и нам оставалось только несколькими декретами превратить власть Советов из того эмбрионального состояния, в котором она находилась в первые месяцы революции, в форму законно-признанную, утвердившуюся в Российском государстве, — в Российскую Советскую республику. Она родилась сразу, родилась так легко потому, что в феврале 1917 года массы создали Советы, раньше даже, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг. Само глубокое народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им, — вот кто создал эту форму пролетарской власти. Задача победы над внутренним врагом была в высшей степени легкой задачей. Задача создания политической власти была в высшей степени легка, ибо массы дали нам скелет, основу этой власти. Республика Советов родилась сразу. Но оставались еще две гигантской трудности задачи, решение которых никоим образом не могло быть тем триумфальным шествием,

каким шла в первые месяцы наша революция, — у нас не было и не могло быть сомнения, что в дальнейшем социалистическая революция станет перед гигантской трудности задачами.

Во-первых, это были задачи внутренней организации, стоящие перед всякой социалистической революцией. Отличие социалистической революции от буржуазной состоит именно в том, что во втором случае есть готовые формы капиталистических отношений, а Советская власть — пролетарская — этих готовых отношений не получает, если не брать самых развитых форм капитализма, которые в сущности охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие. Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи. По нынешним условиям труда она никоим образом не допускала решения на «ура», подобно тому как нам удавалось решить задачи гражданской войны. Этого решения не допускала самая суть дела. Если мы так легко побеждали наших калединцев и создали Советскую республику при сопротивлении, не заслуживающем даже серьезного внимания; если такой ход событий предрешен был всем объективным предыдущим развитием, так что оставалось сказать только последнее слово, сменить вывеску, вместо «Совет существует как организация профессиональная» написать: «Совет есть единственная форма государственной власти», — то совсем не так обстояло дело в отношении задач организационных. Тут мы встретили гигантские трудности. Тут сразу было ясно всем, кто желал вдумчиво отнестись к задачам нашей революции, что только тяжелым, долгим путем самодисциплины можно побороть то разложение, которое война внесла в капиталистическое общество, только чрезвычайно тяжелым, долгим, упорным путем можем мы это разложение преодолеть и победить те увеличивающие его элементы, которые смотрели на революцию как на способ отделаться от старых пут, сорвав с нее, что можно. Появление в большом числе этих элементов было неизбежно в мелкобуржуазной стране в момент невероятной разрухи, и с ними предстоит борьба в сто раз более трудная, никакой эффектной позиции не обещающая, — борьба, которую мы только-только начали. Мы стоим на первой ступени этой борьбы. Тут нам предстоят тяжелые испытания. Здесь мы по объективному положению дела ни в коем случае не сможем ограничиться триумфальным шествием с развернутыми знаменами, каким шли против калединцев. Всякий, кто попытался бы перенести

этот метод борьбы на организационные задачи, стоящие на пути революции, оказался бы целиком банкротом как политик, как социалист, как деятель социалистической революции.

И то же самое ожидало некоторых из наших увлекшихся первоначальным триумфальным шествием революции молодых товарищей, когда перед последней конкретно встала вторая из гигантских трудностей, легших на ее плечи, — международный вопрос. Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть у себя, если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле [98], — если мы получили так легко все это, то только потому, что счастливо сложившиеся условия на короткий момент прикрыли нас от международного империализма. Международный империализм со всей мощью его капитала, с его высокоорганизованной военной техникой, представляющей настоящую силу, настоящую крепость международного капитала, ни в коем случае, ни при каких условиях не мог ужиться рядом с Советской республикой и по своему объективному положению и по экономическим интересам того капиталистического класса, который был в нем воплощен, — не мог в силу торговых связей, международных финансовых отношений. Тут конфликт является неизбежным. Здесь величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема: необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделать этот переход от нашей революции, как узко национальной, к мировой. Эта задача стала перед нами во всей своей невероятной трудности. Повторяю, что очень многие из наших молодых друзей, считающих себя левыми, стали забывать самое важное, а именно: почему в течение недель и месяцев величайшего триумфа после Октября мы получили возможность столь легкого перехода от триумфа к триумфу. А между тем это было так только потому, что специально сложившаяся международная конъюнктура временно прикрыла нас от империализма. Ему было не до нас. Нам показалось, что и нам не до империализма. А отдельным империалистам было не до нас только потому, что вся величайшая социально-политическая и военная сила современного мирового империализма оказалась к этому времени разделенной междоусобной войной на две группы. Империалистские хищники, втянутые в эту борьбу, дошли до невероятных пределов, до мертвой хватки, до того, что ни одна из этих групп сколько-нибудь серьезной силы сосредоточить против русской революции не могла. Мы попали как раз в такой момент в октябре: наша революция попала как раз — это парадоксально, но это справедливо — в счастливый момент, когда неслыханные бедствия обрушились

на громадное большинство империалистских стран в виде уничтожения миллионов людей, когда война измучила народы неслыханными бедствиями, когда на четвертом году войны воюющие страны подошли к тупику, к распутью, когда встал объективно вопрос: смогут ли дальше воевать доведенные до подобного состояния народы? Только благодаря тому, что наша революция попала в этот счастливый момент, когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла немедленно наброситься одна на другую, ни соединиться против нас, — только этим моментом международных политических и экономических отношений могла воспользоваться и воспользовалась наша революция, чтобы проделать это свое блестящее триумфальное шествие в Европейской России, перекинуться в Финляндию, начать завоевывать Кавказ, Румынию. Только этим объясняется то, что у нас явились в передовых кругах нашей партии партийные работники интеллигенты-сверхчеловеки, которые дали себя увлечь этим триумфальным шествием, которые сказали: с международным империализмом мы справимся; там тоже будет триумфальное шествие, там настоящей трудности нет. Вот в этом — расхождение между объективным положением русской революции, которая только воспользовалась временной заминкой международного империализма, так как временно застопорила машина, которая должна была двигаться против нас, как железнодорожный поезд движется против тачки и дробит ее, — а машина застопорила потому, что столкнулись две группы хищников. Там и тут росло революционное движение, но во всех без исключения империалистских странах оно находилось в большинстве случаев еще в начальной стадии. Его темп развития был совсем не тот, что у нас. Для каждого, кто вдумывался в экономические предпосылки социалистической революции в Европе, не могло не быть ясно, что в Европе неизмеримо труднее начать, а у нас неизмеримо легче начать, но будет труднее продолжать, чем там, революцию. Это объективное положение создало то, что нам предстояло пережить необычайно трудный, крутой излом в истории. От сплошного триумфального шествия в октябре, ноябре, декабре на нашем внутреннем фронте, против нашей контрреволюции, против врагов Советской власти нам предстояло перейти к стычке с настоящим международным империализмом в его настоящем враждебном отношении к нам. От периода триумфального шествия предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого положения, от которого отделаться словами, блестящими лозунгами — как это ни приятно было бы — конечно, нельзя, ибо мы имели в нашей расстроенной стране непомерно уставшие массы, которые дошли до такого положения, когда воевать дальше никоим

образом невозможно, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности. Еще до Октябрьской революции мы видели представителей солдатских масс, не принадлежащих к партии большевиков, которые перед всей буржуазией не стеснялись говорить правду, состоящую в том, что русская армия воевать не будет. Это состояние армии создало гигантский кризис. Страна мелкокрестьянская в своем составе, дезорганизованная войной, доведенная ею до неслыханного состояния, поставлена в необычайно тяжелое положение: армии нет у нас, а приходится продолжать жить рядом с хищником, который вооружен до зубов, который еще пока оставался и остается хищником и которого, конечно, агитацией насчет мира без аннексий и контрибуций пронять было нельзя. Лежал смирный домашний зверь рядом с тигром и убеждал его, чтобы мир был без аннексий и контрибуций, тогда как последнее могло быть достигнуто только нападением на тигра. От этой перспективы верхушки нашей партии — интеллигенция и часть рабочих организаций — попытались отделаться прежде всего фразами, отговорками: так быть не должно. Этот мир был слишком невероятной перспективой, чтобы мы, шедшие до сих пор в открытый бой с развернутыми знаменами, бравшие криком всех врагов, чтобы мы могли уступить, принять унизительные условия. Никогда. Мы слишком гордые революционеры, мы прежде всего заявляем: «Немец не сможет наступать».

Такова была первая отговорка, которой утешали себя эти люди. История поставила нас теперь в необычайно трудное положение; приходится при неслыханно трудной организационной работе пройти ряд мучительных поражений. Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной. Если мы взяли все дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его на себя, будучи убеждены, что революция зреет во всех странах, и, в конце концов, — а не в начале начал, — какие бы трудности мы ни переживали, какие бы поражения нам ни были суждены, международная социалистическая революция придет, — ибо она идет; дозреет, — ибо она зреет, и созреет. Наше спасение от всех этих трудностей — повторяю — во всеевропейской революции. Исходя из этой истины, совершенно абстрактной истины, и руководясь ею, мы должны следить за тем, чтобы она не превратилась со временем в фразу, ибо всякая абстрактная истина, если вы ее будете применять без всякого анализа, превращается в фразу. Если вы скажете, что за каждой стачкой кроется гидра революции, кто этого не по-

нимает, тот не социалист, — то это верно. Да, за каждой стачкой кроется социалистическая революция. Но если вы скажете, что каждая данная стачка — непосредственный шаг к социалистической революции, то вы скажете пустейшую фразу. Это «кажинный божий раз на этом месте» мы слышали и набили оскомину так, что рабочие все эти анархистские фразы отбросили потому, что как несомненно то, что за каждой стачкой кроется гидра социалистической революции, так же ясно, что пустяком является утверждение, будто от каждой стачки можно перейти к революции. Как совершенно бесспорно, что все трудности нашей революции будут превзойдены лишь тогда, когда созреет мировая социалистическая революция, которая теперь везде зреет, — настолько совершенно абсурдно утверждение, что каждую данную конкретную сегодняшнюю трудность нашей революции мы должны припрятать, говоря: «Я ставлю карту на международное социалистическое движение, — я могу делать какие угодно глупости». «Либкнехт выручит потому, что он все равно победит». Он даст такую великолепную организацию, наметит все заранее так, что мы будем брать готовые формы, как мы брали готовое марксистское учение в Западной Европе, — и благодаря чему оно победило у нас, может быть, в несколько месяцев, тогда как на его победу в Западной Европе требовались десятки лет. Итак, совершенно никчемная авантюра — перенесение старого метода решения вопроса борьбы триумфальным шествием на новый исторический период, который наступил, который перед нами поставил не гнилушек Керенского и Корнилова, а поставил международного хищника — империализм Германии, где революция только зрела, но заведомо не созрела. Такой авантюрой было утверждение, что враг против революции не решится наступать. Брестские переговоры не представляли еще из себя момента, когда мы должны были принять какие угодно условия мира. Объективное соотношение сил соответствовало тому, что получения передышки будет мало. Брестские переговоры должны были показать, что немец наступит, что немецкое общество не настолько беременно революцией, что она может разразиться сейчас, и нельзя поставить в вину немецким империалистам, что они своим поведением не подготовили еще этого взрыва или, как говорят наши молодые друзья, считающие себя левыми, такого положения, когда немец не может наступать. Когда им говорят, что у нас армии нет, что мы были вынуждены демобилизоваться, — мы вынуждены были, хотя нисколько не забыли о том, что около нашего смирного домашнего зверя лежит тигр, — они не хотят понять. Если мы вынуждены были демобилизовать армию, то мы

отнюдь не забыли, что путем одностороннего приказа втыкать штык в землю войну кончить нельзя.

Как вообще вышло так, что ни одно течение, ни одно направление, ни одна организация нашей партии не были против этой демобилизации? Что же мы — совершенно с ума сошли? Нисколько. Офицеры, не большевики, говорили еще до Октября, что армия не может воевать, что ее на несколько недель на фронте не удержать. Это после Октября стало очевидным для всякого, кто хотел видеть факт, неприглядную горькую действительность, а не прятаться или надвигать себе на глаза шапку и отделываться гордыми фразами. Армии нет, удержать ее невозможно. Лучшее, что можно сделать, — это как можно скорее демобилизовать ее. Это — больная часть организма, которая испытывала неслыханные мучения, истерзанная лишениями войны, в которую она вошла технически неподготовленной и вышла в таком состоянии, что при всяком наступлении предается панике. Нельзя винить за это людей, вынесших такие неслыханные страдания. В сотнях резолюций с полной откровенностью, даже в течение первого периода русской революции, солдаты говорили: «Мы захлебнулись в крови, мы воевать не можем». Можно было искусственно оттягивать окончание войны, можно было проделать мошенничество Керенского, можно было отсрочить конец на несколько недель, но объективная действительность прокладывала себе дорогу. Это — больная часть русского государственного организма, которая не может выносить долее тягот этой войны. Чем скорее мы ее демобилизуем, чем скорее она рассосется среди частей, еще не настолько больных, тем скорее страна сможет быть готовой для новых тяжелых испытаний. Вот что мы чувствовали, когда единогласно, без малейшего протеста принимали это решение, с точки зрения внешних событий нелепое, — демобилизовать армию. Это был шаг правильный. Мы говорили, что удержать армию — это легкомысленная иллюзия. Чем скорее демобилизовать армию, тем скорее начнется оздоровление всего общественного организма в целом. Вот почему такой глубокой ошибкой, такой горькой переоценкой событий была революционная фраза: «Немец не может наступать», из которой вытекала другая: «Мы можем объявить состояние войны прекращенным. Ни войны, ни подписания мира». Но если немец наступит? «Нет, он не сможет наступать». А вы имеете право ставить на карту не судьбу международной революции, а конкретный вопрос о том: не окажетесь ли вы пособниками немецкого империализма, когда этот момент наступит? Но мы, ставшие все с октября 1917 года оборонцами, признающими защиту отечества, — мы все знаем, что порвали с империалистами не на словах, а на деле: разрушили тайные договоры, победили

буржуазию у себя и предложили открытый честный мир, так что все народы могли увидеть на деле все наши намерения. Каким образом люди, серьезно стоящие на точке зрения обороны Советской республики, могли идти на эту авантюру, которая принесла свои плоды? А это факт, потому что тот тяжелый кризис, который переживает наша партия, в связи с образованием в ней «левой» оппозиции, является одним из величайших кризисов, переживаемых русской революцией.

Этот кризис будет изжит. Никоим образом ни наша партия, ни наша революция на нем себе шеи не сломают, хотя в данный момент это было совсем близко, совсем возможно. Гарантией того, что мы себе на этом вопросе шеи не сломаем, является то, что вместо старого способа решения фракционных разногласий, старого способа, который состоял в необыкновенном количестве литературы, дискуссий, в достаточном количестве расколов, — вместо этого старого способа события принесли людям новый способ учиться. Этот способ — проверка всего фактами, событиями, уроками всемирной истории. Вы говорите, что немец не может наступать. Из вашей тактики вытекало, что можно объявить состояние войны прекращенным. Вас история проучила, она эту иллюзию опровергла. Да, немецкая революция растет, но не так, как нам хотелось бы, не с такой быстротой, как российским интеллигентам приятно, не таким темпом, который наша история выработала в октябре, — когда мы в любой город приходим, провозглашаем Советскую власть, и девять десятых рабочих приходят к нам через несколько дней. Немецкая революция имеет несчастие идти не так быстро. А кто с кем должен считаться: мы с ней или она с нами? Вы пожелали, чтобы она с вами считалась, а история вас проучила. Это урок, потому что абсолютна истина, что без немецкой революции мы погибли, — может быть, не в Питере, не в Москве, а во Владивостоке, в еще более далеких местах, в которые нам, быть может, предстоит перебросится и до которых расстояние, может быть, еще больше, чем расстояние от Петрограда до Москвы, но во всяком случае при всевозможных мыслимых перипетиях, если немецкая революция не наступит, — мы погибнем. Тем не менее, это ни на каплю не колеблет нашей уверенности в том, что мы самое трудное положение должны уметь вынести без фанфаронства.

Революция придет не так скоро, как мы ожидали. Это история доказала, это надо уметь взять как факт, надо уметь считаться с тем, что мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как началась революция в России — стране Николая и Распутина, когда громадной части населения было совершенно все равно, какие там народы на окраинах живут, что там происходит. В такой

стране начать революцию было легко, это значило — перышко поднять.

А начать без подготовки революцию в стране, где развился капитализм, дал демократическую культуру и организованность последнему человеку, — неправильно, нелепо. Тут мы еще только подходим к мучительному периоду начала социалистических революций. Это факт. Мы не знаем, никто не знает, может быть, — это вполне возможно, — она победит через несколько недель, даже через несколько дней, но это нельзя ставить на карту. Нужно быть готовым к необычайным трудностям, к необычайно тяжелым поражениям, которые неизбежны, потому что в Европе революция еще не началась, хотя может начаться завтра, и когда начнется, конечно, не будут нас мучить наши сомнения, не будет вопросов о революционной войне, а будет одно сплошное триумфальное шествие. Это будет, это неминуемо будет, но этого еще нет. Вот простой факт, которому нас история научила, которым она нас очень больно побила, — а за битого двух небитых дают. Поэтому я считаю, что после того, как история нас на этой надежде, — что немец не сможет наступать, и можно валить «на ура», — очень больно побила, этот урок войдет благодаря нашим советским организациям в сознание масс всей Советской России очень быстро. Они все шевелятся, собираются, готовятся к съезду, выносят резолюции, обдумывают то, что произошло. У нас происходят не старые дореволюционные споры, которые оставались внутри узкопартийных кругов, а все решения выносятся на обсуждение масс, требующих проверки их опытом, делом, никогда не дающих себя увлечь легкими речами, никогда не дающих сбить себя с пути, предписываемого объективным ходом событий. Конечно, от трудностей, стоящих перед нами, можно отговориться, если вы имеете перед собою интеллигента или левого большевика: он, конечно, может отговориться от вопросов о том, что армии нет, от того, что революция в Германии не наступает. Массы миллионные, — а политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а там, где миллионы, там только начинается серьезная политика, — миллионы знают, что такое армия, видели солдат, возвращающихся с фронта. Они знают, — если брать не отдельных лиц, а настоящую массу, — что воевать мы не можем, что всякий человек на фронте все, что мыслимо было, вынес. Масса поняла истину, что если армии нет, а рядом с вами лежит хищник, то вам придется подписать напятчайший, унизительный мирный договор. Это неизбежно, пока не родится революция, пока вы не оздоровите своей армии, пока не вернете ее по домам. До тех пор больной не выздоровеет. А не-

мецкого хищника мы «на ура» не возьмем, не скинем, как скинули Керенского, Корнилова. Вот урок, который массы вынесли без оговорок, которые пытались преподнести им некоторые, желающие отделаться от горькой действительности.

Сначала сплошное триумфальное шествие в октябре, ноябре, — потом вдруг русская революция разбита в несколько недель немецким хищником, русская революция готова принять условия грабительского договора. Да, повороты истории очень тяжелы, — у нас все такие повороты тяжелы. Когда в 1907 году мы подписали неслыханно позорный внутренний договор со Столыпиным, когда мы вынуждены были пройти через хлев столыпинской Думы, принимали на себя обязательства, подписывая монархические бумажки [99], мы переживали то же самое в маленьком масштабе, по сравнению с теперешним. Тогда люди, принадлежащие к лучшему авангарду революции, говорили (у них тоже не было тени сомнения в своей правоте): «Мы — гордые революционеры, мы верим в русскую революцию, мы в легальные столыпинские учреждения никогда не пойдем». Пойдете. Жизнь масс, история — сильнее, чем ваши уверения. Не пойдете, так вас история заставит. Это были очень левые, от которых при первом повороте истории ничего, как от фракции, кроме дыму, не осталось. Если мы сумели остаться революционерами, работать при мучительных условиях и выйти из этого положения снова, сумеем выйти и теперь, потому что это не наш каприз, потому что это объективная неизбежность, которая в стране, разоренной до последней степени, создалась потому, что европейская революция, вопреки нашему желанию, посмела запоздать, а немецкий империализм, вопреки нашему желанию, посмел наступать.

Тут надо уметь отступать. Невероятно горькой, печальной действительности фразой от себя не закрыть; надо сказать: дай бог отступить в полупорядке. Мы в порядке отступить не можем, — дай бог отступить в полупорядке, выиграть малейший промежуток времени, чтобы больная часть нашего организма хоть сколько-нибудь рассосалась. Организм в целом здоров: он преодолеет болезнь. Но нельзя требовать, чтобы он преодолел ее сразу, моментально, нельзя остановить бегущую армию. Когда я одному из наших молодых друзей, который желал быть левым, говорил: товарищ, отправьтесь на фронт, посмотрите, что там делается в армии, — это было принято за обидное предложение: «нас хотят сослать в ссылку, чтобы мы здесь не агитировали за великие принципы революционной войны». Предлагая это, я, право, не рассчитывал на отправку фракционных врагов в ссылку: это было предложение посмотреть на то, что армия начала неслыханно бежать. И раньше мы это знали, и раньше нельзя было закрывать глаза на то, что

там разложение дошло до неслыханных фактов, до продажи наших орудий немцам за гроши. Это мы знали, как знаем и то, что армию нельзя удержать, и отговорка, что немец не наступит, была величайшей авантюрой. Если европейская революция опоздала родиться, нас ждут самые тяжелые поражения, потому что у нас нет армии, потому что у нас нет организации, потому что этих двух задач решить сейчас нельзя. Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен идти ползком на брюхе, в грязи, тогда ты не революционер, а болтун, и не потому я предлагаю так идти, что это мне нравится, а потому, что другой дороги нет, потому что история сложилась не так приятно, что революция всюду созревает одновременно.

Дело происходит так, что гражданская война началась как попытка столкновения с империализмом, доказавшая, что империализм сгнил совершенно и что подымаются пролетарские элементы внутри каждой армии. Да, мы увидим международную мировую революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка, — я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки. Но я спрашиваю: серьезному революционеру свойственно ли верить сказкам? Во всякой сказке есть элементы действительности: если бы вы детям преподнесли сказку, где петух и кошка не разговаривают на человеческом языке, они не стали бы ею интересоваться. Так точно, если народу говорить, что гражданская война в Германии придет, и вместе с тем ручаться, что вместо столкновения с империализмом будет полевая международная революция, то народ скажет, что вы обманываете. Этим вы только в своем понимании, в своих желаниях проходите через те трудности, которые история преподнесла. Хорошо, если немецкий пролетариат будет в состоянии выступить. А вы это измерили, вы нашли такой инструмент, чтобы определить, что немецкая революция родится в такой-то день? Нет, вы этого не знаете, мы тоже не знаем. Вы все ставите на карту. Если революция родилась, — так все спасено. Конечно! Но если она не выступит так, как мы желаем, возьмет да не победит завтра, — тогда что? Тогда масса скажет вам: вы поступили как авантюристы, — вы ставили карту на этот счастливый ход событий, который не наступил, вы оказались непригодными оставаться в том положении, которое оказалось вместо международной революции, которая придет неизбежно, но которая сейчас еще не дозрела.

Наступил период тягчайших поражений, нанесенных вооруженным до зубов империализмом стране, которая демобилизовала свою армию, должна была демобилизоваться. То, что я предсказывал, наступило целиком: вместо Брестского мира мы получили мир гораздо унизительней, по вине тех, кто не брал

его. Мы знали, что по вине армии заключаем мир с империализмом. Мы сидели за столом рядом с Гофманом [100], а не с Либкнехтом, — и этим мы помогли немецкой революции. А теперь вы помогаете немецкому империализму, потому что отдали свои миллионные богатства, — пушки, снаряды, — а это должен был предсказать всякий, кто видел состояние армии, до боли невероятное. Мы погибли бы при малейшем наступлении немцев неизбежно и неминуемо, — это говорил всякий добросовестный человек с фронта. Мы оказались добычей неприятеля в несколько дней.

Получивши этот урок, мы наш раскол, кризис наш изживем, как ни тяжела эта болезнь, потому что нам на помощь придет неизмеримо более верный союзник: всемирная революция. Когда нам говорят о ратификации этого Тильзитского мира, неслыханного мира, более унизительного, грабительского, чем Брестский, я отвечаю: безусловно, — да. Мы должны это сделать, ибо мы смотрим с точки зрения масс. Попытка перенесения тактики октября — ноября внутри одной страны, этого триумфального периода революции, перенесения с помощью нашей фантазии на ход событий мировой революции — эта попытка обречена на неудачу. Когда говорят, что передышка — это фантазия, когда газета, называемая «Коммунист», — должно быть, от Коммуны, — когда эта газета наполняет столбец за столбцом, пытаясь опровергать теорию передышки, тогда я говорю: мне много пришлось пережить фракционных столкновений, расколов, так что я имею большую практику, но должен сказать, что вижу ясно, что старым способом — фракционных партийных расколов — эта болезнь не будет излечена, потому что ее излечит жизнь раньше. Жизнь шагает очень быстро. На этот счет она действует великолепно. История гонит так быстро ее локомотив, что раньше, чем успеет редакция «Коммуниста» издать очередной номер, большинство рабочих в Питере начнет разочаровываться в его идеях, потому что жизнь показывает, что передышка — это факт. Вот сейчас мы подписываем мир, имеем передышку, мы пользуемся ею для защиты отечества лучше, — потому что, если бы мы имели войну, мы имели бы ту панически бегущую армию, которую необходимо было бы остановить и которую наши товарищи остановить не могут и не могли, потому что война сильнее, чем проповеди, чем десять тысяч рассуждений. Если они не поняли объективного положения, они остановить армию не могут, они ее не остановили бы. Эта больная армия заражала весь организм, и мы получили новое неслыханное поражение, новый удар немецкого империализма по революции, — тяжелый удар, потому что легкомысленно оставили себя без пулеметов под ударами империализма. Между тем этой передышкой мы вос-

пользуемся, чтобы убедить народ объединяться, сражаться, чтобы говорить русским рабочим, крестьянам: «Создавайте самодисциплину, дисциплину строгую, иначе вы будете лежать под пятой немецкого сапога, как лежите сейчас, как неизбежно будете лежать, пока народ не научится бороться, создавать армию, способную не бежать, а идти на неслыханные мучения». Это неизбежно потому, что немецкая революция еще не родилась и нельзя ручаться, что она придет завтра.

Вот почему теория передышки, которая совсем отвергается потоками статей «Коммуниста», выдвигается самой жизнью. Всякий видит, что передышка налицо, что всякий пользуется ею. Мы предполагали, что Петроград будет потерян нами в несколько дней, когда подходящие к нам немецкие войска находились на расстоянии нескольких переходов от него, а лучшие матросы и путиловцы, при всем своем великом энтузиазме, оказывались одни, когда получился неслыханный хаос, паника, заставившая войска добежать до Гатчины, когда мы переживали то, что брали назад не сданное, причем это состояло в том, что телеграфист приезжал на станцию, садился за аппарат и телеграфировал: «Никакого немца нет. Станция занята нами». Через несколько часов телефонный звонок сообщал мне из Комиссариата путей сообщения: «Занята следующая станция, мы приближаемся к Ямбургу. Никакого немца нет. Телеграфист занимает свое место». Вот, что мы переживали. Вот та реальная история одиннадцатидневной войны [101]. Ее описали нам матросы, путиловцы, которых надо взять на съезд Советов. Пусть они расскажут правду. Это страшно горькая, обидная, мучительная, унизительная правда, но она во сто раз полезнее, она понимается русским народом.

Я предоставляю увлекаться международной полевой революцией потому, что она наступит. Все придет в свое время, а теперь беритесь за самодисциплину, подчиняйтесь во что бы то ни стало, чтобы был образцовый порядок, чтобы рабочие, хоть один час в течение суток, учились сражаться. Это немного потруднее, чем нарисовать прекрасную сказку. Это есть сейчас, этим вы помогаете немецкой революции, международной революции. Сколько нам дали дней передышки, — мы не знаем, но она дана. Надо скорее демобилизовать армию, потому что это больной орган, а пока мы будем помогать финляндской революции [102].

Да, конечно, мы нарушаем договор, мы его уже тридцать — сорок раз нарушили. Только дети могут не понять, что в такую эпоху, когда наступает мучительный, долгий период освобождения, которое только что создало, подняло Советскую власть на три ступени своего развития, — только дети могут не понимать того, что здесь должна быть длительная,

осмотрительная борьба. Позорный мирный договор поднимает восстание, но когда товарищи из «Коммуниста» рассуждают о войне, они апеллируют к чувству, позабыв то, что у людей сжимались руки в кулаки и кровавые мальчики были перед глазами. Что они говорят? «Никогда сознательный революционер не переживет этого, не пойдет на этот позор». Их газета носит кличку «Коммунист», но ей следует носить кличку «Шляхтич», ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал, умирая в красивой позе со шпагой: «мир — это позор, война — это честь». Они рассуждают с точки зрения шляхтича, а я — с точки зрения крестьянина.

Если я беру мир, когда армия бежит, не может не бежать, не теряя тысячи людей, так я возьму его, чтобы не было хуже. Разве позорен договор? Да меня оправдает всякий серьезный крестьянин и рабочий потому, что они понимают, что мир есть средство для накопления сил. История знает, — на это я ссылался не раз, — история знает освобождение немцев от Наполеона после Тильзитского мира; я нарочно назвал мир Тильзитским, хотя мы не подписали того, что там было: обязательства давать наши войска на помощь завоевателю для завоевания других народов, — а до этого история доходила, и до этого дело дойдет и у нас, если мы будем только надеяться на международную полевую революцию. Смотрите, чтобы история не довела вас и до этой формы военного рабства. И пока социалистическая революция не победила во всех странах, Советская республика может впасть в рабство. Наполеон в Тильзите принудил немцев к неслыханно позорным условиям мира. Там дело шло так, что несколько раз заключался мир. Тогдашний Гофман — Наполеон — ловил немцев на нарушении мира, и нас поймает Гофман на том же. Только мы постараемся, чтобы он поймал не скоро.

Последняя война дала горькую, мучительную, но серьезную науку русскому народу — организовываться, дисциплинироваться, подчиняться, создавать такую дисциплину, чтобы она была образцом. Учитесь у немца его дисциплине, иначе мы — погибший народ и вечно будем лежать в рабстве.

Так, и только так, шла история. История подсказывает, что мир есть передышка для войны, война есть способ получить хоть сколько-нибудь лучший или худший мир. В Бресте соотношение сил соответствовало миру побежденного, но не унизительному. Псковское соотношение сил соответствовало миру позорному, более унизительному, а в Питере и в Москве, на следующем этапе, нам предпишут мир в четыре раза унизительнее. Мы не скажем, что Советская власть есть только форма, как сказали нам молодые московские друзья [103], мы не

скажем, что ради тех или иных революционных принципов можно пожертвовать содержанием, а мы скажем: пусть русский народ поймет, что он должен дисциплинироваться, организовываться, тогда он сумеет вынести все тильзитские миры. Вся история освободительных войн показывает нам, что если эти войны захватывали широкие массы, то освобождение наступало быстро. Мы говорим: если история идет таким образом, нам предстоит сменить мир, возвратиться к войне, — и это, может быть, предстоит на-днях. Каждый человек должен быть готовым. Нет тени сомнения для меня, что немцы подготавливаются за Нарвой, если правда, что она не была взята, как говорят во всех газетах; не в Нарве, а под Нарвой; не в Пскове, а под Псковом немцы собирают свою регулярную армию, свои железные дороги, чтобы следующим прыжком захватить Петроград. Этот зверь прыгает хорошо. Он это показал. Он прыгнет еще раз. В этом нет ни тени сомнений. Поэтому надо быть готовым, надо уметь не фанфаронить, а брать даже один день передышки, ибо даже одним днем можно воспользоваться для эвакуации Питера, взятие которого будет стоить неслыханных мучений для сотен тысяч наших пролетариев. Я еще раз скажу, что готов подписать и буду считать обязанностью подписать в двадцать раз, в сто раз более унизительный договор, чтобы получить хоть несколько дней для эвакуации Питера, ибо я облегчаю этим мучения рабочих, которые иначе могут подпасть под иго немцев; я облегчаю вывоз из Питера тех материалов, пороха и пр., которые нам нужны, потому что я — оборонец, потому что я стою за подготовку армии — пусть в самом отдаленном тылу, где лечат сейчас теперешнюю демобилизованную больную армию.

Мы не знаем, какова будет передышка, — будем пытаться ловить момент. Может быть, передышка будет больше, а может быть, она продлится всего несколько дней. Все может быть, этого никто не знает, не может знать потому, что все величайшие державы связаны, стеснены, принуждены бороться на нескольких фронтах. Поведение Гофмана определяется, с одной стороны, тем, что надо разбить Советскую республику, а с другой стороны — тем, что у него на целом ряде фронтов война, а с третьей стороны — тем, что в Германии революция зреет, растет, и Гофман это знает, он не может, как утверждают, сию минуту взять Питер, взять Москву. Но он может это сделать завтра, это вполне возможно. Я повторяю, что в такой момент, когда факт болезни армии налицо, когда мы пользуемся каждым моментом, во что бы то ни стало, хотя бы для дня передышки, мы говорим, что всякий серьезный революционер, связанный с массами, знающий, что такое война, что такое масса, должен ее дисциплинировать, должен ее излечить, пытаться ее

подымать для новой войны, — всякий такой революционер нас оправдает, всякий позорный договор признает правильным, ибо последнее — в интересах пролетарской революции и обновления России, освобождения ее от больного органа. Подписывая этот мир, как понимает всякий здравомыслящий человек, мы не прекращаем нашей рабочей революции; всякий понимает, что, подписывая мир с немцами, мы не прекращаем нашей военной помощи: мы посылаем финнам оружие, но не отряды, которые оказываются негодными.

Может быть, мы примем войну; возможно, завтра отдадим и Москву, а потом перейдем в наступление: на неприятельскую армию двинем нашу армию, если создастся тот перелом в народном настроении, который зреет, для которого, может быть, понадобится много времени, но он наступит, когда широкие массы скажут не то, что они говорят теперь. Я вынужден брать хотя бы тягчайший мир потому, что я не могу сказать себе теперь, что это время пришло. Когда наступит пора обновления, то все почувствуют это, увидят, что русский человек не дурак; он видит, он поймет, что надо воздержаться, что этот лозунг нужно провести, — в этом главная задача нашего партийного съезда и съезда Советов.

Надо уметь работать на новом пути. Это неизмеримо тяжелее, но это вовсе не безнадежно. Это вовсе не сорвет Советскую власть, если мы глупейшей авантюрой сами не сорвем ее. Придет время, когда народ скажет: я не позволю больше себя мучить. Но это может случиться, если мы не пойдем на эту авантюру, а сумеем работать в тяжелых условиях, при неслыханно унизительном договоре, который мы подписали на-днях, ибо одной войной, одним мирным договором такой исторический кризис не решается. Немецкий народ по своей монархической организации был связан в 1807 году, когда подписал свой Тильзитский мир, после нескольких унизительных миров, которые превращались в передышку для нового унижения и нового нарушения. Советская организация масс облегчит нашу задачу.

Наш лозунг должен быть один — учиться военному делу настоящим образом, ввести порядок на железных дорогах. Без железных дорог социалистическая революционная война — вреднейшее предательство. Необходимо создать порядок и нужно создать всю ту энергию, всю мощь, которые создадут лучшее, что есть у революции.

Ловите передышку, хотя бы на час, раз вам ее дали, чтобы поддержать контакт с дальним тылом, там создавать новые армии. Бросьте иллюзии, за которые вас жизнь наказала и еще больше накажет. Перед нами вырисовывается эпоха тягчайших

поражений, она налицо, с ней надо уметь считаться, нужно быть готовыми для упорной работы в условиях нелегальных, в условиях заведомого рабства у немцев: этого нечего прикрашивать; это действительно Тильзитский мир. Если мы сумеем так действовать, тогда мы, несмотря на поражения, с абсолютной уверенностью можем сказать, что мы победим. (Аплодисменты.)

РЕЗОЛЮЦИЯ О ВОЙНЕ И МИРЕ [104]

Съезд признает необходимым утвердить подписанный Советской властью тягчайший, унизительнейший мирный договор с Германией, ввиду неимения нами армии, ввиду крайне болезненного состояния деморализованных фронтовых частей, ввиду необходимости воспользоваться всякой, хотя бы даже малейшей, возможностью передышки перед наступлением империализма на Советскую социалистическую республику.

Исторически неизбежны в настоящий период начавшейся эры социалистической революции многократные военные наступления империалистских государств (как с Запада, так и с Востока) против Советской России. Историческая неизбежность таких наступлений при теперешнем крайнем обострении всех внутригосударственных, классовых, а равно международных отношений, может в каждый, самый близкий момент, даже в несколько дней, привести к новым империалистическим наступательным войнам против социалистического движения вообще, против Российской Социалистической Советской Республики в особенности.

Поэтому съезд заявляет, что первейшей и основной задачей и нашей партии, и всего авангарда сознательного пролетариата, и Советской власти съезд признает принятие самых энергичных, беспощадно решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины и дисциплины рабочих и крестьян России, для разъяснения неизбежности исторического приближения России к освободительной, отечественной, социалистической войне, для создания везде и повсюду строжайше связанных и железной единой волей скрепленных организаций масс, организаций, способных на сплоченное и самоотверженное действие как в будничные, так и особенно в критические моменты жизни народа, — наконец, для всестороннего, систематического, всеобщего обучения взрослого населения, без различия пола, военным знаниям и военным операциям.

Съезд видит надежнейшую гарантию закрепления социалистической революции, победившей в России, только в превращении ее в международную рабочую революцию.

Съезд уверен, что с точки зрения интересов международной революции шаг, сделанный Советской властью, при данном соотношении сил на мировой арене, был неизбежен и необходим.

В убеждении, что рабочая революция неуклонно зреет во всех воюющих странах, готовя неизбежное и полное поражение империализма, съезд заявляет, что социалистический пролетариат России будет всеми силами и всеми находящимися в его распоряжении средствами поддерживать братское революционное движение пролетариата всех стран.

Впервые напечатано 1 января 1919 г. в газете «Коммунар» № 1

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОПРАВОК ТРОЦКОГО К РЕЗОЛЮЦИИ О ВОЙНЕ И МИРЕ [105] 8 МАРТА (УТРОМ)

I

Товарищи, в своей речи я уже говорил, что ни я, ни мои сторонники не считаем возможным принятие этой поправки. Мы никоим образом ни в одном стратегическом маневре связывать себе руки не должны. Все зависит от соотношения сил и момента наступления на нас тех или иных империалистических стран, от момента, когда оздоровление нашей армии, несомненно начинающееся, дойдет до того, что мы будем в состоянии и обязаны будем не только отказаться от подписания мира, но и объявить войну. Я согласен вместо тех поправок, которые предлагает тов. Троцкий, принять следующие:

Во-первых, сказать, — и это я буду безусловно отстаивать, — что настоящая резолюция не публикуется в печати, а сообщается только о ратификации договора.

Во-вторых, в формах публикации и содержании ЦК предоставляется право внести изменения в связи с возможным наступлением японцев.

В-третьих, сказать, что съезд дает полномочия ЦК партии как порвать все мирные договоры, так и объявить войну любой империалистической державе и всему миру, когда ЦК партии признает для этого момент подходящим.

Это полномочие порвать договоры в любой момент мы должны дать ЦК, но это никоим образом не значит, что мы порываем сейчас, в том положении, которое сегодня существует. Сейчас мы ничем не должны себе связывать рук. Слова, которые предлагает внести тов. Троцкий, соберут голоса тех, кто против ратификации вообще, голоса — за среднюю линию, которая снова создаст то положение, когда ни один рабочий, ни один солдат ничего не поймет в нашей резолюции.

Мы сейчас постановим необходимость ратификации договора и дадим полномочия Центральному Комитету объявить войну в любой момент, потому что на нас наступление готовится, может быть, с трех сторон; Англия или Франция захотят у нас отнять Архангельск — это вполне возможно, но во всяком случае ни в отношении разрыва мирного договора, ни в отношении объявления войны мы не должны стеснять свое центральное учреждение ничем. Украинцам финансовую помощь мы даем, помогаем, чем можем. Во всяком случае, нельзя связывать себя тем, что мы никакого мирного договора не подпишем. В эпоху растущих войн, сменяющих одна другую, растут новые комбинации. Мирный договор есть одно живое маневрирование — либо мы на этом условии лавирования стоим, либо заранее формально связываем себе руки так, что нельзя будет двинуться: нельзя ни мириться, ни воевать.

II

Я, кажется, говорил: нет, я этого принять не могу. Эта поправка создает намек, выражает то, что хочет сказать тов. Троцкий. Намеки не следует ставить в резолюции.

Первый пункт говорит о том, что мы принимаем ратификацию договора, считая необходимым воспользоваться всякой, хотя бы даже малейшей, возможностью передышки перед наступлением империализма на Советскую социалистическую республику. Говоря о передышке, мы не забываем, что наступление на нашу республику продолжается. Вот моя мысль, которую я подчеркнул в заключительном слове.

Впервые полностью напечатано в 1923 г. в книге «Седьмой съезд Российской коммунистической партии. Стенографический отчет. 6—8 марта 1918 года»

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 27, стр. 85—86, 94—97.

IV ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ [106]

14—16 МАРТА 1918 г.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ПОВОДУ ОБРАЩЕНИЯ ВИЛЬСОНА [107]

Съезд выражает свою признательность американскому народу и в первую голову трудящимся и эксплуатируемым классам Северо-Американских Соединенных Штатов по поводу выражения президентом Вильсоном своего сочувствия русскому народу, через съезд Советов, в те дни, когда Советская социалистическая республика России переживает тяжелые испытания.

Ставши нейтральной страной, Российская Советская республика пользуется обращением к ней президента Вильсона, чтобы выразить всем народам, гибнущим и страдающим от ужасов империалистской войны, свое горячее сочувствие и твердую уверенность, что недалеко то счастливое время, когда трудящиеся массы всех буржуазных стран свергнут иго капитала и установят социалистическое устройство общества, единственно способное обеспечить прочный и справедливый мир, а равно культуру и благосостояние всех трудящихся.

Написано 13 или 14 марта 1918 г.
Напечатано 15 марта 1918 г. в газете «Правда» № 49

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 27, стр. 145.

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА ПО ДОКЛАДУ О РАТИФИКАЦИИ МИРНОГО ДОГОВОРА 15 МАРТА

...Меня спрашивают: долго ли мы будем договоры соблюдать? Но если бы дитя трех лет спрашивало меня о том: а будете ли вы соблюдать договор или нет? — то это было бы и мило и наивно. Но когда взрослый Камков из партии левых эсеров спрашивает это, знаю, немногие взрослые рабочие и крестьяне поверят в наивность, но большинство скажет: «Не лицемерьте». Ибо исторический пример, который я привел, говорит яснее ясного, что освободительные войны народов, потерявших армию, — а это бывало не раз, — народов, задавленных до полной потери всей земли, задавленных до того, что они вспомогательные корпуса отдавали завоевателю для новых завоевательных походов, — это из истории вычеркнуто быть не может, и вы не выскоблите этого ничем. Но если левый эсер Камков, возражая мне, говорил, как я видел из стенограммы: «вот в Испании были же революционные войны», так он меня подтверждал, ведь он себя этим бил. Как раз Испания и Германия подтверждают мой пример, что решить вопрос об историческом периоде завоевательных войн на основании того, что «будете ли вы соблюдать договор, и когда вы нарушите, когда вас поймают...» ведь это же детей достойно, а история говорит, что всякий договор вызывается приостановкой борьбы и изменением соотношения сил, что бывали мирные договоры, которые через несколько дней лопались, что бывали мирные договоры, которые через месяц лопались, что бывали периоды во много лет, когда Германия и Испания заключали мир и через несколько месяцев его нарушали, и нарушали по нескольку раз, и в ряде войн народы учились, что значит вести войны. Когда Наполеон вел германские войска, чтобы душить другие народы, он их научил революционной войне. Вот как шла история.

Вот почему я говорю вам, товарищи, я глубоко убежден в том, что решение, вынесенное девятью десятыми нашей боль-

шевистской фракции, будет вынесено девятью десятыми всех сознательных трудящихся рабочих и крестьян России. (Аплодисменты.)

У нас есть проверка того, правду ли я сказал, или я ошибаюсь, ибо вы приедете на места и каждый из вас расскажет местным Советам, и везде будут местные решения. Я скажу в заключение: не поддавайтесь на провокацию. Буржуазия знает, что она делает, буржуазия знает, почему она ликовала в Пскове, ликовала на-днях в Одессе, буржуазия Винниченков, украинских Керенских, Церетели и Чернова. Она ликовала потому, что она прекрасно поняла, какую гигантскую ошибку дипломатии, в учете момента, сделала Советская власть, попытавшись вести войну при бегущей больной армии. Буржуазия вас тянет в западню на войну. Не только наступать, но и отступать приходится. Это всякий солдат знает. Поймите, что буржуазия и вас и нас тянет в западню. Поймите, что вся буржуазия и все ее вольные и невольные пособники подстраивают эту западню. Вы сумеете перенести самые тяжелые поражения и самые трудные позиции сохранять и, отступая, выигрывать время. Время работает за нас...

«Правда» № 49, 19 марта 1918 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 27, стр. 170—172.

РЕЗОЛЮЦИЯ О РАТИФИКАЦИИ БРЕСТСКОГО ДОГОВОРА

Съезд утверждает (ратифицирует) мирный договор, заключенный нашими представителями в Брест-Литовске 3-го марта 1918 года.

Съезд признает правильным образ действий ЦИК и Совета Народных Комиссаров, поставивших заключить данный, невероятно тяжелый, насильственный и унизительный мир, ввиду неимения нами армии и крайнего истощения войною сил народа, получавшего от буржуазии и буржуазной интеллигенции не поддержку в его действиях, а корыстно-классовое использование их.

Съезд признает также безусловно правильным образ действий мирной делегации, которая отказалась войти в подробное обсуждение германских условий мира, ибо эти условия навязаны нам явным ультиматумом и неприкрытым насилием.

Съезд самым настойчивым образом выдвигает перед всеми рабочими, солдатами и крестьянами, перед всеми трудящимися и угнетенными массами самую главную очередную и неотложную задачу текущего момента — повышение дисциплины и самодисциплины трудящихся, создание везде и повсюду крепких и стройных организаций, охватывающих, по возможности, все производство и все распределение продуктов, беспощадную борьбу с тем хаосом, дезорганизацией, разрухой, которые исторически неизбежны как наследие мучительнейшей войны, но которые в то же время являются первейшей помехой делу окончательной победы социализма и упрочения основ социалистического общества.

Теперь, после октябрьского переворота, после свержения политической власти буржуазии в России, после разрыва и опубликования нами всех тайных империалистических договоров, после аннулирования иностранных займов, после предложения рабочим и крестьянским правительством справедливого мира всем без изъятия народам, Россия, вырвавшись из тисков

империалистической войны, вправе заявить, что она не участвует в ограблении и подавлении чужих стран.

Российская Советская Федеративная Республика отныне, единодушно осуждая грабительские войны, признает свое право и свою обязанность защиты социалистического отечества против всех возможных нападений со стороны любой из империалистических держав.

Съезд признает поэтому безусловным долгом всех трудящихся масс напрячь все силы для воссоздания и повышения обороноспособности нашей страны, для воссоздания ее военной мощи на началах социалистической милиции и всеобщего обучения всех подростков и взрослых граждан обоего пола военным знаниям и военному делу.

Съезд выражает непреклонную уверенность, что Советскою властью, которая стойко выполняла все обязанности международной солидарности рабочих всех стран в их борьбе против ига капитала за социализм, будет делаться и впредь все, что в наших силах, для содействия международному социалистическому движению, для обеспечения и ускорения пути, ведущего человечество к избавлению от ига капитала и от наемного рабства, к созданию социалистического общества и прочного, справедливого мира между народами.

Съезд глубочайше убежден, что международная рабочая революция не за горами и что полная победа социалистического пролетариата обеспечена, несмотря на то, что империалисты всех стран не останавливаются перед самыми зверскими средствами подавления социалистического движения.

«Правда» («Социал-Демократ»)
№ 47, 16 марта 1918 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 27, стр. 173—174.

ИЗ КНИГИ
«ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ» [108]

НОВЫЙ ФАЗИС БОРЬБЫ С БУРЖУАЗИЕЙ

...Наша работа по организации, под руководством пролетариата, всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов сильно отстала от нашей работы по непосредственной экспроприации экспроприаторов. Это положение является основным для понимания особенностей настоящего момента и вытекающих отсюда задач Советской власти. Центр тяжести в борьбе против буржуазии передвигается на организацию такого учета и контроля. Только исходя из этого, можно правильно определить очередные задачи экономической и финансовой политики в области национализации банков, монополизации внешней торговли, государственного контроля за денежным обращением, введения удовлетворительного, с пролетарской точки зрения, поимущественного и подоходного налога, введения трудовой повинности.

С социалистическими преобразованиями в этих областях мы крайне отстали (а это весьма и весьма существенные области), и отстали именно потому, что недостаточно организованы учет и контроль вообще. Разумеется, — эта задача из самых трудных, и при разрухе, созданной войною, она допускает лишь длительное решение, но нельзя забывать, что как раз здесь буржуазия — в особенности же многочисленная мелкая и крестьянская буржуазия — дает нам серьезнейший бой, подрывая налаживающийся контроль, подрывая, напр., хлебную монополию, отвоевывая позиции для спекуляции и спекулятивной торговли. То, что́ мы уже декретировали, мы далеко недостаточно еще провели в жизнь, и главная задача момента состоит именно в сосредоточении всех усилий на деловом, практическом *осуществлении* основ тех преобразований, которые уже стали законом (но не стали еще реальностью).

Чтобы продолжать дальше национализацию банков и идти неуклонно к превращению банков в узловые пункты общественного счетоводства при социализме, надо прежде всего и больше всего достигнуть реальных успехов в увеличении числа отделений Народного банка, в привлечении вкладов, в облегчении для публики операций внесения и выдачи денег, в устранении «хвостов», в поимке и *расстреле* взяточников и жуликов и т. д. Сначала реально провести в жизнь простейшее, организовать хорошенько наличное, — а затем уже подготовлять более сложное.

Укрепить и упорядочить те государственные монополии (на хлеб, на кожу и пр.), которые уже введены,— и тем подготовить монополизацию внешней торговли государством; без такой монополизации мы не сможем «отделаться» от иностранного капитала платежом «дани». А вся возможность социалистического строительства зависит от того, сумеем ли мы в течение известного переходного времени выплатой некоторой дани иностранному капиталу защитить свою внутреннюю экономическую самостоятельность.

С взиманием налогов вообще, а поимущественного и подоходного налога в особенности, мы тоже чрезвычайно сильно отстали. Наложение контрибуций на буржуазию — мера, принципиально безусловно приемлемая и заслуживающая пролетарского одобрения, — показывает, что мы стоим еще в этом отношении ближе к приемам отвоевания (России от богатых для бедных), чем к приемам управления. Но, чтобы стать сильнее и чтобы прочнее встать на ноги, мы должны перейти к этим последним приемам, мы должны заменить контрибуцию с буржуазии постоянным и правильно взимаемым поимущественным и подоходным налогом, который даст *больше* пролетарскому государству и который требует от нас именно большей организованности, бо́льшего налажения учета и контроля.

Наше опоздание с введением трудовой повинности показывает еще раз, что на очередь дня выдвигается именно подготовительно-организационная работа, с одной стороны, долженствующая окончательно закрепить отвоеванное, а с другой стороны, необходимая, чтобы подготовить операцию, которая «окружит» капитал и заставит его «сдаться». Начать введение трудовой повинности нам следовало бы немедленно, но вводить ее с большой постепенностью и осмотрительностью, проверяя каждый шаг практическим опытом и, разумеется, первым шагом делая введение трудовой повинности *для богатых*. Введение рабочей и потребительски-бюджетной книжки для всякого буржуа, в том числе и деревенского, было бы серьезным шагом

вперед к полному «окружению» неприятеля и к созданию действительно всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов...

Написано между 30 апреля и 3 мая 1918 г.

Напечатано в 1918 г. в брошюре: Н. Ленин. «Очередные задачи Советской власти», изд. ВЦИК

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 27, стр. 222—224.

ДОКЛАД О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ВЦИК И МОСКОВСКОГО СОВЕТА [169] 14 МАЯ 1918 г.

Товарищи, позвольте познакомить вас с теперешним положением дела во внешней политике. Товарищи, за последние дни во многих отношениях наше международное положение осложнилось, ввиду того, что обострилось общее положение. На почве этого обострения провокация, умышленное сеяние паники буржуазной прессой и ее подголоском — социалистической прессой, снова делает свое черное и грязное дело восстановления корниловщины.

Я прежде всего обращу ваше внимание на то, чем определяется в своей основе международное положение Советской республики, чтобы перейти ко внешним юридическим формам, определяющим это положение, и на этом основании обрисовать снова возникшие трудности, или, вернее, очертить тот переломный пункт, к которому мы подошли и который послужил основой обострения политического положения.

Товарищи, вы знаете, и из опыта двух русских революций подкрепили это знание с особенной силой, что самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики нашего государства определяются экономическими интересами, экономическим положением господствующих классов нашего государства. Эти положения, которые являются основой всего миросозерцания марксистов и которые подтверждены для нас, русских революционеров, великим опытом обеих русских революций, — эти положения не следует ни на минуту упускать из виду, чтобы не потеряться в дебрях и в лабиринте дипломатических ухищрений, — в лабиринте, иногда даже искусственно создаваемом и запутываемом людьми, классами, партиями и группами, любящими или вынужденными в мутной воде ловить рыбу.

Сейчас такой момент, когда в мутной воде, несмотря на сложившееся международное положение, пытались ловить рыбу и наши контрреволюционеры: кадеты, буржуазия и помещики и их первые подголоски — правые эсеры и меньшевики.

Это положение в основных чертах сводится к тому, что Социалистическая Советская Республика Российская остается, в силу причин экономического и политического характера, ставших вам известными, не раз обрисованных нами в печати, в силу иного темпа развития, иной почвы для развития, чем на Западе, — в силу этого, наша социалистическая Советская республика остается пока оазисом среди бушующего моря империалистического хищничества. И основным экономическим фактором на Западе является то, что эта империалистическая война, истерзавшая и измучившая человечество, породила такие сложные, такие острые, такие запутанные конфликты, что сплошь да рядом, на каждом шагу, возникает положение, когда решение вопроса в пользу войны и мира, в пользу той или иной группировки, висит на волоске. Мы переживали именно такое положение в последние дни. Противоречия, конфликты, борьба, бешеная схватка, переходящая в войну между империалистическими державами, не имеющими возможности в своей политике остановить эту войну, в силу экономических условий развития капитализма в течение целого ряда десятилетий, привели к тому, что сами империалисты бессильны уже остановить эту войну. Вот что создало основные противоречия, запутало и осложнило положение.

Благодаря этим противоречиям вышло так, что общий, лежащий в основе экономического капиталистического союза, союз империалистов всех стран, союз, естественно и неизбежно для защиты капитала, не знающего отечества, доказал многими крупнейшими, величайшими эпизодами в мировой истории, что выше интересов отечества, народа и чего угодно капитал ставит охрану своего союза капиталистов всех стран против трудящихся. Этот союз не является движущей силой политики.

Конечно, он попрежнему остается основной экономической тенденцией капиталистического строя, которая должна проявить себя с неизбежной силой в конце концов. Исключением из этой основной тенденции капитализма является то, что империалистическая война разделила на группы, на враждебные группы, на враждебные коалиции империалистические державы, поделившие между собой в настоящее время, можно сказать, без всякого изъятия всю землю. Эта вражда, эта борьба, эта мертвая схватка говорит, под известными условиями, что союз империалистов всех стран здесь невозможен. Мы присутствуем при таком положении, когда бушующие волны империа-

листической реакции, империалистической бойни народов, бросаются на маленький остров социалистической Советской республики, которые готовы, кажется, вот-вот затопить его, но оказывается, что эти волны сплошь и рядом разбиваются одна о другую.

Основные противоречия между империалистическими державами привели к такой беспощадной борьбе, что, даже сознавая ее безвыходность, ни та, ни другая группа не в состоянии по произволу вырваться из железных тисков этой войны. Два главных противоречия война определила при этом, и они определили международное положение социалистической Советской республики в данный момент. Первое, это — достигшая крайней степени ожесточенности борьба между Германией и Англией на Западном фронте. Мы слышали не раз, как представители то одного, то другого из этих воюющих лагерей давали обещания и заверения и своему народу и другим народам, что вот-вот, еще одно последнее усилие, и враг будет сломлен, отечество будет защищено и интересы культуры и освободительной войны навсегда будут обеспечены. Чем дальше затягивается эта неслыханная борьба, чем глубже втягиваются в нее борющиеся стороны, тем дальше отодвигается выход из этой бесконечной войны. Ожесточенность этой схватки и делает крайне затруднительным, почти невозможным союз величайших империалистических держав против Советской республики, завоевавшей за какие-нибудь полгода своего существования горячие симпатии и самое безраздельное сочувствие всех сознательных рабочих всех стран мира.

Вторым противоречием, определяющим международное положение России, является соперничество между Японией и Америкой. Экономическое развитие этих стран в течение нескольких десятилетий подготовило бездну горючего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем. Вся дипломатическая и экономическая история Дальнего Востока делает совершенно несомненным, что на почве капитализма предотвратить назревающий острый конфликт между Японией и Америкой невозможно. Это противоречие, временно прикрытое теперь союзом Японии и Америки против Германии, задерживает наступление японского империализма против России. Поход, начатый против Советской республики (десант во Владивостоке, поддержка банд Семенова), задерживается, ибо грозит превратить скрытый конфликт между Японией и Америкой в открытую войну. Конечно, вполне возможно, и мы не должны забывать того, что группировки между империалистскими державами, как бы прочны они ни казались, могут быть в несколько дней опрокинуты, если того требуют интересы свя-

щенной частной собственности, священные права на концессии и т. п. И, может быть, достаточно малейшей искры, чтобы взорвать существующую группировку держав, и тогда указанные противоречия не смогут уже служить нам защитой.

Но сейчас охарактеризованное положение объясняет, почему наш социалистический остров может сохраняться среди бушующей бури, и, вместе с тем, объясняет, почему это положение столь неустойчиво и порой кажется, к великому восторгу буржуазии и панике мелкой буржуазии, волны, вот-вот, захлестнут его.

Внешней оболочкой, внешним выражением этого положения являются Брестский договор, с одной стороны, и обычаи и законы, касающиеся нейтральных стран, с другой.

Вы знаете, чего стоят договоры и чего стоят законы перед лицом разгоревшихся международных конфликтов, это — не более, как клочок бумаги.

Эти слова принято цитировать и вспоминать, как образец цинизма внешней политики империализма, но цинизм заключается не в этих словах, а в той беспощадной, жестоко беспощадной и мучительно беспощадной империалистической войне, в которой все мирные договоры и все законы о нейтральности попирались, попираются и будут попираться до тех пор, пока будет существовать капитализм.

Вот почему, когда мы подходим к вопросу, составляющему для нас самый главный вопрос, — к вопросу о Брестском мире, о возможности его нарушения и о последствиях, вытекающих для нас из такого положения, если мы хотим твердо стоять на своих социалистических ногах и не хотим дать себя скинуть происками и провокации контрреволюционеров, какими бы они социалистическими ярлыками ни прикрывались, мы не должны забывать ни на одну минуту экономической основы всех мирных договоров, в том числе и Брест-Литовского, экономической основы всякой нейтральности, в том числе и нашей. Мы не должны забывать, с одной стороны, о положении дел в международном масштабе, о положении дел в международном империализме, по отношению к тому классу, который растет и который рано или поздно, пусть даже позднее, чем этого хотим и ожидаем, но который все же станет наследником капитализма и завоюет капитализм всего мира. А с другой стороны, мы не должны забывать отношения между собою империалистических стран, отношений между империалистическими экономическими группами.

Выяснив это положение, мы, товарищи, поймем, я думаю, без труда, какое значение имеют те дипломатические частности, подробности, даже иногда мелочи, которые больше всего сосредоточивают наше внимание за последние дни, которые за

последние дни у нас на памяти. Понятно, что непрочность в международном положении является основой для паники. Она исходит от кадетов, правых эсеров и меньшевиков, поддерживающих интересы тех, кто хочет, кто стремится к тому, чтобы сеять панику. Нисколько не закрывая глаза на всю опасность и трагичность положения, анализируя экономические отношения в международном масштабе, мы должны сказать — да, вопрос о войне и мире висит на волоске, как на Западе, так и на Дальнем Востоке, потому что существуют две тенденции: одна, делающая неизбежным союз всех империалистов, другая — противопоставляющая одних империалистов другим — две тенденции, из которых ни одна прочной под собой основы не имеет. Да, сейчас Япония не может решиться наступать целиком, хотя она, имея миллионную армию, заведомо слабую Россию взять бы могла. Когда это будет, я не знаю, и никто не может знать.

Форма ультиматума грозит войной с союзными народами и договором с Германией, но это может перемениться через несколько дней. Это может перемениться всегда, потому что американская буржуазия, теперь враждующая с Японией, может завтра столковаться с ней, потому что японская буржуазия может завтра столковаться с германской. У них есть основные интересы, интересы раздела земного шара, интересы помещиков, капитала, обеспечения, как они выражаются, своего национального достоинства и своих национальных интересов. Этот язык достаточно известен тем, кто имеет — я не знаю — несчастье или привычку читать газеты, вроде эсеровских. И все знают, когда нам часто говорят о национальном достоинстве, мы прекрасно знаем после опыта 1914 года, какие факты империалистического грабежа под этим скрываются. Понятно, почему, в силу этого отношения, на Дальнем Востоке положение представляет из себя нечто непрочное. Мы должны сказать одно: надо ясно смотреть на эти противоречия капиталистических интересов, надо знать, что прочность Советской республики дает все растущее сочувствие к ней промадных трудовых масс, всего трудящегося, эксплуатируемого населения всех стран.

И, вместе с тем, с минуты на минуту, со дня на день, надо быть готовым и ждать перемены международной политики в пользу политики крайних военных партий.

Положение германской коалиции для нас ясно. Большинство буржуазных партий Германии в данный момент стоит за соблюдение Брестского мира, но которое, конечно, очень радо «улучшить» его и получить еще несколько аннексий за счет России. Что заставляет их смотреть с этой точки зрения, — это политические и военные соображения с точки зрения герман-

ских национальных интересов, как они говорят, — империалистических интересов, это заставляет их предпочитать мир на Востоке, чтобы у них были развязаны руки на Западе, где уже много раз германский империализм обещал победу немедленно и где каждая неделя показывает или каждый месяц показывает, что эта победа, чем больше одерживают частичных побед, отходит тем дальше в неизмеримую даль. С другой стороны, мы имеем военную партию, которая не раз проявляла себя в Брестском договоре и которая, естественно, существует во всех империалистических державах, — военную партию, которая говорит себе: силой надо пользоваться немедленно, не считаясь с дальнейшими последствиями. Это голоса крайней военной партии, она известна в истории Германии, начиная с тех пор, когда в истории начались головокружительные военные победы, она известна с 1866 года, например, когда крайняя военная партия Германии одержала победы над Австрией, превратила эту победу в полнейший разгром. Все эти столкновения, все эти конфликты неизбежны, и они вызывают то, что сейчас с этой стороны дело все висит на волоске, что, с одной стороны, буржуазное империалистическое большинство германского парламента, германские имущие классы, германские капиталисты предпочитают оставаться на почве Брестского договора, отнюдь, повторяю, не отказываясь от его улучшения. И, с другой стороны, с минуты на минуту, со дня на день надо быть готовыми, надо ждать перемены политики в интересах крайней военной партии.

Отсюда понятна непрочность международного положения, отсюда понятно, как легко на этой почве создать то или иное положение партии, и отсюда понятно, какая осмотрительность, осторожность и какая выдержка и хладнокровие требуются от Советской власти, чтобы ясно определить свою задачу. Пусть русская буржуазия мечется от ориентации французской к ориентации немецкой. Им это нравится. Они в нескольких местах видели, какая хорошая гарантия против мужика, берущего землю, и против рабочего, строящего основы социализма, находит себе место в немецкой поддержке. Они вчера, в течение долгого времени, в течение нескольких лет называли изменниками родины тех, кто осуждал империалистскую войну и раскрывал глаза на нее, а нынче они все готовы в несколько недель переменить свою политическую веру и от союза с хищниками английскими перейти к союзу с хищниками германскими против Советской власти. Пусть мечется буржуазия всех оттенков, от правых эсеров, меньшевиков и кончая левыми эсерами. Это ей так полагается. Пусть она сеет панику, потому что она сама в панике. Пусть она мечется, не зная иного пути и колеблясь между той или иной ориентацией и между

пеленой фразой, не могущей учитывать того, что в революции, когда она достигает больших размеров, приходится, во имя углубления этой революции, переживать самые различные группировки и переходы от одного к другому этапу. Мы, русские революционеры, имеем счастье перед глазами своими в течение XX века иметь опыт двух революций, из которых каждая дала нам массу в жизни самого народа запечатлевшегося опыта того, как подготовляется революционное движение, если глубоко оно, если серьезно; как показываются в этом движении различные классы, каким путем, иногда долгой эволюцией, трудным, мучительным путем идет подготовка зрелости новых классов.

Вспомните, чего стоило Советам, созданным стихийным порывом в 1905 году, чего стоило им в 1917 году вступить снова в дело, а потом, когда им пришлось пережить все мучение соглашательства с буржуазией и с прикрывавшимися злейшими врагами рабочего класса, говорившими о защите революции, о красном флаге и совершившими величайшее из преступлений в июне 1917 года, — теперь, когда за нами большинство рабочего класса, вспомните, чего стоило нам после великой революции 1905 года выйти с Советами рабочего, крестьянского класса. Вспомните это и подумайте о том, в каком массовом масштабе развивается борьба, ведущаяся против международного империализма, подумайте, как труден переход к этому положению, что испытала Русская республика, когда она вышла впереди всех остальных отрядов социалистической армии.

Я знаю, есть, конечно, мудрецы, считающие себя очень умными и даже называющие себя социалистами, которые уверяют, что не следовало брать власти до тех пор, пока не разразится революция во всех странах. Они не подозревают, что, говоря так, они отходят от революции и переходят на сторону буржуазии. Ждать, пока трудящиеся классы совершат революцию в международном масштабе, — это значит всем застыть в ожидании. Это бессмыслица. Трудность революции всем известна. Начавшись блестящим успехом в одной из стран, она, может быть, будет переживать мучительные периоды, ибо окончательно победить можно только в мировом масштабе и только совместными усилиями рабочих всех стран. Наша задача заключается в выдержке и осторожности, мы должны лавировать и отступать, пока к нам не подойдут подкрепления. Переход к этой тактике неизбежен, как бы над ней ни смеялись называющие себя революционерами, но ничего не смыслящие в революции.

Заканчивая общие положения, я перехожу к тому, что создало в последние дни тревогу и панику и дало возможность

контрреволюционерам вновь начать работу, направленную к подрыву Советской власти.

Я уже сказал, что внешней юридической формой и оболочкой всех международных отношений, которые Советская социалистическая республика имеет, явился, с одной стороны, Брест-Литовский договор, а с другой стороны, общий закон и обычай, определяющие положение нейтральной страны среди других воюющих стран, и это положение определило те трудности, которые оказались за последнее время. Из Брест-Литовского договора вытекало само собой заключение полного мира и с Финляндией, и с Украиной, и с Турцией, а между тем, с каждой из этих стран мы имеем продолжение войны, и это является не результатом внутреннего развития страны, но влиянием господствующих классов этих стран. На этой почве временный выход был только во временной передышке, которая была получена при подписании Брестского мира, это была та передышка, по поводу которой так много говорилось пустых и ненужных слов, что она невозможна, но которая оказалась все-таки возможной и которая принесла в течение двух месяцев свои результаты, которая дала себя почувствовать большинству русских солдат, которая дала им возможность вернуться к себе и посмотреть, что у них сложилось, воспользоваться завоеваниями революции, воспользоваться землей, осмотреться и почерпнуть новые силы для предстоящих им новых жертв.

Понятно, что эта временная передышка стала казаться подходящей к концу, когда обострилось положение и в Финляндии, и в Украине, и в Турции, когда вместо полного мира мы получили только отсрочку того же острого экономического вопроса: война или мир? И надлежит ли нам теперь снова вступить в войну, вопреки всем мирным намерениям Советской власти и полной решимости пожертвовать так называемой великодержавностью, т. е. правом заключать тайные договоры, прятать их при помощи Черновых, Церетели и Керенских от народа, и подписывать тайные грабительские договоры и вести империалистическую, грабительскую войну? Все-таки вместо полного мира мы получили только краткую отсрочку того же острого вопроса о войне и мире.

Вот источник, который возник из этого пункта, и опять-таки вы видите ясно, к чему сводится его конечное решение, вопрос о том, к чему приведут итоги колебаний между двумя враждебными группами, империалистскими странами, — американский конфликт на Дальнем Востоке и германо-английский — на Европейском Западе. Понятно, как эти противоречия обострились в связи с завоеванием Украины, в связи с тем положением, которое часто немецкие империалисты, особенно

главная военная партия, рисовали себе так розово, так легко, и которое принесло неимоверные трудности именно этой крайней военной партии Германии, которое принесло теперь временное окрыление надежд российских кадетов, меньшевиков и правых эсеров, воспылавших любовью к тому, что несет Украине Скоропадский, и надеющихся теперь на то, что, дескать, это легко произойдет и в России. Эти господа ошибутся: их надежды развеются прахом, потому что... (бурные аплодисменты), потому что, говорю я, та же главная военная партия в Германии, которая слишком привыкла ставить ставку на силу меча, даже она в этом случае оказалась в положении неподдержанной большинством империалистов, буржуазных империалистических кругов, увидевших неслыханные трудности в завоевании Украины, в борьбе за подчинение целого народа, в вынужденной необходимости прибегнуть к ужасному перевороту.

Какие неслыханные трудности поставила эта главная военная партия в Германии, когда этой военной крайней партии, обязавшейся перед народом своим и перед рабочими дать высшие победы на Западном фронте, когда ей пришлось увидеть перед собой новые невероятные экономические и политические трудности, отвлечение военных сил на задачи, которые тоже вначале казались легкими, а также договор с украинскими меньшевиками и правыми эсерами, подписавшими договор о мире.

Крайняя военная партия в Германии вообразила: мы двинем большие войска и получим хлеб, а потом оказалось, что надо произвести государственный переворот. Там это оказалось легко, потому, что украинские меньшевики очень легко пошли на это. А затем оказалось, что государственный переворот создает новые гигантские трудности, потому что надо завоевывать каждый шаг, чтобы получить хлеб и сырье, без которых Германия существовать не может и которые получать военным насилием в оккупированной стране стоит слишком больших усилий и слишком многих жертв.

Вот положение, которое создалось на Украине и которое должно было окрылить надежды российской контрреволюции. Понятно, что в этой борьбе Россия, которая не могла воссоздать своей армии, терпела и терпит все новые ущербы. И мирные переговоры вели к новым тягостным условиям, к новым открытым и прикрытым контрибуциям. Остался неясным вопрос, по какому универсалу желают определить границы Украины. Рада, которая подписала универсал, смещена. Вместо нее восстановлен помещик-гетман. И на почве этой неопределенности возник целый ряд вопросов, которые показывают, что вопросы о войне и мире остаются в прежнем положении. Частичные перемирия,

которые существуют между русскими и немецкими войсками, ничего не предрешают относительно общего положения. Вопрос висит в воздухе. То же самое по отношению и к Грузии, где мы имеем долгую контрреволюционную борьбу правительства кавказских меньшевиков, долгую борьбу контрреволюционеров, называвшихся социал-демократами. А когда победа Советской власти и трудящихся масс, обошедшая всю Россию, стала охватывать и нерусские окраины, когда стало с ясностью очевидно и несомненно, что победа Советской власти, как это признали контрреволюционные представители донского казачества, не может быть задержана, когда наступили колебания для меньшевистской власти на Кавказе — Гегечкори и Жордания, поздно спохватившихся и начавших говорить о том, не поискать ли им общего языка с большевиками, когда выступил Церетели, который с помощью турецких войск пошел против большевиков, — они пожнут то, что пожала Рада. (Аплодисменты.)

Но помните, что если они, эти дельцы Кавказской рады, если они получат поддержку у германских войск, как получила эту поддержку Украинская рада, понятно, что для Советской республики России это несет новые трудности, новую неизбежность войны, новые опасности и новые неопределенности. Есть люди, которые, ссылаясь на эту неопределенность, на эту тяжесть неопределенного положения, а действительно такое неопределенное положение бывает хуже всякого определенного положения, — есть люди, которые говорят, что эту неопределенность легко устранить, нужно только открыто потребовать соблюдения германцами Брестского договора.

Мне случалось слышать таких наивных людей, считающих себя левыми, а в действительности отражающих только узость нашей мелкой буржуазии... *

Они забывают, что сначала надо победить, а потом можно что-нибудь требовать. Если вы не победили, враг получает возможность затягивать ответ и даже вовсе не отвечать на требования. Таков закон империалистской войны.

Вы недовольны этим. Умейте защищать ваше отечество. Для социализма, для рабочего класса, трудящегося, право на защиту отечества он имеет.

Я скажу еще только о том, что на кавказской границе это неопределенное положение создалось в силу крайне непростительного колебания правительства Гегечкори, которое сначала заявило, что Брестский мир не признает, а после объявляет независимость, не сказав нам, на какую территорию это распространяется. Мы запросили многочисленными радиоте-

* Опущена фраза, записанная в стенограмме неясно. *Ред.*

леграммами: благоволите сообщить, на какую территорию вы претендуете. Претендовать на независимость это ваше право, но обязанность, если говорите о независимости, сказать, какова та территория, которую представляете. Это было неделю тому назад. Громадное количество радиотелеграмм было написано, но ни одного ответа не было. На этом играет германский империализм. Германии и Турции, как подсобному государству, возможно поэтому было двигаться и двигаться, ни на что не отвечая, ни на что не обращая внимания, заявляя: мы возьмем то, что сможем взять, мы не нарушаем Брестского мира, потому что закавказская армия его не признает, потому что Кавказ независим.

От кого независимо правительство Гегечкори? От Советской республики оно независимо, но от немецкого империализма оно немножечко зависимо, и это естественно. (Аплодисменты.)

Вот, товарищи, то положение, которое создалось, — крайнее обострение отношений за последние дни, вот то положение, которое дало нам лишь новое и довольно наглядное подтверждение правильности той тактики, которую наша партия, Российская коммунистическая партия большевиков, в громадном большинстве вела, на которой твердо настаивала в течение последних месяцев.

Мы имеем перед собой большой опыт революции и мы научились из этого опыта тому, что нужно вести тактику беспощадного натиска, когда объективные условия это позволяют, когда опыт соглашательства показал, что массы возмущены и что натиск будет выражением этого поворота. Но нам приходится прибегать к тактике выжидания, к медленному собиранию сил, когда объективные обстоятельства не дают возможности делать призыв ко всеобщему беспощадному отпору.

Кто не закрывает себе глаза, кто не слеп, тот знает то, что мы повторяем теперь лишь сказанное нами ранее и то, что мы говорили всегда, что мы не забываем слабости русского рабочего класса по сравнению с другими отрядами международного пролетариата. Не наша воля, а исторические обстоятельства, наследие царского режима, дряблость русской буржуазии, — вот что сделало то, что этот отряд оказался впереди других отрядов международного пролетариата, и не потому, что мы этого хотели, а потому, что этого потребовали обстоятельства. Но мы должны остаться на своем посту, пока не придет наш союзник — международный пролетариат, который подойдет и неизбежно подойдет, но который подходит с неизмеримо большей медленностью, чем мы того ожидаем и хотим. Если мы увидим, что этот пролетариат

идет слишком медленно в силу объективных обстоятельств, мы все же должны держаться нашей тактики выжидания и использования конфликтов и противоречий между империалистами, медленного накапливания сил, тактики удержания того оазиса Советской власти среди бушующего империалистического моря, удержания того оазиса, к которому уже сейчас устремлены взоры рабочих и трудящихся всех стран. Вот почему мы говорим себе, если крайняя военная партия может с минуты на минуту победить любую империалистическую коалицию и создать новую неожиданную империалистическую коалицию против нас, мы во всяком случае этого дела не облегчим. Если они двинутся на нас, — да, мы теперь оборонцы, — мы сделаем все, что от нас зависит, все, что способна дипломатическая тактика сделать, сделаем все, чтобы этот момент оттянуть, сделаем все, чтобы та короткая и непрочная передышка, которую мы получили в марте, чтобы она стала более долгой, потому что твердо убеждены, что имеем за собой десятки миллионов рабочих и крестьян, знающих, что они черпают с каждой неделей, тем более с каждым месяцем этой передышки, новую силу, что они укрепляют Советскую власть, что они создают из нее нечто прочное и незыблемое, что они вносят новый дух и после истощения и усталости от изнурительной реакционной войны создадут состояние твердости и готовности идти на последний и решительный бой, когда на социалистическую Советскую республику обрушится внешняя сила.

Мы оборонцы после 25-го октября 1917 года, мы завоевали право на то, чтобы защищать отечество. Мы защищаем не тайные договоры, мы их расторгли, мы обнаружили их пред всем миром, мы защищаем отечество от империалистов. Мы защищаем, мы победим. Мы защищаем не великодержавность: от России ничего не осталось, кроме Великороссии, — не национальные интересы, мы утверждаем, что интересы социализма, интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства. Мы оборонцы социалистического отечества.

Это не дается декларацией, а дается только свержением буржуазии в своей стране, беспощадной и смертной войной, начатой там, и мы знаем, что мы победим. Это маленький островок среди окружающей империалистический мир войны, но на этом островке мы показали и доказали все, что может сделать рабочий класс. Все это знают и признали. Мы доказали, что мы имеем право на защиту отечества, мы — оборонцы, и относимся к этой защите со всею серьезностью, которой нас научила четырехлетняя война, со всею серьезностью и осторожностью, которую понимает всякий рабочий, всякий крестьянин, видавший солдата и узнавший, что пережил солдат в эти че-

тыре года войны, — той осторожностью, которой могут не понимать, над которой могут хихикать и к которой могут относиться легкомысленно только революционеры на словах, а не на деле. Именно потому, что мы сторонники защиты отечества, мы говорим себе: для обороны нужна твердая и крепкая армия, крепкий тыл, а для твердой и крепкой армии нужна в первую очередь твердая постановка продовольственного дела. Для этого нужно, чтобы диктатура пролетариата выражалась не только в центральной власти, это первый шаг, и только первый шаг, но диктатура должна быть во всей России, это второй шаг, и только второй шаг, — этого шага мы еще не сделали достаточно. Нам нужна, нам необходима пролетарская дисциплина, настоящая пролетарская диктатура, когда твердая и железная власть сознательных рабочих чувствуется в каждом далеком уголке нашей страны, когда ни один кулак, ни один богач и несторонник хлебной монополии не останется безнаказанным, а его найдет и покарает карающая железная рука дисциплинированных диктаторов рабочего класса, пролетарских диктаторов. (Аплодисменты.)

И мы говорим себе: к защите отечества мы относимся с осторожностью, все, что может наша дипломатия дать, чтобы отдалить момент войны, дабы продлить перерыв, мы обязаны сделать, мы обещаем рабочим и крестьянам сделать все для мира. И мы это сделаем. И господа буржуа и их подголоски, которые думают, что, как в Украине, где так легко произошел переворот, так и у нас можно народить новых Скоропадских, — пусть они не забывают, что если военной партии в Германии стоило такого труда добиться переворота на Украине, то в Советской России она встретит противодействие достаточное. Да, это доказано всем, эту линию поддержала Советская власть, принесла все жертвы, чтобы упрочить положение трудящихся масс в стране.

Положение, в связи с вопросом о мире, о Финляндии, — характеризуется словами: форт Ино и Мурман. Форт Ино — защита Петрограда, по территориальному положению своему входит в состав финляндского государства. Заключая мир с рабочим правительством Финляндии, мы, представители социалистической России, признали полное право Финляндии на всю территорию, но, с обоюдного согласия обоих правительств, форт Ино был оставлен России «для защиты совместных интересов социалистических республик», как сказано в заключенном договоре. Понятно, что наши войска подписали этот мир в Финляндии, подписали эти условия. Понятно, что буржуазная и контрреволюционная Финляндия не могла не поднять из-за этого бунта. Понятно, что реакционная и контрреволюционная буржуазия в Финляндии предъявляла претензии на

это укрепление. Понятно, что из-за этого вопрос обострялся не раз и продолжает стоять остро. Дело висит на волоске. Понятно, что еще большее обострение вызвал вопрос о Мурмане, на который претендовали англо-французы, потому что они вкладывали десятки миллионов на постройку порта, чтобы обеспечить свой военный тыл в их империалистической войне против Германии. Они уважают нейтральность так великолепно, что пользуются всем, что плохо лежит. Причем достаточным основанием для захватов служит то, что у них есть броненосец, а у нас нет того, чем его прогнать. Понятно, что вопрос не мог не обостриться из-за этого. Есть внешняя оболочка, есть юридическое выражение, созданное международным положением Советской республики, которое предполагает, что на нейтральной территории не может выступить вооруженная сила ни одного воюющего государства, чтобы не быть обезоруженной. Англичане высадили на Мурмане свои военные силы, и мы не имели возможности воспрепятствовать этому военной же силой. В результате нам предъявляют требования, носящие характер, близкий к ультиматуму, если вы не можете охранять своей нейтральности, то мы будем воевать на вашей территории.

Но уже создана рабоче-крестьянская армия, она в уездах и губерниях объединила крестьянское население, которое вернулось к своей земле, вырванной у помещиков, — им есть что защищать; которая начала строить Советскую власть и которая станет авангардом, если на Россию обрушится нашествие, мы встретим врага, как один человек. Мое время истекло, и я позволю себе окончить прочтением телеграммы, полученной нами по радио, от посла Советской республики в Берлине, тов. Иоффе. Эта телеграмма покажет вам, что, с одной стороны, вы имеете подтверждение от нашего посла, — правильно ли изображение международных отношений, которое я делал здесь, и что, с другой стороны, наша внешняя политика Советской республики, политика серьезная — подготовка для защиты отечества, политика выдержанная, не позволяющая ни шагу сделать, чтобы помочь крайним партиям империалистических держав Запада и Востока. Эта политика имеет серьезное основание и никаких иллюзий. Всегда остается возможность, что со дня на день на нас обрушится военная сила, и мы, рабочие и крестьяне, говорим себе и всему миру, и сумеем доказать, что встанем как один человек на защиту Советской республики, а потому чтение этой телеграммы, я надеюсь, будет подходящим заключением моей речи и укажет нам то, в каком духе работают представители Советской республики за границей в пользу Советов, всех советских учреждений и Советской республики.

«Последние полученные радиотелеграммы сегодня сообщают, что германская комиссия военнопленных выезжает в пятницу, 10 мая. Мы уже получили ноту германского правительства с предложением создания специальной комиссии для обсуждения всех правовых вопросов о нашем имуществе в Украине и Финляндии. Я на такую комиссию согласился, я просил Вас прислать подходящих уполномоченных, военных и юристов. Сегодня я имел разговор по поводу дальнейших продвижений, требования очистки форта Ино и отношения русских к Германии. Получил ответ: Германское Верховное командование заявляет, что никаких дальнейших продвижений больше не будет, роль Германии на Украине и Финляндии закончена, Германия согласна содействовать нашим мирным переговорам с Киевом и Гельсингфорсом и входит об этом в сношения с означенными правительствами. Вопрос о форте Ино при мирных переговорах Финляндии: по договору форты должны быть разрушены, Германия полагает, что при установлении границ можно принять наш договор с красными, белые еще ответа не дали. Официально заявляется германским правительством: Германия твердо стоит на почве Брестского договора, желает жить в мирных отношениях с нами, никаких агрессивных планов не имеет и наступления на нас никакого оказывать не будет. Русских граждан Германия, согласно моего требования, обещает сравнять с другими нейтральными».

Газетный отчет опубликован 15 и 16 мая 1918 г. в «Правде» №№ 93 и 94; 15 мая 1918 г. в «Известиях ВЦИК» № 95

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 27, стр. 329—345.

ВО ВСЕ РАЙОННЫЕ КОМИТЕТЫ РКП, ВО ВСЕ РАЙОННЫЕ СОВДЕПЫ, ВСЕМ ШТАБАМ КРАСНОЙ АРМИИ

Около 3-х часов дня брошены две бомбы в немецком посольстве, тяжело ранившие Мирбаха. Это явное дело монархистов или тех провокаторов, которые хотят втянуть Россию в войну в интересах англо-французских капиталистов, подкупивших и чехословаков. Мобилизовать все силы, поднять на ноги все немедленно для поимки преступников. Задерживать *все* автомобили и держать до тройной проверки.

Предсовнаркома *В. Ульянов (Ленин)*

Написано 6 июля 1918 г.

Напечатано 7 июля (24 июня) 1918 г. в газете «Правда» № 138

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 35, стр. 279.

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В ЛЕФОРТОВСКОМ РАЙОНЕ 19 ИЮЛЯ 1918 г.

Обостренное положение Советской республики вызвано двумя причинами: международной и внутренней. Мы никогда не скрывали от рабочих и крестьян всей тяжести позорного мира. Несмотря на всю тяжесть, IV съезд Советов нашел необходимым подписать этот мир, чтобы дать возможность русским рабочим и крестьянам передохнуть и укрепиться. Партия левых эсеров взяла на себя ответственность за убийство Мирбаха и поставила Россию на волосок от смерти.

Есть признаки, что германское правительство идет на уступки и, возможно, откажется от введения батальона немецких солдат в Москву. Советское правительство категорически отказало в этом германскому правительству, если бы даже это и вызвало войну.

Авантюра левых эсеров привела к чрезвычайному ухудшению положения Советской власти, но, с другой стороны, она привела к тому, что самая лучшая часть ее — трудящийся элемент — отказывается от левых эсеров.

В связи с обострением отношений с Германией обострились отношения и с другой коалицией. Чехословацкое восстание — это их проделка. Этому доказательством является офицерство, поддерживаемое французскими деньгами и помогающее чехословакам.

Дальше Ленин говорит о том, что война порождает революцию и, чем дальше она тянется, тем положение воюющих стран делается безвыходнее, тем скорее она приближает их к революции. В Германии и Австрии снова прокатилась волна забастовок. Все империалистские хищники бросаются на Россию и хотят ее растерзать, так как знают, что каждый месяц существования социалистической России готовит им гибель. На нашу долю выпала величайшая честь и величайшая трудность быть первым социалистическим отрядом в борьбе с мировым империализмом. Наша задача — продержаться еще.

Далее Ленин переходит к вопросу о голоде, которым спекулируют белогвардейцы, чтобы сбросить Советскую власть. Со стороны монархистов, кулаков, богатеев идет бешеная агитация на почве голода. Они не ограничиваются только агитацией, но подкупают бедных крестьян, толкая их на спекуляцию и на борьбу с рабочими. Два класса борются: пролетариат и кулаки, капиталисты. Один из этих классов должен победить, другой — быть разбитым. Наша социалистическая революция зовет на союз сознательных рабочих с большинством беднейших и средних крестьян для борьбы с кулаками, для водворения строжайшего порядка в интересах рабочих. В наших руках есть один путь спасения от голода — союз рабочих с беднейшими крестьянами для борьбы и отобрания хлеба у кулаков и спекулянтов. Смотрите в лицо опасности! У нас повсюду враги, но у нас есть и новые союзники — пролетариат тех стран, где еще ведется война. У нас есть союзники и внутри — огромная масса беднейшего крестьянства, которая пойдет сплоченными рядами с городским пролетариатом.

«Правда» № 151, 21 июля 1918 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 27, стр. 501—502.

ИЗ РЕЧИ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ВЦИК, МОСКОВСКОГО СОВЕТА, ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ МОСКВЫ 29 ИЮЛЯ 1918 г.[110]

(Аплодисменты, переходящие в овацию.) Товарищи, не раз нам приходилось указывать и в партийной печати, и в советских учреждениях, и в агитации перед массами, что время перед новым урожаем является самой трудной, тяжелой и критической полосой для начавшейся в России социалистической революции. Теперь, я думаю, мы должны сказать, что высший пункт этого критического положения достигнут. Так произошло в силу того, что сторонники империалистического мира, империалистических стран, с одной стороны, и сторонники Советской Социалистической Республики — с другой, теперь определились полностью и окончательно. Прежде всего надо сказать, что в военном отношении только теперь положение Советской республики окончательно определилось. На чехословацкое восстание многие сначала смотрели, как на эпизод контрреволюционных бунтов. Мы недостаточно оценивали сведения из газет об участии англо-французского капитала, об участии англо-французских империалистов в этом восстании. Теперь следует припомнить, как развернулись события на Мурмане, в сибирских войсках, на Кубани, как англо-французы в союзе с чехословаками, при ближайшем участии английской буржуазии, стремились свергнуть Советы. Все эти факты показывают теперь, что чехословацкое движение было одним из звеньев, давно рассчитанных на удушение Советской России систематической политикой англо-французских империалистов, с целью втягивания России снова в кольцо империалистических войн. Теперь этот кризис должен быть разрешен широкими массами Советской России, так как он встал перед нами теперь как борьба за сохранение Советской Социалистической Республики не только от чехословаков, как

от контрреволюционного покушения, не только от контрреволюционных покушений вообще, но как борьба против натиска всего империалистического мира.

Я хотел бы прежде всего напомнить тот факт, что давно уже установилось прямое и непосредственное участие англо-французского империализма в чехословацком мятеже; я напомню статью от 28 июня, которая была помещена в Центральном органе чехословацкой коммунистической партии «Прукопник Свободы» и была воспроизведена в нашей печати [111]:

«7 марта Отделение Национального совета получило первый взнос от французского консула в сумме 3 миллионов рублей.

Эти деньги выданы были некоему г-ну Шип, сотруднику Отделения Национального совета.

9 марта тому же Шип уплачены были еще 2 миллиона, 25 марта Шип получил 1 миллион, 26 марта товарищ председателя Национального совета г. Богумил Чермак получил 1 миллион, и 3 апреля опять г. Шип получил 1 миллион.

Итого французским консулом уплачено было Отделению Национального совета с 7 марта по 4 апреля 8 миллионов.

Без обозначения числа было уплачено: г. Шип 1 миллион, г. Богумил Чермак 1 миллион, г. Шип вторично 1 миллион.

Кроме того, неизвестному лицу уплачено было 188 000 руб. Итого 3 188 000. С указанными выше 8 миллионами получается сумма 11 миллионов 188 000, которые французское правительство уплатило Отделению Национального совета.

От английского консула Отделение приняло 80 000 фунтов стерлингов. Итак, от 7 марта до дня выступления вожди Национального чешского совета получили от французского и английского правительств около 15 миллионов, и за эти деньги была продана чехословацкая армия французским и английским империалистам».

Конечно, большинство из вас читало в свое время это известие в газетах; конечно, мы не сомневались никогда, что империалисты и финансовые дельцы Англии и Франции постараются сделать все возможное и невозможное для свержения Советской власти, для причинения ей всяческого рода трудностей. Но тогда еще не развернулась вся цепь событий, показывающих, что мы имеем здесь дело с систематическим, неуклонным, очевидно, давно обдуманным, месяцами подготовлявшимся всеми представителями англо-французского империализма, военным и финансовым контрреволюционным походом на Советскую республику. Теперь, когда мы берем события в целом, сопоставляем чехословацкое контрреволюционное движение с мурманским десантом, знаем, что англичане высадили там свыше 10 000 солдат, что они, под предлогом защиты Мурмана, на самом деле стали продвигаться вперед и заняли Кемь и Сороки и пошли к востоку от Сорок, перешли к расстрелам наших советских деятелей; читаем в газетах, что многие тысячи железнодорожных рабочих и вообще рабочих дальнего Севера бегут от этих спасителей и избавителей, т. е., говоря

правду, от этих новых империалистских насильников, рвущих Россию с другого конца, — когда мы сопоставляем все эти факты, нам становится ясной общая связь событий. А между тем, в последнее время получились новые подтверждения, показывающие характер англо-французского наступления на Россию.

Уже по причинам географическим понятно, что форма этого наступления империализма на Россию не может быть такая, как в Германии. Границы, смежной с Россией, такой, как у Германии, нет; такого количества войск нет. Преимущественно колониальный и морской характер военной силы Англии давно уже, в течение многих десятилетий, заставлял англичан в их завоевательных походах наступать иначе, стараться главным образом отрезывать источники снабжения от страны, на которую они нападали, и предпочитать метод удушения, под предлогом помощи, методу прямого, непосредственного, крутого, резкого военного насилия. В последнее время из сообщений, которые мы имеем, выяснилось, что несомненно помощью англо-французского империализма воспользовался Алексеев, давно известный русским солдатам и рабочим, захвативший в последнее время станицу Тихорецкую. Там восстание приняло более определенные формы, и опять-таки, очевидно, потому, что англо-французский империализм наложил свою руку.

Наконец, вчера получены известия, что в Баку англо-французскому империализму удался очень эффектный ход. Им удалось получить в Бакинском Совете большинство, около 30 голосов, против нашей партии, против большевиков, и тех левых эсеров, к сожалению, очень немногих, которые не пошли за гнусной авантюрой и предательской изменой московских левых эсеров [112], а остались с Советской властью против империализма и войны. Вот против этого, верного Советской власти, до сих пор бывшего большинством в Бакинском Совете ядра, англо-французский империализм получил на этот раз перевес в 30 голосов, благодаря перешедшей против нас на их сторону громадной части партии Дашнакцутюн [113], армян-полусоциалистов. (Читает телеграмму.)

«26 июля аджикабульский отряд по приказу наркома Корганова отошел от Аджикабула к позициям у Алят. После отхода шемахинского отряда из Шемахи и Маразы противник повел наступление по долине речки Пирсагат. У деревни Кубалы произошло первое столкновение с авангардом.

Одновременно со стороны Куры с юга многочисленная конница стала продвигаться к станции Пирсагат. При таком положении для удержания станции Аджикабул требовалось растянуть все имеющиеся силы на три стороны к западу от Аджикабула, к северу и югу от долины Навази-Пирсагат. Такая растянутость фронта лишила бы нас резервов и при отсутствии конницы не давала бы возможности нанести удар про-

тивнику и даже поставила бы в тяжелое положение аджикабульскую группу в случае прорыва фронта с севера или с юга. Вследствие такой обстановки, а также в интересах сохранения сил войск, отдан приказ об отходе аджикабульского отряда к позициям у Алят. Отход совершен в полном порядке. Важные сооружения пути и станции Аджикабул и керосиновые и нефтяные цистерны взорваны. В Дагестане, в связи с общим наступлением, противник проявляет активность. 24 июля противник большими скопищами наступал в четырех направлениях. После суточного боя мы заняли окопы противника, неприятель рассеялся в лесу, ночь помешала дальнейшему преследованию. 24 июля из Шуры сообщают об успешных для нас боях, театром военных действий являются окрестности города, противник действует упорно, организованно, командуют силами противника бывшие дагестанские офицеры, активное участие в боевых действиях под Шурой принимают крестьяне Дагестана.

Правые партии в Баку подняли головы и повели энергичную агитацию за призвание англичан. Агитация усиленно поддерживается командным составом армии и переносится на фронтовые части. Англофильская агитация дезорганизовала армию. В последнее время английская ориентация имела большой успех среди отчаявшихся и измученных масс.

Под влиянием лживой провокационной деятельности правых партий Каспийская военная флотилия принимала несколько противоположных резолюций об англичанах. Обманутая английскими наемниками и добровольными агентами она до последнего времени слепо верила в искренность английской поддержки.

Последние сведения говорят о продвижении англичан в Персии и занятии ими Решта (Гилян). В Реште англичане 4 дня боролись с Кучук-Ханом и присоединившимися к нему германо-турецкими бандами во главе с бежавшими из Баку муссаватистами. После решетского боя англичане просили помощи у нас, но наши уполномоченные в Персии отказали. В Реште англичане победили. Но сил в Персии у них почти нет. Выяснено, что в Энзели всего их 50 человек. Они нуждаются в бензине и предлагают нам за него автомобили. Без бензина они продвигаться не могут.

25 июля состоялось вторичное заседание Совдепа по вопросу о политическом и военном положении, и правыми партиями был поставлен вопрос об англичанах. Чрезвычайный комиссар Кавказа тов. Шаумян, ссылаясь на резолюцию V съезда Советов и на телеграмму Сталина от имени Центрального Совнаркома, заявил о недопущении приглашения англичан и потребовал снять с обсуждения вопрос о призыве англичан. Незначительным большинством голосов требование тов. Шаумяна было отклонено, на что тов. Шаумяном как представителем центральной власти был заявлен решительный протест. Заслушан доклад делегатов, ездивших на фронт. Большинством 259 голосов правых эсеров, правых дашнаков и меньшевиков против 236 голосов большевиков, левых эсеров и левых дашнаков была принята резолюция о приглашении англичан и составлении правительства из всех советских партий, признающих власть Совета Народных Комиссаров. Резолюция встретила резкое осуждение со стороны левого сектора. Шаумян заявил, что считает принятое постановление позорной изменой и черной неблагодарностью в отношении рабочих и крестьян России и что как представитель центральной власти снимает с себя всякую ответственность за принятое решение. От имени фракций большевиков, левых эсеров и левых дашнаков было заявлено, что в коалиционное правительство они не войдут и что Совет Народных Комиссаров выйдет в отставку. Тов. Шаумяном от имени трех левых фракций было заявлено, что власть, разорвавшая на деле с Российской Советской властью приглашением империалистов англичан, не

встретит никакой поддержки со стороны Советской России. Своей предательской политикой местный Совдеп, пригласивший англичан, потерял Россию и партии, поддерживающие Советскую власть.

Правые партии в полнейшей растерянности в связи с решением Совнаркома об отставке. После получения сообщений о создавшемся положении настроение в районах и на фронте резко изменилось. Моряки поняли, что они на деле обмануты предателями в целях разрыва с Россией и уничтожения Советской власти. Массы изменяют свое отношение к англичанам. Вчера в связи с отставкой Совнаркома состоялось экстренное собрание Исполкома. Решено, что все народные комиссары остаются на своих постах и ведут ту работу, которую они вели ранее впредь до разрешения вопроса о власти на заседании Совета 31 июля. Исполком решил принять срочные меры по борьбе с назревающей контрреволюцией. Враги ведут свою работу под прикрытием англо-французских партий. Бюро печати Баксовнаркома».

Как это вы постоянно наблюдаете и в наших фракциях, которые, называя себя социалистами, никогда не порывали связи с буржуазией, и там на этот раз высказались за приглашение английских войск для защиты Баку [114]. Мы уже знаем слишком хорошо, что́ значит такое приглашение на защиту Советской республики империалистических войск. Мы знаем, каково было это приглашение, произведенное буржуазией, частью эсеров и меньшевиками. Мы знаем, каково было это приглашение, произведенное вождями меньшевиков в Тифлисе, в Грузии.

Мы можем теперь сказать, что единственной партией, которая империалистов не приглашала и в правительский союз с ними не вступала, а лишь отступала от них тогда, когда насильники наступали, единственной партией была партия большевиков-коммунистов. (Аплодисменты.) Мы знаем, что на Кавказе положение наших товарищей-коммунистов было особенно трудное, потому что кругом их предавали меньшевики, вступавшие в прямой союз с германскими империалистами под предлогом, конечно, защиты независимости Грузии.

Вы все хорошо знаете, что эта независимость Грузии превратилась в чистейший обман, — на самом деле это есть оккупация и полный захват Грузии германскими империалистами, союз немецких штыков с меньшевистским правительством против большевистских рабочих и крестьян, и поэтому тысячу раз правы были наши бакинские товарищи, которые, нисколько не закрывая глаз на опасность положения, сказали себе: мы никогда не были бы против мира с империалистической державой на условиях уступки им части нашей территории, если бы это не наносило удара нам, не связывало бы наши войска союзом с штыками насильников и не лишало бы нас возможности продолжать нашу преобразовательную социалистическую деятельность.

Если же вопрос стоит так, что, приглашая англичан якобы для защиты Баку, пригласить державу, которая теперь ску-

шала всю Персию и давно подбирается своими военными силами для захвата юга Кавказа, т. е. отдаться англо-французскому империализму, то в этом случае у нас не может быть ни минуты сомнения и колебания, что, как ни трудно положение наших бакинских товарищей, они, отказываясь от такого заключения мира, сделали шаг, единственно достойный социалистов не на словах, а на деле. Решительный отказ от какого бы то ни было соглашения с англо-французскими империалистами — единственно правильный шаг бакинских товарищей, так как нельзя приглашать их, не превращая самостоятельной социалистической власти, будь то на отрезанной территории, в раба империалистической войны.

Поэтому у нас нет никакого сомнения, какое значение имеет бакинское происшествие в общей сети происшествий. Вчера получено сообщение, что часть городов Средней Азии охвачена контрреволюционным восстанием при явном участии англичан, укрепившихся в Индии, которые, захватив в свое полное подчинение Афганистан, давно создали себе опорный пункт как для расширения своих колониальных владений, для удушения наций, так и для нападений на Советскую Россию. И вот теперь, когда эти отдельные звенья стали ясны для нас, вполне определилось теперешнее военное и общестратегическое положение нашей республики. Мурман на севере, чехословацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке — мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой.

Мы прекрасно видим теперь, что помещики, капиталисты и кулаки, которые все, конечно, по причинам, для них довольно законным, пылают ненавистью к Советской власти, выступили теперь и здесь, чуть в других формах, чем помещики, капиталисты и кулаки выступали на Украине и в других, оторванных от России, местах. Как лакеи англо-французского империализма, они пошли на все, чтобы во что бы то ни стало сделать все, что возможно, против Советской власти. Силами самой России они сделать этого не могли и решили действовать не словами, не обращениями, в духе гг. Мартовых, а прибегли к более крупным приемам борьбы, к военным действиям. На это обстоятельство более всего надо обратить ваше внимание; на этом нам надо сосредоточить всю нашу агитацию, всю пропаганду, и соответственно этому передвинуть центр тяжести всей нашей советской работы.

Это основной факт, что теперь действуют империалистические силы другой коалиции, не германской, а англо-французской, захватившей часть территории и опирающейся на нее. Если до сих пор географическое положение мешало им напасть прямым путем на Россию, то теперь, обходным путем, англо-

французский империализм, который уже четыре года заливает кровью весь мир из-за господства над всем миром, подошел непосредственно к России для удушения Советской республики и для того, чтобы ввергнуть Россию в империалистическую войну. Вы прекрасно знаете, товарищи, что с начала Октябрьской революции мы ставили себе главной целью прекращение империалистской войны, но мы никогда не делали себе иллюзий, что силами пролетариата и революционных масс какой-либо одной страны, как бы героически ни были они настроены, как бы ни были организованы и дисциплинированы, — силами пролетариата одной страны международный империализм можно свергнуть, — это можно сделать только совместными усилиями пролетариата всех стран.

Но мы сделали то, что в одной из стран были порваны все связи с капиталистами всего мира. У нашего правительства нет ни одной нити, связывающей его с какими бы то ни было империалистами, и их никогда не будет, каким бы путем ни пошла далее наша революция. Мы сделали то, что революционное движение против империализма за 8 месяцев нашей власти сделало громадный шаг вперед и что в одном из главных центров империализма, в Германии, дело дошло в январе 1918 года до вооруженной стычки и кровавого подавления этого движения. Мы сделали свое революционное дело, как ни в одной стране ни одно революционное правительство, в международном, всемирном масштабе, но мы не обманывали себя, что добиться этого можно силами одной страны. Мы знали, что наши усилия неизбежно ведут к всемирной революции и что окончить войну, начатую империалистическими правительствами, силами этих правительств нельзя. Она может быть окончена только усилиями всего пролетариата, и нашей задачей, когда мы оказались у власти, как пролетарская коммунистическая партия, в момент, пока еще в других странах оставалось капиталистическое буржуазное господство, — ближайшей нашей задачей было, повторяю, удержать эту власть, этот факел социализма для того, чтобы он возможно больше искр продолжал давать на усиливающийся пожар социалистической революции.

Всюду эта задача была чрезвычайно трудна, и эту задачу мы решили благодаря тому, что пролетариат стоял как раз на защите завоеваний социалистической республики. Эта задача привела к положению, особенно тяжелому и критическому, так как социалистическая революция, в прямом смысле этого слова, ни в одной стране еще не наступила, хотя в таких странах, как Италия и Австрия, она стала несравненно ближе. Но так как она все еще не наступила, то мы имеем перед собой новый успех англо-французского империализма, а стало быть, и

мирового. Если с запада германский империализм продолжает стоять, как военная захватная империалистическая сила, то с северо-востока и с юга России англо-французский империализм получил возможность укрепляться и наглядно, воочию показывает нам, что эта сила готова снова втянуть Россию в империалистическую войну, готова подавить Россию — самостоятельное социалистическое государство, которое продолжает свою социалистическую работу и пропаганду в размерах, до сих пор невиданных еще миром. Против этого англо-французский империализм одержал крупный успех и, окружив нас кольцом, направил все усилия, чтобы подавить Советскую Россию. Мы прекрасно знаем, что этот успех англо-французского империализма стоит в неразрывной связи с классовой борьбой.

Мы всегда говорили, — и революция это подтверждают, — что, когда дело доходит до основ экономической власти, власти эксплуататоров, до их собственности, дающей в их распоряжение труд десятков миллионов рабочих и крестьян, дающей возможность наживаться помещикам и капиталистам, — когда, повторяю, дело доходит до частной собственности капиталистов и помещиков, они забывают все свои фразы о любви к отечеству и независимости. Мы прекрасно знаем, что кадеты, правые эсеры и меньшевики по части союза с империалистскими державами, по части заключения грабительских договоров, по части предания родины англо-французскому империализму побили рекорд. Пример — Украина и Тифлис. Союз меньшевиков, правых эсеров с чехословаками достаточно для этого показателен. И выступление левых эсеров, которые вздумали втягивать в войну ради интересов ярославских белогвардейцев [115] Российскую республику, достаточно ясно показывает, что, когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами. Эту истину история русской революции показала еще и еще раз после того, как больше сотни лет история революции показывала нам, что таков закон классовых интересов, классовой политики буржуазии во все времена и во всех странах. Поэтому нисколько не удивительно, что теперешние обострения международного положения Советской республики связаны с обострением классовой борьбы внутри страны...

* *
*

...Товарищи, это обострение классовой борьбы в связи с продовольственным кризисом, как раз, когда новый урожай в своем богатстве определился, но реализован быть не может, и тогда,

когда мучительно голодных жителей в Петрограде и Москве толкают кулацкие элементы и буржуазия, которые говорят в самых отчаянных усилиях: либо теперь, либо никогда, — от этого становится понятной та волна восстаний, которая прокатывается по всей России. Появилось ярославское восстание. И мы видим влияние англо-французов; мы видим расчет контрреволюционных помещиков и буржуазии. Там, где поднимался вопрос о хлебе, мешали осуществить монополию на хлеб, а без этого не может быть социализма. Как раз в этом должна буржуазия сплотиться, в этом у буржуазии более глубокая опора, чем у деревенского мужика. Решительный бой между силами социализма и буржуазным обществом будет во всяком случае, так или иначе, сегодня или завтра, по тому или другому поводу. Всякие колебания могут быть только у социалистов в кавычках, как, например, у наших левых эсеров. Когда в этом вопросе, в этом коренном вопросе, замечаются колебания у социалистов, это показывает, что они социалисты в кавычках, которым цена грош. Революция приводит таких социалистов к тому, что они на деле превращаются в простые пешки, которыми играют французские генералы, те пешки, роль которых показал бывший ЦК бывшей партии левых эсеров.

Товарищи, из этого соединенного усилия англо-французского империализма и контрреволюционной русской буржуазии вытекло то, что война гражданская у нас теперь с той стороны, с которой не все ожидали и не все ясно сознавали, и она слилась с войной внешней в одно неразрывное целое. Кулацкое восстание, чехословацкий мятеж, мурманское движение, — это одна война, надвигающаяся на Россию. Мы вырвались из войны с одной стороны, понеся громадный ущерб, заключив невероятно тяжелый мир, мы знали, что заключаем мир насильнический, но говорили, что сумеем продолжать свою пропаганду и свое строительство, и этим разлагаем империалистический мир. Мы сумели это сделать. Германия ведет теперь переговоры о том, сколько миллиардов взять с России на основании Брестского мира, но она признала все те национализации, которые у нас были проведены декретом 28 июня. Она не подняла вопроса о частной собственности на землю в республике, это надо подчеркнуть в противовес той неслыханной лжи, которую распространяла Спиридонова и тому подобные деятели левых эсеров, лжи, которая пошла на пользу помещикам и повторяется теперь самыми темными и неразвитыми элементами из черносотенцев; эта ложь должна быть опровергнута и разоблачена.

На самом деле, мы, при всей тяжести мира для нас, свободное внутреннее социалистическое строительство завоевали

и сделали на этом пути такие шаги, которые теперь становятся известными Западной Европе и представляют элементы пропаганды, неизмеримо более могучие, чем прежде.

И вот дело обстоит таким образом, что, выйдя с одной стороны из войны с одной коалицией, сейчас же испытали натиск империализма с другой стороны. Империализм есть явление всемирное, это есть борьба за раздел всего мира, всей земли и за подчинение той или иной кучке хищников. Теперь другая, англо-французская, группа хищников бросается на нас и говорит: мы вас втянем снова в войну. Их война с войной гражданской сливается в одно единое целое, и это составляет главный источник трудностей настоящего момента, когда на сцену опять выдвинулся вопрос военный, военных событий, как главный, коренной вопрос революции. В этом вся трудность, потому что народ устал от войны, измучен войной, как никогда. Это состояние крайней истерзанности, измученности войной русского народа хочется сравнить с человеком, которого избили до полусмерти, от которого нельзя ждать ни проявления энергии, ни проявления работоспособности. Так и в русском народе естественно эта почти четырехлетняя война, обрушившаяся на страну, которую расхитили, истерзали, изгадили царизм, самодержавие, буржуазия и Керенский, вызвала по многим причинам отвращение, явилась величайшим источником громадных трудностей, которые мы переживаем.

С другой стороны, такой поворот событий все свел к определенной войне. Мы снова попали в войну, мы находимся в войне, и эта война не только гражданская, с кулаками, помещиками, капиталистами, которые теперь объединились против нас, — теперь уже стоит против нас англо-французский империализм; он еще не в состоянии двинуть на Россию полчища, ему мешают географические условия, но он все, что может, все свои миллионы, все свои дипломатические связи и силы дает на помощь нашим врагам. Мы находимся в состоянии войны, и эту войну мы можем решить победоносно; но тут приходится бороться с одним из самых труднопреодолеваемых противников: нужно бороться с состоянием усталости в войне, ненависти и отвращения к войне; это состояние мы должны преодолеть, потому что иначе мы не решим вопроса, который не зависит от нашей воли, — вопроса военного. Наша страна попала опять в войну, и исход революции зависит теперь всецело от того, кто победит в этой войне, главными представителями которой являются чехословаки, а на самом деле руководителями, двигателями, толкателями в этой войне являются англо-французские империалисты. Весь вопрос о существовании Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, весь вопрос российской социалистической револю-

ции свелся к вопросу военному. В этом источник громадной трудности, при том состоянии народа, которое он вынес из империалистической войны. Наша задача для нас совершенно ясна. Всякий обман был бы величайшим вредом; скрывать от рабочих и крестьян эту тяжелую правду мы считаем преступлением. Напротив, пусть каждый, как можно яснее и рельефнее, эту правду знает...

* *
*

..Товарищи! Ряды пролетариата должны сомкнуться еще теснее и дать в этой борьбе образец организованности и дисциплины. Россия остается попрежнему единственной страной, которая разорвала все связи с империалистами. Правда, мы истекаем кровью от этих тяжелых ран. Мы отступили перед империалистским зверем, выгадывая время, давая ему то там, то тут частые удары, но мы, как Социалистическая Советская Республика, оставались самостоятельны. Совершая нашу социалистическую работу, мы шли против империализма всего мира, и эта борьба становится понятнее рабочим всего мира, и все больше и больше их нарастающее возмущение приближает к грядущей революции. Из-за этого именно и идет борьба, потому что наша республика — единственная страна в мире, которая не шла рука об руку с империализмом, не давала избивать миллионы людей из-за господства французов или немцев над миром. Наша республика — единственная страна, которая вышла насильственным и революционным путем из мировой империалистической войны, которая подняла знамя социалистической революции, но ее снова втягивают в империалистическую войну, снова желают поставить ее на фронт. Пусть чехословаки воюют с немцами, пусть российская буржуазия выбирает, пусть Милюков решает, может быть, даже в согласии с Спиридоновой и Камковым, вопрос, с какими империалистами им идти вместе. Но мы заявляем, что для того, чтобы помешать решению этого вопроса, мы должны быть готовыми отдать нашу жизнь, ибо дело идет о спасении всей социалистической революции. (Аплодисменты.) Я знаю, что среди крестьян Саратовской, Самарской и Симбирской губерний, где наблюдалась самая большая усталость и неспособность идти на военные действия, замечается перелом. Они, испытав нашествие казаков и чехословаков, испробовав на деле, что такое Учредительное собрание или крики: долой Брестский мир, узнали, что все это ведет к тому, что возвращается помещик, капиталист садится на трон, — и они становятся теперь самыми ярыми защитниками власти Советов,

У меня нет и тени сомнения, что пролетарские массы Петрограда и Москвы, шествуя впереди революции, поймут обстоятельства, поймут, какой мы переживаем сейчас грозный момент, они будут еще решительнее, и пролетариат свергнет и англо-французское и чехословацкое наступление в интересах социалистической революции. (Аплодисменты.)

Напечатано в 1919 г. в книге: «Пятый созыв ВЦИК. Стенографический отчет». Москва

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 28, стр. 1—10, 11—13, 16—17.

ПИСЬМО К АМЕРИКАНСКИМ РАБОЧИМ [116]

Товарищи! Один русский большевик, участвовавший в революции 1905 года и затем много лет проведший в вашей стране, предложил мне взять на себя доставку моего письма к вам. Я с тем бо́льшим удовольствием принял его предложение, что американские революционные пролетарии призваны именно теперь сыграть особенно важную роль, как непримиримые враги империализма американского, самого свежего, самого сильного, самого последнего по участию во всемирной бойне народов из-за дележа прибылей капиталистов. Именно теперь американские миллиардеры, эти современные рабовладельцы, открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма, дав согласие — все равно, прямое или косвенное, открытое или лицемерно-прикрытое, — на вооруженный поход англо-японских зверей с целью удушения первой социалистической республики.

История новейшей, цивилизованной Америки открывается одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн, вызванных, подобно теперешней империалистской войне, дракой между королями, помещиками, капиталистами из-за дележа захваченных земель или награбленных прибылей. Это была война американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку, как угнетают, как держат в колониальном рабстве еще теперь эти «цивилизованные» кровопийцы сотни миллионов людей в Индии, в Египте и во всех концах мира.

С тех пор прошло около 150 лет. Буржуазная цивилизация принесла все свои роскошные плоды. Америка заняла первое место среди свободных и образованных стран по высоте развития производительных сил человеческого объединенного труда, по применению машин и всех чудес новейшей техники. Америка стала вместе с тем одной из первых стран по глубине пропасти между горсткой обнаглевших, захлебывающихся в грязи и в

роскоши миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся, вечно живущих на границе нищеты, с другой. Американский народ, давший миру образец революционной войны против феодального рабства, оказался в новейшем, капиталистическом, наемном рабстве у кучки миллиардеров, оказался играющим роль наемного палача, который в угоду богатой сволочи в 1898 году душил Филиппины, под предлогом «освобождения» их, а в 1918 году душит Российскую Социалистическую Республику, под предлогом «защиты» ее от немцев.

Но четыре года империалистской бойни народов не прошли даром. Обман народа негодяями обеих групп разбойников, и английской и немецкой, разоблачен до конца неоспоримыми и очевидными фактами. Четыре года войны показали на результатах ее общий закон капитализма, в применении к войне между разбойниками из-за дележа их добычи: кто был всех богаче и всех сильнее, тот нажился и награбил больше всех; кто был всех слабее, того грабили, терзали, давили, душили до конца.

Разбойники английского империализма были сильнее всех, по количеству их «колониальных рабов». Английские капиталисты не потеряли ни пяди «своей» (т. е. награбленной ими в течение столетий) земли, а заграбили все германские колонии в Африке, заграбили Месопотамию и Палестину, придушили Грецию и начали грабить Россию.

Разбойники германского империализма были всех сильнее по организованности и дисциплинированности «их» войск, но слабее колониями. Они потеряли все колонии, но ограбили половину Европы, задушили наибольшее число маленьких стран и слабых народов. Какая великая «освободительная» война с обеих сторон! Как хорошо «защищали отечество» разбойники обеих групп, капиталисты англо-французские и германские, вместе с их лакеями, социал-шовинистами, т. е. социалистами, перешедшими на сторону *«своей»* буржуазии!

Американские миллиардеры были едва ли не всех богаче и находились в самом безопасном географическом положении. Они нажились больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые, страны. Они награбили сотни миллиардов долларов. И на каждом долларе видны следы грязи: грязных тайных договоров между Англией и ее «союзниками», между Германией и ее вассалами, договоров о дележе награбленной добычи, договоров о «помощи» друг другу в угнетении рабочих и преследовании социалистов-интернационалистов. На каждом долларе — ком грязи от «доходных» военных поставок, обогащавших в каждой стране богачей и разорявших бедняков. На каждом долларе следы крови — из того моря крови, которую пролили 10 миллионов убитых и 20 миллионов

искалеченных в великой, благородной, освободительной, священной борьбе из-за того, английскому или германскому разбойнику придется больше добычи, английские или германские палачи окажутся *первыми* из душителей слабых народов всего мира.

Если германские разбойники побили рекорд по зверству своих военных расправ, то английские побили рекорд не только по количеству награбленных колоний, но и по утонченности своего отвратительного лицемерия. Именно теперь англо-французская и американская буржуазная пресса распространяют в миллионах и миллионах экземпляров ложь и клевету про Россию, лицемерно оправдывая свой грабительский поход против нее стремлением «защитить» будто бы Россию от немцев!

Чтобы опровергнуть эту гнусную и подлую ложь, не надо тратить много слов: достаточно указать на один общеизвестный факт. Когда в октябре 1917 года рабочие России свергли свое империалистское правительство, Советская власть, власть революционных рабочих и крестьян, открыто предложила справедливый мир, без аннексий и контрибуций, мир с полным соблюдением равенства прав для всех наций, — предложила такой мир *всем* воюющим странам.

Именно англо-французская и американская буржуазия не приняла нашего предложения, именно она отказалась даже разговаривать с нами о всеобщем мире! Именно *она* поступила предательски по отношению к интересам всех народов, именно она затянула империалистскую бойню!

Именно она, спекулируя на то, чтобы снова втянуть Россию в империалистскую войну, отстранилась от мирных переговоров и тем развязала руки столь же разбойническим капиталистам Германии, которые навязали России аннексионистский и насильственный Брестский мир!

Трудно представить себе более омерзительное лицемерие, чем то, с каким англо-французская и американская буржуазия сваливает «вину» *за* Брестский мир на нас. Как раз капиталисты тех стран, от которых зависело превратить Брест во всеобщие переговоры о всеобщем мире, они же и выступают «обвинителями» нас! Стервятники англо-французского империализма, нажившиеся на грабеже колоний и на бойне народов, протянули войну вот уже скоро на целый год после Бреста, и они же «обвиняют» *нас*, большевиков, предложивших справедливый мир всем странам, — *нас*, разорвавших, опубликовавших, предавших всеобщему позору тайные преступные договоры между бывшим царем и англо-французскими капиталистами.

Рабочие всего мира, в какой бы стране они ни жили, приветствуют нас, сочувствуют нам, рукоплещут нам за то, что

мы порвали железные кольца империалистских связей, империалистских грязных договоров, империалистских цепей, — за то, что мы вырвались на свободу, пойдя на самые тяжелые жертвы ради этого, — за то, что мы, как социалистическая республика, хотя бы и истерзанная, ограбленная империалистами, остались *вне* империалистской войны и перед всем миром подняли знамя мира, знамя социализма.

Неудивительно, что банда международных империалистов ненавидит нас за это, что они «обвиняют» нас, что все лакеи империалистов, в том числе наши правые эсеры и меньшевики, тоже «обвиняют» нас. В ненависти к большевикам этих сторожевых псов империализма, как и в сочувствии сознательных рабочих всех стран, мы почерпаем новую уверенность в правоте нашего дела.

Тот не социалист, кто не понимает, что ради победы над буржуазией, ради перехода власти к рабочим, ради *начала* международной пролетарской революции можно и должно *не* останавливаться ни перед какими жертвами, в том числе перед жертвой частью территории, перед жертвой тяжелых поражений от империализма. Тот не социалист, кто не доказал *делами* своей готовности на величайшие жертвы со стороны «его» отечества, лишь бы дело социалистической революции было фактически двинуто вперед.

Ради «своего» дела, т. е. ради завоевания мирового господства, империалисты Англии и Германии не остановились перед полным разорением и удушением целого ряда стран, начиная от Бельгии и Сербии, продолжая Палестиной и Месопотамией. Ну, а социалисты ради «своего» дела, ради освобождения трудящихся всего мира от ига капитала, ради завоевания всеобщего прочного мира, они должны выжидать, пока найдется путь без жертв, они должны бояться начать бой, пока не будет «гарантирован» легкий успех, они должны ставить выше безопасность и целость «своего», буржуазией созданного, «отечества», по сравнению с интересами всемирной социалистической революции? Трижды заслуживают презрения те хамы международного социализма, те лакеи буржуазной морали, которые так думают.

Хищные звери англо-французского и американского империализма «обвиняют» нас в «соглашении» с немецким империализмом. О, лицемеры! О, негодяи, которые клевещут на рабочее правительство, дрожа от страха перед тем сочувствием, с которым относятся к нам рабочие «их» собственных стран! Но их лицемерие будет разоблачено. Они притворяются, будто не понимают разницы между соглашением «социалистов» с буржуазией (своей и чужой) *против рабочих,* против трудящихся, и соглашением *для охраны* победивших свою буржуазию

рабочих, с буржуазией одного цвета *против буржуазии* другого национального цвета, ради использования пролетариатом противоположности между разными группами буржуазии.

На самом деле всякий европеец прекрасно знает эту разницу, а американский народ, как я сейчас покажу, особенно наглядно «пережил» ее в своей собственной истории. Есть соглашения и соглашения, есть, fagots et fagots *, как говорят французы.

Когда хищники германского империализма в феврале 1918 года повели свои войска против безоружной, демобилизовавшей свою армию России, доверившейся международной солидарности пролетариата раньше, чем вполне созрела международная революция, тогда я нисколько не колебался вступить в известное «соглашение» с французскими монархистами. Французский капитан Садуль, на словах сочувствовавший большевикам, на деле служивший верой и правдой французскому империализму, привел ко мне французского офицера де Люберсака. «Я монархист, моя единственная цель — поражение Германии», заявил мне де Люберсак. Это само собою, ответил я (cela va sans dire). Это нисколько не помешало мне «согласиться» с де Люберсаком насчет услуг, которые желали оказать нам специалисты подрывного дела, французские офицеры, для взрыва железнодорожных путей в интересах помехи нашествию немцев. Это было образцом «соглашения», которое одобрит всякий сознательный рабочий, соглашения в интересах социализма. Мы жали друг другу руки с французским монархистом, зная, что каждый из нас охотно повесил бы своего «партнера». Но наши интересы на время совпадали. Против наступающих хищников немцев *мы* использовали в интересах русской и международной социалистической революции столь же хищнические контр-интересы *других* империалистов. Мы служили таким образом интересам рабочего класса России и других стран, мы усиливали пролетариат и ослабляли буржуазию всего мира, мы употребляли законнейшее и обязательное во *всякой* войне маневрирование, лавирование, отступление в ожидании того момента, когда *дозреет* быстро назревающая пролетарская революция в ряде передовых стран.

И, как бы ни выли от злобы акулы англо-французского и американского империализма, как бы ни клеветали они на нас, какие бы миллионы ни тратили на подкуп право-эсерских, меньшевистских и прочих социал-патриотических газет, *я ни секунды не поколеблюсь* заключить *такое же* «соглашение» с хищниками немецкого империализма, в случае если наступление на Россию англо-французских войск того потребует. И я

* — вещь вещи рознь. *Ред.*

превосходно знаю, что мою тактику одобрит сознательный пролетариат России, Германии, Франции, Англии, Америки, словом, всего цивилизованного мира. Такая тактика облегчит дело социалистической революции, ускорит ее наступление, ослабит международную буржуазию, усилит позиции побеждающего ее рабочего класса.

А американский народ давно применил, и с пользой для революции, эту тактику. Когда он вел свою великую освободительную войну против угнетателей англичан, против него стояли также угнетатели французы и испанцы, которым принадлежала часть теперешних Соединенных Штатов Северной Америки. В своей трудной войне за освобождение американский народ заключал также «соглашения» с одними угнетателями против других, в интересах ослабления угнетателей и усиления тех, кто революционно борется против угнетения, в интересах *массы* угнетенных. Американский народ использовал рознь между французами, испанцами и англичанами, он сражался даже иногда вместе с войсками угнетателей французов и испанцев против угнетателей англичан, он победил сначала англичан, а потом освободился (частью при помощи выкупа) от французов и от испанцев.

Историческая деятельность не тротуар Невского проспекта, говорил великий русский революционер Чернышевский [117]. Кто «допускает» революцию пролетариата лишь «под условием», чтобы она шла легко и гладко, чтобы было сразу соединенное действие пролетариев разных стран, чтобы была наперед дана гарантия от поражений, чтобы дорога революции была широка, свободна, пряма, чтобы не приходилось временами, идя к победе, нести самые тяжелые жертвы, «отсиживаться в осажденной крепости» или пробираться по самым узким, непроходимым, извилистым и опасным горным тропинкам, — тот не революционер, тот не освободил себя от педантства буржуазной интеллигенции, тот на деле окажется постоянно скатывающимся в лагерь контрреволюционной буржуазии, как наши правые эсеры, меньшевики и даже (хотя и реже) левые эсеры.

Вслед за буржуазией эти господа любят обвинять нас в «хаосе» революции, в «разрушении» промышленности, в безработице и бесхлебьи. Как лицемерны эти обвинения со стороны тех, кто приветствовал и поддерживал империалистскую войну или «соглашался» с продолжавшим эту войну Керенским! Именно империалистская война виновата во всех этих бедствиях. Революция, которая порождена войной, не может не пройти через невероятные трудности и мучения, оставшиеся в наследство от многолетней, разорительной, реакционной бойни народов. Обвинять нас в «разрушении» промышленности или в «терроре» значит лицемерить или обнаруживать

тупое педантство, неспособность понять основные условия той бешеной, обостренной до крайности классовой борьбы, которая называется революцией.

В сущности, «обвинители» подобного рода, если они «признают» классовую борьбу, ограничиваются словесным признанием ее, на деле же впадают постоянно в мещанскую утопию «соглашения» и «сотрудничества» классов. Ибо в эпоху революции классовая борьба неминуемо и неизбежно принимала всегда и во всех странах форму *гражданской войны*, а гражданская война немыслима ни без разрушений тягчайшего вида, ни без террора, ни без стеснения формальной демократии в интересах войны. Только слащавые попы — все равно, христианские или «светские» в лице салонных, парламентарных социалистов — могут не видеть, не понимать, не осязать этой необходимости. Только мертвые «человеки в футляре» способны отстраняться из-за этого от революции вместо того, чтобы со всей страстью и решительностью бросаться в бой тогда, когда история требует решения борьбой и войной величайших вопросов человечества.

В американском народе есть революционная традиция, которую восприняли лучшие представители американского пролетариата, неоднократно выражавшие свое полное сочувствие нам, большевикам. Эта традиция — война за освобождение против англичан в XVIII веке, затем гражданская война в XIX веке. В 1870 году Америка в некоторых отношениях, если взять только «разрушение» некоторых отраслей промышленности и народного хозяйства, стояла *позади* 1860-го года. Но каким бы педантом, каким идиотом был бы человек, который на *таком* основании стал бы отрицать величайшее, всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение гражданской войны 1863—1865 годов в Америке!

Представители буржуазии понимают, что свержение рабства негров, свержение власти рабовладельцев стоило того, чтобы вся страна прошла через долгие годы гражданской войны, бездны разорения, разрушений, террора, связанных со всякой войной. Но теперь, когда дело идет о неизмеримо более великой задаче свержения *наемного*, капиталистического, рабства, свержения власти буржуазии, — теперь представители и защитники буржуазии, а равно социалисты-реформисты, запуганные буржуазией, чурающиеся революции, не могут и не хотят понять необходимости и законности гражданской войны.

Американские рабочие не пойдут за буржуазией. Они будут с нами, за гражданскую войну против буржуазии. Меня укрепляет в этом убеждении вся история всемирного и американского рабочего движения. Я вспоминаю также слова одного из самых любимых вождей американского пролетариата

Евгения Дебса, который писал в «Призыве к Разуму» (Appeal to Reason) [118] — кажется, в конце 1915 года — в статье «What shall I fight for» («За что я буду сражаться»), — (я цитировал эту статью в начале 1916 года на одном публичном рабочем собрании в Берне, в Швейцарии) *, —

— что он, Дебс, дал бы себя скорее расстрелять, чем вотировать кредиты на теперешнюю, преступную и реакционную войну; что он, Дебс, знает лишь одну священную, законную, с точки зрения пролетариев, войну, именно: войну против капиталистов, войну за освобождение человечества от наемного рабства.

Меня не удивляет, что Вильсон, глава американских миллиардеров, прислужник акул капиталистов, заключил в тюрьму Дебса. Пусть зверствует буржуазия против истинных интернационалистов, против истинных представителей революционного пролетариата! Чем больше ожесточения и зверства с ее стороны, тем ближе день победоносной пролетарской революции.

Обвиняют нас в разрушениях, созданных нашей революцией... И кто же обвинители? Прихвостни буржуазии, — той самой буржуазии, которая за четыре года империалистской войны, разрушив почти всю европейскую культуру, довела Европу до варварства, до одичания, до голода. Эта буржуазия требует теперь от нас, чтобы мы делали революцию не на почве этих разрушений, не среди обломков культуры, обломков и развалин, созданных войной, не с людьми, одичавшими от войны. О, как гуманна и справедлива эта буржуазия!

Ее слуги обвиняют нас в терроре... Английские буржуа забыли свой 1649-ый, французы свой 1793-ий год. Террор был справедлив и законен, когда он применялся буржуазией в ее пользу против феодалов. Террор стал чудовищен и преступен, когда его дерзнули применять рабочие и беднейшие крестьяне против буржуазии! Террор был справедлив и законен, когда его применяли в интересах замены одного эксплуатирующего меньшинства другим эксплуататорским меньшинством. Террор стал чудовищен и преступен, когда его стали применять в интересах свержения *всякого* эксплуататорского меньшинства, в интересах действительно огромного большинства, в интересах пролетариата и полупролетариата, рабочего класса и беднейшего крестьянства!

Буржуазия международного империализма перебила 10 миллионов человек, искалечила 20 миллионов на «своей» войне, войне из-за того, английским или немецким хищникам господствовать над всем миром.

---

* См. Сочинения В. И. Ленина, изд. 4, т. 22, стр. 113. *Ред.*

Если *наша* война, война угнетенных и эксплуатируемых против угнетателей и эксплуататоров, будет стоить полумиллиона или миллиона жертв во всех странах, — буржуазия скажет, что первые жертвы законны, вторые преступны.

Пролетариат скажет совсем другое.

Пролетариат усваивает себе теперь, среди ужасов империалистской войны, — вполне и наглядно ту великую истину, которой учат все революции, истину, которую завещали рабочим их лучшие учителя, основатели современного социализма. Эта истина — та, что не может быть успешной революции без *подавления сопротивления эксплуататоров*. Наш долг был, когда мы, рабочие и трудящиеся крестьяне, овладели государственной властью, подавить сопротивление эксплуататоров. Мы гордимся тем, что делали и делаем это. Мы жалеем о том, что недостаточно твердо и решительно делаем это.

Мы знаем, что во всех странах бешеное сопротивление буржуазии против социалистической революции неизбежно и что оно будет *расти* по мере роста этой революции. Пролетариат сломит это сопротивление, он созреет окончательно к победе и к власти в ходе борьбы против сопротивляющейся буржуазии.

Пусть кричит на весь свет продажная буржуазная пресса о каждой ошибке, которую делает наша революция. Мы не боимся наших ошибок. От того, что началась революция, люди не стали святыми. Безошибочно сделать революцию не могут те трудящиеся классы, которые веками угнетались, забивались, насильственно зажимались в тиски нищеты, невежества, одичания. И труп буржуазного общества, как мне приходилось уже однажды указывать, нельзя заколотить в гроб и зарыть в землю *. Убитый капитализм гниет, разлагается среди нас, заражая воздух миазмами, отравляя нашу жизнь, хватая новое, свежее, молодое, живое, тысячами нитей и связей старого, гнилого, мертвого.

На каждую сотню наших ошибок, о которых кричит на весь свет буржуазия и ее лакеи (наши меньшевики и правые эсеры в том числе), приходится 10 000 великих и геройских актов — тем более великих и геройских, что они просты, невидны, спрятаны в будничной жизни фабричного квартала или захолустной деревни, совершены людьми, не привыкшими (и не имеющими возможности) кричать о каждом своем успехе на весь мир.

Но если бы даже дело обстояло наоборот, — хотя я знаю, что такое допущение не верно, — если бы даже на 100 наших правильных актов приходилось 10 000 ошибок, все-таки

* См. Сочинения В. И. Ленина, изд. 4, т. 27, стр. 397. *Ред.*

наша революция была бы, *и она будет перед всемирной историей,* велика и непобедима, ибо *первый раз* не меньшинство, не одни только богатые, не одни только образованные, а настоящая масса, громадное большинство трудящихся *сами* строят новую жизнь, *своим опытом* решают труднейшие вопросы социалистической организации.

Каждая ошибка в такой работе, в этой добросовестнейшей и искреннейшей работе десятков миллионов простых рабочих и крестьян по переустройству всей их жизни, — каждая такая ошибка стоит тысячи и миллиона «безошибочных» успехов эксплуататорского меньшинства, успехов в деле надувания и объегоривания трудящихся. Ибо только *через* такие ошибки *научатся* строить новую жизнь, научатся обходиться *без* капиталистов рабочие и крестьяне, только так пробьют они себе путь — через тысячи препятствий — к победоносному социализму.

Ошибки совершают, творя свою революционную работу, наши крестьяне, которые одним ударом, в одну ночь с 25 на 26 октября (ст. ст.) 1917 года отменили всякую частную собственность на землю и теперь, месяц за месяцем, преодолевая необъятные трудности, исправляя сами себя, практически решают труднейшую задачу организации новых условий хозяйственной жизни, борьбы с кулаками, обеспечения земли за *трудящимися* (а не за богатеями), перехода к *коммунистическому* крупному земледелию.

Ошибки совершают, творя свою революционную работу, наши рабочие, которые национализировали теперь, за несколько месяцев, почти все крупнейшие фабрики и заводы и учатся тяжелым, ежедневным трудом новому делу управления целыми отраслями промышленности, налаживают национализированные хозяйства, преодолевая гигантское сопротивление косности, мелкобуржуазности, эгоизма, кладут камень за камнем фундамент *новой* общественной связи, *новой* трудовой дисциплины, *новой* власти профессиональных союзов рабочих над их членами.

Ошибки совершают, творя свою революционную работу, наши Советы, созданные еще в 1905 году могучим подъемом масс. Советы рабочих и крестьян, это — новый *тип* государства, новый высший *тип* демократии, это — форма диктатуры пролетариата, способ управления государством *без* буржуазии и *против* буржуазии. Впервые демократия служит здесь для масс, для трудящихся, перестав быть демократией для богатых, каковой остается демократия во всех буржуазных, даже самых демократических, республиках. Впервые народные массы решают, в масштабе для сотни миллионов людей, задачу осуществить диктатуру пролетариев и полупролетари-

ев, — задачу, без решения которой *не может быть* и речи о социализме.

Пусть педанты или люди, неизлечимо напичканные буржуазно-демократическими, или парламентарными, предрассудками, недоуменно качают головой по поводу наших Советов, останавливаясь, например, на отсутствии прямых выборов. Эти люди ничего не забыли и ничему не научились за время великих переворотов 1914—1918 годов. Соединение диктатуры пролетариата с новой демократией для трудящихся, — гражданской войны с широчайшим вовлечением масс в политику, — такое соединение не дается сразу и не укладывается в избитые формы рутинного парламентарного демократизма. Новый мир, мир социализма, — вот что встает перед нами в своем очертании, как Советская республика. И неудивительно, что этот мир не рождается готовым, не выходит сразу, как Минерва из головы Юпитера.

Когда старые буржуазно-демократические конституции расписывали, например, формальное равенство и право собраний, — наша, пролетарская и крестьянская, Советская конституция отбрасывает лицемерие формального равенства прочь. Когда буржуазные республиканцы свергали троны, тогда не заботились о формальном равенстве монархистов с республиканцами. Когда речь идет о свержении буржуазии, только предатели или идиоты могут добиваться формального равенства прав для буржуазии. Грош цена «свободы собраний» для рабочих и крестьян, если все лучшие здания захвачены буржуазией. Наши Советы *отняли* все хорошие здания, и в городах и в деревнях, у богачей, *передав в с е* эти здания рабочим и крестьянам под *и х* союзы и собрания. Вот *наша* свобода собраний ——— для трудящихся! Вот смысл и содержание нашей Советской, нашей социалистической Конституции!

И вот почему так глубоко уверены все мы, что, какие бы беды ни обрушились еще на нашу республику Советов, *она непобедима.*

Она непобедима, ибо каждый удар бешеного империализма, каждое поражение, наносимое нам международной буржуазией, поднимает к борьбе новые и новые слои рабочих и крестьян, обучает их ценой величайших жертв, закаляет их, рождает новый массовый героизм.

Мы знаем, что помощь от вас, товарищи-американские рабочие, придет еще, пожалуй, и не скоро, ибо развитие революции в разных странах идет в различных формах, различным темпом (и не может идти иначе). Мы знаем, что европейская пролетарская революция может и не разгореться еще в ближайшие недели, как ни быстро зреет она в последнее время. Мы ставим ставку на неизбежность международной революю-

ции, но это отнюдь не значит, что мы, как глупцы, ставим ставку на неизбежность революции в *определенный* короткий срок. Мы видели две великих революции, 1905 и 1917, в своей стране и знаем, что революции не делаются ни по заказу, ни по соглашению. Мы знаем, что обстоятельства выдвинули вперед *наш*, российский, отряд социалистического пролетариата, не в силу наших заслуг, а в силу особой отсталости России, и что *до* взрыва международной революции возможен ряд поражений отдельных революций.

Несмотря на это, мы твердо знаем, что мы непобедимы, ибо человечество не сломится от империалистской бойни, а осилит ее. И первой страной, которая *сломала* каторжную цепь империалистской войны, была *наша* страна. Мы принесли тягчайшие жертвы в борьбе за разрушение этой цепи, но мы *сломали* ее. Мы стоим *вне* империалистских зависимостей, мы подняли перед всем миром знамя борьбы за полное свержение империализма.

Мы находимся как бы в осажденной крепости, пока на помощь нам не подошли другие отряды международной социалистической революции. Но эти отряды *есть*, они *многочисленнее*, чем нами, они зреют, растут, крепнут по мере продолжения зверств империализма. Рабочие рвут со своими социал-предателями, Гомперсами, Гендерсонами, Реноделями, Шейдеманами, Реннерами. Рабочие идут медленно, но неуклонно к коммунистической, большевистской, тактике, к пролетарской революции, которая одна в состоянии спасти гибнущую культуру и гибнущее человечество.

Одним словом, мы непобедимы, ибо непобедима всемирная пролетарская революция.

Н. Ленин

20 августа 1918 г.

«Правда» № 178, 22 августа 1918 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 28, стр. 44—57.

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ВЦИК, МОСКОВСКОГО СОВЕТА, ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ 22 ОКТЯБРЯ 1918 г.

Революционное движение пролетарских масс и крестьянства против империалистской войны сделало за последнее время громадные успехи во всех странах, особенно на Балканах, в Австрии и в Германии. Но именно эти успехи вызвали у международной буржуазии, во главе которой встала теперь англо-американская и французская, особое озлобление и стремление спешно организоваться в контрреволюционную силу для подавления революции, в первую же голову ее главного очага в данный момент, Советской власти в России.

Германская буржуазия и германское правительство, разбитые на войне и угрожаемые могучим революционным движением извнутри, мечутся в поисках спасения. Одно течение в правящих кругах Германии надеется еще оттяжками выиграть время до зимы и подготовить военную оборону страны на новой линии укреплений. Другое течение судорожно ищет соглашения с англо-французской буржуазией против революционного пролетариата и большевиков. Поскольку это течение натыкается на крайнюю несговорчивость победителей, англо-французских империалистов, постольку оно старается запугать их большевистской опасностью и подкупить их, оказывая им услуги против большевиков, против пролетарской революции.

Буржуазия подчиненных Германии или оккупированных ею стран еще усерднее ищет соглашения с Антантой особенно в тех случаях, когда она, как например в Финляндии, на Украине и т. п., сознает полную невозможность удержать свою власть над эксплуатируемыми трудящимися массами без помощи иностранных штыков.

В результате этих условий создается такое своеобразное положение для Советской власти: с одной стороны, мы никогда не были так близки к международной пролетарской рево-

люции, как теперь; с другой стороны, мы никогда не были в столь опасном положении, как теперь. Налицо нет уже двух, взаимно друг друга пожирающих и обессиливающих, приблизительно одинаково сильных, групп империалистских хищников. Остается одна группа победителей, англо-французских империалистов; она собирается делить между капиталистами весь мир; она ставит своей задачей во что бы то ни стало свергнуть Советскую власть в России и заменить эту власть буржуазною; она готовится теперь напасть на Россию с юга, например, через Дарданеллы и Черное море или через Болгарию и Румынию, причем по крайней мере часть англо-французских империалистов, видимо, надеется на то, что германское правительство, по прямому или молчаливому соглашению с ними, станет уводить свои войска с Украины лишь по мере того, как Украину будут оккупировать англо-французские войска, для того, чтобы не допустить неизбежной иначе победы украинских рабочих и крестьян и создания ими украинского рабочего и крестьянского правительства.

Не везде и не до самой глубины широких рабочих и крестьянских масс проникло сознание того, что за спиной красновских и белогвардейских контрреволюционеров на нас готовится натиск неизмеримо более опасной силы, силы международной контрреволюционной буржуазии, англо-американской и французской в первую очередь. Это сознание мы должны неустанно нести в массы. На укрепление Южного фронта, на создание и вооружение несравненно более могучей Красной Армии, чем теперь, необходимо обратить самое усиленное внимание. Каждая рабочая организация, каждый союз крестьянской бедноты, каждое советское учреждение должны снова и снова ставить на первое место порядка дня вопрос об усилении армии, пересматривать еще и еще раз, достаточно ли мы сделали, какие новые меры мы можем и должны предпринять.

В настроении наших рабочих и крестьянских масс наступил явный перелом. Крайняя усталость от войны массами преодолена. Армия создается и создалась. Выросла новая, коммунистическая дисциплина, дисциплина сознательная, дисциплина трудящихся. И этот факт дает нам полное основание надеяться с уверенностью, что мы можем отстоять и отстоим социалистическое отечество и победу международной пролетарской революции.

«Известия ВЦИК» № 231, 23 октября 1918 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 28, стр. 108—110.

ИЗ РЕЧИ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО СОВЕТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ 6 НОЯБРЯ 1918 г.

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

...Международное положение, в связи с усиливающимся и приобретающим мировой масштаб большевизмом, теперь таково, что на Советскую республику может ополчиться союз империалистов всех оттенков, и сопротивление буржуазии из национального сделается интернациональным.

Германия, как вы знаете, выслала нашего посла из Берлина, ссылаясь на революционную пропаганду нашего представительства в Германии. Германское правительство как будто раньше не знало, что наше посольство вносит революционную заразу. Но если раньше Германия об этом молчала, то потому, что она была еще сильна, что она не боялась нас. Теперь же, после военного краха, мы стали ей страшны. Германские генералы и капиталисты обращаются к союзникам и говорят им: вы хоть и победили нас, но не очень увлекайтесь в ваших экспериментах над нами, ибо и вам и нам грозит мировой большевизм, в борьбе с которым мы можем вам пригодиться.

И весьма возможно, что союзные империалисты объединятся с немецким империализмом, если, конечно, последний к этому моменту еще уцелеет, для соединенного похода на Россию. Вот почему опасность, которая окружала нас в течение всего истекшего года, теперь становится особенно большой. Но теперь мы не одиноки. У нас теперь есть друзья в лице восставших уже в одних местах и восстающих народов в других, которые достаточно наглядно убеждают свои правительства в своем нежелании дальше воевать для грабительских захватов. Но, несмотря на то, что нас ждет новая полоса очень опасных периодов, мы будем продолжать и дальше наше социалистическое строительство. Опыт прошлого нам поможет избегать ошибок и даст нам новые силы для дальнейшей работы...

«Известия ВЦИК» № 244, 9 ноября 1918 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 28, стр. 113.

VI ВСЕРОССИЙСКИЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ, КАЗАЧЬИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ

6—9 НОЯБРЯ 1918 г. [110]

РЕЧЬ О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ 8 НОЯБРЯ

(Долгие аплодисменты.) Товарищи, с самого начала Октябрьской революции вопрос о внешней политике и международных отношениях встал перед нами, как самый главный вопрос, не только потому, что империализм означает отныне сильное и прочное сцепление всех государств мира в одну систему, чтобы не сказать, в один грязный кровавый комок, но и потому, что полная победа социалистической революции немыслима в одной стране, а требует самого активного сотрудничества, по меньшей мере, нескольких передовых стран, к которым мы Россию причислить не можем. Вот почему вопрос о том, насколько мы достигнем расширения революции и в других странах и насколько нам удастся до тех пор дать отпор империализму, стал одним из главных вопросов революции.

Я самым кратким образом позволю себе напомнить вам главные этапы нашей международной политики за истекший год. Как мне уже случалось указывать в речи по поводу годовщины революции, главным признаком нашего положения год тому назад было наше одиночество *. Как ни прочно было наше убеждение в том, что во всей Европе создается и создалась революционная сила, что война не кончится без революции, но признаков начавшейся или начинающейся революции тогда не было. В этом положении нам ничего не оставалось, как направить усилия нашей внешней политики на просвещение рабочих масс Западной Европы, просвещение не в том смысле, чтобы мы претендовали на бо́льшую подготовку, чем они, а в том смысле, что, пока не свергнута буржуазия в стране, там господствует военная цензура и тот неслыханный кровавый туман, который сопровождает всякую войну, особенно реакционную. Вы прекрасно знаете, что в самых демократических, республиканских странах война означает военную цензуру и неслыханные методы, употреблявшиеся буржуазией вместе с буржуазными штабами для того, чтобы обманывать народ.

---

* См. Сочинения В. И. Ленина, изд. 4, т. 28, стр. 118—119. *Ред.*

Нашей задачей было поделиться тем, что в этом отношении завоевано, с другими народами. Мы сделали в этом отношении все, что могли, когда мы сорвали и опубликовали те грязные тайные договоры, которые бывший царь заключил к выгоде своих капиталистов с капиталистами Англии и Франции. Вы знаете, что договоры были насквозь грабительскими. Вы знаете, что правление Керенского и меньшевиков сохранило эти договоры в тайне и подкрепило их. Нам случается в виде исключения встречать в сколько-нибудь честной прессе Англии и Франции указания, что лишь благодаря русской революции они, французы и англичане, узнали многое существенное, касающееся их дипломатической истории.

Конечно, мы сделали очень мало с точки зрения социальной революции в целом, но то, что мы сделали, было одним из крупнейших шагов в ее подготовке.

Если теперь попытаться окинуть общим взглядом те результаты, которые дало нам разоблачение германского империализма, то мы увидим, что теперь трудящимся всех стран стал наглядным и ясным факт, что их заставляли вести войну кровавую и грабительскую. И в конце этого года войны начинается такое же разоблачение поведения Англии и Америки, потому что массы открывают глаза и начинают разбираться в сущности их замыслов. Вот все, что мы сделали, но свою ленту мы внесли. Разоблачение таких договоров было ударом для империализма. Условия мира, который мы вынуждены были подписать, были в смысле пропаганды и агитации таким могучим орудием, и ими мы сделали так много, как не сделало ни одно правительство, ни один народ. Если попытка, которая была предпринята нами, — разбудить массы, — не дала результатов сразу, то мы никогда и не предполагали, что революция начнется немедленно или же все потеряно. В течение последних пятнадцати лет мы провели две революции, и мы видели ясно, какой период они должны пройти, пока овладеют массами. Подтверждение этому мы находим в последних событиях в Австрии и Германии. Мы говорили, что мы рассчитываем не на то, чтобы в союзе с хищниками стать такими же хищниками, — нет, мы рассчитывали на то, чтобы будить пролетариат враждебных стран. Нам отвечали насмешками, говоря, что мы собираемся будить пролетариат Германии, который удушит нас, пока мы собираемся выступить против него с пропагандой. А факты показали, что мы были правы, когда рассчитывали, что трудящиеся массы во всех странах одинаково враждебны империализму. Надо только дать им известный период для подготовки, ибо для русского народа, несмотря на воспоминания о революции 1905 года, потребовался также продолжительный период, прежде чем мы поднялись снова на революцию.

Перед Брестским миром мы сделали все, что могли, чтобы нанести империализму удар. Если история нарастания пролетарской революции этого не вычеркнула и если Брестский мир заставил нас отступить перед империализмом, то это произошло потому, что в январе 1918 года мы не были еще достаточно подготовлены. Судьба осудила нас на одиночество, и мы пережили мучительную эпоху после Брестского мира.

Товарищи, четыре года, которые мы прожили в международной войне, дали мир, но мир насильнический. Но и этот насильнический мир в конечном итоге показал, что мы правы и что наши надежды построены не на песке. С каждым месяцем мы укреплялись, а западноевропейский империализм ослабевал. Теперь мы видим в результате, что Германия, которая полгода тому назад совершенно не считалась с нашим посольством, которая думала, что там не может быть ни одного красного дома, по крайней мере, в последнее время, слабеет. Последняя телеграмма сообщает о воззвании германского империализма к массам, чтобы они сохраняли спокойствие и что мир близок. Мы знаем, что значит, когда императоры обращаются с призывом о сохранении спокойствия и обещают в близком будущем то, что исполнить они не могут. Если Германия получит скоро мир, то этот мир будет для них Брестским миром, который вместо мира принесет трудящимся массам больше мучений, чем они вынесли до сих пор.

Так сложились итоги нашей международной политики, что через полгода после Брестского мира мы с точки зрения буржуазии представляли собою страну разбитую, но с точки зрения пролетарской мы пошли по пути быстрого роста и стоим во главе пролетарской армии, которая начала колебать Австрию и Германию. Этот успех подтвердил собой и вполне оправдал в глазах всякого представителя пролетарских масс все жертвы, которые были принесены. Если бы случилось, что нас вдруг смело бы, — предположим, что наступил бы конец нашей деятельности, но этого не может быть: чудес не бывает, — но если бы это случилось, мы имели бы право сказать, не скрывая ошибок, что мы использовали тот период времени, который судьба нам дала, полностью для социалистической мировой революции. Мы все сделали для трудящихся масс России, и нами сделано больше, чем кем бы то ни было, для мировой пролетарской революции. (Аплодисменты.)

Товарищи, вот во время последних месяцев, последних недель международное положение стало резко меняться, пока германский империализм не оказался почти разрушенным. Все надежды на Украину, которыми германский империализм кормил своих трудящихся, оказались лишь обещаниями. Оказалось, что американский империализм подготовился, и Германии

был нанесен удар. Наступило совершенно иное положение. Мы ни в чем не делали себе иллюзии. После Октябрьской революции мы были гораздо слабее империализма, и теперь мы слабее, чем международный империализм, — мы это и сейчас должны повторить, чтобы не впадать в самообман; после Октябрьской революции мы были слабее и не могли принимать боя. И сейчас мы слабее и должны сделать все необходимое, чтобы избегнуть боя с ним.

Но если нам удалось просуществовать год после Октябрьской революции, то этим мы обязаны тому, что международный империализм был расколот на две группы хищников: англо-французов-американцев и германцев, которые были в мертвой схватке друг с другом, которым было не до нас. Ни одна из этих групп целиком серьезных сил против нас направить не могла, а, конечно, они обе направили бы на нас эти силы, если бы могли. Война, ее кровавый туман застилал глаза. Материальные жертвы, которые нужны были для войны, требовали напряжения сил до последней степени. Им было не до нас, не благодаря тому, что мы были каким-либо чудом сильнее империалистов, — нет, это пустяк! а только благодаря тому факту, что международный империализм раскололся на две группы хищников, которые душили друг друга. Только этому мы обязаны тем, что Советская республика открыто провозгласила борьбу с империалистами всех стран, отняв у них капиталы в виде заграничных займов, бивши их по лицу, открыто задевая по разбойничьему карману.

Период заявлений, которые мы делали в то время по поводу той переписки, которую заводили немецкие империалисты, и несмотря на то, что всемирный империализм не мог так броситься, как он должен был по его вражде и жажде капиталистической прибыли, неслыханно увеличенной войной, — этот период кончился. До того момента, когда англо-американские империалисты оказались победителями второй группы, они были целиком заняты борьбой между собой и тем самым должны были отвлекаться от решительного похода против Советской республики. Второй группы больше нет: осталась одна группа победителей. Это совершенно изменило наше международное положение, и мы должны считаться с этой переменой. В каком отношении стоит эта перемена к развитию международного положения, на это отвечают факты. Страны, потерпевшие поражение, переживают теперь победу рабочей революции, ибо ясно для всех ее громадное развитие. Когда мы брали власть в Октябре, мы в Европе были ничем больше, как отдельной искрой. Правда, искры умножались, и эти искры шли от нас. Это — величайшее дело, которое нам удалось сделать, но все же это были отдельные искры. Теперь же большинство

стран, входящих в сферу германо-австрийского империализма, охвачено пожаром (Болгария, Австрия, Венгрия). Мы знаем, что после Болгарии перекинулась революция на Сербию. Мы знаем, как эти рабоче-крестьянские революции прошли через Австрию и дошли до Германии. Целый ряд стран объят пожаром рабочей революции. В этом отношении наши усилия и те жертвы, которые мы приносили, оправдались. Они оказались не авантюрой, как клеветали враги, а необходимым переходом к международной революции, который должна была пережить страна, поставленная впереди, несмотря на свою неразвитость и отсталость.

Это один результат, самый важный с точки зрения окончательного исхода империалистической войны. Другой результат — тот, на который я указывал вначале, — что англо-американский империализм стал теперь так же изобличать себя, как в свое время австро-германский. Мы видим, что, если бы во время брестских переговоров Германия оказалась бы сколько-нибудь владеющей собой, сколько-нибудь хладнокровной, способной воздерживаться от авантюр, она могла бы удержать свое господство, могла бы завоевать себе, несомненно, выгодное положение на Западе. Она этого не сделала потому, что такую машину, как война миллионов и десятков миллионов, война, которой разожжены до последней степени шовинистические страсти, война, которая связана с капиталистическими интересами, измеряемыми сотнями миллиардов рублей, — такую машину, раз ее разогнали, никаким тормозом остановить нельзя. Эта машина пошла дальше, чем сами германские империалисты хотели, и их раздавила. Они увязли, они оказались в положении человека, который обожрался, идя тем самым к своей гибели. И вот теперь у нас на глазах в этом весьма некрасивом, но с точки зрения революционного пролетариата весьма полезном состоянии оказался английский и американский империализм. Можно было думать, что они имеют гораздо больше политического опыта, чем Германия. Здесь люди, привыкшие к управлению демократическому, а не управлению каких-нибудь юнкеров, люди, уже за сотни лет пережившие самый тяжелый период своей истории. Можно было думать, что эти люди сохранят хладнокровие. Если бы мы рассуждали с точки зрения индивидуальной, способны ли они быть хладнокровными, с точки зрения демократии вообще, как филистеры буржуазии, профессора, которые ничего не поняли в борьбе империализма и рабочего класса, если бы мы рассуждали с точки зрения демократии вообще, мы должны были бы сказать, что Англия и Америка — страны, где демократия воспитана веками, что там буржуазия сумеет удержаться. Если бы она теперь удержалась какими-либо мероприятиями, то это было

бы, во всяком случае, на довольно продолжительный срок. Но оказывается, что с ними повторяется то же самое, что случилось с военно-деспотической Германией. В этой империалистической войне — громадное различие между Россией и республиканскими странами. Империалистическая война такая кровавая, хищническая, зверская, что она даже эти важнейшие различия стерла; она в этом отношении сравняла свободнейшую демократию Америки с полувоенной деспотической Германией.

Мы видим, как Англия и Америка — страны, имевшие больше других возможность остаться демократическими республиками, — так же дико, безумно зарвались, как Германия в свое время, и поэтому они так же быстро, а, может быть, и еще быстрее, приближаются к тому концу, который так успешно проделал германский империализм. Сначала он невероятно раздулся на три четверти Европы, разжирел, а потом он тут же лопнул, оставляя страшнейшее зловоние. И к этому концу мчится теперь английский и американский империализм. Чтобы в этом убедиться, достаточно бросить хотя бы беглый взгляд на те условия перемирия и мира, который теперь «освободители» народов от германского империализма, англичане и американцы, шлют побежденным народам. Возьмите Болгарию. Казалось бы, что такая страна, как Болгария, колоссу англо-американского империализма ведь страшна быть не могла. Однако революция в этой маленькой, слабой, совершенно беспомощной стране заставила англо-американцев потерять голову и поставить условия перемирия, которые равны оккупации. Там теперь, где провозглашена крестьянская республика, в Софии, этом важном железнодорожном пути, все железные дороги заняты англо-американскими войсками. Им приходится бороться с крестьянской республикой маленькой страны. С точки зрения военной, это — пустяки. Люди, которые стоят на точке зрения буржуазии — старого господствующего класса, старых военных отношений, они только презрительно улыбаются. Ну, что значит этот пигмей — Болгария — против англо-американских сил? С военной точки зрения — ничто, а с точки зрения революционной — очень много. Это не колония, где привыкли побежденных вырезывать миллионами и миллионами. Ведь англичане и американцы считают это только водворением порядка, внедрением цивилизации и христианства в среду диких африканцев. Это им не Центральная Африка; тут солдаты, как ни сильна была бы их армия, — тут солдаты разлагаются, когда они встречают революцию. Что это не фраза, это доказывает Германия. В Германии, во всяком случае в смысле дисциплины, солдаты были образцом. Когда германцы шли на Украину, то здесь, кроме дисциплины, действовали дру-

гие факторы. Изголодавшийся немецкий солдат шел за хлебом, и требовать от него, чтобы он не слишком грабил хлеб, неправдоподобно. Тем более мы знаем, что в этой стране они больше всего заразились духом русской революции. Это отлично поняла буржуазия Германии, и это заставило Вильгельма метаться из стороны в сторону. Ошибаются Гогенцоллерны, если воображают, что Германия прольет хоть каплю крови за их интересы. Вот каков был результат политики вооруженного до зубов немецкого империализма. И это повторяется теперь и с Англией. Уже начинается разложение среди англо-американской армии; оно началось с тех пор, когда она стала свирепствовать по отношению к Болгарии. А ведь это только начало. За Болгарией пошла Австрия. Позвольте вам прочесть несколько пунктов из тех условий, которые диктуют победители от англо-американского империализма. Это люди, которые больше всего накричали трудящимся массам, что они ведут освободительную войну, что их главная цель — раздавить прусский милитаризм, который грозит распространить казарменный строй на все страны. Они накричали, что они ведут освободительную войну. Это был обман. Вы знаете, когда буржуазным адвокатам, этим парламентариям, которые всю жизнь учились, как надувать, не краснея, когда им приходилось надувать друг друга, — это легко; но когда приходится таким образом надувать рабочих, этот обман не проходит даром. Политиканы, парламентарии, эти деятели Англии и Америки, они в этом искусны. Их обман не тронет нисколько. Рабочие массы, которые они разжигали во имя свободы, опомнятся сразу, и это еще скажется, когда они в массовом масштабе, не из прокламаций, которые содействуют, но не двигают настоящим образом революции, а из собственного опыта увидят, что их обманывают, когда они увидят условия мира с Австрией.

Вот мир, который навязывают теперь государству сравнительно слабому, уже сейчас распадающемуся, те, которые кричали, что большевики изменники, потому что подписывают Брестский мир! Когда немцы хотели послать сюда, в Москву, своих солдат, мы сказали, что лучше ляжем все в боях, но никогда на это не согласимся. (Аплодисменты.) Мы говорили себе, что тяжелы будут жертвы, которые должны будут принести оккупированные области, но все знают, как Советская Россия помогала и снабжала их необходимым. А теперь демократические войска Англии и Франции должны будут служить «для поддержания порядка», — и это говорится, когда в Болгарии и Сербии Советы рабочих депутатов, когда в Вене и Будапеште Советы рабочих депутатов. Мы знаем, что это за порядок. Это значит, что англо-американские войска призываются играть роль душителей и палачей всемирной революции.

Товарищи, когда русские крепостные войска в 1848 году шли душить венгерскую революцию [120], это могло им сойти, потому что эти войска были крепостными; это могло сойти по отношению к Польше [121], но чтобы народ, который свободой владел уже в течение столетия, в котором разжигали ненависть против германского империализма, говоря, что это зверь, которого необходимо удушить, не понял, что англо-американский империализм такой же зверь, по отношению к которому справедливость может быть только в том, чтобы удушить его равным образом, этого быть не может!

И вот история теперь со злобной иронией, которая истории свойственна, дошла до того, что после разоблачения германского империализма пришла очередь англо-французскому, который разоблачает себя до конца, и мы заявляем перед русскими, германскими, австрийскими рабочими массами: это не русские крепостные войска 1848 года! Им это даром не пройдет! Они идут подавлять народ, переходящий к свободе от капитализма, душить революцию. И мы говорим с абсолютной уверенностью, что теперь этот обожравшийся зверь так же свалится в пропасть, как свалился зверь германского империализма.

Товарищи, я коснусь теперь той стороны дела, которая более всего касается нас. Я перейду к тем условиям мира, которые предстоит теперь подписать Германии. Товарищи из Комиссариата иностранных дел говорили мне, что в «Таймсе» [122], главном органе неслыханно богатой буржуазии Англии, которая фактически вершит всю политику, уже были помещены условия, на которые Германия должна будет согласиться. От нее требуется отдать остров Гельголанд, Вильгельмсгафенский канал, отдать город Эссен, в котором производится почти все военное оборудование, уничтожить торговый флот, отдать сразу Эльзас-Лотарингию и выплатить 60 миллиардов контрибуции, в том числе значительную часть натурой, так как деньги всюду подешевели и английские купцы тоже начали считать на другую валюту. Мы видим, что для Германии они готовят мир, полный настоящего удушения, мир более насильнический, чем мир Брестский. С точки зрения материальной и своих сил, они это сделать смогут, если бы на свете не было столь неприятного для них большевизма. Они себе готовят гибель этим миром. Ведь это происходит не в Центральной Африке, но в XX веке в цивилизованных странах. Если украинское население безграмотно, если дисциплинированный немецкий солдат давил украинцев, то теперь германский солдат похоронил свою дисциплину; но тем более похоронят себя английский и американский империализм, когда они поведут такую авантюру, которая доведет их до политического краха, когда они обрекут

свои войска на положение душителей и жандармов всей Европы. Они давно стараются устранить Россию, и поход против нее был задуман давно. Стоит только вспомнить занятие Мурмана и то, как они миллионы выкинули чехословакам и заключили договор с Японией, а теперь Англия отняла по договору у турок Баку, чтобы душить нас, отняв у нас сырье.

Английские войска готовы начать поход на Россию, с юга или с Дарданелл, либо через Болгарию и Румынию. Они кольцом сжимают Советскую республику, они стараются порвать экономическую связь между республикой и всем миром. Для этого они заставили Голландию прервать дипломатические сношения [123]. Если Германия вытурила нашего посла из Германии, то она действовала, если не по прямому соглашению с англо-французской политикой, то желая им услужить, чтобы они были к ней великодушны. Мы, мол, тоже выполняем обязанности палача по отношению к большевикам, вашим врагам.

Товарищи, мы должны себе сказать, что главный итог международного положения можно охарактеризовать так, как мне на-днях удалось это сделать, что никогда мы не были столь близки к международной пролетарской революции, как теперь. Мы доказали, что, ставя ставку на международную пролетарскую революцию, мы не ошиблись. Мы величайшие жертвы, национальные и экономические, приносили недаром. В этом отношении мы достигли успеха. Но если мы никогда не были так близки к международной революции, то никогда наше положение не было так опасно, как теперь. Империалисты были заняты друг другом. И теперь одна из группировок сметена группой англо-франко-американцев. Они главной задачей считают душить мировой большевизм, душить его главную ячейку, Российскую Советскую Республику. Для этого они собираются построить китайскую стену, чтобы оградиться, как карантином от чумы, от большевизма. Эти люди стараются карантином избавиться от большевизма, но этого быть не может. Если господам англо-французского империализма, этим обладателям совершеннейшей в мире техники, если им удастся построить такую китайскую стену вокруг республики, то бацилла большевизма пройдет через стены и заразит рабочих всех стран. (Аплодисменты.)

Товарищи, пресса западноевропейского, англо-французского империализма старается изо всех сил замалчивать его положение. Нет той лжи и клеветы, которую они не посылали бы против Советской власти. Можно сказать сейчас, что вся англо-французская и американская печать в руках капиталистов, — а она ворочает миллиардами, — что она действует вся, как один синдикат, чтобы замалчивать правду о Советской России, чтобы распространять ложь и клевету против нас. И несмотря

на то, что военная цензура свирепствует уже годы и им удалось добиться, чтобы в прессе демократических стран не пропускать ни слова правды про Советскую республику, тем не менее нет ни одного большого рабочего собрания ни в одной стране, где бы не обнаружилось, что рабочие массы на стороне большевиков, потому что нельзя скрывать правду. Враг обвиняет нас в том, что мы осуществляем диктатуру пролетариата, да, мы этого не скрываем! И тем, что Советское правительство не боится и говорит открыто, оно привлекает на свою сторону новые миллионы трудящихся, потому что осуществляет диктатуру против эксплуататоров, и трудящиеся массы видят и почерпают убеждение в том, что борьба с эксплуататорами была серьезна и что она будет доведена до серьезного конца. Несмотря на этот заговор молчания, которым нас окружает европейская печать, они до сих пор указывали на свою обязанность, указывали, что они идут на Россию потому, что Россия дала себя захватить Германии, что Россия фактически германский агент, что там, в России, люди, стоящие во главе правительства, — по их мнению, — немецкие агенты. Там каждый месяц появляются новые фальсификаторы документов, которые получают хорошую мзду, доказывая, что Ленин и Троцкий сплошь предатели и немецкие люди. Несмотря на все это, они не могут скрыть правды, и там прорываются, нет-нет, и прорываются откровенные признаки того, что эти господа империалисты не могут чувствовать себя прочно. «Эко де Пари»[124] делает признание: «Мы идем в Россию, чтобы сломить власть большевиков». Потому что у них официальная перспектива такова, что они с Россией войны не ведут, в военные дела не вмешиваются, а только борются против германского засилия. Наши французские интернационалисты, которые публикуют в Москве газету «Третий Интернационал»[125], привели эту цитату, и хотя нас отрезали от Парижа и Франции, хотя тут китайская стена возведена чрезвычайно искусно, а мы говорим: от своей буржуазии, господа французские империалисты, вы защищаться не можете. И разумеется, сотни тысяч французских рабочих эту маленькую цитату знают и не одну эту, и видят, что все заявления их правителей, их буржуазии сплошная ложь. Их собственная буржуазия проговаривается; они признают: мы хотим сломать власть большевиков. После четырехлетней кровавой войны они должны сказать своему народу: идите еще воевать против России, чтобы сломить власть большевиков, которых мы ненавидим за то, что они нам должны 17 миллиардов и не хотят их уплачивать, за то, что они невежливо обращаются с капиталистами, помещиками и царями. Цивилизованные народы, которые довели себя до такого положения, что им приходится говорить это, обнаруживают

прежде всего то, что их политика идет крахом, и, как они сильны ни были бы в военном отношении, мы с полным спокойствием смотрим на эту силу и говорим: а у вас, в вашем тылу есть еще более грозный враг — это те народные массы, которые вы до сих пор обманывали, и у вас язык иссяк от лжи и клеветы на Советскую Россию. Другое подобное сведение из английской буржуазной газеты «Манчестер Гардиан»[126] от 23 октября. Это пишет буржуазная английская газета: «если союзные армии тоже остаются в России и будут продолжать военные операции, единственной целью является вызвать внутренний переворот в России... Союзные правительства должны поэтому либо положить конец своим военным операциям, либо заявить, что они находятся в войне с большевиками».

Повторяю, важность этой маленькой цитаты, которая звучит для нас как революционный призыв, как самое сильное революционное воззвание, важность в том, что пишет буржуазная газета, которая сама является врагом социалистов, но она чувствует, что дальше скрыть правды нельзя. Если буржуазные газеты говорят так, вы можете себе представить, что говорят и как думают английские рабочие массы. Вы знаете, как у нас во время существования царизма, до революции 1905 или 1917 годов, каким языком говорили либералы. Вы знаете, что этот язык либералов означал приближение взрыва в пролетарских революционных массах. Поэтому из языка этих буржуазных английских либералов вы сделаете заключение о том, что́ делается в настроении, умах и сердцах английских, французских и американских рабочих. Вот почему мы должны без всяких прикрытий сказать себе ту тяжелую правду, которая характеризует наше международное положение. Международная революция близка, но таких расписаний, по которым революция развивалась бы, не существует; мы, пережившие две революции, хорошо знаем это. Но мы знаем, что если империалистам международной революции не задержать, то поражения отдельных стран и еще более тяжелые жертвы возможны. Они знают, что Россия в муках пролетарской революции, но они ошибаются, если думают, что, задавив один очаг революции, они задавят революцию в других странах.

Что касается нас, мы должны сказать, что положение более опасное, чем когда бы то ни было, что нужно еще и еще раз напрячь свои силы. После того, как мы сделали за год прочный фундамент, создали социалистическую Красную Армию на основе новой дисциплины, после этого мы с уверенностью говорим себе, что мы можем и должны продолжать эту работу и должны говорить на всех собраниях, в любом советском учреждении, в профессиональных союзах, на собраниях комитетов бедноты: товарищи, мы прожили год и достигли успеха, но

это еще мало по сравнению с тем могучим врагом, который идет на нас. Этот враг — всемирный, сильный, победивший весь мир, англо-французский империализм. Мы идем на борьбу с ним не потому, чтобы мы думали в экономическом и техническом отношениях сравняться с передовыми странами Европы. Нет, но мы знаем, что этот враг идет к той же пропасти, к какой пришел австро-германский империализм; этот враг, который теперь опутал Турцию, захватил Болгарию и занят тем, чтобы оккупировать всю Австро-Венгрию и водворить царский, жандармский порядок, — мы знаем, что он идет к гибели. Мы знаем, что это исторический факт, и вот почему мы, нисколько не задаваясь целями, явно несообразными, говорим себе: англо-французскому империализму мы отпор дать можем!

Каждый шаг укрепления нашей Красной Армии будет иметь эхом десять шагов разложения и революции в этом кажущемся столь сильным противнике. Поэтому нет ни малейшего основания предаваться отчаянию или пессимизму. Мы знаем, что опасность велика. Может быть, нам судьба готовит еще более тяжелые жертвы. Положим, одну страну раздавить могут, но они никогда не раздавят международной пролетарской революции, они еще больше ее разожгут и они все в ней погибнут! (Продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию.)

Газетные отчеты опубликованы 9 ноября 1918 г. в «Известиях ВЦИК» № 244 и 10 ноября 1918 г. в «Правде» № 243.

Впервые полностью напечатано в 1919 г. в книге: «Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов. Стенографический отчет». Москва

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 28, стр. 132—145.

СОБРАНИЕ ПАРТИЙНЫХ РАБОТНИКОВ МОСКВЫ 27 НОЯБРЯ 1918 г. [127]

ИЗ ДОКЛАДА ОБ ОТНОШЕНИИ ПРОЛЕТАРИАТА К МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ

...Теперь задача нашей партии состоит в том, чтобы при выборе своей тактики руководиться классовыми отношениями, чтобы мы в этом вопросе точно разобрались, что это такое — случайность, проявление бесхарактерности, колебания, которые не имеют под собой никакой почвы, или, наоборот, это процесс, который имеет глубокие социальные корни. Если мы взглянем на этот вопрос в целом с точки зрения теоретически установленных отношений пролетариата к среднему крестьянству, с точки зрения истории нашей революции, мы увидим, что сомневаться в ответе нельзя. Это поворот *не случайный, не личный*. Он касается миллионов и миллионов людей, которые поставлены в России в положение среднего крестьянства, или соответствующее среднему крестьянству. Поворот касается всей мелкобуржуазной демократии. Она шла против нас с озлоблением, доходящим до бешенства, потому что мы должны были ломать все ее патриотические чувства. А история сделала так, что патриотизм теперь поворачивает в нашу сторону. Ведь ясно, что нельзя свергнуть большевиков иначе, как иностранными штыками. Если до сих пор надеялись, что англичане, французы и американцы, это — настоящая демократия, если до сих пор сохранилась эта иллюзия, то теперь мир, который они дают Австрии и Германии, разоблачает эту иллюзию полностью. Англичане ведут себя так, как будто они задались специальной целью доказать правильность большевистских взглядов на международный империализм.

Поэтому из среды партий, которые боролись с нами, например, из плехановского лагеря, раздаются голоса, которые говорят: мы ошиблись, мы думали, что германский империализм — наш главный враг, а западные страны — Франция, Англия, Америка — несут нам демократический строй. Оказалось, что

мир, который эти западные страны дают, во 100 раз более унизителен, грабительский, хищнический, чем наш Брестский мир. Оказалось, что англичане и американцы выступают в качестве палачей и жандармов русской свободы, как эта роль выполнялась при российском палаче Николае I, не хуже королей, которые исполняли роль палачей, когда они душили венгерскую революцию. Теперь эту роль взяли агенты Вильсона. Они душат революцию в Австрии, они играют роль жандармов, они ставят ультиматум Швейцарии: не дадим хлеба, если вы не вступите в борьбу с большевистским правительством. Они заявляют Голландии: не смейте допускать к себе советских послов, иначе — блокада. У них орудие простое — веревка голода. Вот чем они душат народы.

История в последнее время, в эпоху войны и после войны, отличается необыкновенной быстротой развития и доказывает положение, что англо-французский империализм есть такой же гнусный империализм, как и немецкий...

«Правда» №№ 264 и 265; 5 и 6 декабря 1918 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 28, стр. 187—188.

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ РКП(б)

ИЗ РАБОТЫ
«ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ РКП (БОЛЬШЕВИКОВ)»

...(12) Процесс концентрации и централизации капитала, уничтожая свободную конкуренцию, привел в начале XX века к созданию могучих монополистических союзов капиталистов, — синдикатов, картелей, трестов, — получивших решающее значение во всей экономической жизни, к слиянию банкового капитала с промадной концентрации капиталом промышленным, к усиленному вывозу капитала в чужие страны, к тому, что начался экономический раздел мира, поделенного уже территориально между богатейшими странами, трестами, охватывающими все более и более широкие группы капиталистических держав. Эта эпоха финансового капитала, эпоха невиданной ожесточенной борьбы между капиталистическими государствами, есть эпоха империализма.

(13) Отсюда неизбежно вытекают империалистские войны, войны за рынки сбыта, сферы приложения капитала, сырье и дешевую рабочую силу, т. е. за мировое господство и за удушение малых и слабых народностей. Именно такова первая великая империалистская война 1914—1918 годов...

«Правда» № 43, 25 февраля 1919 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 29, стр. 102.

ПУНКТ ПРОГРАММЫ В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В национальном вопросе политика завоевавшего государственную власть пролетариата, в отличие от буржуазно-демократического формального провозглашения равенства наций, неосуществимого при империализме, состоит в неуклонном фактическом проведении в жизнь сближения и слияния рабочих и крестьян всех наций в их революционной борьбе за свержение буржуазии. Осуществление этой цели требует полного освобождения колониальных и других находившихся в угнетенном или неполноправном положении наций с предоставлением им свободы отделения, как гарантий того, чтобы унаследованное от капитализма недоверие трудящихся масс разных наций и озлобление рабочих угнетенных наций против рабочих угнетательских наций было полностью рассеяно и сменилось сознательным и добровольным союзом. Со стороны рабочих тех наций, которые были при капитализме угнетателями, требуется особая осторожность в отношении к национальному чувству наций угнетенных (например, со стороны великороссов, украинцев, поляков по отношению к евреям, со стороны татар к башкирам и т. п.), содействие не только фактическому равноправию, но и развитию языка, литературы трудящихся масс угнетавшихся ранее наций для устранения всех следов унаследованного от эпохи капитализма недоверия и отчуждения.

Впервые напечатано в 1925 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 29, стр. 107.

ВСТАВКА В ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ПУНКТА ПРОГРАММЫ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

В вопросе о том, кто является носителем воли нации к отделению, РКП стоит на исторически-классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п. Во всяком случае со стороны... [128]

Впервые напечатано в 1925 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 29, стр. 108.

VIII СЪЕЗД РКП(б)

18—23 МАРТА 1919 г. [129]

ИЗ ОТЧЕТА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
18 МАРТА

(Бурные, продолжительные аплодисменты; возгласы: «Да здравствует Ильич!», «Да здравствует товарищ Ленин!».) Товарищи, позвольте мне начать с политического отчета Центрального Комитета. Представить отчет о политической деятельности Центрального Комитета со времени последнего съезда — это значит в сущности дать отчет о всей нашей революции. И, я думаю, все согласятся со мною, что выполнить такую задачу одному человеку не только не под силу в такой короткий срок, но и вообще одному с такой задачей не справиться. Я, поэтому, решил ограничиться только пунктами, которые на мой взгляд имеют особенно важное значение не только в истории того, что нашей партии пришлось сделать за этот период, но и с точки зрения настоящих задач. Отдаться целиком истории в такое время, какое мы переживаем, вспоминать о прошлом, не думая о настоящем и о будущем, для меня, признаюсь, было бы вещью непосильной.

Если начать с внешней политики, то, само собой разумеется, на первом месте стоят наши отношения к германскому империализму и Брестский мир. И, мне кажется, говорить по этому вопросу стоит, ибо он представляет значение не только историческое. Мне кажется, что то предложение, которое сделала Советская власть союзным державам, или вернее то согласие, которое наше правительство дало на известное всем предложение насчет конференции на Принцевых островах [130], — мне кажется, что это предложение и наш ответ кое в чем, и довольно существенном, воспроизводит отношение к империализму, установленное нами во время Брестского мира. Вот почему я думаю, что коснуться этой истории при теперешнем быстром темпе событий необходимо.

Когда решался вопрос о Брестском мире, строительство советское, не говоря уже о партийном, находилось еще в первой стадии. Вы знаете, что тогда было еще очень мало опыта у пар-

тии в целом для того, чтобы определить, хотя бы приблизительно, быстроту нашего движения по тому пути, на который мы стали. Неизбежно унаследованная от прошлого известная хаотичность делала тогда еще чрезвычайно трудным обозрение событий, точное ознакомление с тем, что происходит. А громадная оторванность от Западной Европы и от всех остальных стран не давала нам никаких объективных материалов для суждения о возможной быстроте или о формах нарастания пролетарской революции на Западе. Из этого сложного положения вытекало то, что вопрос о Брестском мире вызвал немало разногласий в нашей партии.

Но события показали, что это вынужденное отступление перед германским империализмом, прикрывшимся чрезвычайно насильническим, воющим, грабительским миром, что это отступление с точки зрения отношения молодой социалистической республики ко всемирному империализму (к одной половине всемирного империализма) было единственно правильным. Тогда нам, только что свергшим помещиков и буржуазию в России, решительно не оставалось никакого другого выбора, кроме как отступить перед силами всемирного империализма. Те, кто осуждал это отступление с точки зрения революционера, стояли в действительности на точке зрения в корне неправильной и немарксистской. Они забыли, при каких условиях, после какого долгого и трудного развития эпохи Керенского, какой ценой громадной подготовительной работы в Советах мы дошли до того, что, после тяжелых июльских поражений, после корниловщины, вполне назрела, наконец, в октябре, среди громадных масс трудящихся решимость и готовность свергнуть буржуазию и материальная организованная сила, необходимая для этого. Понятно, что ни о чем подобном в международном масштабе тогда не могло быть и речи. С этой точки зрения задача борьбы с всемирным империализмом стояла так: действовать и дальше в смысле разложения этого империализма, в смысле просвещения и объединения рабочего класса, всюду начинавшего волноваться, но до сих пор еще не приобретшего полной определенности в своих действиях.

Вот почему единственно правильной оказалась та политика, которую мы предприняли по отношению к Бресту, хотя, конечно, эта политика обострила тогда нашу вражду с целым рядом мелкобуржуазных элементов, которые далеко не при всех условиях и далеко не во всех странах являются, могут являться и должны являться противниками социализма. Тут история дала нам урок, который нужно хорошенько усвоить, ибо нет сомнения, что нам придется пользоваться им неоднократно. Этот урок состоит в том, что отношения партии проле-

тариата к мелкобуржуазной демократической партии, к тем элементам, слоям, группам, классам, которые в России особенно сильны и многочисленны и которые есть во всех странах, что эти отношения — задача чрезвычайно сложная и трудная. Мелкобуржуазные элементы колеблются между старым обществом и новым. Они не могут быть ни двигателями старого общества, ни двигателями нового. В то же время они являются приверженцами старого не в такой степени, как помещики и буржуазия. Патриотизм, это — такое чувство, которое связано с экономическими условиями жизни именно мелких собственников. Буржуазия более интернациональна, чем мелкие собственники. Нам пришлось с этим столкнуться в эпоху Брестского мира, когда Советская власть поставила всемирную диктатуру пролетариата и всемирную революцию выше всяких национальных жертв, как бы тяжелы они ни были. При этом нам пришлось придти в самое резкое и беспощадное столкновение с мелкобуржуазными элементами. В это время сплотился против нас вместе с буржуазией и помещиками целый ряд таких элементов, которые потом стали колебаться.

Поднятый здесь некоторыми товарищами вопрос об отношении к мелкобуржуазным партиям в значительной степени затронут нашей программой и в сущности будет затрагиваться при обсуждении каждого из пунктов порядка дня. Этот вопрос в ходе нашей революции потерял свою абстрактность, общность и стал конкретным. В эпоху Брестского мира задача наша, как интернационалистов, состояла в том, чтобы дать, во что бы то ни стало, возможность окрепнуть и сплотиться пролетарским элементам. Это и откололо тогда от нас мелкобуржуазные партии. Мы знаем, как после германской революции мелкобуржуазные элементы опять стали колебаться. Эти события открыли глаза многим, кто в эпоху назревающей пролетарской революции судил с точки зрения старого патриотизма, судил не только несоциалистично, но и вообще неверно. Сейчас опять, в связи с трудным продовольственным моментом, в связи с войной, которая все еще продолжается против Антанты, мы опять переживаем волну колебаний мелкобуржуазной демократии. Нам приходилось учитывать эти колебания и раньше, но, — здесь для всех нас вытекает громадной важности урок, — старые ситуации не повторяются в их прежнем виде. Новая ситуация более сложна. Она может быть правильно учтена, и наша политика может быть правильной, если мы вооружимся опытом Брестского мира. Когда мы ответили согласием на предложение конференции на Принцевых островах, мы знали, что идем на мир чрезвычайно насильнического характера. Но, с другой стороны, мы теперь больше знаем и о том, как подымается в Западной Европе революционная пролетарская волна,

как брожение переходит там в сознательное недовольство, как оно ведет к организации всемирного советского пролетарского движения. Если тогда мы шли ощупью, если тогда мы гадали насчет того, когда может разразиться революция в Европе, — гадали на основе наших теоретических убеждений в том, что эта революция произойти должна, — то теперь у нас уже есть целый ряд фактов, показывающих, как назревает революция в других странах, как началось это движение. Вот почему по отношению к Западной Европе, к странам Антанты нам приходится или придется повторить многое из того, что мы совершили во время Брестского мира. После брестского опыта нам будет гораздо легче это сделать. Когда нашему Центральному Комитету пришлось обсуждать вопрос об участии в конференции на Принцевых островах вместе с белыми, — что в сущности сводилось к аннексии всего, что белыми занято, — этот вопрос о перемирии не вызвал ни одного негодующего голоса в среде пролетариата, и так же отнеслась к этому и партия. По крайней мере мне не пришлось слышать о недовольстве или негодовании ниоткуда. Это произошло потому, что наш урок международной политики дал свои результаты...

РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ СЪЕЗДА
23 МАРТА

Наш порядок дня, товарищи, исчерпан. Позвольте мне теперь сказать несколько слов в связи с окончанием работ съезда.

Товарищи! Нам пришлось собраться в минуту тяжелую не только потому, что мы потеряли нашего лучшего организатора и практического руководителя Якова Михайловича Свердлова. Нам пришлось собраться в особенно трудную минуту потому, что международный империализм, — теперь в этом уже нет совсем сомнений, — делает последнюю, особенно сильную попытку раздавить Советскую республику. Для нас нет сомнений, что усиленное наступление с запада и востока, одновременно с целым рядом белогвардейских восстаний, с попытками разобрать железные дороги в нескольких местах, — что все это представляет из себя совершенно ясно обдуманный и очевидно решенный в Париже шаг империалистов Согласия. Мы все знаем, товарищи, с какими трудностями Россия, перенесшая четырехлетнюю империалистскую войну, должна была снова взяться за оружие, чтобы отстаивать Советскую республику против хищников-империалистов. Мы все знаем, как тяжела эта война, как она нас истощает. Но мы знаем также, что если война эта ведется с повышенной энергией, с повышенным героизмом, то только потому, что в первый раз в мире создана армия, вооруженная сила, знающая, за что она воюет, и в первый раз в мире рабочие и крестьяне, приносящие невероятно тяжкие жертвы, ясно сознают, что они защищают Советскую социалистическую республику, власть трудящихся над капиталистами, защищают дело всемирной пролетарской социалистической революции.

При этих трудных условиях нам в короткий срок удалось сделать очень крупное дело. Нам удалось утвердить, и притом единогласно, — как и все существенные решения съезда, — нам удалось утвердить программу. Мы уверены, что она, несмотря на многочисленные редакционные и другие недочеты, уже вошла в историю III Интернационала, как программа, подводящая итоги новому этапу всемирного освободительного движе-

ния пролетариата. Мы уверены, что в целом ряде стран, где у нас гораздо больше союзников и друзей, чем мы знаем, простой перевод нашей программы будет лучшим ответом на вопрос, что сделала Российская коммунистическая партия, которая представляет один из отрядов всемирного пролетариата. Наша программа будет сильнейшим материалом для пропаганды и агитации, будет тем документом, на основании которого рабочие скажут: «Здесь наши товарищи, наши братья, здесь делается наше общее дело».

Товарищи, нам удалось также на этом съезде провести другие важнейшие решения. Мы одобрили создание III, Коммунистического Интернационала, который основан здесь, в Москве. Мы пришли к единодушному решению по вопросу военному. Как ни велики казались вначале разногласия, как ни разноречивы были мнения многих товарищей, с полной откровенностью высказавшихся здесь о недостатках нашей военной политики, — нам чрезвычайно легко удалось в комиссии придти к решению абсолютно единогласному, и мы уйдем с этого съезда уверенные, что наш главный защитник, Красная Армия, ради которой вся страна приносит такие неисчислимые жертвы, — что она во всех членах съезда, во всех членах партии встретит самых горячих, беззаветно преданных ей помощников, руководителей, друзей и сотрудников.

Товарищи, по организационному вопросу мы решили так легко стоявшие перед нами проблемы потому, что история отношений партии к Советам наметила все эти решения. Нам пришлось только подытоживать. По вопросу о работе в деревне единодушным и быстрым решением съезда мы наметили линию в особенно нужном и особенно трудном вопросе, который в других странах считается даже неразрешимым, — в вопросе об отношении свергнувшего буржуазию пролетариата к среднему многомиллионному крестьянству. Мы все уверены, что эта резолюция съезда укрепит нашу власть. В то тяжелое время, которое мы переживаем, когда империалисты делают последнюю попытку насилием свергнуть Советскую власть, когда острая продовольственная нужда, когда транспортная разруха ставят снова и снова сотни, тысячи и миллионы людей в отчаянное положение, — мы уверены, что в это тяжелое время резолюция, которую мы вынесли, тот дух, которым были воодушевлены члены съезда, помогут это испытание перенести, помогут выйти из этого тяжелого полугодия.

Мы уверены, что *это будет последнее тяжелое полугодие.* Нас особенно укрепляет в этой уверенности то известие, которое на-днях мы сообщили съезду, — известие о победе пролетарской революции в Венгрии. Если до сих пор Советская власть побеждала только внутри, среди входивших в состав

бывшей Российской империи народов, если до сих пор близорукие люди, особенно трудно расстающиеся с рутиной, со старыми привычками мысли (хотя бы они и принадлежали к лагерю социалистов), могли думать, что только особенности России вызвали этот неожиданный поворот к пролетарской советской демократии, что в особенностях этой демократии, быть может, отражаются, как в кривом зеркале, старые особенности царской России, — если такое мнение еще могло держаться, то теперь оно разрушено до основания. Товарищи, известия, которые получены сегодня, рисуют нам картину венгерской революции. Мы узнаем по сегодняшним сообщениям, что союзные державы предъявили самый зверский ультиматум Венгрии о пропуске войск. Буржуазное правительство, видя, что союзные державы хотят провести свои войска через Венгрию, видя, что на Венгрию падает опять неслыханная тяжесть новой войны, — буржуазно-соглашательское правительство само подало в отставку, само вошло в переговоры с коммунистами, венгерскими товарищами, находившимися в тюрьмах, и само признало, что нет иного выхода, кроме как передача власти трудящемуся народу. (Аплодисменты.)

Товарищи! Если про нас говорили, что мы захватчики; если в конце 1917 года и в начале 1918 года не было других слов у буржуазии и у многих ее сторонников по отношению к нашей революции, кроме как «насилие» и «захват»; если до сих пор раздаются голоса, всю бессмысленность которых мы не раз доказывали, будто бы насилием держится большевистская власть; если такую бессмыслицу можно было повторять раньше, — то теперь пример Венгрии заставляет умолкнуть такие речи. Даже буржуазия увидела, что не может быть другой власти, кроме власти Советов. Буржуазия более культурной страны увидела яснее, чем наша буржуазия накануне 25 октября, что страна гибнет, что все более и более тяжелые испытания ложатся на народ, — значит, власть должна быть в руках Советов, значит, рабочие и крестьяне Венгрии, новая советская пролетарская демократия должна спасти ее.

Трудности венгерской революции, товарищи, громадны. Эта маленькая по сравнению с Россией страна гораздо легче может быть задушена империалистами. Но каковы бы ни были трудности, несомненно стоящие еще перед Венгрией, мы имеем здесь, кроме победы Советской власти, нашу *моральную победу*. Самая радикальная, наиболее демократическая, соглашательская буржуазия признала, что в момент величайшего кризиса, когда на истощенную войной страну надвигается новая война, Советская власть является исторической необходимостью, признала, что в такой стране не может быть иной власти, кроме власти Советов, кроме диктатуры пролетариата.

Товарищи, за нашей спиной стоит целый ряд революционеров, которые приносили свою жизнь в жертву освобождения России. На долю большинства этих революционных деятелей выпала тяжелая судьба. На их долю выпали преследования царизма, им не дано было счастье присутствовать при победоносной революции. А нам досталось счастье еще более высокое. Мы не только видели победу нашей революции, мы не только видели, как она среди неслыханных трудностей укреплялась и создавала новые формы власти, привлекающие к нам симпатии всего мира, но мы видим также, что семя, посеянное русской революцией, всходит в Европе. Это создает в нас абсолютную, непреклонную уверенность, что, как бы тяжелы ни были испытания, которые могут на нас еще обрушиться, как бы велики ни были беды, которые может еще принести нам издыхающий зверь международного империализма, — этот зверь погибнет и социализм победит во всем мире. (Продолжительные аплодисменты.)

Объявляю VIII съезд Российской коммунистической партии закрытым.

Напечатано в марте — апреле 1919 г. в газете «Правда»

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 29, стр. 126—129, 197—201.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПЛЕНУМА МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ 3 АПРЕЛЯ 1919 г.

ИЗ ДОКЛАДА О ВНЕШНЕМ И ВНУТРЕННЕМ ПОЛОЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Товарищи! Мой доклад о внешнем и внутреннем положении Советской республики мне приходится начинать с того, что как раз теперешние месяцы, с наступающей весной, мы опять переживаем чрезвычайно трудное положение. Я думаю, что условия войны как гражданской, так и войны с Антантой позволяют нам, во всяком случае, рассуждая даже с наибольшей осторожностью, — я еще об этих условиях буду говорить, когда дойду до международного положения, — позволяют нам даже при наибольшей осторожности рассуждений сказать, что это полугодие, в самую середину которого мы вступили, будет последним тяжелым полугодием, потому что французские и английские капиталисты не в силах будут выдержать повторение такого натиска, который они сейчас развивают изо всех сил. А с другой стороны, все завоевания, которые наша Красная Армия сделала на Украине и на Дону и которые мы имеем возможность закрепить, дадут самое существенное облегчение для внутреннего положения, дадут хлеб и уголь, продовольствие и топливо. Сейчас же, пока борьба не кончилась, пока еще приходится действовать в условиях величайших затруднений при сборе хлеба на Украине, — теперь, в весеннюю распутицу, положение весьма трудное.

Мы не раз говорили, что все силы Советской власти покоятся на доверии и сознательном отношении рабочих. Мы не раз доказывали, что, как ни многочисленен враг, который нас окружает, и шпионы, которых посылает к нам Антанта и которым помогают люди, быть может, и не считающие себя помощниками, но помогающие белогвардейцам, мы нисколько не за-

крывали глаза на то, что всякое слово, которое будет здесь произнесено, будет перетолковываться, что к нашим признаниям будут прислушиваться агенты белогвардейцев, — но мы говорим: пусть! Мы гораздо больше пользы извлечем из прямой и открытой правды, потому что мы уверены, что если это и тяжелая правда, то, когда она ясно слышна, всякий сознательный представитель рабочего класса, всякий трудящийся крестьянин извлечет из нее единственный верный вывод.

Они извлекут, в конце концов, тот единственно возможный вывод, что наше дело близко к победе во всем мире и что, как ни отчаянно тяжело положение трудящихся масс, уставших, изголодавшихся, истерзанных за четыре года империалистской войны, а теперь еще и за два года самой страшной гражданской войны, — как ни тяжело это положение, как ни обострилось оно в данный момент, — мы имеем самые серьезные шансы на победу не только в России, но и во всем мире. И поэтому мы, несмотря на то, что очень тяжелы эти 4—5 месяцев, которые нам предстоит пережить, сумеем еще и еще раз эти затруднения победить и показать таким образом врагам, показать соединенным капиталистам всего мира, что их натиск на Россию не удастся.

А они как раз сейчас, несомненно, по заранее обдуманному плану, и с запада и с востока, делают попытки военным путем раздавить нас, чтобы спасти гибнущие банды Краснова. Вчера было известие о взятии Мариуполя. Ростов, таким образом, оказывается окруженным полукругом. Словом, все усилия страны Согласия направляют на то, чтобы выручить Краснова и чтобы как раз нынешней весной нанести нам сильный удар. Они действуют, несомненно, по соглашению с Гинденбургом. Товарищ из Латвии говорил о том, в какое положение попали тамошние товарищи. Большая часть страны переживала такие бедствия, о которых московские рабочие не имеют представления, — бедствия нашествия и многократного опустошения деревень движущимися толпами войск. Теперь немцы идут на Двинск, чтобы отрезать Ригу. С севера им помогают эстонские белогвардейцы на деньги, которые посылает Англия, при помощи добровольцев, которых посылают шведы и датчане, насквозь подкупленные миллиардерами Англии, Франции и Америки. Они действуют по совершенно ясному для нас общему плану, пользуясь тем, что в Германии они кровавыми подавлениями ослабили движение спартаковцев и революционеров. И хотя они чувствуют, что дышат на ладан, они все же сочли момент достаточно удобным для использования, для того, чтобы предоставить Гинденбургу часть войск и усилить натиск с запада на истерзанную, измученную Латвию и угрожать нам. С другой стороны, Колчак одержал ряд побед на востоке

и, таким образом, подготовляет условия для последнего и самого решительного натиска стран Согласия.

И, как всегда, не ограничиваясь внешним натиском, они действуют внутри страны путем заговоров, восстаний, попыток бросания бомб и взрыва водопровода в Петрограде, о чем вы читали в газетах, в виде попытки разобрать железнодорожные пути, которая была сделана недалеко от Самары, — это главный железнодорожный путь, доставляющий нам сейчас хлеб с востока. Часть этого хлеба погибла, захвачена Колчаком. Были попытки разобрать железнодорожный путь по Курско-Харьковской железной дороге, по которой начался подвоз угля, отвоеванного Красной Армией в Донецком бассейне. Когда мы берем все это вместе и рассматриваем, для нас ясно, что страны Согласия, что французские империалисты и миллиардеры делают последнюю попытку военным путем раздавить Советскую власть.

И меньшевики и правые и левые эсеры, которые до сих пор не поняли, что борьба идет к концу, что вопрос стоит о самой отчаянной, беспощадной войне, — они продолжают проповедывать не то забастовку, не то прекращение гражданской войны. Как бы дело ни обстояло с ними, они помогают белогвардейцам, — я об них буду говорить дальше, я хотел только выяснить сейчас, что положение действительно трудное.

Все силы международных капиталистов хотят нам дать этой весной последний бой. К счастью, это силы дряхлеющего, умирающего, безнадежно больного старика — международного капитализма. Но, как бы то ни было, сейчас военные силы, скопленные против нас, чрезвычайно велики. В частности, Колчак двинул теперь все свои резервы, он имеет у себя добровольцев-белогвардейцев, банды очень внушительных размеров, он имеет помощь Англии и Америки оружием и припасами в громадных размерах. Вот почему создавшееся положение требует от нас ясного сознания трудности положения Советской республики...

*
* *

...Я говорю, что империалисты Англии, Франции и Америки делают последнюю попытку наступить нам на горло, но она им не удастся. Как ни тяжело положение, но мы с уверенностью можем сказать, что мы победим международный империализм. Мы победим миллиардеров всего мира. Мы можем победить их по двум причинам. Во-первых, потому, что это звери, которые так зарвались в борьбе между собой, что продолжают кусать друг друга, не видя, что они на краю пропасти. А во-вторых, потому, что Советская власть растет беспрерывно во всем мире.

Не проходит ни одного дня, чтобы мы не читали об этом в газетах. Сегодня мы читаем сообщение из Лиона американского радиобюро печати, что эти люди, которые заседали в комиссии из 10 человек, сузили комиссию, и теперь разговаривают 4 человека: Вильсон, Ллойд-Джордж, Клемансо и Орландо. Вожди четырех наций, и те не могут договориться: Англия и Америка не согласны отдать Франции прибыль с добычи угля. Это — звери, которые награбили добычу со всего мира и теперь не могут помириться. Эти четыре человека замкнулись в группе четырех, чтобы, боже упаси, не посыпались толки, — все они великие демократы, — но они сами вызывают толки и посылают радио о том, что они не согласны отдать прибыль от угля. Мне рассказывал один французский товарищ, который видел французских пленных, что эти пленные говорят: «Нам сказали, что в Россию надо ехать, чтобы бороться с немцами, потому что немцы задушили нашу страну. Но, ведь, теперь с Германией перемирие, с кем же я еду бороться?». Об этом ему не сказали ни слова. И вот число таких людей, которые задают себе этот вопрос, растет с каждым днем на миллионы и миллионы. Эти люди пережили ужасы империалистской войны, и они говорят: «За что же мы идем воевать?». Если раньше их учили большевики подпольными листками, за что они идут воевать, то теперь империалисты посылают радиотелеграммы: Англия не согласна отдать Франции прибыль от угля. Таким образом, по выражению одного французского журналиста, они делают скачки из одной комнаты в другую, в тщетных попытках разрешить вопрос. Они решают, кому больше дать, и пять месяцев дерутся между собою; они дошли до того, что не владеют собой, и додерутся эти звери до того, что останутся только одни хвосты. И мы говорим, что наше международное положение, которое в первое время было настолько слабым, что они могли задавить нас в несколько недель, теперь, когда они не могут поделить между собой добычи, потому что они сами себя начали грызть, — теперь наше положение лучше. Они обещают солдатам: победи Германию и получишь неслыханные выгоды. Они спорят, взять с Германии 60 или 80 миллиардов. Вопрос чрезвычайно принципиальный, чрезвычайно интересный, особенно если это сказать рабочему или крестьянину. Но если они долго будут спорить, они не возьмут ни одного. Вот что всего интереснее!

Вот почему мы говорим себе, нисколько не преувеличивая, даже не как социалисты, а просто трезво взвешивая силы, идущие против нас, что положение Советской республики улучшается не по дням, а по часам. Враги не могут помириться между собой. Пять месяцев прошло с тех пор, как они победили. И они не заключают мира. Французская палата недавно

вотировала новые сотни миллионов на военные приготовления. Они сами роют себе могилу, а там у них уже есть люди, которые их в эту могилу опустят и хорошенько закопают. (Аплодисменты.) Это потому, что советское движение растет во всех странах, и венгерская революция показала, что когда мы говорим, что боремся не только за себя, а за Советскую власть во всем мире, что здесь проливается кровь красноармейцев не только из-за голодных товарищей, а за победу Советской власти во всем мире, — пример Венгрии показал, что это не одно только предвидение и обещание, а это самая живая непосредственная реальность.

В Венгрии революция произошла необыкновенно оригинально. Венгерский Керенский, которого там зовут Карольи, сам вышел в отставку, и венгерские соглашатели — меньшевики и эсеры — поняли, что нужно пойти в тюрьму, где сидел венгерский товарищ Бела Кун, один из лучших венгерских коммунистов. Они пришли и сказали ему: «Вам придется взять власть!». (Аплодисменты.) Буржуазное правительство подало в отставку. Буржуазные социалисты, меньшевики и эсеры Венгрии, влились в партию венгерских большевиков и образовали единую партию, единое правительство. Тов. Бела Кун, наш товарищ и коммунист, полностью прошедший практический путь большевизма в России, когда я с ним разговаривал по радио, говорил: «У меня нет большинства в правительстве, но я одержу победу, потому что массы за меня, и созывается съезд Советов». Это — всемирно-исторический переворот.

До сих пор всем европейским рабочим лгали, говоря про Советскую Россию: «Там нет никакой власти, а просто анархия, это просто драчуны». Недавно французский министр Пишон заявил про Советскую Россию: «Это — анархия, это — насильники, узурпаторы!». — «Посмотрите на Россию, — говорили немецкие меньшевики своим рабочим: — война, голод, разорение! Этого ли вы хотите для социализма?» И они запугали этим рабочих. А Венгрия показала пример революции, которая рождается совершенно иначе. Венгрии, несомненно, придется пережить тяжелую борьбу с буржуазией — это неизбежно. Но факт тот, что, когда эти звери, английские и французские империалисты, предвидели в Венгрии революцию, они хотели ее уничтожить, не дать ей родиться. У нас затруднительность положения была в том, что нам приходилось рождать Советскую власть против патриотизма. Пришлось ломать патриотизм, заключать Брестский мир. Это была самая отчаянная и бешеная кровавая ломка. В соседних странах буржуазия увидела, кому нужно управлять. Кому же, как не Совету? Это как в старое время, когда короли, царьки и князья видели, что власть их слабеет, они говорили: «Нужна конституция,

пускай буржуазия идет править!». А если король ослабевал, он получал пенсию или теплое местечко. То же самое, что переживали короли и царьки 50—60 лет тому назад, теперь переживает всемирная буржуазия. Когда английские и французские империалисты предъявили неслыханные требования венгерским капиталистам, последние сказали: «Мы воевать не можем. За нами народ не пойдет, но мы, как венгерские патриоты, хотим дать отпор. Какая же власть должна быть? — Власть Советов». Буржуазия венгерская признала перед всем миром, что она добровольно подает в отставку и что есть только одна власть в мире, которая способна руководить народами в тяжелую минуту, — это власть Советов. (Аплодисменты.) Вот почему венгерская революция тем, что она совершенно иначе родилась, чем наша, покажет всему миру то, что по отношению к России было скрыто: именно, что большевизм связан с новой пролетарской, рабочей демократией, которая выступает на место старого парламента. Это было время, когда рабочих обманывали, закабаляли их капиталистически. На место старого буржуазного парламента идет всемирная Советская власть, которая завоевала сочувствие всех рабочих, потому что она есть власть трудящихся, власть миллионов, которые сами господствуют, сами управляют. Может быть, они управляют плохо, как мы в России, но мы и в условиях находимся неимоверно трудных. В том государстве, где буржуазия не окажет такого бешеного сопротивления, задачи Советской власти будут легче, она сможет работать без того насилия, без того кровавого пути, который нам навязали господа Керенские и империалисты. Мы пройдем и через более тяжелый путь. Пускай на Россию пали большие жертвы, чем на другие страны. Это неудивительно, когда нам в наследство осталась старая разруха. Другие страны приходят другим путем, более человеческим, приходят к тому же — к Советской власти. Вот почему пример Венгрии будет иметь решающее значение.

Люди учатся из опыта. Словами доказать правоту Советской власти нельзя. Пример одной России не был понятен для рабочих всего мира. Они знали, что там Совет, — они все за Совет, но их пугали ужасы кровавой борьбы. Пример Венгрии будет решающим для пролетарских масс, для европейского пролетариата и трудящегося крестьянства: в трудную минуту некому править страной, кроме как Советской власти.

Мы вспоминаем пример, когда старые люди говорят: «Выросли детки, детки вышли в люди, можно умирать». Мы умирать не собираемся, мы идем к победе, но когда мы видим

таких деток, как Венгрия, в которой уже Советская власть, мы говорим, что мы уже свое дело сделали не только в русском, но и в международном масштабе, и что мы все отчаянные трудности выдержим, чтобы одержать полную победу, чтобы к русской и венгерской Советским республикам прибавилась — и мы увидим, как она прибавится — международная Советская республика. (Аплодисменты.)

«Правда» №№ 76, 77; 9, 10 апреля 1919 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 29, стр. 230—233, 242—246.

ИЗ РАБОТЫ
«ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ»

Империалисты стран «Согласия» блокируют Россию, стремясь отрезать Советскую республику, как очаг заразы, от капиталистического мира. Эти люди, хвастающиеся «демократизмом» своих учреждений, до того ослеплены ненавистью к Советской республике, что не замечают, как они сами себя делают смешными. Подумать только: передовые, наиболее цивилизованные и «демократические» страны, вооруженные до зубов, господствующие в военном отношении безраздельно над всей землей, боятся, как огня, *идейной* заразы, идущей от разоренной, голодной, отсталой, по их уверению даже полудикой, страны!

Одно уже это противоречие открывает глаза трудящимся массам всех стран и помогает разоблачать лицемерие империалистов Клемансо, Ллойд-Джорджа, Вильсона и их правительств.

Но не только ослепление капиталистов их ненавистью к Советам, а также и их грызня между собой помогают нам, побуждая их ставить подножки друг другу. Они заключили между собой настоящий заговор молчания, боясь пуще всего распространения правдивых известий о Советской республике вообще, официальных ее документов в особенности. Однако главный орган французской буржуазии «Время» («Le Temps») напечатал сообщение об основании в Москве III, Коммунистического Интернационала.

Мы приносим за это главному органу французской буржуазии, этому вождю французского шовинизма и империализма, нашу почтительнейшую благодарность. Мы готовы послать газете «Время» торжественный адрес в изъявление нашей признательности за то, что она так удачно и так умело нам помогает.

Из того, каким образом газета «Время» составила свое сообщение на основании нашего радио, видны с полной ясностью

мотивы, руководившие этим органом денежного мешка. Ему хотелось подпустить шпильку Вильсону, уколоть его: смотрите, дескать, каковы те, с кем вы допускаете переговоры! Мудрецы, пишущие по заказу денежного мешка, не замечают, как их запугивание Вильсона большевиками превращается, в глазах трудящихся масс, в рекламу для большевиков. Еще раз: наша почтительнейшая благодарность органу французских миллионеров!

Основание III Интернационала произошло в такой мировой обстановке, что никакие запрещения, никакие мелкие и мизерные уловки империалистов «Согласия» или лакеев капитализма, как Шейдеманы в Германии, Реннеры в Австрии, не способны помешать распространению в рабочем классе всего мира вести об этом Интернационале и сочувствия к нему. Обстановку эту создала явно растущая всюду, не по дням, а по часам, пролетарская революция. Обстановку эту создало *советское* движение среди трудящихся масс, которое достигло уже такой силы, что стало действительно *международным*...

*
* *

...Когда Франция проделывала свою великую буржуазную революцию, пробуждая к исторически новой жизни весь континент Европы, Англия оказалась во главе контрреволюционной коалиции, будучи в то же время капиталистически гораздо более развитой, чем Франция. А английское рабочее движение той эпохи гениально предвосхищает многое из будущего марксизма.

Когда Англия дала миру первое широкое, действительно массовое, политически оформленное, пролетарски-революционное движение, чартизм, на континенте Европы происходили в большинстве случаев слабые буржуазные революции, а во Франции вспыхнула первая великая гражданская война между пролетариатом и буржуазией. Буржуазия разбила различные национальные отряды пролетариата поодиночке и по-разному в разных странах.

Англия дала образец страны, в которой, по выражению Энгельса, буржуазия рядом с обуржуазившейся аристократией создала наиболее обуржуазившуюся верхушку пролетариата [131]. Передовая капиталистическая страна на несколько десятилетий оказалась отсталой в смысле революционной борьбы пролетариата. Франция как бы исчерпала силы пролетариата на два героических, давших необычайно много во всемирно-историческом смысле, восстания рабочего класса против буржуазии в 1848 и в 1871 годах. Гегемония в Интернационале рабочего движения перешла затем к Германии, с

70-х годов XIX века, когда Германия была экономически позади и Англии и Франции. А когда Германия обогнала экономически обе эти страны, то есть ко второму десятилетию XX века, тогда во главе всемирно-образцовой марксистской рабочей партии Германии оказалась кучка отъявленных мерзавцев, самой грязной продавшейся капиталистам сволочи, от Шейдемана и Носке до Давида и Легина, самых отвратительных палачей из рабочих на службе у монархии и контрреволюционной буржуазии.

Всемирная история неуклонно идет к диктатуре пролетариата, но идет далеко не гладкими, не простыми, не прямыми путями...

Опубликовано в мае 1919 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 29, стр. 279—280, 282—283.

I ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД ПО ВНЕШКОЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

6—19 МАЯ 1919 г.

ИЗ РЕЧИ «ОБ ОБМАНЕ НАРОДА ЛОЗУНГАМИ СВОБОДЫ И РАВЕНСТВА» 19 МАЯ

III

...Мы прекрасно знаем, что должны бороться со всемирным капиталом, мы прекрасно знаем, что всемирный капитал в свое время имел перед собой задачу создания свободы, что он сбросил феодальное рабство, что он буржуазную свободу создал, мы прекрасно знаем, что это всемирно-исторический прогресс. И мы заявляем, что мы против капитализма вообще идем, против капитализма республиканского, против капитализма демократического, против капитализма свободного, — конечно, мы знаем, что он против нас выдвинет знамя свободы. И мы ему отвечаем. Мы считали необходимым этот ответ дать в своей программе: всякая свобода есть обман, если она противоречит интересам освобождения труда от гнета капитала.

Но может быть этого быть не может? Может быть нет противоречия свободы с освобождением труда от гнета капитала? Посмотрите на все западноевропейские страны, в каких вы либо бывали, либо, во всяком случае, о каких читали. В каждой книжке освещался их строй, как самый свободный строй, и теперь эти западноевропейские цивилизованные страны — Франция, Англия, Америка — они подняли это знамя, они идут против большевиков «во имя свободы». На-днях совсем — французские газеты теперь попадают к нам редко, потому что мы окружены кольцом, но по радио сведения попадают, воздух захватить все-таки нельзя, мы перехватываем иностранные радио — на-днях я имел возможность прочесть в радио, которое было послано французским грабительским правительством: идя против большевиков и поддерживая их противников, Франция держит попрежнему высоко свойствен-

ный ей «высокий идеал свободы». Это мы встречаем на каждом шагу, это — основной их тон в полемике против нас.

А что они называют свободой? Эти цивилизованные французы, англичане, американцы, они называют свободой хотя бы свободу собраний. В конституции должно быть написано: «Свобода собраний всем гражданам». «Вот это, — говорят они, — есть содержание, вот это есть основное проявление свободы. А вы, большевики, вы свободу собраний нарушили».

Да, — отвечаем мы, — ваша свобода, господа англичане, французы, американцы, есть обман, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала. Вы мелочь забыли, господа цивилизованные. Забыли, что ваша свобода написана в конституции, которая *узаконяет частную собственность*. Вот в чем суть дела.

Рядом с свободой — собственность, так и написано в вашей конституции. Что вы признаете свободу собраний, это, конечно, громадный прогресс по сравнению с феодальным порядком, средневековьем, крепостным правом. Это признали все социалисты, когда использовали эту свободу буржуазного общества, чтобы научить пролетариат, как свергнуть гнет капитализма.

Но ваша свобода такова, что это есть свобода на бумаге, а не на деле. Это значит, что если в больших городах бывают большие залы, вроде этой, то они принадлежат капиталистам и помещикам, называются, например, залами «благородного собрания». Вы можете свободно собираться, граждане Российской демократической республики, но это — частная собственность, извините, пожалуйста, нужно уважать частную собственность, иначе вы будете большевиками, преступниками, разбойниками, грабителями, озорниками. А мы говорим: «Мы это перевернем. Это здание из «благородного собрания» мы сперва сделаем зданием рабочих организаций, а потом поговорим о свободе собраний». Вы нас обвиняете в нарушении свободы. Мы же признаем, что всякая свобода, если она не подчиняется интересам освобождения труда от гнета капитала, есть обман. Свобода собраний, которая написана в конституции всех буржуазных республик, есть обман, потому что, чтобы собираться в цивилизованной стране, которая все-таки зимы не уничтожила, погоды не переделала, нужно иметь помещения для собраний, а лучшие здания — в частной собственности. Сначала отберем лучшие здания, а потом поговорим о свободе...

Напечатано в 1919 г. в брошюре: И. Ленин. «Две речи на I-м Всероссийском съезде по внешкольному образованию», Москва

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 29, стр. 324—325.

ТЕЛЕГРАММА БЕЛА КУНУ [132]

Будапешт, Бела Куну

Только сегодня 13. V получил Ваше письмо от 22. IV. Уверен, что несмотря на громадные трудности пролетарии Венгрии удержат власть и укрепят ее. Привет крепнущей Красной Армии венгерских рабочих и крестьян. Зверский мир Антанты усилит везде сочувствие к Советской власти. Вчера украинские войска, победив румын, перешли Днестр. Шлю наилучшие приветы Вам и всем венгерским товарищам.

Ленин

Написано 13 мая 1919 г.

Впервые напечатано 16 мая 1919 г. на венгерском языке в газете «Vörös Ujság» № 83

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 36, стр. 468.

БЕЛА КУНУ

Шифром

т. Чичерин! Прошу перевести и отправить Бела Куну.

18. VI. *Ленин*

Бела Кун, Будапешт

Мы в Цека партии специально обсуждали, как особый пункт порядка дня, поставленный Вами вопрос о посылке названного Вами товарища. Мы признали невозможным послать его и послали другого, который уже выехал, запаздывает только по техническим причинам; должен приехать к Вам вскоре.

Кстати добавлю от себя, что Вы конечно правы, начиная переговоры с Антантой. Начать и вести их надо, всякую возможность хотя бы для временного перемирия или мира надо обязательно использовать, чтобы дать отдых народу. Но ни на минуту не верьте Антанте, она вас надувает и только выигрывает время, чтобы лучше душить вас и нас.

Постарайтесь организовать почту с нами посредством аэропланов. Лучшие приветы.

Ленин

Написано 18 июня 1919 г.

Напечатано в 1954 г. на венгерском языке в книге «Lenin Magyarországról», Budapest

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 36, стр. 471.

ИЗ ДОКЛАДА
«О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ И БЛИЖАЙШИХ ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ»

ДОКЛАД СДЕЛАН НА СОЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ВЦИК, МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ, ВСЕРОССИЙСКОГО СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ МОСКВЫ 4 ИЮЛЯ 1919 г. [133]

...Товарищи, припомните положение год назад. Как раз в июле 1918 года тучи, казалось бы, самые грозные и беды, казалось бы, совершенно непоправимые скопились вокруг Советской республики. Тогда, как и теперь, ухудшилось продовольственное положение именно перед новым урожаем, именно в конце старого продовольственного года, когда истекают запасы. В прошлом году положение было несравненно тяжелее. Как и теперь, к продовольственным трудностям прошлым летом прибавилось еще больше политических и военных трудностей внутри и вне. Когда летом прошлого года собрался съезд Советов, он совпал с восстанием левых эсеров в Москве, он совпал с изменой тогдашнего командующего армией левого эсера Муравьева, который почти открыл у нас фронт. Лето 1918 года совпало с громадным заговором в Ярославле, который был, как теперь доказано и признано участниками, вызван французским послом Нулансом, который подговорил Савинкова устроить этот заговор, гарантируя, что высаживающиеся в Архангельске французские войска придут на помощь в Ярославль, что при самом трудном положении Ярославля его ожидает соединение с Архангельском, соединение с союзниками и, следовательно, ближайшее падение Москвы. С востока врагу в это время удалось захватить Самару, Казань, Симбирск, Сызрань, Саратов. С юга казацкие войска, подкрепляемые германским империализмом, — это установлено с полной точностью, — подкрепляемые германским империализмом, получали деньги и вооружение. Враги напали на нас, они окружили нас с двух

сторон, они издевались над нами. Из немецких империалистических кругов говорили: «Если вы не можете сладить с чехословаками, то сладьте с нами». Вот какой нахальный тон позволяли себе немецкие империалисты...

*
* *

...Посмотрите на международное положение. Разве в этом отношении за пережитый год мы не сделали неслыханных шагов вперед, после того, что было год назад? Разве тогда от нас не отвернулись даже преданные революции люди, которые говорили, что большевики сдали Россию хищникам-немцам, что Брестский мир доказал, что сделана непоправимая ошибка, и разве не считали они, что только союз демократической Франции и Англии спасет Россию? И что же? Через несколько месяцев после прошлогоднего кризиса Брестский мир распался. Прошло полгода после 9-го ноября 1918 г., когда была разбита Германия, и после полугодовых усилий империалисты французские и английские заключили мир. И что же дал этот мир? Он дал то, что все рабочие, которые до сих пор стояли на стороне приверженцев французских и английских империалистов, проповедывавших войну до конца, — они все переходят теперь не по дням, а по часам на нашу сторону и говорят себе: «Нас четыре года обманывали, вели на войну. Во имя свободы нам обещали поражение Германии, победу свободы, равенства, и победу демократии, а вместо этого нам преподнесли Версальский мир, — недостойный насильственный мир в интересах грабежа и наживы». Наше положение за этот год было положением тяжелой борьбы за победу международной революции. И наше положение, если сравнить его с положением врагов, было такое, что мы с каждым шагом приобретали себе во всем мире все больше союзников. И сейчас мы видим, что то, что немцы считают со своей империалистической точки зрения поражением, то, что французы и англичане считают полной победой, — это есть начало конца для английских и французских империалистов. Рабочее движение теперь не по дням, а по часам растет. Рабочие требуют удаления иностранных войск из России и свержения Версальского мира. Мы стояли перед Брестским миром одинокими, он распался, и на его место явился Версальский мир, который душит Германию.

Оценивая этот пережитый год, признавая открыто все трудности, мы можем спокойно, уверенно и твердо сказать вам: товарищи, мы еще и еще раз пришли изложить вам общее положение и описать передовым рабочим Москвы те трудности, на которые мы снова натолкнулись, и пригласить вас

подумать над тем, какие уроки мы за этот тяжелый год вынесли, и на основании этого размышления и учета, на основании этого опыта, вместе с нами придти к непреодолимому и твердому убеждению, что победа будет за нами, и не только в русском, но и в международном масштабе. Еще и еще раз мы напряжем силы против тех поражений, которые понесли на юге. Мы выдвинем испытанные средства организованности, дисциплины и преданности, и тогда, мы уверены, Деникин будет так же сломлен и так же раздавлен и так же развалится, как развалился Колчак и как разваливаются теперь французские и английские империалисты. (Бурные аплодисменты.)

Краткий отчет опубликован 5 июля 1919 г. в газете «Правда» № 145.

Впервые полностью напечатано в 1932 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 29, стр. 420—421, 431—432.

РЕЧЬ О ВНЕШНЕМ И ВНУТРЕННЕМ ПОЛОЖЕНИИ НА КОНФЕРЕНЦИИ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ ХОДЫНСКИХ ЛАГЕРЕЙ 15 ИЮЛЯ 1919 г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

(Появление товарища Ленина на трибуне приветствовалось громом аплодисментов.) Товарищи, мы переживаем сейчас очень важный момент окончания империалистической войны. После победы над Германией, с ноября 1918 года, все союзники занялись выработкой условий мира, говоря при этом, что германский империализм погиб и народы освободились. Национальным собранием мир ратифицирован, — утвержден мир после войны, в которой перебито 10 миллионов людей и 20 миллионов искалечено ради разбойничьих целей, ради добычи.

Сейчас, когда Версальский мир подписан, большевики оказались правы: мир этот хуже Брестского мира, заключенного в свое время нами с издыхающим германским империализмом. Теперь становится все яснее и яснее, что этот день Версальского мира будет пораженпем английского, американского и прочего империализма. Сейчас же после заключения мира империалисты занялись дележом колоний: Англия забрала Персию, делят Сирию, Турцию, — теперь для рабочих капиталистических стран открылись глаза, что это была война хищников. И как это ни курьезно, получены сведения, что князь Львов, бывший член Временного правительства Керенского, находящийся сейчас в Париже, потребовал от Антанты для России Константинополь и проливы, мотивируя тем, что Россия только ради них и воевала, — но на его наивное требование, конечно, ответили, что это было бы дано только старой, сильной России.

На 14-е июля, день взятия Бастилии, французские империалисты, чтобы обмануть народ, назначили праздник победы над Германией. Но французские рабочие не поддались на эту

удочку, и 14 июля была объявлена забастовка служащих кафе и ресторанов — и в этот день, когда обычно вся публика гуляет и танцует на улице, кафе и рестораны были закрыты, и тем праздник был сорван. На 21 июля рабочие Англии, Франции и Италии объявили всеобщую стачку [134] — и можно сказать, что, как Брестский мир для Германии, так Версальский для Франции и Англии окончится поражением капиталистов и победой пролетариата. На то же движение пролетариата Запада указывают и неудачи первого нашествия Антанты на юг России и второго нашествия на Сибирь. Эти неудачи показали, что пролетариат Запада за нас.

Да и само крестьянство Сибири и Украины, ратовавшее раньше за Колчака и Деникина, после поборов, поголовного грабежа и насильничества повернуло против них. Теперь ясно, что Колчак погиб и что победа над Деникиным близка; эта победа завершится и победой пролетариата на Западе, ибо на Западе движение рабочих всюду принимает большевистский характер, и если Россия со своей Советской властью вначале была в одиночестве, то впоследствии к ней присоединилась Советская Венгрия, идет дело к передаче власти Советам в Германии, и недалек день, когда вся Европа соединится в единую Советскую республику, которая уничтожит господство капиталистов во всем мире. (Продолжительные аплодисменты.)

Напечатано 17 июля 1919 г. в газете «Вечерние Известия Московского Совета» № 293

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 29, стр. 474—475.

ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА [135]

Отвечаю на поставленные мне пять вопросов, на условии исполнения письменно данного мне обещания, что мой ответ полностью будет напечатан в газетах, числом более ста, Соединенных Штатов Северной Америки.

1. Советское правительство имело не реформистскую правительственную программу, а революционную. Реформы — суть уступки, получаемые от господствующего класса, при сохранении его господства. Революция есть ниспровержение господствующего класса. Поэтому реформистские программы состоят обычно из многих частичных пунктов. Наша, революционная, программа состояла, собственно, из одного общего пункта: свержение ига помещиков и капиталистов, свержение их власти, освобождение трудящихся масс от этих эксплуататоров. Этой программы мы никогда не изменяли. Отдельные частичные мероприятия, направленные к осуществлению этой программы, нередко подвергались изменениям; перечень их занял бы целый том. Укажу только, что есть еще один общий пункт нашей правительственной программы, который вызывал, пожалуй, наибольшее число изменений отдельных мер. Этот пункт: подавление сопротивления эксплуататоров. После революции 25 октября (7 ноября) 1917 г. мы не закрыли даже буржуазных газет, и о терроре не было и речи. Мы освободили не только многих министров Керенского, но и воевавшего против нас Краснова. Лишь после того, как эксплуататоры, т. е. капиталисты, стали развертывать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора. Это было ответом пролетариата на такие поступки буржуазии, как заговор совместно с капиталистами Германии, Англии, Японии, Америки, Франции для восстановления власти эксплуататоров в России, подкуп англо-французскими деньгами чехословаков, германскими и французскими — Маннергейма, Деникина и пр. и т. п. Один из последних заговоров, вызвавших «изменение», — именно усиление террора против

буржуазии в Петрограде, — был заговор буржуазии, совместно с эсерами и меньшевиками, о сдаче Петрограда, захват офицерами-заговорщиками Красной Горки, подкуп английскими и французскими капиталистами служащих в швейцарском посольстве наряду со многими служащими русскими и пр.

2. Деятельность нашей Советской республики в Афганистане, Индии и других мусульманских странах вне России такова же, как наша деятельность среди многочисленных мусульман и других нерусских народностей внутри России. Мы дали возможность, например, башкирским массам учредить автономную республику внутри России, мы всячески помогаем самостоятельному, свободному развитию каждой народности, росту и распространению литературы на родном для каждого языке, переводим и пропагандируем нашу Советскую конституцию, которая имеет несчастье более чем миллиарду жителей земли, принадлежащих к колониальным, зависимым, угнетенным, неполноправным народностям, больше нравиться, чем «западноевропейская» и американская конституция буржуазно-«демократических» государств, укрепляющая частную собственность на землю и капитал, т. е. укрепляющая гнет немногочисленных «цивилизованных» капиталистов над трудящимися своих стран и над сотнями миллионов в колониях Азии, Африки и пр.

3. По отношению к Соединенным Штатам и Японии мы преследуем прежде всего ту политическую цель, чтобы отразить их наглое, преступное, грабительское, служащее обогащению только их капиталистов, нашествие на Россию. Обоим этим государствам мы много раз и торжественно предлагали мир, но они даже не отвечали нам и продолжают войну с нами, помогая Деникину и Колчаку, грабя Мурман и Архангельск, опустошая и разоряя особенно Восточную Сибирь, где русские крестьяне оказывают разбойникам-капиталистам Японии и Соединенных Штатов Северной Америки геройское сопротивление.

Наша дальнейшая политическая и хозяйственная цель по отношению ко всем народам, в том числе и Соединенным Штатам и Японии, — одна: братский союз с рабочими и трудящимися всех стран без изъятия.

4. Условия, на которых мы согласны заключить мир с Колчаком, Деникиным и Маннергеймом, мы вполне точно, ясно, письменно излагали много раз, например, Буллиту [136], который вел переговоры с нами (и со мной лично в Москве) от имени правительства Соединенных Штатов, в письме к Нансену [137] и т. д. Не наша вина, если правительства Соединенных Штатов и других стран боятся напечатать полностью эти документы, скрывая от народа правду. Напомню лишь наше основное

условие: мы готовы заплатить все долги Франции и другим государствам, лишь бы мир был на деле, а не на словах только, миром, т. е. чтобы он был формально подписан и утвержден правительствами Англии, Франции, Соединенных Штатов, Японии, Италии, ибо Деникин, Колчак, Маннергейм и пр. — простые пешки в руках этих правительств.

5. Всего более я хотел бы сообщить общественному мнению Америки следующее:

По сравнению с феодализмом, капитализм был всемирно-историческим шагом вперед по пути «свободы», «равенства», «демократии», «цивилизации». Но тем не менее капитализм был и остается системой *наемного рабства,* порабощения миллионов трудящихся, рабочих и крестьян ничтожному меньшинству современных («moderne») рабовладельцев, помещиков и капиталистов. Буржуазная демократия изменила форму этого экономического рабства, по сравнению с феодализмом, создала особенно блестящее прикрытие для него, но не изменила и не могла изменить его сущности. Капитализм и буржуазная демократия есть наемное рабство.

Гигантский прогресс техники вообще, путей сообщения особенно, колоссальный рост капитала и банков сделали то, что капитализм дозрел и перезрел. Он пережил себя. Он стал реакционнейшей задержкой человеческого развития. Он свелся к всевластию горстки миллиардеров и миллионеров, толкающих народы на бойню для решения вопроса о том, германской или англо-французской группе хищников должна достаться империалистская добыча, власть над колониями, финансовые «сферы влияния» или «мандаты на управление» и т. п.

Во время войны 1914—1918 гг. десятки миллионов людей убиты и искалечены именно из-за этого, только из-за этого. Сознание этой истины с неудержимой силой и быстротой распространяется среди массы трудящихся во всех странах, — и это тем более, что война вызвала повсюду неслыханное разорение, а за войну надо *везде,* в том числе и народам-«победителям», платить проценты по долгам. А что такое эти проценты? Это есть миллиардная дань господам миллионерам за то, что они были так любезны, что позволили десяткам миллионов рабочих и крестьян убивать и калечить друг друга для решения вопроса о дележе прибылей капиталистов.

Крах капитализма неизбежен. Революционное сознание масс растет везде. Об этом говорят тысячи признаков. Один из неважных, но очень наглядных для филистера: романы Анри Барбюсса («Le feu» и «Clarté»), который пошел на войну, будучи самым мирным, скромным, законопослушным мелким буржуа, филистером, обывателем.

Капиталисты, буржуазия, могут в «лучшем» для них случае оттянуть победу социализма в той или другой отдельной стране ценой истребления еще сотен тысяч рабочих и крестьян. Но спасти капитализм они не могут. На смену ему пришла *Советская республика,* которая дает власть трудящимся, и только трудящимся, которая вручает руководство их освобождением пролетариату, которая отменяет частную собственность на землю, фабрики и прочие средства производства, ибо эта частная собственность есть источник эксплуатации немногими многих, источник нищеты масс, источник грабительских войн между народами, обогащающих только капиталистов.

Победа международной Советской республики обеспечена.

Маленькая иллюстрация в заключение: американская буржуазия обманывает народ, хвалясь свободой, равенством, демократией в ее стране. Но ни эта, ни какая иная буржуазия, ни одно правительство в мире не сможет принять, побоится принять состязание с нашим правительством на началах действительной свободы, равенства, демократии: допустим, договор обеспечивает за нашим правительством и за любым иным свободу обмена... брошюрами, от имени правительства издаваемыми на любом языке и содержащими текст законов данной страны, текст конституции, с объяснением ее превосходства над другими.

Ни одно буржуазное правительство в мире не осмелится пойти на такой мирный, цивилизованный, свободный, равный, демократичный договор с нами.

Почему? Потому что все, кроме Советских правительств, держатся угнетением и обманом масс. Но великая война 1914—1918 гг. разбила великий обман.

Ленин

20-го июля 1919 г.

«Правда» № 162, 25 июля 1919 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 29, стр. 476—480.

РЕЧЬ НА БЕСПАРТИЙНОЙ РАБОЧЕ-КРАСНОАРМЕЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 6 АВГУСТА 1919 г.

ХРОНИКЕРСКАЯ ЗАПИСЬ

ВТОРОЙ ВАРИАНТ

Товарищи, позвольте теперь вам изложить те события, которые на наших глазах произошли в Венгрии.

Как известно, до конца марта этого года там господствовала «керенщина» со всеми ее прелестями. Когда в то время, 21 марта, там вдруг образовалась власть Советов, причем тамошние меньшевики согласились поддерживать эту власть, можно было думать, что в социализме наступила какая-то новая эра... Но вот последние события показали нам, что социал-соглашатели нисколько не изменились. Повидимому, то, что теперь произошло в Венгрии, повторяет в большом масштабе то, что произошло недавно на наших глазах в Баку [138].

Ленин в ярких образах вспоминает трагическую историю бакинского пролетариата, когда его социал-предатели обратились за помощью к английскому командованию и за спиной рабочих вступили с западными империалистами в тайное соглашение. Оратор проводит аналогию между этой бакинской трагедией и теперешним переворотом в Венгрии, говорит о радиотелеграмме, из которой мы узнаем, что румыны уже вступили в красный Будапешт.

Далее Ленин сравнивает положение Венгрии и Советской России и, напомнив вкратце все наши временные неудачи, говорит о том, что нас спасала и спасает громадность территории, между тем как Венгрия слишком мала для того, чтобы дать отпор всем своим врагам. Переходя затем к вопросу о соглашателях вообще, оратор касается и наших русских соглашательских социалистических партий и заявляет:

— Если соглашателями России была совершена ошибка при Керенском, в продолжение шестимесячных практических работ, почему же эта ошибка не была исправлена ими при колчаковщине в Сибири?

Но дело в том, что деникинцы тоже поют нам об Учредительном собрании, нигде контрреволюция не выступает открыто, и мы говорим поэтому: никакие временные неудачи, вроде последних событий в Венгрии, нас не смутят. Выхода из всех несчастий, кроме революции, нет никакого, и остается только одно верное средство — диктатура пролетариата. Мы говорим: каждое новое поражение Красной Армии лишь закаляет ее, делает ее наиболее стойкой и сознательной, ибо рабочие и крестьяне теперь поняли на кровавом опыте, что несет нам власть буржуазии и соглашателей. Издыхающий зверь всемирного капитала делает последние усилия, но он все-таки издохнет! (Бурные аплодисменты.)

Напечатано 8 августа 1919 г. в газете «Вечерние Известия Московского Совета» № 312

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 29, стр. 508—509.

ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА АМЕРИКАНСКОЙ ГАЗЕТЫ «THE CHICAGO DAILY NEWS»

5/X 1919.

Прошу извинить меня за мой плохой английский язык. Я рад ответить на Ваши вопросы:

1. Какова нынешняя политика Советского правительства в вопросе о мире?

2. Каковы в общих чертах условия мира, выдвигаемые Советской Россией?

Наша политика мира — прежняя, т. е. мы приняли мирное предложение г. Буллита [139]. Мы никогда не изменяли наших мирных условий (вопрос 2), которые сформулированы вместе с г. Буллитом.

Мы много раз официально предлагали мир Антанте до приезда г. Буллита.

3. Готово ли Советское правительство гарантировать абсолютное невмешательство во внутренние дела иностранных государств?

Мы готовы его гарантировать.

4. Готово ли Советское правительство доказать, что оно представляет большинство русского народа?

Да, Советское правительство является самым демократическим из всех правительств мира. Мы готовы это доказать.

5. Какова позиция Советского правительства в отношении экономической договоренности с Америкой?

Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой, — со всеми странами, но *особенно* с Америкой.

Если необходимо, мы можем представить Вам полный текст наших условий мира, сформулированных нашим правительством совместно с г. Буллитом.

Вл. Ульянов (Н. Ленин)

Напечатано 27 октября 1919 г. в газете «The Chicago Daily News» № 257

На русском языке опубликовано в 1919 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 30, стр. 32—33.

ИЗ РЕЧИ ПЕРЕД СЛУШАТЕЛЯМИ СВЕРДЛОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ОТПРАВЛЯЮЩИМИСЯ НА ФРОНТ, 24 ОКТЯБРЯ 1919 г.

...Вы знаете, что нам и латышское, и литовское, и эстонское правительства ответили согласием на предложение начать переговоры о мире. И естественно, что эти последние известия вызвали колебания в наших войсках, вызвали в них надежду, что война оканчивается. Переговоры уже начались. А в это время Англия собрала остатки своих судов и высадила несколько тысяч белогвардейцев, которые были снабжены великолепными техническими средствами. Но они не могут ввозить их к нам, не усыпивши народ обманом, потому что в Англии и Франции были случаи, что попытки грузить военные припасы на пароходы оканчивались неудачей, ибо портовые рабочие устраивали стачки и говорили, что они пароходов, которые везут истребительное снаряжение в Советскую Россию, не допустят. И английским империалистам приходилось брать из других стран это снаряжение, обманывая свой народ. Неудивительно поэтому, что они пустили на Советскую Россию несколько сотен или тысяч русских белогвардейских офицеров. В Англии существуют лагери, где держат этих белогвардейских офицеров, кормят их и обучают для нашествия на Россию, говоря затем, что это — внутренняя война, вызванная террором большевиков. Лагери, которые наполнялись раньше нашими пленными, полны теперь русскими белогвардейскими офицерами. Этим и вызвано то, что, когда мы со стороны Литвы и Латвии ожидали перемирия, неприятель одержал в первые дни такие громадные успехи, бросив эти силы на Петроградский фронт. Вы теперь знаете, что на Петроградском фронте наступил перелом. Вы знаете из сообщений Зиновьева и Троцкого, что убыль уже пополнена, что прежние колебания пришли к концу, что наши войска наступают и наступают

успешно, преодолевая самое отчаянное сопротивление. Эти бои отличаются необыкновенным ожесточением. Мне сообщил по телефону т. Троцкий из Петрограда, что в Детском Селе, которое недавно взято нами, из отдельных домов стреляли белогвардейцы и оставшаяся буржуазия, оказывая самое упорное сопротивление, большее, чем во всех предыдущих боях. Неприятель чувствует, что происходит перелом всей войны и что Деникин находится в таком положении, когда надо помочь ему и отвлечь наши силы, направленные против него. Это им не удалось, можно сказать определенно. Все, чем мы помогли Петрограду, было взято без малейшего ослабления Южного фронта. Ни одна часть на Петроградский фронт не была отвлечена с юга, и та победа, которую мы начали осуществлять и которую мы доведем до конца, будет осуществлена без малейшего ослабления Южного фронта, на котором решится исход войны с помещиками и империалистами. Исход будет там, на Южном фронте, в недалеком будущем...

«Правда» №№ 240 и 241; 26 и 28 октября 1919 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 30, стр. 60—61.

ТОВАРИЩАМ КОММУНИСТАМ ТУРКЕСТАНА [140]

Товарищи! Позвольте мне обратиться к вам не в качестве Председателя Совнаркома и Совета Обороны [141], а в качестве члена партии.

Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам.

Я очень прошу вас обратить на этот вопрос сугубое внимание, — приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом, установить товарищеские отношения к народам Туркестана, — доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным и с британским во главе его, — с величайшим доверием отнестись к нашей Туркестанской комиссии и строго соблюсти ее директивы, преподанные ей, в свою очередь, от ВЦИК именно в этом духе.

Я был бы очень благодарен, если бы мне вы ответили на это письмо и сообщили о вашем отношении к делу.

С коммунистическим приветом

В. Ульянов (Ленин)

«Туркестанский Коммунист», «Известия ЦИК Советов Турк. Республики» и «Красный Фронт» (юбилейный выпуск), 7—10 ноября 1919 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 30, стр. 117.

ДОКЛАД НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НАРОДОВ ВОСТОКА [142] 22 НОЯБРЯ 1919 г.

Товарищи! Я очень рад, что могу приветствовать съезд товарищей-коммунистов, представителей мусульманских организаций Востока, и сказать несколько слов по вопросу о том, как сложилось теперь положение в России и во всем свете. Тема моего доклада — текущий момент, и мне кажется, что по этому вопросу самым существенным сейчас является отношение народов Востока к империализму и революционное движение среди этих народов. Само собой понятно, что это революционное движение народов Востока может сейчас получить успешное развитие, оно может получить разрешение не иначе, как в непосредственной связи с революционной борьбой нашей Советской республики против международного империализма. В силу ряда обстоятельств, — между прочим, в связи с отсталостью России и с ее необъятным пространством и тем, что она служит рубежом между Европой и Азией, Западом и Востоком, — нам пришлось взять на себя всю тяжесть — в чем мы видим великую честь — быть застрельщиками мировой борьбы против империализма. Поэтому весь ход предстоящих в ближайшее время событий предвещает еще более широкую и упорную борьбу с международным империализмом и неминуемо будет связан с борьбой Советской республики против сил объединенного империализма — Германии, Франции, Англии и Америки.

Что касается военной стороны, то вы знаете, как благоприятно сложилось теперь для нас дело на всех фронтах. Я не буду подробно останавливаться на этом вопросе, скажу только, что гражданская война, которую нам навязал силой международный империализм, за два года причинила Российской Социалистической Федеративной Советской Республике неисчислимые тягости, наложила на крестьян и рабочих такое

непосильное бремя, которое, казалось часто, они не вынесут. Но вместе с тем эта война своим грубым насильничанием, беспощадно грубым натиском превратившихся в зверей, так называемых, наших «союзников», которые грабили нас еще до начала социалистической революции, — эта война сделала чудо, превратив людей, уставших от войны и, казалось, не могущих перенести еще другую войну, в борцов, которые в течение двух лет не только выдержали войну, но победоносно кончают ее. Те победы, которые мы одерживаем теперь над Колчаком, Юденичем и Деникиным, эти победы означают наступление новой полосы в истории борьбы мирового империализма против стран и наций, поднявших борьбу за свое освобождение. В этом отношении наша двухлетняя гражданская война не только подтвердила полностью давным-давно историей сделанное наблюдение, что характер войны и ее успех больше всего зависят от внутреннего порядка той страны, которая вступает в войну, что война есть отражение той внутренней политики, которую данная страна перед войной ведет. Все это неизбежно отражается на ведении войны.

Вопрос о том, какой класс вел войну и войну продолжает, является весьма важным вопросом. Только благодаря тому, что наша гражданская война ведется освободившими себя рабочими и крестьянами и является продолжением политической борьбы за освобождение трудящихся от капиталистов своей страны и всего мира, только потому в такой отсталой стране, как Россия, истомленной четырехлетней империалистической войной, нашлись сильные волей люди для того, чтобы в течение двух лет беспримерной, невероятной тяжести и трудности вести эту войну дальше.

История гражданской войны показала это на примере Колчака особенно наглядно. Такой неприятель, как Колчак, который имел помощь всех сильнейших держав мира, который имел железнодорожную линию, охранявшуюся сотней тысяч войск иностранных держав, в том числе лучшими войсками международных империалистов, как, например, японскими войсками, которые готовились к империалистической войне, почти не участвовали в ней и потому мало пострадали, — Колчак, который опирался на крестьян Сибири, самых зажиточных, не знавших крепостного права и потому, естественно, бывших дальше чем кто-либо от коммунизма, — казалось, что Колчак представляет собой непобедимую силу, потому что его войска были передовым отрядом международного империализма. И до сих пор еще в Сибири действуют японские, чехословацкие и ряд других войск империалистических наций. Тем не менее опыт больше чем годовой власти Колчака над Сибирью с ее громадными естественными богатствами, опыт, который

был вначале поддержан социалистическими партиями II Интернационала, меньшевиками и эсерами, создавшими фронт Комитета учредительного собрания, и при таких условиях, с точки зрения обывательской и обычного хода истории, казался прочным и непобедимым, на самом деле показал следующее: чем дальше продвигался Колчак в глубину России, тем он больше истощался, и в конце концов мы видим полную победу Советской России над Колчаком. Несомненно, мы здесь получаем практическое доказательство того, что сплоченные силы рабочих и крестьян, освобожденных от ига капиталистов, производят действительные чудеса. Здесь мы имеем на практике доказательство того, что революционная война, когда она действительно втягивает и заинтересовывает угнетенные трудящиеся массы, когда она дает им сознание того, что они борются против эксплуататоров, что такая революционная война вызывает энергию и способность творить чудеса.

Я думаю, что то, что проделала Красная Армия, ее борьба и история победы будут иметь для всех народов Востока гигантское, всемирное значение. Она покажет народам Востока, что как ни слабы эти народы, как ни кажется непобедимой мощь европейских угнетателей, применяющих в борьбе все чудеса техники и военного искусства, тем не менее революционная война, которую ведут угнетенные народы, если эта война сумеет пробудить действительно миллионы трудящихся и эксплуатируемых, таит в себе такие возможности, такие чудеса, что освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым с точки зрения не только перспектив международной революции, но и с точки зрения непосредственного военного опыта, проделанного в Азии, в Сибири, опыта, который проделан Советской республикой, подвергшейся военному нашествию всех могущественных стран империализма.

Кроме того, этот опыт гражданской войны в России показал нам и коммунистам всех стран, как в огне гражданской войны вместе с развитием революционного энтузиазма создается сильное внутреннее укрепление. Война есть испытание всех экономических и организационных сил каждой нации. В конце концов, после двух лет опыта, как ни бесконечно тяжела война для рабочих и крестьян, страдающих от голода и холода, на основании двухлетнего опыта можно сказать, что мы побеждаем и будем побеждать, потому что у нас есть тыл и тыл крепкий, что крестьяне и рабочие, несмотря на голод и холод, сплочены, окрепли и на каждый тяжелый удар отвечают увеличением сцепления сил и экономической мощи, и только поэтому победы над Колчаком, Юденичем и их

союзниками, сильнейшими державами мира, были возможны. Истекшие два года показывают нам, с одной стороны, возможность развития революционной войны, а с другой стороны — укрепление Советской власти под тяжелыми ударами иностранного нашествия, которое имеет целью быстро сломить очаг революции, сломить республику рабочих и крестьян, посмевших объявить войну международному империализму. Но вместо того, чтобы сломить рабочих и крестьян России, они их только закалили.

Таковы главные итоги, таково главное содержание переживаемого нами момента. Мы подходим к решительным победам над Деникиным, последним врагом, который остался на нашей территории. Мы чувствуем себя сильными и тысячу раз можем повторить, что мы не ошибаемся, когда говорим, что внутреннее строительство республики окрепло и из войны с Деникиным мы выйдем во много раз крепче и подготовленнее для осуществления задачи строительства социалистического здания, — строительства, которому мы могли во время гражданской войны уделять слишком мало времени и сил и которому только теперь, выходя на свободную дорогу, нам несомненно удастся целиком отдаться.

Мы видим в Западной Европе разложение империализма. Вы знаете, что год тому назад даже германским социалистам казалось, как и огромному большинству социалистов, которые не понимали положения вещей, что происходит борьба двух групп всемирного империализма, и они считали, что эта борьба заполнила собой историю, что нет сил, которые могли бы дать что-либо иное; им казалось, что даже социалистам ничего не остается, как примкнуть к одной из групп могущественных мировых хищников. Так казалось в конце октября 1918 года. Но мы видим, что с тех пор мировая история пережила за год невиданные явления, широкие и глубокие, которые открыли глаза многим из тех социалистов, которые были во время империалистической войны патриотами и оправдывали свое поведение тем, что перед ними стоял враг; оправдывали союз с английскими и французскими империалистами, которые будто бы несли освобождение от германского империализма. Посмотрите, сколько иллюзий было разрушено этой войной! Мы видим разложение германского империализма, которое привело не только к республиканской революции, но и к социалистической. Вы знаете, что в Германии в настоящее время еще острее стала борьба классов и все ближе надвигается гражданская война, борьба немецкого пролетариата против немецких империалистов, которые перекрасились в республиканский цвет, но остались представителями империализма.

Все знают, что социальная революция зреет в Западной Европе не по дням, а по часам, что то же происходит и в Америке, и в Англии — у этих якобы представителей культуры и цивилизации и победителей над гуннами — германскими империалистами, — а когда дело дошло до Версальского мира, то все увидели, что Версальский мир является в сто раз больше грабительским, чем Брестский, который нам был навязан германскими грабителями, и что этот Версальский мир является величайшим ударом, который только могли нанести себе капиталисты и империалисты этих злополучных победивших стран. Версальский мир открыл глаза именно победившим нациям и доказал, что мы имеем перед собой не представителей культуры и цивилизации, а имеем, в лице Англии и Франции, хотя и демократические государства, но управляемые хищниками-империалистами. Внутренняя борьба у этих хищников развивается так быстро, что мы можем ликовать, зная, что Версальский мир является только внешней победой торжествующих империалистов, а на деле означает крах всего империалистического мира и решительный отход трудящихся масс от тех социалистов, которые были во время войны в союзе с представителями гнилого империализма и защищали одну из групп боровшихся хищников. Глаза открылись у трудящихся, потому что Версальский мир явился хищническим и показал, что Франция и Англия на самом деле боролись с Германией, чтобы закрепить свою власть над колониями и увеличить свою империалистическую мощь. Эта внутренняя борьба развивается чем дальше, тем шире. Сегодня мне пришлось видеть радиотелеграмму из Лондона от 21 ноября, в которой американские журналисты — люди, которых нельзя заподозрить в симпатии к революционерам, — говорят, что во Франции наблюдается невиданная вспышка ненависти к американцам, потому что американцы отказываются утвердить Версальский мирный договор.

Англия и Франция победили, но они в долгу, как в шелку, у Америки, которая решила, что сколько бы французы и англичане ни считали себя победителями, она будет снимать сливки и получать проценты с лихвой за свою помощь во время войны, а в обеспечение этого должен служить американский флот, который сейчас строится и обгоняет своими размерами английский. А что хищнический империализм американцев так грубо выступает, видно из того, что агенты Америки скупают живой товар, женщин и девушек, и везут в Америку, развивая проституцию. Свободная, культурная Америка снабжает публичные дома живым товаром! В Польше и Бельгии происходят конфликты с американскими агентами. Это — маленькая иллюстрация того, что происходит в

промадных размерах в каждой маленькой стране, которая получила помощь от Антанты. Возьмем хотя бы Польшу. Вы видите, что туда американские агенты и спекулянты являются скупать все богатства Польши, которая хвастается тем, что она существует теперь как независимая держава. Польша скупается агентами Америки. Нет ни одной фабрики, ни одного завода, ни одной отрасли промышленности, которые бы не были в кармане американцев. Америка обнаглела так, что начинает порабощать «великую свободную победительницу» Францию, которая являлась прежде страной ростовщиков, а теперь стала сплошь задолженной Америке, так как у нее не стало экономических сил, и она не может обойтись ни своим хлебом, ни своим углем, не может в широких размерах развивать свои материальные силы, а Америка требует, чтобы вся дань была неукоснительно уплачена. Таким образом, чем дальше, тем больше выясняется экономический крах Франции, Англии и других могущественных стран. Выборы во Франции дали перевес клерикалам. Французский народ, который был обманут тем, что должен был давать все силы во имя свободы и демократии против Германии, получил теперь в награду бесконечную задолженность, издевательство хищных американских империалистов, а затем клерикальное большинство из представителей самой дикой реакции.

Положение во всем мире стало неизмеримо запутаннее. Наша победа над Колчаком, Юденичем, над этими слугами международного капитала, велика, но еще гораздо больше, хотя и не так ясна, победа, которую мы одерживаем в международном масштабе. Эта победа заключается во внутреннем разложении империализма, который не может послать своих войск против нас. Антанта испытала это, и ничего у нее не вышло, потому что войска ее разлагаются, когда встречаются с нашими войсками и знакомятся с нашей российской Советской конституцией, переведенной на их языки. Вопреки влиянию вождей гнилого социализма, наша Конституция всегда привлекает симпатии трудящихся масс. Слово «Совет» понятно теперь всем, а Советская конституция переведена на все языки и с ней знаком каждый рабочий. Он знает, что это Конституция трудящихся, что это политический строй трудящихся, зовущих к победе над международным капиталом, знает, что это есть завоевание, которое мы сделали над международными империалистами. Эта наша победа отозвалась на каждой империалистической стране, раз мы отняли, отвоевали ее собственные войска, отняли возможность двигать их против Советской России.

Они пробовали воевать чужими войсками, войсками Финляндии, Польши, Латвии, но и из этого ничего не вышло.

Английский министр Черчилль несколько недель тому назад в своей речи в палате хвастал, — и об этом были посланы телеграммы всему миру, — что организован поход четырнадцати народов против Советской России и что к новому году это даст победу над Россией. И правда, тут участвовало много народов — Финляндия, Украина, Польша, Грузия, чехословаки, японцы, французы, англичане, немцы. Но мы знаем, что из этого вышло! Мы знаем, что эстонцы оставили войска Юденича, и сейчас идет бешеная полемика в газетах из-за того, что эстонцы не хотят ему помогать, а Финляндия, как ни хотела этого ее буржуазия, также не дала помощи Юденичу. Таким образом и вторая попытка натиска на нас провалилась. Первый этап — посылка собственных войск Антанты, которые были снабжены по всем правилам военной техники, так что казалось, что они победят Советскую республику. Они уже покинули Кавказ, Архангельск, Крым и остались еще на Мурмане, как чехословаки в Сибири, но остались как островки. Первая попытка победить нас своими войсками кончилась победой для нас. Вторая попытка состояла в том, чтобы послать на нас соседние с нами нации, которые целиком зависят в финансовом отношении от Антанты, и заставить их удушить нас, как гнездо социализма. Но и эта попытка окончилась неудачей: оказалось, что ни одно из этих маленьких государств к такой войне не способно. И еще более — в каждом маленьком государстве укрепилась ненависть к Антанте. Если Финляндия не пошла брать Петроград, когда Юденич уже взял Красное Село, то потому, что она колебалась и видела, что рядом с Советской Россией она может жить самостоятельно, а с Антантой в мире жить не может. Это переживали все маленькие народы. Это переживают Финляндия, Литва, Эстляндия, Польша, где царит сплошной шовинизм, но где есть ненависть к Антанте, развивающей там свою эксплуатацию. И теперь мы, без всякого преувеличения, точно учитывая ход событий, можем сказать, что не только первый, но и второй этап международной войны против Советской республики потерпел крах. Теперь остается нам только победить войска Деникина, которые уже наполовину разбиты.

Таково теперешнее русское и международное положение, которое я вкратце охарактеризовал в своем докладе. Позвольте в заключение остановиться на том, какое положение создается по отношению к национальностям Востока. Вы являетесь представителями коммунистических организаций и коммунистических партий разных народов Востока. Я должен сказать, что если русским большевикам удалось пробить брешь в старом империализме, взять на себя необычайно трудную, но и необычайно благородную задачу создания новых путей революции,

то вам, представителям трудящихся масс Востока, предстоит еще более великая и еще более новая задача. Выясняется вполне, что социалистическая революция, которая надвигается для всего мира, никоим образом не будет состоять только в победе пролетариата в каждой стране над своей буржуазией. Это было бы возможно, если бы революции происходили легко и быстро. Мы знаем, что империалисты этого не допустят, что все страны вооружены против своего внутреннего большевизма и думают только о том, как победить большевизм у себя дома. Поэтому в каждой стране нарождается гражданская война, к участию в которой на стороне буржуазии привлечены старые социалисты-соглашатели. Таким образом, социалистическая революция не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии, — нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма. В программе нашей партии, которая была принята в марте прошлого года, мы, характеризуя приближение всемирной социальной революции, говорили, что гражданская война трудящихся против империалистов и эксплуататоров во всех передовых странах начинает соединяться с национальной войной против международного империализма. Это подтверждается ходом революции и будет все больше подтверждаться. То же будет и на Востоке.

Мы знаем, что здесь поднимутся, как самостоятельные участники, как творцы новой жизни, народные массы Востока, потому что сотни миллионов этого населения принадлежат к зависимым, неполноправным нациям, которые до сих пор были объектом международной политики империализма, которые для капиталистической культуры и цивилизации существовали только, как материал для удобрения. И когда говорят о раздаче мандатов на колонии, мы прекрасно знаем, что это — раздача мандатов на расхищение, грабеж, что это — раздача прав ничтожной части населения земли на эксплуатацию большинства населения земного шара. Это большинство, которое до сих пор стояло совершенно вне исторического прогресса, потому что самостоятельной революционной силы представлять не могло, перестало, мы знаем, в начале XX столетия играть такую пассивную роль. Мы знаем, что после 1905 г. последовали революции в Турции, Персии, Китае, что в Индии развилось революционное движение. Империалистическая война также способствовала росту революционного движения, потому что пришлось втягивать целые полки колониальных народов в борьбу империалистов Европы. Империалистическая война разбудила и Восток, втянула его народы в международную политику. Англия и Франция вооружали колониальные народы

и помогали им познакомиться с военной техникой и усовершенствованными машинами. Этой наукой они воспользуются против господ империалистов. За периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения. Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества.

Вот почему я думаю, что вам предстоит в истории развития мировой революции, которая будет, судя по началу, продолжаться много лет и потребует много трудов, — вам предстоит в революционной борьбе, в революционном движении сыграть большую роль и слиться в этой борьбе с нашей борьбой против международного империализма. Ваше участие в международной революции поставит вас перед сложной и трудной задачей, разрешение которой будет служить основанием общего успеха, потому что здесь впервые большинство населения приходит в самостоятельное движение и будет активным фактором в борьбе за свержение международного империализма.

Большинство народов Востока находится в худшем положении, чем самая отсталая в Европе страна — Россия, но нам удалось соединить в борьбе против остатков феодализма и капитализма русских крестьян и рабочих, и наша борьба так легко прошла потому, что против капитала и феодализма соединились крестьяне и рабочие. Здесь связь с народами Востока особенно важна, потому что большинство народов Востока являются типичными представителями трудовой массы, — не рабочими, прошедшими школу капиталистических фабрик и заводов, а типичными представителями трудящейся, эксплуатируемой массы крестьян, которые страдают от средневекового гнета. Русская революция показала, как победившие капитализм пролетарии, сплотившись с многомиллионной распыленной крестьянской массой трудящихся, победоносно восстали против средневекового гнета. Теперь нашей Советской республике предстоит сгруппировать вокруг себя все просыпающиеся народы Востока, чтобы вместе с ними вести борьбу против международного империализма.

Здесь перед вами стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира: опираясь на общекоммунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков. Это трудная и своеобразная задача, но она особенно благодарна, потому что в борьбу втягивается та масса, которая

еще не участвовала в борьбе, а с другой стороны, благодаря организации коммунистических ячеек на Востоке, вы получаете возможность осуществить теснейшую связь с III Интернационалом. Вы должны найти своеобразные формы этого союза передовых пролетариев всего мира с живущими часто в средневековых условиях трудящимися и эксплуатируемыми массами Востока. В маленьких размерах мы осуществили в нашей стране то, что в большом размере, в больших странах осуществите вы. И эту вторую задачу, я надеюсь, вы выполните с успехом. Благодаря коммунистическим организациям на Востоке, представителями которых вы здесь являетесь, у вас имеется связь с передовым революционным пролетариатом. Перед вами стоит задача, чтобы и дальше заботиться о том, чтобы внутри каждой страны, на понятном для народа языке велась коммунистическая пропаганда.

Само собой понятно, что окончательно может победить только пролетариат всех передовых стран мира, и мы, русские, начинаем то дело, которое закрепит английский, французский или немецкий пролетариат; но мы видим, что они не победят без помощи трудящихся масс всех угнетенных колониальных народов, и в первую голову народов Востока. Мы должны себе дать отчет в том, что один авангард не может осуществить перехода к коммунизму. Задача в том, чтобы пробудить революционную активность к самодеятельности и организации трудящихся масс, независимо от того, на каком уровне они стоят, перевести истинное коммунистическое учение, которое предназначено для коммунистов более передовых стран, на язык каждого народа, осуществлять практические задачи, которые нужно осуществить немедленно, и слиться в общей борьбе с пролетариями других стран.

Вот те задачи, решения которых вы не найдете ни в одной коммунистической книжке, но решение которых вы найдете в общей борьбе, которую начала Россия. Вам придется эту задачу поставить и решать ее самостоятельным опытом. В этом вам поможет, с одной стороны, тесный союз с авангардом всех трудящихся других стран, а с другой — уменье подойти к народам Востока, которых вы здесь представляете. Вам придется базироваться на том буржуазном национализме, который пробуждается у этих народов, и не может не пробуждаться, и который имеет историческое оправдание. Вместе с тем вы должны проложить дорогу к трудящимся и эксплуатируемым массам каждой страны и сказать на понятном для них языке, что единственной надеждой на освобождение является победа международной революции, и что международный пролетариат является единственным союзником всех трудящихся и эксплуатируемых сотен миллионов народов Востока.

Вот задача необычайного размаха, которая стоит перед вами и которая, благодаря эпохе революции и росту революционного движения — в этом нельзя сомневаться — общими усилиями коммунистических организаций Востока будет успешно разрешена и доведена до полной победы над международным империализмом.

«Известия ЦК РКП(б)» № 9, 20 декабря 1919 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 30, стр. 130—141.

VII ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ[143]

5—9 ДЕКАБРЯ 1919 г.

ИЗ ДОКЛАДА ВЦИК И СОВНАРКОМА
5 ДЕКАБРЯ

(Аплодисменты, делегаты съезда встают с мест и приветствуют Ленина.) Товарищи! Мне предстоит дать вам политический доклад, по решению президиума соединенный из доклада ВЦИК и доклада Совнаркома. Я надеюсь, что вы не ждете от меня перечисления тех законов и административных мероприятий, которые мы провели за отчетный год. Нет сомнения, что с этим вы ознакомились по газетам. Кроме того, почти все наши комиссариаты издали коротенькие брошюрки, которые раздаются всем делегатам съезда и отмечают главное, сделанное каждым комиссариатом за отчетный период. Я бы хотел остановить ваше внимание на некоторых сводных результатах, которые на мой взгляд могут быть выведены из пережитого нами и могут послужить полезным указанием и материалом для той работы, которой все товарищи-делегаты будут теперь заняты на местах.

Прежде всего, когда говоришь о политических результатах нашей деятельности и о политических уроках из нее, на первое место ставится само собою международное положение Советской республики. Мы всегда говорили и перед Октябрем и во время Октябрьской революции, что рассматриваем себя и можем рассматривать только как один из отрядов международной армии пролетариата, причем такой отряд, который выдвинулся вперед вовсе не в меру своего развития и своей подготовки, а в меру исключительных условий России, и что поэтому считать окончательной победу социалистической революции можно лишь тогда, когда она станет победой пролетариата, по крайней мере, в нескольких передовых странах. И вот в этом отношении нам пришлось пережить больше всего трудностей.

Наша, если можно так выразиться, ставка на международную революцию подтвердилась всемерным образом, если смотреть в общем и целом. Но с точки зрения быстроты развития мы пережили время особенно тяжелое, мы испытали на себе, что развитие революции в более передовых странах оказалось

гораздо более медленным, гораздо более трудным, гораздо более сложным. Это не может нас удивлять, потому что — естественное дело — для такой страны, как Россия, было гораздо легче начать социалистическую революцию, чем для передовых стран. Но, во всяком случае, это более медленное, более сложное, более зигзагообразное развитие социалистической революции в Западной Европе возложило на нас невероятнейшие трудности. И прежде всего задаешь себе вопрос, как могло совершиться такое чудо, что два года продержалась в отсталой, разоренной и уставшей от войны стране Советская власть, несмотря на упорную борьбу сначала германского империализма, который считался тогда всесильным, а затем империализма Антанты, который год тому назад разделался с Германией, не знал себе соперников и владычествовал над всеми странами земли, без малейшего изъятия? С точки зрения простого учета сил, с точки зрения военного взвешивания сил, это действительно чудо, потому что Антанта была и остается неизмеримо более могущественной, чем мы. И тем не менее отчетный год знаменателен больше всего как раз тем, что мы одержали гигантскую победу, — настолько большую победу, что, пожалуй, не преувеличивая, можно сказать, что *главные трудности уже позади*. Как еще ни велики предстоящие нам опасности и трудности, все же главное, повидимому, осталось позади. Нужно уяснить себе причины этого и, главное, правильно определить свою политику в дальнейшем, ибо будущее почти наверное нам принесет не раз еще попытки Антанты повторить свое вмешательство, и, может быть, появится снова прежний разбойничий союз международных и русских капиталистов для восстановления власти помещиков и капиталистов, для свержения Советской власти в России, одним словом, преследующий ту же цель — затушить тот очаг всемирного социалистического пожара, которым сделалась Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Рассматривая с этой точки зрения историю вмешательства Антанты и полученный нами политический урок, я скажу, что эта история разделяется на три главных этапа, из которых каждый дает нам один за другим глубокую и прочную победу.

Первым этапом, естественно более доступным и более легким для Антанты, была ее попытка разделаться с Советской Россией при помощи своих собственных войск. Конечно, после того, как Антанта победила Германию, она имела миллионные армии, еще не заявлявшие прямо о мире и не сразу пришедшие в себя от того пугала германского империализма, которым их пугали во всех западных странах. Конечно, в такое время с точки зрения военной, с точки зрения внешней политики

для Антанты ничего не стоило взять одну десятую долю своих армий и направить в Россию. Заметьте, что в ее руках было полное господство над морем, полное господство над флотом. Доставка войск и снабжение всегда были всецело в ее руках. Если бы в то время Антанта, ненавидя нас так, как только может ненавидеть социалистическую революцию буржуазия, — если бы она смогла сколько-нибудь успешно хотя бы десятую долю своих армий бросить против нас, — нет ни малейшего сомнения, что судьба Советской России была бы решена и ее постигла бы участь Венгрии.

Почему это не удалось Антанте? Она высадила войска в Мурманске. Поход на Сибирь был предпринят при помощи войск Антанты, и японские войска держат до сих пор отдаленный кусок Восточной Сибири, а во всей Западной Сибири были, хотя по числу и небольшие, но были отряды войск всех государств Антанты. Затем французские войска были высажены на юге России. Это — первый этап международного вмешательства в наши дела, первая попытка, так сказать, задушить Советскую власть войсками, которые Антанта взяла у себя, т. е. рабочими и крестьянами более передовых стран, причем они были снабжены великолепно, и вообще в смысле технических и материальных условий кампании не было ничего, чего бы Антанта не была в состоянии удовлетворить. Перед нею не было никаких препятствий. Чем же объяснить, что эта попытка потерпела неудачу? Она кончилась тем, что Антанте пришлось убрать из России войска, потому что войска Антанты оказались неспособными вести борьбу против революционной Советской России. Это всегда, товарищи, составляло для нас главный и основной аргумент. С самого начала революции мы говорили, что мы представляем из себя партию интернационального пролетариата, и, как бы ни велики были трудности революции, придет время, — и в самый решительный момент скажется сочувствие, солидарность рабочих, угнетенных международным империализмом. Нас за это обвиняли в утопизме. Но опыт нам показал, что если не всегда и не на все выступления пролетариата можно рассчитывать, то можно сказать, что за эти два года всемирной истории мы оказались тысячу раз правы. Попытка англичан и французов своими войсками задушить Советскую Россию, попытка, которая обещала им наверняка самый легкий успех в кратчайшее время, — эта попытка кончилась крахом: английские войска ушли из Архангельска, французские войска, высадившиеся на юге, все были увезены на родину. И мы знаем теперь, — несмотря на блокаду, на окружающее нас кольцо, до нас все-таки доходят известия из Западной Европы, мы получаем хотя бы разрозненные номера английских и французских га-

зет, из которых узнаем, что письма английских солдат из Архангельской области все-таки в Англию попадали и там печатались. Мы знаем, что имя француженки, тов. Жанны Лябурб, которая поехала работать в коммунистическом духе среди французских рабочих и солдат и была расстреляна в Одессе, — это имя стало известно всему французскому пролетариату и стало лозунгом борьбы, стало тем именем, вокруг которого все французские рабочие, без различия казавшихся столь трудно преодолимыми фракционных течений синдикализма, — все объединились для выступления против международного империализма. То, что писал однажды т. Радек, — который, к счастью, как сегодня сообщают, освобожден Германией и которого мы, быть может, скоро увидим, — что горящая революционным пожаром почва России окажется недоступной для войск Антанты, то, что казалось простым увлечением публициста, оказалось фактом, в точности осуществившимся на деле. Действительно, на нашей почве, несмотря на всю нашу отсталость, несмотря на всю тяжесть нашей борьбы, рабочие и крестьяне Англии и Франции оказались не в состоянии бороться против нас. Результат получился в нашу пользу. Первый раз, когда попробовали двинуть против нас массовые военные силы, — а без них победить нельзя, — это привело, благодаря правильному классовому инстинкту, только к тому, что французские и английские солдаты привезли из России ту самую язву большевизма, против которой выступали немецкие империалисты, когда высылали из Берлина наших послов [144]. Они думали этим забаррикадироваться от язвы большевизма, теперь целиком охватившей всю Германию усилением рабочего движения. Эта победа, которую мы одержали, вынудив убрать английские и французские войска, была самой главной победой, которую мы одержали над Антантой. Мы у нее отняли ее солдат. Мы на ее бесконечное военное и техническое превосходство ответили тем, что отняли это превосходство солидарностью трудящихся против империалистических правительств.

И тут обнаружилось, как поверхностно, как неясно суждение об этих якобы демократических странах по тем признакам, по которым о них судить принято. В парламентах у них прочное буржуазное большинство. Это они называют «демократией». Что капитал господствует и давит все, прибегает до сих пор к военной цензуре, это они называют «демократией». Среди миллионов номеров газет и журналов у них едва найдется ничтожная доля, где бы было сказано что-нибудь, хотя бы даже косноязычно, в пользу большевиков. Они поэтому говорят: «Мы защищены от большевиков, у нас господствует порядок», который они называют «демократией». Как же могло

случиться, что небольшая часть английских солдат и французских матросов могла заставить убрать войска Антанты из России? Что-то тут не так. Значит, народные массы за нас, даже в Англии, Франции и Америке; значит, все эти верхушки есть обман, как это всегда утверждали социалисты, не желавшие изменять социализму; значит, буржуазный парламентаризм, буржуазная демократия, буржуазная свобода печати есть только свобода для капиталистов, свобода подкупать общественное мнение, давить на него всей силой денег. Вот что говорили всегда социалисты, пока империалистская война не развела их по национальным лагерям и не превратила каждую национальную группу социалистов в лакеев своей буржуазии. Это говорили социалисты до войны, это всегда говорили интернационалисты и большевики во время войны, — все это оказалось полностью правдой. Все эти верхушки, вся эта показная сторона, это — обман, который становится массам все более и более очевидным. Они все кричат о демократизме, но ни в одном парламенте мира они не посмели сказать, что объявляют войну Советской России. Поэтому в целом ряде изданий французских, английских, американских, которые появились у нас, мы читаем предложение: «Предать суду главы государств за то, что они нарушили конституцию, за то, что ведут войну с Россией без объявления войны». Когда, где, какой параграф конституции, какой парламент ее разрешил? Где они собрали представителей, хотя бы засадив предварительно в тюрьму всех большевиков и большевиствующих, как выражается французская печать? Даже при этих условиях они не смогли сказать в своих парламентах, что они воюют с Россией. Вот что было причиной того, что великолепно вооруженные, никогда не знавшие поражений войска Англии и Франции не смогли разбить нас и ушли с Архангельского севера и с юга.

Это — наша первая и основная победа, потому что это не только военная и даже вовсе не военная победа, а победа на деле той международной солидарности трудящихся, во имя которой мы всю революцию начинали, указывая на которую мы говорили, что, как бы много ни пришлось нам испытать, все эти жертвы сторицей окупятся развитием международной революции, которая неизбежна. Это проявилось в том, что в таком деле, где больше всего играют роль самые грубые и материальные факторы, в военном деле, мы победили Антанту тем, что отняли у нее рабочих и крестьян, одетых в солдатские мундиры.

После этой первой победы наступила вторая эпоха вмешательства Антанты в наши дела. Во главе каждой нации стоит группа политиков, у которых имеется великолепный опыт, и

потому они, проиграв эту ставку, поставили ставку на другое, пользуясь своим господством над всем миром. Нет ни одной страны, не осталось теперь ни одного куска земного шара, где бы фактически не господствовал полностью английский, французский и американский финансовый капитал. На этом была основана новая попытка, которую они сделали — заставить те маленькие государства, которые окружают Россию и из которых многие освободились и получили возможность объявить себя независимыми только во время войны — Польша, Эстляндия, Финляндия, Грузия, Украина и др., — попытаться заставить эти маленькие государства воевать против России на английские, французские и американские деньги.

Вы, может быть, помните, товарищи, как наши газеты обошло известие про речь известного английского министра Черчилля, который сказал, что на Россию будут наступать 14 государств и что к сентябрю падет Петроград, а к декабрю — Москва. Я слышал, что Черчилль потом опровергал это известие, но оно было взято из шведской газеты «Фолькетс Дагбляд Политикен» * от 25 августа. Но если бы даже этот источник оказался неправильным, мы прекрасно знаем, что дела Черчилля и английских империалистов были именно таковы. Мы прекрасно знаем, что на Финляндию, Эстляндию и другие мелкие страны оказывались все меры воздействия для того, чтобы они воевали против Советской России. Мне пришлось прочитать одну передовицу английской газеты «Таймс» **, — самой влиятельной буржуазной газеты в Англии, — передовицу, написанную в то время, когда войска Юденича, заведомо снабженные, экипированные и подвезенные на судах Антанты, стояли в нескольких верстах от Петрограда и Детское Село было взято. Статья представляла из себя настоящий поход, где все силы давления были использованы — давления военного, дипломатического, исторического. Английский капитал обрушивался на Финляндию и ставил ей ультиматум: «Весь мир смотрит на Финляндию, — говорили английские капиталисты, — вся судьба Финляндии зависит от того, поймет ли она свое назначение, поможет ли она подавить грязную, мутную, кровавую волну большевизма и освободить Россию». И за это «великое и нравственное» дело, за это «благородное, культурное» дело обещали Финляндии столько-то миллионов фунтов, такой-то кусок земли и такие-то блага. И какой получился результат? Было время, когда войска Юденича стояли в нескольких верстах от Петрограда, а Деникин стоял к северу от Орла, когда малейшая помощь им быстро

---

* — «Народный Политический Ежедневник». *Ред.*

** — «Времена». *Ред.*

решила бы судьбу Петрограда в пользу наших врагов, в кратчайший срок и с ничтожными жертвами.

Все давление Антанты обрушилось на Финляндию, а Финляндия у ней в долгу, как в шелку. И не только в долгу: она не может без помощи этих стран прожить месяца. Как же произошло такое «чудо», что мы выиграли тяжбу с таким противником? А мы ее выиграли. Финляндия в войну не вошла, и Юденич оказался разбитым, и Деникин оказался разбитым в такой момент, когда их совместная борьба самым верным, самым быстрым образом привела бы к решению всей борьбы в пользу международного капитализма. Мы выиграли тяжбу с международным империализмом в этом самом серьезном, отчаянном испытании. Как же мы ее выиграли? Как могло быть такое «чудо»? Оно было потому, что Антанта ставила ставку, какую ставят все капиталистические государства, действующие исключительно и всецело обманом, давлением, и потому она каждым своим действием возбуждала против себя такое противодействие, что получалась выгода для нас. Мы стояли слабо вооруженными, измученными и говорили финляндским рабочим, которых задавила финляндская буржуазия: «Вы не должны воевать против нас». Антанта стояла во всей силе своего вооружения, своего внешнего могущества, всех своих продовольственных благ, которые она могла дать этим странам, и требовала, чтобы они боролись против нас. Мы выиграли эту тяжбу. Мы выиграли потому, что у Антанты своих войск, которые она могла бы бросить против нас, уже не было, она должна была действовать силами маленьких народов, а маленькие народы, не только рабочие и крестьяне, но даже порядочная часть буржуазии, раздавившей рабочий класс, в конце концов не пошли против нас.

Когда империалисты Антанты говорили о демократии и независимости, эти народы имели дерзость, с точки зрения Антанты, а с нашей точки зрения — глупость, брать эти обещания всерьез и понимать независимость так, что это действительно независимость, а не средство для обогащения английских и французских капиталистов. Они думали, что демократия — это значит жить свободными, а не значит, что все американские миллиардеры могут грабить их страну и всякий дворянчик-офицер может держать себя, как хам, и превращаться в наглого спекулянта, который из-за нескольких сот процентов прибыли идет на самые грязные дела. Вот чем мы победили! Антанта, давя на эти маленькие страны, на каждую из этих 14 стран, встречала противодействие. Финская буржуазия, которая подавила белым террором десятки тысяч финских рабочих и знает, что это ей не забудется, что нет уже того немецкого штыка, который давал ей возможность это сделать, — эта

финская буржуазия ненавидит большевиков всеми силами, какими может ненавидеть хищник рабочих, которые его скинули. Тем не менее эта финская буржуазия говорила себе: «Если нам пойти по указаниям Антанты — значит, безусловно потерять всякие надежды на независимость». А эту независимость им дали большевики в ноябре 1917 года, когда в Финляндии было буржуазное правительство. Таким образом, мнение широких кругов финляндской буржуазии оказалось колеблющимся. Мы выиграли тяжбу с Антантой, потому что она рассчитывала на мелкие нации и вместе с тем от себя их оттолкнула.

На этом опыте в громадном, всемирно-историческом масштабе подтверждается то, что мы всегда говорили. Есть две силы на земле, которые могут определить судьбы человечества. Одна сила — международный капитализм, и раз он победит, он проявит эту силу бесконечными зверствами — это видно из истории развития каждой маленькой нации. Другая сила — международный пролетариат, который борется за социалистическую революцию посредством диктатуры пролетариата, которую он называет демократией рабочих. Нам не верили ни колеблющиеся элементы у нас в России, ни буржуазия мелких стран, объявляя нас утопистами или разбойниками, а то еще хуже, ибо нет того нелепого и чудовищного обвинения, которое против нас не возводили бы. Но когда стал ребром вопрос: идти ли с Антантой, помогать ли ей душить большевиков, или помочь большевикам своим нейтралитетом, — оказалось, что мы выиграли тяжбу и получили нейтралитет. Хотя у нас не было никаких договоров, а у Англии, Франции и Америки были всякие векселя, всякие договоры, — все-таки маленькие страны поступили так, как хотели мы, не потому, что буржуазии польской, финляндской, литовской, латышской доставляло удовольствие вести свою политику ради прекрасных глаз большевиков, — это, конечно, чепуха, — а потому, что мы были правы в своем определении всемирно-исторических сил: что либо зверский капитал победит и, будь какая угодно демократическая республика, он будет душить все малые народы мира; либо победит диктатура пролетариата, — и только в этом надежда всех трудящихся и всех малых, забитых, слабых народов. Оказалось, что мы были правы не только в теории, а и в практике мировой политики. Когда у нас завязалась эта тяжба из-за войск Финляндии, Эстляндии, мы эту тяжбу выиграли, хотя они могли задавить нас ничтожными силами. Несмотря на то, что Антанта всю громадную силу и своего финансового давления, и военной мощи, и доставки продовольствия, — все бросила на чашку весов, чтобы заставить Финляндию выступить, — все же мы эту тяжбу выиграли.

Это, товарищи, второй этап международного вмешательства, это наша вторая всемирно-историческая победа. Во-первых, мы отвоевали у Англии, Франции и Америки их рабочих и крестьян. Эти войска не смогли против нас бороться. Во-вторых, мы отвоевали у них эти малые страны, которые все против нас, в которых везде господствует не Советская, а буржуазная власть. Они осуществили по отношению к нам дружественный нейтралитет и пошли против всемирно-могущественной Антанты, ибо Антанта была хищником, который хотел их давить.

Тут произошло в международном масштабе то же, что произошло с сибирским крестьянином, который верил в Учредительное собрание, помогал эсерам и меньшевикам соединиться с Колчаком и бить нас. Когда он испытал, что Колчак — это представитель диктатуры самой эксплуататорской, хищнической диктатуры помещиков и капиталистов, хуже царской, тогда он организовал тот громадный ряд восстаний в Сибири, о которых мы получили точные донесения от товарищей и которые теперь обеспечивают нам полный возврат Сибири, — на этот раз сознательный. То, что было с сибирским мужичком, при всей его неразвитости и политической темноте, то же самое произошло теперь в масштабе более широком, в масштабе всемирно-историческом, со всеми маленькими нациями. Они ненавидели большевиков, некоторые из них кровавой рукой, бешеным белым террором подавляли большевиков, а когда увидели «освободителей», английских офицеров, то поняли, что значит английская и американская «демократия». Когда представители английской и американской буржуазии появились в Финляндии, в Эстляндии, они начали душить с наглостью большей, чем русские империалисты, — большей потому, что русские империалисты были представителями старого времени и душить, как следует, не умели, а эти люди душить умеют и душат до конца.

Вот почему эта победа во втором этапе гораздо более прочна, чем сейчас кажется. Я вовсе не преувеличиваю и считаю преувеличения чрезвычайно опасными. Я нисколько не сомневаюсь, что со стороны Антанты будут еще попытки натравливать на нас то одно, то другое маленькое государство, которое живет с нами по соседству. Эти попытки будут, потому что маленькие государства целиком зависят от Антанты, потому что все эти речи о свободе, независимости и демократии — одно лицемерие, и Антанта может заставить их еще раз поднять руку против нас. Но если эта попытка сорвалась в такой удобный момент, когда так легко было вести борьбу против нас, то, мне кажется, можно сказать определенно: в этом отношении, несомненно, главная трудность осталась позади. Мы

имеем право это сказать без малейшего преувеличения и с полным сознанием того, что гигантский перевес сил на стороне Антанты. Мы победили прочно. Попытки будут, но их мы победим легче, потому что малые государства при всем их буржуазном строе убедились на опыте, не теоретически, — для теории эти господа не годятся, — что Антанта есть зверь более наглый и хищный, чем кажутся им большевики, которыми пугают детей и культурных мещан во всей Европе.

Но наши победы не ограничились этим. Во-первых, мы отвоевали у Антанты ее рабочих и крестьян, во-вторых, приобрели нейтралитет тех маленьких народов, которые являются ее рабами, а в-третьих, мы начали отвоевывать у Антанты в ее собственных странах мелкую буржуазию и образованное мещанство, которые были целиком против нас. Чтобы доказать это, я позволю себе сослаться на газету «Юманите» * от 26-го октября, которая у меня в руках. Эта газета, которая принадлежала всегда ко II Интернационалу, была бешено шовинистической во время войны, стояла на точке зрения таких социалистов, как наши меньшевики и правые эсеры, и посейчас играет роль примирителя, — она заявляет, что убедилась в изменении настроения рабочих. Она увидела это не в Одессе, а на улицах и собраниях Парижа, когда рабочие не давали говорить тому, кто смел сказать слово против большевистской России. И как политики, научившиеся кое-чему в течение нескольких революций, как люди, знающие, что представляют собой народные массы, они не смеют пикнуть за вмешательство и все высказываются против. Но этого мало. Мало того, что это заявляют социалисты (они называют себя социалистами, хотя мы давно знаем, какие они социалисты), в том же номере «Юманите» от 26-го октября, который я цитировал, помещено заявление целого ряда представителей французской интеллигенции, французского общественного мнения. В этом заявлении, которое начинается подписью Анатоля Франса, где есть подпись Фердинанда Бюиссона, я насчитал 71 фамилию представителей буржуазной интеллигенции, известных всей Франции, которые говорят, что они против вмешательства в дела России, потому что блокада, применение голодной смерти, от которой гибнут дети и старики, не может быть допустима с точки зрения культуры и цивилизации, что они этого снести не могут. А известный французский историк Олар, насквозь стоящий на буржуазной точке зрения, в своем письме говорит: «Я, как француз, — враг большевиков, как француз, я — сторонник демократии, меня смешно заподозрить в противном, но когда я читаю, что Франция приглашает Германию принять

* — «Человечество». *Ред.*

участие в блокаде России, когда я читаю, что Франция с этим предложением обращается к Германии, — тогда я ощущаю краску стыда на лице». Это, может быть, просто словесное выражение чувств со стороны представителя интеллигенции, но можно сказать, что это — третья победа, которую мы одержали над империалистической Францией внутри нее самой. Вот о чем свидетельствует это выступление, шаткое, жалкое само по себе, выступление той интеллигенции, которая, как мы видели на десятках и сотнях примеров, может в миллионы раз больше шуметь, чем представляет собою силу, но которая отличается свойством быть хорошим барометром, давать показатель того, куда клонит мелкая буржуазия, давать показатель того, куда клонит общественное мнение, насквозь буржуазное. Если мы внутри Франции, где все буржуазные газеты, иначе как в выражениях самых лживых, не пишут о нас, достигли такого результата, то мы говорим себе: похоже на то, что во Франции начинается второе дело Дрейфуса, только много покрупнее. Тогда буржуазная интеллигенция боролась против клерикальной и военной реакции, рабочий класс не мог тогда считать это своим делом, тогда не было объективных условий, не было такого глубокого революционного настроения, как теперь. А сейчас? Если французская буржуазная интеллигенция, после недавней победы самой бешеной реакции на выборах, после того режима, который там существует теперь по отношению к большевикам, если она говорит, что ей стыдно становится от союза реакционнейшей Франции с реакционнейшей Германией с целью душить голодом рабочих и крестьян России, — то мы говорим себе: это, товарищи, третья и крупнейшая победа. И я желал бы посмотреть, как при таком положении внутри государства господа Клемансо, Ллойд-Джордж и Вильсон осуществят свой план новых покушений на Россию, о которых они мечтают. Попробуйте, господа! (Аплодисменты.)

Товарищи, я повторяю, что было бы величайшей ошибкой делать из этого выводы слишком неосторожные. Нет сомнения, что они свои попытки возобновят. Но мы совершенно уверены в том, что эти попытки, какими бы крупными силами они ни были предприняты, потерпят крах. Мы можем сказать, что та гражданская война, которую мы вели с такими бесконечными жертвами, была победной. Она оказалась победной не только в русском масштабе, но и во всемирно-историческом. Каждый из тех выводов, которые я вам сделал, я делал на основании результатов военной кампании. Вот почему, повторяю, новые попытки будут осуждены на неуспех, — потому что они стали гораздо слабее, чем были, а мы стали гораздо сильнее после нашей победы над Колчаком, над Юденичем и начинающейся и становящейся, повидимому, полной победы над Деникиным.

Разве Колчак не имел помощи этой всемирно-могущественной Антанты? Разве крестьяне Урала и Сибири, которые на выборах в Учредительное собрание дали наименьший процент большевиков, не поддержали сплошь фронт Учредительного собрания, бывший тогда фронтом меньшевиков и эсеров, — разве они не были лучшим человеческим материалом против коммунистов? Разве Сибирь не являлась страной, в которой не было помещичьего землевладения, и где мы не могли сразу помочь крестьянским массам так, как помогли всем русским крестьянам? Чего же нехватало Колчаку для победы над нами? Нехватало того, чего нехватает всем империалистам. Он оставался эксплуататором, он должен был действовать в обстановке наследства мировой войны, в той обстановке, которая позволяла о демократии и свободе только болтать, которая давала возможность иметь либо одну, либо другую диктатуру: либо диктатуру эксплуататоров, которая бешено отстаивает свои привилегии и заявляет, что должна быть уплачена дань по тем векселям, по которым они хотят драть миллиарды со всех народов, либо диктатуру рабочих, которая борется с властью капиталистов и желает твердо обеспечить власть трудящихся. Только из-за этого слетел Колчак. Вот каким способом, не подачей избирательного бюллетеня, — и это способ, конечно, недурной, при известных обстоятельствах, — а на деле сибирский и уральский крестьянин определил свою судьбу. Он был недоволен большевиками летом 1918 года. Он увидел, что большевики заставляют дать излишки хлеба не по спекулятивным ценам, и он повернул на сторону Колчака. Теперь он посмотрел, сравнил и пришел к иному выводу. Он это понял вопреки всей науке, которую ему преподавали, потому что на своей собственной шкуре он научился тому, чего из науки не хотят понять многие эсеры и меньшевики (а п л о д и с м е н т ы), что может быть только две диктатуры, что нужно выбирать либо диктатуру рабочих, — и это значит помочь всем трудящимся сбросить иго эксплуататоров, — либо диктатуру эксплуататоров. Мы крестьянина себе завоевали, мы доказали на опыте, самом тяжелом, прошедшем через неслыханные трудности, что вести за собой крестьянство мы, как представители рабочего класса, сумеем лучше, с бо́льшим успехом, чем какая бы то ни было другая партия. Другие партии любят нас обвинять в том, что мы с крестьянством ведем борьбу и не умеем заключить правильного договора, и все предлагают свои добрые, благородные услуги помирить нас с крестьянами. Благодарим покорно, господа, но мы не думаем, что вы это сделаете. А мы-то, по крайней мере, доказали давно, что это сделать сумели. Мы не рисовали крестьянину сладеньких картин, что он может выйти из капиталистического общества без железной

дисциплины и твердой власти рабочего класса, что простое собирание бюллетеней решит всемирно-исторический вопрос о борьбе с капиталом. Мы говорили прямо: диктатура — слово жестокое, тяжелое и даже кровавое, но мы говорили, что диктатура рабочих обеспечит ему свержение ига эксплуататоров, и мы оказались правы. Крестьянин, испытав на деле ту и другую диктатуру, выбрал диктатуру рабочего класса и с ней пойдет дальше до полной победы. (Аплодисменты.)

Товарищи, из того, что я сказал о наших международных победах, вытекает, — и, мне кажется, на этом не придется долго останавливаться, — что мы должны сделать с максимальной деловитостью и спокойствием повторение нашего мирного предложения. Мы должны сделать это потому, что мы делали уже такое предложение много раз. И каждый раз, когда мы делали его, в глазах всякого образованного человека, даже нашего врага, мы выигрывали, и у этого образованного человека появлялась краска стыда на лице. Так было, когда приехал сюда Буллит, когда он был принят т. Чичериным, беседовал с ним и со мной и когда мы в несколько часов заключили предварительный договор о мире. И он нас уверял (эти господа любят хвастаться), что Америка — это все, а кто же считается с Францией при силах Америки? А когда мы подписали договор, так и французский и английский министры сделали такого рода жест. (Ленин делает красноречивый жест ногой. Смех.) Буллит оказался с пустейшей бумажкой, и ему сказали: «Кто же мог ожидать, чтобы ты был так наивен, так глуп и поверил в демократизм Англии и Франции!». (Аплодисменты.) А в результате в этом самом номере я читаю полный текст договора с Буллитом по-французски, — и это напечатано во всех английских и американских газетах. В результате они сами себя выставили перед всем светом не то жуликами, не то мальчишками, — пусть выбирают! (Аплодисменты.) А все сочувствие даже мещанства, даже сколько-нибудь образованной буржуазии, вспомнившей, что и она когда-то боролась со своими царями и королями — на нашей стороне, потому что мы деловым образом самые тяжелые условия мира подписали и сказали: «Слишком дорога для нас цена крови наших рабочих и солдат; мы вам, как купцам, заплатим за мир ценой тяжкой дани; мы пойдем на тяжелую дань, лишь бы сохранить жизнь рабочих и крестьян». Поэтому я думаю, что нам нечего много разговаривать, и в конце я прочту проект резолюции, которая выразила бы от имени съезда Советов наше неуклонное желание проводить политику мира. (Аплодисменты.)

Теперь мне хотелось бы перейти от международной и военной части доклада к части политической.

Мы одержали три громадные победы над Антантой, и они далеко не были победами только военными. Они были победами, которые одерживала диктатура рабочего класса, и каждая такая победа укрепляла наше положение не только потому, что слабел и без войск оказывался наш противник, — наше международное положение укреплялось потому, что мы выигрывали в глазах всего трудящегося человечества и даже многих представителей буржуазии. И в этом отношении те победы, которые мы одержали над Колчаком, Юденичем и теперь одерживаем над Деникиным, дадут нам возможность и дальше мирным путем завоевывать сочувствие к себе в неизмеримо большем размере, чем до сих пор.

Нас всегда обвиняли в терроризме. Это ходячее обвинение, которое не сходит со страниц печати. Это обвинение в том, что мы ввели терроризм в принцип. Мы отвечаем на это: «Вы сами не верите в такую клевету». Тот же историк Олар, который написал письмо в газету «Юманите», пишет: «Я учился истории и учил ей. Когда я читаю, что у большевиков только уроды, монстры и пугала, я говорю: то же самое писали про Робеспьера и Дантона. Этим, — говорит он, — я вовсе не сравниваю с этими великими людьми нынешних русских, ничего подобного; ничего сколько-нибудь похожего в них нет. Но я, как историк, говорю: нельзя же каждому слуху верить». Когда буржуазный историк начинает говорить таким образом, мы видим, что и та ложь, которая про нас распространяется, начинает рассеиваться. Мы говорим: нам террор был навязан. Забывают о том, что терроризм был вызван нашествием всемирно-могущественной Антанты. Разве это не террор, когда всемирный флот блокирует голодную страну? Разве это не террор, когда иностранные представители, опираясь на будто бы дипломатическую неприкосновенность, организовывают белогвардейские восстания? Надо, все-таки, смотреть на вещи хоть сколько-нибудь трезво. Ведь надо же понимать, что международный империализм для подавления революции поставил все на карту, что он не останавливается ни перед чем и говорит: «За одного офицера — одного коммуниста, и мы выиграем!». И они правы. Если бы мы попробовали на эти войска, созданные международным хищничеством, озверевшие от войны, действовать словами, убеждением, воздействовать как-нибудь иначе, не террором, мы бы не продержались и двух месяцев, мы бы были глупцами. Террор навязан нам терроризмом Антанты, террором всемирно-могущественного капитализма, который душил, душит и осуждает на голодную смерть рабочих и крестьян за то, что они борются за свободу своей страны. И всякий шаг в наших победах над этой первопричиной и

причиной террора будет неизбежно и неизменно сопровождаться тем, что мы будем обходиться в своем управлении без этого средства убеждения и воздействия.

То, что мы говорим о терроризме, мы скажем и о нашем отношении ко всем колеблющимся элементам. Нас обвиняют в том, что мы создали невероятно тяжелые условия для средних людей, для буржуазной интеллигенции. Мы говорим: империалистская война была продолжением империалистской политики, поэтому она вызвала революцию. Все чувствовали во время империалистской войны, что она ведется буржуазией во имя ее хищнических интересов, что в этой войне народ гибнет, а буржуазия наживается. Это — основной мотив, которым проникнута вся ее политика во всех странах, и это ее губит и погубит до конца. А наша война есть продолжение политики революции, и каждый рабочий и крестьянин знает, а если не знает, то ощущает инстинктом и видит, что это — война, которая ведется во имя защиты от эксплуататоров, война, которая налагает больше всего жертв на рабочих и крестьян, но не останавливается ни перед чем, чтобы возложить эти жертвы и на другие классы. Мы знаем, что это для них тяжелее, чем для рабочих и крестьян, потому что они принадлежали к классу привилегированному. Но мы говорим, что когда дело идет о том, чтобы освободить от эксплуатации миллионы трудящихся, то правительство, которое остановилось бы перед возложением жертв на другие классы, было бы правительством не социалистическим, а изменническим. Если тяжести возлагались нами на средние классы, то потому, что нас поставили в неслыханно тяжелые условия правительства Антанты. И всякий шаг наших побед, — это мы видим из опыта нашей революции, я только не могу на этом детально останавливаться, — сопровождается тем, что через все колебания и многочисленные попытки вернуться назад, все большее и большее число представителей колеблющихся элементов убеждается в том, что действительно нет иного выбора, кроме как между диктатурой трудящихся и властью эксплуататоров. Если были тяжелые времена для этих элементов, то виновата в этом не большевистская власть, а виноваты белогвардейцы, виновата Антанта, и победа над ними будет действительным и прочным условием улучшения положения всех этих классов. В этом отношении, товарищи, я бы хотел, переходя к урокам политического опыта внутри страны, сказать несколько слов о том, какое значение имеет война.

Наша война является продолжением политики революции, политики свержения эксплуататоров, капиталистов и помещиков. Поэтому наша война, как она ни бесконечно тяжела, привлекает к нам симпатии рабочих и крестьян. Война есть не только продолжение политики, она есть суммирование полити-

ки, обучение политике в этой неслыханно-тяжелой войне, которую взвалили на нас помещики и капиталисты при помощи всемирно-могущественной Антанты. В этом огне рабочие и крестьяне многому научились. Рабочие научились, как использовать государственную власть и как сделать из каждого шага источник пропаганды и образования, как сделать из этой Красной Армии, в которой большинство крестьян, орудие просвещения крестьянства, как сделать Красную Армию орудием использования буржуазных специалистов. Мы знаем, что эти буржуазные специалисты в громадном большинстве против нас, — и должны быть в громадном большинстве против нас, — ибо здесь сказывается их классовая природа, и на этот счет мы никаких сомнений иметь не можем. Нам изменяли сотни и тысячи этих специалистов, а служили все более и более верно десятки и десятки тысяч, потому, что в ходе самой борьбы они привлекались на нашу сторону, потому, что тот революционный энтузиазм, который совершал чудеса в Красной Армии, пропитывал от того, что мы обслуживали и удовлетворяли интересы рабочих и крестьян. Эта обстановка массы дружно действующих рабочих и крестьян, знающих, за что они борются, делала свое дело, и все бо́льшая и бо́льшая часть людей, которые переходили к нам из другого лагеря, иногда несознательно, превращалась и превращается в наших сознательных сторонников...

*
* *

...Товарищи, позвольте в заключение огласить проект резолюции, которую я вам предлагаю:

«Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика желает жить в мире со всеми народами и направить все свои силы на внутреннее строительство, чтобы наладить производство, транспорт и общественное управление на почве советского строя, чему до сих пор мешало вмешательство Антанты и голодная блокада.

Рабоче-крестьянское правительство предлагало мир державам Антанты неоднократно, именно: 5 августа 1918 г. — обращение Народного комиссариата иностранных дел к американскому представителю г. Пулю; 24 октября 1918 г. — к президенту Вильсону; 3 ноября 1918 г. — всем правительствам Согласия через представителей нейтральных стран; 7 ноября 1918 г. — от имени VI Всероссийского съезда Советов; 23 декабря 1918 г. — нота Литвинова в Стокгольме всем представителям Антанты; затем обращения 12 января, 17 января, 4 февраля 1919 г. и проект договора с Буллитом 12 марта 1919 г.; 7 мая 1919 г. через Нансена.

Вполне одобряя все эти многократные шаги Совета Народных Комиссаров и Народного комиссариата иностранных дел, VII съезд Советов снова подтверждает свое неуклонное стремление к миру, еще раз предлагает всем державам Антанты. Англии, Франции, Соединенным Штатам Америки, Италии, Японии, всем вместе и порознь, начать немедленно переговоры о мире и поручает Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету, Совету Народных Комиссаров и Народному комиссариату иностранных дел систематически продолжать политику мира, принимая все необходимые для ее успеха меры».

Напечатано 7 декабря 1919 г. в газете «Правда» № 275

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 30, стр. 185—203, 209.

ИЗ РЕЧИ НА МИТИНГЕ, ПОСВЯЩЕННОМ ГОДОВЩИНЕ ДЕКАБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1905 ГОДА, В ПРЕСНЕНСКОМ РАЙОНЕ 19 ДЕКАБРЯ 1919 г.

...Четырехлетняя война, как мы ясно видим, велась хищниками — не только германским империализмом, но и английским и французским — с целями грабительскими. Когда германцы в 1918 году навязали нам грабительский Брест-Литовский мир, во Франции и Англии не было конца крикам осуждения этого мира, а когда в 1918 же году, год спустя, потерпела поражение Германия, когда империя пала в Германии, тогда французские и английские капиталисты навязали побежденной Германии тот Версальский мир, который теперь является образцом еще более зверских, насильственных мер, чем наш Брест-Литовский.

И теперь уже мы видим, как с каждой неделей открываются глаза сотням, тысячам и миллионам рабочих Франции, Англии и Америки, которые были обмануты, которых уверяли, что они ведут войну против германского империализма, и которые увидели, что в этой войне погибли десятки миллионов людей убитых и искалеченных. И ради чего? ради обогащения ничтожной горстки миллионеров, которые после этой войны превратились в миллиардеров, которые довели все страны до разорения.

Товарищи, мы переживаем теперь тяжелое время в смысле тех бедствий, которые обрушились на промышленных и особенно на городских рабочих. Вы знаете, как тяжело переносить это время, как сильно голодает и холодает наш рабочий класс. И мы знаем также, что не только отсталая Россия, которая четыре года терзалась войной и два года после этого тоже продолжает вести войну, которая ей навязана с помощью Англии

и Франции, — не только она оказалась разоренной, а и самые передовые и богатые страны, страны победительницы, как, например, Франция и Америка, они тоже дошли до полного разорения. Там испытывают угольный кризис, там приходится останавливать железнодорожное движение, ибо промышленность и транспорт четырехлетней войной оказались неслыханно раздавленными и разрушенными. Миллионы лучших производительных сил погибли на этой империалистической войне и в результате мы видим, что тот путь, который русский рабочий класс указал рабочим, всему миру еще в 1905 году, когда он восстал против царизма, тот путь, который продолжал русский рабочий класс, когда он свергал буржуазию, — что этот путь оказался тем путем, который привлекает к себе внимание и сочувствие рабочих всех, даже самых передовых, стран.

Я уже говорил, товарищи, что нам приходится теперь в эту зиму переносить неслыханные бедствия и тяжести. Но мы говорим себе: мы устоим до конца, потому что, несмотря на все тяжести и бедствия, лучшие представители рабочих, самые сознательные рабочие и крестьяне помогали нам, помогали, создавая Красную Армию, благодаря которой мы приходим к окончательной победе. Мы знаем, что теперь, когда окончательно разгромлены войска Колчака, когда недавно восстания в Сибири по всей видимости лишили возможности остатки колчаковской армии перебросить к Деникину, когда под Новониколаевском были захвачены громадные военные силы, — видимо, никакой колчаковской армии нет. В настоящее время на юге, где Деникин имел возможность хвастать успехами, мы видим там все более и более усиливающееся наступление нашей Красной Армии. Вы знаете, что Киев, Полтава и Харьков взяты и наше продвижение к Донецкому бассейну, источнику угля, происходит с громадной быстротой.

Таким образом, мы видим, товарищи, что все те неслыханные тяжелые бедствия, которые рабочий класс перенес ради полной победы над капиталом, что все эти жертвы пришли к тому, чтобы окупиться полностью. Мы видим, как за границей, где капиталисты до сих пор оказывали миллионами рублей и всяческими военными припасами помощь сначала Колчаку, а потом Юденичу и Деникину, мы видим, как они заколебались.

Вы знаете, что они отрезали Россию от других стран железным кольцом блокады, вы знаете, что они не пускали наших представителей за границу. Вы знаете, что тов. Литвинов, один из революционеров, который еще раньше 1905 года сражался с большевиками против царизма, вы знаете, что когда он нахо-

дился в Англии послом, то там не было ни одного рабочего собрания, где бы Литвинов не был встречен такими аплодисментами и взрывом такого протеста против своего правительства, что англичане постарались выслать тов. Литвинова. А теперь эти ненавидящие всей душой Литвинова дали ему разрешение проехать в Копенгаген и не только разрешение, а и возможность проезда (тов. Литвинов прибыл туда на английском крейсере). И мы знаем, что каждый день пребывания тов. Литвинова в Копенгагене является большей и большей победой России. К нему постоянно там обращаются представители рабочих, а также корреспонденты тысяч буржуазных газет за разъяснением, в чем состоит этот поворот. А мы знаем, что этот поворот состоит в том, что продолжать свою блокаду, помогать миллионами рублей русским контрреволюционным генералам западная буржуазия дальше не может, потому что это не позволяет ей рабочий каждой из этих богатых и передовых стран.

Может быть самым наглядным выражением того перелома, который наступил в политике европейских стран, является голосование депутатов в итальянской палате, о котором мы знаем из сообщения, переданного по радио Франции Америке и перехваченного нашей радиостанцией. Это сообщение состояло в том, что в итальянской палате обсуждался русский вопрос, и когда социалисты предложили немедленно признать Советскую республику, их предложение собрало сотню голосов, а против было двести; значит, только рабочие стояли за то, чтобы признать Советскую республику, а все представители буржуазии это отвергли. А после этого вся итальянская палата единогласно постановила, чтобы правительство Италии добивалось от союзников полного прекращения блокады и полного прекращения всякого вмешательства в русские дела. Вот решение, которое принято палатой депутатов, состоящей на две трети, если не на три четверти, из помещиков и капиталистов, которое принято в одной из стран победительниц, которое принято под давлением просто рабочего движения.

Это решение ясно показывает, что действительно перелом в международной политике надвигается, что громадные внутренние силы рабочего движения каждой страны действительно привели к тому, на что мы всегда надеялись, на что мы рабочим России указывали, ради чего — мы говорили им — стоит и должно принести тяжелые жертвы борьбы, ради чего окупятся те бедствия и мучения, которые мы переносим, терпя голод и холод. Ибо этим мы не только спасаем Советскую Россию, но и привлекаем к себе с каждой неделей борьбы сочувствие и поддержку миллионов и миллионов рабочих других

стран. И вот почему в настоящее время, когда мы вспоминаем наших павших товарищей и героев Красной Пресни, мы из этого воспоминания все выносим еще большую бодрость, твердую решимость близкой победы.

Мы, несмотря на все трудности и жертвы, дойдем сами и приведем рабочих всех стран к полной победе над капиталом. (Аплодисменты.)

Краткий отчет опубликован 20 декабря 1919 г. в газете «Известия ВЦИК» № 288

Полностью впервые опубликован в 1950 г. в 30 т. Сочинений В. И. Ленина, изд. 4

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 30, стр. 254—258.

РЕЧЬ НА БЕСПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙЦЕВ ПРЕСНЕНСКОГО РАЙОНА 24 ЯНВАРЯ 1920 г.

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

В связи с последними победами Красной Армии сильно изменилось наше международное положение, и нужно искать новые пути к решению наших интернациональных задач.

Как только создалась Советская власть, все силы международного капитала обрушились на нее, а эти силы гораздо больше сил Советской власти, и поэтому колеблющиеся могли усомниться в победе Советской власти. Но все же она победила. И стоит вдуматься в то, каким образом Советская власть победила, чтобы понять, что нужно сделать, чтобы побеждать и дальше.

Товарищ Ленин указывает, как велика победа над силами капитала, как велик разгром Колчака, заставивший союзников снять блокаду и отказаться от плана удушить Россию.

Эта наша победа над гораздо более сильным врагом показывает, что правы были большевики, а не те, которые утверждали, что мы начинаем безнадежное дело, выступая против мировой буржуазии. Хотя снятие блокады и дает нам некоторое облегчение, все же буржуазия Запада, наверное, попытается с нами еще бороться. Уже теперь, сняв блокаду, она натравливает на нас польских белогвардейцев, поэтому еще раз необходимо быть начеку, готовиться к новым нападениям и воспользоваться уроками двухлетней борьбы, воспользоваться теми средствами, которыми мы до сих пор побеждали.

Меньшевики часто указывали: пролетарии Запада не поддерживают нас, они дают нас душить, они дали задушить Венгрию. Как будто и верно. А почему же ушли антантовские войска с Севера и из Одессы? Да потому, что их солдаты, сами рабочие, чем дальше углубляются в Советскую Россию, тем более решительно отказываются воевать против нас. Значит, одна из причин нашей победы — это то, что воевать против

нас можно лишь с большой силой, а большую армию можно собрать лишь из рабочих и крестьян, но эти рабочие Запада не хотят воевать с нами. Значит, мы победили не потому, что были сильнее, а потому, что трудящиеся стран Антанты оказались ближе к нам, чем к своему собственному правительству.

Вторая причина победы — неудача «похода 14-ти государств». Это значит, что маленькие государства не могут объединиться для борьбы с большевиками, так как они боятся, что в случае их собственной победы и одновременной победы деникинщины восстановится Русская империя, которая снова не будет давать жить мелким народам. И мы заключаем мир с Эстонией, что уже дает нам фактический прорыв блокады, даже если формальное снятие блокады — один лишь обман.

Большие державы Антанты не могут объединиться для борьбы с Советской властью, так как слишком враждуют друг с другом. Германия тайт мысль о мести Франции за грабительский Версальский мир. Франция натравливает Польшу на нас, а Англия разрешает Эстонии мириться, лишь бы эта Эстония торговала с Англией. Япония, имеющая в Сибири более сильную, чем наша, армию, не может с нами бороться, боясь нападения Америки, с которой враждует из-за колониальных интересов империализма в Китае. Значит, вторая причина нашей победы — это то, что рабочие солидарны, а буржуа, поскольку они остаются буржуями, не могут не грызться и не воевать друг с другом из-за лишнего куска прибыли.

И таким образом, мы вышли победителями из первых двух лет гражданской войны, которые были самыми трудными годами, так как мы были разорены империалистической войной, от нас были отрезаны хлеб и уголь. Но теперь у нас хлеба и топлива в избытке. В Сибири по одной разверстке — хлеба 21 миллион пудов. Правда, мы не можем его сразу вывезти, но ведь транспорт разрушен во всей Европе, а у нас сознательно разрушали белогвардейцы. Они взорвали все мосты через Днепр, кроме киевского, а этим объясняется как задержка военных операций, так и задержка подвоза хлеба. У нас есть гурьевская нефть, мы ее подвезем, когда оттают берега Каспийского моря. Мы все это учитываем и готовимся ее подвезти. Ради восстановления транспорта мы создаем трудовые армии, одна из которых уже приступила к постройке дороги Александров-Гай — Гурьев для подвоза нефти. Мы не можем демобилизовать армию, потому что у нас есть еще враги, как Польша. Демобилизации мешает и разруха транспорта. Поэтому мы употребим армию для восстановления транспорта.

Во всех своих листках белогвардейцы пишут, что у большевиков прекрасная агитация, что они не жалеют денег на агита-

цию. Но ведь народ слышал всякую агитацию — и белогвардейскую, и учредиловскую. Смешно думать, что он пошел за большевиками, потому что их агитация была более искусна. Нет, дело в том, что агитация их была правдива.

Самые действия Деникина и Колчака агитировали против них, агитировали за Советскую власть. Поэтому-то мы и победили. Мы легко сбросили царя в несколько часов. Помещиков и капиталистов мы сбросили в несколько недель. И это только полработы. Нужно научиться работать по-новому. Прежде организовывал труд эксплуататор, прежде объединял труд голод, теперь труд должно объединять сознание рабочих и крестьян, что нужно трудиться ради выхода из тяжелого положения.

Но это сознание есть еще не у всех. И мы начинаем новую бескровную борьбу за эту сознательность. До сих пор все революции кончались выгодой для кучки капиталистов и эксплуататоров. Это потому, что у восставших трудящихся не было сознания солидарности. Каждый думал лишь о себе, все боролись друг с другом, и выплывали наверх мошенники и спекулянты.

Вот есть крестьянин, который имеет хлеб, а рядом голодный, и он предпочитает продать хлеб голодному за 1 000 руб., чем дать этот хлеб в долг рабочей власти. Тут даже кто-то говорит: «Правильно!». Вот и Деникин и Колчак пробовали свободную торговлю, но лучшие, сознательные рабочие и крестьяне увидели на деле, что это такое, и отвернулись от них.

Прежде говорили: «Каждый за себя, а бог за всех», и сколько горя из этого вышло.

Мы скажем: «Каждый за всех, а без бога мы как-нибудь обойдемся». И мы будем бороться за братский союз рабочих и крестьян, сдающих хлеб в долг государству, — в долг потому, что взамен пока ничего не можем дать, и цветные бумаги — не деньги. До сих пор нам приходилось бороться лишь за то, чтобы враг нас не задушил, теперь же, когда гораздо более сильный враг разбит, руки у нас свободны, и мы должны взяться за дело строительства новой жизни и, в первую очередь, восстановить транспорт.

У нас на юге есть завоеванные Красной Армией мастерские в местах, где близок хлеб, так пустим же эти мастерские полным ходом, в три смены, а не как работают голодные люди.

На восстановление транспорта мы должны обратить всю силу нашей коммунистической агитации, с помощью которой мы победили внешнего врага.

Когда-то мы делали «блестящую» внешнюю торговлю, вывозили 700 миллионов пудов хлеба. На этом наживались русские и заграничные миллионеры, а русские рабочие и крестьяне голодали. Теперь же мы должны убедить всех, что единст-

венное спасение: «все за всех!». Мы должны, чего бы это ни стоило, уничтожить свободную торговлю и спекуляцию, которые дают хлеб лишь кучке, а остальным голод. Мы должны убедить крестьян, — и они нам поверят, так как «блага» свободной спекуляции нам продемонстрировал Деникин, — они поймут, что единственное спасение — дать хлеб в долг рабочему и ремесленнику, и те им отдадут этот долг не цветными бумажками, а изделиями и мануфактурой.

Мы начали великую войну, которую мы нескоро окончим: это — бескровная борьба трудовых армий против голода, холода и сыпняка, — за просвещенную, светлую, сытую и здоровую Россию, но мы кончим эту войну такой же решительной победой, какой окончили и борьбу против белогвардейцев.

На вопрос об условиях мира с Эстонией товарищ Ленин ответил, что мы сделали много уступок, главной из которых является уступка спорной территории, заселенной смешанным — русским и эстонским — населением. Но мы не хотим проливать крови рабочих и красноармейцев ради куска земли, тем более, что уступка эта делается не навеки: Эстония переживает период керенщины, рабочие начинают узнавать подлость своих учредиловских вождей, разграбивших профессиональные союзы и убивших 20 коммунистов, они скоро свергнут эту власть и создадут Советскую Эстонию, которая заключит с нами новый мир.

«Правда» № 18, 28 января 1920 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 30, стр. 278—281.

ИЗ ДОКЛАДА О РАБОТЕ ВЦИК И СОВНАРКОМА НА ПЕРВОЙ СЕССИИ ВЦИК VII СОЗЫВА [145] 2 ФЕВРАЛЯ 1920 г.

Товарищи, мой отчет о деятельности Совнаркома и ВЦИК, функции которого в промежутке между заседаниями исполнял Президиум ВЦИК, естественно распадается на два основных подотдела: во-первых, — о политике международной, о международном положении Советской республики и, во-вторых, — о внутреннем строительстве и основных хозяйственных задачах. Позвольте мне в этом порядке и изложить главные факты нашей работы за отчетное время, т. е. за последние два месяца.

Что касается международного положения Советской республики, то основным фактом, определяющим это положение, явились успехи Красной Армии. Вы знаете о том, что последние остатки армии Колчака почти уничтожены на Дальнем Востоке, причем между Японией и Америкой, формально находящимися между собою в союзе державами, все яснее обнаруживается соперничество, вражда, которая не дает им возможности развернуть все силы их натиска против Советской республики. После уничтожения войск Юденича, после взятия на юге в начале января Новочеркасска и Ростова-на-Дону, был нанесен такой решительный удар главной части их войск, что военное положение Советской республики изменилось самым радикальным образом, и хотя война не была закончена, тем не менее для всякого государства стало ясным, что их прежние надежды на возможность раздавить военные силы Советской республики потерпели крах.

Сознание этой радикальной перемены международного положения Советской республики проявилось в передаче нам по радио (не сообщенного официально) решения Верховного совета союзников. Это решение было принято ими 16-го января и состояло в том, что блокада с Советской республики снимается. Верховный совет принял решение, основная часть которого гласит: (читает) [146].

Мне нет надобности критиковать дипломатию, которая в этой формулировке заключается, она слишком бьет в глаза, чтобы стоило останавливаться на том, что отношения союзников к России не изменились. Если союзники так понимают свою политику, что снятие блокады не есть изменение прежней политики, то тем самым они показывают беспочвенность их политики. Но для нас важна не политическая, но экономическая сторона этого решения. Факт снятия блокады является крупным фактом международного значения и показывает, что наступила новая полоса социалистической революции. Ибо блокада была в самом деле главным, действительно прочным, оружием в руках империалистов всего мира для задушения Советской России.

На последнем съезде Советов мне уже приходилось указывать и развивать мысль, что борьба против Советской России привела не только к тому, что рабочие и крестьяне Франции, Англии и других передовых стран заставили отказаться от борьбы, но что эта борьба привела к тому, что внутри самих стран мелкобуржуазные массы населения начали развивать оппозицию против блокады. И конечно, такая оппозиция средних слоев населения внутри таких стран, как Англия и Франция, не могла не оказать влияния на политику международных империалистов. Зная их дипломатичность, мы не можем ожидать, чтобы они поступили прямо, безо всяких оговорок, без желания вернуть старое, просунуть какой-нибудь хитростью свою прежнюю политику, ту, которую они теперь открыто вести не могут. Но нужно сказать, что в основном мы одержали громаднейшие победы, и оружие, которое было только в руках союзников — флот, даже это оружие мы выбили из их рук; мы выбили, несмотря на то, что нас пугали колеблющиеся элементы, говорившие, что флот непобедим. Тем не менее, развитие политических отношений показало, что и этот непобедимый флот оказался не в состоянии идти против нас. Мы, не имея возможности оказать военное сопротивление на море, заставили империалистические державы от этого оружия отказаться.

Конечно, эта перемена политики в международном масштабе сказывается не сразу, но факт тот, что мы оказались в сфере всемирных международных отношений, что дает возможность получить поддержку от более передовых стран. Конечно, экономическое и финансовое положение этих стран очень печально, они все идут под гору, и на многое рассчитывать мы не можем, но имея возможность развивать промышленность у себя, мы можем рассчитывать на получение машин для производства, машин для восстановления нашей промышленности. И самое главное то, что нас совершенно отрезывало, отрезывало путем блокады от передовых стран — сломано,

После того, как Союзный совет вынужден был отказаться от этого оружия, наши победы в области международной политики продолжались, и самой крупной из этих побед было то, что мы добились заключения мира с Эстонией. Сегодня мы получили сообщение от Иоффе и Гуковского, в котором говорится: «Сегодня 2 февраля в 2 ч. ночи по московскому времени подписан мир между Россией и Эстонией. К подписанию прибыл из Ревеля министр иностранных дел Эстонии Бирк».

Товарищи, текст этого мирного документа, который обсуждался очень много и представляет собой документ огромнейшей важности, послан с курьером, который должен прибыть завтра утром, но мы теперь получили точный текст по телеграфу, и завтра он будет уже роздан. Он будет рассмотрен и ратифицирован. Этот документ имеет для нас огромнейшее значение. Мирный договор России с Эстонией имеет громадное всемирно-историческое значение, и поэтому, добившись мирного договора с правительством, которое тоже становится демократическим и которое теперь будет иметь прочные отношения с нами, но которое до сих пор поддерживалось всем империалистическим миром, — мы должны смотреть на это, как на акт громадной исторической важности.

Мы знаем, что люди, которые стоят между империализмом и демократией, обыкновенно всегда переходят на ту или другую сторону. Мы, как вы видите, таким образом, несомненно одерживаем победу, потому что мир подписан, и теперь это государство должно выступить против нашего врага. Принципиальное значение этого факта таково, что в империалистическую эпоху весь мир распадается на громадное количество больших и мелких государств, причем мелкие государства являются совершенно беспомощными, они являются ничтожной кучкой против богатейших держав, которые целиком подчиняют себе ряд мелких слабых государств. Империализм создал эпоху, во время которой происходит раздел всего мира, всего населения земли на меньшинство стран эксплуататоров — стран давящих и большинство стран с маленьким слабым населением, находящимся у них в колониальной зависимости.

Когда мы завоевали мир с Эстляндией, мы доказали, что мы умеем идти вперед, как государство пролетарское и коммунистическое. Чем? Всем воюющим державам Антанты, бывшим против мира, доказано, что симпатии, которые мы умеем внушать нашим противникам и буржуазным правительствам, что симпатии маленькой страны сильнее, чем весь тот военный гнет и вся та финансовая помощь и все те экономические нити, которые связывают эту маленькую страну со всемирно-могущественными державами. Антанта увидела, что мы можем побеждать не только тогда, когда применяем насилие, — мы в

состоянии опровергнуть ту ложь и ту клевету, которую распространяют против нас буржуазные правительства всего мира, говоря, что большевики держатся только насилием. Чем мы взяли верх над соединенными силами мирового империализма в отношении к Эстляндии, которая всегда видела насилие со стороны царской помещичьей России? Тем, что мы доказали наше умение своевременно и добросовестно отказаться от насилия для перехода к мирной политике, завоевав симпатии буржуазного правительства маленького государства, вопреки всей поддержке международного капитала. Это факт, имеющий историческое значение. Эстляндия — маленькая страна, маленькая республика, но она настолько задавлена тысячами способов и экономических и военных всемирным империалистическим капиталом, что все ее население находится под этим давлением. И вот этот мир доказывает, что мы умеем, несмотря на всю усталость, слабость и разрозненность, одерживать победы над белогвардейской армией, которой они оказывали поддержку. Могущественная Антанта умеет на насилие ответить более победоносным насилием, а этот мир доказывает, что не насилием мы умеем приобретать на свою сторону сочувствие и поддержку буржуазии.

Тут стояла труднейшая международная задача. Развитие капитализма в разных странах идет разным темпом, в разной обстановке и разными способами и методами. Социалистическая республика одной страны оказывается рядом с капиталистическими странами всего мира и заставляет колебаться их буржуазию. Отсюда делали выводы: «Значит ваше положение безнадежно; если вы насилием победили белогвардейцев, а весь остальной мир, что вы с ним сделаете?» — Мы его тоже победим. Что это не фраза, доказательство — мир с Эстляндией. Все давление международного капитала было побеждено на том пространстве, где наш отказ от насилия был признан добросовестным. Международный капитал говорил: «Не заключайте мира с большевиками, иначе мы вас завоюем голодом, не дадим ни финансовой, ни экономической помощи». И Эстляндия оказалась одной из тех маленьких, формально независимых стран, которая сказала себе: «Мы больше полагаемся на то, что большевики способны жить в мире с другими народами, более слабыми, даже с буржуазным правительством, чем вся всемирно-могущественная демократия Антанты».

Самое крупное проявление демократии — это в основном вопросе о войне и мире. Все державы находятся в таком состоянии, когда они готовят новую империалистическую войну. Каждый день рабочие всего мира все это видят. Не сегодня-завтра Америка и Япония бросятся друг на друга; Англия захватила столько колоний после победы над Германией, что

никогда другие империалистические державы с этим не помирятся. Готовится новая бешеная война, и массы это сознают. А вот здесь выступает демократический мир Эстонии с Россией с ее громадными силами, которую обвиняют в том, что покончив с Юденичем, Колчаком и Деникиным, она бросит все силы на маленькое государство. Причем мир заключен на таких условиях, когда мы сделали ряд территориальных уступок, таких уступок, которые не вполне соответствовали строгому соблюдению принципа самоопределения наций, когда мы делом доказали, что вопрос о границах для нас вопрос второстепенный, а вопрос мирных отношений, вопрос умения выждать развитие условий жизни внутри каждого народа, не только принципиально важнейший вопрос, но и такой, в котором мы доверие враждебных нам наций сумели завоевать. Если мы это сумели по отношению к Эстляндии, тут не было ничего случайного, тут было проявление того, что отдельно существующая и, казалось бы, бессильная, слабая пролетарская республика начала отвоевывать на свою сторону те страны, которые находятся в зависимости от империалистических стран, а таких стран — громадное большинство. Вот почему наш мир с Эстонией имеет всемирно-историческое значение. Как бы ни напрягала Антанта свои силы, чтобы начать войну, — даже если ей удастся сменить этот мир еще раз войной, — во всяком случае, остается незыблемым в истории тот факт, что, вопреки всему давлению всемирного капитала, мы сумели внушить маленькой стране, управляемой буржуазией, большее доверие, чем якобы демократическая, а на деле хищническая империалистическая буржуазия.

По вопросу о том, какой здесь оказалась наша политика в сравнении с политикой якобы демократических, а на деле хищнических держав всего мира, мы имеем, случайно, особенно интересные документы, которые позвольте мне сообщить вам. Эти документы доставлены одним из белогвардейских офицеров или служащих по фамилии Олейников, имевшим поручение от одного белогвардейского правительства доставить важнейшие документы другому, а он доставил эти документы нам [147]. (Аплодисменты.) Эти документы удалось переправить в Россию, и я их вам прочту, хотя они займут довольно много времени. Тем не менее они очень интересны, потому что они очень ясно показывают подоплеку политики. Первый документ — это телеграмма Гулькевичу от Сазонова:

Париж, 14 октября 1919 г., № 668.

С. Д. Сазонов, свидетельствуя совершенное свое почтение Константину Николаевичу, имеет честь препроводить при сем для осведомления

копии телеграмм Б. А. Бахметева, № 1050 и И. Н. Сукина, № 23, по вопросу о положении в прибалтийских провинциях.

Далее более интересный документ — это телеграмма от 11 октября из Вашингтона:

Получ. 12 октября 1919 г. Вх. № 3346.
Бахметев — Министру.
Вашингтон, 11 октября 1919 г., № 1050.
Ссылаюсь на мою телеграмму № 1045.

(шифр) Государственный департамент устно ознакомил меня с данной Геду инструкцией. Он называется комиссаром американского правительства в прибалтийских провинциях России. Он не аккредитован при каком-либо из русских правительств. Его миссия — наблюдать и осведомлять. Его поведение не должно внушать местному населению надежды, что американское правительство могло бы согласиться поддержать сепаратистские течения, идущие далее автономии. Напротив, американское правительство надеется, что население Прибалтики поможет своим русским братьям в их общегосударственной работе. В основу инструкции положена интерпретация соглашения союзных правительств с верховным правителем, как она изложена в моем меморандуме правительству 17 июня. Геду дают выдержки из последних речей президента, в которых он громил большевиков.

Итак, американское правительство сообщило, что его представитель может давать какие угодно предписания, но не поддерживать независимости, т. е. не гарантировать ее по отношению к этим государствам. Вот что прямо или косвенно просвечивало и не могло скрыться от Эстонии, что великие державы ее обманывают. Догадываться, конечно, все об этом могли, но мы имеем документы, и они будут опубликованы:

Получ. 12 октября 1919 г. Вх. № 3347.
Сукин — Министру.
Омск, 9 октября 1919 г., № 28.

(шифр) Нокс передал верховному правителю сообщение британского военного министерства, в коем последнее предупреждает о склонности балтийских государств к заключению мира с большевиками, гарантирующими им немедленное признание независимости. При этом британское военное министерство ставит вопрос, не следовало ли бы правительству парализовать эти обещания, в свою очередь, удовлетворив пожелания указанных государств. Мы ответили Ноксу ссылкой на принципы, изложенные в ноте верховного правителя державам от 4 июня, и, вместе с тем, мы указали, что заключение мира балтийскими государствами с большевиками представляет несомненную опасность, так как позволит освободить часть советских войск и раскроет барьер, препятствующий проникновению большевизма на Запад. Самый факт готовности говорить о мире свидетельствует, по нашему мнению, о крайней деморализации партий этих самоуправляющихся единиц, которые сами не могут защищаться от проникновения агрессивного большевизма.

Выражая уверенность, что державы не могут сочувствовать дальнейшему распространению большевизма, мы указали на необходимость прекращения дальнейшей помощи балтийским государствам, что является действительным способом воздействия в руках держав и притом более целесообразным, нежели соревнование в обещаниях с большевиками, которым уже нечего терять.

Передавая об изложенном, прошу вас сделать соответствующее представление в Париже и Лондоне; к Бахметеву обращаемся особо.

Получ. 9 октября 1919 г. Вх. № 3286.
Саблин — Министру.
Лондон, 7 октября 1919 г., № 677.

(шифр) В письме к Гучкову начальник оперативного отделения военного министерства, к которому Г. обратился с предложением нашего тоннажа, чтобы облегчить англичанам доставку снабжения Юденичу, сообщает, что, по мнению военного министерства, Ю. обладает ныне всем, и что Англия затрудняется в дальнейшем его снабжении. Он добавляет, однако, что раз у нас есть суда, то мы могли бы организовать снабжение Ю. на коммерческих началах, при условии, что мы найдем кредиты. Генерал Радкліф признает в то же время, что армия Ю. должна быть соответственным образом оборудована, так как она является «единственной силой среди балтийских государств, которая способна предпринять активные операции против большевиков».

Министр — Бахметеву в Вашингтон.
Париж, 30 сентября 1919 г., № 2442.

(шифр) Из весьма доверительного шведского источника узнаю, что американский посланник в Стокгольме Моррис говорит о растущем в Америке сочувствии большевикам и намерении прекратить помощь Колчаку, чтобы войти в сношения с Москвой в интересах американской торговли. Подобные заявления официального представителя производят странное впечатление.

Получ. 5 октября 1919 г. Вх. № 3244.
Бахметев — Министру.
Вашингтон, 4 октября 1919 г., № 1021.
Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 2442.

(шифр) В государственном департаменте мне доверительно сообщили, что действительно посланник Моррис в Стокгольме и особенно Хенгут в Копенгагене известны своими личными левыми симпатиями, но что они никаким влиянием и авторитетом здесь не пользуются и что правительство принуждено им делать периодические наставления, указывая категорически, что американская политика неизменно направлена к поддержке нашего правительства в борьбе с большевиками.

Вот все документы, которые мы опубликуем и которые наглядно показывают, как шла борьба вокруг и около Эстляндии, как Антанта вместе с Колчаком, Америкой, Англия и Франция оказывали все давление на Эстонию, лишь бы не был заключен мир с большевиками, и как большевики, обещающие территориальные уступки и гарантирующие независимость, в этом состязании одержали победу. Я говорю, что эта победа имеет гигантское историческое значение, потому что она одержана без применения насилия, эта победа одержана над всемирным империализмом, победа, благодаря которой большевики приобретают сочувствие всего мира. Эта победа вовсе не показывает, что сейчас же будет заключен всеобщий мир, но зато эта победа показывает, что мы представляем мирные интересы по отношению к большинству населения земли против военно-империалистических хищников. И такая оценка привела к тому,

что буржуазная Эстляндия, являющаяся противником коммунизма, заключила мир с нами. Если мы, будучи пролетарской организацией, Советской республикой, заключаем мир, действуем в мирном духе по отношению к буржуазным правительствам, которые находятся в угнетенном положении в отношении великих магнатов империализма, то отсюда нужно заключить, как должна сложиться наша международная политика.

Мы ставим себе сейчас главной задачей: победить эксплуататоров и привлечь на свою сторону колеблющихся, — это всемирная задача. Колеблющимися оказываются и целый ряд буржуазных государств, которые, как буржуазные государства, ненавидят нас, а с другой стороны, как угнетаемые — предпочитают мир с нами. Из этого вытекает объяснение того мира, который заключен с Эстонией. Конечно, этот мир является только первым шагом и скажется только в будущем, но что он скажется — это факт. С Латвией у нас до сих пор были только краснокрестские переговоры [148], так же как и с польским правительством. Повторяю, мир с Эстонией должен будет непременно сказаться, потому что основания те же — Латвию и Польшу так же стараются втравить в войну с Россией, как и Эстонию. И это может быть удастся, и мы должны быть бдительны, ввиду того, что война с Польшей возможна, но мы уверены, — основные завоевания это доказали, что мы можем заключать мир и делать уступки, которые дают возможность развития всякой демократии. И теперь это приобретает особенное значение, потому что с Польшей вопрос стоит очень остро. Мы имеем целый ряд сообщений, что помимо буржуазной, консервативной, помещичьей Польши, помимо воздействия всех польских капиталистических партий, все государства Антанты из кожи лезут, чтобы втравить Польшу в войну с нами.

Вы знаете, что Совнарком выпустил воззвание к трудовому народу Польши [149]. Это воззвание мы будем просить вас утвердить, чтобы восстать против той травли, которую ведут помещичьи круги Польши. Мы предложим дополнительный текст польским трудящимся массам. Это воззвание будет ударом для империалистических держав, которые стараются натравить Польшу против нас, а для нас интересы трудящегося большинства стоят на первом месте.

Я сейчас позволю себе огласить телеграмму, которую мы перехватили вчера и которая представляет нам, как американский капитал работает, чтобы выставить нас в определенном свете и втравить в войну с Польшей. Эта телеграмма говорит (читает). Ничего подобного я не говорил и не слыхал, но врать они могут, потому что недаром они отдают свой капитал с определенной целью распространять лживые слухи. Это им

обеспечивает их буржуазное правительство. (Продолжает читать телеграмму.) Вот эта телеграмма идет из Европы в Америку, она обслуживается на средства капиталистов и совершает дело, посредством которого должны будут самым беззастенчивым образом втравить в войну с Польшей. Американский капитал всеми силами старается произвести это давление на Польшу и совершает это беззастенчиво, представляя дело в таком виде, что большевики хотят покончить с Колчаком и Деникиным, чтобы бросить все свои «железные войска» на Польшу.

Важно, чтобы мы сейчас же, здесь, утвердили постановление Совнаркома, а затем мы должны сделать то, что мы и делали раньше по отношению к другим государствам, а также то, что мы предпринимали в отношении войск Колчака и Деникина. Мы должны сделать то, чтобы сейчас же обратиться к демократии Польши и объяснить настоящее положение вещей. Мы прекрасно знаем это наше средство, которое действует самым положительным образом в смысле их разложения. А в конечном счете этот способ приводит на тот путь, который нам нужен, на который он привел трудящееся население всех стран. Эта политика, как бы это ни было трудно, должна установить определенное начало, и мы, начав, доведем ее до полного конца.

Должен отметить, что по отношению к остальным государствам мы вели такую же политику. Мы предлагали Грузии и Азербайджану заключить соглашение против Деникина. Они отказались, ссылаясь на то, что они не вмешиваются в дела других государств. Мы посмотрим, как будут смотреть на это рабочие и крестьяне Грузии и Азербайджана.

Эта политика по отношению к западным народам была еще более осторожна, чем когда дело касалось народов России. Она соприкасалась с такими государствами как Латвия, Эстония, Польша, а с другой стороны, с целым рядом восточных государств, уровень развития которых — уровень развития громадного большинства колониальных стран, составляющих большинство населения земли. Они задавлены Англией, которая до сих пор держит колониальных рабов в своих руках. Если наша политика по отношению к западноевропейским государствам отличается такой осторожностью, она требует промежутка времени, чтобы дать им возможность изжить свою серединщину, то на Востоке, где мы имеем гораздо более отсталые страны, находившиеся под гнетом религиозного фанатизма, пропитанные бо́льшим недоверием к русскому народу, десятилетия и столетия находившиеся под гнетом царской капиталистической политики и империализма, которую вела великодержавная

Россия по отношению к ним, — здесь наша политика должна быть более осторожной и терпеливой.

Мы дали автономию Башкирской республике [150]. Мы должны создать автономную Татарскую республику [151] и ту же политику продолжаем по отношению ко всем восточным народам и говорим себе: стоя против огромного фронта империалистических держав, мы, борющиеся против империализма, представляем собой союз, требующий тесного военного сплочения, и всякие попытки нарушить это сплочение рассматриваем, как совершенно недопустимое явление, как измену интересам борьбы против международного империализма. Но, проводя эту политику, мы должны быть еще более осторожными. Если европейским странам приходится переживать период керенщины, то страны, находящиеся на более низкой ступени развития, еще более заключают в себе элементы недоверия. На них приходится действовать более длительным способом. Мы поддерживаем независимость и самостоятельность этих государств. Мы апеллируем к их трудящимся массам. Мы говорим: необходимо единство военных сил, отступление от этого единства недопустимо.

Мы уверены, что, систематически продолжая нашу политику тесного союза, мы достигнем по отношению к народам Востока большего успеха, чем до сих пор. А эти успехи велики. Среди всех восточных народов Советская республика пользуется громадной популярностью по той же причине, по которой нам удалось заключить мир с маленьким западным государством, именно потому, что в нас видят непреклонного борца против империализма, потому что мы — единственная республика, которая ведет войну против империализма и которая умеет использовать всякое положение, действуя не насилием, а умеет также побеждать отказом от применения насилия.

Само собой понятно, что та же самая политика в гораздо более оформленном виде проводится и по отношению к Украинской республике. Здесь вопрос упрощен заключенным еще раньше договором, состоявшимся между ВЦИК и ЦИК Украинской Советской Республики. На базе этого договора, который означает тесную федерацию двух республик в борьбе против империалистических стран, мы строим все более и более тесный союз. И масса украинских крестьян и рабочих горьким опытом деникинского владычества убеждается в том, что только теснейший союз с Российской республикой будет действительно непобедимым для международного империализма и что государственное отделение не может быть выгодным в обстановке борьбы против империализма, так как он использует всякое разделение для того, чтобы подавить Советскую власть; такое разделение является преступлением. Наша политика пускает

глубокие корни на Украине, и мы уверены, что предстоящий Всеукраинский съезд Советов рабочих и крестьян подтвердит эту политику торжественным образом. Вот те небольшие замечания, которыми я должен ограничиться по вопросу о международном положении, а те практические предложения, которые я должен адресовать от имени Совнаркома и ВЦИК, я перечислил их, и все эти проекты буду просить утвердить в этой сессии...

Краткие отчеты опубликованы 3 февраля 1920 г. в газетах «Правда» № 23 и «Известия ВЦИК» № 23

Полностью впервые напечатано в 1950 г. в 30 т. Сочинений В. И. Ленина, изд. 4

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 30, стр. 291—303.

ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА АМЕРИКАНСКОЙ ГАЗЕТЫ «NEW YORK EVENING JOURNAL»[152]

1. «Собираемся ли мы нападать на Польшу и Румынию?»

Нет. Мы самым торжественным и официальным образом и от имени СНК и от имени ВЦИКа заявили о наших мирных намерениях. К сожалению, французское капиталистическое правительство подстрекает Польшу напасть на нас (вероятно, и Румынию). Об этом говорит даже ряд американских радио из Лиона.

2. «Наши планы в Азии?»

Те же что в Европе: мирное сожительство с народами, с рабочими и крестьянами всех наций, просыпающимися к новой жизни, к жизни без эксплуатации, без помещиков, без капиталистов, без купцов. Империалистская война 1914—1918, война капиталистов англо-французской (и русской) группы против капиталистов германо-австрийской группы из-за дележа мира разбудила Азию и усилила там, как и везде, стремление к свободе, к мирному труду, к недопущению войн впредь.

3. «Основы мира с Америкой?»

Пусть американские капиталисты не трогают нас. Мы их не тронем. Мы готовы даже заплатить им золотом за полезные для транспорта и производства машины, орудия и проч. И не только золотом, но и сырьем.

4. «Препятствия для такого мира?»

Никаких с нашей стороны. Империализм со стороны американских (как и любых иных) капиталистов.

5. «Наши взгляды на депортацию русских революционеров из Америки?»

Мы их приняли. Мы у себя революционеров не боимся. Мы вообще не боимся никого и, если Америка боится еще каких-либо сотен или тысяч своих граждан, мы готовы начать переговоры о принятии нами всех и всяких страшных для Америки граждан (кроме уголовных, конечно).

6. «Возможность экономического союза между Россией и Германией?»

Возможность не велика, к сожалению. Ибо Шейдеманы плохие союзники. Мы за союз со всеми странами, никого не исключая.

7. «Наш взгляд на требование союзников выдать виновников войны?»

Если об этом говорить серьезно, то виновники войны капиталисты всех стран. Выдайте нам всех помещиков (имеющих более 100 га земли) и капиталистов (имеющих капитал более 100 000 франков), — мы их воспитаем к полезному труду, мы их отучим от позорной, гнусной, кровавой роли эксплуататоров и виновников войн из-за дележа колоний. Войны будут тогда очень скоро абсолютно невозможны.

8. «Влияние мира с нами на экономическое положение Европы?»

Обмен машин на хлеб, лен, на другое сырье — может ли он быть неблаготворным для Европы? Явно не может не быть благотворным.

9. «Наш взгляд на будущее развитие Советов как мировой силы?»

Будущее принадлежит советскому строю во всем мире. Это доказали факты: стоит подсчитать, скажем по четвертям года, рост числа брошюр, книг, листков, газет в любой стране, стоящих за Советы и сочувствующих Советам. Иначе быть не может: раз рабочие в городах, рабочие, батраки и поденщики, в деревнях, затем мелкие крестьяне, т. е. не прибегающие к эксплуатации наемных рабочих, раз это огромное большинство трудящихся поняло, что Советы дают им в руки всю власть, освобождая их от ига помещиков и капиталистов, то как можно помешать победе советского строя во всем мире? Я такого средства, по крайней мере, не знаю.

10. «Должна ли Россия еще бояться контрреволюционного вмешательства извне?»

Должна, к сожалению. Ибо капиталисты люди глупые и жадные. Они делали ряд таких глупых и жадных попыток вме-

шательства, что надо бояться повторений, пока рабочие и крестьяне каждой страны не *перевоспитают* своих капиталистов.

11. «Готова ли Россия вступить в деловые сношения с Америкой?»

Конечно, готова, как и со всеми странами. Мир с Эстонией, которой мы сделали громадные уступки, доказал нашу готовность идти ради этого, при известных условиях, даже на концессии.

18/II 1920.

В. Ульянов (Н. Ленин)

Напечатано на английском языке 21 февраля 1920 г. в газете «New York Evening Journal» № 12671

На русском языке впервые напечатано 22 апреля 1950 г. в газете «Правда» № 112

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 30, стр. 340—342.

ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА АНГЛИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ «DAILY EXPRESS» [153]

1) «Наше отношение к снятию блокады?»

Мы относимся к этому как к большому шагу вперед. Открывается возможность для нас от войны, которую нам навязали капиталистические правительства Антанты, переходить к мирному строительству. А это для нас самое главное. Напрягая все силы для восстановления хозяйственной жизни страны, разоренной сначала войной между капиталистами из-за Дарданелл, из-за колоний, затем войной капиталистов Антанты и России против рабочих России, мы, между прочим, разрабатываем теперь при помощи ряда ученых и техников план электрификации всей России. План этот рассчитан на много лет. Электрификация переродит Россию. Электрификация на почве советского строя создаст окончательную победу основ коммунизма в нашей стране, основ культурной жизни без эксплуататоров, без капиталистов, без помещиков, без купцов.

Снятие блокады должно помочь осуществлению плана электрификации.

2) «Влияние решения союзников отказаться от наступления на наступательные действия Советской власти?»

На нас наступала Антанта и ее союзники и слуги: Колчак, Деникин, капиталисты окружающих нас государств. Мы ни на кого не наступали. Мы заключили мир с Эстонией, пойдя даже на материальные жертвы.

Мы ждем с нетерпением, чтобы «решение» союзников подтвердилось *делами* их. К сожалению, история Версальского мира и последствий его показывают, что у союзников большей частью слова расходятся с делами, решения остаются на бумаге.

3) «Считаем ли мы нынешнее status quo * удовлетворительным для советской политики?»

Да, ибо всякое status quo в политике есть переход от старого к новому. Теперешнее status quo есть, во многих отношениях, переход от войны к миру. Такой переход для нас желателен. Поэтому и постольку мы считаем status quo удовлетворительным.

4) «Наши цели в связи с прекращением военных действий со стороны союзников?»

Наши цели, как уже сказано, мирное экономическое строительство. Подробный план его, на основе электрификации, вырабатывается теперь комиссией ученых и техников (вернее: несколькими комиссиями) согласно резолюции февральской (1920) сессии Всецика.

Написано 18 февраля 1920 г.
Напечатано на английском языке 23 февраля 1920 г. в газете «Daily Express» № 6198
На русском языке впервые напечатано 22 апреля 1950 г. в газете «Правда» № 112

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 30, стр. 343—344.

---

* — существующее положение. *Ред.*

ИЗ РЕЧИ НА III ВСЕРОССИЙСКОМ СОВЕЩАНИИ ЗАВЕДУЮЩИХ ВНЕШКОЛЬНЫМИ ПОДОТДЕЛАМИ ГУБЕРНСКИХ ОТДЕЛОВ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 25 ФЕВРАЛЯ 1920 г.

Позвольте мне от имени Совнаркома приветствовать ваше совещание и высказать вам по этому поводу несколько мыслей.

Что касается нашего международного положения, я могу рассказать о радио, которое сегодня получено из Англии и которое лучше всего характеризует это международное положение. Радио сообщает, что вчера, 24-го числа, Верховный совет союзных держав пришел к выводу, что если пограничные с Россией государства спросят совета о политике, он скажет, что не может советовать им войны, которая, пожалуй, повредит их интересам, и что еще меньше может советовать им наступательную войну против России; но что если Российская Советская Республика нападет на их законные границы, Союзный совет окажет им поддержку. Затем господа союзники желают послать в Россию комиссию, принадлежащую к комиссии труда в Вашингтоне. Устроители конференции, социал-предатели с Альбером Тома условились о некоторых социальных реформах и желают эту публику, которая представляет часть Лиги наций, послать в Россию, чтобы исследовать, насколько условия России соответствуют обычным требованиям «цивилизованных» государств.

Это сообщение о вчерашнем решении союзников ясно показывает, как эти господа запутались и какую пользу мы можем извлечь из их путаницы. Они сотни миллионов выкинули на поддержку войны (со стороны английского государства) и заявили, что поддерживать войну дальше не могут. Этим наступательный пыл их окончен, хотя подвоз военного снаряжения в Польшу продолжает идти: они продолжают подвозить оружие, у нас есть точные сведения, что Польша совершает перегруппировки войск, рассчитанные на наступление, так что положиться с уверенностью на их заявление мы не можем. Хотя

теперь на девять десятых отпала угроза внешней опасности со стороны союзников, но во всяком случае известная угроза остается; после окончания войны против Деникина военную готовность придется сохранять. На полную демобилизацию рассчитывать мы не можем.

Итак, на девять десятых опасность нашествия международного капитализма на Россию исчезла; они провалились достойным образом настолько, что выносят который уже раз предложение о посылке комиссии в Россию. Если эта комиссия будет содержать господ вроде Альбера Тома, который посещал Россию во время войны, то ничего, кроме скандала для них и прекрасного повода для агитации для нас, не выйдет. Мы их встретим так, что они как можно скорее из России уберутся, и ничего, кроме агитации для рабочих других стран, у них не выйдет. Они желают попугать, а когда мы скажем, что мы дорогих гостей встретим, — они спрячут свою попытку. Это показывает, до какой степени они растерялись. Теперь мы имеем окошко в Европу благодаря миру с Эстонией и в состоянии получать оттуда основные продукты. Наше международное положение представляет действительно огромный прогресс и улучшение: на девять десятых всякая внешняя опасность для Советской республики устранена...

Краткий отчет опубликован 2 марта 1920 г. в газете «Вечерние Известия Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов» № 481

Впервые полностью напечатано в 1930 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 30, стр. 349—350.

IX СЪЕЗД РКП(б) [154]

29 МАРТА — 5 АПРЕЛЯ 1920 г.

ИЗ ДОКЛАДА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
29 МАРТА

...Для истории Советской власти время еще не настало. Если бы и настало, то мы, скажу за себя, — думаю, и за ЦК, — историками быть не собираемся, а интересует нас настоящее и будущее. Прошлый отчетный год мы берем, как материал, как урок, как подножку, с которой мы должны ступить дальше. С этой точки зрения работа ЦК разделяется на две крупных отрасли: на работу, которая связана была с задачами военными и определяющими международное положение республики, и на ту работу внутреннего, мирного хозяйственного строительства, которая стала выдвигаться на первый план, может быть, лишь с конца прошлого или начала текущего года, когда вполне выяснилось, что решающую победу на решающих фронтах гражданской войны мы одержали. Весной прошлого года наше военное положение было в высшей степени трудным, нам предстояло пережить, как вы помните, не мало поражений, новых, огромных, не ожидавшихся раньше наступлений представителей контрреволюции и представителей Антанты, которых не предполагали раньше. Поэтому совершенно естественно, что бо́льшая часть этого периода протекала в работах по выполнению задачи военной, задачи гражданской войны, которая всем малодушным, не говоря о партии меньшевиков, эсеров и других представителей мелкобуржуазной демократии, массе промежуточных элементов представлялась неразрешимой, которая заставила их совершенно искренно говорить, что эта задача неразрешима, что Россия отстала и ослаблена и не может победить капиталистического строя всего мира, раз революция на Западе затянулась. И нам приходилось поэтому, оставаясь на своей позиции, с полной твердостью и сохранением абсолютной уверенности говорить, что мы победим, приходилось проводить лозунг — «все для победы» и «все для войны».

Во имя этого лозунга приходилось идти совершенно сознательно и открыто на неудовлетворение целого ряда самых насущных потребностей, оставляя без помощи сплошь и рядом

очень многих, в уверенности, что мы должны сосредоточить все силы на войне и победить в той войне, которую нам Антанта навязала. И только благодаря тому, что партия была на страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи, и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены, — только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двухкратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить. И, разумеется, мы не только подчеркиваем эту сторону дела, но мы должны иметь в виду, что эта сторона дела составляет урок, что без дисциплины и без централизации мы никогда не осуществили бы этой задачи. Принесенные нами неслыханные жертвы для спасения страны от контрреволюции, для победы русской революции над Деникиным, Юденичем и Колчаком есть залог всемирной социальной революции. Для того, чтобы это осуществить, надо было, чтобы была дисциплина партии, строжайшая централизация, абсолютная уверенность в том, что неслыханно тяжелые жертвы десятков и сотен тысяч людей помогут проведению в жизнь всех этих задач, что это действительно может быть сделано и обеспечено. А для этого нужно было, чтобы наша партия и тот класс, который осуществляет диктатуру, рабочий класс, чтобы они были элементами, объединяющими миллионы и миллионы трудящихся и в России и во всем мире.

Если подумать о том, что же лежало, в конце концов, в самой глубокой основе того, что такое историческое чудо произошло, что слабая, обессиленная, отсталая страна победила сильнейшие страны мира, то мы видим, что это — централизация, дисциплина и неслыханное самопожертвование. На какой почве? Миллионы трудящихся могли прийти в стране, меньше всего воспитанной, к организации, к тому, что эта дисциплина и эта централизация осуществились только на той почве, что рабочие, прошедшие школу капитализма, объединены капитализмом, что пролетариат во всех передовых странах, и чем больше страна передовая, тем в больших размерах, объединялся; с другой стороны, благодаря тому, что собственность, капиталистическая собственность, мелкая собственность в товарном производстве разъединяет. Собственность разъединяет, а мы объединяем и объединяем все большее и большее число миллионов трудящихся во всем свете. Теперь это видно, можно сказать, даже слепым, по крайней мере, тем из них, которые не хотели этого видеть. Чем дальше, тем больше наши враги

разъединялись. Их разъединяла капиталистическая собственность, частная собственность при товарном производстве, будь это мелкие хозяйчики, которые спекулируют продажей излишков хлеба и наживаются на счет голодных рабочих, будь это капиталисты различных стран, хотя бы они обладали военной мощью, создавали «Лигу наций», «великую единую лигу» всех передовых наций мира. Такое единство — сплошная фикция, сплошной обман, сплошная ложь. И мы видели, что — величайший пример — эта пресловутая «Лига наций», которая пыталась раздавать права на управление государствами, делить мир, этот пресловутый союз оказался пуфом, который сейчас же разлетелся, потому что основывали его на капиталистической собственности. Мы видели это в величайшем историческом масштабе, это подтверждает ту основную истину, на признании которой мы строили свою работу, свою абсолютную уверенность в победе Октябрьской революции, в том, что мы берем дело такое, к которому, несмотря на всю трудность, на все препятствия, будут присоединяться миллионы и миллионы трудящихся во всех странах. Мы знали, что у нас союзники есть, что надо уметь проявить самопожертвование в одной стране, на которую история возложила почетную, труднейшую задачу, чтобы неслыханные жертвы окупились сторицей, потому что всякий лишний месяц, который проживем мы в своей стране, нам даст миллионы и миллионы союзников во всех странах.

Если в конечном счете подумать о том, почему вышло так, что мы могли победить, что мы должны были победить, то только потому, что все наши враги, формально связанные какими угодно связями с сильнейшими в мире правительствами и представителями капитала, — как бы они ни были объединены формально, — оказались разъединенными, их внутренняя связь по сути дела их же разъединяла, бросала их друг против друга, и капиталистическая собственность разлагала их, превращала из союзников в диких зверей, так что они не видели, что Советская Россия увеличивает число своих сторонников среди английских солдат, высадившихся в Архангельске, среди французских матросов, высадившихся в Севастополе, среди рабочих всех стран, где социал-соглашатели приняли сторону капитала во всех без изъятия передовых странах. И эта основная причина, самая глубокая причина, в последнем счете дала нам вернейшую победу, она явилась тем источником, который продолжает быть самым главным, непреоборимым, неиссякаемым источником нашей силы и который позволяет нам говорить, что, когда мы осуществим в своей стране в полной мере диктатуру пролетариата, наибольшее объединение его сил, через авангард, через передовую его партию, мы можем ждать мировой революции. И это есть на самом деле выражение воли, выраже-

ние пролетарской решимости к борьбе, выражение пролетарской решимости к союзу миллионов и десятков миллионов рабочих во всех странах.

Это господа буржуа и якобы социалисты II Интернационала объявили агитационными фразами. Нет, это есть историческая действительность, которая подтверждена кровавым и тяжелым опытом гражданской войны в России, ибо эта гражданская война была войной против всемирного капитала, и этот капитал распадался сам собою в драке, пожирал себя, тогда как мы выходили более закаленными, более сильными в стране умирающего от голода, от сыпного тифа пролетариата. В этой стране мы присоединяли к себе новых и новых трудящихся. То, что прежде соглашателям казалось агитационной фразой, над чем буржуазия привыкла смеяться, этот год нашей революции, и больше всего отчетный год, превратил окончательно в бесспорный исторический факт, который дает возможность сказать с позитивнейшей уверенностью: если мы это сделали, то этим подтверждается, что у нас есть всемирная основа, бесконечно более широкая, чем в каких бы то ни было прежних революциях. У нас есть международный союз, который нигде не записан, не оформлен, ничего не представляет из себя с точки зрения «государственного права», а в действительности, в разлагающемся капиталистическом мире представляет из себя все. Каждый месяц, когда мы отвоевывали себе позиции или когда мы просто удерживались против неслыханно могущественного врага, доказывал всему миру, что мы правы, и давал нам новые миллионы людей.

Этот процесс казался трудным, сопровождался гигантскими поражениями. За неслыханным белым террором в Финляндии последовало как раз в отчетном году поражение венгерской революции, которую задушили представители Антанты, по тайному договору с Румынией, обманув свои парламенты.

Это было самое подлое предательство, заговор международной Антанты, чтобы белым террором задушить венгерскую революцию, не говоря уже о том, как они всячески шли на соглашение с германскими соглашателями, чтобы задушить германскую революцию; как эти люди, объявившие Либкнехта честным немцем, как они на этого честного немца бросились, как бешеная собака, вместе с немецкими империалистами. Они превзошли все, что можно было, и всякое такое подавление с их стороны только укрепляло, усиливало нас, подрывало у них почву.

И я думаю, что этот основной опыт, который мы проделали, должен быть больше всего учтен нами. Здесь больше всего надо подумать о том, чтобы сделать основой нашей агитации и пропаганды — анализ, объяснение того, почему мы победили,

почему эти жертвы гражданской войны окупились сторицей, и как надо поступить на основании этого опыта, чтобы одержать победу в другой войне, войне на фронте бескровном, в войне, которая только переменила форму, а ведут ее против нас все те же старые представители, слуги и вожди старого капиталистического мира, лишь еще более ретиво, бешено и рьяно. На нашей революции больше, чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее победы усиливают вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии. Чем мы больше побеждаем, тем больше капиталистические эксплуататоры учатся объединяться и переходят в более решительные наступления. Ибо вы все прекрасно помните, — это было не так давно с точки зрения времени, но давно с точки зрения текущих событий, — вы помните, что большевизм рассматривали в начале Октябрьской революции, как курьез; и если в России пришлось очень скоро от этого взгляда отказаться, то от этого взгляда, который являлся выражением неразвитости, слабости пролетарской революции, отказались и в Европе. Большевизм стал мировым явлением, рабочая революция подняла голову. Советская система, в которой мы, создавая ее в октябре, следовали заветам 1905 года, разрабатывая собственный опыт, эта советская система оказалась всемирно-историческим явлением.

Теперь два лагеря в полной сознательности стоят друг против друга, во всемирном масштабе, без малейшего преувеличения. Надо отметить, только за этот год они стали друг против друга в решительной и окончательной борьбе, и мы сейчас, как раз во время работы съезда, переживаем, может быть, один из самых крупнейших, резких, незаконченных, переходных моментов от войны к миру.

Вы все знаете, как пришлось вождям империалистических держав Антанты, которые кричали на весь мир: «никогда не прекратим войны с узурпаторами, разбойниками, захватчиками власти, противниками демократии, большевиками», — вы знаете, как они сначала сняли блокаду, как у них сорвалась попытка объединить мелкие державы, потому что мы сумели привлечь на свою сторону не только рабочих всех стран, но нам удалось привлечь и буржуазию мелких стран, потому что империалисты являются угнетателями не только рабочих своих стран, но и буржуазии мелких государств. Вы знаете, как мы привлекли на свою сторону колеблющуюся буржуазию внутри передовых стран, и вот теперь наступил момент, когда Антанта нарушает свои прежние обещания, заветы, нарушает свои договоры, которые она, между прочим, заключала десятки раз с разными русскими белогвардейцами, и теперь с этими догово-

рами она сидит у разбитого корыта, потому что на эти договоры она выбросила сотни миллионов и не довела дела до конца.

Теперь, сняв блокаду, она начала фактически мирные переговоры с Советской республикой, и теперь она эти переговоры не доводит до конца, поэтому мелкие державы потеряли в нее веру, веру в ее силы. Мы видим, что положение Антанты, ее внешнее положение совершенно не подлежит определению с точки зрения обычных понятий юриспруденции. Государства Антанты с большевиками находятся ни в мире, ни в войне, у них есть и признание нас, и непризнание. И этот полный распад наших противников, которые были уверены, что они что-то из себя представляют, показывает, что они ничего из себя не представляют, кроме кучки капиталистических зверей, перессорившихся между собою и совершенно бессильных сделать что-либо нам.

Теперь положение таково, что нам официально сделаны мирные предложения Латвией; Финляндия прислала телеграмму, в которой официально говорится о демаркационной линии, но по существу это — переход к мирной политике. Наконец, Польша, та Польша, представители которой особенно сильно бряцали оружием и продолжают бряцать, та Польша, которая больше всего получила и получает поездов с артиллерией и обещаний помогать всем, лишь бы Польша продолжала борьбу с Россией, даже эта Польша, неустойчивое положение правительства которой вынуждает идти на какую угодно авантюру с войной, эта Польша прислала приглашение открыть мирные переговоры. Надо быть в высшей степени осторожным. Наша политика требует больше всего внимательного отношения. Тут труднее всего найти правильную линию, потому что тех рельс, на которых поезд стоит, тоже никто не знает еще, — сам враг не знает, что он будет делать дальше. Господа представители французской политики, которые больше всего науськивают Польшу, и вожди помещичье-буржуазной Польши не знают, что будет дальше, не знают, что они хотят. Они сегодня говорят: «Господа, несколько поездов с пушками, несколько сот миллионов, и мы готовы воевать с большевиками». Они скрывают вести о забастовках, которые в Польше разрастаются, нажимают на цензуру, чтобы скрыть правду. А революционное движение там возрастает. Революционный рост в Германии, в его новом фазисе, в его новой ступени, когда рабочие, после германской корниловщины, создают красные армии, говорит прямо (последние телеграммы оттуда), что рабочие загораются все больше и больше. В сознание самих представителей буржуазно-помещичьей Польши начинает проникать мысль: «Не поздно ли, не будет ли раньше Советская республика в Польше,

чем учинение государственного акта, мирного или военного?». Они не знают, что делать. Они не знают, что несет им завтрашний день.

Мы знаем, что каждый месяц дает нам гигантское усиление наших сил и будет давать больше. Поэтому мы стоим теперь в международном отношении прочнее, чем когда бы то ни было. Но мы к международному кризису должны относиться с чрезвычайной внимательностью и готовностью встретить какие бы то ни было неожиданности. У нас есть формальное предложение мира от Польши. Эти господа находятся в отчаянном положении, настолько отчаянном, что их друзья, немецкие монархисты, люди более воспитанные, с большим политическим опытом и знанием, метнулись на авантюру, на корниловщину. Польская буржуазия бросает мирное предложение, зная, что авантюра может быть польской корниловщиной. Зная, что наш противник находится в отчаянно трудном положении, — противник, который не знает, что он хочет делать, что будет делать завтра, — мы с полной твердостью должны сказать себе, что, несмотря на то, что мирное предложение было, война возможна. Дальнейшее поведение их предвидеть невозможно. Мы этих людей видели, мы этих Керенских, меньшевиков и эсеров знаем. За эти два года мы видели, как их толкало сегодня к Колчаку, завтра почти к большевикам, затем к Деникину, и все это покрывалось фразами о свободе и демократии. Мы этих господ знаем, поэтому мы обеими руками цепляемся за мирное предложение, идя на максимальные уступки, уверенные, что мир с маленькими державами двинет дело вперед в бесконечное количество раз лучше, чем война, потому что войной империалисты обманывали трудящиеся массы, под этим скрывали правду о Советской России, поэтому всякий мир откроет во сто раз больше и шире дорогу нашему влиянию. Оно и так велико за эти годы. III, Коммунистический Интернационал одержал неслыханные победы. Но мы знаем вместе с тем, что войну нам могут навязать каждый день. Наши противники сами еще не знают, на что они способны в этом отношении.

Что военные приготовления ведутся, в этом нет никакого сомнения. К этому государственному вооружению прибегают сейчас многие соседи с Россией и, может быть, многие из несоседних государств. Вот почему приходится больше всего маневрировать в нашей международной политике и тверже всего держаться того курса, который мы взяли, и быть готовыми ко всему. Войну за мир мы выполняли с чрезвычайной энергией. Война эта дает великолепные результаты. На этом поприще борьбы мы лучше всего себя проявили, во всяком случае не хуже, чем на поприще деятельности Красной Армии, на кровавом фронте. Но не от воли маленьких государств, даже

если бы они захотели мира, не от их воли зависит заключение с нами мира. Они целиком в долгу, как в шелку, странам Антанты, а там идет отчаянная грызня и соревнование между собою. Нам нужно поэтому помнить, что мир, с точки зрения всемирно-исторического масштаба, обоснованного гражданской войной и войной против Антанты, конечно, возможен.

Но наши шаги к миру мы должны сопровождать напряжением всей нашей военной готовности, безусловно не разоружая нашей армии. Наша армия является реальной гарантией того, что ни малейших попыток, ни малейших посягательств империалистические державы делать не будут, ибо хотя бы они могли рассчитывать на некоторые эфемерные успехи вначале, но ни одна из них не останется без разгрома со стороны Советской России. Это мы должны знать, это должно быть основой нашей агитации и пропаганды, и к этому мы должны суметь приготовиться и решить ту задачу, которая при растущей усталости заставляет то и другое соединить...

Напечатано в книге: «Девятый съезд Российской коммунистической партии. Стенографический отчет». Москва, 1920

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд 4, т. 30, стр. 415—423.

ИЗ КНИГИ
«ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ „ЛЕВИЗНЫ“ В КОММУНИЗМЕ»[135]

I
В КАКОМ СМЫСЛЕ МОЖНО ГОВОРИТЬ О МЕЖДУНАРОДНОМ ЗНАЧЕНИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ?

Первые месяцы после завоевания пролетариатом политической власти в России (25. X — 7. XI 1917) могло казаться, что громадные отличия отсталой России от передовых западноевропейских стран сделают революцию пролетариата в этих последних очень мало похожей на нашу. Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение. И я говорю здесь о международном значении не в широком смысле слова: не некоторые, а все основные и многие второстепенные черты нашей революции имеют международное значение в смысле воздействия ее на все страны. Нет, в самом узком смысле слова, т. е. понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое значение за некоторыми основными чертами нашей революции.

Конечно, было бы величайшей ошибкой преувеличить эту истину, распространить ее не только на некоторые из основных черт нашей революции. Точно так же было бы ошибочно упустить из виду, что после победы пролетарской революции хотя бы в одной из передовых стран наступит, по всей вероятности, крутой перелом, именно: Россия сделается вскоре после этого не образцовой, а опять отсталой (в «советском» и в социалистическом смысле) страной.

Но в данный исторический момент дело обстоит именно так, что русский образец показывает *всем* странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего.

Передовые рабочие во всех странах давно поняли это, — а еще чаще не столько поняли, сколько инстинктом революционного класса схватили, почуяли это. Отсюда международное «значение» (в узком смысле слова) Советской власти, а также основ большевистской теории и тактики. Этого не поняли «революционные» вожди II Интернационала, вроде Каутского в Германии, Отто Бауэра и Фридриха Адлера в Австрии, которые и оказались поэтому реакционерами, защитниками худшего оппортунизма и социал-предательства. Между прочим, анонимная брошюра «Всемирная революция» («Weltrevolution»), вышедшая в 1919 году в Вене (Sozialistische Bücherei, Heft 11: Ignaz Brand*), показывает особенно наглядно весь ход мысли и весь круг мысли, вернее, всю бездну недомыслия, педантства, подлости и предательства интересов рабочего класса — и притом под соусом «защиты» идеи «всемирной революции».

Но остановиться подробнее на этой брошюре придется когда-либо в другой раз. Здесь же отметим только еще одно: в давно-давно прошедшие времена, когда Каутский был еще марксистом, а не ренегатом, он, подходя к вопросу, как историк, предвидел возможность наступления такой ситуации, при которой революционность русского пролетариата станет образцом для Западной Европы. Это было в 1902 году, когда Каутский писал в революционной «Искре» статью: «Славяне и революция». Вот что он писал в этой статье:

«В настоящее же время» (в противоположность 1848 году) «можно думать, что не только славяне вступили в ряды революционных народов, но что и центр тяжести революционной мысли и революционного дела все более и более передвигается к славянам. Революционный центр передвигается с запада на восток. В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 году и Германия вступила в ряды революционных наций... Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в Россию... Россия, воспринявшая столько революционной инициативы с Запада, теперь, быть может, сама готова послужить для него источником революционной энергии. Разгорающееся русское революционное движение окажется, быть может, самым могучим средством для того, чтобы вытравить тот дух дряблого филистерства и трезвенного политиканства, который начинает распространяться в наших рядах, и заставит снова вспыхнуть ярким пламенем жажду борьбы и страстную преданность нашим великим идеалам. Россия давно уже перестала быть для Западной Европы простым оплотом реакции и абсолютизма. Дело обстоит теперь, пожалуй, как раз наоборот. Западная Европа становится оплотом реакции и абсолютизма в России... С царем русские революционеры, быть может, давно справились бы, если бы им не приходилось одновременно вести борьбу и против его союзника, — европейского капитала. Будем надеяться, что на этот раз им удастся справиться с обоими врагами, и что новый «священный союз» рухнет скорее, нежели его предшественники Но, как бы ни окончилась теперешняя

* — Социалистическая библиотека, выпуск 11; Игнац Бранд. *Ред.*

борьба в России, кровь и счастье мучеников, которых она породит, к сожалению, более чем достаточно, не пропадут даром. Они оплодотворят всходы социального переворота во всем цивилизованном мире, заставят их расти пышнее и быстрее. В 1848 году славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может, теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собой новую, счастливую весну для народов». (*Карл Каутский*, «Славяне и революция», статья в «Искре», русской с.-д. революционной газете, 1902 г., № 18, 10 марта 1902 года.)

Хорошо писал 18 лет тому назад Карл Каутский!

IV

В БОРЬБЕ С КАКИМИ ВРАГАМИ ВНУТРИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ВЫРОС, ОКРЕП И ЗАКАЛИЛСЯ БОЛЬШЕВИЗМ?

...Теперь, когда глядишь назад на вполне закопченный исторический период, связь которого с последующими периодами вполне уже обнаружилась, — становится особенно ясным, что большевики *не могли бы* удержать (не говорю уже: укрепить, развить, усилить) прочного ядра революционной партии пролетариата в 1908—1914 годах, если бы они не отстояли в самой суровой борьбе *обязательности* соединения с нелегальными формами борьбы форм легальных, с *обязательным* участием в реакционнейшем парламенте и в ряде других, обставленных реакционными законами, учреждений (страховые кассы и проч.).

В 1918 году дело не дошло до раскола. «Левые» коммунисты образовали тогда только особую группу или «фракцию» внутри нашей партии и притом не надолго. В том же 1918 году виднейшие представители «левого коммунизма», напр., тт. Радек и Бухарин, открыто признали свою ошибку. Им казалось, что Брестский мир был недопустимым принципиально и вредным для партии революционного пролетариата компромиссом с империалистами. Это был действительно компромисс с империалистами, но как раз такой и в такой обстановке, который был *обязателен*.

В настоящее время, когда я слышу нападки на нашу тактику при подписании Брестского мира со стороны, напр., «социалистов-революционеров», или когда я слышу замечание товарища Лэнсбери, сделанное им в разговоре со мной: «наши английские вожди тред-юнионов говорят, что компромиссы допустимы и для них, если они были допустимы для большевизма», я отвечаю обыкновенно прежде всего простым и «популярным» сравнением:

Представьте себе, что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даете им деньги, паспорт, револьвер,

автомобиль. Вы получаете избавление от приятного соседства с бандитами. Компромисс налицо, несомненно. «Do ut des» («даю» тебе деньги, оружие, автомобиль, «чтобы ты дал» мне возможность уйти по добру по здорову). Но трудно найти не сошедшего с ума человека, который объявил бы подобный компромисс «принципиально недопустимым» или объявил лицо, заключившее такой компромисс, соучастником бандитов (хотя бандиты, сев на автомобиль, могли использовать его и оружие для новых разбоев). Наш компромисс с бандитами германского империализма был подобен такому компромиссу.

А вот когда меньшевики и эсеры в России, шейдемановцы (и в значительной мере каутскианцы) в Германии, Отто Бауэр и Фридрих Адлер (не говоря уже о гг. Реннерах и К°) в Австрии, Ренодели и Лонге с К° во Франции, фабианцы, «независимцы» и «трудовики» («лабуристы» [156]) в Англии заключали в 1914—1918 и в 1918—1920 годах *компромиссы* с бандитами своей собственной, а иногда и «союзной» буржуазии *против* революционного пролетариата своей страны, вот тогда все эти господа поступали как *соучастники бандитизма*.

Вывод ясен: отрицать компромиссы «принципиально», отрицать всякую допустимость компромиссов вообще, каких бы то ни было, есть ребячество, которое трудно даже взять всерьез. Политик, желающий быть полезным революционному пролетариату, должен уметь выделить *конкретные* случаи именно таких компромиссов, которые недопустимы, в которых выражается оппортунизм и *предательство*, и направить всю силу критики, все острие беспощадного разоблачения и непримиримой войны против *этих конкретных* компромиссов, не позволяя многоопытным «деляческим» социалистам и парламентским иезуитам увертываться и увиливать от ответственности посредством рассуждений о «компромиссах вообще». Господа английские «вожди» тред-юнионов, а равно фабианского общества и «независимой» рабочей партии именно так увертываются от ответственности *за совершенное ими предательство*, за совершенный ими *такой* компромисс, который действительно означает наихудший оппортунизм, измену и предательство.

Есть компромиссы и компромиссы. Надо уметь анализировать обстановку и конкретные условия каждого компромисса или каждой разновидности компромиссов. Надо учиться отличать человека, который дал бандитам деньги и оружие, чтобы уменьшить приносимое бандитами зло и облегчить дело поимки и расстрела бандитов, от человека, который дает бандитам деньги и оружие, чтобы участвовать в дележе бандитской добычи. В политике это далеко не всегда так легко, как в детски-простом примерчике. Но тот, кто захотел бы выдумать для ра-

бочих такой рецепт, который бы давал заранее готовые решения на все случаи жизни, или который обещал бы, что в политике революционного пролетариата не будет никаких трудностей и никаких запутанных положений, тот был бы просто шарлатаном.

Чтобы не оставлять места кривотолкам, попытаюсь наметить, хотя бы совсем кратко, несколько основных положений для анализа конкретных компромиссов.

Партия, заключившая компромисс с германскими империалистами, который состоял в подписании Брестского мира, вырабатывала свой интернационализм на деле с конца 1914 года. Она не боялась провозгласить поражение царской монархии и клеймить «защиту отечества» в войне между двумя империалистскими хищниками. Депутаты-парламентарии этой партии пошли в Сибирь, вместо дорожки, ведущей к министерским портфелям в буржуазном правительстве. Революция, свергшая царизм и создавшая демократическую республику, дала новую и величайшую проверку этой партии: она не пошла ни на какие соглашения со «своими» империалистами, а подготовила свержение их и свергла их. Взяв политическую власть, эта партия не оставила камня на камне ни из помещичьей, ни из капиталистической собственности. Опубликовав и расторгнув тайные договоры империалистов, эта партия предложила мир *всем* народам и подчинилась насилию брестских хищников лишь после того, как англо-французские империалисты мир сорвали, а большевиками было сделано все человечески возможное для ускорения революции в Германии и в иных странах. Полнейшая правильность такого компромисса, заключенного такой партией при такой обстановке, с каждым днем становится яснее и очевиднее для всех.

Меньшевики и эсеры в России (как и все вожди II Интернационала во всем мире в 1914—1920 годах) начали с предательства, оправдывая прямо или косвенно «защиту отечества», т. е. защиту *своей* грабительской буржуазии. Они продолжили предательство, вступая в коалицию с буржуазией *своей* страны и борясь вместе со *своей* буржуазией против революционного пролетариата своей страны. Их блок сначала с Керенским и кадетами, потом с Колчаком и Деникиным в России, как и блок их заграничных единомышленников с буржуазией *их* стран, был переходом на сторону буржуазии против пролетариата. *Их* компромисс с бандитами империализма состоял от начала до конца в том, что они делали себя *соучастниками* империалистского бандитизма...

Написано в апреле—мае 1920 г.
Напечатано в июне 1920 г. отдельной книгой

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 31, стр. 5—7, 20—22.

ИЗ РЕЧИ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РАБОЧИХ СТЕКЛО-ФАРФОРОВОГО ПРОИЗВОДСТВА 29 АПРЕЛЯ 1920 г.

Вчерашний день принес нам две новости: первая из них весьма печальная — это весть об обращении главы польского правительства Пилсудского. Текста этого обращения я еще не видал, о нем мне передавали по телефону, но несомненно одно, что оно равносильно объявлению Польшей войны Украине. Очевидно, влияние империалистов Франции взяло верх в правительственных сферах Польши. Свою последнюю политику лавирования вокруг переговоров с нами о мире польское правительство решило бросить и открыть военные действия на более широком фронте. Польша взяла уже Житомир и идет на Киев. Это требует от нас самой решительной и незамедлительной защиты интересов пролетариата. Мы не сомневаемся, что мы сумеем защитить эти интересы, мы не сомневаемся, что эта новая попытка со стороны империалистов Антанты задушить Советскую Россию потерпит такой же крах, как деникинская и колчаковская авантюра. Очевидно, что военную поддержку Польша получает целиком от Франции, Англии и всей Антанты. В этом отношении весьма характерно, что в последней стадии переговоров с нами о Крыме английское правительство значительно изменило свое первоначальное благожелательное отношение. В ответ на предложение Англии проявить гуманность к прижатым к морю бойцам Деникина, мы ответили, что готовы даровать жизнь крымским белогвардейцам, если с своей стороны Антанта проявит гуманность по отношению к побежденным венгерским коммунистам, пропустив их в Советскую Россию. Нам не нужна кровь этих крымских белогвардейцев, у нас нет чувства мстительности. Но ответа на нашу ноту мы не получили со стороны английского правительства, которое, видимо, в связи с выступлением Польши, с этим ответом не торопится. Но мы уверены, что у английских рабочих, даже наиболее оппортунистически настроенных, не найдется сторонников интервенции.

Мы имеем сведения, что даже в Польше польская социалистическая партия, которая преследовала в Польше коммунистов, в своем печатном органе заявляет, что нельзя срывать мирные переговоры с Советской Россией предъявлением ультимативного требования со стороны Польши вести эти переговоры в Борисове. Эта газета считает такой образ действий со стороны польского правительства преступлением. Поляки предложили нам вести мирные переговоры в Борисове, не прекращая военных действий, тогда как ведение переговоров именно в этом пункте лишило бы нас возможности продолжать во время переговоров военные действия, предоставляя в то же время Польше полную свободу в этом отношении. Конечно, вести мирные переговоры в таких условиях мы не могли и предложили перенести место этих переговоров, по взаимному соглашению с Польшей, в Париж, Ревель, Варшаву, Москву или в какой-нибудь другой город. Ответом на это предложение явилось широкое наступление польских войск по всему фронту. У нас нет сомнения, что польское правительство начало эту наступательную войну против воли своих рабочих. Вот почему мы к этой новой авантюре относимся вполне спокойно; мы знаем, что выйдем из нее победителями, но вы знаете, товарищи, что всякая война сопряжена с громадными трудностями, для преодоления которых мы не раз обращались к рабочим массам за поддержкой. Война с Польшей нам навязана, ни малейших замыслов против независимости Польши мы не имеем, как не имеем их против независимости Литвы и Белоруссии, но, несмотря на всю нашу уступчивость, нам все-таки навязывают войну, а раз так, мы все должны подняться как один, чтобы защитить и себя, и Украину от натиска польских империалистов. (Громкие аплодисменты.) Для этого нам нужно снова произвести некоторый перелом. Как бы ни было нам желательно возможно скорее приступить и как можно шире развернуть мирное строительство, но раз нам война навязана, мы должны все подчинить интересам этой войны для достижения наиболее успешных для нас и быстрых результатов. Мы должны разъяснить всем рабочим и крестьянам, почему подстрекаемая Антантой Польша начала с нами войну. Мы должны разъяснить, что это сделано для того, чтобы увеличить барьер, углубить ту пропасть, которая отделяет пролетариат Германии от нас...

«Правда» № 92, 30 апреля 1920 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 31, стр. 98—100.

РЕЧЬ НА СОЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ВЦИК, МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ

5 МАЯ 1920 г. [157]

(Аплодисменты.) Товарищи, мне хотелось бы обратить ваше внимание на одну сторону, отличающую настоящую войну с международной точки зрения или, вернее, с точки зрения международного положения России от войн предыдущих. Конечно, никто из вас не сомневается и нельзя сомневаться в том, что эта война представляет собой одно из звеньев длинной цепи событий, означающих бешеное сопротивление международной буржуазии по отношению к победоносному пролетариату, бешеную попытку международной буржуазии задушить Советскую Россию, свергнуть первую Советскую власть во что бы то ни стало, какими бы то ни было средствами. Конечно, нет ни малейшего сомнения, что связь между этими явлениями, между прежними попытками международной буржуазии и настоящей войной, безусловно имеется. Но в то же время мы видим, какая громадная разница между этой войной и предыдущими с точки зрения нашего международного положения, какой гигантский толчок дала наша борьба международному рабочему движению, как мировой пролетариат относится к победам Советской России, как развивается и укрепляется мировая пролетарская борьба и какая гигантская работа проделана за два с небольшим года, как существует Советская республика.

Вы помните, как самые ответственные, самые могущественнейшие министры самых могущественнейших, всемирно не знающих себе соперников, капиталистических держав объявляли не очень давно о том, что ими изготовлен союз 14 держав против России; вы знаете, как этот союз под давлением всесильных капиталистов Франции и Англии сплачивал Юденича,

Колчака и Деникина и как он построил действительно грандиозный в военном отношении и всеохватывающий план. И если мы этот план разрушили, то это случилось потому, что все единство империалистов было только кажущимся и силы международной буржуазии не выдерживают и одного испытания, когда речь идет о том, чтобы действительно жертвовать собой. Оказалось, что после четырех лет империалистской бойни трудящиеся массы не признают справедливость войны с нами, и мы имеем в их лице великого союзника. План Антанты был действительно разрушительный, но он разрушился благодаря тому, что капиталистические державы, несмотря на свой могущественнейший союз, не смогли осуществить его: оказались бессильны провести его в жизнь. Ни одна из держав, из коих каждая могла иметь перевес над нами, не могла проявить единства, потому что организованный пролетариат его не поддерживает; ни одна армия — ни французская, ни английская — не могла выдержать того, чтобы ее солдаты на русской почве способны были сражаться против Советской республики.

Если мы мысленно проследим, в каких отчаянных положениях бывала наша республика, когда она, действительно, стояла против всего мира, против держав, неизмеримо более могущественных, и вспомним, как мы вышли вполне победоносно из всех этих тяжелых испытаний, то эти воспоминания дадут нам отчетливое представление о том, что мы имеем сейчас перед собой. Мы имеем здесь план не новый, но вместе с тем ничего похожего не имеющий с тем действительно всеобъемлющим единым планом, который мы имели полгода тому назад. Мы имеем обломки старого плана, и это больше всего дает нам гарантию с точки зрения международного соотношения сил относительно безнадежности теперешней попытки. В старом плане мы имели попытку со стороны всех империалистских держав в союзе со всеми мелкими окраинными государствами бывшей Российской империи, которые раньше были бесстыдно и безобразно угнетаемы царским и капиталистическим правительством Великороссии, задушить рабоче-крестьянскую республику; теперь же некоторые державы в союзе с одним из пограничных государств пытаются сделать то, что не удалось сделать всем империалистским державам в союзе со всеми пограничными государствами, и что им было предпринято год и полгода тому назад в союзе с Колчаком, Деникиным и пр. Мы видим теперь обломки империалистского плана. Империалистские планы отличаются тем, что буржуазия здесь особенно проявляет свою цепкость. Она знает, что борется за власть у себя дома, что здесь решается вопрос не русский или польский, а вопрос ее собственного существования,

Поэтому надо ждать, что из всякого обломка плана она будет стараться воссоздать старый, провалившийся план.

Для всех нас ясно разногласие интересов империалистских государств. Несмотря на все заявления их министров о мирном улаживании спорных вопросов, на самом деле империалистские державы не могут сделать ни одного серьезного шага в политических вопросах, чтобы не разойтись. Французам нужна сильная Польша и сильная Россия царского типа, и они готовы для этой цели принести все жертвы. Англия же, исходя из своего географического положения, стремится к другому — к раздроблению России, к ослаблению Польши, чтобы между Францией и Германией было равновесие, которое обеспечивало бы победившим империалистам управление колониями, которыми они завладели в результате мировой войны, ограбив Германию. Тут рознь интересов вопиющая, и как бы ни уверяли нас представители империалистских держав в Сан-Ремо [158], что между союзниками царит полное единомыслие, мы знаем, что между ними никакого согласия нет.

Мы знаем, что наступление Польши, это — обломки старого плана, некогда объединявшего всю международную буржуазию, и если тогда не удался этот грандиозный план, обеспечивавший с точки зрения чисто военной безусловный успех, то теперь даже и с этой точки зрения план безнадежен. Кроме того, мы знаем, что империалистские державы, заключившие союз с польской буржуазией, и польское правительство запутались, как никогда. Польская буржуазия с каждым шагом своей политики за последние месяцы, недели и дни разоблачает себя перед собственными трудовыми массами, ссорится с своими собственными союзниками и не может сделать в своей политике последовательно ни одного шага. То объявляя о своем непримиримом отношении к Советской России и невозможности вступить с ней в какие-либо разговоры, то снимая с нее блокаду и торжественно заявляя об этом от имени якобы существующего союза, якобы существующей Лиги наций, то снова начиная политику колебаний, — империалисты тем самым давали и дают нам возможность доказать свою мирную политику, доказать, что наша международная политика не имеет ничего общего ни с царской, ни с политикой русских капиталистов или русской буржуазии, хотя бы и демократической. Мы доказали перед всем миром, что наша внешняя политика не имеет ничего общего с той, которую нам постоянно приписывают все буржуазные газеты. Таким образом, в политике Польши не осталось ни одного обмана, который они сами не разоблачили бы. Из опыта трех русских революций мы знаем, как эти революции подготовлялись и как на почве каждой из них развивалась дальше внутренняя и международная

политика. Этот опыт показывает, что вернейшим нашим помощником в деле подготовки революции являются те господствующие классы, которые, претендуя на всевозможные коалиции, учредилки и пр., претендуя на выражение, якобы, народной воли, на деле собственной политикой в каждый серьезный, трудный и ответственный момент национальной жизни показывают корысть дерущихся между собой буржуазных групп, не способных помириться, конкурирующих между собой групп капиталистов, которые во сто раз больше, чем коммунистическая пропаганда, разоблачают самих себя. Ни в одной стране, ни в одном государстве рабочий класс, хотя бы он был наиболее революционным, никогда не мог бы быть революционизируем никакой пропагандой и агитацией, если бы эту агитацию не подтверждали своим практическим поведением господствующие классы его собственной страны.

То, что сейчас происходит во всех капиталистических странах, и чем дальше, тем сильнее, особенно в такой стране, как Польша, дает нам уверенность в том, что если мы вышли победителями из несомненно более тяжелой войны, если мы правильно учли рознь и невозможность примирения между буржуазией разных групп и партий в моменты, когда это объединение им особенно нужно, — то теперь улучшение нашего международного положения громадно. Это дает нам уверенность не только с точки зрения внутреннего соотношения сил, но и с точки зрения международной. Если мы возьмем всю систему всех современных империалистских государств, все их стремления, — а мы знаем, что их стремления неискоренимы в том, чтобы использовать каждый момент для нападения на Россию, — и оценим совершенно объективно, с точки зрения неопровержимых фактов истории последних лет и особенно последнего полугодия, то это нам покажет, что международный враг слабеет, что всякие попытки объединения между империалистами все более и более безнадежны и что с этой стороны наша победа обеспечена.

Но, товарищи, когда мы стоим сейчас, занятые хозяйственной задачей, сосредоточив все внимание на мирном хозяйственном строительстве, перед надвигающейся новой войной, для нас существенно необходимо быстро перестроить свои ряды. Вся наша армия, которая в последнее время являлась трудовой армией [159], теперь должна обратить свое внимание на другую сторону; мы должны оставить все свои дела и сосредоточиться на этой новой войне. Мы прекрасно знаем, что тот неприятель, который стоит перед нами сейчас, не страшен нам после того, что мы уже пережили, но он может потребовать новые тяжелые жертвы со стороны рабочих и крестьян, может затруднить нам во много раз наше хозяйственное строительство,

привести к разорению, разрушению десятки, сотни и тысячи крестьянских хозяйств, а также своим временным успехом воскресить потухшие надежды разбитых нами империалистов, которые, конечно, не преминут примкнуть к нему. Поэтому мы должны сказать, что то наше правило, которого мы держались во все предыдущие войны, должно неизменно возродиться и теперь. Если вопреки нашим самым примирительным намерениям, несмотря на то, что мы сделали громадные уступки, что мы отказались от всех национальных притязаний, польские помещики и польская буржуазия навязали нам войну; если мы уверены, а мы должны быть уверены, — в том, что буржуазия всех стран, даже та, которая сейчас полякам не помогает, когда война разгорится, им поможет, потому что решается вопрос не только русский или польский, а вопрос о существовании всей буржуазии, — то мы должны вспомнить и во что бы то ни стало осуществить и провести в жизнь до конца правило, которому мы следовали в нашей политике и которое всегда обеспечивало за нами успех. Это правило заключается в том, что раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет недопустимо. Как ни тяжело громадному большинству товарищей оторваться от работы, совсем недавно переведенной на другие рельсы, более благодарные и необходимые для задач мирного строительства, нужно помнить, что малейшее упущение, невнимание нередко означает десятки тысяч лишних смертей наших лучших товарищей, наших молодых поколений рабочих и крестьян, наших коммунистов, которые, как и всегда, в первых рядах борющихся. Поэтому еще раз, — все для войны. Пусть ни одно собрание, ни одно совещание не пройдет без того, чтобы при всяком обсуждении на первом месте не стоял вопрос: все ли мы сделали, чтобы помочь войне, достаточно ли напряжены наши силы, достаточно ли помощи отправлено на фронт? Нужно, чтобы здесь оставались только те, кто не способен помогать на фронте. Ему все жертвы, ему вся помощь, отбросив все колебания. И, сосредоточив все силы и принеся все жертвы, мы, несомненно, победим и на этот раз. (*Аплодисменты.*)

Напечатано в 1920 г. в книге: «Стенографические отчеты заседаний пленума Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов»

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 31, стр. 107—112.

ИНДИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АССОЦИАЦИИ [160]

Рад слышать, что провозглашенные рабоче-крестьянской республикой принципы самоопределения и освобождения угнетенных народов от эксплуатации иностранных и собственных капиталистов нашли такой живой отклик среди сознательных индийцев, героически борющихся за свою свободу. Русские трудящиеся массы с неослабным вниманием следят за пробуждением индийского рабочего и крестьянина. Залогом окончательного успеха являются организованность и дисциплина трудящихся, их выдержка и солидарность с трудящимися всего мира. Приветствуем тесный союз мусульманских и немусульманских элементов. Искренне желаем распространения этого союза на всех трудящихся Востока. Только тогда, когда индийский, китайский, корейский, японский, персидский, турецкий рабочий и крестьянин протянут друг другу руки и пойдут вместе на общее дело освобождения, только тогда обеспечена решительная победа над эксплуататорами. Да здравствует свободная Азия!

«Правда» № 108, 20 мая 1920 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 31, стр. 116.

ПИСЬМО К АНГЛИЙСКИМ РАБОЧИМ [161]

Товарищи! Прежде всего позвольте поблагодарить вас за присылку к нам вашей делегации для ознакомления с Советской Россией. Когда ваша делегация предложила мне послать через нее письмо английским рабочим и, может быть, также предложение английскому правительству, я ответил, что с благодарностью принимаю первое предложение, но к правительству я должен обращаться не через рабочую делегацию, а непосредственно от имени нашего правительства через тов. Чичерина. Мы обращались таким образом много, очень много раз к английскому правительству с самым формальным и торжественным предложением начать мирные переговоры. Эти наши предложения непрерывно продолжают делать все наши представители, и тов. Литвинов, и тов. Красин, и все остальные. Английское правительство упорно не принимает наших предложений. Неудивительно поэтому, что с делегатами английских рабочих я желал говорить исключительно как с делегатами рабочих и не в качестве представителя правительства Советской России, а в качестве просто коммуниста.

Меня не удивило, что ряд членов вашей делегации стоит не на точке зрения рабочего класса, а на точке зрения буржуазии, класса эксплуататоров, ибо во всех капиталистических странах империалистская война вполне обнаружила застарелый нарыв: именно, переход большинства парламентских и тред-юнионистских вождей рабочих на сторону буржуазии. Под лживым предлогом «защиты отечества» защищали на деле грабительские интересы одной из двух групп всемирных разбойников, англо-американо-французской или германской; вступали в союз с буржуазией против революционной борьбы пролетариата; прикрывали эту измену сантиментально-мещанскими, реформистскими и пацифистскими фразами о мирной эволюции, о конституционных методах, о демократии и проч. Так было во всех странах; неудивительно, что то же самое явление в Англии отразил и состав вашей делегации.

Члены вашей делегации, Шоу и Гест, спрашивали меня, видимо удивленные и обиженные моим заявлением, что Англия, вопреки нашим мирным предложениям, вопреки заявлениям ее правительства, продолжает интервенцию, ведет войну с нами, помогает Врангелю в Крыму и белогвардейской Польше, — спрашивали меня, есть ли у меня доказательства этого, могу ли я указать, сколько поездов с военным снаряжением доставила Англия в Польшу и т. д. Я ответил, что для получения секретных договоров английского правительства надо революционно свергнуть его и захватить в свои руки все документы его шпионской политики, как это сделали мы в 1917 г. Всякий образованный человек, всякий интересующийся политикой искренно, знал и до нашей революции, что у царя были тайные договоры с разбойничьими правительствами Англии, Франции, Америки, Италии, Японии о дележе добычи, о Константинополе, Галиции, Армении, Сирии, Месопотамии и т. п. Только лгуны и лицемеры (не считая, конечно, совсем невежественных, темных, неграмотных людей) могли отрицать это или делать вид, что не знают этого. Но без революции мы никогда бы не могли добыть секретные документы разбойничьих правительств капиталистического класса. То вожди или представители английского пролетариата, — все равно, парламентские, тред-юнионистские, журналистские или иные, — которые делают вид, что не знают о существовании тайных договоров Англии, Франции, Америки, Италии, Японии, Польши о грабеже других стран, о дележе добычи и которые не ведут революционной борьбы за разоблачение таких договоров, показывают только этим лишний раз, что они верные слуги капиталистов. Нам это давно известно; мы это и у себя и во всех странах мира разоблачаем. Посещение России делегацией английских рабочих ускорит разоблачение таких вождей и в Англии.

Я беседовал с вашей делегацией в среду, 26 мая. А через день пришли телеграммы, что Бонар-Лоу признал в английском парламенте военную помощь Польше в октябре «для защиты от России» (конечно, только для защиты, только в октябре! В Англии еще есть «влиятельные рабочие вожди», помогающие капиталистам одурачивать рабочих!), а газета «Нью-Стейтсмэн» *, умереннейшая из умереннейших мещанских газет или журналов, писала о доставке Польше танков, более могучих, чем употреблявшиеся в войне против немцев. Можно ли после этого не смеяться над теми «вождями» английских рабочих, которые с видом оскорбленной невинности спрашивают,

* — «Новый Государственный Деятель». *Ред.*

какие есть «доказательства» того, что Англия воюет с Россией и помогает Польше и белогвардейцам в Крыму?

Члены делегации спрашивали меня, что я считаю более важным: образование ли в Англии последовательной, революционной, коммунистической партии или немедленную помощь рабочих масс в Англии делу мира с Россией. Я отвечал, что это дело убеждений. Искренние сторонники освобождения рабочих от ига капитала никак не могут быть против основания коммунистической партии, которая одна в состоянии воспитывать рабочие массы не по-буржуазному, не по-мещански, одна в состоянии действительно разоблачать, осмеивать, позорить «вождей», способных сомневаться в том, помогает ли Англия Польше и т. д. Нечего бояться, что в Англии будет слишком много коммунистов, ибо там нет даже маленькой коммунистической партии. Но если кто продолжает еще быть в идейном рабстве у буржуазии, продолжает разделять мещанские предрассудки насчет «демократии» (*буржуазной* демократии), пацифизма и пр., то, разумеется, такие люди только повредили бы пролетариату еще сильнее, если бы вздумали называть себя коммунистами и присоединяться к III Интернационалу. Такие люди неспособны ни на что, кроме как на сладенькие «резолюции» против интервенции, составленные из одних мещанских фраз. В известном смысле эти резолюции тоже полезны, — именно в том смысле, что старые «вожди» (сторонники буржуазной демократии, мирных методов и пр. и пр.) сделают себя смешными в глазах масс, разоблачат себя тем скорее, чем больше они проведут пустых, ни к чему не обязывающих, никакими революционными действиями не сопровождающихся резолюций. Каждому свое: пусть коммунисты работают прямо через свою партию над делом прояснения революционного сознания рабочих. Пусть те, кто поддерживал «защиту отечества» в войне империалистов из-за дележа мира, «защиту» тайного договора английских капиталистов с царем о грабеже Турции, пусть те, кто «не видит» помощи Польше и белогвардейцам в России со стороны Англии, пусть они скорее доводят до смешного числа количество своих «мирных резолюций»; тем скорее их постигнет судьба Керенского, меньшевиков и эсеров в России.

Некоторые члены вашей делегации с удивлением спрашивали меня о красном терроре, об отсутствии свободы печати в России, свободы собраний, о преследовании нами меньшевиков и меньшевистских рабочих и т. д. Я отвечал, что настоящие виновники террора — империалисты Англии и их «союзники», которые проводили и проводят белый террор в Финляндии и Венгрии, в Индии и в Ирландии, поддерживали и поддерживают Юденича, Колчака, Деникина, Пилсудского, Врангеля.

Наш красный террор есть защита рабочего класса от эксплуататоров, есть подавление сопротивления эксплуататоров, на сторону которых становятся эсеры, меньшевики, ничтожное число меньшевистских рабочих. Свобода печати и собраний в буржуазной демократии есть свобода заговора богачей против трудящихся, свобода подкупа газет и скупки их капиталистами. Я уже столько раз объяснял это в печати, что повторяться мне было не очень весело.

А через два дня после моей беседы с вашей делегацией газеты принесли известие, что в дополнение к аресту Монатта и Лорио во Франции, арестована Сильвия Панкхерст в Англии. Вот — лучший ответ английского правительства на тот вопрос, который боятся даже поставить плененные буржуазными предрассудками некоммунистические «вожди» английских рабочих, именно на вопрос: против какого класса направляется террор? против угнетенных и эксплуатируемых или против угнетателей и эксплуататоров? идет ли речь о «свободе» для капиталистов грабить, обманывать, одурачивать трудящихся или о «свободе» трудящихся от ига капиталистов, спекулянтов, собственников? Тов. Сильвия Панкхерст — представитель интересов сотен и сотен миллионов людей, которые угнетены английскими и прочими капиталистами, за это она и подвергается белому террору, лишению свободы и прочее. Те же «вожди» рабочих, которые ведут политику не коммунистическую, на девяносто девять сотых являются представителями буржуазии, ее обмана, ее предрассудков.

В заключение еще раз благодарю вас, товарищи, за присылку к нам вашей делегации. Знакомство ее с Советской Россией, несмотря на всю враждебность многих к советской системе и к диктатуре пролетариата, несмотря на громадную плененность их буржуазными предрассудками, неизбежно ускорит крах капитализма во всем мире.

Н. Ленин

30. V. 1920.

«Правда» № 130, 17 июня 1920 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 31, стр. 117—121.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК ТЕЗИСОВ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ И КОЛОНИАЛЬНОМУ ВОПРОСАМ [162]

(ДЛЯ ВТОРОГО СЪЕЗДА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА)

Предлагая на обсуждение товарищей нижеследующий проект тезисов по колониальному и национальному вопросам для 2-го съезда Коминтерна, я просил бы всех товарищей, в частности же товарищей, осведомленных конкретно по тому или иному из этих сложнейших вопросов, дать свой отзыв или исправление или дополнение или конкретное пояснение *в самой краткой (не более 2—3 страничек) форме*, в особенности по следующим пунктам:

Австрийский опыт.
Польско-еврейский и украинский опыт.
Эльзас-Лотарингия и Бельгия.
Ирландия.
Датско-германские отношения. Итало-французские и итало-славянские.
Балканский опыт.
Восточные народы.
Борьба с панисламизмом.
Отношения на Кавказе.
Башкирская и Татарская республики.
Киргизистан.
Туркестан, его опыт.
Негры в Америке.
Колонии.
Китай — Корея — Япония.

Н. Ленин

5 июня 1920 г.

1. Буржуазной демократии, по самой природе ее, свойственна абстрактная или формальная постановка вопроса о равенстве вообще, в том числе о равенстве национальном,

Под видом равенства человеческой личности вообще буржуазная демократия провозглашает формальное или юридическое равенство собственника и пролетария, эксплуататора и эксплуатируемого, вводя тем в величайший обман угнетенные классы. Идея равенства, сама являющаяся отражением отношений товарного производства, превращается буржуазией в орудие борьбы против уничтожения классов, под предлогом будто бы абсолютного равенства человеческих личностей. Действительный смысл требования равенства состоит лишь в требовании уничтожения классов.

2. Сообразно основной своей задаче борьбы против буржуазной демократии и разоблачения лжи и лицемерия ее, коммунистическая партия, как сознательная выразительница борьбы пролетариата за свержение ига буржуазии, должна и в национальном вопросе во главу угла ставить не абстрактные и не формальные принципы, а, во-первых, точный учет исторически-конкретной и прежде всего экономической обстановки; во-вторых, отчетливое выделение интересов угнетенных классов, трудящихся, эксплуатируемых, из общего понятия народных интересов вообще, означающего интересы господствующего класса; в-третьих, такое же отчетливое разделение наций угнетенных, зависимых, неравноправных от наций угнетающих, эксплуататорских, полноправных, в противовес буржуазно-демократической лжи, которая затушевывает свойственное эпохе финансового капитала и империализма колониальное и финансовое порабощение громадного большинства населения земли ничтожным меньшинством богатейших передовых капиталистических стран.

3. Империалистская война 1914—1918 годов с особенной ясностью вскрыла перед всеми нациями и перед угнетенными классами всего мира лживость буржуазно-демократических фраз, показав на деле, что Версальский договор пресловутых «западных демократий» есть еще более зверское и подлое насилие над слабыми нациями, чем Брест-Литовский договор германских юнкеров и кайзера. Лига наций и вся послевоенная политика Антанты еще более ясно и резко вскрывает эту правду, усиливая повсюду революционную борьбу как пролетариата передовых стран, так и всех трудящихся масс колониальных и зависимых стран, ускоряя крах мещански-национальных иллюзий насчет возможности мирного сожительства и равенства наций при капитализме.

4. Из вышеизложенных основных положений вытекает, что во главу угла всей политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросу должно быть положено сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и

буржуазии. Ибо только такое сближение гарантирует победу над капитализмом, без которой невозможно уничтожение национального гнета и неравноправия.

5. Мировая политическая обстановка поставила теперь на очередь дня диктатуру пролетариата, и все события мировой политики сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской республики, которая группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей, убеждающихся на горьком опыте, что им нет спасения, кроме как в победе Советской власти над всемирным империализмом.

6. Следовательно, нельзя ограничиваться в настоящее время голым признанием или провозглашением сближения трудящихся разных наций, а необходимо вести политику осуществления самого тесного союза всех национально- и колониально-освободительных движений с Советской Россией, определяя формы этого союза сообразно степени развития коммунистического движения среди пролетариата каждой страны или буржуазно-демократического освободительного движения рабочих и крестьян в отсталых странах или среди отсталых национальностей.

7. Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций. Федерация уже на практике обнаружила свою целесообразность как в отношениях РСФСР к другим советским республикам (венгерской, финской, латвийской в прошлом, азербайджанской, украинской в настоящем), так и внутри РСФСР по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (напр., Башкирская и Татарская автономные республики в РСФСР, созданные в 1919 и 1920 годах).

8. Задача Коминтерна состоит в этом отношении как в дальнейшем развитии, так и в изучении и проверке опытом этих новых, на базе советского строя и советского движения возникающих, федераций. Признавая федерацию переходной формой к полному единству, необходимо стремиться к более и более тесному федеративному союзу, имея в виду, во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистскими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление разрушенных империа-

лизмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме.

9. В области внутригосударственных отношений национальная политика Коминтерна не может ограничиться тем голым, формальным, чисто декларативным и практически ни к чему не обязывающим признанием равноправия наций, которым ограничиваются буржуазные демократы — все равно, признающие ли себя откровенно таковыми или прикрывающиеся названием социалистов, каковы социалисты II Интернационала.

Не только во всей пропаганде и агитации коммунистических партий — и с парламентской трибуны и вне ее — должны быть неуклонно разоблачаемы постоянные нарушения равноправия наций и гарантий прав национальных меньшинств во всех капиталистических государствах, вопреки их «демократическим» конституциям, но необходимо также, во-первых, постоянное разъяснение, что только советский строй в состоянии дать на деле равноправие наций, объединяя сначала пролетариев, затем всю массу трудящихся в борьбе с буржуазией; во-вторых, необходима прямая помощь всех коммунистических партий революционным движениям в зависимых или неравноправных нациях (напр., в Ирландии, среди негров Америки и т. п.) и в колониях.

Без этого последнего, особенно важного, условия борьба против угнетения зависимых наций и колоний, а равно признание их права на государственное отделение остаются лживой вывеской, как это мы видим у партий II Интернационала.

10. Признание интернационализма на словах и подмена его на деле, во всей пропаганде, агитации и практической работе, мещанским национализмом и пацифизмом составляет самое обычное явление не только среди партий II Интернационала, но и тех, кои вышли из этого Интернационала, и даже нередко среди тех, кои называют себя теперь коммунистическими. Борьба с этим злом, с наиболее закоренелыми мелкобуржуазными-национальными предрассудками, тем более выдвигается на первый план, чем злободневнее становится задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую

политику). Мелкобуржуазный национализм объявляет интернационализмом признание равноправия наций и только, сохраняя (не говоря уже о чисто словесном характере такого признания) неприкосновенным национальный эгоизм, между тем как пролетарский интернационализм требует, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала.

Таким образом в государствах, уже вполне капиталистических, имеющих рабочие партии, действительно являющиеся авангардом пролетариата, борьба с оппортунистическими и мещански-пацифистскими извращениями понятия и политики интернационализма является первой и важнейшей задачей.

11. По отношению к государствам и нациям более отсталым, с преобладанием феодальных или патриархальных и патриархально-крестьянских отношений, надо в особенности иметь в виду:

во-1-х, необходимость помощи всех коммунистических партий буржуазно-демократическому освободительному движению в этих странах; в первую голову обязанность оказывать самую активную помощь ложится на рабочих той страны, от которой отсталая нация зависит в колониальном или финансовом отношениях;

во-2-х, необходимость борьбы с духовенством и прочими реакционными и средневековыми элементами, имеющими влияние в отсталых странах;

в-3-х, необходимость борьбы с панисламизмом и подобными течениями, пытающимися соединить освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиции ханов, помещиков, мулл и т. п.;

в-4-х, необходимость поддерживать специально крестьянское движение в отсталых странах против помещиков, против крупного землевладения, против всяких проявлений или остатков феодализма, и стараться придать крестьянскому движению наиболее революционный характер, осуществляя возможно более тесный союз западно-европейского коммунистического пролетариата с революционным движением крестьян на востоке, в колониях и отсталых странах вообще; в особенности необходимо направить все усилия, чтобы приложить основные начала советского строя к странам с господством докапиталистических отношений, путем создания «Советов трудящихся» и т. п.;

в-5-х, необходимость решительной борьбы с перекрашиванием буржуазно-демократических освободительных течений в отсталых странах в цвет коммунизма; Коммунистический

Интернационал должен поддерживать буржуазно-демократические национальные движения в колониях и отсталых странах лишь на том условии, чтобы элементы будущих пролетарских партий, коммунистических не только по названию, во всех отсталых странах были группируемы и воспитываемы в сознании своих особых задач, задач борьбы с буржуазно-демократическими движениями внутри их наций; Коммунистический Интернационал должен идти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно охранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме;

в-6-х, необходимость неуклонного разъяснения и разоблачения перед самыми широкими трудящимися массами всех, особенно же отсталых, стран того обмана, который систематически проводят империалистские державы, под видом создания политически независимых государств создающие вполне зависимые от них в экономическом, финансовом, военном отношениях государства; в современной международной обстановке кроме союза советских республик нет спасения зависимым и слабым нациям.

12. Вековое угнетение колониальных и слабых народностей империалистскими державами оставило в трудящихся массах угнетенных стран не только озлобление, но и недоверие к угнетающим нациям вообще, в том числе и к пролетариату этих наций. Подлое предательство социализма большинством официальных вождей этого пролетариата в 1914—1919 годах, когда «защитой отечества» социал-шовинистски прикрывалась защита «права» «своей» буржуазии на угнетение колоний и ограбление финансово-зависимых стран, не могло не усилить этого, вполне законного, недоверия. С другой стороны, чем более отсталой является страна, тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, неминуемо ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности. Так как эти предрассудки могут исчезнуть лишь после исчезновения империализма и капитализма в передовых странах и после радикального изменения всей основы экономической жизни отсталых стран, то вымирание этих предрассудков не может не быть очень медленным. Отсюда обязательность для сознательного коммунистического пролетариата всех стран относиться с особенной осторожностью и с особым вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях, равным образом обязательность идти на известные уступки в целях более быстрого изживания указанного недоверия и указанных предрассудков. Без добровольного

стремления к союзу и единству со стороны пролетариата, а затем и всех трудящихся масс всех стран и наций всего мира, дело победы над капитализмом не может быть успешно завершено.

Опубликовано в июне 1920 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 31, стр. 122—123.

В ИСПОЛКОМ КОМИНТЕРНА

Необходимо еще для II съезда III Интернационала написать тезисы о международном экономическом и политическом положении.

Нельзя ли поручить *предварительный набросок Лапинскому* или *еще кому-либо* с таким *приблизительным планом этих тезисов*[163]:

1. Раздел всей земли (как в смысле сфер влияния банкового и финансового капитала, так и в смысле международных синдикатов и картелей, а равно в смысле захвата колоний и полуколоний) есть основной факт империализма, экономики 20-го века.

2. Отсюда неизбежны империалистские войны вообще и в частности 1-ая империалистская война 1914—1918 годов.

3. Итоги этой войны:

(а) *уменьшение* числа держав всемирно-могущественных, *увеличение* числа слабых, разграбляемых, разделяемых, зависимых;

(б) гигантское обострение *всех* капиталистических противоречий, как внутри всех капиталистических стран, так и между странами;

(в) в особенности, обострение, во всемирном масштабе, обоих полюсов капитализма:

увеличение роскоши ничтожного числа магнатов капитала;

увеличение нужды, нищеты, разорения, голода, безработицы, крайней необеспеченности существования;

(г) усиление милитаризма, усиление и ускорение подготовки к новым империалистским войнам, экономически неизбежным; увеличение числа войн во всем мире и притом войн, особенно революционных;

(д) полный крах Лиги наций, разоблачение ее лжи; крах «вильсонизма». Крах буржуазной *демократии*.

4. Пояснение, самое краткое, на характеристике (ср. доклад П. Леви 14. IV. 1920):

Англии и Америки
Франции
Японии
остальных, нейтральных, стран Европы и Америки
побежденных стран (России и Германии главным образом)
колоний
полуколоний (Персия, Турция, Китай).

5. Сырье, — его истощение
промышленность, — ее обессиление (топливо и пр.)
валюта, — ее крах. Долги. Обесценение денег.
«Разлаженность», *распад* всей системы мирового хозяйства.

6. Итог = мировой революционный кризис. Коммунистическое движение и Советская власть.

Написано до 19 июля 1920 г.
Впервые напечатано в 1942 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 35, стр. 385—386.

Г. В. ЧИЧЕРИНУ

22. VII. 1920 г.

т. Чичерину

Мое предложение:

1) Коппу дать директивы через НКИДел в духе предложения т. Чичерина (только торговые переговоры)

2) Гуковскому ответить.

3) Керзону ответить *через 2 дня* (не раньше; к чему их баловать), запросив еще раз Каменева и консула: почему у нас нет оригинала по-английски?

Ответить архивежливо так

если *Англия* (+ Франция + ? + ?) хочет общего, т. е. *настоящего* мира, *мы за* уже давно. Тогда *уберите Врангеля,* ибо он *Ваш,* Вами содержимый, и тотчас начинаем переговоры.

Если Польша хочет мира, мы *за;* сказали это ясно и повторяем, пусть она предложит.

Если Вы переговоры *торговые* перерываете, очень жалеем, но Вы изобличаете *себя* в уклонении от истины, ибо начали эти переговоры Вы *во время* войны Польши и *обещали перемирие.* Спокойно, точно вскрыть их противоречия.

Проект ответа одобрить по телефону через членов Политбюро в пятницу или субботу 23 или 24/VII.

Ленин

Впервые опубликовано в 1950 г. в 35 т. Сочинений В. И. Ленина, изд. 4

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 35, стр. 337.

РЕЧЬ НА IX ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б) [164] 22 СЕНТЯБРЯ 1920 г.

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Война с Польшей, вернее, июльско-августовская кампания, коренным образом изменила международное политическое положение.

Нападению на нас поляков предшествовал характерный для установившихся тогда международных отношений эпизод. Когда мы в январе предложили Польше мир, для нее чрезвычайно выгодный, для нас очень невыгодный, — дипломаты всех стран поняли это по-своему: «большевики непомерно много уступают, — значит, они непомерно слабы». Лишний раз подтвердилась истина, что буржуазная дипломатия неспособна понять приемов нашей новой дипломатии открытых прямых заявлений. Поэтому наши предложения вызвали лишь взрыв бешеного шовинизма в Польше, Франции и прочих странах и толкнули Польшу на нападение. Польша сперва захватила Киев, затем наши войска контр-ударом подошли к Варшаве; далее наступил перелом, и мы откатились более чем на сотню верст назад.

Создавшееся в результате этого безусловно тяжелое положение, однако, отнюдь не является для нас голым проигрышем. Мы жестоко обманули расчеты дипломатов на нашу слабость и доказали, что Польша нас победить не может, мы же недалеки от победы над Польшей и были и есть. Затем, мы и сейчас имеем сотню верст завоеванной территории. Наконец, наше продвижение к Варшаве оказало столь могучее воздействие на Западную Европу и всю мировую ситуацию, что совершенно нарушило соотношение борющихся внутренних и внешних политических сил.

Приближение нашей армии к Варшаве неоспоримо доказало, что где-то близко к ней лежит центр всей системы мирового империализма, покоящейся на Версальском договоре. Польша, последний оплот против большевиков, находящийся

всецело в руках Антанты, является настолько могущественным фактором этой системы, что, когда Красная Армия поставила этот оплот под угрозу, заколебалась вся система. Советская республика становилась в международной политике фактором первостепенного значения.

В создавшемся новом положении прежде всего сказался тот факт огромного значения, что буржуазия стран, живущих под гнетом Антанты, — скорее за нас, а таковые составляют 70% всего человечества на земле. Мы и раньше видели, как маленькие государства, которым пришлось солоно под опекой Антанты (Эстония, Грузия и др.), которые вешают своих большевиков, заключают с нами мир вопреки ее воле. Теперь это сказалось с особой силой во всех концах света. С приближением наших войск к Варшаве вся Германия закипела. Там получилась картина, какую можно было наблюдать у нас в 1905 году, когда черносотенцы поднимали и вызывали к политической жизни обширные, наиболее отсталые слои крестьянства, которые сегодня шли против большевиков, а завтра требовали всей земли от помещиков. И в Германии мы увидели такой противоестественный блок черносотенцев с большевиками. Появился странный тип черносотенца-революционера, подобного тому неразвитому деревенскому парню из Восточной Пруссии, который, как я читал на-днях в одной немецкой небольшевистской газете, говорит, что Вильгельма вернуть придется, потому что нет порядка, но что идти надо за большевиками.

Другим последствием нашего пребывания под Варшавой было могущественное воздействие на революционное движение Европы, особенно Англии. Если мы не сумели добраться до промышленного пролетариата Польши (и в этом одна из главных причин нашего поражения), который за Вислой и в Варшаве, то мы добрались до английского пролетариата и подняли его движение на небывалую высоту, на совершенно новую ступень революции. Когда английское правительство предъявило нам ультиматум, то оказалось, что надо сперва спросить об этом английских рабочих. А эти рабочие, из вождей которых девять десятых — злостные меньшевики, ответили на это образованием «Комитета действия» [165].

Английская пресса встревожилась и закричала, что это — «двоевластие». И она была права. Англия оказалась в той стадии политических отношений, какая была в России после февраля 1917 года, когда Советы вынуждены были контролировать каждый шаг буржуазного правительства. «Комитет действия» есть объединение всех рабочих без различия партий, подобное нашему ВЦИК тех времен, когда там хозяйничали Гоц, Дан и пр., — такое объединение, которое конкурирует с правительством и в котором меньшевики вынуждены поступать

наполовину как большевики. И подобно тому, как наши меньшевики в конце концов запутались и помогли привести массы к нам, так и меньшевики «Комитета действия» вынуждены непреодолимым ходом событий расчищать английским рабочим массам дорогу к большевистской революции. Английские меньшевики, по свидетельству компетентных лиц, уже чувствуют себя как правительство и собираются стать на место буржуазного в недалеком будущем. Это будет дальнейшей ступенью в общем процессе английской пролетарской революции.

Эти огромные сдвиги в английском рабочем движении оказывают могущественное воздействие на рабочее мировое движение и в первую голову на рабочее движение Франции.

Таковы итоги нашей последней польской кампании в международной политике и складывающихся отношениях в Западной Европе.

Теперь перед нами стоит вопрос о войне и мире с Польшей. Мы хотим избежать тяжелой для нас зимней кампании и снова предлагаем Польше выгодный для нее, невыгодный для нас мир. Но возможно, что буржуазные дипломаты, по старой привычке, опять учтут наше открытое заявление, как признак слабости. По всей вероятности, зимняя кампания ими предрешена. И здесь следует выяснить те условия, при которых нам придется вступить в вероятный новый период войны.

Наше поражение вызвало в Западной Европе известные изменения и сплотило против нас враждебные нам разнородные элементы. Но мы не раз видели против себя и более могущественные образования и настроения, которые, однако, дела не решали.

Мы имеем против себя блок Польши, Франции и Врангеля, на которого Франция ставит свою ставку. Однако, блок этот страдает старой болезнью — непримиримостью его элементов, страхом, который питает мелкая буржуазия Польши к черносотенной России и к ее типичному представителю Врангелю. Польша мелкобуржуазная, патриотическая, партия ПНС, людовская, зажиточных крестьян, — хотят мира. Представители этих партий говорили в Минске: «Мы знаем, что Варшаву и Польшу спасла не Антанта, — она не могла нас спасти, — а спас ее патриотический подъем». Эти уроки не забываются. Поляки видят ясно, что выйдут из войны совершенно разоренными в финансовом отношении. Ведь за войну надо платить, а Франция признает «священную частную собственность». Представители мелкобуржуазных партий знают, что еще до войны положение в Польше было накануне кризиса, что война несет дальнейшее разорение, а потому они предпочитают мир. Этот шанс мы и хотим использовать, предлагая Польше мир.

Обнаружился также чрезвычайно важный новый фактор: изменение социального состава польской армии. Мы победили Колчака и Деникина лишь после того, как у них изменился социальный состав их армий, когда основные крепкие кадры растворились в мобилизованной крестьянской массе. Этот процесс происходит теперь в армии польской, в которую правительство вынуждено было призвать старшие возрасты крестьян и рабочих, прошедших более жестокую, империалистскую войну. Эта армия состоит теперь уже не из мальчиков, которых легко было «обработать», а из взрослых, которых нельзя подучить чему угодно. Польша уже перешла ту грань, за которой обеспечена была ей сначала максимальная победа, а затем максимальное поражение.

Если нам суждена зимняя кампания, мы победим, в этом нет сомнения, несмотря на истощение и усталость. За это ручается и наше экономическое положение. Оно значительно улучшилось. Мы приобрели, по сравнению с прошлым, твердую экономическую базу. Если в 1917—1918 году мы собрали 30 миллионов пудов хлеба, в 1918—1919 году — 110 миллионов пудов, в 1919—1920 году — 260 миллионов пудов, то в будущем году мы рассчитываем собрать до 400 миллионов пудов. Это уже не те цифры, в которых мы бились в голодные годы. Мы уже не будем с таким ужасом смотреть на разноцветные бумажки, которые летят миллиардами и теперь ясно обнаруживают, что они — обломок, обрывки старой буржуазной одежды.

У нас есть свыше ста миллионов пудов нефти. Донецкий бассейн уже дает нам 20—30 миллионов пудов угля в месяц. Значительно улучшилось дело с дровами. А в прошлом году мы сидели на одних дровах без нефти и без угля.

Все это и дает нам право говорить, что, если мы сплотим силы и напряжем их, победа будет за нами.

«Правда» № 216, 29 сентября 1920 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 31, стр. 250—254.

ИЗ РЕЧИ НА СОВЕЩАНИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ УЕЗДНЫХ, ВОЛОСТНЫХ И СЕЛЬСКИХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 15 ОКТЯБРЯ 1920 г.

...Когда большевики начали революцию, они говорили, что мы можем и должны начать ее; но мы вместе с тем не забыли, что успешно окончить и довести ее до безусловно победного конца можно, не ограничиваясь только одной Россией, но в союзе с целым рядом стран победив капитал международный. Капитал России связан с капиталом международным. И когда наши противники говорят нам: если бы вы даже победили в России, ваше дело все же погибнет, потому что другие капиталистические государства вас задавят, — то как ответ на это мы имеем теперь очень важный опыт, — опыт войны с Польшей, который показывает, как вышло на самом деле. На самом деле, почему произошло то, что Франция, Польша и Врангель, более сильные, чем мы, полные ненависти к большевизму и решимости свергнуть Советскую власть, через полгода — и даже меньше, если считать началом наступления апрель, — побеждены, что война кончается в нашу пользу? Как могло случиться, что Советская Россия, измученная войной империалистской и гражданской, окруженная врагами, отрезанная от всяких источников предметов обмундирования и снаряжения, — эта Советская Россия оказалась победительницей? Вот над этим надо подумать, потому что, вдумываясь в этот вопрос, мы начинаем понимать механику революции не только русской, но и международной. Мы видим подтверждение того, что русская революция есть только одно звено в цепи революции международной, и что наше дело стоит прочно и непобедимо, потому что во всем мире дело революции развивается, экономические условия складываются так, что они наших врагов обессиливают, а нас с каждым днем усиливают, и что это не было ни преувеличением, ни хвастовством, ни увлечением, это вам доказала теперь еще раз польская война. Трое союзни-

ков воевали против нас. Казалось бы, не трудно соединить этих трех союзников между собой, но оказалось, что трое союзников, обученных великим опытом войны Юденича, Колчака и Деникина, не могли соединиться против нас, на каждом шагу они ссорились между собой, и это особенно поучительно из истории только что закончившейся польской войны. Наш поход на Варшаву, этот поход Красной Армии, когда свыше 600 верст усталые, измученные, плохо одетые солдаты шли, непрерывно нанося поражение за поражением польским войскам, войскам, прекрасно обученным и имеющим сотни лучших инструкторов из французских офицеров, — этот поход вскрыл перед нами внутреннее отношение между всеми нашими противниками. Когда войска Красной Армии подходили к границе Польши, мы получили 12 июля телеграмму от английского министра иностранных дел Керзона, который от имени Лиги наций, пресловутой Лиги наций, союза, объединяющего будто бы Англию, Францию, Америку, Италию, Японию, государства, которые обладают военной силой, гигантской силой, которые обладают всем военным флотом мира, военное сопротивление которым, казалось бы, является вещью совершенно невозможной, нелепой, — от имени этой Лиги наций предлагает нам прекратить войну и вступить в переговоры с поляками в Лондоне. Согласно этой телеграммы, линией границы должна была быть линия около Гродно, Белостока, Брест-Литовска и по реке Сану в Восточной Галиции. Мы ответили на это предложение, что мы ни с какой Лигой наций не считаемся, потому что мы видели несерьезность этой Лиги наций, ее не слушают даже сами ее члены. Наш ответ французское правительство признало дерзким, и казалось бы, что против нас должна была выступить эта Лига наций. Но что же обнаружилось? Лига наций развалилась от этого первого нашего заявления, и Англия и Франция выступили друг против друга.

Английский военный министр Черчилль уже несколько лет употребляет все средства, и законные, и еще более незаконные с точки зрения английских законов, чтобы поддерживать всех белогвардейцев против России, чтобы снабжать их военным снаряжением. Это величайший ненавистник Советской России, и тем не менее Англия сейчас же после нашего заявления разошлась с Францией, так как Франции нужны силы белогвардейской России, чтобы они могли защищать ее от Германии, Англии же никакой защиты не нужно, Англия страна морская, она никакого выступления не боится, потому что владеет сильнейшим флотом. Таким образом, на первом же шагу оказалось, что Лига наций, которая посылала такие неслыханные угрозы России, бессильна. На каждом шагу обнаруживается, что интересы составных частей этой Лиги наций

взаимно противоречивы. Франция желает поражения Англии, и наоборот. И когда тов. Каменев вел переговоры с английским правительством в Лондоне, и когда он заявил английскому премьер-министру: «Допустим, что вы действительно исполните то, что говорите, но как же Франция?» — то английский премьер-министр должен был ответить, что Франция пойдет своим путем, «мы с Францией одинаково идти не можем». Оказалось, что Лиги наций не существует, что союз капиталистических держав есть пустой обман и что, на самом деле, это — союз хищников, из которых каждый старается урвать что-нибудь друг у друга. И теперь, когда нам пришлось при заключении мира в Риге узнать, что разделяло Польшу, Англию, Францию и Врангеля, почему они не могли соединиться, мы узнали, что у них интересы были разные, потому что Англия хочет иметь под своим влиянием новые маленькие государства — Финляндию, Эстляндию, Латвию и Литву, и ей нет никакого дела и даже невыгодно восстановление царской, или белогвардейской, или хотя бы буржуазной России. И потому Англия действует наперекор Франции и не может соединиться с Польшей и Врангелем. Франция же заботится о том, чтобы перебить польских солдат до последнего из-за своих интересов, из-за своих долгов. Она надеется, что мы ей заплатим те 20 миллиардов долга, которые взял бывший царь и которые подтвердило правительство Керенского, и теперь всякому разумному человеку ясно, что французским капиталистам не видать этих денег, как своих ушей, и французские капиталисты понимают, что французских рабочих и крестьян на войну не пошлешь, а польских — сколько угодно, пусть польские солдаты гибнут, чтобы французские капиталисты получили свои миллиарды. Но и польские рабочие видят, что в Польше французские, английские и др. офицеры держат себя как в завоеванной стране, и поэтому мы во время переговоров в Риге увидали, что партия польских рабочих и крестьян — безусловно патриотическая, безусловно враждебная большевизму, похожая на нашу партию правых меньшевиков и эсеров, что эта партия стояла за мир и была против правительства польских помещиков и капиталистов, которые до последнего момента стремились сорвать мир, стремятся к этому еще и теперь, и долго еще будут стремиться, о чем мне придется говорить, когда я перейду к вопросу о том, прочен ли этот предварительный мир, который мы только что заключили.

Третий из союзников, который боролся за то, чтобы вернуть всю Россию помещикам и капиталистам, Врангель, к России причисляет и Польшу. Ведь все русские цари, русские помещики и капиталисты привыкли считать Польшу своей добычей,

они не забыли, что Польшу душили еще русские крепостные мужики, когда их посылали на войну, с царем во главе, и значит, если бы Врангель победил, он победил бы для того, чтобы вернуть помещикам всю власть и в России, и в Польше. Но вышло то, что, когда против нас собрались три союзника, они начали с того, что разодрались между собой. И того, чего хочет Франция, не хочет ни польский мужик, ни польский рабочий, и, чего хочет Врангель, не хочет даже ни один помещик Польши. И теперь, когда к нам попадают радио Врангеля или же радио из Парижа с французскими правительственными сообщениями, то мы видим, что Врангель и Франция скрежещут зубами, потому что они понимают, что это за мир, который сейчас заключен нами с Польшей, хотя они и уверяют, что это не мир, что Польша не может его подписать. Мы же посмотрим, — пока что мир подписан. Между тем, как Врангель, так и Франция не понимают, в чем тут дело. Они не могут переварить того чуда, что разоренная Советская Россия побеждает цивилизованные государства, которые сильнее ее. Они не понимают того, что вся сила этих побед есть основное учение коммунистов, которое говорит, что собственность разъединяет, а труд соединяет. Частная собственность — это грабеж, и государство, основанное на частной собственности, есть государство хищников, которые воюют для дележа добычи. И, еще не кончив этой войны, они начинают уже бороться внутри, между собой. Год тому назад нам грозили 14 государств. А между тем, союз этих 14 государств развалился сразу. А почему он развалился? Да потому, что договор этих государств между собой был только договором на бумаге, и никто из них не пошел на войну. И когда теперь началась война, Франция, Польша и Врангель соединились между собой, то и их союз развалился потому, что они ставят друг другу подножку. Они стали делить шкуру медведя, которого еще не убили, да и не убьют. А между тем, из-за этого медведя у них идут уже раздоры.

Опыт мировой политики доказал, что союз против Советской России неминуемо осужден на неудачу, потому что это союз империалистский, союз хищников, которые не объединены, и действительного интереса, прочного, соединяющего их, у них нет. У них нет того, что соединяет рабочий класс, у них нет этого интереса, и это еще раз обнаружилось во время польской войны. Когда наша Красная Армия сломила сопротивление поляков, когда она взяла Белосток и Брест-Литовск, подошла к польской границе, то вся международная политика этим уже закончилась, так как она держится на Версальском договоре, а Версальский договор это есть договор хищников и разбойников. Когда нам навязали Брестский мир, под игом

которого мы были столько времени, тогда во всем мире кричали, что это мир грабителей. Когда была побеждена Германия, Лига наций, воюя против нее, кричала о том, что это война освободительная, демократическая. Германии был навязан мир, но мир этот был ростовщический, мир душителей, мир мясников, потому что они разграбили и раздробили Германию и Австрию. Они лишили их всех средств жизни, оставили детей голодать и умирать с голоду, это мир неслыханный, грабительский. Таким образом, что такое Версальский договор? Это неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов. Это не мир, а условия, продиктованные разбойниками с ножом в руках беззащитной жертве. У Германии отняты этими противниками по Версальскому договору все ее колонии. Турция, Персия и Китай превращены в рабов. Получилось такое положение, при котором $^{7}/_{10}$ мирового населения находится в порабощенном положении. Эти рабы разбросаны по всему миру и отданы на растерзание кучке стран: Англии, Франции и Японии. И вот почему весь этот международный строй, порядок, который держится Версальским миром, держится на вулкане, так как те $^{7}/_{10}$ населения всей земли, которые порабощены, только и ждут не дождутся, чтобы нашелся кто-нибудь, кто поднял бы борьбу, чтобы начали колебаться все эти государства. Франция надеется получить старые долги, а сама в долгу у Америки, и платить эти долги Америке ей нечем, так как у нее ничего нет, а частная собственность у них священна. В чем же заключается эта священная частная собственность? Да в том, что цари и капиталисты занимают деньги, а рабочие и крестьяне должны этот долг платить. Они накануне краха. Им из долгов не выйти. И в это-то самое время Красная Армия сломила польскую границу и подошла к германской границе. Это было тогда, когда в Германии все, даже черносотенцы и монархисты, говорили, что большевики нас спасут, когда увидели, что Версальский мир трещит по всем швам, что есть Красная Армия, которая всем капиталистам объявила войну. Что же оказалось? А оказалось то, что Версальский мир держится на Польше. Правда, нам нехватило сил довести войну до конца. Но нужно помнить, что наши рабочие и крестьяне были разуты и раздеты, но они шли все-таки вперед и преодолевали такие трудности и воевали при таких условиях, при каких не приходилось воевать ни одной армии во всем мире. У нас нехватило сил, мы не могли взять Варшаву и добить польских помещиков, белогвардейцев и капиталистов, но наша армия показала всему миру, что Версальский договор не есть такая сила, какой его изображают, что сотни миллионов людей осуждены теперь на то, чтобы десятилетия платить

самим и заставлять платить внуков и правнуков по займам, чтобы обогатить французских, английских и других империалистов. Красная Армия показала, что этот Версальский договор не так прочен. После этого Версальского договора наша армия показала, как разоренная Советская страна летом 1920 года была, благодаря этой Красной Армии, в нескольких шагах от полной победы. Весь мир увидел, что есть сила, для которой Версальский договор не страшен, и что никакие Версальские договоры не сломят силы рабочих и крестьян, если они умеют расправляться с помещиками и капиталистами.

Итак, самый поход против Версальского мира, поход против всех капиталистов и помещиков всех стран и против удушения ими остальных, — не прошел даром. Это видели и над этим думали миллионы и миллионы рабочих и крестьян во всех странах и теперь в Советской республике видят своих избавителей. Они говорят: Красная Армия доказала, что она отвечает на удары, однако, у нее нехватило сил на победу в первый год, можно сказать, даже в первый месяц ее мирного строительства. Но за этим первым месяцем мирного строительства последуют годы, и с каждым таким годом она будет становиться в 10 раз более сильной. Думали, что Версальский мир есть мир всесильных империалистов, и убедились, после лета 1920 года, что они более бессильны, чем рабочие и крестьяне даже слабой страны, если они умеют соединить свои силы и дать отпор капиталистам. И Советская Россия летом 1920 года выступила не только как сила, обороняющаяся от насилия, от натиска польских белогвардейцев, она выступила на деле как всемирная сила, способная разрушить Версальский договор и освободить сотни миллионов людей в большинстве стран земли. Вот значение того похода Красной Армии, который состоялся нынешним летом. Вот почему в Англии произошли такие события во время этой войны, которые знаменуют перелом во всей политике Англии. Когда мы отказались остановить свои войска, Англия ответила угрозой: «Мы посылаем свой флот на Петроград». Был дан приказ наступать на Петроград. Так было заявлено английским премьер-министром тов. Каменеву и сообщено во все страны. Но на другой день после этой телеграммы по всей Англии пошли митинги, собрания, и появились как из-под земли «Комитеты действия». Рабочие объединились. Все английские меньшевики, которые еще более подлы, чем меньшевики русские, еще более лакейски держатся перед капиталистами, даже они должны были объединиться, потому что этого требовали рабочие, а рабочие Англии сказали: «Мы войны против России не допустим!». И по всей Англии образовались «Комитеты действия», и война английских империалистов была сорвана, и опять оказалось, что Советская Россия в ее войне про-

тив империалистов всех стран имеет союзников в каждой из этих стран. Когда большевики говорили: «Мы не одиноки, восставая против помещиков и капиталистов в России, потому что в любой стране у нас есть союзник, этот союзник — рабочий и трудящийся, они есть в большинстве стран», — на это отвечали насмешками и говорили: «Где они проявили себя, эти трудящиеся?». Да, в Западной Европе, где капиталисты гораздо сильнее, где они живут на счет сотен миллионов ограбленных колоний, — там подняться гораздо труднее, там рабочая революция растет несравненно медленнее. Однако, она растет. Однако, когда Англия в июле 1920 года погрозила России войной, английские рабочие эту войну сорвали. Английские меньшевики пошли за английскими большевиками. Они должны были пойти за английскими большевиками и сказать против конституции, против закона: «Войны мы не допустим. Если вы завтра объявите войну, мы объявим стачку и не только не дадим вам угля, но и Франции не дадим». Английские рабочие заявили, что они желают делать международную политику, и они делают ее так, как делают большевики в России, а не так, как делают капиталисты в других странах.

Вот образец того, что вскрыла польская война. Вот почему через полгода мы оказались победителями. Вот почему разоренная, слабая, отсталая Советская Россия побеждает союз государств, несравненно более могущественный, потому что у этих государств нет внутренней силы, потому что рабочие и трудящиеся против них, и это обнаруживается в каждом кризисе. Это обнаруживается потому, что это есть хищники, которые бросаются друг против друга и не могут объединиться против нас, в последнем итоге, в конце концов, потому, что собственность разъединяет и превращает людей в зверей, а труд объединяет. И труд объединил не только рабочих и крестьян России, но объединил их с рабочими и крестьянами всех стран, так что во всех странах видят теперь, что Советская Россия есть сила, разрушающая Версальский мир. Окрепнет Советская Россия, и разлетится Версальский договор, как он чуть не разлетелся в июле 1920 года от первого удара Красной Армии. Вот почему эта польская война кончилась так, как ни одно из империалистских государств не ожидало. И этот урок является для нас величайшим уроком, показывающим на примере, на поведении всех государств, участвующих во всемирной политике, что наше дело стоит прочно, что каковы бы ни были попытки нашествия на Россию и военные предприятия против России, а таких попыток еще, вероятно, будет не одна, но мы уже закалены нашим опытом,

и на основании фактического опыта знаем, что все эти попытки рассыплются прахом. И после каждой попытки наших врагов мы будем выходить более сильными, чем были до них...

Напечатано в 1920 г. в книге: «Стенографические отчеты заседаний пленума Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов»

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 31, стр. 298—304.

ИЗ РЕЧИ
«НАШЕ ВНЕШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ ПАРТИИ»

(РЕЧЬ НА МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б) 21 НОЯБРЯ 1920 г.) [106]

(Аплодисменты.) Товарищи! По вопросу о международном положении Советской республики, естественное дело, приходится говорить больше всего в связи с польской войной и ликвидацией Врангеля. Я думаю, что на собрании партийных работников, которые, конечно, следили за партийной прессой и не раз слышали основные доклады по этому вопросу, мне нет надобности и неуместно будет говорить подробно о деталях всей этой истории и о каждом отдельном повороте истории польской войны, о характере наших наступлений, о значении поражения под Варшавой. Я предполагаю, что с этой стороны большинству товарищей вопрос уже представляется настолько знакомым, что мне пришлось бы повторяться, и этим товарищи были бы только недовольны. Я поэтому об истории отдельных эпизодов и поворотов нашей польской войны говорить не буду. Остановлюсь лишь на том итоге, который получился сейчас.

После блестящих побед Красной Армии летом и после громадного поражения под Варшавой, после заключенного с Польшей предварительного мира, который сейчас как раз в Риге превращается или должен превратиться в мир окончательный, шансы на то, что этот предварительный мир будет действительно миром окончательным, возросли в громадной степени, возросли благодаря разгрому Врангеля. Теперь, когда этот разгром определился, империалистская пресса Антанты начинает раскрывать карты и признаваться в том, что больше всего ею до сих пор скрывалось.

Я не знаю, обратили ли вы свое внимание на маленькую заметку, попавшую в газеты сегодня или на-днях, о том, что главный орган французской империалистской буржуазии, французская газета «Время»! («Temps») пишет теперь о заклю-

чении польского мира вопреки советам Франции. Нет сомнения, что здесь высказана представителями буржуазии такая правда, которую ей больше всего хотелось бы скрыть и которую в течение очень долгого времени скрыть пытались. Нам удалось, несмотря на невыгодные условия польского мира (хотя они выгоднее тех, которые мы сами в апреле текущего года предлагали польским помещикам, чтобы избежать всякой войны), а невыгодны они с точки зрения того, что можно было бы достигнуть, если бы не было чрезвычайно тяжелого положения под Варшавой, получить все же такие условия, которыми срывается громадная часть общеимпериалистского плана. Французская буржуазия признается теперь, что она настаивала на продолжении войны Польшей, что высказывалась против заключения мира, опасаясь разгрома Врангеля и желая поддержать новую интервенцию и поход против Советской республики. Несмотря на то, что условия польского империализма толкают и толкали на войну с Россией, несмотря на это, план французских империалистов потерпел крушение, и в результате мы получаем теперь уже нечто более существенное, чем простую передышку.

В течение минувших трех лет Польша, из числа входивших раньше в состав бывшей Российской империи мелких государств, принадлежала к числу тех, которые больше всего враждовали с великорусской национальностью и которые больше всего имели претензий на большую часть территорий, не населенных поляками. Мир с Финляндией, Эстонией и Латвией был нами заключен тоже вопреки желанию империалистской Антанты, но этого было легче достигнуть потому, что в Финляндии, Эстонии и Латвии у буржуазии не было своих собственных империалистских целей, из-за которых борьба против Советской республики казалась необходимой, тогда как стремления польской буржуазной республики направлялись не только на Литву и Белоруссию, но и на Украину. Кроме того, ее толкает в этом же направлении старая вековая борьба Польши, которая в свое время была великой державой и которая сейчас противополагается великой державе — России. Эту старую вековую борьбу Польша не может оставить и в настоящее время. Вот почему Польша проявила гораздо больше воинственности и больше упорства в своих военных планах против нашей республики, и вот почему сейчас наш успех в заключении мира, вопреки Антанте, представляется более серьезным. Если на какую-нибудь из держав, сохраняющих буржуазный строй, граничащих с Россией, может рассчитывать Антанта в длительно составленном плане военного вмешательства, то только на Польшу, почему сейчас при общей ненависти буржуазных государств к Советской власти все видят непосред-

ственный интерес во владении польскими помещиками восточной Галицией.

Дальше, Польша претендует на Украину и Литву. Это придает походу особенно острый и упорный характер. Военное снабжение Польши, естественное дело, представляло главный предмет забот Франции и других держав, и количество сумм, которые на это предоставлялись, не поддается никакому учету. Поэтому особенно велико значение победы, которую в конечном итоге одержала Красная Армия, несмотря на поражение под Варшавой, так как она поставила Польшу в такое положение, что она не имеет совершенно сил продолжать войну. Она должна была пойти на мир, который ей дал меньше, чем то, что мы предлагали в апреле 1920 года, перед польским наступлением, когда мы, не желая отрываться от работ хозяйственного строительства, предлагали границы в высшей степени нам невыгодные. Тогда пресса мелкобуржуазных патриотов, к которым принадлежат и наши эсеры и меньшевики, обвиняла большевиков в примиренчестве и почти в толстовском отношении, проявленном Советской властью. Она называла толстовским отношением то, что мы соглашались на мир по тогдашней линии Пилсудского, по линии, по которой Минск оставался в руках Польши, а граница проходила верст на 50, а местами верст на 100 восточнее той, которая установлена теперь. Но, конечно, мне нет надобности перед собранием партийных работников останавливаться на том, почему мы соглашались и должны были соглашаться на худшие границы, если бы, действительно, наша хозяйственная работа не была прервана. В результате получилось то, что Польша, сохраняя буржуазный порядок, вызвала войной крайнее хозяйственное расстройство всей страны, вызвала чрезвычайный рост недовольства, вызвала буржуазный террор, который свирепствует не только против промышленных рабочих, но и против батраков. Общее буржуазное положение Польши сделалось до такой степени неустойчивым, что и речи быть не могло о продолжении войны.

Успехи, достигнутые в этом отношении Советской властью, являются громадными. Когда три года тому назад мы ставили вопрос о задачах и условиях победы пролетарской революции в России, мы всегда определенно говорили, что прочной не может быть эта победа, если только ее не поддержит пролетарская революция на Западе, что правильная оценка нашей революции возможна только с точки зрения международной. Для того, чтобы добиться того, чтобы победить прочно, мы должны добиться победы пролетарской революции во всех или, по крайней мере, в нескольких главных капиталистических странах, и после трех лет ожесточенной упорной войны мы видим, в ка-

ком отношении наши предсказания не оправдались и в каком отношении оправдались. Они не оправдались в том отношении, что быстрого и простого решения этого вопроса не получилось. Конечно, никто из нас не ожидал, чтобы три года могла тянуться такая неравная борьба, как борьба России против всех капиталистических держав мира. Оказалось, что ни победы, ни поражения ни та, ни другая сторона, ни Советская Российская республика, ни весь остальной капиталистический мир для себя не получили и в то же время оказалось, что если наши предсказания не исполнились просто, быстро и прямо, то они исполнились постольку, поскольку дали нам главное, ибо главное было то, чтобы сохранить возможность существования пролетарской власти и Советской республики, даже в случае затяжки социалистической революции во всем мире. И в этом отношении надо сказать, что международное положение республики сложилось теперь так, что дало самое лучшее, самое точное подтверждение всех наших расчетов и всей нашей политики.

Нечего и доказывать, что о сравнении военных сил РСФСР с военными силами всех капиталистических держав и речи быть не может. В этом отношении мы в десятки и сотни раз слабее их, тем не менее, после трехлетней войны мы принудили почти все эти государства отказаться от мысли дальнейшего вмешательства. Значит то, что три года тому назад в обстановке еще не конченной империалистской войны нам представлялось возможным, а именно — длительная затяжка положения, не решенная окончательно ни в ту, ни в другую сторону, — произошло. Но произошло это по какой причине? Это произошло не по той причине, чтобы мы оказались в военном отношении сильнее, а Антанта слабее, а причина та, что усиленно шло все время внутреннее разложение в государствах Антанты, а у нас, напротив, шло внутреннее укрепление, и война служит подтверждением, доказательством этого. Своими собственными войсками Антанта воевать против нас не могла. Рабочие и крестьяне в капиталистических государствах не могли быть принуждены воевать против нас. Из империалистской войны буржуазные государства успели выйти буржуазными. Они успели этот кризис, который висел над ними непосредственно, оттянуть и отсрочить, но в основе они подорвали свое положение так, что при всех своих гигантских военных силах должны были признаться через три года в том, что они не в состоянии раздавить почти не имеющую никаких военных сил Советскую республику. Таким образом, вышло, что в основе во всем подтвердилась наша политика и наше предсказание, и союзниками нашими оказались действительно угнетенные массы в любом капиталистическом государстве, ибо эти массы сорвали войну. Мы оказались в таком положении, что, не при-

обретя международной победы, единственной и прочной победы для нас, мы отвоевали себе условия, при которых можем существовать рядом с капиталистическими державами, вынужденными теперь вступить в торговые отношения с нами. В процессе этой борьбы мы отвоевали себе право на самостоятельное существование.

Таким образом, бросая взгляд в целом на наше международное положение, мы видим, что мы достигли громадных успехов, что мы имеем не только передышку, а нечто гораздо более серьезное. Передышкой у нас принято называть краткий промежуток времени, в течение которого для империалистских держав много раз имелась возможность возобновить более сильную попытку войны с нами. Мы сейчас также не позволяем себе увлекаться и отрицать возможность военного вмешательства в наши дела капиталистических стран в будущем. Поддерживать нашу боевую готовность нам необходимо. Но если мы взглянем на те условия, при которых мы разбили все попытки русской контрреволюции и добились формального заключения мира со всеми государствами Запада, то станет ясно, что мы имеем не только передышку, — мы имеем новую полосу, когда наше основное международное существование в сети капиталистических государств отвоевано. Внутренние условия не позволили ни одному сильному капиталистическому государству бросить на Россию свои армии; в этом сказалось то, что внутри этих стран революция созрела и не дает им возможности победить нас с той поспешностью, с которой они могли бы это сделать. В продолжение трех лет на территории России были армии английская, французская, японская. Нет сомнения, что самого ничтожного напряжения сил этих трех держав было бы вполне достаточно, чтобы в несколько месяцев, если не несколько недель, одержать победу над нами. Если нам удалось удержать это нападение, то лишь разложением во французских войсках, начавшимся брожением у англичан и японцев. Вот этой разницей империалистских интересов мы пользовались все время. Если мы победили интервенцию, то только потому, что их собственные интересы их раскалывали, а нас сплачивали и укрепляли. Мы этим обеспечили передышку и невозможность полной победы германского империализма в эпоху Брестского мира.

Теперь, за последнее время эта рознь еще более усилилась, в особенности в связи с проектом заключения договора о концессии с группой американских капиталистических акул, из самых свирепых, возглавляемых миллиардером, рассчитывающим собрать целую группу миллиардеров. Мы знаем, что теперь нет почти ни одного сообщения с Дальнего Востока, которое не свидетельствовало бы, что в Японии царит чрезвы-

чайное озлобление в связи с заключением этого договора, хотя этого договора еще нет, а есть только проект его. Но японское общественное мнение уже закипело, и сегодня я читал сообщение, которое говорит, что Япония обвиняет Советскую Россию в том, что она хочет натравить Японию на Америку.

Мы правильно учли эту напряженность империалистского соревнования и сказали себе, что мы должны систематически использовать рознь между ними, чтобы затруднить борьбу против нас. Политический разлад есть уже налицо в отношениях между Англией и Францией. Теперь нам приходится говорить уже не только об одной передышке, а о серьезных шансах для нового строительства на более долгое время. На самом деле мы до сих пор еще не имели никакой базы в международном отношении. Теперь мы эту базу имеем, и причиной ее является отношение мелких держав, которые находятся в полной зависимости от крупных держав и в военном и в экономическом отношениях. Теперь оказывается, что Польша, вопреки давлению Франции, заключила с нами мир. Ненависть к Советской власти со стороны польских капиталистов очень сильна; они с неслыханной свирепостью подавляют самые простые забастовки. Желание войны с Советской Россией у них самое сильное, но, тем не менее, они все-таки предпочитают мир с нами исполнению условий Антанты. Мы видим, что империалистские державы господствуют над всем миром, но что в то же время они представляют собой ничтожную часть населения земли. И тот факт, что явилась страна, которая в течение трех лет сопротивляется всемирному империализму, значительно изменил международное положение во всем мире, и поэтому все мелкие державы, а они составляют большинство населения земли, тяготеют за мир с нами.

Громаднейший фактор, позволяющий нам существовать при этом сложном и совершенно исключительном положении, это тот фактор, что социалистическая страна вступает в торговые сношения со странами капиталистическими.

Мне случилось видеть, как один социал-шовинист американский, приближающийся к нашим правым эсерам и меньшевикам, один из деятелей II Интернационала, член Американской социалистической партии Спарго, нечто вроде американского Алексинского, который пишет целую кучу книг против большевиков, как он ставил нам в вину и в доказательство полного краха коммунизма то, что мы говорим о сделках с капиталистическими державами. Он писал: лучшего доказательства полного краха коммунизма и провала его программы я не могу себе представить. Мне кажется, те, кто подумают над делом, скажут обратное. Лучшего доказательства и материальной и моральной победы Российской Совет-

ской республики над капиталистами всего мира нельзя и подыскать, как то, что державы, ополчившиеся на нас войной, и за наш террор и за весь наш строй, вынуждены, вопреки желанию, вступить на путь торговых сношений, зная, что этим они укрепляют нас. Выставить это, как доказательство краха коммунизма, можно было бы, если бы мы обещали или мечтали силами одной России переделать весь мир. Но до такого сумасшествия мы никогда не доходили, а всегда говорили, что наша революция победит, когда ее поддержат рабочие всех стран. Вышло так, что они поддержали наполовину, ибо ослабили руку, поднявшуюся против нас, но все же и этим они оказали нам помощь.

Я не буду больше останавливаться на этом вопросе, только замечу, что на Кавказе сейчас сплетаются очень сложные условия, разобраться в которых в высшей степени нелегко, причем война может быть нам навязана даже со дня на день. Но эта война, при условии почти обеспеченного мира с Польшей и при полной ликвидации Врангеля, не может быть очень страшна, а если бы ее нам навязали, то она нам обещает еще большее усиление и укрепление нашего положения, чем прежде. Газетные сообщения о том, что делается в Армении, в Турции, дают вам некоторое представление об этом. Создается положение чрезвычайно запутанное, но я совершенно уверен, что из него мы выйдем, либо сохранив мир на основе теперешней и, конечно, очень для нас в некоторых отношениях выгодной, на основе, нас удовлетворяющей, дающей возможность хозяйственного существования. И к этому мы прилагаем все усилия. Но возможно, что обстоятельства прямо навяжут войну или косвенно подведут к ней. Мы можем смотреть на это совершенно спокойно — это будет война на далекой окраине, с полным перевесом сил на нашей стороне, обеспечивающим, вероятно, даже больший выигрыш, чем тот, который получился от польской войны. Польская война была войной на два фронта, с угрозой Врангеля, войной, которую нельзя было назвать окраинной, потому что линия Пилсудского проходила не в очень далеком расстоянии от Москвы. На этом я заканчиваю обзор международного положения...

Напечатано в 1920 г. в брошюре: «Очередные вопросы текущей работы партии». Изд. МК РКП(б)

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 31, стр. 380—387.

РЕЧЬ НА СОБРАНИИ СЕКРЕТАРЕЙ ЯЧЕЕК МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(б) 26 НОЯБРЯ 1920 г.

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

В первой записке товарищ спрашивает, правда ли, что все учреждения переезжают в Питер. Это неправильно. Слух этот возник из того, что в Московском Совете возникала мысль о переводе не необходимых учреждений из Москвы в Питер в связи с жилищным кризисом. Выяснилось, что Питер может принять до 10 000 советских служащих, которых в Москве 200 000. Для всестороннего выяснения этого вопроса создана комиссия, которая работает, и ее решения пройдут через большой Совнарком. Итак, вы видите, что слух в некоторых отношениях неточен.

Во второй и третьей записке говорится о концессиях. На этом позвольте остановиться.

Американский социалист Спарго, нечто вроде нашего Алексинского, яростно ненавидящий большевиков, в одной своей книге говорит о концессиях, как о доказательстве краха коммунизма. То же говорят и наши меньшевики. Вызов брошен и мы готовы его принять. Рассмотрим вопрос с деловой точки зрения. Кто потерпел крах — мы или европейская буржуазия? Она три года на нас клеветала, считала узурпаторами и бандитами, старалась побороть нас всеми способами и теперь вынуждена признать, что не поборола, и это для нас уже победа. Меньшевики говорят, будто мы одни брались победить мировую буржуазию. Но мы всегда говорили, что мы только одно звено в цепи мировой революции и никогда не ставили себе задачи победить одними своими силами. Мировая революция еще не настала, но и нас еще не победили. Милитаризм разлагается, а мы крепнем, и крах потерпели они, а не мы.

Теперь они хотят нас подчинить на почве договора. Пока революция не настала, буржуазный капитал нам выгоден. Когда мы в положении страны наиболее хозяйственно слабой, как можно ускорить развитие хозяйства? При помощи

буржуазного капитала. Сейчас мы имеем два проекта концессии. Один проект договора о концессии на Камчатке на 10 лет. Здесь находился американский миллиардер, который очень откровенно говорил о мотивах договора, а именно, что Америка хочет иметь в Азии базу на случай войны с Японией. Этот миллиардер говорил, что если мы продадим Америке Камчатку, то он обещает нам такой энтузиазм населения Соединенных Штатов, что американское правительство сразу признает Советскую власть в России; если же мы сдадим только в аренду, то энтузиазм будет меньше. Теперь он едет в Америку сообщить, что Советская Россия совсем не то, что о ней думали.

Мы до сих пор побеждали мировую буржуазию потому, что она не умеет объединиться. И Брестский и Версальский договоры разъединяли их. Теперь растет бешеная вражда между Америкой и Японией. Мы используем это и предлагаем в аренду Камчатку вместо того, чтобы отдать ее даром: ведь взяла же у нас Япония путем военного захвата огромный кусок земли на Дальнем Востоке. И нам гораздо выгоднее не рисковать, отдать Камчатку в аренду и получать оттуда часть продуктов, тем более, что фактически мы ею все равно не распоряжаемся и использовать не можем. Договор еще не подписан, а в Японии уже с бешеной злобой говорят об этом. Этим договором мы еще более углубили разногласия между нашими врагами.

Второй тип концессии — мы сдаем несколько миллионов десятин леса в Архангельской губернии, который при всех наших усилиях использовать не можем. Устанавливается шахматный порядок, так что рядом с арендными участками будут наши, которые мы можем разработать, наши рабочие могут учиться у них технике. Все это нам очень выгодно.

Теперь последняя сторона вопроса.

Концессии — это не мир, это тоже война, только в другой форме, более нам выгодной. Прежде война велась при помощи танков, пушек и т. п., которые мешали нам работать, теперь война пойдет на фронте хозяйственном. Быть может, они будут стараться восстановить свободу торговли, но им не обойтись без нас. Затем они обязаны подчиняться всем нашим законам, наши рабочие могут у них учиться, а в случае войны — а к войне с буржуазией мы должны быть готовы всегда — все имущество остается нам по праву войны. Повторяю, концессии — это продолжение войны в хозяйственной плоскости, но здесь мы уже не разрушаем, а развиваем наши производительные силы. Несомненно, они будут пытаться обмануть нас и обойти наши законы, но у нас на это есть соответствующие

учреждения: ВЧК, МЧК, Губчека и т. д., и мы уверены, что одержим победу.

Полтора года назад мы хотели подписать мир, по которому огромная часть земли оставалась Деникину и Колчаку. Они отказались от этого и потеряли все. Мы правильно наметили путь к международной революции, но путь этот не прямой, он идет зигзагами. Мы обессилили буржуазию, и военной силой она нас не возьмет. Прежде они запрещали нам вести коммунистическую пропаганду; теперь же это сошло на нет, требовать это смешно. У них идет разложение изнутри, и это укрепляет нас. Мы не воображаем одной военной силой победить мировую буржуазию, и меньшевики напрасно это нам приписывают.

Я не слышал здесь доклада тов. Каменева о конференции, но скажу, что она нам дает один урок: как бы ни прошла борьба, какие бы ни были воспоминания, надо полностью все кончить; надо помнить, что в сплочении сил самая главная и важная задача. Предстоит переход к задачам хозяйственного строительства. Он труден после шестилетней войны и надо идти сплоченно, на платформе резолюций Всероссийской конференции, которые необходимо провести на деле. Борьба с бюрократизмом, хозяйственная и административная работа требуют сплоченности. От нас ждут пропаганды примером: беспартийной массе надо показать пример. Осуществление резолюций трудно, и на этом надо сосредоточить силы и перейти к деловой работе, к чему я вас и призываю.

«Правда» № 269, 30 ноября 1920 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 31, стр. 403—405.

VIII ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ[167]

22—29 ДЕКАБРЯ 1920 г.

ДОКЛАД О КОНЦЕССИЯХ НА ФРАКЦИИ РКП(б) VIII СЪЕЗДА СОВЕТОВ 21 ДЕКАБРЯ

Товарищи, вопрос о концессиях вызвал повсюду, не только в партийных кругах и среди рабочих масс, но и среди широких масс крестьянства, по тем сведениям, которые мы имеем, немалое волнение, даже беспокойство. Все товарищи указывали, что после декрета 23 ноября текущего года на большинстве собраний, посвященных разным темам, чаще всего раздавались вопросы и подавались записки о концессиях, и общим тоном как этих записок, так и разговоров было опасение: своих капиталистов мы прогнали, а чужих хотим пускать. Я думаю, что эти опасения, этот широкий интерес к концессиям, который проявили далеко не одни только партийные товарищи, есть признак благоприятный, показывающий нам, что за три года неизмеримо тяжелой борьбы власть рабоче-крестьянская настолько укрепилась и опыт относительно капиталистов настолько упрочился, что широкие массы считают рабоче-крестьянскую власть достаточно прочной, чтобы обойтись без концессий, а себя достаточно проученными, чтобы без крайней надобности не идти на какие-либо сделки с капиталистами. Такого рода надзор снизу, такого рода опасения, исходящие из масс, такого рода волнения внепартийных кругов свидетельствуют о чрезвычайно пристальном внимании к отношениям между нами и капиталистами. Я думаю, что с этой стороны мы безусловно должны такие опасения, как признак настроения широких масс, приветствовать.

Тем не менее, я думаю, мы все же придем к убеждению, что руководствоваться по вопросу о концессиях только этим революционным инстинктом нельзя. Взвесив все стороны вопроса, мы убедимся в правильности политики, которую приняли, — которая состоит в предложении концессий. Я коротко могу сказать, что главной темой моего доклада или, вернее сказать, повторения беседы, которая была не очень

давно в Москве с несколькими сотнями ответственных работников [168], ибо доклада я не готовил и представить его не могу, главной темой этой беседы является доказательство двух положений, именно, во-первых, что всякая война есть продолжение политики, бывшей при мире, только иными средствами, во-вторых, концессии, которые мы даем, которые мы вынуждены давать, являются продолжением войны в иной форме, другими средствами. Чтобы доказать эти два положения, или, вернее, только второе, потому что первое специально в доказательствах не нуждается, начну с политической стороны вопроса. Я остановлюсь на тех отношениях между современными империалистскими державами, которые существенны для понимания всей современной внешней политики. Это существенно для понимания того, почему мы пошли на эту политику.

Американец Вандерлип обратился в СНК с письмом, в котором он говорил: «Мы, республиканцы, принадлежащие к партии республиканцев Америки, к партии крупнейшего финансового капитала, наименее связаны с воспоминанием о войне за освобождение с Южными Штатами, мы сейчас не у власти». Он это писал еще до выборов, которые имели место в ноябре: «Мы победим в ноябре на выборах (теперь они победили), и в марте президент будет наш. Наша политика не будет повторять те глупости, которые ввязывали Америку в европейские дела, мы займемся своими интересами. Наши американские интересы приводят нас к столкновению с Японией, с Японией мы будем воевать. Может быть, вам небезынтересно знать, что в 1923 году наш флот будет сильнее английского. Чтобы воевать, нам надо иметь в своих руках нефть, без нефти мы вести современную войну не можем. Не только надо иметь нефть, но надо принять меры, чтобы противник не имел нефти. Япония в этом отношении находится в плохих условиях. Под боком около Камчатки есть какая-то губа (я забыл ее название), где есть источники нефти, и мы хотим, чтобы у японцев этой нефти не было. Если вы нам продадите эту землю, то я гарантирую, что в народе нашем будет такой энтузиазм, что ваше правительство мы сейчас же признаем. Если не продадите, а дадите только концессии, я не могу сказать, чтобы мы отказались рассматривать этот проект, но такого энтузиазма, который гарантировал бы признание Советского правительства, я обещать не могу».

Письмо Вандерлипа совершенно откровенно, с неслыханной циничностью излагало точку зрения империалиста, который ясно видит, что война с Японией надвигается, и прямо, открыто ставит вопрос: войдите в сделку с нами, тогда вы получаете известные выгоды. Вопрос стоял таким образом:

Дальний Восток, Камчатка и кусок Сибири фактически сейчас находятся в обладании Японии, поскольку ее военные силы там распоряжаются, поскольку, как вы знаете, обстоятельства принудили к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной республики, поскольку мы прекрасно знаем, какие неимоверные бедствия терпят сибирские крестьяне от японского империализма, какое неслыханное количество зверств проделали японцы в Сибири. Это знают товарищи из Сибири: в их недавних изданиях подробно об этом рассказано. Но тем не менее вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна. И в то же время, отнимая от нас связь со всемирной торговлей через Тихий океан, Япония наносит нам колоссальный ущерб. При таких условиях, когда перед нами растущий конфликт, растущее столкновение Америки и Японии, — ибо из-за Тихого океана и обладания его побережьями уже многие десятилетия идет упорнейшая борьба между Японией и Америкой, и вся дипломатическая, экономическая, торговая история, касающаяся Тихого океана и его побережий, вся она полна совершенно определенных указаний на то, как это столкновение растет и делает войну между Америкой и Японией неизбежной, — мы становимся в то же положение, в котором были в течение трех лет: социалистическая республика, окруженная империалистскими странами, которые несравненно сильнее нас в военном отношении, которые все средства агитации и пропаганды пускают в ход, чтобы усилить ненависть к Советской республике, — и ни одного случая не упустят для военного вмешательства, как они выражаются, т. е. для удушения Советской власти.

Если, памятуя это, мы бросим общий взгляд на прожитые три года, с точки зрения международного положения Советской республики, то станет ясно, что мы могли продержаться и могли победить неслыханно могущественный союз держав Антанты, поддерживаемый нашими белогвардейцами, только потому, что никакого единства между этими державами не было. Мы могли побеждать до сих пор только благодаря глубочайшим раздорам среди империалистских держав и только благодаря тому, что эти раздоры не были случайными партийными внутренними раздорами, а что это глубочайшая неискоренимая рознь экономических интересов между империалистскими странами, которые, стоя на почве частной собственности на землю и капитал, не могут не вести той хищнической политики, при которой попытки соединения их сил против Советской власти оказались пустыми. Если мы возьмем Японию,

которая держала в своих руках почти всю Сибирь и которая, конечно, могла помочь во всякое время Колчаку, — основная причина, почему она этого не сделала, заключается в том, что ее интересы коренным образом расходятся с интересами Америки, что она не хотела таскать каштаны из огня для американского капитала. Зная такую слабость, мы естественно не могли вести какую-нибудь другую политику, кроме той, которая ставит себе задачей использовать эту рознь Америки и Японии таким образом, чтобы укрепить себя и оттянуть возможность соглашения Японии и Америки против нас, а что такое соглашение возможно, у нас уже имеется пример: в американских газетах был напечатан текст соглашения между всеми странами, которые обещали поддержку Колчаку [169].

Конечно, это соглашение распалось, но ничего нет невозможного в том, что они при первой возможности попытаются восстановить это соглашение. И, чем глубже, чем грознее будет расти коммунистическое движение, тем больше повторных попыток сделают они для удушения нашей республики. И отсюда наша политика — использовать рознь империалистских держав, чтобы затруднить соглашение или по возможности сделать его временно невозможным. Это — основная линия в течение трех лет нашей политики, которая вызвала необходимость подписания Брестского мира, вызвала и необходимость подписания договора с Буллитом, — договора, крайне нам невыгодного, о мире и перемирии. Эта же линия определяется для нас сейчас таким образом, что мы за подобное предложение, как концессии, должны ухватиться обеими руками. Мы даем сейчас Америке Камчатку, которая по существу все равно не наша, ибо там находятся японские войска. Бороться с Японией мы в настоящий момент не в состоянии. Мы даем Америке такую территорию для экономической утилизации, где у нас абсолютно нет и куда мы не можем дать ни морских, ни военных сил. И, давая это, мы привлекаем американский империализм против японского и против ближайшей к нам японской буржуазии, которая до сих пор держит в руках Дальневосточную республику.

Так что главные интересы при переговорах о концессиях были у нас политические. И события последнего времени доказали с полнейшей очевидностью, что мы одними разговорами об этих концессиях уже выиграли. Мы концессий еще не дали и не можем дать до тех пор, пока американский президент не вступит в управление, а это будет не раньше марта месяца, и, кроме того, мы сохраняем возможность при детальной разработке договора отказаться от его подписания.

Значит, экономически этот вопрос совершенно второстепенный, и вся сущность его заключается в интересе политическом.

А что мы выиграли, это доказывают все публикации в печати, которые мы получили. Вандерлип сам настаивал на том, что пока проект о концессиях должен быть оставлен в тайне. Он должен быть оставлен в тайне до тех пор, пока не победит республиканская партия. И мы согласились не опубликовывать как его письма, так и всего предварительного проекта. Но оказалось, что такого рода тайну скрыть долгое время нельзя. И как только Вандерлип приехал в Америку, так тотчас же начались разного рода разоблачения. До выборов в Америке кандидатом в президенты, который теперь уже победил, был Гардинг. Этот Гардинг поместил в газетах опровержение о том, что будто он ведет через Вандерлипа сношения с Советской властью. Его опровержение было очень категорическое, почти следующего характера: Вандерлипа не знаю и никаких сношений с Советской властью не признаю. Но совершенно понятно, чем было вызвано такое опровержение. Накануне выборов в буржуазной Америке прослыть сторонником соглашения с Советской властью для Гардинга значило потерять, может быть, несколько сот тысяч голосов, и поэтому он поспешил опубликовать, что он никакого Вандерлипа не знает. Но, как только выборы окончились, мы начали получать из Америки сведения совершенно другого характера. Вандерлип в ряде газетных статей всячески рекомендует соглашение с Советской властью, и в одной газете написал даже, что он сравнивает Ленина с Вашингтоном. Получилось, таким образом, что мы имеем в буржуазных странах пропагандистов за соглашение с нами, и пропагандистов этих мы получили не в лице советского посла и не в среде каких-нибудь журналистов, а в среде представителей эксплуататоров худшего типа, каким является Вандерлип.

Когда мне на собрании ответственных работников пришлось рассказывать то, что я рассказываю сейчас, то один товарищ, вернувшийся из Америки, где он работал на заводах Вандерлипа, выражал нам свой ужас и говорил, что такой эксплуатации, какую он видел на заводах Вандерлипа, он нигде в другом месте не видел. И вот в лице такой акулы капитализма мы получили пропагандиста торговых сношений с Советской Россией, и если бы мы даже кроме предполагаемого договора о концессиях ничего не получили, то и тогда можно сказать, что мы выиграли. У нас есть целый ряд сообщений, конечно, тайных, что капиталистические страны не бросили намерения весной вновь начать войну с Советской Россией. У нас есть целый ряд сведений, что подготовительные шаги некоторыми капиталистическими державами делаются, а белогвардейщина, можно сказать, ведет подготовительную работу во всех державах. Поэтому наш главный интерес — добиться восстановления

торговых отношений, а для этого надо иметь хоть некоторую часть капиталистов на своей стороне.

В Англии борьба идет давно. Мы выиграли уже тем, что получили от представителей злейшей капиталистической эксплуатации людей, которые стоят за политику восстановления торговых отношений с Россией. Договор с Англией, торговое соглашение с Англией еще не подписано. Красин ведет сейчас в Лондоне усиленные переговоры об этом. Английское правительство свой проект нам внесло, мы дали свой контрпроект, но все же мы видим, что английское правительство затягивает соглашение, что там усиленно работает военная реакционная партия, которая до сих пор побеждала и которая мешает заключению торговых соглашений. Наш прямой интерес и наш прямой долг поддержать все то, что способно усилить партии и группы, стремящиеся к заключению с нами этого договора. В лице Вандерлипа мы получили такого сторонника, и это не только случайность, это нельзя объяснить только тем, что Вандерлип особенно предприимчив, или что Вандерлип очень хорошо знаком с Сибирью. Тут есть более глубокие причины, связанные с развитием интересов английского империализма, который владеет невероятным количеством колоний. Рознь между американским и английским империализмом тут глубока, и опереться на это — наш безусловный долг.

Я упомянул, что Вандерлип является особым знатоком Сибири. Когда наши разговоры стали подходить к концу, то товарищ Чичерин указал на то, что Вандерлипа следует принять потому, что это окажет прекрасное действие на дальнейшее его выступление в Западной Европе. И хотя, конечно, перспектива побеседовать с такой капиталистической акулой не принадлежит к числу приятных, но после того, как пришлось по должности беседовать весьма вежливо даже с покойным Мирбахом, меня, конечно, не мог испугать и разговор с Вандерлипом. Интересно, что, когда с Вандерлипом мы обменивались всякими любезностями и он стал шутя говорить о том, что американцы — народ чрезвычайно практический и никому не поверят, пока сами своими глазами не увидят, я ему также полушутя ответил: «Вот вы теперь посмотрите, как хорошо в Советской России, и в Америке у себя это введите». Он мне на это отвечал, но уже не по-английски, а по-русски: «Может быть». «Как, вы знаете даже по-русски?». Он говорит: «Я пять тысяч верст проехал по Сибири много лет тому назад, и Сибирь меня заинтересовала чрезвычайно». Такой шуточный обмен любезностями с Вандерлипом закончился тем, что Вандерлип, уходя, сказал: «Да, надо признаться, что у мистера Ленина рогов нет, и я должен буду это сказать всем своим знакомым в Америке». Было бы, конечно, не шуточным

пустяком, если бы мы не получали дальнейших сообщений в европейской прессе, что Советская власть чудовище, что с ней нельзя вести сношений. Мы получили возможность бросить в это болото камень, в лице Вандерлипа — сторонника восстановления торговых сношений с нами.

Было ли хотя бы одно сообщение из Японии, которое не говорило бы о чрезвычайных волнениях в торговых кругах Японии. Японское общественное мнение говорит, что оно никогда своими интересами не поступится, что оно против концессий с Советской властью. Одним словом, мы получили гигантское обострение вражды между Японией и Америкой и тем получили несомненное ослабление натиска Японии и Америки против нас.

На том собрании ответственных работников в Москве, где мне пришлось сообщать об этом факте, был задан во время дискуссии такого рода вопрос: «Выходит, — как писал один товарищ, — что мы втравливаем в войну Японию и Америку, но воевать будут рабочие и крестьяне. И хотя это империалистские державы, но нам, социалистам, разве пристало втравливать в войну две державы и приводить к пролитию крови рабочих?». Я на это ответил, что, если бы мы действительно втравливали в войну рабочих и крестьян, это было бы преступлением. Но вся наша политика и пропаганда направлена отнюдь не к тому, чтобы втравливать народы в войну, а чтобы положить конец войне. И опыт достаточно показал, что единственно социалистическая революция является выходом из вечных войн. Таким образом, наша политика не состоит в натравливании в войну. Мы ничего не сделали такого, что оправдало бы войну, прямо или косвенно, между Японией и Америкой. Вся наша пропаганда и все газетные статьи полны выяснения той истины, что война между Америкой и Японией будет такой же империалистской войной, как была война английской группы с германской в 1914 году, что не о защите отечества надо будет думать социалистам, а о свержении власти капиталистов, о революции рабочих. Но, если мы, делающие все доступное нашим силам для ускорения этой революции, находимся в положении слабой социалистической республики, на которую нападают империалисты-разбойники, правильна ли наша политика использования розни между ними, чтобы затруднить для них соединение против нас? Конечно, такая политика правильна. Мы вели ее в течение четырех лет. И главным фактом проявления этой политики был Брестский договор. Пока германский империализм сопротивлялся, мы, используя противоречия империалистов между собой, могли продержаться даже тогда, когда Красная Армия не была создана.

Вот положение, при котором сложилась наша концессионная политика по отношению к Камчатке. Этого рода концессия является довольно исключительной. Я дальше буду говорить о том, как складываются остальные объекты концессии. Сейчас я ограничусь политической стороной вопроса. Я хочу указать, что в отношениях между Японией и Америкой кроется объяснение того, почему предложение о концессиях или заманивание концессиями для нас выгодно. Концессия предполагает то или иное восстановление мирных соглашений, восстановление торговых отношений, предполагает возможность для нас открытия прямой широкой закупки необходимых для нас машин. И мы должны все усилия направить на то, чтобы это осуществить. Это еще не осуществлено.

Товарищ, который задает вопрос о восстановлении торговых отношений с Англией, спрашивает, почему задерживается подписание соглашения с Англией? Я отвечаю: задерживается потому, что английское правительство колеблется. Большинство буржуазии торговой и промышленной Англии стоит за восстановление сношений и ясно видит, что делать шаги, поддерживающие войну, это значит рисковать чрезвычайно и ускорить революцию. Вы помните, как во время нашего похода на Варшаву английское правительство пригрозило ультиматумом и сказало, что даст приказ флоту двинуться против Петрограда. Вы помните, как вся Англия покрылась «Комитетами действия», и меньшевистские вожди заявили, что они против войны, что они этой войны не допустят. С другой стороны, реакционная часть английской буржуазии и придворная военная клика стоят за продолжение войны. Нет сомнения, что их влиянию надо приписать, что подписание торгового соглашения задерживается. Отдельные перипетии этих торговых отношений с Англией, этого договора о торговых отношениях с Англией я рассказывать не стану, потому что это завело бы меня очень далеко. В Центральном Комитете партии приходилось этот щекотливый вопрос обсуждать в последнее время очень усердно. Мы возвращались к нему необыкновенно часто, причем наша политика здесь ясно определилась в сторону максимальной уступчивости. Наша цель сейчас — получить торговое соглашение с Англией, чтобы начать товарообмен более правильно, чтобы для нашего широкого плана восстановления народного хозяйства получить возможность закупить необходимые машины возможно скорее. Чем скорее мы это сделаем, тем больше у нас будет основ для экономической независимости от капиталистических стран. Именно теперь, когда они ожглись на военном нашествии против России, немедленно думать о возобновлении войны они не могут; нам надо ловить момент и все силы направить на то, чтобы ценой хотя бы

максимальных уступок добиться торговых сношений, ибо в прочные торговые сношения с империалистскими державами мы ни на секунду не верим: это будет временный перерыв. Опыт истории революций, крупных конфликтов учит тому, что войны, ряд войн неизбежен. Такой же вопрос, как существование Советской республики рядом с капиталистическими странами, — Советская республика, окруженная капиталистическими странами, — это такая недопустимая вещь для капитализма, что всякую возможность возобновления войны они ухватят. Сейчас народы устали от империалистской войны, они грозят возмущением при продолжении войны, но не исключена возможность, что по истечении небольшого числа лет капиталисты смогут возобновить ее. Вот почему мы должны направить все силы к тому, чтобы использовать возможность, поскольку она представляется, и заключить торговые договоры.

В июле, когда грозило полное поражение Польше, когда грозил разгром Польше Красной Армией, Англия предложила полный текст соглашения, в котором было сказано: принципиально вы должны заявить, что не будете вести официальной пропаганды и не предпринимать ничего против интересов Англии на Востоке. Это будет разработано дальнейшей политической конференцией, а сейчас мы заключаем торговое соглашение такое-то. Угодно вам подписать? Мы ответили: угодно. Мы говорим и сейчас, что это соглашение подписываем. Политической конференцией будут точнее определены интересы Англии на Востоке. Мы тоже имеем некоторые интересы на Востоке и, когда будет в этом надобность, мы их подробно изложим. Англия не может сказать прямо, что она отступает от своего июльского предложения. Поэтому она тянет и скрывает от своего собственного народа правду относительно переговоров. Переговоры находятся в положении неопределенном, ручаться за то, что соглашение будет подписано, мы не можем. Сильнейшее влияние в Англии, придворное и военное, работает против этого соглашения. Но мы сейчас идем на максимальные уступки и думаем, что для нас интересно получить торговое соглашение и возможно быстро закупить кое-что из основного для восстановления транспорта, т. е. паровозы, для восстановления промышленности, для электрификации. Это — для нас важнее всего. Если мы это получим, то за несколько лет мы так укрепимся, что даже на худой конец, если через несколько лет будет военная интервенция, она сорвется, потому что мы будем сильнее, чем теперь. Наша политика в Центральном Комитете идет по линии максимальных уступок Англии. И если эти господа думают поймать нас на каких-либо обещаниях, то мы заявляем, что никакой официальной пропаганды наше правительство вести не будет, никаких интересов Англии на

Востоке мы трогать не намерены. Если они надеются сшить себе на этом шубу, пусть попробуют, мы от этого не пострадаем.

Я подошел к вопросу об отношении Англии к Франции. Тут отношения запутанные. С одной стороны, Англия с Францией находятся в Лиге наций и обязаны действовать вместе, с другой стороны, при всяком обострении, они вместе не действуют. Когда тов. Каменев был в Лондоне и вел переговоры вместе с Красиным, это обнаружилось с ясностью. Франция была за то, чтобы поддержать Польшу и Врангеля, а английское правительство заявило: «Мы с Францией не пойдем». Концессии для Англии более приемлемы, чем для Франции, которая еще мечтает о получении долгов, а в Англии об этом перестали думать сколько-нибудь деловые капиталисты. И с этой стороны нам выгодно использовать рознь между Англией и Францией, а потому надо настаивать на политическом предложении концессий Англии. Сейчас мы имеем проект договора по отношению к лесным концессиям на дальнем севере. Мы находимся в таких условиях, когда благодаря тому, что политического единства между Англией и Францией нет, наша обязанность не отказываться даже и от известного риска, лишь бы достигнуть того, чтобы затруднить Англии и Франции военный союз против нас. Новая война, которую Англия и Франция будут поддерживать против нас, принесет нам (даже при условии, что мы кончим ее вполне победоносно, так же, как кончили теперь с Врангелем) колоссальные тяготы, затруднит наше экономическо-хозяйственное развитие, ухудшит положение рабочих и крестьян. Поэтому мы должны идти на все, что принесет нам менее убытков. А что убытки от концессий — ничто, по сравнению с тем, чем оказалась бы задержка нашего хозяйственного строительства и гибель тысяч рабочих и крестьян, если не удастся противостоять союзу империалистов, — это ясно. И одним из таких средств противостоять их союзу есть переговоры с Англией о концессиях. Вот политическая сторона вопроса.

Наконец, возьмем отношение Англии и всей Антанты к Германии. Германия — самая передовая страна, за исключением Америки. По отношению к развитию электричества она по высоте техники стоит даже выше. И вот, эта страна, связанная Версальским договором, находится в условиях невозможных для существования. И при таком положении Германия, естественно, толкается на союз с Россией. Когда русские войска подходили к Варшаве, вся Германия кипела. Союз с Россией этой страны, которая задушена, которая имеет возможность пустить в ход гигантские производительные силы, — это толкало на то, что в Германии получилось политическое

смешение: германские черносотенцы шли в сочувствии к русским большевикам со спартаковцами. И это вполне понятно, так как это вытекает из экономических причин, это составляет основу всего экономического положения и нашей внешней политики.

Наша внешняя политика, пока мы одиноки и капиталистический мир силен, с одной стороны, состоит в том, что мы должны использовать разногласия (победить все империалистские державы, это, конечно, было бы самое приятное, но мы довольно долго не в состоянии этого сделать). Существование наше зависит от того, что существует коренное расхождение империалистских держав, с одной стороны, а, с другой стороны, что победа Антанты и Версальский мир отбросили в положение невозможности жить гигантское большинство немецкой нации. Версальский мир создал такое положение, что Германия мечтать о передышке, мечтать о том, чтобы ее не грабили, чтобы у нее не отнимали средств к жизни, чтобы не осуждали ее население на голодовку и вымирание, — мечтать об этом Германия не может, и естественно, что единственное для нее средство спасти себя — только в союзе с Советской Россией, куда она и направляет свой взгляд. Они бешено идут против Советской России, они ненавидят большевиков, они расстреливают своих коммунистов, как самые настоящие белогвардейцы. Немецкое буржуазное правительство бешено ненавидит большевиков, но интересы международного положения толкают его к миру с Советской Россией против его собственного желания. Это, товарищи, второй кит нашей международной, внешней, политики: доказать сознающим буржуазный гнет народам, что им нет спасения вне Советской республики. И поскольку Советская республика устояла в течение трех лет против напора империалистов, то это говорит о том, что есть на свете одна страна, только одна страна, которая этот гнет империализма успешно отражает. Пусть это — страна «разбойников», «грабителей», «бандитов», большевиков и т. д., пусть так, а все-таки без этой страны экономического положения улучшить нельзя.

При таком положении вопрос о концессиях приобретает еще одну сторону. Вот эта брошюра, которая у меня находится в руках, это декрет от 23 ноября о концессиях. Она будет роздана всем членам съезда. Мы брошюру о концессиях намерены издать за границей на нескольких языках. Наша цель немедленно сделать все, чтобы заинтересовать в концессиях население наибольшего числа стран и именно тех стран, которые наиболее угнетены. Расхождение интересов Японии и Америки очень большое. Они не могут поделить между собой Китая, ряда островов и т. д. Расхождение интересов между Германией

и Антантой другого рода. Существование Германии невозможно в силу тех условий, которые ей создала Антанта. Народ там умирает, так как Антанта берет двигатели и скот. Такое положение толкает Германию на сближение с Советской Россией. Я не знаю подробностей договора между Германией и Антантой, во всяком случае известно, что в этом договоре прямые торговые сношения между Германией и Советской Россией запрещены. Условия существования заставляют народ Германии в целом, не исключая германских черносотенцев и капиталистов, искать сношения с Советской Россией. Таким образом, ясно, что нам необходимо выдвигать концессии, как способ экономический, даже независимо от того, насколько проект удастся осуществить. Интерес к концессиям настолько ясен, что, если бы даже ни одной концессии нам предоставить не удалось, если бы даже ни один наш договор не был осуществлен (а это еще вполне возможно), если бы даже так оказалось, то все-таки мы выиграли бы, все-таки мы должны вести эту политику, потому что мы затрудняем этим поход империалистских стран против нас.

Независимо от этого, мы ко всем угнетенным народам в целом должны обращаться с указанием, — и это вытекает из Версальского договора, — что кучка стран душит другие народы, и эти народы обращаются к нашей помощи открыто или прикрыто, сознательно или бессознательно, но они привыкают сознавать экономическую необходимость союза с Советской Россией против международного империализма. Поэтому продовольственные концессии выходят из рамок старых буржуазных концессий, они уже не похожи на старые капиталистические концессии. Они остаются капиталистическими, поскольку мы говорим немецким капиталистам: привози столько-то тракторов, а мы тебе дадим целинную превосходную землю и хлеб. Мы привлекаем громадной прибылью капитал. В этом отношении концессия остается чисто капиталистическим предприятием, но она приобретает неизмеримо большее значение, поскольку Германии, как нации, Австрии и другим странам существовать нельзя, поскольку им продовольственная помощь необходима и поскольку весь народ, независимо от того, что капиталист наживает сто или двести процентов, поскольку весь народ видит, несмотря на предрассудки против большевизма, что большевики создают совершенно иные международные отношения, дающие возможность всем угнетенным народностям избавиться от империалистического гнета. Поэтому наш успех в течение прошлых трех лет будет еще большим успехом в течение ближайшего года в нашей внешней политике. Наша политика группирует вокруг Советской республики капиталистические страны, которые душит империализм. Вот

почему это предложение концессий имеет значение не только капиталистическое, вот почему — это рука, протянутая не только германским капиталистам: «Привезите нам сотни тракторов и берите хоть триста процентов на рубль», — а это рука, протянутая угнетенным народам, это союз угнетенных масс, который есть один из факторов грядущей пролетарской революции. Сомнения и опасения, которые еще существуют в передовых странах, которые говорят, что Россия могла рискнуть на социалистическую революцию потому, что она велика и имеет свои средства для жизни, а мы, промышленные страны Европы, не сможем этого предпринять, потому что у нас нет союзников, — неосновательны, и мы говорим: «У вас союзник уже есть — Советская Россия». И поскольку мы осуществим концессию, это будет тот союз, который упрочит союз против всемирного империализма. Это положение нельзя упускать из виду, оно оправдывает нашу политику концессий и указывает на необходимость заключения этих концессий.

Дальше несколько соображений чисто экономических. Я теперь перехожу к экономическим соображениям и прочту некоторые положения из закона, хотя я надеюсь, что товарищи, присутствующие здесь, этот закон от 23-го ноября читали. Но я кратко напомню его; он говорит о том, что концессионерам будет предоставляться вознаграждение долей продуктов, что, в случае особых технических усовершенствований, мы готовы дать торговые преимущества, что сроки концессий будут более или менее продолжительными в зависимости от объема и характера затрат. Мы гарантируем, что вложенное в предприятие имущество не конфискуется и не реквизируется.

Без этого, конечно, частный капитал и частный собственник в сношениях с нами быть не может. Но тут устранен вопрос о судах, который сначала был затронут в проекте договора. Потом мы увидели, что это невыгодно для нас. Таким образом, судебная власть на нашей территории остается в наших руках. В случае столкновения решать вопрос будут наши судьи. Это не будет реквизиция, а будет применение законных судебных прав наших судебных учреждений.

Пятый пункт говорит о кодексе законов о труде. С Вандерлипом, по первоначальному проекту договора, было предусмотрено изъятие распространения кодекса законов о труде на местности, где живут, мы не знаем какие, слабо развитые племена. В этих местностях кодекс законов о труде невозможен. Изъятие будет состоять в том, что вместо кодекса законов о труде будет заключен специальный договор о гарантиях рабочих.

Последний пункт, в котором мы гарантируем концессионеру недопустимость одностороннего изменения. Без этого, конечно,

не может быть и речи о допущении концессий. А что значит не одностороннее изменение, этот вопрос оставлен открытым. Это зависит от текста договора относительно каждой концессии. Возможно третейское разбирательство из каких-либо нейтральных держав. Это — пункт, который может подать повод к разногласию и который оставляет известный простор при определении самих условий концессии. Надо указать на то, что, например, меньшевистские вожди рабочих считаются в капиталистическом мире людьми надежными. Они входят в буржуазные правительства, и буржуазным правительствам таких посредников или третейских судей, как меньшевики или социал-предатели европейских стран, отвести слишком трудно. Между тем, нам опыт показал, что при сколько-нибудь серьезных обострениях эти господа американские и европейские меньшевики не знают, как им вести себя, и вынуждены поддаваться напору революционных масс, оставаясь противниками революции. Это вопрос открытый. Мы его не предрешаем.

Из этих условий, которые я вам прочитал, вы видите, что экономические отношения между концессионерами капиталистами и социалистической республикой далеки от прочности и устойчивости. Понятно, что капиталист, сохраняющий частную собственность и отношения эксплуатации, не может не быть в социалистической республике инородным телом. И отсюда вытекает то, что составляет один из главных предметов моего доклада: то, что концессия есть продолжение войны, только в иной форме. Я сейчас перейду к этому подробно, сначала я хочу изложить три главных вида или объекта концессий.

В этой брошюре мы написали перечень главных объектов концессий, и товарищи из ВСНХ, которые дали материал к этой брошюре и редактировали ее, приложили карты, наглядно показывающие эти объекты концессий. На этих картах видно, что объекты концессий разделяются на три главных вида: лесные концессии на дальнем севере — это раз, продовольственные концессии — это два, горные концессии в Сибири — три.

В лесных концессиях на дальнем севере Европейской России, где есть десятки, сотни миллионов десятин леса, который мы совершенно не в состоянии разработать за отсутствием путей сообщения, средств производства, за отсутствием возможности подвезти продовольствие для тамошних рабочих, где государству, обладающему сильным флотом, есть возможность правильно заготовить лесной товар и вывезти его в гигантских размерах, — интерес экономический для нас очевиден.

Если мы хотим товарообмена с заграницей, а мы его хотим, мы понимаем его необходимость, наш основной интерес —

возможно скорее получить от капиталистических стран те средства производства (паровозы, машины, электрические аппараты), без которых восстановить нашу промышленность сколько-нибудь серьезно мы не сможем, а иногда и совсем не сможем, за недоступностью иметь для наших фабрик нужные машины. Надо подкупить капитализм сугубой прибылью. Он получит лишнюю прибыль, — бог с ней, с этой лишней прибылью, — мы получим то основное, при помощи чего мы укрепимся, станем окончательно на ноги и экономически его победим. Чтобы получить лучшие машины и пр., мы должны платить. Чем платить? Мы имеем несколько миллионов золотого фонда, который нам остался. Вы увидите в специальном плане по электрификации России, что этот план, рассчитанный на десятки лет, с дополнительной работой по восстановлению промышленности, вызовет необходимость расхода по приблизительному расчету до 17 миллиардов рублей золотом. Одна электрификация непосредственно будет стоить свыше миллиарда рублей золотом. Покрыть нашим золотым фондом мы этого не можем, вывозить продукты продовольствия для нас до последней степени нежелательно и опасно, потому что полного обеспечения продовольствием мы не имеем для своей промышленности, а покрыть надо. И здесь нет объекта более удобного для нас экономически, чем леса на дальнем севере, которые мы имеем в невероятном количестве, они там гниют, пропадают, потому что экономически мы не в силах их эксплуатировать. Между тем лес на международном рынке представляет гигантскую ценность. В этом отношении дальний север удобен нам и политически, потому, что это дальняя окраина. Эта концессия удобна нам и политически и экономически, и мы на нее должны налегать больше всего. Милютин сообщал на совещании, которое было в Москве, о котором я вам говорил, что переговоры с Англией насчет этой концессии в северо-европейской России двигаются. Там имеется несколько десятков миллионов десятин леса. Если мы три или пять миллионов десятин леса отдадим концессионерам в шахматном порядке, создавая для себя использование усовершенствованных предприятий, использование возможности учиться, выговаривая возможность участия наших техников, мы вышрываем для себя многое и мы затрудняем для капиталистических держав, пошедших на сделку с нами, военные предприятия против нас, ибо война рвет все, при войне постройки, сооружения, пути сообщения достанутся нам. Предприятия новых возможных Колчаков, Деникиных и т. д. против нас не облегчаются.

Второй вид концессий — продовольственный. За исключением Западной Сибири, где есть громадная площадь первоклассной земли, недоступная для нас потому, что она находит-

ся далеко от путей сообщения, в одной Европейской России и по реке Уралу, — нашим Комиссариатом земледелия было дано соответственное задание и определено количество земель, которое мы не сможем обработать, не меньше, чем в 3 миллиона десятин по реке Уралу, оставленных казаками в результате победоносного окончания гражданской войны, — имеются превосходные земли, которые надо поднять, но которые при недостатке скота, при ослаблении производительных сил мы обработать не сможем.

В совхозах Донской области до 800 000 десятин, которые обработать мы не можем и для обработки которых нужно громадное количество скота либо целые тракторные отряды, которые пустить мы не можем, а некоторые капиталистические страны, в том числе нуждающиеся дозарезу в продовольствии — Австрия, Германия, Богемия, — могли бы пустить их в ход и получить превосходную пшеницу в летнюю кампанию. Насколько это нам удастся реализовать, мы не знаем. У нас сейчас работает два тракторных завода, в Москве и Петрограде, но при трудных условиях они не могут дать в большом количестве тракторов. Мы могли бы облегчить положение покупкой увеличенного количества тракторов. Тракторы — важнейшее средство для радикальной ломки старого земледелия и для расширения запашек. Этими концессиями мы можем показать целому ряду стран, что мы можем развить мировое хозяйство в гигантских размерах.

Если бы наша пропаганда и наше предложение не увенчались успехом, если бы наше предложение оказалось непринятым, в нем остается не только политическая, но и социалистическая польза. То, что происходит в капиталистическом мире, есть не только расхищение богатства, а безумие и преступление, ибо в одних странах наблюдается избыток продовольствия, которое не может быть продано из-за валютных революций, потому что деньги обесценены в целом ряде стран, потерпевших поражение. Гниют громадные количества продовольствия, а в то же время десятки миллионов населения в таких странах, как Германия, прямо гибнут. Эти нелепости, это преступление капитализма становится очевидным для всех капиталистических стран и для маленьких стран, окружающих Россию. Выступает Советская республика и говорит: «У нас есть сотни тысяч превосходных земель, которые можно поднять тракторами, а у вас есть тракторы, у вас есть бензин и у вас есть обученные техники; и вот мы предлагаем всем народам, в том числе и народам капиталистических стран, сделать краеугольным камнем восстановление народного хозяйства и спасение всех народов от голода». Если капиталисты не понимают этого, что есть аргумент гнилости, безумия и преступности капиталистического

порядка. Это будет иметь не только пропагандистское значение; это будет коммунистический призыв к революции, ибо показывает с несомненностью, которая внедряется в сознание всех народов все более, что капитализм разваливается, что он не может удовлетворить потребности. Ничтожное меньшинство империалистских стран наживается, а целый ряд других стран прямо находится на краю гибели. Мировое хозяйство требует реорганизации. И Советская республика с этим планом реорганизации, с этим совершенно деловым, бесспорным, осуществимым предложением выступает: «Вы умираете от голода при капитализме, несмотря на чудовищные богатства техники, — мы имеем возможность, соединяя вашу технику с нашим сырьем, разрешить кризис, но помехой являются капиталисты. Мы предлагаем им это сделать, а они тормозят, срывают». Это — второй вид концессии, продовольственной или тракторной.

Третий вид концессии — горные. Они перечислены на карте Сибири, где подробно указана каждая местность, относительно которой идет речь в концессии. Горные богатства Сибири представляются совершенно необъятными, и мы даже, в лучшем случае, при большом успехе, в несколько лет не могли бы разработать одной сотой их доли. Они находятся в таких условиях, где требуется оборудование лучшими машинами. Здесь есть такие продукты, как медная руда, которая для капиталистических стран, для электрической промышленности необходима дозарезу, вследствие голода на эти продукты. Есть возможность восстановить мировое хозяйство и поднять всемирную технику, если вступить в правильные сношения с нами.

Эти концессии в отношении их осуществления, конечно, трудны, т. е. они представляют больше трудностей, чем концессии лесные, продовольственные. Там, в продовольственных концессиях, дело идет о тракторных кампаниях на короткое время. Лесные тоже не так трудны, тем более что это объект, недоступный для нас, но горные концессии находятся частью на недалеком расстоянии от железной дороги, частью в местах очень населенных, и здесь опасность большая, и мы будем более тщательно взвешивать, давать ли их, и будем ставить определенные условия, ибо нет никаких сомнений, что концессии — это новая война. Капиталисты приходят к нам на новую войну, самое существование капиталистов — уже война против социалистического мира. Экономически-капиталистические предприятия в социалистическом государстве — это война за свободную торговлю, против политики разверстки, война за частную собственность, против республики, отменившей эту собственность. И на этом экономическом корне вырастает це-

лый ряд взаимоотношений (вроде как военные отношения между «сухаревкой» [170] и нашими учреждениями). Нам могут сказать, что вы «сухаревку» закрываете и открываете новый ряд «сухаревок», впуская капиталистов. Мы на это глаз не закрываем и говорим, что, если до сих пор мы победили, победили тогда, когда у наших врагов все средства были пущены в ход для срыва наших предприятий, когда этот срыв производился изнутри вместе со срывом извне, то неужели мы не сумеем на определенных участках, когда у нас будут определенные условия и отношения, справиться, проследить. У нас практический опыт борьбы с военным шпионажем, с капиталистическим саботажем имеется. Мы боролись, когда они прятались в наших собственных учреждениях, — неужели мы не сумеем сладить, когда у нас будут пущены капиталисты по определенным спискам, с определенными условиями? Конечно, мы знаем, что эти условия они будут нарушать, мы будем бороться против этих нарушений. Но, товарищи, это война — концессии с капиталистическими устоями. Пока мы не сбросили капитала в других странах, пока он гораздо сильнее нас, он сможет во всякое время направить против нас свои силы, опять выступить против нас в войне. И нам поэтому нужно сделаться сильнее, а для этого нужно развить крупную промышленность, нужно поднять транспорт. Мы, проводя это, идем на риск, тут снова военные отношения, снова борьба, и если они будут подрывать нашу политику, то мы будем воевать против них. Было бы большой ошибкой думать, что мирный договор о концессиях — мирный договор с капиталистами. Это — договор относительно войны, но договор менее опасный для нас, менее тяжелый и для рабочих и крестьян, менее тяжелый, чем в тот момент, когда против нас бросали лучшие танки и пушки, и поэтому мы должны применить все способы, придти к тому, чтобы ценой экономических уступок развить свои экономические силы, облегчить дело нашего экономического восстановления. Конечно, капиталисты не будут исполнять договоры, — говорят товарищи, боящиеся концессий. Само собой разумеется, обнадеживать себя, что капиталисты будут исполнять договор — абсолютно нельзя. Это будет война, и последний довод, который вообще остается доводом, входящим в отношения социалистической республики, — это война.

Эта война сейчас нам угрожает с часу на час. У нас ведутся мирные переговоры с Польшей, и мы имеем все шансы, что мир будет подписан или по крайней мере, чтобы быть точнее, огромное большинство шансов за заключение этого мира. Но что Савинковы и французские капиталисты работают за то, чтобы этот договор сорвать, это несомненно. Война не сегодня,

так завтра для капиталистов возможна, и они охотно начали бы ее уже сейчас, если бы только не были научены трехлетним опытом. Концессии, это — известный риск; концессии, это — убыток; концессии, это — продолжение войны. Это — несомненно, но эта война нам выгоднее. Когда известный минимум средств производства, паровозов и машин мы получим, тогда мы экономически не будем тем, чем были до сих пор, и тогда империалистские страны будут еще менее нам опасны.

Нам говорили, что концессионеры создадут исключительные условия для своих рабочих, привезут для них лучшую одежду, лучшую обувь, лучшее продовольствие. Такова будет тогда их пропаганда среди наших рабочих, которые должны терпеть лишения и долгое время еще будут их терпеть. Получится — социалистическая республика, в которой рабочие бедствуют, а рядом капиталистический остров, где рабочие живут прекрасно. Такие опасения слышатся очень часто на наших партийных собраниях. Конечно, этого рода опасность остается и показывает, что концессия есть продолжение войны, а не мир, но если мы испытывали лишения гораздо большие и вместе с тем видели, что рабочие из капиталистических стран все-таки идут к нам, хотя и знают, что экономические условия, ожидающие их в России, гораздо хуже, то неужели здесь от такой пропаганды мы не сможем защититься нашей контрпропагандой, неужели мы не сможем доказать рабочим, что капитализм, конечно, может известным группам своих рабочих создать условия лучшие, но что от этого условия остальной массы рабочих не улучшаются? Наконец, почему от всех соприкосновений с буржуазной Европой и Америкой всегда выигрывали мы, а не они? Почему до сих пор боятся посылать делегации они к нам, а не мы к ним? До сих пор из делегаций, которые они присылали к нам, мы всегда откалывали на свою сторону хоть небольшую часть, несмотря на то, что делегации состояли главным образом из меньшевистского элемента, и это были люди, приезжавшие к нам на время. И мы будем бояться, что не сумеем разъяснить правды рабочим?! Мы были бы очень плохи, если бы этого боялись, если бы эти соображения поставили выше того прямого интереса, который в концессиях имеет наивысшее значение. Положение наших крестьян и рабочих остается тяжелым. Надо его улучшить. На этот счет у нас не может быть никаких сомнений. Я думаю, что мы сойдемся на том, что политика концессий есть также политика продолжения войны, но наша задача удержать существование одинокой социалистической республики, окруженной капиталистическими врагами, сохранить республику, неизмеримо более слабую, чем капиталистические враги кругом ее, устранить этим возможность врагам создать союз между собой для борьбы против нас, помешать их поли-

тике, не дать им возможности одержать победу; наша задача обеспечить для России необходимые орудия и средства для восстановления хозяйства, ибо, когда мы это получим, тогда мы так прочно станем на ноги, что нам никакие капиталистические враги не будут страшны. Вот та точка зрения, которая руководила нами в нашей политике относительно концессий и которую я изложил.

ИЗ ДОКЛАДА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ 22 ДЕКАБРЯ

(*Возгласы с мест*: «Да здравствует товарищ Ленин!» *Гром аплодисментов. Бурная овация.*) Товарищи, мне предстоит сделать доклад о внешней и внутренней политике правительства. Я понимаю задачу своего доклада не так, чтобы дать вам перечень хотя бы крупнейших или важнейших законопроектов и мероприятий рабоче-крестьянской власти. Я думаю, что вас не интересовал бы также и не представлял бы существенного значения рассказ о событиях за это время. Мне думается, что надо попытаться обобщить главные уроки, которые мы получили за этот год, не менее богатый крутыми поворотами политики, чем предыдущие годы революции, и из обобщения уроков опыта за год вывести самые неотложные политические и хозяйственные задачи, которые перед нами стоят и на которые Советская власть и через свои законопроекты, внесенные на ваше усмотрение и утверждение, и через всю совокупность своих мер возлагает сейчас больше всего надежд, придает им больше всего значения и от выполнения их ждет серьезных успехов в деле нашего хозяйственного строительства. Поэтому позвольте мне ограничиться лишь краткими замечаниями о международном положении республики и о главных итогах минувшего года в области внешней политики.

Вы все знаете, конечно, как навязали нам польские помещики и капиталисты войну под давлением и натиском капиталистических стран Западной Европы, и не только одной Западной Европы. Вы знаете, как мы в апреле текущего года предлагали мир польскому правительству на условиях, несравненно более выгодных для него, чем теперешние, и только под давлением крайней необходимости, после полных неуспехов наших переговоров о перемирии с Польшей, мы вынуждены были пойти на войну, которая, несмотря на крайне тяжелое поражение, понесенное нашими войсками под Варшавой в силу несом-

нешного переутомления их войной, кончилась, однако, миром для нас более выгодным, чем тот, который мы предлагали Польше в апреле. Предварительный мир с Польшей подписан, и сейчас имеют место переговоры о подписании окончательного мира. Мы не скрываем от себя нисколько той опасности, которая состоит в давлении некоторых из наиболее упорных капиталистических стран, а также в давлении определенных кругов русских белогвардейцев, с целью не дать этим переговорам окончиться миром. Но мы должны сказать, что политика Антанты, направленная на военное вмешательство и военное подавление Советской власти, терпит все более и более крах, и все большее и большее число государств, стоящих безусловно на враждебной, по отношению к Советской власти, платформе, мы перетягиваем на сторону нашей политики мира. Число государств, подписавших мирный договор, увеличивается, и есть большая вероятность, что в ближайшее время окончательный мирный договор с Польшей будет подписан, и таким образом будет нанесен еще один серьезнейший удар союзу капиталистических сил, пытающихся вырвать у нас власть военным путем.

Товарищи, вы знаете, конечно, также, что временные неуспехи наши в войне с Польшей и тяжесть нашего положения в некоторые моменты войны зависели от того, что мы должны были бороться против Врангеля, официально признанного одной империалистской державой [171] и получавшего колоссальные средства материальной, военной и иной помощи. И мы должны были, чтобы закончить войну как можно скорее, прибегнуть к быстрому сосредоточению войск, чтобы нанести Врангелю решительный удар. Вы знаете, конечно, какой необыкновенный героизм проявила Красная Армия, одолев такие препятствия и такие укрепления, которые даже военные специалисты и авторитеты считали неприступными. Одна из самых блестящих страниц в истории Красной Армии — есть та полная, решительная и замечательно быстрая победа, которая одержана над Врангелем. Таким образом, война, навязанная нам белогвардейцами и империалистами, оказалась ликвидированной.

Мы можем теперь с гораздо большей уверенностью и твердостью взяться за близкое нам, необходимое и привлекающее нас к себе давно уже дело хозяйственного строительства, с уверенностью, что так легко сорвать эту работу, как прежде, капиталистическим хозяевам не удастся. Но, разумеется, мы должны быть начеку. Мы ни в коем случае не можем сказать, что от войны мы уже гарантированы. И этот недостаток гарантии состоит вовсе не в том, что у нас нет еще формальных мирных договоров. Мы прекрасно знаем, что остатки армии

Врангеля не уничтожены, а спрятаны не очень далеко и находятся под опекой и под охраной и восстанавливаются при помощи капиталистических держав, что белогвардейские русские организации работают усиленно над тем, чтобы попытаться создать снова те или иные воинские части и вместе с силами, имеющимися у Врангеля, приготовить их в удобный момент для нового натиска на Россию.

Поэтому военную готовность мы должны сохранить во всяком случае. Не полагаясь на нанесенные уже империализму удары, мы свою Красную Армию во что бы то ни стало должны сохранить во всей боевой готовности и усилить ее боевую способность. Этому, конечно, не помешает освобождение известной части армии и быстрая ее демобилизация. Мы рассчитываем, что громадный опыт, который за время войны приобрела Красная Армия и ее руководители, поможет нам улучшить теперь ее качества. И мы добьемся того, что при сокращении армии мы сохраним такое основное ядро ее, которое не будет возлагать непомерной тяжести на республику в смысле содержания, и в то же время при уменьшенном количестве армии мы лучше, чем прежде, обеспечим возможность в случае нужды снова поставить на ноги и мобилизовать еще бо́льшую военную силу.

И мы уверены, что все соседние государства, которые много потеряли уже из-за поддержки против нас белогвардейских заговоров, достаточно учли непререкаемый урок опыта и оценили по-настоящему нашу примирительность, которую все толковали как нашу слабость. Они должны были убедиться после трех лет опыта, что, когда мы проявляем самое устойчивое и мирное настроение, мы в то же время в военном отношении являемся готовыми. И всякая попытка войны против нас будет означать для государств, которые втянутся в такую войну, ухудшение тех условий, которые они могли бы иметь без войны и до войны, по сравнению с теми, которые они получат в результате и после войны. Это доказано по отношению к нескольким государствам. И это есть наше завоевание, от которого мы не откажемся и которого ни одна из окружающих нас или находящихся в политическом соприкосновении с Россией держав не забудет. Благодаря этому у нас непрерывно улучшаются отношения с соседними государствами. Вы знаете, что мир окончательно подписан с целым рядом находящихся на западных границах России государств, входивших прежде в состав бывшей Российской империи и получивших от Советской власти безоговорочное, согласно основным принципам нашей политики, признание их независимости, их суверенности. Мир на этих основах имеет все шансы быть более прочным, чем того желали

бы капиталисты и некоторые из западноевропейских государств.

По отношению к латвийскому правительству я должен сказать, что одно время нам грозило как будто бы ухудшение отношений, доходившее даже до возможности возникновения мысли о прекращении дипломатических отношений. Но как раз последний доклад нашего представителя в Латвии указывает на то, что произошла уже перемена политики, устранены многие из недоразумений и законных поводов к недовольству. Есть серьезная надежда, что в ближайшее время мы будем в тесных экономических сношениях с Латвией, которая при товарообмене с Западной Европой, понятное дело, будет еще более полезна для нас, чем Эстония и другие граничащие с РСФСР государства.

Я должен также отметить, товарищи, что на Востоке наша политика за этот год одержала крупные успехи. Мы должны приветствовать образование и упрочение Советских республик, Бухарской, Азербайджанской и Армянской, восстановивших не только свою полную независимость, но и взявших власть в руки рабочих и крестьян. Эти республики являются доказательством и подтверждением того, что идеи и принципы Советской власти доступны и немедленно осуществимы не только в странах, в промышленном отношении развитых, не только с такой социальной опорой, как пролетариат, но и с такой основой, как крестьянство. Идея крестьянских Советов победила. Власть в руках крестьян обеспечена; в их руках земля, средства производства. Дружественные отношения крестьянско-советских республик с Российской социалистической республикой уже закреплены практическими результатами нашей политики.

Мы можем приветствовать также предстоящее подписание договора с Персией, дружественные отношения с которой обеспечены в силу совпадения коренных интересов у всех народов, страдающих от гнета империализма.

Мы должны отметить также, что дружественные отношения у нас все более и более налаживаются и укрепляются с Афганистаном и еще более с Турцией. По отношению к последней державе страны Антанты делали все с их стороны для того, чтобы сделать невозможными сколько-нибудь нормальные отношения между Турцией и западноевропейскими странами. Это обстоятельство, в связи с упрочением Советской власти, все более и более обеспечивает то, что, несмотря на все противодействие и все интриги буржуазии, несмотря на сохранение буржуазных стран вокруг России, — союз и дружественные отношения России с угнетенными восточными нациями укрепляются, ибо главнейший во всей политике факт есть империалистическое насилие в отношении к народам, которые не имели

счастья попасть в число победителей, и эта мировая политика империализма вызывает сближение, союз и дружбу всех угнетенных народов. И успех, которого мы достигли в этом отношении и на Западе по отношению к государствам более европеизированным, показывает, что настоящие основы нашей внешней политики правильны и что улучшение нашего международного положения стоит на прочной базе. Мы уверены, что при продолжении с нашей стороны политики миролюбия, при уступках, которые мы сделаем (а мы должны их делать, чтобы избежать войны), несмотря на все интриги и замыслы империалистов, которые, конечно, смогут всегда поссорить то или иное государство с нами, несмотря на все это, основная линия нашей политики и основные интересы, вытекающие из самой сущности империалистской политики, берут свое и все более и более заставляют теснее связываться РСФСР с растущим вокруг нее числом соседних государств. А это — залог того, что мы делу хозяйственного строительства сможем отдаться коренным образом, сможем работать спокойно, твердо и уверенно более продолжительное время.

Я должен сказать также, что в настоящее время происходят переговоры с Англией о подписании торгового соглашения. К сожалению, эти переговоры затягиваются гораздо дольше, чем мы бы этого желали, но мы в этом отношении абсолютно неповинны. Еще в июле, когда английское правительство в момент наибольшего успеха советских войск официально нам предложило текст соглашения, обеспечивающего возможность торговых сношений, мы ответили полным согласием, но с тех пор борьба течений в английском правительстве и английском государстве затормозила это дело. Мы видим колебания английского правительства, угрозы порвать совсем с нами сношения, немедленно послать флот на Петроград. Мы это видели, но мы видели в то же время, как вся Англия покрывалась в ответ на эту угрозу «Комитетами действия». Мы видели, как наиболее крайние сторонники оппортунистического направления и их вожди под давлением рабочих должны были стать на этот путь совершенно «неконституционной» политики, которую они сами осуждали вчера. Оказалось, что сила давления и сознательности трудящихся масс, вопреки всем меньшевистским предрассудкам, до сих пор господствовавшим в английском профессиональном движении, настолько проложила себе дорогу, что обламывала острие у воинственной политики империалистов. И сейчас, продолжая мирную политику, мы стоим на почве того июльского проекта, который предложен английским правительством. Мы готовы подписать торговое соглашение немедленно, а если оно до сих пор не подписано, то вина исключительно на тех течениях и веяниях в английских правящих

кругах, которые хотят сорвать торговое соглашение, которые хотят, вопреки воле большинства не только рабочих, но даже вопреки воле большинства английской буржуазии, еще раз иметь возможность с развязанными руками сделать нападение на Советскую Россию. Это их дело.

Чем дольше такая политика будет продолжаться в некоторых влиятельных кругах Англии, в кругах финансового капитала и империалистов, тем больше она обостряет финансовое положение, тем больше она оттягивает полусоглашение, которое теперь необходимо между буржуазной Англией и Советской республикой, тем больше она приближает империалистов к тому, что они должны будут принять потом не полусоглашение, а полное соглашение.

Товарищи, я должен сказать, что в связи с этим торговым соглашением с Англией стоит вопрос, который является одним из крупнейших в нашей экономической политике, — это вопрос о концессиях. К числу важнейших законов, которые были приняты Советской властью за отчетное время, принадлежит закон 23 ноября текущего года — о концессиях. Вы все знакомы, конечно, с текстом этого закона. Вы все знаете, что мы теперь опубликовали дополнительные материалы, которые могли бы всем членам съезда Советов дать наибольшее осведомление по этому вопросу. Мы опубликовали отдельную брошюру не только с текстом этого декрета, но и перечень главнейших объектов концессий, именно — продовольственных, лесных и горных. Мы приняли меры к тому, чтобы опубликование текста этого декрета как можно скорее попало в западноевропейские государства, и мы надеемся, что наша политика концессий будет успешна и с практической стороны. Мы нисколько от себя не скрываем опасностей, которые с этой политикой связаны в социалистической Советской республике, и притом в стране слабой и отсталой. Пока наша Советская республика останется одинокой окраиной всего капиталистического мира, до тех пор думать о полной нашей экономической независимости и об исчезновении тех или иных опасностей было бы совершенно смешным фантазерством и утопизмом. Конечно, пока такие коренные противоположности остались, — остаются и опасности, и от них никуда не убежишь. Нам надо только прочно стоять, чтобы их пережить, уметь отличать опасности большего значения от опасностей меньшего значения и предпочитать менее значительные бо́льшим.

Недавно нам было сообщено, что на Арзамасском уездном съезде Советов Нижегородской губ. один беспартийный крестьянин по поводу концессий заявил: «Товарищи, мы вас посылаем на Всероссийский съезд и заявляем, что мы, крестьяне, готовы еще три года голодать, холодать, нести повинности,

только Россию-матушку на концессии не продавайте». Я чрезвычайно рад приветствовать такого рода настроения, которые распространены очень и очень широко. Я думаю, что именно показательно для нас то, что среди беспартийной трудящейся массы, не только рабочих, но и крестьян, созрел за три года тот политический и хозяйственный опыт, который позволяет и заставляет выше всего ценить освобождение от капиталистов, который заставляет относиться с тройной зоркостью и с чрезвычайной подозрительностью ко всякому шагу, который несет за собой возможные новые опасности в смысле восстановления капитализма. Несомненно, к такого рода заявлениям мы прислушиваемся со всем вниманием, но мы должны сказать, что о продаже России капиталистам нет и речи, что речь идет о концессиях, причем каждый договор о концессиях обусловлен определенным сроком, определенным соглашением и обставлен всеми гарантиями, которые тщательно продуманы, которые еще не раз будут обдуманы и обсуждены вместе с вами на настоящем съезде и на всяких дальнейших совещаниях, и эти временные договоры не похожи на продажу. Они не имеют ничего общего с продажей России, но они представляют из себя известную экономическую уступку капиталистам с тем, чтобы таким путем получить нам возможность как можно скорее приобрести те необходимые машины и паровозы, без которых восстановление нашего хозяйства мы осуществить не можем. Мы не вправе пренебрегать ничем, что может хотя бы немного способствовать улучшению положения рабочих и крестьян.

Нужно сделать максимум того, что возможно для быстрого восстановления торговых отношений. И они, эти переговоры, идут сейчас полулегально. Мы заказываем паровозы, машины далеко не в достаточном числе, но мы начали их заказывать. Если мы будем вести переговоры легально, мы разовьем эти возможности в громадных размерах. При помощи промышленности мы добьемся многого, и притом в более короткий срок, но даже и при большом успехе этот срок измеряется годами, рядом лет. Надо помнить, что если мы сейчас одержали военную победу, получили мир, то, с другой стороны, история учит нас, что ни один крупный вопрос, ни одна революция не решались иначе, как в ряде войн. И этого урока мы не забудем. Сейчас мы целый ряд могучих держав отучили от войны с нами, но надолго ли, мы ручаться не можем. Надо быть готовыми к тому, что при малейшем изменении положения империалистские хищники снова направятся на нас. Надо быть готовыми к этому. Поэтому прежде всего надо восстановить хозяйство, надо прочно поставить его на ноги. Без оборудования его, без машин из капиталистических стран сделать этого

скоро нельзя. И не жалко при этом лишней прибыли для капиталистов, лишь бы добиться этого восстановления. Нужно, чтобы рабочие и крестьяне были настроены так, как те беспартийные крестьяне, которые сказали, что они не боятся жертв и лишений. Сознавая опасность капиталистического вмешательства, они не смотрят на концессии с точки зрения сентиментальной, а видят в них продолжение войны, с перенесением беспощадной борьбы лишь в другую плоскость, видят возможность новых попыток буржуазии восстановить старый капитализм. Это прекрасно, это дает нам гарантию, что надзор и охрана наших интересов будут делом не только органов Советской власти, а каждого рабочего и крестьянина. И тогда, мы уверены, мы сумеем поставить охрану наших интересов, даже при исполнении концессионных договоров, на такую базу, на которой о возвращении власти капиталистов не может быть и речи; и мы достигнем того, что эту опасность мы доведем до минимума, что она будет меньше, чем опасность войны, что это затруднит возобновление войны и облегчит нам возможность в более короткий срок, в меньшее число лет (речь идет о довольно долгом ряде лет) возродить и развить наше хозяйство...

Доклад о концессиях впервые напечатан в 1930 г.; доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров — в 1921 г., в книге: «Восьмой Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет».

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 31, стр. 433—464.

ИЗ РЕЧИ НА IV ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РАБОЧИХ ШВЕЙНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ 6 ФЕВРАЛЯ 1921 г. [172]

...Мы в России наблюдали все особенно наглядно, что во время империалистической войны положение буржуазии было наиболее шатко; мы, затем, слыхали, что во всех других странах как раз конец войны означал больше всего политический кризис в этих государствах, когда народ был вооружен, и как раз в этот момент пролетариат мог бы решить дело против капиталистов одним ударом. По целому ряду причин это не удалось западноевропейским рабочим, и вот уже четвертый год нам приходится отстаивать свое положение в одиночку.

Трудности, которые легли в силу этого на плечи Советской Российской республики, были необъятны, потому что военные силы капиталистов мира, которые все, что возможно было для них сделать, сделали для поддержки наших помещиков, и, конечно, их военная сила во много и много раз превосходит нашу. И если мы теперь, после трех с лишним лет, выходим, сломивши все их военные нашествия и препятствия, то мы вправе сказать без всякого преувеличения, хорошо зная те неслыханные трудности, тяжести, лишения и бедствия, которые на рабочий класс России за это время свалились, мы вправе все же сказать, что главнейшие трудности уже позади. Если всемирной буржуазии не удалось в течение трех лет при ее громадном военном перевесе сломить слабую и отсталую страну, то только потому, что эта страна перешла к диктатуре пролетариата, только потому, что этой стране было обеспечено сочувствие трудящихся масс во всем мире, можно сказать, во всякой стране без исключения. Если капиталистам всего мира не удалась эта задача, которая была для них нетрудна, ибо военный перевес на их стороне был гигантский, то мы можем сказать, что, с точки зрения международной, в этом самом опасном пункте всей советской революции, повторяю, главнейшая трудность позади нас.

Конечно, опасность еще не миновала, сейчас все еще тянутся переговоры об окончательном мире, сейчас как раз по некоторым признакам наступает довольно трудный момент этих переговоров, ибо в особенности французские империалисты продолжают еще втягивать Польшу в новую войну и распространяют всячески облыжные сведения о том, что Советская Россия мира не хочет.

На самом деле, мы все сделали, чтобы доказать наше желание мира: мы подписали предварительные условия несколько месяцев тому назад, условия такого содержания, что уступчивость наша удивила всех. Мы от этих условий не отступаем ни в чем, но ни в каком случае только не можем согласиться, чтобы под видом раздела имущества, принадлежавшего при царизме и польскому и русскому народу, находившемуся тогда под гнетом царизма, мы могли бы допустить, чтобы раздел имущества превратился в новую дань на нас. Этого допустить мы никак не можем. Справедливый раздел того имущества, которое надо признать общим, и частью железнодорожного имущества, и возвращение польскому народу всех тех культурных ценностей, которые для него имеют особенно большое значение и которые во время царизма были ограблены и увезены в Россию, это возвращение мы считаем бесспорным. Мы всегда ожидали, что будут трудные вопросы при улаживании этого дела; но если под давлением французских империалистов поляки захотят создать конфликт и сорвать мир во что бы то ни стало, то мы тут поделать ничего не можем. Для того, чтобы примириться, нужно добровольное согласие двух сторон, а не одной только стороны. Все равно, будь это очень большой конфликт внутри отдельного союза или очень большой конфликт и столкновение между двумя государствами. Если поляки поддадутся еще раз натиску французских империалистов, то дело мира, повторяю еще раз, может быть сорвано...

Впервые напечатано в 1922 г. в книге: «Четвертый Всероссийский съезд рабочих швейной промышленности (1—6 февраля 1921 г.) (Стенографический отчет)», Петроград.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 32, стр. 92—94.

X СЪЕЗД РКП(б) [173]

8—16 МАРТА 1921 г.

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ СЪЕЗДА
8 МАРТА

(Продолжительные аплодисменты.) Товарищи, позвольте объявить открытым X съезд Российской коммунистической партии. Мы пережили год, очень богатый событиями и в международной и в нашей внутренней истории. Чтобы начать с международного положения, я должен сказать, что мы впервые собираемся теперь в таких условиях, когда Коммунистический Интернационал перестал быть только лозунгом, а превратился действительно в могучее организационное строение, имеющее свой фундамент, настоящий фундамент, в крупнейших передовых капиталистических странах. То, что на II конгрессе Коминтерна было еще только резолюциями, за истекший год удалось осуществить, нашло себе выражение, подтверждение, закрепление в таких странах, как Германия, Франция, Италия. Достаточно назвать эти три страны, чтобы вы видели, что во всех передовых крупнейших европейских странах Коммунистический Интернационал после II конгресса, состоявшегося прошлым летом в Москве, стал делом рабочего движения в каждой из этих стран, — мало того, он стал основным фактором международной политики. Это такое гигантское завоевание, товарищи, что, как бы ни были трудны и тяжелы различные испытания, нам предстоящие, — а мы никогда не можем и не должны упускать их из виду, — его у нас не в силах взять назад никто!

Далее, товарищи, мы в первый раз собираемся на съезд при таких условиях, когда вражеских войск, поддерживаемых капиталистами и империалистами всего мира, на территории Советской республики нет. В первый раз, благодаря победам Красной Армии за этот год, мы открываем партийный съезд при таких условиях. Три с половиной года неслыханно-тяжелой борьбы, но отсутствие вражеских армий на нашей территории, — это мы завоевали! Конечно, мы далеко еще не завоевали этим всего, и ни в каком случае не завоевали этим того,

что мы завоевать должны — действительного освобождения от нашествий и вмешательств империалистов. Наоборот, их военные действия против нас приняли форму менее военную, но в некоторых отношениях более тяжелую и более опасную для нас. Переход от войны к миру, — тот переход, который приветствовали мы на прошлом съезде партии и уже пытались осуществить, пытались наладить работу в этом отношении, — он еще и сейчас не завершен. И сейчас еще стоят перед нашей партией невероятной трудности задачи, которые касаются не только хозяйственного плана, — в котором мы сделали немало ошибок, — которые касаются не только основ хозяйственного строительства, но основ самих отношений между классами, которые в нашем обществе, в нашей Советской республике остались. Самые отношения между классами подверглись изменению, и вопрос этот должен быть, — я думаю, вы все с этим согласитесь, — одним из главных вопросов, которые вам предстоит здесь разобрать и разрешить.

Товарищи, мы пережили год исключительный, мы позволили себе роскошь дискуссий и споров внутри нашей партии. Для партии, которая окружена врагами, могущественнейшими и сильнейшими врагами, объединяющими весь капиталистический мир, для партии, которая несет на себе неслыханное бремя, эта роскошь была поистине удивительна!

Я не знаю, как вы оцените теперь это. Вполне ли, по-вашему, соответствовала эта роскошь нашим богатствам и материальным и духовным? От вас зависит оценить это. Но во всяком случае я должен сказать одно, что здесь, на этом съезде, мы должны поставить своим лозунгом, своей главной целью и задачей, которую мы во что бы то ни стало должны осуществить, это — чтобы из дискуссии и споров выйти более крепкими, нежели тогда, когда мы их начали. (Аплодисменты.) Вы, товарищи, не можете не знать, что все наши враги, — а имя им легион, — во всех своих бесчисленных заграничных органах повторяют и развивают ту же стоустую и тысячеустую молву, которую наши буржуазные и мелкобуржуазные враги распространяют здесь, внутри Советской республики, а именно: если дискуссия — значит споры, если споры — значит раздоры, если раздоры — значит коммунисты ослабели: напирай, лови момент, пользуйся их ослаблением! Это сделалось лозунгом враждебного нам мира. Мы этого ни на секунду не должны забывать. Наша задача теперь показать, что, как бы в прошлом, правильно или неправильно, мы себе эту роскошь ни позволяли, но из этого положения надо выйти таким образом, чтобы из чрезвычайного обилия платформ, оттенков, оттеночков, почти что оттеночков, формулированных, продискуссированных, мы на нашем партийном съезде, надлежащим

образом просмотрев их, сказали себе: во всяком случае как бы дискуссия ни проявлялась до сих пор, как бы мы между собой ни спорили, — а перед нами столько врагов, — задача диктатуры пролетариата в крестьянской стране так необъятна, трудна, что нам мало, чтобы только формально, — уже ваше присутствие здесь, на этом съезде, доказывает, что это так. — но чтобы и не только формально работа была более сплоченной, более дружной, чем прежде, чтобы не было ни малейших следов фракционности, — где и как бы она ни проявлялась до сих пор, — чтобы ни в коем случае их не осталось. Только при этом условии мы те громадные задачи, которые лежат перед нами, выполним. И я уверен, что выражу намерение и твердое решение всех вас, если скажу: с еще более прочным, еще более дружным и искренним партийным единством мы должны выйти с настоящего съезда во всяком случае! (Аплодисменты.)

ИЗ ОТЧЕТА О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦК РКП(б) 8 МАРТА

...До IX съезда партии наше внимание и все наши усилия были направлены на то, чтобы добиться перехода от отношений войны с капиталистическими странами к отношениям мирным и торговым. Мы предприняли для этого всякого рода дипломатические шаги и оказались победителями против, несомненно, крупных дипломатов. Когда, например, представители Америки или представители Лиги наций предлагали нам на известных условиях прекращение военных действий против Деникина, Колчака, они думали, что мы попадем в трудные условия. На самом же деле они оказались в трудных условиях, а мы дипломатически одержали громадную победу. Они оказались одурачеными, вынужденными взять обратно свои условия, что потом было разоблачено во всей дипломатической литературе и прессе всего мира. Но удовлетворяться дипломатической победой для нас слишком мало. Нам нужны настоящие торговые сношения, а не только дипломатические победы. Но только за этот год дело стало подходить к тому, что торговые сношения начали несколько развиваться. Стал вопрос о торговых сношениях с Англией. Начиная с лета прошлого года, это стало центральным пунктом. Война с Польшей отбросила нас далеко в этом отношении. Англия уже готова была подписать торговое соглашение. Английская буржуазия хотела этого соглашения, английские придворные круги его не желали, срывали, война с Польшей оттянула соглашение. Получилось так, что дело не решено до сих пор.

Сегодня, кажется, в газетах стало известно, что Красин в Лондоне сообщил прессе, что он рассчитывает на быстрое подписание торгового договора [174]. Я не знаю, вполне ли обеспечено осуществление этой надежды. Я не могу решить, случится ли так действительно, но, со своей стороны, я должен сказать, что мы в Центральном Комитете этому вопросу уделяли громадное место и считали правильным с нашей стороны тактику уступок, дабы добиться торгового соглашения с Англией.

В связи с этим стоит вопрос о концессиях. За истекший год мы занимались этим вопросом больше, чем прежде. 23 ноября вышел декрет Совета Народных Комиссаров, который изложил вопрос о концессиях в форме, наиболее приемлемой для заграничных капиталистов. Когда в партийных кругах возникли некоторые недоразумения по этому вопросу, или неполное понимание его, был проведен ряд собраний ответственных работников, на которых этот вопрос дискутировался. В общем и целом он не вызвал разногласий, хотя протестов со стороны рабочих и крестьян мы слышали немало. Говорили так: «Прогнали, мол, своих капиталистов, а теперь хотят призвать капиталистов иностранных». Насколько эти протесты были бессознательны, насколько тут звучал расчет кулацкой или прямо капиталистической части беспартийных, которые считают, что им принадлежит законное право быть в России капиталистами, и притом капиталистами с властью, а не так, чтобы иностранный капитал был привлечен без власти, — насколько то или другое играло здесь роль, на этот счет в ЦК никаких статистических данных, конечно, не имелось, да и вообще вряд ли какая-либо статистика в мире могла это учесть и выяснить. Но мы, во всяком случае, этим декретом делали шаг к тому, чтобы завязать концессионные отношения. Надо сказать, что на практике — и это никогда не следует забывать — мы ни одной концессии не получили. Спор идет между нами из-за того, надо ли нам их стараться получить во что бы то ни стало. Получим ли их, — это зависит не от наших споров и решений, а от международного капитала. 1 февраля текущего года Советом Народных Комиссаров вынесено другое постановление по вопросу о концессиях. Первый пункт этого постановления гласит: «Одобрить в принципе выдачу нефтяных концессий в Грозном и в Баку и на других действующих промыслах и начать переговоры, ведя их ускоренно».

Этот вопрос не обошелся без известных споров. Выдача концессий именно в Грозном и Баку казалась товарищам неправильной, способной вызвать оппозицию среди рабочих. Большинство ЦК и я лично стали на ту точку зрения, что, может быть, жалобы не вызываются необходимостью.

ЦК в своем большинстве и я лично стали на точку зрения необходимости этих концессий, и эту точку зрения мы будем просить вас подкрепить своим авторитетом. Этот союз с государственными трестами других передовых стран совершенно необходим для нас вследствие того, что наш экономический кризис так глубок, что своими силами восстановить разрушенное хозяйство без оборудования и технической помощи из-за границы мы не сможем. Простой привоз этого оборудования недостаточен. Можно сдать концессии на более широких нача-

лах, может быть, крупнейшим империалистическим синдикатам: четверть Баку, четверть Грозного, четверть наших лучших лесных запасов, чтобы таким образом обеспечить себе постановкой оборудования по последнему слову техники необходимую основу; с другой стороны, мы за это получаем для другой части оборудование, в котором мы нуждаемся. Таким образом, мы сможем хотя немного догнать, хотя на четверть или на половину, современные передовые синдикаты других стран. Что мы без этого будем находиться в очень тяжелом положении и без колоссальнейшего напряжения всех наших сил их не нагоним, — в этом не может сомневаться никто, кто хотя сколько-нибудь трезво смотрит на настоящее положение. Переговоры с некоторыми из величайших всемирных трестов уже начаты. Разумеется, с их стороны это не простая услуга нам: они делают это только ради необъятных барышей. Современный капитализм, выражаясь языком мирных дипломатов, это — разбойник, разбойничий трест, это — не прежний капитализм эпохи нормального времени: он берет сотни процентов прибыли, пользуясь монопольным положением на мировом рынке.

Первого февраля 1921 г. Совнарком принял решение о закупке за границей 18 500 000 пудов угля, так как тогда уже обрисовался наш топливный кризис. Тогда уже выяснилось, что нам придется затратить наш золотой фонд не только на покупку средств оборудования. Последнее подняло бы наше угольное производство, и мы хозяйничали бы лучше, если бы выписали из-за границы себе машины на развитие угольной промышленности, нежели, если б выписали уголь; но кризис оказался таким острым, что пришлось от этого, экономически лучшего, образа действий перейти к худшему и затрачивать средства на закупку угля, который мы могли бы иметь у себя. Нам придется идти на еще большие уступки для закупки предметов потребления для крестьян и рабочих...

ИЗ ДОКЛАДА О ЗАМЕНЕ РАЗВЕРСТКИ НАТУРАЛЬНЫМ НАЛОГОМ 15 МАРТА

...Мы боремся против международного капитала, который, увидя нашу республику, сказал: «Это — разбойники, крокодилы» (эти слова мне буквально переданы одной английской художницей, которая слышала это выражение от одного самого влиятельного политика). А раз крокодилы, то их можно только презирать. И это было голосом международного капитала. Это был голос классового врага и с его точки зрения правильный. Однако правильность таких заключений требует проверки на деле. Если ты — всемирная, могущественная сила, всемирный капитал, если ты говоришь: «крокодил», а у тебя вся техника в руках, — то попробуй, застрели! А когда он попробовал, то вышло, что ему же от этого больнее. Тогда капитал, который вынужден считаться с реальной политической и экономической жизнью, говорит: «Надо торговать». В этом состоит наша величайшая победа. Сейчас скажу вам, что у нас есть два предложения займа на сумму около ста миллионов золотом. Золото-то у нас есть, но золото продать нельзя, потому что это такая штука, которую кушать нельзя. Все так разорены, во всех странах валютные отношения между капиталистическими государствами перекувыркнулись от войны до невероятности. Кроме того, для сношения с Европой надо иметь флот, этого у нас нет. Флот — в руках враждебных. С Францией мы никакого договора не заключили, она считает, что мы должны ей, значит, любой корабль — «пожалуйте, это мой». У них есть военный флот, у нас нет. Вот положение, при котором мы до сих пор реализовать золото могли в маленьком, в ничтожном, ничтожном до смешного размере. Теперь есть два предложения от капиталистов-банковиков — реализовать заем на сто миллионов. Конечно, этот капитал возьмет грабительские проценты. Но до сих пор они вообще не говорили об этом, до сих пор они говорили: «Я тебя пристрелю и даром возьму». Теперь, так как они пристрелить не могут, они готовы торговать. Торговый договор с

Америкой и Англией теперь, можно сказать, на-мази; также и концессии. Я вчера получил еще письмо от мистера Вандерлипа, находящегося здесь, который, наряду с целым рядом жалоб, сообщает целый ряд планов относительно концессий и относительно займа. Это — представитель финансового капитала самой деляческой марки, связанный с западными штатами Северной Америки, более враждебными Японии. Так что у нас есть экономическая возможность достать товары. Как мы сумеем это сделать, — это другой вопрос, но известная возможность есть...

Впервые полностью напечатано в 1921 г. в книге: «Десятый съезд Российской коммунистической партии. Стенографический отчет (8—16 марта 1921 г.)». Москва

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 32, стр. 143—145, 156—159, 199—200.

ТЕЛЕГРАММА РЕВВОЕНСОВЕТУ XI АРМИИ

Копия РВС Кавфронта
Копия Ревкому Грузии
Копия тов. Орджоникидзе

Ввиду того, что части войск одиннадцатой армии находятся на территории Грузии, вам предлагается установить полный контакт с Ревкомом Грузии и строго сообразоваться с директивами Ревкома, не предпринимать никаких мер, могущих затронуть интересы местного населения, без согласования с Грузинским ревкомом, относиться с особым уважением к суверенным органам Грузии, особое внимание и осторожность проявлять в отношении грузинского населения. Дайте немедленно соответствующую директиву всем учреждениям армии, в том числе и Особому отделу. Привлекайте к ответственности всех, нарушающих эту директиву. Сообщайте о каждом случае нарушения или хотя бы малейших трениях и недоразумениях с местным населением.

Председатель Совоборопы *Ленин*

Написано 10 марта 1921 г.
«Правда Грузии» № 13,
17 марта 1921 г.

Печатается по тексту Сочинений
В. И. Ленина, изд. 4, т. 35,
стр. 408.

ИЗ ДОКЛАДА О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ НАЛОГЕ НА СОБРАНИИ СЕКРЕТАРЕЙ И ОТВЕТСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЯЧЕЕК РКП(б) г. МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 9 АПРЕЛЯ 1921 г. [175]

...Многие из вас, вероятно, помнят, как на IX съезде партии мы ставили вопрос о переходе на хозяйственный фронт. Все внимание тогда было уделено этому вопросу. Мы рассчитывали тогда, что от войны мы избавились: ведь мы сделали тогда буржуазной Польше неслыханно выгодное для нее предложение мирных условий. Как вы знаете, мир оказался сорванным, последовала польская война и ее продолжение — Врангель и др. Период от IX до X съезда был почти весь заполнен войной; вы знаете, что мы лишь в самое последнее время подписали окончательный мир с поляками и несколько дней тому назад мирное соглашение с турками, которое одно только избавляет нас от вечных войн на Кавказе. Только теперь мы заключили торговый договор с Англией, имеющий всемирное значение, только теперь Англия вынуждена была вступить в торговые сношения с нами; Америка, например, до сих пор отказывается от этого. Вот вам представление о том, с каким трудом мы вылезли из этой войны. Если бы мы могли предположения IX съезда партии тогда же осуществить, то мы могли бы, конечно, гораздо больше дать продуктов...

«Правда» №№ 81, 82 и 83; 15, 16 и 17 апреля 1921 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 32, стр. 267.

X ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РКП(б) [176]

26—28 МАЯ 1921 г.

ИЗ ДОКЛАДА О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ НАЛОГЕ
26 МАЯ

...Переходная мера к дальнейшему сводится к тому, чтобы подготовить обмен продуктов промышленности на сельскохозяйственные, чтобы получился такой порядок, при котором крестьянину не пришлось бы отдавать продуктов иначе, как в обмен на продукты городские и фабричные, причем не должно было его подчинять всем формам, существовавшим при капиталистическом строе. Но, в силу экономических условий, нам не приходилось об этом и думать. Вот почему нами принята та переходная форма, о которой я говорил, а именно: в виде налога взять продукты без всякого эквивалента и получить дополнительные продукты в виде товарообмена; но для этого необходимо иметь соответствующий фонд, — наш же фонд чрезвычайно незначителен, и возможность пополнить его путем заграничного товарообмена является только в этом году вследствие ряда договоров с капиталистическими державами. Правда, они пока что лишь введение, предисловие; настоящего товарообмена не началось еще до сих пор. Саботаж и всяческие попытки срыва этих соглашений большинства или большей части капиталистических кругов продолжаются беспрерывно, и самое характерное то, что русская пресса белогвардейская, в том числе эсеровская и меньшевистская, едва ли на чем другом сосредоточивает свои силы энергичнее и упорнее, чем на этом соглашении. Совершенно ясно, что буржуазия лучше подготовлена к борьбе, что она более развита, чем пролетариат, и что ее классовое самосознание еще более обострилось всеми «неприятностями», которые ей пришлось пережить, и она проявляет чуткость гораздо более высокую, чем нормальная. Достаточно присмотреться к белогвардейской печати, чтобы увидеть, что она бьет именно в тот пункт, который является центром, узлом нашей политики.

Вся белогвардейская русская пресса ставит себе, после неудачи военного нашествия, которое провалилось явно, хотя борьба еще идет, — ставит себе неосуществимую цель: сорвать

торговые соглашения. Та кампания, которая нынешней весной была предпринята в чрезвычайно усиленных размерах, причем эсеры и меньшевики заняли первое место среди контрреволюционных сил, эта борьба велась к определенной цели: к весне сорвать экономические соглашения между Россией и капиталистическим миром. И эта цель в значительной степени им удалась. Правда, мы основные договоры заключили, число этих договоров растет, и сопротивление, которое по этой части усилилось, мы преодолеваем, но оттяжка получилась очень опасная для нас, ибо без известной помощи из-за границы восстановление крупной промышленности и восстановление правильного товарообмена либо невозможно, либо означает такую оттяжку, которая чрезвычайно опасна. Вот условия, при которых приходится действовать, и вот условия, которые выдвинули вопрос о восстановлении торговли для крестьян на первое место. Я не буду касаться вопроса о концессиях, потому что этот вопрос более всего дебатировался на партийных собраниях и в последнее время не вызывает никаких недоумений. Попрежнему дело стоит так, что мы усердно предлагаем концессии, но ни одной сколько-нибудь серьезной концессии до сих пор иностранные капиталисты не получили, ни одного сколько-нибудь солидного концессионного договора мы до сих пор не заключили. Вся трудность состоит в том, чтобы найти практически проверенный способ привлечения западноевропейского капитала.

Теоретически для нас совершенно бесспорно, — и у всех, мне кажется, рассеялись на этот счет сомнения, — теоретически, говорю я, совершенно ясно, что нам выгодно откупиться от европейского капитала несколькими десятками или сотнями миллионов, которые мы могли бы еще ему предоставить, для того, чтобы в кратчайший срок увеличить запасы оборудования, материалов, сырья, машин для восстановления нашей крупной промышленности...

Напечатано 27 и 28 мая 1921 г. в «Бюллетене Всероссийской Конференции РКП (большевиков)» №№ 1 и 2

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 32, стр. 383—385.

РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ
28 МАЯ

Товарищи, я думаю, что мне можно ограничиться самым коротким словом. Мы, как вы знаете, экстренно собрали настоящую конференцию, поставив себе главною целью добиться полной ясности между центром и местами, между партийными и всеми советскими работниками насчет экономической политики. Я думаю, что эту задачу конференция безусловно решила. Здесь не раз отмечали товарищи, что тов. Осинский выразил совершенно правильно настроение очень многих и даже, вероятно, большинства партийных работников на местах, когда он сказал, что надо устранить все сомнения, что политика, намеченная X партийным съездом и в дальнейшем подкрепленная декретами и постановлениями, безусловно принимается партией как политика, подлежащая проведению всерьез и надолго. Это и выразила конференция со всей настойчивостью и дополнила целым рядом пунктов. После того, как товарищи разъедутся на места, не останется ни тени возможности неправильного истолкования. Конечно, когда мы намечаем политику, долженствующую существовать долгий ряд лет, мы ни на минуту не забываем, что международная революция, темп и условия ее развития могут изменить все. В настоящее время международное положение таково, что какое-то временное, неустойчивое, но все-таки равновесие установилось; равновесие такого типа, что империалистические державы, при всей своей ненависти и желании броситься на Советскую Россию, от этой мысли отказались, потому что разложение капиталистического мира идет прогрессивно вперед, единение уменьшается и уменьшается, а напор сил со стороны угнетенных колониальных народов, насчитывающих свыше миллиарда населения, с каждым годом, с каждым месяцем, даже неделей, становится сильнее. Но гадать на этот счет мы не можем. Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира без

всякого исключения и без всякого преувеличения. Это достигнуто. Замолчать, скрыть капиталисты ничего не могут, они больше всего ловят поэтому наши хозяйственные ошибки и нашу слабость. На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно. Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное. На этом фронте мы должны одержать победу медленным, постепенным, — быстрым нельзя, — но неуклонным повышением и движением вперед. И мне кажется, что в результате работ нашей конференции мы этой цели безусловно, и во всяком случае, достигли. (Аплодисменты.)

Напечатано 2 июня 1921 г. в газете «Правда» № 119

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 32, стр. 412—413.

III КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА [177]

22 ИЮНЯ — 12 ИЮЛЯ 1921 г.

ИЗ РАБОТЫ

«ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА О ТАКТИКЕ РКП НА III КОНГРЕССЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

(Первоначальный проект)»

1. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РСФСР

Международное положение РСФСР характеризуется в настоящее время некоторым равновесием, которое, будучи чрезвычайно неустойчивым, создало все же своеобразную конъюнктуру всемирной политики.

Это своеобразие состоит в следующем: с одной стороны, международная буржуазия полна бешеной ненависти и вражды к Советской России и готова в каждую минуту броситься, чтобы задушить ее. С другой стороны, все попытки военного вмешательства, стоившие этой буржуазии сотни миллионов франков, кончились полной неудачей, несмотря на то, что Советская власть была тогда слабее, чем теперь, а русские помещики и капиталисты имели целые армии на территории РСФСР. Оппозиция против войны с Советской Россией во всех капиталистических странах чрезвычайно усилилась, питая революционное движение пролетариата и захватывая очень широкие массы мелкобуржуазной демократии. Рознь интересов между различными империалистскими странами обострилась и обостряется с каждым днем все глубже. Революционное движение среди сотен миллионов угнетенных народов Востока растет с замечательной силой. В результате всех этих условий международный империализм оказался не в состоянии задушить Советскую Россию, несмотря на то, что он гораздо сильнее ее, и вынужден был на время признать или полупризнать ее, вступать в торговые договоры с ней...

2. СООТНОШЕНИЕ КЛАССОВЫХ СИЛ В МЕЖДУНАРОДНОМ МАСШТАБЕ

На основе такого положения вещей, соотношение классовых сил в международном масштабе сложилось следующим образом:

Международная буржуазия, лишенная возможности вести открытую войну против Советской России, выжидает, подкарауливая момент, когда обстоятельства позволят ей возобновить эту войну.

Пролетариат передовых капиталистических стран везде уже выдвинул свой авангард, коммунистические партии, которые растут, идя неуклонно к завоеванию большинства пролетариата в каждой стране, разрушая влияние старых тред-юнионистских бюрократов и развращенной империалистскими привилегиями верхушки рабочего класса Америки и Европы.

Мелкобуржуазная демократия капиталистических стран, представленная в передовой ее части вторым Интернационалом и Интернационалом 2½, является в данный момент главной опорой капитализма, поскольку под ее влиянием остается большинство или значительная часть промышленных и торговых рабочих и служащих, которые боятся, в случае революции, потерять свое сравнительное мещанское благополучие, созданное привилегиями империализма. Но растущий экономический кризис везде ухудшает положение широких масс, и это обстоятельство, наряду с все более очевидной неизбежностью новых империалистских войн при сохранении капитализма, делает все более шаткою указанную опору.

Трудящиеся массы колониальных и полуколониальных стран, составляя огромное большинство населения земли, пробуждены к политической жизни уже с начала XX века, особенно революциями в России, Турции, Персии и Китае. Империалистская война 1914—1918 годов и Советская власть в России окончательно превращают эти массы в активный фактор всемирной политики и революционного разрушения империализма, хотя этого не видит еще упорно образованное мещанство Европы и Америки, в том числе вожди 2-го и 2½-го Интернационалов. Британская Индия стоит во главе этих стран, и в ней революция тем быстрее нарастает, чем значительнее становится в ней, с одной стороны, индустриальный и железнодорожный пролетариат, а с другой стороны, чем более зверским становится террор англичан, прибегающих все чаще и к массовым убийствам (Амритсар) [178], и к публичным поркам и т. п...

ИЗ ДОКЛАДА О ТАКТИКЕ РКП
5 ИЮЛЯ

Товарищи, собственно говоря, я не имел возможности подготовиться как следует к настоящему докладу. Перевод моей брошюры о продналоге и тезисы о тактике Российской коммунистической партии — вот все, что я мог систематически подготовить. К этому материалу я хочу лишь присоединить несколько пояснений и замечаний.

Для обоснования тактики нашей партии, надо, как мне кажется, начать с освещения международного положения. Мы уже подробно обсудили экономическое положение капитализма в международном масштабе, и конгресс уже принял по этому поводу определенные резолюции. Я очень кратко касаюсь этого вопроса в моих тезисах и исключительно с политической точки зрения. Я не затрагиваю экономической основы, но я думаю, что в международном положении нашей республики политически приходится считаться с тем фактом, что теперь бесспорно наступило известное равновесие сил, которые вели между собой открытую борьбу, с оружием в руках, за господство того или другого руководящего класса, — равновесие между буржуазным обществом, международной буржуазией в целом, с одной стороны, и Советской Россией — с другой. Но, конечно, равновесие лишь в ограниченном смысле. Только в отношении этой военной борьбы я утверждаю, что наступило известное равновесие в международном положении. Конечно, необходимо подчеркнуть, что речь идет только об относительном равновесии, о весьма неустойчивом равновесии. В капиталистических государствах накопилось много горючего материала, точно так же, как и в тех странах, которые до сих пор рассматривались лишь как объекты, а не субъекты истории, — т. е. в колониальных и полуколониальных; вполне возможно поэтому, что в этих странах, рано или поздно, и совершенно неожиданно, вспыхнут восстания, великие бои и революции. За последние годы мы видели прямую борьбу международной буржуазии против первой пролетарской республики. Эта борьба была в центре всего ми-

рового политического положения, и именно тут теперь произошло изменение. Поскольку попытка международной буржуазии удушить нашу республику не удалась, постольку наступило равновесие, — разумеется, весьма неустойчивое.

Конечно, мы прекрасно понимаем, что международная буржуазия сейчас гораздо сильнее нашей республики и что только своеобразное сочетание условий препятствует ей продолжать войну против нас. Уже в течение последних недель мы могли снова наблюдать на Дальнем Востоке попытку возобновить нашествие, и не подлежит никакому сомнению, что подобные попытки будут продолжаться и далее. На этот счет в нашей партии нет никаких сомнений. Для нас важно установить, что существует неустойчивое равновесие, и что мы должны использовать эту передышку, принимая во внимание характерные признаки настоящего положения, применяя нашу тактику к особенностям этого положения и не забывая ни на одну минуту, что внезапно снова может возникнуть необходимость вооруженной борьбы. Организация Красной Армии, ее усиление остаются, попрежнему, нашей задачей. И в отношении продовольственного вопроса мы должны попрежнему и в первую очередь думать о нашей Красной Армии. В данном международном положении, когда мы все еще должны ждать новых нападений и новых попыток нашествия международной буржуазии, мы не можем вступить на другой путь. В отношении же нашей практической политики, тот факт, что в международном положении наступило некоторое равновесие, имеет известное значение, но только в том смысле, что мы должны признать, что революционное движение, правда, подвинулось вперед, но что развитие международной революции в этом году не пошло так прямолинейно, как мы этого ожидали.

Когда мы начинали, в свое время, международную революцию, мы делали это не из убеждения, что можем предварить ее развитие, но потому, что целый ряд обстоятельств побуждал нас начать эту революцию. Мы думали: либо международная революция придет нам на помощь, и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать нашу скромную революционную работу в сознании, что, в случае поражения, мы все же послужим делу революции, и что наш опыт пойдет на пользу другим революциям. Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна. Еще до революции, а также и после нее, мы думали: или сейчас же, или, по крайней мере, очень быстро, наступит революция в остальных странах, капиталистически более развитых, или, в противном случае, мы должны погибнуть. Несмотря на это сознание, мы делали все, чтобы при всех обстоятельствах и во что бы то ни стало сохранить

советскую систему, так как знали, что работаем не только для себя, но и для международной революции. Мы это знали, мы неоднократно выражали это убеждение до Октябрьской революции, точно так же как и непосредственно после нее и во время заключения Брест-Литовского мира. И это было, говоря вообще, правильно.

Но в действительности движение шло не так прямолинейно, как мы этого ожидали. В других крупных, капиталистически наиболее развитых, странах революция еще до сих пор не наступила. Правда, революция развивается — мы с удовлетворением можем это установить — во всем мире, и только благодаря этому обстоятельству международная буржуазия, хотя она в экономическом и военном отношениях в сто раз сильнее нас, не в состоянии нас задушить. (Аплодисменты.)

Я рассматриваю в § 2 тезисов, каким образом создалось такое положение и какие выводы мы должны из него сделать. Я еще прибавлю, что окончательный вывод, который я из него делаю, следующий: развитие международной революции, которую мы предсказывали, идет вперед. Но это поступательное движение не такое прямолинейное, как мы ожидали. С первого взгляда ясно, что в других капиталистических странах, после заключения мира, как бы плох он ни был, вызвать революцию не удалось, хотя революционные симптомы, как мы знаем, были очень значительны и многочисленны, — даже гораздо значительнее и многочисленнее, чем мы думали. Сейчас начинают появляться брошюры, которые нам рассказывают, что за последние годы и месяцы эти революционные симптомы были в Европе гораздо серьезнее, чем мы подозревали. Что же мы должны теперь делать? Сейчас необходима основательная подготовка революции и глубокое изучение конкретного ее развития в передовых капиталистических странах. Это первый урок, который мы должны вывести из международного положения. Для нашей Российской республики мы должны использовать эту краткую передышку для того, чтобы приспособить нашу тактику к этой зигзагообразной линии истории. Политически это равновесие очень важно, потому что мы ясно видим, что именно во многих западноевропейских странах, где широкие массы рабочего класса, а весьма вероятно и громадное большинство населения, организованы, главную опору буржуазии составляют как раз враждебные организации рабочего класса, примыкающие ко 2-му и 2½-му Интернационалам. Я говорю об этом в § 2 тезисов и думаю, что здесь мне следует коснуться только двух пунктов, которые были уже освещены в наших прениях по вопросу о тактике. Во-первых: завоевание большинства пролетариата. Чем организованнее пролетариат в капиталистически развитой стране, тем больше основательности

требует от нас история в деле подготовки революции и с тем большей основательностью мы должны завоевывать большинство рабочего класса. Во-вторых: главной опорой капитализма в промышленно-развитых капиталистических странах является как раз часть рабочего класса, организованная во 2-ом и $2^1/_2$-ом Интернационалах. Если бы она не опиралась на эту часть рабочих, на эти контрреволюционные элементы внутри рабочего класса, международная буржуазия была бы совершенно не в состоянии удержаться.

Я хотел бы также подчеркнуть здесь значение движения в колониях. В этом отношении мы видим во всех старых партиях, во всех буржуазных и мелкобуржуазных рабочих партиях 2-го и $2^1/_2$-го Интернационалов остатки старых сентиментальных воззрений: они, де, полны сочувствия к угнетенным колониальным и полуколониальным народам. Движение в колониальных странах все еще рассматривается, как незначительное национальное и совершенно мирное движение. Но это не так. С начала XX столетия в этом отношении произошли большие изменения, а именно: миллионы и сотни миллионов, — фактически громаднейшее большинство населения земного шара, — сейчас выступают, как самостоятельные активные революционные факторы. И совершенно ясно, что в грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо бо́льшую революционную роль, чем мы ожидаем. Важно подчеркнуть, что мы, в первый раз в нашем Интернационале, подошли к подготовке этой борьбы. Конечно, в этой громадной области затруднений гораздо больше, но, во всяком случае, движение идет вперед, и массы трудящихся, крестьяне колониальных стран, несмотря на то, что они сейчас еще отсталы, сыграют очень большую революционную роль в последующих фазисах мировой революции. (Оживленное одобрение.)...

Впервые полностью напечатано: «Тезисы доклада о тактике РКП на III конгрессе Коммунистического Интернационала» в 1921 г. отдельной брошюрой; доклад в 1922 г. в книге «Третий Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». Петроград

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 32, стр. 429—431, 454—458.

ПИСЬМО В ПОЛИТБЮРО ПО ПОВОДУ РЕЗОЛЮЦИИ IX ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ [179]

Прошу обсудить вопрос, не следует ли принять специальную резолюцию съезда Советов против политики авантюры Польши, Финляндии и Румынии (об Японии лучше помолчать по ряду причин). В резолюции подробно разъяснить, что ни одно правительство России не признавало и не могло признать (кроме Советского) преступности империалистической политики по отношению к окраинам бывшей Российской империи со стороны как царизма, так и Временного правительства, поддерживаемого меньшевиками и эсерами. В резолюции подробно рассказать о том, насколько мы показали делами, что ценим и самоопределение народностей и мирные отношения с государствами, входившими прежде в состав Российской империи. Подробно сказать, что мы вполне рассчитываем на мирные чувства не только рабочих и крестьян всех названных стран, но и громадной части благоразумных представителей буржуазии и правительств. По отношению к авантюристским элементам закончить самой резкой угрозой, что если авантюристские шалости с бандами, вроде прежних савинковских, не прекратятся, если нашей мирной работе будут продолжать мешать, то мы поднимемся на всенародную войну, и те, кто участвует в авантюре и бандитизме, будут до конца раздавлены.

Резолюция съезда подобного содержания была бы тем удобна, что мы могли бы распространить ее массами на всех языках.

22/XII. 1921 г. *Ленин*

Впервые напечатано в 1945 г. в Ленинском сборнике XXXV

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 33, стр. 114.

IX ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ

23–28 ДЕКАБРЯ 1921 г.

ИЗ ОТЧЕТА «О ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ»

ОТЧЕТ ВЦИК И СНК IX ВСЕРОССИЙСКОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТОВ 23 ДЕКАБРЯ 1921 г.

(Бурные овации. Возгласы: «Ура!», «Да здравствует наш вождь тов. Ленин!», «Да здравствует вождь международного пролетариата тов. Ленин!». Долго не смолкающие аплодисменты.) Товарищи! Мне предстоит сделать отчет о внешнем и внутреннем положении республики. Первый раз приходится мне давать такой отчет в обстановке, когда прошел целый год, и ни одного, по крайней мере крупного, нашествия на нашу Советскую власть со стороны русских и иностранных капиталистов не было. Первый год, как мы воспользовались, хотя и в самой неполной мере, но все же относительным отдыхом от нашествий и могли хоть сколько-нибудь приложить свои силы к тому, что является главной и основной нашей задачей, — к восстановлению хозяйства, разоренного войнами, к излечению тех ран, которые были нанесены России командующими эксплуататорскими классами, и к тому, чтобы заложить фундамент социалистического строительства.

Прежде всего, касаясь вопроса о международном положении нашей республики, я должен высказать то, что мне уже приходилось говорить, а именно: что известное, хотя в высокой степени неустойчивое, но все же равновесие в международных отношениях создалось. И мы его теперь наблюдаем. В высокой степени странно для тех из нас, кто пережил революцию с самого начала, кто знал и непосредственно наблюдал неслыханные трудности прорыва нами империалистических фронтов, видеть теперь, как сложилось дело. Никто, наверное, не ожидал и не мог ожидать тогда, что положение сложится так, как оно сложилось.

Мы представляли себе (и это, пожалуй, не лишнее теперь напомнить, потому что это пригодится для нас и для наших

практических выводов по главным хозяйственным вопросам) грядущее развитие в более простой, в более прямой форме, чем оно получилось. Мы говорили себе, говорили рабочему классу, говорили всем трудящимся как России, так и других стран: нет другого выхода из проклятой и преступной империалистической бойни, как выход революционный, и, разрывая империалистическую войну революцией, мы открываем единственно возможный выход из этой преступнейшей бойни для всех народов. Нам казалось тогда, — и не могло казаться иначе, — что эта дорога является ясной, прямой и наиболее легкой. Оказалось, что на эту прямую дорогу, которая только одна действительно вывела нас из империалистических связей, из империалистических преступлений и из империалистической войны, продолжающей угрожать всему остальному миру, оказалось, что по крайней мере так быстро, как мы рассчитывали, на эту дорогу другим народам вступить не удалось. И если, тем не менее, мы видим теперь то, что получилось, видим единственную социалистическую Советскую республику, существующую в окружении целого ряда бешено-враждебных ей империалистических держав, то мы задаем себе вопрос: как могло это получиться?

Можно без всякого преувеличения ответить: получилось это потому, что в основном наше понимание событий было верно, что в основном наша оценка империалистической бойни и запутанности, создавшейся между империалистическими державами, была верна. Только поэтому получилось такое странное положение, такое неустойчивое, непонятное и все же до известной степени несомненное равновесие, которое мы видим теперь и которое состоит в том, что, будучи окружены со всех сторон державами, неизмеримо более могущественными в экономическом и в военном отношениях, чем мы, сплошь и рядом открыто враждебными к нам до бешенства, тем не менее мы видим, что им не удалось осуществить дело, на которое они три года затрачивали столько средств и сил, — дело непосредственного и немедленного удушения Советской России. Когда мы задаем себе вопрос, как могло это получиться, как могла произойти такая вещь, что одно из безусловно наиболее отсталых и крайне слабых государств, к которому открыто враждебны самые могущественные державы мира, устояло против направленного на него натиска, — когда мы разбираемся в этом вопросе, мы ясно видим, в чем было дело: мы оказались правы в самом основном. Мы оказались правы в своих предвидениях и в своих расчетах. Оказалось, что хотя мы не получили той быстрой, прямой, непосредственной поддержки от трудящихся масс всего мира, на которую мы рассчитывали, которую мы клали в основу всей нашей политики, но поддержку иного

рода, поддержку не прямую, поддержку не быструю, мы получили настолько, что именно эта поддержка, именно сочувствие к нам трудящихся масс, — и рабочих и крестьянских, земледельческих масс — во всем мире, даже в державах, наиболее нам враждебных, именно эта поддержка и это сочувствие были последним, самым решающим источником, решающей причиной того, что все направленные против нас нашествия кончились крахом, что союз трудящихся всех стран, который нами был объявлен, закреплен, а в пределах нашей республики и осуществлен, что он оказал действие на все страны. Как ни шатка эта опора, пока существует капитализм в других странах (это мы, конечно, должны ясно видеть и прямиком должны признать), как ни шатка вся эта опора, нужно сказать, что на нее опереться уже сейчас можно. Это сочувствие и поддержка сказались в том отношении, что нашествие, которое в течение трех лет мы испытывали, которое причиняло нам неслыханные разорения и мучения, что это нашествие, я не скажу, невозможно, — на этот счет надо быть очень осторожным и осмотрительным, — но оно все-таки затруднено для наших врагов в громадной степени. И этим в последнем счете объясняется то странное, непонятное на первый взгляд положение, которое мы видим теперь.

Если мы совершенно хладнокровно взвесим сочувствие большевизму и социалистической революции, если мы рассмотрим международное положение просто с точки зрения подсчета сил, независимо от того, за правое или за неправое дело стоят эти силы, за эксплуататорский класс или за трудящиеся массы, — мы на это смотреть не будем, а попытаемся взвесить, как эти силы в международном масштабе сгруппированы, — то мы увидим, что силы эти сгруппированы так, что в основном подтвердились наши предвидения, наши расчеты, что капитализм разлагается, и после войны, которую завершил сначала мир Брест-Литовский, а потом мир Версальский, — уже не знаю, который хуже, — чем дальше, тем больше ненависти и отвращения к ней растет и в тех странах, которые вышли победительницами. И чем дальше мы от войны отходим, тем яснее становится не только для трудящихся, но, в очень и очень больших размерах, и для буржуазии стран-победительниц, что капитализм разлагается, что экономический кризис во всем мире создал положение невыносимое, что выхода нет, несмотря на все одержанные победы. Вот почему мы, будучи неизмеримо слабее всех остальных держав и в экономическом, и в политическом, и в военном отношениях, в то же время сильнее их тем, что мы знаем и правильно оцениваем все, что выходит и что должно выйти из этой империалистической путаницы, из

этого кровавого клубка и тех противоречий (возьмите хотя бы противоречие валютное, об остальных я уже не буду говорить), в которых они запутывались и запутываются все глубже, не видя выхода.

И вот мы наблюдаем, как меняется голос представителей самой умеренной буржуазии, решительно и безусловно далекой от всякой мысли о социализме вообще, — я уже не говорю «об этом страшном большевизме», — когда меняют свой голос даже такие люди, как знаменитый писатель Кейнс, книжка которого переведена на все языки, который сам участвовал в версальских переговорах, который всю душу вкладывал в то, чтобы помочь своим правительствам, — даже он впоследствии должен был бросить этот путь, уйти от него, продолжая проклинать социализм. Повторяю, он не говорит и не хочет даже подумать о большевизме, — он говорит капиталистическому миру: «То, что вы делаете, приводит вас к положению безвыходному», и даже предлагает им нечто вроде того, чтобы аннулировать все долги.

Очень хорошо, господа! Давно бы вам пора последовать нашему примеру.

Только на-днях мы читали в газетах краткое сообщение о том, что один из опытных, чрезвычайно искусных и умелых вождей капиталистического правительства, Ллойд-Джордж, как будто начинает предлагать такую же меру, и как ему на это Америка как будто желает ответить: извините, а мы свое хотим получить полностью. Тогда мы говорим себе: неказисты дела тех передовых, могущественнейших держав, которые столько лет после войны обсуждают такую простую меру. Это нам всего легче было сделать, — разве мы такие трудности преодолевали! (Аплодисменты.) Если в таком вопросе мы видим все растущую путаницу, мы говорим, нисколько не забывая окружающей нас опасности, как мы ни слабы в отношении экономическом и военном по сравнению с любым из тех государств, которые все вместе выражают сплошь и рядом открытым образом ненависть к нам, что этой пропаганды мы не боимся. Когда же мы выражаем несколько иные взгляды относительно справедливости существования помещиков и капиталистов, тогда это им не нравится, и эти взгляды объявляются преступной пропагандой. Этого я никак не могу понять, ибо подобная пропаганда ведется легально во всех разделяющих наши экономические взгляды и воззрения государствах. Но пропаганда, что большевизм есть чудовищная, преступная, узурпаторская вещь, — нет слова такого, чтобы выразить все это чудище, — эта пропаганда ведется открыто во всех этих странах. Недавно мне пришлось видеть Христенсена, который выступил кандидатом на пост президента Соеди-

ненных Штатов от имени тамошней рабоче-крестьянской партии. Не заблуждайтесь, товарищи, относительно этого названия. Оно совсем не похоже на то, что у нас в России называется рабоче-крестьянской партией. Там это чистейшая буржуазная партия, открыто и решительно враждебная всякому социализму, признанная совершенно приличной всеми буржуазными партиями. И вот этот, родом датчанин, а теперь американец, получающий до миллиона голосов (это, все-таки, кое-что в Соединенных Штатах) на президентских выборах, рассказывал мне, как он попробовал в Дании, среди публики, «одетой, как я», — так сказал он, а он был хорошо одет, по-буржуазному одет, — когда он попробовал сказать, что большевики не преступники, так «меня чуть не убили», — сказал он. Ему сказали, что большевики — это чудовища, это узурпаторы, как может придти в голову мысль говорить в приличном обществе об этих людях? Вот какова атмосфера пропаганды, которая нас окружает.

И тем не менее, мы видим, что известное равновесие создалось. Это — объективное, не зависящее от наших побед политическое положение, которое показывает, что мы оценили глубину противоречий, связанных с империалистской войной, и мерим правильнее, чем когда бы то ни было, чем другие державы, у которых при всех их победах, при всей их силе, выхода до сих пор не нашлось и не находится. Вот та сущность международного положения, которая объясняет то, что мы наблюдаем сейчас. Мы имеем перед собою в высшей степени неустойчивое, но все же несомненное, неоспоримое известное равновесие. Надолго ли это — не знаю, и думаю, что этого знать нельзя. И поэтому с нашей стороны нужна величайшая осторожность. И первой заповедью нашей политики, первым уроком, вытекающим из нашей правительственной деятельности за год, уроком, который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это — быть начеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске. Мы все сделаем, что только в наших силах, чтобы это бедствие предупредить. Мы испытали такую тяжесть империалистической войны, какую едва ли испытал на себе какой-нибудь другой народ. Мы испытали после этого тяжесть гражданской войны, которую нам навязали представители господствующих классов, защищавших эмигрантскую Россию — Россию помещиков, Россию капиталистов. Мы знаем, мы слишком хорошо знаем, какие неслыханные бедствия для рабочих и крестьян несет с собой война. Поэтому мы должны самым осторожным и осмотрительным образом относиться к этому вопросу. Мы идем на

самые большие уступки и жертвы, идем, лишь бы сохранить мир, который был нами куплен такой дорогой ценой. Мы идем на самые большие уступки и жертвы, но не на всякие, но не на бесконечные, — пусть те, немногие, к счастью, представители военных партий и завоевательных клик Финляндии, Польши и Румынии, которые с этим играют, пусть они это себе хорошенечко заметят. (Аплодисменты.)

Кто сколько-нибудь разумно и расчетливо рассуждает, как политик, тот скажет, что не было и не может быть в России правительства, кроме Советского, которое делало бы такие уступки и такие жертвы по отношению к национальностям как существовавшим внутри нашего государства, так и к тем, которые пришли к Российской империи. Нет и не может быть другого правительства, которое бы так ясно, как мы, сознавало и так отчетливо перед всеми говорило и заявляло, что отношение старой России, России царистской, России военных партий, что ее отношение к народностям, населявшим Россию, было преступным, что эти отношения недопустимы, что они вызывали законнейший протест негодования, возмущение угнетенных национальностей. Нет и не может быть другого правительства, которое бы так открыто признавало это положение, которое вело бы эту пропаганду, пропаганду антишовинизма, пропаганду признания преступности старой России, России царизма и России Керенского, правительства, которое вело бы пропаганду против насильственного присоединения к России других национальностей. Это не слова — это простой политический факт, который всякому ясен, который совершенно бесспорен. Пока нет со стороны любой национальности против нас интриг, связывающих эти национальности, империалистически их порабощающих, пока они не делают мостика, чтобы нас удушить, мы перед формальностями останавливаться не будем. Мы не забудем, что мы революционеры. (Аплодисменты.) Но есть факты, которые неопровержимо, бесспорно доказывают, что самая маленькая, ничем не вооруженная национальность, как бы слаба она ни была, в России, победившей меньшевиков и эсеров, она абсолютно может быть и должна быть спокойна за то, что ничего, кроме мирных намерений, у нас по отношению к ней нет, что наша пропаганда о преступности старой политики старых правительств не ослабевает, и что наше желание во что бы то ни стало, ценой громадных жертв и уступок, поддержать мир со всеми бывшими в Российской империи и не пожелавшими остаться с нами национальностями остается твердым. Это мы доказали. И как бы ни были сильны проклятия, которые сыплются на нас со всех сторон, мы это докажем. Нам представляется, что мы прекрасно это доказали, и перед лицом собрания представителей рабочих и

крестьян всей России, перед лицом всей рабочей и крестьянской многомиллионной российской массы мы скажем, что мы всеми силами будем охранять дальнейший мир, мы не остановимся перед большими уступками и жертвами для того, чтобы этот мир отстоять.

Но есть предел, дальше которого идти нельзя. Мы не допустим издевательства над мирными договорами, не допустим попыток нарушать нашу мирную работу. Мы не допустим этого ни в коем случае и станем, как один человек, чтобы отстоять свое существование. (Аплодисменты.)

Товарищи, то, что я сейчас сказал, для вас совершенно понятно и ясно, и вы не могли ожидать иного от всякого, отчитывающегося перед вами в нашей политике. Вы знали, что наша политика такова и только такова. Но, к сожалению, есть теперь в мире два мира: старый — капитализм, который запутался, который никогда не отступит, и растущий новый мир, который еще очень слаб, но который вырастет, ибо он непобедим. Этот старый мир имеет свою старую дипломатию, которая не может поверить, что можно говорить прямо и открыто. Старая дипломатия считает: тут-то как раз какая-нибудь хитрость и должна быть. (Аплодисменты и смех.) Когда представитель этого всемогущего в экономическом и военном отношении старого мира прислал к нам — это было уже давно — одного из представителей американского правительства, Буллита, с предложением, чтобы мы заключили мир с Колчаком и Деникиным, мир, для нас самый невыгодный, и когда мы сказали, что мы настолько ценим кровь рабочих и крестьян, которая давно уже лилась в России, что, хотя мир для нас крайне невыгоден, но мы на него готовы, ибо уверены, что Колчак и Деникин разложатся внутренне; когда мы сказали это прямо, сказали с малым употреблением изысканного дипломатического тона, — то тут они решили, что мы непременно должны быть обманщиками. И как только беседовавший с нами доброжелательно за общим столом Буллит приехал на родину, его встретили с заушением, заставили выйти в отставку, — и я удивляюсь, как его еще не стащили на каторгу, по принятому империалистическому обычаю, за тайное сочувствие большевикам. (Смех. Аплодисменты.) А вышло то, что мы, предлагавшие тогда мир, худший для нас, получили мир на условиях для нас лучших. Это маленький урок. Я знаю, нам не научиться старой дипломатии, как нам не переделать себя, но те уроки, которые за это время по части дипломатии были даны нами и были восприняты другими державами, они все же совсем бесследно пройти не могли, они все же в памяти кое-кого, наверное, остались. (Смех.) И поэтому наше прямое заявление, что рабочие и крестьяне России больше всего

ценят блага мира, но что они лишь до известного предела потерпят в этом отношении отступление, — было принято так, что они ни на секунду, ни на минуту не забыли того, какие тяжести в империалистическую и гражданскую войну они вынесли. Это наше напоминание, которое, я уверен, мы всем съездом, всей массой рабочих и крестьян, всей Россией подтвердим и выразим, я уверен, что это напоминание, как бы к нему ни отнеслись, какую бы тут дипломатическую хитрость, по старой дипломатической привычке, ни заподозрили, безусловно не пройдет бесследно и хоть некоторую роль все-таки сыграет.

Вот, товарищи, то, что я считаю необходимым сказать по вопросу о нашем международном положении. Достигнуто до известной степени неустойчивое равновесие. Материально в отношении экономическом и военном мы безмерно слабы, а морально, — не понимая, конечно, эту мысль с точки зрения отвлеченной морали, а понимая ее, как соотношение реальных сил всех классов во всех государствах, — мы сильнее всех. Это испытано на деле, это доказывается не словами, а делами, это уже доказано раз, и, пожалуй, если известным образом повернется история, то это будет доказано и не раз. Вот почему мы говорим себе: взявшись за наше мирное строительство, мы приложим все силы, чтобы его продолжать беспрерывно. В то же время, товарищи, будьте начеку, берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной Армии, как зеницу ока, и помните, что ослабления, в отношении наших рабочих и крестьян и их завоеваний, мы не вправе допускать ни на секунду. (Аплодисменты.)

Товарищи, от этого краткого изложения того, что является самым существенным в нашем международном положении, я перейду к тому, как начинают складываться экономические отношения у нас и в Западной Европе, в капиталистических государствах. Величайшая трудность тут состояла в том, что без известных взаимоотношений между нами и капиталистическими государствами прочные экономические отношения невозможны для нас. События очень наглядно показывают, что они невозможны также и для них. Но мы сейчас не так альтруистически настроены и больше думаем о том, как бы нам при враждебном отношении к нам других держав продолжать существовать.

Но мыслима ли, однако, такая вещь вообще, чтобы социалистическая республика существовала в капиталистическом окружении? Это казалось немыслимым ни в политическом, ни в военном отношении. Что это возможно в политическом и военном отношении, это доказано, это уже факт. А в торговом отношении? А в отношении экономического оборота? Ну, а

связь, помощь, обмен услуг отсталой разоренной земледельческой России с передовой промышленно богатой группой капиталистических держав, — это возможно? Разве нам не грозили тем, что нас окружат колючей проволокой и что поэтому никаких экономических отношений не будет существовать? «Войны они не испугались, так мы их возьмем блокадой».

Товарищи, много мы за эти четыре года видели угроз и таких страшных угроз, что ни одной из них мы бояться не можем. Насчет блокады опыт показал, что неизвестно, для кого она тяжелее: для тех, кого блокируют, или для тех, кто блокирует. Опыт показал, несомненно, что за этот первый год, когда я могу вам дать отчет, как за период хотя бы сравнительно элементарного отдыха от прямо зверского насилия, нас не признавали, нас отвергали, сношения с нами объявлялись несуществующими (ну, пускай, они по суду буржуазному признаются несуществующими), но они все-таки существуют. Вот что я считаю себя вправе, без малейшего преувеличения, вам доложить, как один из главных результатов отчетного 1921 года.

Не знаю, роздан ли вам сегодня или будет роздан отчет НКИД IX съезду Советов. На мой взгляд этот отчет страдает тем недостатком, что он слишком толст и что его трудно дочитать до конца. Но, может быть, это моя личная слабость, и я не сомневаюсь, что хотя не немедленно, но все же громадное большинство из вас, а также всякий, кто интересуется политикой, этот отчет прочтет. И даже если его не прочесть в целом, а только чуточку на него взглянуть и перелистать, то видно, что Россия обросла, если можно так выразиться, целым рядом довольно правильных, постоянных торговых сношений, представительств, договоров и т. д. Правда, мы не имеем юридического признания. Это сохраняет свое значение, ибо опасность нарушения неустойчивого равновесия, опасность новых попыток нашествия усилилась, о чем я говорил раньше, но факт все-таки остается фактом.

В 1921 году — первом году в деле торгового оборота с заграницей — мы чрезвычайно шагнули вперед. Это связано отчасти с вопросом транспорта — нашей главной, пожалуй, или одной из главнейших баз всей нашей экономики. Это связано с привозом и вывозом за границу. Позвольте привести об этом самые краткие цифры. Все наши затруднения, самые неимоверные, вся тяжесть, гвоздь наших трудностей в топливе и продовольствии, вся тяжесть в крестьянском хозяйстве, в обрушившемся на нас голоде и бедствиях. Мы знаем хорошо, что все это связано с вопросом о транспорте; об этом надо говорить и надо, чтобы все товарищи с мест знали и всем товарищам на

местах еще и еще раз сказали, что нам нужно напрячь всю нашу энергию, чтобы продовольственный и топливный кризис побороть. От этих причин продолжает страдать наш транспорт — материальное орудие связей с заграницей.

Организационные улучшения за этот год в деле нашего транспорта несомненны. За 1921 год мы по речным судам перевезли гораздо больше, чем за 1920-й. Средний пробег в 1921-м г. выразился в 1 000 пудо-верст, а в 1920-м г. — в 800 пудо-верст. Организационный прогресс, несомненно, есть. Надо сказать, что мы впервые начинаем получать помощь из-за границы: заказаны тысячи паровозов, и мы уже получили первые 13 шведских и 37 немецких. Это самое маленькое начало, но все же начало. У нас все-таки сотни цистерн заказано, и до 500 из них в 1921-м г. уже пришло. Мы оплачиваем все это чрезвычайно дорого, непомерно дорого, но все же это значит, что крупная промышленность передовых стран оказывает нам помощь, это значит то, что крупная промышленность капиталистических стран оказывает нам помощь в деле восстановления нашего хозяйства, несмотря на то, что все они руководятся капиталистами, от всей души ненавидящими нас. Все они объединены правительствами, которые продолжают непрерывно печатать в своей прессе о том, как обстоит дело с признанием Советской России де-юре, и является ли большевистское правительство законным или беззаконным. И после долгих изысканий оно оказывается законным, но признанным быть не может. Эту грустную правду, что нас еще не признают, я не вправе скрыть, но должен вам сказать, что торговые отношения все же у нас развиваются.

Все эти капиталистические страны попали в такое положение, что они с нас дерут, что мы им переплачиваем, но все же они помогают нашему хозяйству. Как же это так случилось? Почему же они действуют против своей воли, против того, что беспрерывно твердит пресса, — а ведь эта пресса не чета нашей по количеству экземпляров и по силе и ненависти, с которой они выступают против нас. Они объявляют нас преступниками, но все же нам помогают. И выходит, что они экономически связаны с нами. Выходит так, как я уже говорил вам, что наш расчет, в большом масштабе взятый, оказывается более правильным, чем их расчет. И не потому, что у них нет людей, которые умеют правильно рассчитывать, — наоборот, у них их больше, чем у нас, — а потому, что нельзя рассчитывать правильно, когда стоишь на пути к гибели. Вот почему я хотел, в дополнение, сообщить вам несколько цифр, показывающих развитие нашей заграничной торговли. Возьму только самые краткие цифры, которые можно будет запомнить. Если проследить все три года — 1918, 1919 и 1920-й, — наш привоз

из-за границы окажется в 17 с небольшим миллионов пудов, а в 1921-м году — 50 миллионов пудов, т. е. в три раза больше, чем за все три предыдущих года вместе взятых. Наш вывоз за первые три года вместе был два с половиной миллиона пудов, за один 1921-й год — 11½ милл. пуд. Эта цифра ничтожная, мизерная, до смешного малая, эта цифра всякому знающему человеку говорит сразу — нищета. Вот о чем свидетельствуют эти цифры. Но все-таки это начало. И мы, испытавшие попытку душить нас непосредственно, мы, слыхавшие годами угрозы, что сношения с нами, пока мы остаемся тем, что есть, всеми мерами не будут допущены, — мы все-таки видим, что кое-кто оказался сильнее, чем эти угрозы. Мы все-таки видим, что экономическое развитие учтено ими неправильно, а нами — правильно. Начало положено. Все внимание, все усилия, все заботы мы должны теперь приложить к тому, чтобы это развитие не останавливалось, чтобы оно шло вперед.

Я приведу еще одну небольшую картинку, чтобы показать, как в течение 1921 года мы шли вперед. В первую четверть 1921 г. привоз был около 3 милл. пуд., во вторую четверть — 8 милл. пуд., в третью — 24 милл. пуд. Мы все-таки шагаем. Цифры эти ничтожно малы, но все же они постепенно увеличиваются. И мы видим, как они увеличиваются в 1921 г., который был годом неслыханной тяжести. Вы знаете, чего стоило такое бедствие, как голод, какие неслыханные мучения он продолжает причинять всему сельскому хозяйству, промышленности и всей нашей жизни. Все-таки, несмотря на то, что мы были страной, так сильно разоренной войной, страной, несшей такие колоссальные бедствия и в результате всех войн и в результате хозяйничанья царей и капиталистов, мы все-таки теперь стоим на пути, который открывает нам возможность улучшения нашего положения, вопреки непрекращающейся вражде к нам. Вот что является основным фактором. Вот почему, когда мы читали недавно о Вашингтонской конференции [180], когда мы слышали известие о том, что враждебные нам державы летом принуждены будут созвать вторую конференцию с приглашением и Германии, и России, с обсуждением условий подлинного мира, мы говорим: наши условия ясны и отчетливы, мы их изложили, они опубликованы. Сколько вражды мы встретим? На этот счет нет заблуждений. Но мы знаем, что экономическое положение тех, кто нас блокировал, оказалось уязвимым. Есть сила большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами. Чем дальше они будут вступать на этот путь, тем шире, быстрее

будет обрисовываться то, что я сегодня в отчете за 1921 г. могу показать вам лишь в таких мизерных цифрах...

*
* *

...Прекрасно вам известно, товарищи, какой неслыханной тяжестью обрушился на нас голод в 1921 году. Эти бедствия старой России неизбежно должны были перекинуться и на нас, потому что единственный выход из этого может быть только в восстановлении производительных сил, но не на старой, мещанской, мелкой основе, а на основе новой, на основе крупной промышленности и электрификации. Только в этом состоит избавление от нашего нищенства, от беспрерывных голодовок, а для этой работы, как сразу видно, сроки, которыми мы измеряли наши политические и военные победы, не подходят. Мы все же, будучи окружены враждебными государствами, эту блокаду пробили: как ни скудна была помощь, мы все-таки кое-что получали. Вся она в итоге выражается в 2½ милл. пуд. Это — вся помощь, которую мы получили из-за границы, которую заграничные государства милостиво могли оказать голодной России. Мы могли собрать путем пожертвований около 600 тыс. золотых рублей. Это слишком ничтожная цифра, и из этой цифры мы видим, как корыстно отнеслась к нашему голоду европейская буржуазия. Вы все, вероятно, читали, как вначале, при известиях о голоде, пышно и торжественно заявляли влиятельные государственные люди, что пользоваться голодом, чтобы поднимать вопрос о старых долгах, было бы вещью дьявольской. Я не знаю, страшнее ли дьявол, чем современный империализм. Знаю, что на самом деле вышло именно так, что с нас, несмотря на голод, старые долги взыскать на особенно тяжелых условиях попробовали. Мы не отказываемся платить и торжественно заявляем, что готовы об этом говорить деловым образом. Но чтобы дать себя закабалить по этому поводу без всякого учета, без всякого расчета взаимных претензий, без всякого делового обсуждения вопроса, — вы все понимаете, и на этот счет сомнений быть не может, — этого мы никогда, ни в коем случае не допустим.

Я должен сообщить вам, что последние дни принесли нам все-таки очень порядочный успех в деле борьбы с голодом. Вы читали, наверное, в газетах, что в Америке ассигновано 20 милл. долларов на помощь голодающим в России, вероятно, на тех условиях, на каких помогает АРА — американская организация помощи голодающим. На-днях получена от Красина телеграмма, что американское правительство предлагает формально гарантировать в течение трех месяцев получение нами

продовольствия и семян на эти 20 милл. долларов, если мы от себя могли бы согласиться израсходовать 10 милл. долларов (20 милл. золотых руб.) на ту же цель. Мы немедленно такое согласие дали, и это передано по телеграфу. И, повидимому, можно сказать, что в течение первых трех месяцев мы на сумму 30 милл. долларов, т. е. 60 милл. золотых руб., продовольствие и семена для голодающих обеспечим. Этого, конечно, мало, это ни в коем случае не покроет того ужасного бедствия, которое обрушилось на нас. Это вы все прекрасно понимаете. Но, во всяком случае, это все-таки есть помощь, которая, несомненно, свое дело в облегчении отчаянной нужды и отчаянного голода сделает. И если нам осенью уже удалось добиться известного успеха в деле снабжения семенами голодающих местностей и расширения посевов вообще, то мы имеем надежду весною добиться еще большего успеха...

«Правда» № 292, 25 декабря 1921 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 33, стр. 117—129, 136—137.

О ПОЛИТИКЕ АНГЛИЙСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

ПИСЬМО В ЦК РКП(б)

Телеграмма насчет британской Рабочей партии показывает чрезвычайную наивность Красина. По-моему, следует предпринять сейчас двоякие меры: 1) в прессе выступить с рядом статей за разнообразными подписями с высмеиванием взглядов так называемой европейской демократии на грузинский вопрос; 2) поручить немедленно какому-нибудь ядовитому журналисту написать проект архивежливой ноты в ответ английской Рабочей партии. В этой ноте самым настоятельным образом разъяснить, что предложение о выводе наших войск из Грузии и об устройстве там референдума было бы вполне разумно и могло бы быть признано исходящим от людей, не сошедших с ума, не подкупленных Антантой, если бы оно было распространено на все народности земного шара; в частности, для того, чтобы навести руководителей британской Рабочей партии на мысль о том, что значат современные империалистические отношения в международной политике, мы предлагаем ей благосклонно рассмотреть: во-первых, о выводе английских войск из Ирландии и об устройстве там референдума; во-вторых, то же относительно Индии; в-третьих, то же относительно японских войск из Кореи; в-четвертых, то же относительно всех стран, в которых находятся войска какого-либо из крупных империалистических государств. В ноте выразить в отменно-вежливой форме ту мысль, что люди, которые захотят подумать над этими нашими предложениями и над системой империалистических отношений в международной политике, могут оказаться способными понять «интересный» характер предложений, сделанных нами английской Рабочей партии. В общем и целом проект ноты должен быть архивежливым и чрезвычайно популярным

(уровень понимания 10-летних детей) издевательством над идиотскими вождями английской Рабочей партии.

Предлагаю Политбюро обсудить, не следует ли послать копию этого письма Красину. Я лично высказываюсь за.

27. XII. 1921 г. *Ленин*

Впервые напечатано 21 января 1930 г. в газете «Правда» № 21

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 33, стр. 157—158.

ПИСЬМО Д. И. КУРСКОМУ

28/II. 1922.

т. Курский!

По поводу Вашего письма от 23/II (№ 255) в ответ на мое письмо.

Лично видеться постараюсь, но не обещаю, ибо здоровье плохо.

Надеюсь, *после* собрания ответственных работников, в связи с моим письмом, Вы мне еще напишете о практических итогах его. Особо важно установить фактическую проверку: что *на деле* делается? что на деле достигается? успехи нарсудов и ревтрибов? как бы это учесть и проверить?

Число процессов по злоупотреблению *НЭПом?*

Число обвинительных приговоров, и каковы наказания (в целом, а не в единичных случаях)?

и т. д.

С коммунистическим приветом *Ленин*

Особо спешно и важно:

P. S. * По *поводу гражданского кодекса* [181]: я не в состоянии вникнуть в формулировку отдельных пунктов. Здоровье не позволяет.

Должен ограничиться следующими пунктами:

1) НКом Юст должен проследить и проверить *лично*, кто именно отвечает за каждый важный отдел гражданского кодекса.

2) Все, что есть в литературе и опыте западноевропейских стран *в защиту* трудящихся, взять непременно.

3) Не ограничиться этим (это самое важное). Не идти слепо за НКИДел. *Не угождать «Европе»*, а **продвинуться дальше** в *усилении вмешательства государства в «частноправовые отношения»*, *в*

* — Postscriptum — приписка. *Ред.*

гражданские дела. Как именно надо это сделать, я не могу сказать, ибо не в состоянии ни изучить вопроса ни вникнуть хотя бы в отдельный кодекс. Но что это надо сделать, для меня ясно. Что нам сейчас грозит опасность — в этой области *не доделать* (а не опасность «пере»делать), это тоже для меня вполне ясно. Именно перед Генуей [182] не сфальшивить, не смалодушничать, не выпустить из своих рук ни малейшей возможности *расширить* вмешательство государства в «гражданские» отношения.

Ленин

Впервые напечатано в 1945 г. в Ленинском сборнике XXXV

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 33, стр. 176—177.

ИЗ РЕЧИ
«О МЕЖДУНАРОДНОМ И ВНУТРЕННЕМ ПОЛОЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА МЕТАЛЛИСТОВ 6 МАРТА 1922 г. [183]

(Бурные аплодисменты.) Товарищи! Позвольте мне несколько нарушить ваш обычный порядок и коснуться сегодня не тех тем, которые стоят в порядке дня вашего заседания и вашего съезда, для того, чтобы поделиться своими выводами и соображениями по вопросу о главных задачах политики. У нас уже неоднократно было принято обращаться к тем, кто, не являясь официальным представителем тех или иных государственных учреждений, фактически несет на себе громадную долю государственной работы. И вы все знаете, что настоящая деловая работа в большинстве наших государственных учреждений ведется теми или иными представителями рабочего класса и в том числе, конечно, в одном из первых рядов металлистами.

Вот почему я думаю, что в данном случае отнюдь не будет неуместно нарушить ваш обычный порядок занятий и говорить не столько о профессиональных и партийных вопросах, сколько о вопросах политических, о нашем международном и внутреннем положении. Ибо есть, по моему убеждению, нечто такое и в нашем международном, и в нашем внутреннем положении, что походит на некоторый перелом в политике и что требует со стороны всякого партийного человека и, разумеется, со стороны всякого сознательного рабочего особенного внимания для того, чтобы этот перелом в политике вполне понять, правильно усвоить и в свою работу — и советскую, и партийную, и профессиональную, и всякую иную — претворить.

Вы, конечно, все знаете, товарищи, что во главе вопросов международной политики у нас продолжает стоять Генуя. Я не так чтобы очень твердо был уверен, что она продолжает стоять законно, ибо когда мы говорим: «Генуя», то предпола-

гаем всем давно известную конференцию, назначенную было в Италии, в Генуе, почти совсем подготовленную, а в настоящее время, к сожалению, находящуюся в таком неопределенном состоянии, что никто не знает (я очень опасаюсь, что сами инициаторы и устроители Генуи не знают), имеет ли она много шансов состояться, или этих шансов она почти не имеет. Во всяком случае, мы должны сказать себе и всем тем, кто имеет какой-либо интерес к судьбам рабоче-крестьянской республики, что наша позиция в этом отношении, т. е. в вопросе о конференции в Генуе, с самого начала была совершенно твердой и такой же твердой осталась. И не наша вина, если не только твердости, но даже и самой элементарной решительности, самой элементарной способности выполнять свои же намерения нехватает у кого-то другого. Мы с самого начала заявляли, что *Геную приветствуем и на нее идем;* мы прекрасно понимали и нисколько не скрывали, что идем на нее как купцы, потому что нам торговля с капиталистическими странами (пока они еще не совсем развалились) безусловно необходима, и что мы идем туда для того, чтобы наиболее правильно и наиболее выгодно обсудить политически подходящие условия этой торговли, и только. Это, конечно, нисколько не секрет для тех капиталистических государств, правительства которых составляли первый план Генуэзской конференции и двигали ее в ход. Эти государства превосходно знают, что ряд торговых договоров, связывающих нас с различными капиталистическими странами, становится все длиннее; число практических торговых сделок растет; число детальнейшим образом обсуждаемых торговых предприятий, совместно русских и иностранных, в самых разнообразных комбинациях различных иностранных государств и различных отраслей нашей промышленности, — в настоящее время громадно. Поэтому практическая основа того, о чем в Генуе, главным образом, будет идти речь, капиталистическим государствам великолепно известна. И если в дополнение к этой основе является надстройкой куча всяческих политических разговоров, предположений, прожектов, то надо понимать, что это — только надстроечка, очень часто искусственно построенная, выдуманная и осуществляемая теми, кто в этом заинтересован.

Более чем за четыре года существования Советской власти мы, разумеется, достаточно приобрели практического опыта (помимо того, что мы об этом достаточно знали и теоретически), чтобы уметь оценивать надлежащим образом эту дипломатическую игру, которую развернули по всем правилам устарелого буржуазного дипломатического искусства господа представители буржуазных государств. Мы прекрасно понимаем, что лежит в основе этой игры: мы знаем, что суть ее составляет

торговля. *Буржуазным странам надо торговать с Россией:* они знают, что без тех или иных форм экономических взаимоотношений развал у них будет идти дальше, как он шел до сих пор; несмотря на все их великолепнейшие победы, несмотря на все то бесконечное хвастовство, которым они наполняют газеты и телеграммы всего мира, экономика их все же расползается, и с самой простой задачей — не то, чтобы новенькое строить, а чтобы старое лишь восстановить, — они вот уже четвертый год, после их величайших побед, справиться не могут и все еще вертятся вокруг того, как бы втроем, вчетвером, впятером собраться (число, как видите, необыкновенно большое, страшно затрудняющее возможность соглашения) и составить такую комбинацию, чтобы можно было торговать.

Я понимаю, что коммунистам, чтобы научиться торговать, действительно надо время и что всякий, кто хочет этому научиться, сначала несколько лет будет делать грубейшие ошибки, и история ему простит, потому что это дело для него новое. Тут нужно и мозги сделать более гибкими, и скинуть всякую коммунистическую или, вернее, русскую обломовщину и многое другое. Но чтобы представителям буржуазных государств приходилось заново учиться делу торговли, которую они ведут сотни лет, и на которой построен весь их общественный быт, — это странно. Для нас, впрочем, это не так страшно: мы давно говорили и знали, что они империалистическую войну оценили менее правильно, чем мы. Они оценивали ее с точки зрения того, что лежит у них под носом, а через три года после их гигантских побед не могут найти выхода из положения.

Мы, коммунисты, говорили, что мы войну оцениваем глубже и правильнее, что противоречия и бедствия ее действуют неизмеримо шире, чем предполагают капиталистические государства. И, глядя со стороны на буржуазные страны-победительницы, мы говорили: помянут они наши предсказания и нашу оценку войны и ее последствий еще не раз. Нас не удивляет то обстоятельство, что они запутались, пожалуй, меньше, чем в четырех соснах. Но в то же время мы говорим: для нас необходима торговля с капиталистическими государствами, пока они существуют как таковые. На переговоры с ними мы идем как торговцы, а что мы можем это осуществить, это доказывается числом торговых договоров с капиталистическими державами, которое растет, доказывается числом сделок. Мы не можем их опубликовать, пока они не заключены. Когда к нам является торговец-капиталист и говорит: «Пока мы не дошли до конца разговоров, это должно остаться между нами», — конечно, с торговой точки зрения в этом отказать нельзя. Но мы-то знаем, сколько договоров находится в подготовке — один список их занимает несколько страниц, в числе их находятся

десятки обсужденных конкретно практических предложений с солидными финансовыми группами. Конечно, господа представители буржуазных держав, собирающиеся в Генуе, знают это не хуже нас: насчет чего иного, а связь этих правительств с их капиталистическими фирмами, конечно, осталась. Даже у них все еще не настолько велика расхлябанность, чтобы они этого не знали.

И поэтому, если мы в телеграммах из-за границы встречаем постоянные известия о том, как будто они не представляют себе точно, что будет происходить в Генуе, как будто они выдумывают что-то новое, как будто они мир хотят удивить тем, что предъявят России новые условия, то позвольте им сказать (я надеюсь, что мне удастся лично это сказать Ллойд-Джорджу в Генуе) — вы этим никого не удивите, господа. Вы — люди торговые и торгуете прекрасно. Мы торговле еще только учимся и торгуем очень плохо. Но у нас есть десятки и сотни договоров и проектов договоров, из которых видно, как мы торгуем, какие и на каких условиях мы сделки заключаем или будем заключать. А если мы встречаем в газетах всякие известия, рассчитанные на то, чтобы кое-кого запугать, о том, что нам навяжут какое-то испытание, то мы на этот счет довольно спокойно улыбаемся. Угроз мы видали достаточно и притом более серьезных, чем угрозы торговца, который собирается хлопнуть дверью, предлагая свою, самую что ни на есть последнюю, цену. Мы видели угрозы пушками со стороны союзных держав, в руках которых находится почти весь мир. *Угроз этих мы не испугались. Об этом, господа европейские дипломаты, пожалуйста, не забывайте.*

Мы вовсе не гонимся за тем, чтобы поддержать свой собственный дипломатический престиж, свое реноме, как это чрезвычайно важно для буржуазных государств. Мы официально даже вовсе говорить об этом не будем. Но мы этого не забыли. У нас ни один рабочий, ни один крестьянин не забыл, забыть не может и никогда не забудет, что он воевал, отстаивая рабоче-крестьянскую власть против союза всех самых могущественных держав, которые поддерживали интервенцию. У нас есть целая коллекция договоров, которые эти государства в течение ряда лет заключали с Колчаками и Деникиными. Они опубликованы, мы их знаем, весь мир знает их. Зачем же играть в прятки и изображать дело так, как будто мы все стали Иванами-Непомнящими? Каждый крестьянин и каждый рабочий знает, что он воевал с этими державами, и что они его не победили. И если вам угодно, господа представители буржуазных государств, забавляться и тратить вашу бумагу (у вас ее очень много, больше, чем нужно), ваши чернила, обременять ваши провода и ваши радиостанции на то, чтобы оповещать

весь мир: «Мы Россию поставим в положение испытуемой», то мы еще посмотрим, кто — кого. Мы уже испытывались и испытывались не словами, не торговлей, не рублем, а дубьем. И мы уже заслужили тяжелыми, кровавыми и мучительными ранами то, что про нас не мы сами, а противники должны сказать: «За битого двух небитых дают».

Мы заслужили это в области военной. Вот по части торговой, жаль, что мало нас, коммунистов, бьют, но я надеюсь, что в ближайшем будущем этот недостаток будет восполнен и с таким же успехом.

Я сказал, что рассчитываю лично поговорить с Ллойд-Джорджем в Генуе на эти темы и сказать ему, что *пугать нас пустячками не следует,* ибо от этого только потеряют престиж те, кто пугает. Я надеюсь, что этому не помешает моя болезнь, которая несколько месяцев не дает мне возможности непосредственно участвовать в политических делах и вовсе не позволяет мне исполнять советскую должность, на которую я поставлен. Я имею основание рассчитывать, что через несколько недель я смогу вернуться к своей непосредственной работе. *Но сумеют ли они через несколько недель сговориться втроем или вчетвером насчет того, о чем они весь мир оповестили, что они сговорились, — в этом я не уверен.* Я даже решаюсь утверждать, что никто в мире в этом не уверен, и даже больше, что они сами этого не знают, потому что, когда победившие державы, имеющие в своих руках власть над всем миром, собрались в Каннах, после того, как они уже много раз собирались, — число их конференций бесконечно, и европейская буржуазная пресса даже сама смеется над этим, — они все же не смогли сказать как следует, чего они хотят.

Правильнее всего поэтому, с точки зрения практических задач, а не с точки зрения дипломатической чехарды, определил положение т. Троцкий. На другой день после известия о том, что Генуя совсем налажена, совсем сговорена, что насчет Генуи полное согласие, но что только неустойчивость одного из буржуазных правительств (они стали как-то подозрительно неустойчивы) вынудила временную отсрочку, он опубликовал приказ: «Пусть каждый красноармеец усвоит себе международное положение; мы знаем твердо, что у них есть устойчивая группа, которая желает попробовать интервенцию; мы будем начеку, и пусть каждый красноармеец знает, что́ такое дипломатическая игра и что́ такое сила оружия, которая до сих пор решала все классовые конфликты».

Пусть каждый красноармеец знает, что́ такое эта игра, что́ такое сила оружия, и тогда мы посмотрим. Как ни развалился капитализм во всех капиталистических странах, но эту штуку попробовать могут многие не невлиятельные партии. А если

правительства неустойчивы настолько, что не могут созвать во-время собрания, то кто знает, в чьих руках окажутся эти правительства. Мы знаем, что у них есть влиятельные, желающие войны, партии и влиятельные лица и экономические воротилы, мы это прекрасно знаем, и о настоящей сути, которая лежит в основе экономических договоров, мы осведомлены достаточно. Мы тяжелого вынесли необыкновенно много и знаем, какие бедствия и мучения новая попытка войны может причинить нам, и мы говорим, что мы *это еще раз вынесем, попробуйте только это попробовать*. Вывод, который сделал т. Троцкий, опубликовавший, вместо соображений дипломатической чехарды, свой твердый приказ, состоит в том, чтобы каждому красноармейцу разъяснили международное положение заново, что отсрочка Генуэзской конференции по случаю неустойчивости итальянского кабинета — это есть опасность войны. *Мы добьемся, что у нас каждый красноармеец это будет знать*. Нам тем легче этого добиться, что редко можно найти такую семью, такого красноармейца в России, которые этого не знали бы и не только из газет, циркуляров или приказов, а из своей деревни, где он видел калек, видел семьи, которые эту войну выдержали, где он видит неурожай, голод мучительный и разорение, дьявольскую нужду и знает, чем они вызваны, хотя он не читает парижских изданий меньшевиков и эсеров, чтобы объяснить это злокачественными свойствами большевиков. У него едва ли есть теперь более прочное настроение во всем его существе, чем настроение отпора (скажу хоть так), отпора тем, кто навязал нам и поддержал против нас войну Колчака и Деникина. На этот счет нам не нужно создавать новых комиссий агитации и пропаганды.

По вопросу о Генуэзской конференции нужно строго отличать суть дела от тех газетных уток, которые буржуазия пускает; ей они кажутся страшными бомбами, но нас они не пугают, так как мы их много видели и они не всегда заслуживают, чтобы на них отвечать даже улыбкой. Всякие попытки навязать нам условия, как побежденным, есть пустой вздор, на который не стоит отвечать. *Мы, как купцы, завязываем отношения и знаем, что ты должен нам, и что мы тебе, и какая может быть твоя законная и даже повышенная прибыль.* Мы видим много предложений, число договоров у нас растет и будет расти, как бы фигура трех-четырех держав-победительниц ни складывалась; этой отсрочкой конференции вы потеряете, потому что вы своим собственным людям докажете, что вы сами не знаете, чего хотите, и что вы больны так называемой болезнью воли. Эта болезнь заключается в непонимании той

экономики и политики, которую мы оценили глубже вас. Скоро десять лет пройдет, как мы оценили это, а вся эта последующая разруха и развал все еще не ясны для буржуазных государств...

* * *

... Заканчивая свою речь, я подведу краткий итог. Игра в Геную, игра в чехарду, которая около нее происходит, нимало нас не заставит колебаться. Теперь уже нас не поймают. *Мы идем к купцам и будем идти на сделки, продолжая свою политику уступок, но границы их уже определены.* То, что мы до сих пор дали купцам в наших договорах, мы сделали в смысле шага назад в нашем законодательстве, и дальше мы не пойдем.

В связи с этим изменяются наши главные задачи во внутренней, особенно экономической, политике. Нам нужны не новые декреты, не новые учреждения, не новые способы борьбы. *Нам нужна проверка пригодности людей, проверка фактического исполнения.* Следующая чистка пойдет на коммунистов, *мнящих* себя администраторами. Пробирайтесь лучше в область пропагандистской и агитаторской и всякой иной полезной работы — все те, кто все эти комиссии, совещания и разговоры ведут, а простого дела не делают. Сочиняют что-нибудь особенное и мудреное и оправдываются тем, что новая экономическая политика и надо что-нибудь выдумать новое. А то дело, которое им поручено, не делается. Не заботятся о том, чтобы сберечь копейку, которая им дана, и не стараются превратить ее в 2 копейки, а составляют планы на миллиарды и даже триллионы советские. Вот против этого зла мы поведем нашу борьбу. *Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела* — в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики. Это дело не нескольких месяцев, не одного года, а дело нескольких лет. Мы официально должны сказать от имени партии, в чем теперь гвоздь работы, и соответственно перестроить ряды. Тогда мы в этой новой области окажемся такими же победителями, какими до сих пор оказывались во всех областях работы, за которые большевистская пролетарская власть, поддержанная крестьянской массой, принималась. (Аплодисменты.)

«Правда» № 54, 8 марта 1922 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 33, стр. 186—193, 199—200.

XI СЪЕЗД РКП(б) [184]

27 МАРТА — 2 АПРЕЛЯ 1922 г.

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТЧЕТА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РКП(б) 27 МАРТА

(Аплодисменты.) Товарищи! Позвольте мне политический доклад ЦК начать не с начала года, а с его конца. Сейчас наиболее злободневным вопросом политики является Генуя. Но так как в печати у нас об этом уже сказано было очень много, и так как мне пришлось в речи 6 марта, которая была напечатана, высказать существенное по этому вопросу, то, если не будет особых требований с вашей стороны на изложение каких-либо подробностей, я бы просил разрешения в детали этого вопроса не входить.

О Генуе в общем вы все знаете, потому что печать уделяла этому вопросу много места, — на мой взгляд даже непомерно много, в ущерб действительным, практическим и насущным нуждам нашего строительства вообще, хозяйственного в особенности. В Европе, понятно, во всех буржуазных странах, очень любят занимать или забивать головы всякой трескотней насчет Генуи. А мы на этот раз (хотя и не только на этот раз) им подражаем и подражаем непомерно много.

Должен сказать, что нами в ЦК были приняты самые тщательные меры для того, чтобы создать делегацию из лучших наших дипломатов (а у нас теперь советских дипломатов порядочное количество, не так, как в начале существования Советской республики). Мы выработали в ЦК достаточно детальные директивы нашим дипломатам в Геную, вырабатывали их очень длительно, несколько раз обсуждали и переобсуждали заново. И само собой разумеется, что тут вопрос стоит, я бы не сказал — военный, потому что это слово вызовет перетолковывание, но во всяком случае вопрос — о состязании. В буржуазном лагере имеется чрезвычайно сильное и гораздо более могущественное течение, чем другие течения, клонящееся к тому, чтобы сорвать Генуэзскую конференцию. Имеются другие течения, которые во что бы то ни стало хотят ее отстоять,

добиться того, чтобы она собралась. Эти последние течения сейчас взяли верх. Имеется, наконец, в лагере всех буржуазных стран течение, которое можно бы назвать пацифистским и к которому надо причислить и весь II и II½ Интернационал. Это — тот лагерь буржуазии, который пытается отстоять ряд пацифистских предложений и начертать нечто вроде пацифистской политики. Мы, как коммунисты, имеем насчет этого пацифизма определенные взгляды, излагать которые здесь совершенно излишне. Понятно, что в Геную мы идем не как коммунисты, а как купцы. Нам надо торговать, и им надо торговать. Нам хочется, чтобы мы торговали в нашу выгоду, а им хочется, чтобы было в их выгоду. Как развернется борьба, это будет зависеть, хотя и в небольшой степени, от искусства наших дипломатов.

Понятно, что, когда мы идем в Геную как купцы, нам не безразлично, имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму, будь он хотя самый плохенький и, с точки зрения коммунизма, не выдерживающий и тени критики. Плох был бы все-таки тот купец, который не сумел бы усвоить это отличие и, приспособив к этому свою тактику, добиться практических целей.

Мы идем в Геную с практической целью — расширить торговлю и создать условия, при которых бы она наиболее широко и успешно развивалась. Но мы отнюдь не ручаемся за успех Генуэзской конференции. За это ручаться было бы смешно и нелепо. Я должен сказать, что при самой трезвой и осторожной оценке возможностей, которые Генуя сейчас представляет, все-таки, думаю, не будет преувеличенным сказать, что этой своей цели мы добьемся.

Через Геную, если достаточно сообразительны и не слишком упрямы будут наши тамошние собеседники, мимо Генуи,— если им вздумается упрямиться. Но цели своей мы достигнем!

Ведь самые неотложные, насущные, практические и резко обнаружившиеся за последние годы интересы всех капиталистических держав требуют развития, упорядочения и расширения торговли с Россией. А раз такого рода интересы есть, то можно поспорить, можно повздорить, можно разойтись в разных комбинациях — весьма даже правдоподобно, что доведется разойтись, — а все же, в конце концов, эта основная хозяйственная необходимость сама себе проложит дорогу. И я думаю, что мы можем быть на этот счет спокойны. Не ручаюсь за срок, не ручаюсь за удачу, но именно на данном собрании можно довольно уверенно сказать, что развитие правильных торговых сношений между Советской республикой

и всем остальным капиталистическим миром неизбежно пойдет дальше. Какие при этом возможны перерывы, — об этом я в своем месте в докладе упомяну, но думаю, что по вопросу о Генуе можно будет этим ограничиться.

Само собою понятно, что товарищи, которые пожелают ознакомиться с вопросом детальнее и не удовлетворятся тем списком членов делегации, который опубликован в газетах, сумеют выбрать комиссию или секцию и ознакомиться со всеми материалами ЦК, с перепиской, с директивами. Детали, разумеется, нами намечались условно, потому что до сих пор точно неизвестно, кто в этой самой Генуе сядет за стол и какие при этом условия, или предварительные условия, или оговорки будут изложены. Разбирать всех их здесь было бы в высшей степени нецелесообразно, я думаю, даже практически невозможно. Повторяю, съезд, через секцию или комиссию, имеет полную возможность собрать по этому вопросу все документы как опубликованные, так и имеющиеся у ЦК.

Я ограничусь сказанным, так как уверен, что не в этом вопросе самые большие наши трудности. Это не то, на что вся партия должна обратить свое главное внимание. Европейская буржуазная пресса раздувает и преувеличивает искусственно и умышленно значение этой конференции, обманывая трудящиеся массы (так делает всегда $^{9}/_{10}$ всей буржуазной прессы во всех этих свободных демократических странах и республиках). Мы немножко поддались этой прессе. Как всегда, наши газеты еще поддаются старым буржуазным обычаям, не хотят переходить на новые социалистические рельсы, и мы подняли шумиху больше, чем предмет того заслуживает. По сути дела для коммунистов, особенно переживших такие серьезные годы, какие мы пережили, начиная с 1917-го, видавших комбинации политики такие серьезные, какие мы с тех пор видали, Генуя не представляет собою больших трудностей. Я не помню, чтобы по этому вопросу не только в составе ЦК, но и в составе нашей партии подымались какие-нибудь разногласия или споры. Это естественно, ибо здесь нет ничего спорного с точки зрения коммунистов, — даже имея в виду разные оттенки среди них. Мы идем в Геную, повторяю, как купцы, чтобы добиться выгоднейших форм для развития торговли, которая началась, которая идет и которая, даже если бы удалось кой-кому насильственно ее прервать на то или иное время, все-таки после этого перерыва будет неминуемо развиваться.

Ограничиваясь поэтому вот этими краткими указаниями о Генуе, я перейду к тем вопросам, которые, на мой взгляд, являются главными вопросами политики за истекший год и главными вопросами политики на будущий год. Мне сдается (или, по крайней мере, такова моя привычка), что в политическом

докладе ЦК нам надо вести речь не просто о том, что было за отчетный год, но о том, какие за отчетный год получились политические уроки — основные, коренные, чтобы свою политику на ближайший год определить верно, чтобы кое-чему за год научиться...

Напечатано в 1922 г. в книге: «Одиннадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет». Москва, издательское отделение РКП

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 33, стр. 235—238.

КАРЛУ ШТЕЙНМЕЦУ

Moscow. 10. IV. 1922.

Дорогой мистер Штейнмец!

Душевно благодарю Вас за Ваше дружественное письмо от 16. II. 1922 г. Я должен признаться, к стыду моему, что первый раз услышал Ваше имя всего только немного месяцев тому назад от тов. Кржижановского, который был председателем нашей «Государственной комиссии по выработке плана электрификации России» и состоит теперь председателем «Государственной общеплановой комиссии». Он рассказал мне о выдающемся положении, которое Вы заняли среди электротехников всего мира.

Тов. Мартенс познакомил меня теперь больше с Вами своими рассказами о Вас. Я увидел из этих рассказов, что Вас привели к сочувствию Советской России, с одной стороны, Ваши социально-политические воззрения. С другой стороны, Вы, как представитель электротехники и притом в одной из передовых по развитию техники стран, убедились в необходимости и неизбежности замены капитализма новым общественным строем, который установит планомерное регулирование хозяйства и обеспечит благосостояние всей народной массы на основе электрификации целых стран. Во всех странах мира растет — медленнее, чем того следует желать, но неудержимо и неуклонно растет число представителей науки, техники, искусства, которые убеждаются в необходимости замены капитализма иным общественно-экономическим строем и которых «страшные трудности» («terrible difficulties») борьбы Советской России против всего капиталистического мира не отталкивают, не отпугивают, а, напротив, приводят к сознанию неизбежности борьбы и необходимости принять в ней посильное участие, помогая новому — ослить старое.

В особенности хочется мне поблагодарить Вас за Ваше предложение помочь России советом, указаниями и т. д. Так как отсутствие официальных и законно-признанных отношений

между Советской Россией и Соед. Штатами крайне затрудняет и для нас и для Вас практическое осуществление Вашего предложения, то я позволю себе опубликовать и Ваше письмо и мой ответ, в надежде, что тогда многие лица, живущие в Америке или в странах, связанных торговыми договорами и с Соед. Штатами и с Россией, помогут Вам (информацией, переводами с русского на английский и т. п.) осуществить Ваше намерение помочь Советской республике.

С наилучшим приветом

Ваш *Ленин*

Направлено в Нью-Йорк
«Правда» № 85, 19 апреля 1922 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 35, стр. 473—474.

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЦИК ПО ОТЧЕТУ ДЕЛЕГАЦИИ НА ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Составить проект резолюции ВЦИКа по докладу Иоффе следующим, примерно, образом:

1. Делегация ВЦИКа правильно выполнила свои задачи, отстаивая полную суверенность РСФСР, — борясь с попытками закабаления и восстановления частной собственности, — заключив договор с Германией.

2. Международное политическое и экономическое положение характеризуется следующими чертами:

— политически: отсутствие мира и опасность новых империалистских войн [Ирландия; Индия; Китай и др.; обострение отношений между Англией и Францией, — Японией и С. Штатами *и т. д. и т. п.* ((подробнее))]

3. — экономически: страны «победительницы», всемирно могущественные и обогащенные войной (= грабежом), через 3½ года после окончания войны не могут восстановить даже прежних капиталистических отношений [валютный хаос; неисполнение и неисполнимость Версальского договора; неплатеж долгов С. Штатам *и т. д. и т. п. — (подробнее)*].

4. Поэтому § 1 каннских резолюций, признавая *равноправие* двух *систем собственности* (капиталистической, или частной собственности, и коммунистической, принятой *пока* лишь в РСФСР), вынужден, таким образом, признать, хотя и косвенно, крах, банкротство первой системы собственности, неизбежность *соглашения* ее со второй, как равной с равным.

5. Другие §§ каннских условий, как и меморандумы и т. п. держав в Генуе, противоречат этому и тем самым осуждают себя на безжизненность.

6. Действительное равноправие двух систем собственности *хотя бы как временное состояние*, *пока весь мир не отошел* от частной собственности и порождаемых ею *экономического*

хаоса и войн к высшей системе собственности, — дано лишь в Рапалльском договоре [185]. Поэтому ВЦИК

приветствует Рапалльский договор, как единственный правильный выход из затруднений, хаоса и опасности войн (пока остаются две системы собственности, в том числе столь устарелая, как капиталистическая собственность);

признает нормальным для отношений РСФСР к капиталистическим государствам *лишь* такого типа договоры;

— поручает СНК и НКИДел вести в этом духе политику;

— поручает Президиуму ВЦИКа подтвердить это соглашением со всеми республиками, входящими в федерацию с РСФСР;

— предписывает НКИДелу и СНК допускать изъятие из этого, т. е. отступления от Рапалльского типа договоров, лишь в исключительных случаях, доставляющих совершенно особые выгоды для трудящихся масс РСФСР и т. п.

Написано 15 или 16 мая 1922 г.
Впервые опубликовано в 1950 г. в 33 т. Сочинений В. И. Ленина, изд. 4

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 33, стр. 319—320.

ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ «ОБСЕРВЕР» И «МАНЧЕСТЕР ГАРДИАН» [186] ФАРБМАНУ

1. Вопрос. Антирусская пресса изображает прием Эррио в Москве и франко-русские переговоры, как решительный поворот иностранной политики Советской России.

Верно ли это? Верно ли, что Россия смотрит на английскую политику на Ближнем Востоке, как на вызов, и готова заключить соглашение с Францией, направленное против Англии?

Ответ. Я считаю абсолютно неверным изображать прием Эррио в Москве и франко-русские переговоры, как какой-либо, хотя бы даже малейший, поворот в политике Советской России вообще и ее поворот против Англии в частности. Несомненно, мы чрезвычайно высоко ценим и прием Эррио в Москве и тот шаг к сближению с Францией или к переговорам с ней, которые стали теперь возможными, вероятными и, хотелось бы думать, необходимыми. Всякое сближение с Францией для нас чрезвычайно желательно, особенно ввиду того, что торговые интересы России настоятельно требуют сближения с этой сильнейшей континентальной державой. Но мы убеждены, что это сближение ни в малейшей степени не означает обязательности какой-либо перемены нашей политики по отношению к Англии. Мы считаем, что вполне дружественные отношения с обеими державами являются вполне возможными и составляют нашу цель. Мы считаем, что именно развитие торговых сношений неизбежно будет чрезвычайно сильно давить в направлении достижения этой цели. Мы считаем, что правильно понятые интересы Англии и Франции равным образом будут действовать в этом направлении. Мы считаем, что взаимные интересы Англии и Франции, поскольку они соприкасаются с Россией, ни в коем случае не содержат в себе элементов неизбежной вражды между Англией и Францией. Напротив, мы думаем даже, что мирные и дружественные отношения этих держав к России содержат в себе одну из гарантий (я почти готов сказать: сильнейшую гарантию) того, что мир и дружба между Англией и Францией продолжатся наиболее долго, и что всякие

возможные и вероятные при теперешних условиях разногласия между Францией и Англией придут наиболее быстро и наиболее верно к счастливому исходу.

2. Вопрос. Не является ли фактическое окончание греко-турецкой войны, поддерживавшейся Англией, лучшим моментом для заключения англо-русского соглашения?

Ответ. Конечно, окончание греко-турецкой войны, которая поддерживалась Англией, является моментом, который увеличивает в известном отношении шансы на заключение англо-русского соглашения. К этому соглашению мы стремились и до окончания этой войны и будем стремиться теперь с наибольшей энергией. Правда, некоторые из вопросов, связанные с окончанием этой войны, являются предметами, вызывающими наши разногласия с Англией. Но, во-первых, мир, сменивший греко-турецкую войну, является, по нашему мнению, таким выигрышем международной политики вообще, что мы надеемся на улучшение общих условий этой политики благодаря греко-турецкому миру. Во-вторых, расхождения, которые у нас имеются с Англией, мы ни в коем случае не считаем непреодолимыми. Напротив, мы надеемся, что ближайшее будущее покажет нам, в связи с различными стадиями ближневосточного вопроса, насколько оправдается наша надежда, что именно окончание греко-турецкой войны будет также окончанием тех конфликтов и несогласий, которые эту оканчивающуюся войну поставили на авансцену международной политики. Мы делаем все, чтобы окончание этой войны окончило также трения и несогласия с Англией, и мы надеемся, что интересы английского правительства и в данном случае возьмут верх над какими бы то ни было подсказываниями и часто неискренними речами антирусской прессы.

3. Вопрос. Считаете ли Вы участие России по восточному вопросу делом престижа только, или Вы исключительно исходите из реальных интересов России? Согласно ли русское правительство с французским предложением допустить Россию только к участию в той части конференции, которая будет разрешать вопрос о проливах?

Ответ. Участие России в разрешении ближневосточного вопроса [187] я считаю ни в коем случае не делом престижа. Я надеюсь, что всей нашей международной политикой в течение пяти лет мы вполне доказали, что к вопросам престижа мы относимся совершенно равнодушно и никогда не способны выдвигать какое бы то ни было требование или ухудшать действительные шансы мира между державами только из-за престижа. Я уверен, что ни в одной державе нет в народных массах такого равнодушия и даже такой готовности встретить вопрос престижа, как престижа, самой веселой насмешкой. Мы думаем, что дипломатия современной эпохи все быстрее идет

к тому, чтобы относиться к вопросам престижа именно подобным образом.

Наша ближневосточная политика есть для нас дело самого реального и непосредственного жизненного интереса России и целого ряда федерированных с ней государств. Если бы все эти государства не добились своего требования участия в ближневосточной конференции, то это означало бы такую массу элементов враждебности, конфликтов и недовольства; это означало бы такие затруднения в чисто торговых делах между востоком Европы, с одной стороны, и всеми другими государствами, с другой, что для мирного сожительства либо не осталось бы совершенно почвы, либо оно было бы затруднено необыкновенно.

Поэтому русское правительство недовольно парижским предложением допустить Россию только к участию в той части конференции, которая будет разрешать вопрос о проливах. Мы думаем, что такое ограничение неминуемо приведет к ряду весьма практических и непосредственных, в частности экономических, неудобств, от которых сами же Франция и Англия пострадают, по всей вероятности, в самом недалеком будущем.

4. Вопрос. Какова русская программа разрешения вопроса о проливах?

Ответ. Наша программа относительно проливов (пока еще приблизительная, конечно) содержит в себе, между прочим:

Во-первых, удовлетворение национальных стремлений Турции. Мы считаем, что не только интересы национальной независимости этого требуют. Наш опыт решения в течение пяти лет национального вопроса в государстве, содержащем в себе такое обилие национальностей, которое едва ли можно найти в других странах, всецело убеждает нас в том, что единственно правильным отношением к интересам наций в подобных случаях будет максимальное их удовлетворение и создание условий, которые исключают всякую возможность конфликтов на этой почве. Наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны.

Во-вторых, наша программа заключает в себе закрытие проливов для всех военных кораблей в мирное и военное время. Это — непосредственный ближайший торговый интерес

всех держав, не только тех, территории которых непосредственно прилегают к проливам, но и всех остальных. Надо иметь в виду, что пацифистских фраз, разговоров и заверений, иногда даже клятв против войны и против мира раздается во всем свете необыкновенно много, а готовности сделать действительные шаги, даже самые простые, для обеспеченности мира мы встречаем в большинстве государств и, особенно, современных цивилизованных государств необыкновенно мало. А мы хотели бы и в этом и в подобных вопросах видеть как можно меньше общих заявлений, торжественных обещаний, пышных формул и как можно больше самых простых, самых ясных решений и мер, которые бы действительно вели к миру, если уже не говорить о полном устранении опасностей войны.

В-третьих, наша программа относительно проливов состоит в полной свободе торгового мореплавания. И после того, что я сказал в предыдущей фразе, я думаю, что пояснять и конкретизировать этот пункт совершенно излишне.

5. Вопрос. Согласно ли русское правительство на контроль проливов Лигой Наций, если бы Лига включила в свой состав также Россию, Турцию, Германию и Соединенные Штаты?

Или Россия потребовала бы создания особой комиссии для контроля над проливами?

Ответ. Мы, конечно, противники Лиги Наций, и я думаю, что не только наш экономический и политический строй с его особенностями вызывает наше отрицательное отношение к Лиге Наций, но и интересы мира, рассматриваемые с точки зрения конкретных условий всей современной международной политики вообще, вполне оправдывают это отрицательное отношение. Лига Наций настолько носит на себе все черты своего происхождения из всемирной войны, настолько неразрывно связана с Версальским договором, настолько пропитана вся насквозь отсутствием чего-либо похожего на реальное установление равноправия наций, на реальные шансы мирного сожительства между ними, что, мне кажется, наше отрицательное отношение к Лиге Наций понятно и не требует дальнейших комментариев.

6. Вопрос. Означает ли отказ ратифицировать соглашение с Уркартом победу «левых коммунистов»? Каковы те объективные условия, которые сделали бы возможным возобновление переговоров и ратификацию договора с Уркартом?

Ответ. Вопрос о заключении договора с Уркартом [188] был поднят нашим правительством еще тогда, когда я был болен и не был в состоянии принимать участие в правительственных делах. Поэтому о всех деталях этого дела я в настоящее время еще не вполне информирован. Но, тем не менее, я могу утверждать совершенно определенно, что о победе левых ком-

мунистов нет и не может быть речи в данное время. Я это знаю из своего непосредственного наблюдения за ходом правительственных дел.

Дело в том, что несправедливый шаг Англии, выразившийся в нежелании допустить нас на конференцию, был настолько неожиданным, вызвал такое возмущение в России и настолько сплотил не только правых коммунистов с левыми, но и гигантскую массу беспартийного русского населения, рабочих и крестьян, что дело не дошло и не могло дойти ни до какого разногласия между левыми и правыми коммунистами.

Мотивировка нашего отклонения договора с Уркартом выразила непосредственно, можно сказать, не только общепартийное, но именно общенародное настроение, т. е. настроение всей рабочей и всей крестьянской массы.

Возобновление переговоров и дальнейшая ратификация договора с Уркартом прежде всего обусловлены тем, чтобы Англия устранила вопиющие несправедливости по отношению к России, которые связаны со всяким умалением ее прав на участие в конференции по ближневосточным вопросам. Что же касается конкретных условий, предложенных нам Уркартом, то я еще не имел времени заняться этим достаточно подробно и могу лишь сказать, что правительство решило, как можно быстрее, в нашей печати дать высказаться сторонникам и противникам этого соглашения, чтобы из наиболее объективной и мотивированной дискуссии получить материал для серьезнейшей проверки всех «за» и «против» и для решения этого вопроса в духе наибольшего соответствия интересам России.

7. Вопрос. Насколько справедливы обвинения антирусской печати в Англии, утверждающей, что недавние аресты промышленников в Москве означают конец новой экономической политики и возврат к политике национализации и конфискации?

Ответ. По поводу Вашего вопроса об обвинении нас антирусской печатью в Англии в связи с арестами «промышленников в Москве» я должен сказать, что как раз сегодня читаю в нашей газете («Известия») заметку под названием «Аресты черных биржевиков». Не кто иной как начальник Экономического управления при Государственном политическом управлении т. З. Б. Кацнельсон рассказывает в этой заметке, что ни о каком аресте промышленников абсолютно не было и речи, что «распространяемые врагами Советской власти, как в пределах РСФСР, так и за границей, слухи о том, что эти аресты являются преследованием свободной торговли, на самом деле представляют собою *абсолютно вздорное* измышление с определенными контрреволюционными намерениями сорвать налаживающиеся экономические отношения с Западной Европой».

На самом деле арестованы исключительно деятели так называемой черной биржи, и в руках наших властей имеются данные, устанавливающие связь этих биржевиков-валютчиков с некоторыми сотрудниками иностранных миссий в Москве, причем эти данные устанавливают не только продажу платины, золота (слитков), но и *организацию контрабандной переправы этих ценностей за границу*.

Из этого Вы можете видеть, как абсолютно лишены содержания слухи о том, будто бы мы кладем конец «новой экономической политике», и как до последней степени фальшивы обвинения антирусской печати в Англии, которая старается самым неслыханным извращением дела и обманом представить нашу политику в ложном свете. На самом деле абсолютно не было и речи в каких бы то ни было правительственных кругах о том, чтобы положить конец «новой экономической политике» и вернуться к старой. Вся работа правительства, между прочим, в происходящей сейчас сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, направлена к тому, чтобы то, что называется новой экономической политикой, закрепить законодательно в наибольшей степени для устранения всякой возможности отклонения от нее.

27. X. 1922 г.

«Правда» № 254, 10 ноября 1922 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 33, стр. 346—352.

ИЗ РЕЧИ НА IV СЕССИИ ВЦИК IX СОЗЫВА 31 ОКТЯБРЯ 1922 г. [189]

(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты. Все встают.) Товарищи! Позвольте мне ограничиться лишь небольшими словами приветствия. Прежде всего необходимо, конечно, направить наше приветствие Красной Армии, которая на-днях показала еще раз свою доблесть, взяв Владивосток и очистив всю территорию последней из связанных с Советской Россией республик. Я уверен, что выражу общее мнение, если скажу, что мы все здесь приветствуем этот новый подвиг Красной Армии и приветствуем также то, что к окончанию войны сделан шаг, кажется, достаточно решительный: сброшены в море последние силы белогвардейцев. (Аплодисменты.) Я думаю, наша Красная Армия надолго нас избавила от всякого возможного повторения натиска белогвардейцев на Россию или на какую бы то ни было из республик, прямо или косвенно, тесно или более или менее отдаленно с нами связанных.

Но вместе с тем мы должны также сказать, чтобы сразу же не впасть в тон чрезмерного самохвальства, что здесь сыграли роль не только подвиг Красной Армии и сила ее, а и международная обстановка и наша дипломатия.

Было время, когда Япония и Соединенные Штаты Америки подписывали соглашения о поддержке Колчака. Это время ушло так далеко, что многие из нас, пожалуй, о нем совсем и забыли. Но оно было. И если мы добились того, что подобное соглашение уже невозможно, что японцы, несмотря на всю их военную силу, объявили о своем уходе и выполнили это обещание, то тут, конечно, есть заслуга и нашей дипломатии. В ближайшем будущем нашим дипломатам предстоит показать себя еще раз на вопросе громадной важности, на вопросе, в котором мы заинтересованы существенным образом, — на ближневосточной конференции, которую Англия созывает 13 ноября в Лозанне. Я уверен, что наши дипломаты и там в грязь лицом не ударят, и что интересы всех федеральных

республик вместе с РСФСР мы сумеем и там отстоять; во всяком случае, мы сумеем добиться того, чтобы ясно открыть перед массами, где помеха, в чем она состоит, в какой степени идет она против наших законнейших желаний и стремлений, и не только наших, но и всех государств, заинтересованных в вопросе о проливах.

Этими краткими замечаниями о внешней политике я и ограничусь и теперь перейду к вашим работам...

«Правда» № 247, 1 ноября 1922 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 33, стр. 353—354.

ИЗ РЕЧИ НА ПЛЕНУМЕ МОСКОВСКОГО СОВЕТА 20 НОЯБРЯ 1922 г. [190]

...В декабре 1921 г., когда мне пришлось совершенно прервать работу, у нас был конец года. Тогда мы осуществляли переход на новую экономическую политику, и оказалось тогда же, что этот переход, хотя мы с начала 1921 г. за него и взялись, довольно труден, я сказал бы — очень труден. Прошло более полутора лет, как мы этот переход осуществляем, когда, казалось бы, пора уже большинству пересесть на новые места и разместиться сообразно новым условиям, в особенности условиям новой экономической политики.

В отношении внешней политики у нас изменений оказалось всего меньше. Здесь мы продолжали тот курс, который был взят раньше, и я считаю, могу сказать вам по чистой совести, что продолжали его совершенно последовательно и с громадным успехом. Вам, впрочем, об этом подробно докладывать не нужно: взятие Владивостока, последовавшая за сим демонстрация и государственно-федеративное заявление, которое вы на днях прочли в газетах [191], доказали и показали яснее ясного, что в этом отношении нам ничего менять не приходится. Мы стоим на дороге, совершенно ясно и определенно очерченной, и обеспечили себе успех перед государствами всего мира, хотя некоторые из них до сих пор готовы заявлять, что садиться с нами за один стол не желают. Тем не менее, экономические отношения, а за ними отношения дипломатические налаживаются, должны наладиться, наладятся непременно. Всякое государство, которое этому противодействует, рискует оказаться опоздавшим и, может быть, кое в чем, довольно существенном, рискует оказаться в невыгодном положении. Это все мы теперь видим, и не только из газет. Я думаю, что и из поездок за границу товарищи убеждаются в том, как велики происшедшие изменения. В этом отношении у нас не было, так сказать, если употребить старое сравнение, никаких пересадок, ни на другие поезда, ни на другие упряжки.

А вот что касается внутренней нашей политики, то здесь

пересадка, которую мы произвели весной 1921 года, которая нам была продиктована обстоятельствами чрезвычайной силы и убедительности, так что между нами никаких прений и никаких разногласий относительно этой пересадки не было, — вот эта-то пересадка продолжает причинять нам некоторые трудности, продолжает причинять нам, я скажу, большие трудности. Не потому, что мы сомневались бы в необходимости поворота, — никаких сомнений в этом отношении нет, — не потому, что мы сомневались бы, дала ли проба этой нашей новой экономической политики те успехи, которых мы ожидали. Никаких сомнений на этот счет, могу сказать совершенно определенно, также нет ни в рядах нашей партии, ни в рядах громадной массы беспартийных рабочих и крестьян.

В этом смысле вопрос не представляет трудностей. Трудности являются оттого, что перед нами встала задача, для решения которой нужно очень часто привлечение новых людей, нужно проведение чрезвычайных мер и чрезвычайных приемов. У нас есть еще сомнения относительно правильности того или другого, есть изменения в том или другом направлении, и нужно сказать, что и то и другое останется еще в течение довольно приличного времени. «Новая экономическая политика»! Странное название. Эта политика названа новой экономической политикой потому, что она поворачивает назад. Мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики. Где и как мы должны теперь перестроиться, приспособиться, переорганизоваться, чтобы после отступления начать упорнейшее наступление вперед, мы еще не знаем. Чтобы провести все эти действия в нормальном порядке, нужно, как говорит пословица, не десять, а сто раз примерить, прежде чем решить. Нужно для того, чтобы справиться с теми невероятными трудностями, которые нам представляются в проведении всех наших задач и вопросов. Вы знаете прекрасно, сколько жертв принесено при достижении того, что сделано, вы знаете, как долго тянулась гражданская война и сколько сил она взяла. И вот, взятие Владивостока показало нам (ведь, Владивосток далеко, но, ведь, это город-то нашенский) (*продолжительные аплодисменты*), показало нам всем всеобщее стремление к нам, к нашим завоеваниям. И здесь и там — РСФСР. Это стремление избавило нас и от врагов гражданских и от врагов внешних, которые наступали на нас. Я говорю о Японии.

Мы завоевали дипломатическую обстановку вполне определенную, и она есть не что иное, как дипломатическая обстановка, признанная всем миром. Вы это все видите. Вы видите

результаты этого, а сколько потребовалось для этого времени! Мы сейчас добились признания своих прав нашими врагами как в экономической, так и в торговой политике. Это доказывает заключение торговых договоров.

Мы можем видеть, почему нам, полтора года назад вступившим на путь так называемой новой экономической политики, почему нам так невероятно трудно двигаться по этому пути. Мы живем в условиях государства, настолько разрушенного войною, настолько выбитого из всякой сколько-нибудь нормальной колеи, настолько пострадавшего и потерпевшего, что мы теперь поневоле все расчеты начинаем с маленького, маленького процента — процента довоенного. Эту мерку мы прикладываем к условиям нашей жизни, прикладываем иногда очень нетерпеливо, горячо, и всегда убеждаемся, что тут имеются трудности необъятные. Задача, которую мы тут себе поставили, тем более представляется необъятной, что мы ее сравниваем с условиями обычного буржуазного государства. Мы себе поставили эту задачу потому, что понимали, что помощи от богатейших держав, которая обычно в этих условиях приходит, этой помощи нам ждать нечего. После войны гражданской нас поставили в условия почти бойкота, т. е. нам сказали: той экономической связи, которую мы привыкли оказывать и которая в капиталистическом мире является нормальной, мы ее вам не окажем.

Прошло больше $1^1/_2$ года с тех пор, как мы вступили на путь новой экономической политики, прошло значительно больше со времени заключения нами первого международного договора, и, тем не менее, до сих пор этот бойкот нас всей буржуазией и всеми правительствами продолжает сказываться. Мы не могли ни на что другое рассчитывать, когда пошли на новые экономические условия, и, тем не менее, у нас не было сомнения в том, что мы должны перейти и должны добиться успеха в одиночку. Чем дальше, тем больше выясняется, что всякая помощь, которая могла бы нам быть оказана, которая будет нам оказана со стороны капиталистических держав, она не только этого условия не устранит, она, по всей вероятности, в громадном большинстве случаев, это условие еще усилит, еще обострит. «В одиночку», — мы себе сказали. «В одиночку», — говорит нам почти каждое из капиталистических государств, с которыми мы какие бы то ни было сделки совершали, с которыми мы какие бы то ни было условия завязывали, с которыми мы какие бы то ни было переговоры начинали. И вот в этом особая трудность. Нам надо эту трудность сознавать. Мы выработали свой государственный строй больше чем трехгодовой работой, невероятно тяжелой, невероятно полной героизма. В условиях, в которых мы были до сих пор, нам некогда было

разбирать — не сломаем ли мы чего лишнего, некогда было разбирать — не будет ли много жертв, потому что жертв было достаточно много, потому что борьба, которую мы тогда начали (вы прекрасно знаете, и распространяться об этом не приходится), эта борьба была не на жизнь, а на смерть против старого общественного порядка, против которого мы боролись, чтобы выковать себе право на существование, на мирное развитие. Его мы завоевали. Это не наши слова, не показания свидетелей, которые могут быть обвинены в пристрастии к нам. Это показания свидетелей, которые находятся в стане наших врагов и которые, конечно, пристрастны, но только не в нашу сторону, а совсем в другую. Эти свидетели находились в лагере Деникина, стояли во главе оккупации. И мы знаем, что их пристрастие стоило нам очень дорого, стоило многих разрушений. Мы из-за них понесли всевозможные потери, потеряли всякого рода ценности и главную ценность — человеческую жизнь в невероятно большом масштабе. Теперь мы должны, со всем вниманием присматриваясь к нашим задачам, понять, что главной задачей теперь будет — не отдавать старых завоеваний. Ни одного из старых завоеваний мы не отдадим. (Аплодисменты.) Вместе с тем мы стоим перед задачей совершенно новой; старое может оказаться прямой помехой. Эту задачу понять всего труднее. А ее нужно понять, чтобы научиться работать, когда нужно, так сказать, вывернуться совершенно наизнанку. Я думаю, товарищи, что эти слова и лозунги понятны, потому что в течение почти года, что мне пришлось отсутствовать, на разные лады, по сотням поводов, вам приходилось практически, имея дело с предметом работы в своих руках, говорить и думать об этом, и я уверен, что размышления об этом вас могут привести только к одному выводу: от нас теперь требуется еще больше той гибкости, которую мы применяли до сих пор на поприще гражданской войны.

От старого мы не должны отказываться. Целый ряд уступок, которые приноравливают нас к державам капиталистическим, — этот ряд уступок дает полную возможность вступать державам в сношения с нами, обеспечивает их прибыль, может быть, иногда бо́льшую, чем следует. В то же время мы уступаем из средств производства, которое наше государство держит почти все в своих руках, лишь небольшую часть. На-днях в газетах обсуждался вопрос о концессии, предлагаемой англичанином Уркартом, который до сих пор шел почти все время против нас в гражданской войне. Он говорил: «Мы своей цели добьемся в гражданской войне против России, против той самой России, которая посмела нас лишить того-то и того-то». И после всего этого нам пришлось вступить с ним в сношения. Мы не отказались от них, мы приняли их с величайшей радостью,

но мы сказали: «Извините, то, что мы завоевали, мы не отдадим назад. Россия наша так велика, экономических возможностей у нас так много, и мы считаем себя вправе от вашего любезного предложения не отказываться, но мы обсудим его хладнокровно, как деловые люди». Правда, первый наш разговор не вышел, ибо мы не имели возможности согласиться на его предложение по политическим мотивам. Мы должны были ответить ему отказом. Пока англичане не признавали возможности нашего участия в вопросе о проливах, о Дарданеллах, мы должны были ответить отказом, но сейчас же после этого отказа мы должны были приняться за рассмотрение этого вопроса по существу. Мы обсуждали, выгодно нам это или нет, выгодно ли нам заключать эту концессию, и если выгодно, то при каких обстоятельствах. Мы должны были поговорить о цене. Вот то, что вам, товарищи, ясно показывает, до какой степени мы теперь должны подходить к вопросам не так, как мы подходили к ним раньше. Раньше коммунист говорил: «Я отдаю жизнь», и это казалось ему очень просто, хотя это не всякий раз было так просто. Теперь же перед нами, коммунистами, стоит совершенно другая задача. Мы теперь должны все рассчитывать, и каждый из вас должен научиться быть расчетливым. Мы должны рассчитать в обстановке капиталистической, как мы свое существование обеспечим, как мы получим выгоду от наших противников, которые, конечно, будут торговаться, которые торговаться никогда и не разучивались и которые будут торговаться за наш счет. Этого мы тоже не забываем и вовсе не представляем себе, чтобы где-нибудь представители торговли превратились в агнцев и, превратившись в агнцев, предоставили нам всяческие блага задаром. Этого не бывает, и мы на это не надеемся, а рассчитываем на то, что мы, привыкши оказывать отпор, и тут, вывернувшись, окажемся способными и торговать, и наживаться, и выходить из трудных экономических положений. Вот эта задача очень трудная. Вот над этой задачей мы работаем. Я хотел бы, чтобы мы отдавали и отдали себе ясный отчет в том, насколько велика пропасть между задачами старой и новой. Как бы эта пропасть велика ни была, мы на войне научились маневрировать и должны понять, что маневр, который нам предстоит теперь, в котором мы теперь находимся, — самый трудный. Но зато маневр этот, видимо, последний. Мы должны испытать тут свою силу и доказать, что мы не только зазубрили вчерашние наши науки и повторяем зады. Извините, пожалуйста, мы начали переучиваться и будем переучиваться так, что достигнем определенного и всем очевидного успеха. Вот во имя этого переучивания, я думаю, теперь и следует нам еще раз дать друг другу твердое обещание, что мы под названием новой экономической поли-

тики повернули назад, и повернули назад так, чтобы ничего нового не отдать, и в то же время, чтобы капиталистам дать такие выгоды, которые заставят любое государство, как бы оно враждебно ни было по отношению к нам, пойти на сделки и сношения с нами. Тов. Красин, который много раз беседовал с Уркартом, этим главой и опорой всей интервенции, говорил, что Уркарт, после всех попыток навязать нам старый строй во что бы то ни стало, по всей России, садится за стол вместе с ним, Красиным, и начинает говорить: «А почем? А сколько? А на сколько лет?». (Аплодисменты.) От этого еще довольно далеко к тому, чтобы мы ряд концессионных сделок заключили и вступили, таким образом, в совершенно точные, непоколебимые — с точки зрения буржуазного общества — договорные отношения, но мы уже видим теперь, что мы к этому подходим, почти подошли, но еще не пришли. Это, товарищи, надо признать и не зазнаваться. Еще далеко не достигнуто в полной мере то, что сделает нас сильными, самостоятельными, спокойно уверенными в том, что никаких капиталистических сделок мы не боимся, спокойно уверенными в том, что как бы сделка ни была трудна, а мы ее заключим, вникнем в существо и ее разрешим. Поэтому работа в этой области, — и политическая и партийная, — которая нами начата, должна быть продолжена, поэтому нужно, чтобы от старых приемов мы перешли к приемам совершенно новым...

«Правда» № 263, 21 ноября 1922 г.

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 33, стр. 397—404.

ЗАМЕТКИ ПО ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ НАШЕЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ГААГЕ [192]

По вопросу о борьбе с опасностью войны в связи с конференцией в Гааге я думаю, что самой большой трудностью является преодоление того предрассудка, что этот вопрос простой, ясный и сравнительно легкий.

— Ответим на войну стачкой или революцией, — так говорят обыкновенно все виднейшие вожди реформистов рабочему классу. И очень часто кажущаяся радикальность этих ответов удовлетворяет и успокаивает рабочих, кооператоров и крестьян.

Может быть, самый правильный прием состоял бы в том, чтобы начать с самого резкого опровержения подобного мнения. Заявить, что особенно теперь, после недавней войны, только самые глупые или безнадежно лживые люди могут уверять, что подобный ответ на вопрос о борьбе против войны куда-нибудь годится. Заявить, что «ответить» на войну стачкой невозможно, точно так же, как невозможно «ответить» на войну революцией в простейшем и буквальном смысле этих выражений.

Надо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается, и как беспомощна обычная организация рабочих, хотя и называющая себя революционной, перед лицом действительно надвигающейся войны.

Надо объяснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны и почему оно не могло обстоять иначе.

Надо объяснить, в особенности, значение того обстоятельства, что «защита отечества» становится неизбежным вопросом, который громадное большинство трудящихся будет неизбежно решать в пользу своей буржуазии.

Поэтому разъяснение вопроса о «защите отечества», во-первых; во-вторых, в связи с этим, разъяснение вопроса о «пораженчестве» и, наконец, разъяснение единственно возможного способа борьбы против войны, именно сохранение и образование нелегальной организации для *длительной* работы

против войны всех участвующих в войне революционеров — все это должно быть выдвигаемо на первый план.

Бойкот войны — глупая фраза. Коммунисты должны идти на любую реакционную войну.

Желательно на примерах хотя бы немецкой литературы перед войной и, в частности, на примерах Базельского конгресса 1912 г. показать с особенной конкретностью, что теоретическое признание того, что война преступна, что война недопустима для социалиста и т. п., оказывается пустыми словами, потому что никакой конкретности в подобной постановке вопроса нет. Никакого действительно жизненного представления о том, как война может надвинуться и надвинется, мы не даем массам. Напротив, господствующая пресса каждый день в необъятном числе экземпляров затушевывает этот вопрос и распространяет относительно него такую ложь, против которой слабая социалистическая пресса совершенно бессильна, тем более, что и в мирное время она держится по этому пункту в корне неправильных взглядов. Коммунистическая пресса в большинстве стран наверное осрамится тоже.

Я думаю, что нашим делегатам на международном конгрессе кооператоров и тред-юнионистов следовало бы разделить между собою задачи и разобрать все те софизмы, которыми оправдывают войну в настоящее время, с самой детальной подробностью.

Может быть, самым главным средством привлечения масс к войне являются именно те софизмы, которыми буржуазная пресса оперирует, и самым важным обстоятельством, объясняющим наше бессилие против войны, является то, что мы либо этих софизмов не разбираем заранее, либо, еще больше, отделываемся по отношению к ним дешевой, хвастливой и совершенно пустой фразой, что мы войны не допустим, что мы вполне понимаем преступность войны и т. п. в духе Базельского манифеста 1912 года.

Мне кажется, что если у нас будет на Гаагской конференции несколько человек, способных на том или другом языке сказать речь против войны, то всего важнее будет опровергнуть мнение о том, будто присутствующие являются противниками войны, будто они понимают, как война может и должна надвинуться на них в самый неожиданный момент, будто они сколько-нибудь сознают способ борьбы против войны, будто они сколько-нибудь в состоянии предпринять разумный и достигающий цели путь борьбы против войны.

В связи с недавним опытом войны мы должны разъяснить, какая масса и теоретических и житейских вопросов станет на другой день после объявления войны, отнимая всякую возможность у громадного большинства призываемых относиться

к этим вопросам со сколько-нибудь ясной головой и сколько-нибудь добросовестной непредубежденностью.

Я думаю, что разъяснять этот вопрос надо с необыкновенной подробностью и разъяснять его надо двояко:

Во-первых, рассказывая и анализируя, что было во время предыдущей войны, и заявляя всем присутствующим, что они этого не знают, или что они притворяются знающими это, на самом же деле закрывают глаза на то, в чем состоит самый гвоздь вопроса, без знания которого ни о какой борьбе против войны не может быть и речи. По этому пункту, я думаю, необходим разбор всех оттенков, всех мнений, которые среди русских социалистов возникли тогда по поводу войны. Необходимо доказать, что эти оттенки возникли не случайно, а будучи порождены самой природой современных войн вообще. Необходимо доказать, что без анализа этих мнений и без разъяснения того, как они неизбежно возникают и как они имеют решающее значение для вопроса о борьбе с войной, без такого анализа ни о какой подготовке к войне и даже о сознательном отношении к ней не может быть и речи.

Во-вторых, надо взять примеры теперешних конфликтов, хотя бы и самых ничтожных, и разъяснить на их примере, как война может возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой-нибудь детали их договора с Турцией, или между Америкой и Японией из-за пустяковинного разногласия по любому тихоокеанскому вопросу, или между любыми крупными державами из-за колониальных споров или из-за споров об их таможенной или вообще торговой политике и т. д. и т. д. Мне сдается, что если будут малейшие сомнения насчет возможности вполне свободно сказать всю свою речь против войны в Гааге, то следует обдумать ряд хитростей для того, чтобы сказать хотя бы только главное, а затем издать то, что не удастся досказать, брошюрой. Надо идти на то, чтобы председатель оборвал.

Я думаю, что для этой же цели в делегацию должны быть приглашены кроме ораторов, способных и обязанных сказать речь против войны в целом, т. е. развивая все главные доводы и все условия борьбы против войны, — еще владеющие всеми тремя главными иностранными языками люди, которые посвящали бы себя разговорам с делегатами и выяснению того, насколько ими поняты основные доводы и насколько есть надобность в постановке тех или иных аргументов или привлечении примеров.

Может быть, по ряду вопросов способно оказать серьезное действие только привлечение фактических примеров из области прошлой войны. Может быть, по ряду других вопросов серьезное действие можно оказать лишь разъяснением совре-

менных конфликтов между государствами и их связи с возможным вооруженным столкновением.

По вопросу о борьбе с войной мне помнится, что есть целый ряд заявлений наших коммунистических депутатов, как в парламентах, так и в речах вне парламентов, заявлений такого рода, которые содержат в себе чудовищно неправильные и чудовищно легкомысленные вещи насчет борьбы с войной. Я думаю, что против подобных заявлений, особенно если они делались уже после войны, надо выступить со всей решительностью и беспощадно называя имена каждого подобного оратора. Можно смягчить как угодно, особенно если это нужно, свой отзыв о таком ораторе, но нельзя пройти молчанием ни одного подобного случая, ибо легкомысленное отношение к этому вопросу есть такое зло, которое перевешивает все остальное и к которому быть снисходительным абсолютно невозможно.

Есть ряд решений рабочих съездов, беспардонно глупых и легкомысленных.

Надо собрать немедленно все и всякие материалы и обстоятельно обсудить и все отдельные части и частицы темы и всю «стратегию» на съезде.

С нашей стороны будет нетерпима по такому вопросу не только ошибка, но и существенная неполнота.

4/XII. 1922.

Впервые напечатано 26 апреля 1924 г. в газете «Правда» № 96 Подпись: Ленин

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 33, стр. 409—413.

О МОНОПОЛИИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ [193]

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ ДЛЯ ПЛЕНУМА ЦК

Я считаю самым важным разобрать письмо т. Бухарина. В первом пункте он говорит, что «ни у Ленина, ни у Красина нет ни звука о тех бесчисленных убытках, которые несет хозяйство страны от неработоспособности НКВТ, вытекающей из его «принципиальной» структуры, нет ни слова об убытках, которые происходят от того, что мы сами не в состоянии (и долгое время не будем в состоянии по причинам вполне понятным) мобилизовать крестьянский товарный фонд и пустить его в международный товарооборот».

Это утверждение прямо неверное, ибо у Красина ясно сказано в параграфе II-ом об образовании смешанных обществ, которые представляют из себя способ, во-первых, мобилизовать крестьянский товарный фонд и, во-вторых, заполучить прибыли от этой мобилизации не меньше, чем наполовину в нашу государственную казну. Обходит, таким образом, суть вопроса именно Бухарин, который не хочет видеть того, что «мобилизация крестьянского товарного фонда» даст доход целиком и исключительно в руки нэпманов. Вопрос состоит в том, будет ли наш НКВТ работать на пользу нэпманов, или он будет работать на пользу пролетарского государства. Это такой коренной вопрос, из-за которого безусловно можно и должно побороться на партийном съезде.

Вопрос о неработоспособности НКВТ, по сравнению с этим первым, основным, принципиальным вопросом является совершенно подчиненным, ибо неработоспособность эта не больше и не меньше, чем неработоспособность всех наших наркоматов, зависящая от их общей социальной структуры и требующая от нас длинных годов упорнейшей работы по поднятию просвещения и уровня вообще.

Второй пункт тезисов Бухарина заявляет, что «такие пункты, как, например, § 5 красинских тезисов, целиком применимы и к концессиям вообще». Это, опять-таки, самая вопиющая неправда, ибо 5-й тезис Красина утверждает, что «в де-

ревне будет искусственно введен самый злостный эксплуататор, скупщик, спекулянт, агент заграничного капитала, орудующий долларом, фунтом, шведской кроной». Ничего подобного не вытекает из концессий, в которых мы предусматриваем не только территорию, но и особое разрешение торговли особыми предметами, и еще, главное, мы держим в своих руках торговлю теми или иными предметами, сданными в концессию; не возразив ни единого слова против доводов Красина, что мы не удержим свободной торговли в рамках, которые намечает решение пленума 6. X., что у нас вырвут из рук торговлю силой напора не только контрабандистов, но всего крестьянства, не ответив на этот основной экономический и классовый довод ни одного звука, Бухарин выдвигает против Красина обвинения, которые поражают своей несостоятельностью.

В третьем пункте своего письма Бухарин пишет: «§ 3 Красина». (Он обмолвкой называет 3 вместо 4.) «Наша граница держится», и он спрашивает: «Что это значит? Это значит реально, что ничего не делается. Точь в точь как магазин с хорошей общественной вывеской, в котором ничего нет (система Главзапора)». Красин совершенно определенно говорит, что наша граница держится не столько таможенной или пограничной охраной, сколько существованием монополии внешней торговли. На этот ясный, прямой и бесспорный факт Бухарин не возражает и не может возразить ни одного слова. Выражение «система Главзапора» принадлежит к тому характеру выражений, на которые Маркс отвечал в свое время выражением «фритредер-вульгарис»*, ибо ничего, кроме совершенно вульгарной фритредерской фразы, здесь нет.

Далее, в четвертом пункте Бухарин обвиняет Красина, будто он не видит, что мы должны идти к совершенствованию нашей таможенной политики, и рядом с этим обвиняет меня, будто я ошибаюсь, говоря о надзирателях по всей стране, когда речь идет на самом деле и только о ввозных и вывозных пунктах. Опять-таки здесь возражения Бухарина поражают легкомыслием и бьют мимо цели, ибо совершенствование нашей таможенной политики Красин не только видит, не только признает полностью, но и указывает с точностью, не допускающей ни тени сомнения. Именно, это усовершенствование состоит в том, что мы приняли систему монополии внешней торговли, во-первых, и, во-вторых, систему образования смешанных обществ.

Бухарин не видит, — это самая поразительная его ошибка, причем чисто теоретическая, — что никакая таможенная поли-

* — вульгарное фритредерство (фритредерство — система свободной торговли). *Ред.*

тика не может быть действительной в эпоху империализма и чудовищной разницы между странами нищими и странами невероятно богатыми. Несколько раз Бухарин ссылается на таможенную охрану, не видя того, что в указанных условиях полностью сломить эту охрану может любая из богатых промышленных стран. Для этого ей достаточно ввести вывозную премию за ввоз в Россию тех товаров, которые обложены у нас таможенной премией. Денег для этого у любой промышленной страны более, чем достаточно, а в результате такой меры любая промышленная страна сломит нашу туземную промышленность наверняка.

Поэтому все рассуждения Бухарина о таможенной политике на практике означают не что иное, как полнейшую беззащитность русской промышленности и прикрытый самой легкой вуалью переход к системе свободной торговли. Против этого мы должны бороться изо всех сил и бороться вплоть до партийного съезда, ибо ни о какой серьезной таможенной политике сейчас, в эпоху империализма, не может быть и речи, кроме системы монополии внешней торговли.

Обвинение Бухариным Красина (в пункте пятом), будто он не понимает всей важности усиления циркуляции, совершенно опровергается тем, что сказано у Красина о смешанных обществах, ибо эти смешанные общества никакой иной цели не преследуют, как именно усиление циркуляции с сохранением реальной, а не фиктивной, как при таможенной охране, охраны нашей русской промышленности.

Если, далее, в шестом пункте, возражая мне, Бухарин пишет, будто ему не важно, что крестьянин заключит выгоднейшую сделку и будто борьба будет идти не между крестьянином и Советской властью, а между Советской властью и экспортером, то это, опять-таки, в корне неправильно, ибо экспортер при указанных, например, мною разницах в ценах (лен стоит в России 4 р. 50, а в Англии 14 р.) мобилизует вокруг себя все крестьянство самым быстрым, верным и несомненным образом. На практике Бухарин становится на защиту спекулянта, мелкого буржуа и верхушек крестьянства против промышленного пролетариата, который абсолютно не в состоянии воссоздать своей промышленности, сделать Россию промышленной страной без охраны ее никоим образом не таможенной политикой, а только исключительно монополией внешней торговли. Всякий иной протекционизм в условиях современной России есть совершенно фиктивный, бумажный протекционизм, который ничего пролетариату не дает. Поэтому, с точки зрения пролетариата и его промышленности, данная борьба имеет самое коренное, принципиальное значение. Система смешанных обществ есть единственная система, которая в состоянии действительно

улучшить плохой аппарат НКВТ, ибо при этой системе работают рядом и заграничный и русский купец. Если мы не сумеем даже при таких условиях подучиться и научиться и вполне выучиться, тогда наш народ совершенно безнадежно народ дураков.

Если же мы будем разговаривать о «таможенной охране», то это значит, что мы будем засорять себе глаза насчет опасностей, указанных Красиным с полной ясностью и ни в одной своей части не опровергнутых Бухариным.

Добавлю еще, что частичное открытие границ несет с собою серьезнейшие опасности в отношении валюты, ибо мы попадем практически в положение Германии, несет с собою серьезнейшие опасности в смысле проникновения в Россию, без малейшей возможности контроля для нас, мелкой буржуазии и всяческих агентов заграничной России.

Пользоваться смешанными обществами, чтобы серьезно и длительно учиться, — таков единственный путь к восстановлению нашей промышленности.

Ленин

13. XII. 1922 г.

Впервые полностью напечатано в 1930 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 2—3 (97—98)

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 33, стр. 417—420.

ИЗ РАБОТЫ

«КАК НАМ РЕОРГАНИЗОВАТЬ РАБКРИН
(ПРЕДЛОЖЕНИЕ XII СЪЕЗДУ ПАРТИИ)» [194]

Несомненно, что Рабкрин представляет для нас громадную трудность и что трудность эта до сих пор не решена. Я думаю, что те товарищи, которые решают ее, отрицая пользу или надобность Рабкрина, неправы. Но я не отрицаю в то же время, что вопрос о нашем госаппарате и его улучшении представляется очень трудным, далеко не решенным и в то же время чрезвычайно насущным вопросом.

Наш госаппарат, за исключением Наркоминдела, в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям. Он только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым из нашего старого госаппарата. И вот, чтобы поискать способ действительно обновить его, надо обратиться, мне кажется, за опытом к нашей гражданской войне.

Как мы действовали в более опасные моменты гражданской войны?

Мы сосредоточивали лучшие наши партийные силы в Красной Армии; мы прибегали к мобилизации лучших из наших рабочих; мы обращались за поисками новых сил туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры.

В этом же направлении нам следует, по моему убеждению, искать источник реорганизации Рабкрина...

«Правда» № 16, 25 января 1923 г.
Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, изд. 4, т. 33, стр. 440.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В первом издании «Развития капитализма в России» (1899 год) эта глава называлась «Справки с теорией». — *7.*

[2] *Волгин* — псевдоним Г. В. Плеханова. Цитируемая работа вошла в IX том его Сочинений. — *8.*

[3] См. очерк Глеба Успенского «На Кавказе». Полное собрание сочинений, т. II, 1918. — *12.*

[4] Речь идет о восстании в Индии, начавшемся в 1857 году. Восстание носило национально-освободительный характер; было подавлено в 1859 году. — *15.*

[5] Англо-бурская война (октябрь 1899 года — май 1902 года), в результате которой две южноафриканские республики — Трансвааль и Оранжевая — стали колониями Великобритании. — *15.*

[6] Подготовительные материалы к статье «Падение Порт-Артура»: несколько вариантов плана статьи, многочисленные выписки из иностранной прессы и др. напечатаны в Ленинских сборниках V, 1929, стр. 57—59; XVI, 1931, стр. 37—42 и XXVI, 1934, стр. 242—251. — *23.*

[7] *Алексеев, Е. И.* — адмирал, с 1903 года царский наместник на Дальнем Востоке. — *26.*

[8] «*The Times*» («Времена») — ежедневная газета, основанная в 1785 году в Лондоне; одна из крупных консервативных газет английской буржуазии. — *26.*

[9] «*Революционная Россия*» — газета эсеров, выходила с конца 1900 по 1905 год; с января 1902 года — центральный орган партии эсеров. — *27.*

[10] «*Угрюм-Бурчеев*» — тип тупого и ограниченного сановника, выведенный в произведении М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города».

Петербургскими Угрюм-Бурчеевыми Ленин называет представителей дворцовой клики царя Николая II. — *30.*

[11] «*План чтения о Коммуне*» является планом доклада Ленина о Парижской Коммуне, прочитанного им 5 (18) марта 1905 года в Женеве для русской колонии политических эмигрантов. — *31.*

[12] Ф. Энгельс в введении к «Гражданской войне во Франции» К. Маркса, анализируя положение Франции после июньского восстания 1848 года, писал: «Если пролетариат *еще* не мог, то буржуазия *уже* не могла править Францией» (К. Маркс. «Гражданская война во Франции», 1940, стр. 10). — *31.*

[13] Здесь и ниже Ленин ссылается на немецкое издание брошюры К. Маркса «Гражданская война во Франции», вышедшее в Берлине в 1891 году. — *31.*

[14] Ленин здесь проводит аналогию между палачами Парижской Коммуны 1871 года и палачами первой русской революции 1905 года.

Трепов, Д. Ф. — петербургский генерал-губернатор; руководил подавлением первой русской революции.

Васильчиков, С. И., князь — царский генерал; 9 (22) января 1905 года командовал царскими войсками в Петербурге, расстреливавшими мирную демонстрацию рабочих. — *32.*

[15] Здесь и ниже Ленин ссылается на книгу: Weill, G. «Histoire du mouvement social en France 1852—1902», Paris, 1904 (Вейль, Ж. «История социального движения во Франции 1852—1902», Париж, 1904). — *32.*

[16] Цифры жертв Коммуны приведены по изданной в 1896 году в Париже книге Lissagaray «Histoire de la Commune de 1871» (см. русский перевод: Лиссагарэ. «История Коммуны 1871 г.», М., книгоиздательство Е. Д. Мягкова «Колокол», 1905, стр. 522). — *33.*

[17] *«Гражданин»* — реакционная газета, издававшаяся в Петербурге с 1872 по 1914 год; основана князем В. П. Мещерским. С 80-х годов XIX века являлась органом крайних монархистов. Существовала главным образом за счет субсидий царского правительства. — *35.*

[18] *Булыгин* — царский министр внутренних дел; автор проекта закона о Государственной думе, представлявшей карикатуру на народное представительство (см. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 8, стр. 320—324). — *39.*

[19] Статья *«Современное положение России и тактика рабочей партии»* была напечатана в № 1 «Партийных Известий».

«Партийные Известия» — газета, орган Объединенного ЦК РСДРП, созданного после слияния большевистского Центрального Комитета и меньшевистской Организационной комиссии, в соответствии с решением Таммерфорсской конференции. Газета выходила нелегально в Петербурге накануне IV (Объединительного) съезда партии. Редакция «Партийных Известий» была создана из равного числа редакторов большевистского («Пролетарий») и меньшевистского (новая «Искра») органов. От большевиков в нее входили Ленин, Луначарский и другие. Вышло 2 номера газеты: в феврале и марте 1906 года. В № 2 «Партийных Известий» была напечатана статья Ленина «Русская революция и задачи пролетариата» за подписью «Большевик». После IV (Объединительного) съезда РСДРП, в связи с выпуском большевиками и меньшевиками своих органов, издание «Партийных Известий» было прекращено. — *51.*

[20] *Ляхов, В. П.* — полковник царской армии, командовал русскими войсками, подавлявшими национально-революционное движение в Персии в 1908 году. — *62.*

[21] *«L'Humanité»* («Человечество») — ежедневная газета, основанная Ж. Жоресом в 1904 году как орган Французской социалистической партии. Вскоре после раскола социалистической партии на конгрессе в декабре 1920 года и образования Коммунистической партии Франции газета стала ее органом. «Юманите» выходит в Париже и в настоящее время как Центральный орган Коммунистической партии. — *64.*

[22] *Берлинский трактат* — договор, утвержденный 13 июля (н. ст.) 1878 года конгрессом представителей правительств России, Англии, Австро-Венгрии, Германии, Франции, Италии и Турции после русско-турецкой войны 1877—1878 годов. — *69.*

[23] *«Новое Время»* — ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 года по октябрь 1917 года. Вначале умеренно-либеральная, с 1876 года она превратилась в орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. Газета вела борьбу не только против революционного, но и против либерально-буржуазного движения. С 1905 года стала одним из органов черносотенцев. Ленин называл «Новое Время» образцом продажных газет. — *72.*

[24] *Шестая («Пражская») Всероссийская конференция РСДРП* происходила 5—17 (18—30) января 1912 года. На конференции было представлено свыше 20 партийных организаций. Конференция имела формально значение съезда партии. Ленин выступал на конференции с речью о конституировании конференции, с докладами о современном моменте и задачах партии, о работе Международного социалистического бюро, о задачах социал-демократии в борьбе с голодом, по организационному вопросу, о работе Центрального Органа «Социал-Демократ» и по другим вопросам. Докладчиком о работе Российской организационной комиссии по созыву конференции выступал Г. К. Орджоникидзе. По предложению Ленина конференция отметила громадное значение работы, проведенной РОК.

Из двадцати трех заседаний конференции пять заседаний были посвящены обсуждению докладов с мест. Сохранились записи Ленина по докладам о состоянии партийной работы в организациях: Петербурга, Екатеринослава, Николаева, Сухума, Поти, Батума, Кутаиса, Чиатур, Гори, Тифлиса, Баку, Одессы, Харькова, Ростова-на-Дону, Киева. Лениным написаны проекты резолюций по важнейшим вопросам порядка дня конференции.

Постановлением конференции меньшевики-ликвидаторы были изгнаны из партии, навсегда было покончено с формальным объединением большевиков в одной партии с меньшевиками. Пражская конференция оформила большевиков в самостоятельную партию. Конференция избрала Центральный Комитет в составе В. И. Ленина, Г. К. Орджоникидзе, С. С. Спандаряна и других. На заседании ЦК заочно был кооптирован в члены ЦК И. В. Сталин, находившийся в те времена в ссылке; позднее был кооптирован Я. М. Свердлов. На случай ареста членов ЦК для кооптации в состав ЦК были выдвинуты: М. И. Калинин, С. Т. Шаумян, Е. Д. Стасова, А. С. Бубнов. Для руководства партийной работой в России было создано Русское бюро ЦК, в которое вошли Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталин, С. С. Спандарян. Деятельность Русского бюро направлял В. И. Ленин. — *77.*

[25] См. А. С. Грибоедов. «Горе от ума». Сочинения, 1945, стр. 11. — *80.*

[26] *«Die Neue Zeit»* («Новое Время») — журнал германской социал-демократии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. В 1885—1895 годах

в «Die Neue Zeit» были опубликованы некоторые статьи Ф. Энгельса. Он часто давал указания редакции журнала и резко критиковал ее за отступления от марксизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, журнал систематически печатал статьи ревизионистов. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) занимал центристскую, каутскианскую позицию, поддерживал социал-шовинистов. — *107.*

[27] См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1953, стр. 768, или К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVII, 1937, стр. 836. — *109.*

[28] Речь идет о центральном органе польской социально-демократической партии Галиции и Силезии — газете «*Naprzód*» («Вперед»), выходившей в Кракове с 1892 года. — *116.*

[29] Ленин имеет в виду воспоминания В. Либкнехта о Марксе (см. сборник «Воспоминания о Марксе», 1940, стр. 82). — *125.*

[30] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIV, 1931, стр. 348. — *125.*

[31] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI, 1932, стр. 210—211. — *125.*

[32] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 148, 178, 179. — *126.*

[33] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, 1932, стр. 413—414. — *126.*

[34] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, 1932, стр. 488. — *127.*

[35] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIV, 1931, стр. 133, 240—241 и 233. — *127.*

[36] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIV, 1931, стр. 250. — *128.*

[37] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 230, 231. — *128.*

[38] Ленин приводит цитату из романа Чернышевского «Пролог» (см. Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения, т. V, 1932, стр. 488). — *135.*

[39] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1935, стр. 223. — *136.*

[40] Брошюра «*Социализм и война*» была издана в сентябре 1915 года на немецком языке и роздана делегатам Циммервальдской конференции социалистов; в 1916 году издана на французском языке. — *138.*

[41] См. Клаузевиц. «О войне», т. I, изд. 5-е, 1941, стр. 43. — *142.*

[42] Книга «*Империализм, как высшая стадия капитализма*» была написана в первой половине 1916 года. К изучению мировой литературы по империализму Ленин приступил еще в Берне в 1915 году, к написанию книги — в январе 1916 года. В конце января этого года Ленин переехал в Цюрих и продолжал работать над книгой в Цюрихской кантональной библиотеке. Выписки, конспекты, заметки, таблицы, сделанные Лениным из сотен иностранных книг, журналов, газет и статистических сборников, составляют более 40 печатных листов.

Материалы эти изданы в 1939 году отдельным сборником под названием «Тетради по империализму».

19 июня (2 июля) 1916 года Ленин закончил работу и отправил рукопись в издательство «Парус». Меньшевистские элементы, сидевшие в издательстве, удалили из книги резкую критику оппортунистических теорий Каутского и русских меньшевиков (Мартова и др.). Ленинское слово «перерастание» (капитализма в капиталистический империализм) заменили словом «превращение», «реакционный характер» (теории «ультраимпериализма») — словами «отсталый характер» и т. д. Под заглавием «Империализм, как новейший этап капитализма» книга была отпечатана издательством «Парус» к началу 1917 года в Петрограде.

По приезде в Россию, Ленин написал предисловие к книге. В середине 1917 года книга вышла в свет. — *163.*

[43] Настоящее предисловие впервые было опубликовано под заглавием «Империализм и капитализм» в № 18 журнала «Коммунистический Интернационал», вышедшем в октябре 1921 года. — *164.*

[44] *«Независимая с.-д. партия Германии»* — центристская партия, созданная в апреле 1917 года. Основную часть партии составила каутскианская организация «Трудовое содружество». «Независимцы» проповедывали «единство» с открытыми социал-шовинистами, оправдывали и защищали их, требовали отказа от классовой борьбы.

В октябре 1920 года на съезде Независимой социал-демократической партии в Галле произошел раскол. Значительная часть ее в декабре 1920 года объединилась с Коммунистической партией Германии. Правые элементы образовали отдельную партию и приняли старое название Независимой социал-демократической партии, просуществовавшей до 1922 года. — *167.*

[45] *Спартаковцы* — члены союза «Спартак», образовавшегося в период первой мировой войны. В начале войны из германских левых социал-демократов сложилась группа «Интернационал», руководимая К. Либкнехтом, Р. Люксембург, Ф. Мерингом, К. Цеткин и др. Эта группа стала также называться союзом «Спартак». Спартаковцы вели революционную пропаганду в массах против империалистической войны, разоблачали захватническую политику германского империализма и предательство вождей социал-демократии. Но спартаковцы, германские левые не освободились от полуменьшевистских ошибок в важнейших вопросах теории и политики: развивали полуменьшевистскую теорию империализма, отвергали принцип самоопределения наций в его марксистском понимании (т. е. вплоть до отделения и образования самостоятельных государств), отрицали возможность национально-освободительных войн в эпоху империализма, недооценивали роль революционной партии, преклонялись перед стихийностью движения. Критика ошибок германских левых дана в произведениях В. И. Ленина «О брошюре Юниуса» (см. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 22, стр. 291—305), «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»» и др. и в письме И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» (см. И. В. Сталин, «Вопросы ленинизма», 11 изд., стр. 350—361). В 1917 году спартаковцы вошли в центристскую партию «независимцев», сохранив свою организационную самостоятельность. После ноябрьской революции 1918 года в Германии спартаковцы порвали с «независимцами» и в декабре того же года основали Коммунистическую партию Германии. — *168.*

[46] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 105. — *206.*

[47] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIV, 1931, стр. 529, 530. — *206.*

[48] *Спектатор* — меньшевик С. М. Нахимсон. — *210.*

[49] См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1953, стр. 126, или К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIX, ч. I, 1939, стр. 126—127. — *211.*

[50] *Боксерское восстание* — народное восстание в 1900 году в Китае против господства иностранных империалистов; прозвано «боксерским» по названию одного из организовавших восстание китайских тайных обществ — «Большой кулак». Восстание было жестоко подавлено объединенным карательным корпусом империалистических держав во главе с германским генералом Вальдерзее. Большую роль в разгроме восстания играли германские, японские и англо-американские империалисты. В 1901 году Китай вынужден был подписать так называемый «заключительный протокол», согласно которому на страну налагалась огромная контрибуция и Китай окончательно превращался в полуколонию иностранного империализма. — *216.*

[51] Речь идет о статье П. Киевского (Ю. Пятакова) о праве наций на самоопределение, которую Ленин предполагал напечатать в № 3 «Сборника Социал-Демократа». В этом же номере сборника должна была пойти статья Ленина «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»», разоблачавшая оппортунистическую позицию Пятакова. Издание № 3 «Сборника Социал-Демократа» не осуществилось. — *224.*

[52] Настоящие тезисы были написаны Лениным для швейцарских левых социал-демократов во время подготовки к чрезвычайному съезду швейцарской социал-демократической партии; созыв съезда предполагался в феврале 1917 года для решения вопроса об отношении социалистов к войне. О съезде см. в произведениях В. И. Ленина: «Открытое письмо к Шарлю Нэну, члену Международной социалистической комиссии в Берне», «История одного маленького периода в жизни одной социалистической партии» (см. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 23, стр. 220, 278—281). — *234.*

[53] Статью *«Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический»* Ленин предполагал напечатать в газете «Новый Мир», издававшейся в Нью-Йорке русскими социалистами-эмигрантами. Но в этой газете статья не была напечатана. Две первые главы этой статьи, в переработанном виде, были напечатаны в последнем, 58-м, номере газеты «Социал-Демократ» под заглавием «Поворот в мировой политике» (см. настоящий сборник, стр. 245—250). — *236.*

[54] *«Черновой проект тезисов обращения к Интернациональной социалистической комиссии и ко всем социалистическим партиям»* был написан в первых числах января (н. ст.) 1917 года. На рукописи под заголовком имеется надпись Ленина: «(для посылки в J. S. K. и для печати)».

7 января (н. ст.) 1917 года председатель Интернациональной социалистической комиссии Р. Гримм, занимавший каутскианскую позицию, провел, вопреки швейцарским левым, в Правлении швейцарской социал-демократической партии решение об отсрочке созыва

чрезвычайного съезда на неопределенное время. Происходившая в этот же день в Берлине конференция германской социал-демократии приняла пацифистский манифест Каутского. Эти события означали открытый переход правых циммервальдистов на сторону социал-шовинистов. В связи с этим Ленин внес в проект ряд изменений, но потом решил отложить его опубликование и сделал на нем пометку «писано до 7. I. 1917 и потому частью устарело». Позднее, на основе этого проекта, Ленин написал обращение «К рабочим, поддерживающим борьбу против войны и против социалистов, перешедших на сторону своих правительств» (см. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 23, стр. 221—227). — *240.*

[55] «*Le Populaire*» («Народная Газета») — газета, основанная французскими социалистами-центристами; издавалась с 1916 года в Лиможе, с июля 1917 года в Париже. С 1921 года газета стала органом Французской социалистической партии. В настоящее время газета находится в руках правых социалистов — агентуры реакционных кругов французской буржуазии и империалистов США. — *245.*

[56] Имеются в виду напечатанные в № 57 газеты «Социал-Демократ»: письмо Гучкова от 15 (28) августа 1916 года начальнику генерального штаба верховного главнокомандующего, генералу Алексееву, и выдержки из речи министра внутренних дел Германии, Гельфериха, произнесенной в рейхстаге в ответ на запрос оппозиции о многочисленных арестах социал-демократов.

Письмо Гучкова выражало страх русской буржуазии перед нарастающей революцией и недовольство правительством, неспособным предотвратить наступление революции.

Смысл речи Гельфериха сводился к тому, что лучше предупредить наступление революции, арестовав ее вождей, чем допустить революцию. — *246.*

[57] Имеется в виду обращение «Ко всем примыкающим партиям и группам», принятое расширенным совещанием Интернациональной социалистической комиссии в феврале 1916 года. В обращении дана резкая критика социал-шовинистов и социал-шовинистической позиции Международного социалистического бюро. Попытки лидеров МСБ восстановить II Интернационал путем «взаимной амнистии» социалистов в обращении названы «заговором против социализма». Обращение требовало от социалистов отказа от голосования за военные кредиты и призывало их организовывать стачки, демонстрации, братание в траншеях и применять другие формы революционной борьбы против империалистической войны. Обращение I. S. K. было напечатано в № 3 «Internationale Sozialistische Kommission zu Bern. Bulletin» («Интернациональная Социалистическая Комиссия в Берне. Бюллетень») 29 февраля 1916 года и в № 52 газеты «Социал-Демократ» 25 марта 1916 года. — *248.*

[58] Статья *«О задачах пролетариата в данной революции»*, опубликованная в «Правде» № 26 от 7 апреля 1917 года за подписью *И. Ленин*, содержит знаменитые Апрельские тезисы В. И. Ленина, которые он зачитывал на двух собраниях 4 (17) апреля 1917 года (на собрании большевиков и на объединенном собрании большевиков и меньшевиков — делегатов Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов) в помещении Таврического дворца. Статья была перепечатана большевистскими газетами «Социал-Демократ» (Москва),

«Пролетарий» (Харьков), «Красноярский Рабочий» (Красноярск), «Вперед» (Уфа), «Бакинский Рабочий» (Баку), «Кавказский Рабочий» (Тифлис) и другими. — *251.*

59 *«Единство»* — ежедневная газета, выходила в Петрограде с марта по ноябрь 1917 года, а также в декабре 1917 года и январе 1918 года под другим названием; редактировалась Г. В. Плехановым. Объединяла крайне правую группу меньшевиков-оборонцев и безоговорочно поддерживала буржуазное Временное правительство; вела яростную борьбу против партии большевиков. — *254.*

60 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1952, стр. 1—2, 474—488; т. II, 1948, стр. 32, 443—445. — *254.*

61 Статья *«Как мы доехали»* представляет собой доклад Ленина Исполнительному комитету Петроградского Совета, представленный на следующий день после приезда в Петроград, 4 (17) апреля 1917 года, по поручению эмигрантов, вернувшихся вместе с Лениным из Швейцарии. — *256.*

62 *«Наше Слово»* — ежедневная меньшевистско-троцкистская газета; издавалась в Париже с января 1915 года по сентябрь 1916 года. — *256.*

63 *Организационный комитет РСДРП* — руководящий центр меньшевиков; образовался в 1912 году на августовской конференции меньшевиков-ликвидаторов и всех антипартийных групп и течений; действовал до выборов ЦК меньшевистской партии в августе 1917 года. — *256.*

64 *«Речь»* — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге с февраля 1906 года; закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года; выходила под другими названиями по август 1918 года. — *257.*

65 *Манифестом Совета рабочих и солдатских депутатов* Ленин называет обращение Петроградского Совета «К народам всего мира», которое было принято на заседании Совета 14 (27) марта 1917 года и на следующий день опубликовано в центральных газетах. Эсеро-меньшевистские вожди вынуждены были принять это обращение под давлением революционных масс, требовавших окончания войны.

Обращение призывало трудящихся воюющих стран к выступлениям в пользу мира. Однако оно не разоблачало захватнического характера войны, не выдвигало практических мер борьбы за мир и по существу оправдывало продолжение империалистической войны буржуазным Временным правительством. — *257.*

66 Имеется в виду декларация Временного правительства о войне, опубликованная в центральных газетах 28 и 29 марта (10 и 11 апреля) 1917 года. — *258.*

67 *Военным съездом в Минске* Ленин называет съезд военных и рабочих депутатов армии и тыла Западного фронта, происходивший в Минске с 7 по 16 (20—29) апреля 1917 года. На съезде присутствовало около 1 200 делегатов.

Борясь за завоевание солдатских масс на сторону революции, большевики принимали участие в работах съезда. Преобладание среди делегатов съезда членов партий меньшевиков и эсеров и им сочувствующих предопределило характер его решений. По важнейшим

вопросам порядка дня (о войне и об отношении к Временному правительству) съезд принял соглашательские резолюции Всероссийского совещания Советов, происходившего в Петрограде в конце марта — начале апреля 1917 года, то есть присоединился к позиции «революционного оборончества» и высказался за поддержку буржуазного Временного правительства. — *259*.

[68] См. Клаузевиц. «О войне», т. I, 5 изд., 1941, стр. 43. — *284*.

[69] *«L'Humanité»* («Человечество») — ежедневная газета, основанная Ж. Жоресом в 1904 году как орган Французской социалистической партии. В период мировой империалистической войны (1914—1918) газета находилась в руках крайне правого крыла Французской социалистической партии и занимала социал-шовинистическую позицию. Вскоре после раскола социалистической партии на конгрессе в декабре 1920 года и образования Коммунистической партии Франции газета стала ее органом; выходит в Париже и в настоящее время как Центральный Орган Коммунистической партии. — *287*.

[70] *«Земля и Воля»* — газета эсеров; выходила в Москве с марта 1917 года по май 1918 года. — *291*.

[71] *Цивильным листом* называют ту часть государственного бюджета в конституционно-монархических государствах, которая предоставляется на содержание монарха и его двора. — *295*.

[72] Имеется в виду начатое 18 июня (1 июля) 1917 года Временным правительством, с согласия меньшевиков и эсеров, наступление русских войск на фронте. — *305*.

[73] *«Проект резолюции о современном политическом моменте»* предназначался Лениным для внесения на заседание пленума Центрального Комитета большевистской партии, который решением ЦК намечался на 3 (16) сентября 1917 года. В назначенный день было созвано узкое заседание ЦК, где этот проект не обсуждался. В сохранившихся и опубликованных за этот период протоколах ЦК РСДРП(б) нет указаний на обсуждение данного проекта пленумом Центрального Комитета. — *309*.

[74] Книга *«Государство и революция»* написана Лениным в подполье, в августе — сентябре 1917 года. Мысль о необходимости теоретической разработки вопроса о государстве была высказана Лениным во второй половине 1916 года. Тогда же он написал заметку «Интернационал молодежи» (см. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 23, стр. 153—156), в которой подверг критике антимарксистскую позицию Бухарина по вопросу о государстве и обещал написать подробную статью об отношении марксизма к государству. В письме к А. М. Коллонтай от 17 февраля (н. ст.) 1917 года Ленин сообщал, что он почти подготовил материал по вопросу об отношении марксизма к государству. Этот материал был написан мелким убористым почерком в тетрадке в синей обложке, озаглавленной «Марксизм о государстве». В ней были собраны цитаты из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, а также выдержки из книг Каутского, Паннекука и Бернштейна с критическими замечаниями, выводами и обобщениями В. И. Ленина.

Согласно намеченному плану, книга «Государство и революция» должна была состоять из семи глав, но последняя, седьмая, глава «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов» Лениным написана не

была, сохранился лишь подробно разработанный план этой главы (см. Ленинский сборник XXI, 1933, стр. 25—26). По вопросу об издании книги Ленин в записке к издателю писал, что если он «слишком опоздает с окончанием этой, VII-ой главы, или если она непомерно распухнет, тогда первые шесть глав надо издать отдельно, как *выпуск первый...*».

На первой странице рукописи автор книги обозначен псевдонимом «Ф. Ф. Ивановский». Под таким псевдонимом Ленин предполагал выпустить свою книгу, так как иначе Временное правительство конфисковало бы ее. Книга была издана только в 1918 году и необходимость в этом псевдониме отпала. Второе издание книги с внесенным Лениным во вторую главу новым разделом «Постановка вопроса Марксом в 1852 году» вышло в 1919 году. — *314.*

[75] *Фабианцы* — члены реформистского, крайне оппортунистического «Общества фабианцев», основанного группой буржуазной интеллигенции в Англии в 1884 году. Оно названо по имени римского полководца Фабия Кунктатора («Медлителя»), известного своей выжидательной тактикой, уклонением от решительных боев. Фабианское общество, по выражению Ленина, представляет собой «самое законченное выражение оппортунизма и либеральной рабочей политики». Фабианцы отвлекали пролетариат от классовой борьбы, проповедывали возможность мирного, постепенного перехода от капитализма к социализму путем реформ. В период мировой империалистической войны (1914—1918) фабианцы занимали позицию социал-шовинизма. Характеристику фабианцев см. в произведениях В. И. Ленина: «Предисловие к русскому переводу книги: «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.»» (В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 12, стр. 330—331), «Аграрная программа социал-демократии в русской революции» (В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 15, стр. 154), «Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории» (В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 21, стр. 234) и другие. — *314.*

[76] *Областной съезд Советов солдатских депутатов Северного района,* созванный по решению ЦК партии большевиков, состоялся в Петрограде 11—13 (24—26) октября 1917 года. В организации съезда деятельное участие принял Петроградский Совет, послав на съезд своих представителей в количестве 30 человек. Эсеро-меньшевистский ЦИК объявил съезд частным совещанием и отозвал своих делегатов. На съезде были представители более 23 Советов: Петрограда, Москвы, Кронштадта, Ревеля, Гельсингфорса и других. Присутствовало 94 делегата, из них 51 — большевики. Порядок дня съезда: 1. Доклады с мест. 2. Текущий момент. 3. Военно-политическое положение страны. 4. Земельный вопрос. 5. Всероссийский съезд Советов. 6. Учредительное собрание. 7. Организационный вопрос. Съезд избрал Северный областной исполнительный комитет из 17 человек; 11 из них — большевики. Ленин адресовал съезду «Письмо к товарищам большевикам, участвующим на Областном съезде Советов Северной области» (см. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 26, стр. 154—159). Решения съезда призывали массы к вооруженному восстанию, в деле подготовки которого съезд сыграл большую агитационную и организационную роль. — *319.*

[77] *Резолюция солдатской секции Петроградского Совета* была принята 6 (19) октября 1917 года по вопросу о событиях на фронте и о готовящемся переезде правительства Керенского из Петрограда в Москву.

Протест секции, поддержанный рабочими и солдатами столицы, заставил Временное правительство остаться в Петрограде. — *319.*

[78] II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся 25 октября (7 ноября) 1917 г. в 10 час. 45 мин. вечера в Смольном. Из 649 делегатов съезда 390 человек были большевики. На съезде было представлено 318 провинциальных Советов. Делегаты от 241 Совета приехали на съезд с большевистскими наказами. Меньшевики, правые эсеры и бундовцы покинули съезд после его открытия, отказавшись признать социалистическую революцию. Съезд Советов принял воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам» (см. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 26, стр. 215—216). Основными вопросами на съезде были: создание Советского правительства и принятие директив о мире и о земле. С докладами по вопросам о мире и о земле выступал Ленин. II Съезд Советов объявил о переходе власти в руки Советов, принял декреты о мире, о земле и сформировал первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров. Председателем Совнаркома был избран В. И. Ленин.

Съезд избрал ВЦИК в составе 101 человека, в который вошли: 62 большевика, 29 левых эсеров и другие. Съезд закрылся в 5 ч. 15 мин. 27 октября (9 ноября) 1917 года. — *323.*

[79] *Первый Всероссийский съезд военного флота* состоялся 18—25 ноября (1—8 декабря) 1917 года. В порядке дня съезда стояли вопросы: о текущем моменте и о власти; о деятельности Центрофлота; о реформах в морском ведомстве и другие. На съезде Ленин выступал с речью по текущему моменту. Съезд утвердил схему организации управления морским ведомством, избрал 20 человек в состав ВЦИК Совета рабочих и крестьянских депутатов, где они образовали морскую секцию. Все функции бывшего Адмиралтейств-Совета были переданы этой секции. Съезд обратился с приветствием к Совету Народных Комиссаров и с воззванием ко всей России.— *335.*

[80] *«Конспект программы переговоров о мире»* представлял собой инструкцию советской делегации в Бресте для переговоров с Германией о перемирии и мире. — *338.*

[81] *«Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа»* 3 (16) января 1918 года была внесена Лениным на заседании ВЦИК. Принятый единогласно на заседании ВЦИК текст «Декларации» несколько отличался от первоначального ленинского текста. 4 (17) января 1918 года «Декларация» была опубликована в газете «Правда» № 2. 5 (18) января «Декларация» была предложена фракцией большевиков от имени Советской власти на обсуждение Учредительного собрания. Контрреволюционное Учредительное собрание отказалось обсуждать «Декларацию», после чего фракция большевиков покинула Учредительное собрание. 12 (25) января 1918 года «Декларация» была утверждена III Всероссийским съездом Советов. — *340.*

[82] ВЦИК 22 декабря 1917 года (4 января 1918 года) принял «Декларацию революционного правительства о независимости Финляндии». — *341.*

[83] Предложение персидскому правительству о выработке общего плана вывода русских войск из Персии было сделано Советским правительством во второй половине декабря 1917 года. — *341.*

[84] Декрет «О «Турецкой Армении»» обсуждался на заседании Совнаркома 23 декабря 1917 года (5 января 1918 года) и утвержден Совнаркомом 29 декабря 1917 года (11 января 1918 года). Декрет опубликован в газете «Правда» № 227 от 13 января 1918 года (31 декабря 1917 года). — *341.*

[85] *Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов* открылся 10 (23) января 1918 года. На съезде было представлено 317 Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и 110 армейских, корпусных и дивизионных комитетов. Всего присутствовало на съезде 707 делегатов. Через 3 дня к съезду присоединились представители более 250 Советов крестьянских депутатов — участники III Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, открывшегося 13 (26) января. 441 делегат съезда были большевики. Ленин выступал на съезде с докладом о деятельности Совета Народных Комиссаров, с заключительным словом и с речью перед закрытием съезда. По предложению фракции большевиков съезд принял решение, в котором полностью одобрил политику ВЦИК и СНК.

12 (25) января 1918 года съезд утвердил написанную Лениным «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». 15 (28) января Народный Комиссар по делам национальностей И. В. Сталин выступил на съезде с докладом по национальному вопросу. Съезд одобрил национальную политику СНК.

За время работы съезда количество делегатов непрестанно возрастало; на последнем заседании присутствовало 1 587 делегатов с правом решающего голоса. Съезд избрал ВЦИК в составе 306 человек. Работа съезда закончилась 18 (31) января 1918 года. — *343.*

[86] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIV, 1931, стр. 291. — *347.*

[87] В январе 1918 года вспыхнули стачки австрийских рабочих в связи с переговорами о мире в Брест-Литовске. Стачки происходили под лозунгом заключения всеобщего мира и улучшения продовольственного положения рабочих.

В процессе стачечной борьбы в Вене, Будапеште и других городах стихийно возникли Советы рабочих депутатов. Советы были использованы оппортунистическими лидерами социал-демократической партии для подавления революционного забастовочного движения. — *347.*

[88] Для решения вопроса о мире группа «левых коммунистов» требовала созыва партийной конференции. Против этого требования выступили Ленин, Сталин, Свердлов и другие. ЦК партии принял предложение Ленина созвать на 21 января (3 февраля) 1918 года партийное совещание и назначить на 5 марта 1918 года VII съезд партии, который должен был окончательно решить вопрос о мире. — *349.*

[89] Декрет *«Социалистическое отечество в опасности!»* был принят Совнаркомом 21 февраля 1918 года и опубликован за подписью Совета Народных Комиссаров 22 февраля в «Правде» и «Известиях ЦИК»; кроме того, выпущен отдельным листком. Декрет был написан Лениным в связи с разрывом мирных переговоров в Брест-Литовске и начавшимся наступлением немецких империалистов. 28 января (10 февраля) Троцкий, возглавлявший тогда советскую мирную делегацию в Брест-Литовске, предательски нарушил указание Ленина о подписании условий мира с Германией. В ответ на немецкий

ультиматум, он огласил декларацию, в которой заявил: мира не подписываем, армию демобилизуем, войны не ведем. Провокационный шаг Троцкого поставил Советскую республику под удар немецкого империализма. 16 февраля германское военное командование официально сообщило о прекращении перемирия с Советской республикой и 18 февраля начало военное наступление по всему фронту. Немецкие империалисты захватили ряд городов советской территории и создали угрозу Петрограду.

Призыв партии и Советского правительства поднял на борьбу с немецкими империалистами массы революционного народа. Быстро сформированные молодые отряды новой, Красной Армии героически отражали натиск немецких оккупантов. Под Нарвой и Псковом немецким хищникам был дан решительный отпор. Наступление германских войск на Петроград было приостановлено. — *352.*

[90] В связи с заявлением германского военного командования о прекращении перемирия и возобновлении с 18 февраля войны Ленин на заседании ЦК партии, вечером 17 февраля 1918 года, предложил немедленно вступить в новые переговоры с Германией для подписания мира. Предложение Ленина было отвергнуто 6 голосами против 5.

18 февраля началось наступление немцев. В этот день вопрос о заключении мира с Германией вновь обсуждался на заседании ЦК партии. Троцкий и Бухарин преступно продолжали отстаивать провокаторскую политику продолжения войны. Только на втором, вечернем, заседании, после категорического требования Ленина и выступления Сталина и Свердлова за подписание мира, было принято предложение Ленина послать радиограмму германскому правительству о согласии подписать мир на условиях, предложенных в Брест-Литовске. Проект радиограммы был тогда же написан Лениным, утвержден на заседании ЦК большевиков и послан от имени Совнаркома в ночь с 18 на 19 февраля в Берлин (см. настоящий сборник, стр. 351). — *352.*

[91] Речь идет о демагогическом выступлении «левых коммунистов» на заседании ЦК РСДРП(б) 22 февраля 1918 года против приобретения оружия и продовольствия у держав Антанты для обороны от немецких империалистов. Ленин на этом заседании не присутствовал. Он прислал в ЦК следующее заявление: «В ЦК РСДРП. Прошу присоединить мой голос за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма. *Ленин*». 6 голосами против 5 ЦК партии принял резолюцию, в которой признавал необходимым вооружение и снаряжение армии всеми средствами, считая возможным приобретение их и у правительств капиталистических стран. После этого решения Бухарин подал заявление о выходе из ЦК партии и из редакции газеты «Правда». — *355.*

[92] *И. П. Каляев* — эсер; 4(17) февраля 1905 года убил бомбой московского генерал-губернатора, великого князя С. А. Романова, дядю Николая II. — *355.*

[93] *«Коммунист»* — ежедневная газета, фракционный орган «левых коммунистов»; выходила в Петрограде в марте 1918 года как «орган Петербургского комитета и Петербургского окружного комитета РСДРП». Издание газеты было прекращено по постановлению Петроградской общегородской партийной конференции 20 марта 1918 года. Конференция констатировала, что политика Петроградского комитета, выраженная на страницах фракционной газеты «Коммунист», была глубоко ошибочной и ни в какой мере не могла являться политикой

Петроградской организации коммунистической партии. Органом Петроградской партийной организации, вместо «Коммуниста», конференция объявила «Петроградскую Правду». — *359.*

[94] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов 24 февраля 1918 года вынес резолюцию, в которой одобрил решение ЦИК о необходимости заключения мира, как «единственного выхода из настоящего тяжелого положения». Одновременно Петроградский Совет постановил «принять все необходимые меры к организации эшелонов для отправки на фронт». — *361.*

[95] В Москве 3 марта 1918 года состоялось заседание Московского Совета рабочих и солдатских депутатов с участием фабрично-заводских комитетов, профессиональных союзов, районных Советов, ответственных работников и пр. Большинство собравшихся высказалось за подписание мира.

4 марта вопрос о мире обсуждался на собрании Московского комитета РСДРП(б); 10 голосами против 7 была принята резолюция за подписание мира.

Московская общегородская конференция РСДРП (большевиков) состоялась в ночь с 4 на 5 марта 1918 года. На ней, кроме делегатов, присутствовало много рабочих из районов. Конференция большинством голосов приняла резолюцию, одобрявшую позицию ЦК РСДРП(б) по вопросу о мире. Резолюция выражала доверие ЦК и поручала своим делегатам отстаивать на VII партийном съезде единство партии. — *361.*

[98] Седьмой съезд РКП(б) состоялся 6—8 марта 1918 года. На съезде присутствовало 46 делегатов с решающим голосом и 58 с совещательным. Делегаты представляли свыше 170 000 членов партии; всего же членов партии к моменту съезда насчитывалось не менее 300 000. Значительная часть организаций не успела прислать делегатов ввиду спешности созыва съезда, или не имела возможности этого сделать в связи с временной оккупацией немцами некоторых областей Советской России.

Съезд был созван, как экстренный, для окончательного решения вопроса о мире. Доклад о войне и мире сделал Ленин. Троцкисты и «левые коммунисты» выступили со своими тезисами, выставив докладчиком Бухарина. 30 голосами против 12, при 4 воздержавшихся, съезд принял по вопросу о Брестском мире резолюцию Ленина. Съезд осудил предательскую политику Троцкого и Бухарина и заклеймил попытку «левых коммунистов» продолжать и на самом съезде раскольническую работу. «Левые коммунисты» и троцкисты были разбиты. Партия получила возможность вывести страну из империалистической войны, завоевала передышку для организации Красной Армии и социалистического строительства. В ноябре 1918 года Брестский договор был аннулирован.

Съезд обсудил вопрос о пересмотре программы и изменении названия партии; с докладом по этим вопросам выступил Ленин. По предложению Ленина съезд принял решение о переименовании партии из Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) — РСДРП(б) — в Российскую коммунистическую партию (большевиков) — РКП(б). Для окончательной разработки новой программы партии съезд избрал комиссию, в состав которой вошел Ленин. За основу программы был принят съездом написанный Лениным проект («Черновой набросок проекта программы»). — *363.*

[97] Речь идет о капитулянтской позиции Каменева, Зиновьева, Рыкова и других врагов партии, требовавших в первые дни после Октябрьской революции 1917 года создания «однородно-социалистического правительства» с участием контрреволюционных партий — меньшевиков и эсеров (см. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 26, стр. 243—249, 268—273). — *363.*

[98] *Декрет о рабочем контроле над производством* («Положение о рабочем контроле») был принят ВЦИК 14 (27) ноября 1917 года и опубликован в «Известиях ЦИК» № 227 от 16 ноября 1917 года. В основу декрета положен написанный Лениным в конце октября 1917 года «Проект положения о рабочем контроле», опубликованный с некоторыми изменениями 3 (16) ноября 1917 года в «Правде» № 178 (см. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 26, стр. 241—242). — *367.*

[99] Речь идет о присяге — подписке на верность царю членами III Государственной думы в день открытия Думы 1 (14) ноября 1907 года. Депутат, отказавшийся дать подписку, признавался выбывшим из Думы. Так как отказ от присяги вел к потере думской трибуны, необходимой для мобилизации пролетариата на революционную борьбу, социал-демократические депутаты подписывали присягу вместе со всеми депутатами Думы. — *374.*

[100] *М. Гофман* — немецкий генерал; представитель империалистической Германии в Брест-Литовске во второй период мирных переговоров (конец декабря 1917 года — 28 января (10 февраля) 1918 года). — *376.*

[101] Ленин имеет в виду, повидимому, дни от начала немецкого наступления — 18 февраля — до прибытия советской делегации в Брест-Литовск — 28 февраля 1918 года. Наступление немецких оккупантов продолжалось 14 дней: с 18 февраля по 3 марта — день подписания мирного договора. — *377.*

[102] *Революция в Финляндии* началась в середине января 1918 года в южной промышленной части страны, охватив ряд крупнейших центров — Гельсингфорс, Выборг и другие. Революции предшествовала ноябрьская всеобщая политическая забастовка, которая вспыхнула 31 октября (13 ноября) 1917 года и продолжалась неделю, возглавляясь Центральным рабочим революционным Советом. 15 (28) января 1918 года финская Красная гвардия заняла столицу Финляндии — Гельсингфорс, где 16 (29) января было организовано революционное правительство — Совет народных уполномоченных (или комиссаров) Финляндии. Буржуазное правительство Свинхувуда обратилось за помощью к шведской и германской буржуазии. Укрепившись на севере Финляндии и организовав белогвардейские кулацкие отряды, оно начало в конце января, при поддержке немцев, шведов и русского белого офицерства, наступление на юг. В мае, после жестокой гражданской войны, продолжавшейся три месяца, рабочая революция в Финляндии была подавлена при помощи высадившегося двадцатитысячного немецкого экспедиционного корпуса. — *377.*

[103] Речь идет об антипартийной резолюции временно захваченного «левыми коммунистами» Московского областного бюро РСДРП(б), принятой на заседании узкого состава бюро 24 февраля 1918 года. Разбор и критику этой резолюции см. в статье Ленина «Странное и чудовищное» (см. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 27, стр. 46—53). — *378.*

[104] *Резолюция о войне и мире,* принятая VII съездом партии, по решению съезда не подлежала публикации в тот период и была напечатана впервые 1 января 1919 года в ежедневной газете «Коммунар», издававшейся ЦК РКП(б) в Москве с 9 октября 1918 года по 5 марта 1919 года. — *382.*

[105] При обсуждении и голосовании резолюции Ленина о войне и мире Троцкий и «левые коммунисты» выступили на съезде с «поправками», запрещавшими Советскому правительству подписать мир с Украинской радой и финляндским буржуазным правительством. Ленин дал отпор провокационной попытке Троцкого и «левых коммунистов» лишить ЦК свободы маневрирования; съезд большинством голосов отклонил их «поправки». — *384.*

[106] *IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов* происходил в Москве 14—16 марта 1918 года. Съезд был созван для решения вопроса о ратификации Брестского мирного договора. Накануне открытия съезда, 13 марта, состоялось заседание фракции большевиков IV съезда, на котором Ленин выступил с докладом о Брестском договоре (см. Ленинский сборник XI, 2 изд., 1931, стр. 67—70). Предварительное голосование вопроса на фракции дало следующие результаты: за резолюцию Ленина о ратификации Брестского договора — 453 голоса, против — 36, воздержалось — 8.

На IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов, по данным стенографического отчета съезда, присутствовало с решающим голосом 1 232 делегата, из них 795 большевиков, 283 «левых» эсера и др. Съезд обсудил вопросы: о ратификации мирного договора; о перенесении столицы; выборы. С докладом о ратификации мирного договора выступил Ленин; с содокладом против ратификации от «левых» эсеров — Б. Камков. Съезд поименным голосованием принял резолюцию Ленина о ратификации мирного договора. За ратификацию голосовало 784 делегата, против — 261, воздержалось — 115, в том числе и «левые коммунисты», огласившие на съезде особую декларацию с мотивировкой причины их воздержания от голосования.

Съезд принял написанное Лениным постановление о перенесении столицы в Москву и избрал новый Центральный Исполнительный Комитет в составе 200 человек. — *386.*

[107] *Проект резолюции по поводу обращения Вильсона* был зачитан на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов Я. М. Свердловым и принят съездом. Резолюция явилась ответом на обращение президента Соединенных Штатов Америки В. Вильсона, в котором он пытался помешать Советской России заключить мир с Германией. — *386.*

[108] Работа Ленина *«Очередные задачи Советской власти»* в рукописи называлась «Тезисы о задачах Советской власти в настоящий момент». «Тезисы» Ленина обсуждались на заседании ЦК партии 26 апреля 1918 года. ЦК одобрил их и постановил опубликовать в виде статьи в «Правде» и «Известиях ВЦИК», а также издать отдельной брошюрой. На этом же заседании ЦК поручил Ленину выступить с докладом «Об очередных задачах Советской власти» на заседании ВЦИК, подготовив краткое изложение «Тезисов» в виде резолюции (см. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 27, стр. 282—285). — *391.*

[109] К докладу о внешней политике на Объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета Лениным был составлен план (см. Ленинский

сборник XI, 2 изд., 1931, стр. 92). На заседании доклад Ленина вызвал резкие нападки со стороны меньшевиков и эсеров. С заключительным словом, вместо Ленина, который не мог остаться до конца заседания, выступил Я. М. Свердлов, отвечавший на выпады меньшевиков и эсеров. Совещание подавляющим большинством голосов приняло большевистскую резолюцию, одобрявшую политику Советской власти. Резолюция подчеркивала необходимость организации мощной советской армии и усиления диктатуры над буржуазией. — *394.*

110 *Объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы* 29 июля 1918 года было созвано в связи с тяжелым положением Советской республики, отрезанной, вследствие иностранной военной интервенции и белогвардейских мятежей, от своих основных продовольственных, сырьевых и топливных районов. Объединенное заседание единогласно приняло резолюцию по докладу Ленина, предложенную фракцией коммунистов. — *412.*

111 Ленин имеет в виду статью «Французские миллионы», опубликованную 28 июня 1918 года в центральном органе чехословацкой коммунистической группы «Prukopnik Svobody» («Знамя Свободы»), выходившем в Москве в 1918—1919 годах; статья была перепечатана в тот же день в газете «Правда» и частично в «Известиях ВЦИК».— *413.*

112 Ленин имеет в виду контрреволюционный мятеж, организованный «левыми» эсерами в Москве 6 июля 1918 года, во время заседаний V Всероссийского съезда Советов. Мятеж был подавлен в течение суток. — *452.*

113 *Дашнакцутюн* (дашнаки) — армянская буржуазно-националистическая организация, возникла в начале 90-х годов XIX века, защищала интересы армянской буржуазии, разжигая национальную вражду между народами, вела политику национального обособления Армении, стремясь отвлечь массы армянского народа от общероссийского революционного движения.

В 1918—1920 годах дашнаки возглавили буржуазно-националистическое правительство Армении, превратив ее в опорный пункт англо-французских интервентов и русских белогвардейцев в борьбе против Советской власти.

Дашнакское правительство было свергнуто в ноябре 1920 года в результате вооруженного восстания трудящихся Армении, поддержанных Красной Армией. — *414.*

114 На заседании Бакинского Совета 25 июля 1918 года дашнако-эсеро-меньшевистским предателям удалось провести изменническое решение о призыве на помощь английских империалистов под предлогом защиты Баку от наступавших турецких войск. Всей подрывной контрреволюционной работой в Баку, срывом снабжения города, контрреволюционной агитацией в армии и во флоте руководил английский консул Мак-Донель.

В телеграммах на имя председателя Бакинского Совнаркома С. Г. Шаумяна В. И. Ленин, И. В. Сталин и Я. М. Свердлов от имени ВЦИК и Совнаркома категорически потребовали от Бакинского Совета безоговорочного проведения в жизнь независимой внешней политики и решительной борьбы с агентами иностранного капитала. На заседании Бакинского Совета 25 июля фракция большевиков внесла проект резолюции, в которой настаивала на принятии немед-

ленных мер к обороне Баку своими силами. Оставшись в меньшинстве, члены Бакинского Совета большевики сняли с себя полномочия, после чего власть фактически перешла к контрреволюционному правительству, назвавшему себя «Диктатурой Центрокаспия». Члены Бакинского Совета большевики — 26 бакинских комиссаров — были зверски убиты английскими интервентами при непосредственном участии меньшевиков и эсеров. — *416.*

[115] Имеется в виду мятеж белогвардейцев в городе Ярославле, начавшийся 6 июля 1918 года. Мятеж был организован контрреволюционным «Союзом защиты родины и свободы», во главе которого стоял правый эсер Б. Савинков. Ярославский мятеж, как и другие контрреволюционные мятежи в Советской России в то время, был подготовлен англо-французскими империалистами при активном участии меньшевиков и эсеров. Мятеж был подавлен 21 июля 1918 года отрядами Красной Армии. — *419.*

[116] *«Письмо к американским рабочим»* было опубликовано в декабре 1918 года в сокращенном виде в одном из журналов, издававшихся социалистами-интернационалистами в Нью-Йорке, затем было издано отдельной брошюрой в виде оттиска из этого журнала; письмо много раз перепечатывалось в американской периодической печати. — *424.*

[117] См. рецензию Н. Г. Чернышевского на книгу Г. Ч. Кэри «Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов» (Н. Г. Чернышевский. Избранные экономические произведения, т. II, 1948, стр. 550). — *429.*

[118] *«Призыв к Разуму»* («Appeal to Reason») — газета американских социалистов; основана в штате Канзас (США) в 1895 году; во время первой мировой войны занимала интернационалистскую позицию. — *431.*

[119] *VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов* состоялся в Москве 6—9 ноября 1918 года. Ленин был избран почетным председателем съезда.

Ленин выступал на первом заседании 6 ноября с речью о годовщине Октябрьской социалистической революции и на втором заседании 8 ноября с речью о международном положении. Съезд единогласно утвердил резолюцию, написанную Лениным и принятую 22 октября 1918 года Объединенным заседанием ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов (см. настоящий сборник, стр. 436—437).

Съезд обратился к правительствам, ведущим войну против Советской России, с предложением начать переговоры о заключении мира. — *439.*

[120] Ленин имеет в виду посылку царем Николаем I русских войск в помощь австрийскому императору для подавления венгерской революции. — *446.*

[121] Ленин имеет в виду подавление царскими войсками польского восстания 1863 года. — *446.*

[122] *«The Times»* («Времена») — одна из крупных ежедневных газет консервативных кругов английской буржуазии. — *446.*

[123] Имеется в виду внезапный отказ голландского правительства в разрешении на въезд в Голландию находившемуся уже в пути полномочному представителю РСФСР, несмотря на предварительное согласие об обмене представительствами и на полученную представителем РСФСР от голландского консула в Москве визу. — *447.*

[124] *«L'Echo de Paris»* («Парижское Эхо») — ежедневная буржуазная, крайне реакционная газета; выходила в Париже с 1884 по 1938 год. — *448.*

[125] *«Третий Интернационал»* («III-me Internationale») — еженедельный орган группы французских коммунистов; издавался в Москве в 1918—1919 годах. — *448.*

[126] *«The Manchester Guardian»* («Страж Манчестера») — английская буржуазная газета; издается с 1821 года в Манчестере. — *449.*

[127] ЦК РКП(б) в 1918 году устраивал по важнейшим вопросам текущей политики собрания партийного актива. 27 ноября 1918 года собрание партийных работников Москвы было посвящено вопросу об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии. С докладом по этому вопросу выступил Ленин. — *451.*

[128] Вставка вошла полностью в принятую на VIII съезде программу РКП(б), пункт четвертый раздела «В области национальных отношений». (См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 7 изд., ч. I, 1954, стр. 417.) — *455.*

[129] VIII съезд РКП(б) происходил в Москве с 18 по 23 марта 1919 года. На съезде присутствовал 301 делегат с решающим голосом, представлявших 313 766 членов партии, и 102 делегата с совещательным голосом. Порядок дня съезда: отчет Центрального Комитета, программа РКП(б), создание Коммунистического Интернационала, военное положение и военная политика, работа в деревне, организационные вопросы и другие.

На съезде была принята новая программа партии. При обсуждении программы съезд дал отпор антибольшевистским взглядам Бухарина, который предлагал исключить из программы пункт о капитализме, о мелком товарном производстве и хозяйстве середняка. Взгляды Бухарина означали меньшевистско-троцкистское отрицание роли середняка в советском строительстве. Вместе с тем Бухарин замазывал факт возникновения и роста кулацких элементов из мелкого, товарного хозяйства. Съезд также разбил антибольшевистские взгляды по национальному вопросу Бухарина — Пятакова, выступавших против включения в программу пункта о праве наций на самоопределение, против равноправия наций. VIII съезд наметил новую линию партии по отношению к среднему крестьянству. Она была определена Лениным в его докладе о работе в деревне и в принятых съездом решениях по этому вопросу. Съезд предложил перейти от политики нейтрализации середняка к прочному союзу с ним при сохранении в этом союзе руководящей роли пролетариата.

По военному вопросу съезд принял решение, направленное на создание регулярной Красной Армии, проникнутой духом строжайшей железной дисциплины. Съезд особо подчеркнул роль пролетарского ядра в армии, роль комиссаров и партийных ячеек в деле политического воспитания и военного обучения Красной Армии. Съезд указал на необходимость использования старых военных специали-

стов и лучших достижений буржуазной военной науки. Съезд решительно отклонил ряд предложений так называемой военной оппозиции, выступавшей на съезде против создания регулярной Красной Армии и защищавшей пережитки партизанщины в армии. В то же время съезд осудил антипартийные действия Троцкого в руководстве военным ведомством и потребовал улучшения работы центральных военных учреждений.

Съезд принял решение о партийном и советском строительстве и дал отпор оппортунистической группе Сапронова — Осинского, отрицавшей руководящую роль партии в работе Советов.

В связи с огромным наплывом новых членов партии, съезд принял решение о проведении общей перерегистрации членов партии и улучшении социального состава партии.

Съезд избрал ЦК в составе: В. И. Ленина, Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина, И. В. Сталина, Е. Д. Стасовой и других. Кандидатами в члены ЦК были избраны: Артем (Ф. А. Сергеев), М. В. Владимирский, Е. М. Ярославский и другие. — *456.*

130 *Конференция на Принцевых островах* (Мраморное море) намечалась по инициативе Антанты из представителей всех существовавших на территории России правительств по вопросу о восстановлении мира. Не получив непосредственно приглашения на конференцию, Советское правительство узнало из иностранных радиотелеграфных обзоров печати, что отсутствие ответа с его стороны империалистические державы пытаются истолковать перед народными массами как отказ принять участие в конференции. Чтобы устранить всякое ложное толкование его действий, Советское правительство 4 февраля 1919 года в радиотелеграмме на имя правительств Великобритании, Франции, Италии, Японии, США выразило согласие начать немедленно переговоры, указав, что во имя мира оно готово идти на серьезные уступки. Правительства Антанты оставили радиотелеграмму Советского правительства без ответа. Конференция не состоялась. — *456.*

131 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 105. — *472.*

132 *Кун Бела* — венгерский коммунист; один из организаторов и руководителей Советской власти в Венгрии в 1919 году. Венгерская Советская республика существовала с 21 марта до августа 1919 года. — *476.*

133 Заседание состоялось 4 июля 1919 года в Большом театре в один из тяжелых моментов, переживаемых Советской республикой в связи с наступлением Деникина. После доклада В. И. Ленина было принято обращение «Ко всем рабочим, крестьянам, красноармейцам и матросам» с призывом напрячь все силы для отпора врагу для окончательной победы над Колчаком, Деникиным и всеми ставленниками контрреволюции. — *478.*

134 Речь идет о намечавшейся на 21 июля 1919 года международной политической стачке рабочих под лозунгом поддержки русской и венгерской революций с требованием невмешательства империалистических правительств в русские и венгерские дела. Отдельные забастовки в назначенный день прошли в Англии, Франции, Италии, Германии, Норвегии, но как международное выступление пролетариата всех стран стачка не состоялась. — *482.*

135 Данная статья является ответом на следующие пять вопросов, предложенных Ленину агентством «Юнайтед Пресс»:

«1) Внесла ли Российская Советская республика какие-либо мелкие или крупные изменения в первоначальную правительственную программу внутренней и внешней политики и экономическую программу, когда и какие?

2) Какова тактика Российской Советской республики по отношению к Афганистану, Индии и другим мусульманским странам вне пределов России?

3) Какие политические и экономические цели преследуете вы по отношению к Соединенным Штатам и Японии?

4) На каких условиях готовы вы были бы заключить мир с Колчаком, Деникиным и Маннергеймом?

5) Что имели бы вы еще довести до сведения общественного мнения Америки?».

В октябре 1919 года в левосоциалистическом журнале «The Liberator» была помещена статья «A Statement and a Challenge» («Заявление и вызов»), в которой был опубликован ответ Ленина на пятый вопрос. В примечании к статье редакция журнала сообщала, что агентство «Юнайтед Пресс» ответ Ленина разослало в газеты, но исключило ответ на публикуемый пятый вопрос как «чисто большевистскую пропаганду». — *483.*

136 Переговоры с Буллитом, приезжавшим в Москву по заданию президента США Вильсона, велись Советским правительством по вопросу о заключении мира в марте 1919 года. Советское правительство внесло ряд дополнений и уточнений в предложения, исходившие от США и Англии, после чего был выработан окончательный проект соглашения. Советские предложения не были приняты этими правительствами, так как весной армия Колчака начала наступление и они надеялись на разгром Советской России силами Колчака. — *484.*

137 Письмо Ф. Нансену (норвежский исследователь полярных стран) о готовности Советского правительства начать переговоры с правительствами стран Антанты по вопросу о прекращении военных действий было послано Наркоминделом 7 мая 1919 года. Эти предложения Советского правительства через Нансена были переданы правительствам стран Антанты, но ответа на них не последовало. — *484.*

138 Ленин имеет в виду события, происшедшие в Баку, когда 25 июля 1918 года меньшевики, эсеры и дашнаки на заседании Бакинского Совета провели незначительным большинством голосов изменническое решение о призыве на помощь английских империалистов под предлогом защиты Баку от наступавших турецких войск. Всей подрывной контрреволюционной работой в Баку, срывом снабжения города, контрреволюционной агитацией в армии и во флоте руководил английский консул Мак-Донель. На заседании Бакинского Совета 25 июля фракция большевиков внесла проект резолюции, в котором настаивала на принятии немедленных мер к обороне Баку своими силами. Оставшись в меньшинстве, члены Бакинского Совета большевики сняли с себя полномочия, после чего власть фактически перешла к контрреволюционному правительству, назвавшему себя «Диктатурой Центрокаспия». Через несколько дней в Баку вступили приглашенные им англичане. Члены Бакинского Совета большевики — 26 бакинских комиссаров — были зверски убиты английскими интервентами при непосредственном участии меньшевиков и эсеров. — *487.*

139 Ленин имеет в виду предварительные переговоры, которые велись в марте 1919 года с Буллитом, посланным в Советскую Россию пра-

вительствами Англии и США для выяснения, на каких условиях Советское правительство согласно начать переговоры о мире. Вскоре после отъезда Буллита из Советской России Колчаку удалось добиться некоторых успехов на Восточном фронте, и империалистические правительства Англии и США, рассчитывая на разгром Советской России, отказались от ведения с ней переговоров. После второй мировой войны Буллит выступает как злобный враг и поджигатель войны против СССР. — *489.*

140 Письмо *«Товарищам коммунистам Туркестана»* было написано Лениным в связи с посылкой в Туркестан в октябре 1919 года комиссии ВЦИК и Совнаркома по делам Туркестана. Целью комиссии являлось исправление ошибок в проведении национальной политики в Туркестане, допущенных местными работниками.

Еще до посылки комиссии Центральный Комитет РКП(б) давал указания руководящим работникам Туркестана о необходимости исправления допущенных ими ошибок. Вопрос о привлечении местного населения к государственной деятельности был особо подчеркнут в радиограмме ЦК РКП(б) от 12 июля 1919 года на имя туркестанского правительства.

Письмо Ленина обсуждалось на V общепартийной краевой конференции Коммунистической партии Туркестана в январе 1920 года. Конференция обратилась к Ленину с письмом, в котором обещала исправить допущенные ошибки, работая совместно с комиссией ВЦИК и СНК. — *492.*

141 *Совет Обороны* (Совет Рабочей и Крестьянской Обороны) был образован постановлением ВЦИК от 30 ноября 1918 года для руководства обороной Советской республики. Это постановление возлагало на Совет Обороны задачу проведения в жизнь декрета ВЦИК от 2 сентября 1918 года, которым Советская республика была объявлена военным лагерем, и установления в продовольственном и транспортном деле, а также в области военной промышленности военного режима. Совету Обороны была предоставлена вся полнота прав в деле мобилизации сил и средств страны в интересах обороны. Совет Обороны руководил снабжением фронта пополнениями, вооружением, продовольствием, обмундированием.

Во главе Совета Обороны стоял В. И. Ленин.

После ликвидации основных фронтов Совет Обороны был преобразован в начале апреля 1920 года в Совет Труда и Обороны (СТО). После окончания гражданской войны, по постановлению VIII Всероссийского съезда Советов 29 декабря 1920 года, Совет Труда и Обороны существовал на правах комиссии Совнаркома до конца 1936 года. — *492.*

142 *II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока* происходил в Москве 22 ноября — 3 декабря 1919 года. Накануне съезда, 21 ноября, состоялось под председательством Ленина предварительное совещание членов ЦК партии с группой делегатов съезда. На съезде присутствовало около 80 делегатов — представителей мусульманских коммунистических организаций Туркестана, Азербайджана, Хивы, Бухары, Киргизии, Татарии, Чувашии, Башкирии, Кавказа и др. Съезд был открыт по поручению ЦК РКП(б) И. В. Сталиным, произнесшим вступительную речь о задачах съезда. В. И. Ленин выступил с докладом о текущем моменте в первый день съезда.

Съезд заслушал и обсудил отчет о работе Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока, избрал новое бюро и наметил задачи партийной и советской работы на Востоке. — *493.*

143 *VII Всероссийский съезд Советов* происходил 5—9 декабря 1919 года в Москве. На съезде присутствовало 1 366 делегатов, из них 1 278 коммунистов. В порядке дня съезда стояли вопросы: 1. Доклад ВЦИК и Совнаркома; 2. Военное положение; 3. О Коммунистическом Интернационале; 4. Продовольственное положение; 5. Топливный вопрос; 6. Советское строительство в центре и на местах; 7. Выборы ВЦИК.

Ленин выступил в день открытия съезда с докладом ВЦИК и Совнаркома; на следующий день — с заключительным словом по докладу; 8 декабря — с речью в организационной секции съезда и в день закрытия съезда — с заключительной речью. — *504.*

144 Германское правительство разорвало дипломатические отношения с РСФСР 5 ноября 1918 года и выслало советское посольство из Берлина под лживым предлогом, будто официальные советские представители вели агитацию против германских государственных учреждений. Дипломатические отношения между Германией и РСФСР возобновились лишь в 1922 году. — *507.*

145 *Первая сессия ВЦИК VII созыва* происходила 2—7 февраля 1920 года. Сессией были приняты постановления: о порядке всеобщей трудовой повинности, об электрификации России, о всеобщей переписи, о Рабоче-крестьянской инспекции и другие. На сессии было вынесено постановление об образовании особой комиссии при Президиуме ВЦИК по разработке вопросов федеративного устройства РСФСР. Сессия ВЦИК утвердила обращение к польскому народу и приняла постановление о ратификации мирного договора с Эстонией. — *529.*

146 Ленин прочитал сообщение, опубликованное в центральных газетах 18 января 1920 года, о решении правительств стран Антанты снять блокаду с Советской России и разрешить вести торговлю с Россией. В сообщении подчеркивалось, что это постановление «ни в коем случае не означает изменения политики союзников по отношению к Советскому правительству. — *529.*

147 Документы, о которых говорил Ленин, были получены от белогвардейского офицера Олейникова, перешедшего на сторону Советской власти. Эти документы он вез из Парижа от С. Д. Сазонова через Швецию Юденичу.

Упоминаемые в документах: Сазонов — министр иностранных дел царского правительства и представитель Колчака и Деникина в Париже; Гулькевич — колчаковский посланник в Швеции; Бахметев — колчаковский посол в Вашингтоне; Сукин — колчаковский министр иностранных дел в Омске; Саблин — колчаковский поверенный в делах в Лондоне; Нокс — генерал, представитель английского правительства при Колчаке. — *533.*

148 Речь идет о переговорах, которые велись Обществом Красного Креста об обмене пленными, возвращении беженцев и т. п. — *536.*

149 Ленин имеет в виду заявление Совнаркома РСФСР, адресованное правительству Польши и польскому народу и опубликованное 30 января 1920 года в центральных газетах. В дополнение к этому 2 фев-

раля на заседании первой сессии ВЦИК VII созыва было принято обращение ВЦИК к польскому народу. В обращении разоблачалась клевета империалистических государств о якобы захватнических намерениях Советской России по отношению к Польше и подчеркивалось неуклонное стремление Советского правительства к миру и к установлению дружественных, добрососедских отношений с независимой Польшей. — *536.*

150 *Автономная Башкирская Советская республика* была образована в результате соглашения центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономной Башкирии. Соглашение было подписано Лениным и Сталиным и опубликовано в печати 23 марта 1919 года. По этому соглашению Башкирская республика входила в состав РСФСР на федеративных началах. — *538.*

151 *Автономная Татарская Советская республика* была образована 27 мая 1920 года. Декрет ВЦИК и Совнаркома об образовании республики был подписан Лениным и Калининым. — *538.*

152 Вопросы были переданы Ленину по радио берлинским представителем американской буржуазной газеты «New York Evening Journal» («Нью-Йоркская Вечерняя Газета»). Текст ответа Ленина был сообщен радиограммой в Берлин, откуда был передан в Нью-Йорк 21 февраля 1920 года. В тот же вечер ответ Ленина был напечатан в газете «New York Evening Journal». Радиограмма Ленина была перепечатана также в немецкой коммунистической и социалистической печати. — *540.*

153 Специальный корреспондент лондонской консервативной газеты «Daily Express» («Ежедневный Экспресс»), находившийся в Копенгагене, обратился к Ленину с просьбой ответить на четыре вопроса. Ответ Ленина был получен в Копенгагене 22 февраля и на следующий день был напечатан в газете «Daily Express». — *543.*

154 *IX съезд РКП(б)* происходил в Москве 29 марта — 5 апреля 1920 года. На съезде присутствовало 554 делегата с решающим голосом и 162 делегата с совещательным голосом, представлявших 611 978 членов партии. Съезд был посвящен главным образом вопросам хозяйственного строительства. Был принят следующий порядок дня: 1. Отчет Центрального Комитета; 2. Очередные задачи хозяйственного строительства; 3. Профессиональное движение; 4. Организационные вопросы; 5. Задачи Коммунистического Интернационала; 6. Отношение к кооперации; 7. Переход к милиционной системе; 8. Выборы Центрального Комитета.

Съезд открылся в Большом театре вступительной речью В. И. Ленина. Ленин выступал с отчетным докладом о политической деятельности Центрального Комитета партии и с заключительным словом по докладу, с речами о хозяйственном строительстве, о кооперации, с заключительной речью при закрытии съезда и с предложением по поводу списка кандидатов в члены Центрального Комитета партии. IX съезд определил очередные хозяйственные задачи в области транспорта, продовольственного, топливного дела и промышленности; съезд указал на необходимость участия профсоюзов в хозяйственном строительстве. Особое внимание было обращено на вопрос о едином хозяйственном плане; главное место в нем занимал вопрос об электрификации всего народного хозяйства страны. Съезд дал решительный отпор антипартийной группе «демократического

централизма» (Сапронов, Осинский и др.), выступавшей вместе с Рыковым и Томским против единоначалия и личной ответственности руководителей предприятий и стремившейся подорвать основы управления промышленностью. В 1927 году группа «демократического централизма» была вместе с главарями троцкизма исключена из партии XV съездом ВКП(б).

На IX съезде были избраны в члены ЦК РКП(б): В. И. Ленин, А. А. Андреев, Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин, И. В. Сталин и другие.

После окончания съезда состоялось чествование В. И. Ленина в связи с приближавшейся датой пятидесятилетия со дня его рождения. С речами выступали: М. И. Калинин, Е. М. Ярославский, Ф. Я. Кон и др. Было принято решение об издании полного собрания Сочинений В. И. Ленина. — *547*.

155 Книга *«Детская болезнь «левизны» в коммунизме»* написана Лениным в апреле, дополнение к ней — 12 мая 1920 года; вышла из печати 8—10 июня на русском языке и, почти одновременно, в июле — на немецком, французском и английском языках. Ленин лично наблюдал за графиком набора и печатания книги, с тем чтобы она вышла из печати до начала работ II конгресса Коммунистического Интернационала. Книга была роздана всем делегатам II конгресса. В течение июля — ноября 1920 года книга была переиздана на немецком языке в Лейпциге, на французском в Париже и на английском в Лондоне.

В рукописном тексте «Детской болезни «левизны» в коммунизме» имеется подзаголовок: «(Опыт популярной беседы о марксистской стратегии и тактике)». Во всех изданиях книги, вышедших при жизни Ленина, подзаголовок был снят. В 4 издании Сочинений В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» публикуется по первому изданию книги, корректуру которой вел Ленин. — *555*.

156 *«Лабуристами»* Ленин называет лейбористов, членов английской Рабочей партии (Labour Party). — *558*.

157 *Соединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, представителей профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов г. Москвы,* состоявшееся 5 мая 1920 года, было созвано в связи с наступлением белополяков на Советскую Россию. На заседании присутствовали также 300 петроградских коммунистов-рабочих, отправлявшихся на польский фронт. Заседание обсудило один вопрос — о положении на польском фронте. Единогласно была принята резолюция, призывавшая рабочих и крестьян к мобилизации всех усилий для разгрома буржуазно-помещичьей Польши. — *609*.

158 Имеется в виду конференция держав Антанты, происходившая в Сан-Ремо (Италия) в апреле 1920 года. На конференции обсуждались вопросы: проект мирного договора с Турцией, о выполнении Германией Версальского договора и др. — *564*.

159 В начале 1920 года некоторые части Красной Армии были переведены на положение трудовых армий для использования в области хозяйственного строительства. Война с буржуазно-помещичьей Польшей и Врангелем заставила перевести трудовые армии в боевое состояние. — *565*.

160 Приветствие Ленина *«Индийской революционной ассоциации»* было переведено на английский язык и послано по радио в ответ на резолюцию, принятую 4 марта 1920 года на митинге индийских революю-

ционеров и присланную в Россию на имя Ленина. В резолюции индийских революционеров выражалась глубокая благодарность Советской России, ведущей великую борьбу за освобождение угнетенных классов и народов. — *567.*

161 *«Письмо к английским рабочим»* в июне 1920 года было опубликовано в еженедельнике Британской социалистической партии «The Call» («Призыв»); в газете Рабочей партии Великобритании «The Daily Herald» («Ежедневный Вестник»); в буржуазной газете «The Manchester Guardian» («Страж Манчестера») и др. — *568.*

162 *«Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам»* был послан В. И. Лениным И. В. Сталину, находившемуся в то время на Юго-Западном фронте. Свои замечания к тезисам И. В. Сталин изложил в письме В. И. Ленину от 12 июня 1920 года. Тезисы были опубликованы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала в июне 1920 года. — *572.*

163 Изложенный в этом письме план тезисов лег в основу доклада Ленина о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала на II конгрессе Коминтерна, происходившем в Москве с 19 июля по 7 августа 1920 года (см. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 31, стр. 191—209.) — *579.*

164 *Девятая Всероссийская конференция РКП(б)* состоялась в Москве 22—25 сентября 1920 года. На конференции участвовали 241 делегат (116 — с решающим голосом и 125 — с совещательным). В порядке дня конференции были вопросы: политический отчет ЦК, организационный отчет ЦК, об очередных задачах партийного строительства, доклад комиссии по изучению истории партии, отчет о II конгрессе Коминтерна. Был заслушан также доклад представителей польских коммунистов. Ленин открыл конференцию, выступил с политическим отчетом ЦК и с речью в прениях об очередных задачах партийного строительства. Вопрос о войне и мире с Польшей и об организации разгрома Врангеля был основным содержанием политического отчета ЦК. Была единогласно принята резолюция об условиях заключения мира с Польшей. Конференция одобрила заявление ВЦИК о конкретных условиях мира с Польшей, составленное под непосредственным руководством Ленина и им отредактированное. В резолюции «Об очередных задачах партийного строительства» конференция выработала ряд практических мер по развертыванию внутрипартийной демократии, укреплению единства партии и ее дисциплины, борьбы с бюрократизмом в советских и хозяйственных учреждениях и усилению работы по коммунистическому воспитанию молодых членов партии. Конференция признала необходимым создание Контрольной Комиссии, избираемой съездом партии, и партийных комиссий при губернских комитетах партии, избираемых на губернских конференциях. Конференция дала отпор антипартийной группе «демократического централизма», выступившей против партийной дисциплины и руководящей роли партии по отношению к Советам и профсоюзам. — *582.*

165 Ленин имеет в виду *«Комитет действия»*, созданный английскими рабочими в августе 1920 года в Лондоне на объединенной конференции представителей конгресса тред-юнионов, Исполнительного комитета и парламентской группы Рабочей партии. «Комитет действия» был создан с целью организации борьбы рабочих против вступления Англии в войну с Советской Россией. — *583.*

[166] *Московская губернская конференция РКП(б)* состоялась 20—22 ноября 1920 года; на конференции присутствовало 289 делегатов с решающим голосом и 89 с совещательным.

Речь «Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии» Ленин произнес на второй день конференции 21 ноября 1920 года. В том же году речь была опубликована отдельной брошюрой на русском, немецком и французском языках.

Во время выборов на конференцию и во время работы конференции против партийной линии выступили антипартийные группы «демократического централизма» и «рабочей оппозиции». Под руководством Ленина конференция дала отпор антипартийным вылазкам врагов партии. — *594.*

[167] *VIII Всероссийский съезд Советов* происходил в Москве 22—29 декабря 1920 года. На съезде присутствовало 2 537 делегатов, из них 1 728 с решающим голосом и 809 с совещательным.

По докладу Ленина о деятельности Совета Народных Комиссаров съезд единогласно принял резолюцию, одобрявшую деятельность Советского правительства.

VIII съезд Советов принял выдвинутый Лениным план электрификации страны — план Гоэлро (Государственной комиссии по электрификации России) — и резолюцию по докладу об электрификации, написанную Лениным. Во время работы съезда Ленин неоднократно выступал на заседаниях фракции РКП(б). На первом заседании фракции 21 декабря Ленин сделал доклад о концессиях. На заседании фракции 22 декабря Ленин произнес речь по вопросам внешней и внутренней политики.

На обсуждение съезда был предложен законопроект о мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства, принятый Советом Народных Комиссаров 14 декабря 1920 года. Основные положения законопроекта обсуждались с участием Ленина на совещании делегатов-крестьян 22 декабря 1920 года и на фракции РКП(б) съезда 24 и 27 декабря. Законопроект был принят съездом единогласно 28 декабря 1920 года.

VIII съезд Советов утвердил союзный договор между РСФСР и УССР. — *604.*

[168] Ленин имеет в виду «Речь на собрании актива Московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 года» (см. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 31, стр. 410—429). — *605.*

[169] Ленин имеет в виду ноту Верховного совета союзников Колчаку от 26 мая 1919 года, в которой правительства Франции, Англии, Италии, Америки и Японии заявили о готовности помочь Колчаку и признать его в качестве главы «всероссийского правительства». — *607.*

[170] *«Сухаревка»* — рынок, находившийся на Сухаревой площади (ныне Колхозная площадь) в Москве. Слово «сухаревка» было синонимом спекуляции и мешочничества. Перед VIII Всероссийским съездом Советов сухаревский рынок был закрыт решением президиума Московского Совета от 13 декабря 1920 года. — *621.*

[171] 10 августа 1920 года правительство Франции официально заявило о признании Врангеля правителем Юга России. — *625.*

[172] *IV Всероссийский съезд рабочих швейной промышленности* происходил в Москве 1—6 февраля 1921 года. На съезде присутствовало

287 делегатов. Съезд обсудил вопросы: о деятельности ЦК союза, об экономических задачах, о нормировании труда, о международном объединении профсоюзов и другие. Ленин произнес речь на 9 пленарном заседании, утром 6 февраля. — *632.*

173 *X съезд РКП(б)* состоялся в Москве 8—16 марта 1921 года. На съезде присутствовало 694 делегата с решающим голосом, представлявших 732 521 члена партии, и 296 — с совещательным голосом.

Съезд заслушал и обсудил отчет о политической деятельности ЦК, отчет Контрольной комиссии, доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе, о замене разверстки натуральным налогом, о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне и другие.

Ленин выступил с речью при открытии съезда и руководил всей его работой. Он делал доклады по всем основным вопросам повестки дня: о политической деятельности ЦК РКП(б), о замене разверстки натуральным налогом, об единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне; выступал с заключительным словом по каждому из этих вопросов. Ленин также выступал на съезде с речами: о профессиональных союзах, по топливному вопросу, при закрытии съезда. Лениным были подготовлены первоначальные проекты резолюций: о кооперации, об улучшении положения рабочих и нуждающихся крестьян, о единстве партии, о синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии.

Съезд подвел итоги дискуссии о профсоюзах и одобрил подавляющим большинством голосов ленинскую платформу. Съезд принял составленные и предложенные Лениным резолюции «О единстве партии» и «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» (см. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 32, стр. 217—220, 221—224). Съезд признал пропаганду идей анархо-синдикалистского уклона несовместимой с принадлежностью к коммунистической партии.

Съездом было принято решение о замене разверстки натуральным налогом, о переходе к новой экономической политике.

Съезд единогласно принял резолюцию об очередных задачах партии по национальному вопросу. X съезд партии избрал новый Центральный Комитет с обеспеченным большинством ленинцев. В состав ЦК были избраны: Ленин, Ворошилов, Дзержинский, Калинин, Орджоникидзе, Сталин и др. — *634.*

174 Торговое соглашение с Англией было подписано 16 марта 1921 года. — *637.*

175 *Собрание секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии,* созванное Московским комитетом партии, происходило в Колонном зале Дома союзов. На собрании присутствовали также члены московской партийной организации, участвовавшие в ликвидации контрреволюционного мятежа в Кронштадте, и представители от волостных организаторов по работе среди крестьянок Московской губернии. На повестке дня стоял вопрос о продовольственном налоге. Докладчиком по этому вопросу был Ленин. — *643.*

176 *X Всероссийская конференция РКП(б)* состоялась в Москве 26—28 мая 1921 года. Конференция являлась внеочередной.

Основное внимание конференции было уделено вопросу о проведении в жизнь новой экономической политики. Ленин подготовил к конференции письменный план доклада и план заключительного

слова по вопросу о продовольственном налоге, дал свои замечания на план работы ЦК РКП(б). Ленин произнес речь при открытии конференции; выступил с докладом о продовольственном налоге и с заключительным словом по докладу; подготовил проект резолюции по этому вопросу; выступил с докладом о работе коммунистической фракции IV съезда профсоюзов; произнес речь при закрытии конференции. За три дня работы конференции Ленин выступал двенадцать раз.

Проект резолюции о новой экономической политике, разработанный Лениным, был принят конференцией. — *644.*

177 *III конгресс Коммунистического Интернационала* происходил в Москве с 22 июня по 12 июля 1921 года. В работе конгресса принимали участие представители коммунистических, левосоциалистических и социалистических партий 48 стран и делегаты международных союзов молодежи и женщин. На конгресс были приглашены также представители групп, близко стоящих к Коминтерну.

Российская коммунистическая партия (большевиков) была представлена на конгрессе 72 делегатами. Возглавлял делегацию Ленин.

Ленин был избран почетным председателем конгресса. Он руководил всей работой конгресса. Лениным были разработаны «Тезисы доклада о тактике РКП на III конгрессе Коммунистического Интернационала». Ленин выступал на конгрессе с речью по итальянскому вопросу; с речью в защиту тактики Коммунистического Интернационала; с докладом о тактике РКП(б). 11 июля Ленин произнес речь на совещании с представителями некоторых делегаций конгресса.

III конгресс Коминтерна, заслушав доклад Ленина о тактике РКП(б), единогласно одобрил ее; одобрил экономическую политику РКП(б), направленную на укрепление диктатуры пролетариата, призвал пролетариат всего мира стать на сторону рабочих и крестьян Советской республики и пойти по их пути. — *648.*

178 Имеется в виду расстрел английскими войсками безоружной массы индийцев в городе Амритсаре 13 апреля 1919 года. В результате этой бойни оказалось убитых 400 человек, раненых 1 200. Такие же расстрелы произошли и в других городах Индии. — *649.*

179 *IX Всероссийский съезд Советов* происходил в Москве 23—28 декабря 1921 года. На съезде присутствовали 1991 делегат. Выступление Ленина с отчетом ВЦИК и СНК о внутренней и внешней политике республики состоялось вечером 23 декабря. По докладу Ленина съезд единогласно одобрил деятельность Советского правительства за отчетный год. Съезд принял декларацию о международном положении РСФСР, составленную на основе указаний Ленина, изложенных им в настоящем письме. Съезд также принял составленный Лениным «Наказ по вопросам хозяйственной работы» (см. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 33, стр. 153—156) и ряд решений по вопросам промышленности и сельского хозяйства. — *654.*

180 *Вашингтонская конференция* состоялась 12 ноября 1921 года — 6 февраля 1922 года. США, являясь инициатором этой конференции, добились укрепления своих политических, военно-морских и экономических позиций на Дальнем Востоке. Советская Россия не была приглашена на конференцию. Вашингтонская конференция еще более усилила противоречия между империалистическими державами. — *665.*

181 Гражданский кодекс был переработан на основе директив Ленина, изложенных им в письме Д. И. Курскому. Кодекс рассмотрен на III

и IV сессиях ВЦИК IX созыва (в мае и октябре 1922 года). IV сессия приняла решение ввести в действие Гражданский кодекс с 1 января 1923 года (см. речь В. И. Ленина на IV сессии ВЦИК IX созыва). (см. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 33, стр. 353—358). — *670.*

182 Ленин имеет в виду Генуэзскую конференцию.

Генуэзская конференция («Международная экономическая конференция») происходила 10 апреля — 19 мая 1922 года в г. Генуя (Италия) с участием представителей Советской России, Англии, Франции, Италии, Бельгии, Японии, Германии и 21 других государств. Представитель США присутствовал в качестве «наблюдателя».

Империалистические державы пытались на конференции использовать хозяйственные затруднения Советской России, чтобы навязать кабальные условия соглашения. Они требовали уплаты всех царских долгов, включая и довоенные, возвращения иностранным владельцам национализированных предприятий и др.

В. И. Ленин был утвержден чрезвычайной сессией ВЦИК 27 января 1922 года председателем советской делегации. Не имея возможности выехать в Геную, он фактически руководил всей работой советской делегации, давал директивные указания членам делегации о порядке постановки вопросов, о содержании меморандумов, вносимых от имени Советского правительства в процессе работ конференции.

Советская делегация, отвергнув наглые притязания империалистов, внесла предложения о всеобщем разоружении и аннулировании всех военных долгов. Из-за враждебной позиции Франции и Англии по отношению к Советской России конференция была прервана. Обсуждение вопроса было передано на собравшуюся в июне — июле 1922 года в Гааге конференцию экспертов. Как и на Генуэзской конференции, переговоры в Гааге закончились безрезультатно.

Основные задачи в области внешней политики Советского правительства в связи с конференциями в Генуе и Гааге Ленин изложил в своих выступлениях на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов и на XI съезде партии (см. настоящий сборник, стр. 672—678, 679—682). — *671.*

183 *V Всероссийский съезд рабочих металлистов* происходил в Москве 3—7 марта 1922 года. На съезде присутствовало 318 делегатов, представлявших более полумиллиона организованных в профсоюзы рабочих металлистов. Речь Ленина на заседании коммунистической фракции съезда была произнесена утром 6 марта. — *672.*

184 *XI съезд РКП(б)* происходил в Москве 27 марта — 2 апреля 1922 года. Это был последний съезд партии с участием Ленина. На съезде присутствовало 522 делегата с решающим голосом и 165 с совещательным. Съезд рассмотрел следующие вопросы: 1) Политический отчет ЦК; 2) Организационный отчет ЦК; 3) Отчет ревизионной комиссии; 4) Отчет ЦКК; 5) Отчет делегации РКП в Коминтерне; 6) Профессиональные союзы; 7) О Красной Армии; 8) Финансовая политика; 9) Итоги чистки партии и укрепление ее рядов; содоклады: о работе среди молодежи, о печати и пропаганде; 10) Выборы ЦК и ЦКК.

Ленин открыл съезд вступительной речью, выступил с докладом о политической деятельности ЦК РКП(б) и с заключительным словом по докладу, а также с речью при закрытии съезда.

Съезд подвел итоги первому году новой экономической политики. — *679.*

185 *Рапалльский договор* — договор Советского правительства с Германией, заключенный 16 апреля 1922 года во время Генуэзской кон-

ференции. Договор предусматривал установление дипломатических отношений между странами, взаимный отказ от возмещения военных расходов. Германское правительство отказывалось также от требования возврата бывшим германским владельцам предприятий, национализированных Советским правительством. — *686.*

184 *«The Observer»* («Наблюдатель») — консервативная английская воскресная газета; издается в Лондоне с 1791 года.
«The Manchester Guardian» («Страж Манчестера») — английская буржуазная газета; издается с 1821 года в г. Манчестере. — *687.*

187 Речь идет о Лозаннской конференции, происходившей 20 ноября 1922 года — 24 июля 1923 года. — *688.*

188 Имеются в виду переговоры о заключении концессионного договора с крупным английским промышленником Уркартом на разработку полезных ископаемых на Урале и в Сибири. При обсуждении проекта договора Троцкий, Зиновьев и Каменев настаивали на принятии кабальных условий, предложенных Уркартом. Проект договора с Уркартом 6 октября 1922 года был отклонен Совнаркомом из-за враждебной политики английского правительства по отношению к Советской России и кабальных условий договора. — *690.*

189 *IV сессия ВЦИК IX созыва* происходила 23—31 октября 1922 года. Ленин произнес речь на заключительном заседании сессии. — *693.*

190 Речь Ленина на пленуме Московского Совета, заседавшего совместно с пленумами всех районных Советов Москвы, была произнесена вечером 20 ноября 1922 года. Это было последнее выступление Ленина. — *695.*

191 Ленин имеет в виду постановление Народного собрания Дальневосточной республики о воссоединении ДВР с РСФСР, принятое 14 ноября 1922 года, извещение о котором было опубликовано в газетах 15 ноября 1922 года. — *695.*

192 *Гаагский международный конгресс мира*, происходивший 10—15 декабря 1922 года, был созван Амстердамским интернационалом профессиональных союзов под давлением рабочих масс в целях борьбы с опасностью новой мировой войны. Советская делегация, приглашенная на конгресс по требованию революционных рабочих профсоюзов и кооперативов, несмотря на сопротивление оппортунистического большинства конгресса, изложила задачи пролетариата по отношению к войне в духе директивы Ленина. Конгресс отверг предложенную советской делегацией программу действий. — *701.*

193 Письмо В. И. Ленина «О монополии внешней торговли» предназначалось для предстоявшего 18 декабря 1922 года пленума ЦК РКП(б), в работе которого Ленин не смог участвовать ввиду болезни. Пленум ЦК, разоблачив капитулянтскую позицию Бухарина и Сокольникова, подтвердил необходимость сохранения монополии внешней торговли, не допуская никаких отступлений в отношении ввоза и вывоза отдельных категорий товаров помимо Народного комиссариата внешней торговли. XII съезд партии, происходивший 17—25 апреля 1923 года, в работе которого В. И. Ленин также не смог участвовать ввиду болезни, отверг посягательства капитулянтов на незыблемость монополии внешней торговли, приняв по данному вопросу следующее реше-

ние: «Съезд категорически подтверждает незыблемость монополии внешней торговли и недопустимость какого-либо ее обхода или колебаний при ее проведении и поручает новому ЦК принять систематические меры к укреплению и развитию режима монополии внешней торговли» (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 7 изд., ч. I, 1954, стр. 682). — *705.*

[194] Статья *«Как нам реорганизовать Рабкрин»* и являющаяся ее продолжением статья *«Лучше меньше, да лучше»* были написаны Лениным к XII съезду партии.

XII съезд РКП(б), происходивший 17—25 апреля 1923 года, учел в своих решениях все указания Ленина в его последних статьях и письмах. Съезд принял специальную резолюцию «О задачах РКИ и ЦКК», а также решение об объединении работы органов ЦКК и НК РКИ (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 7 изд., ч. I, 1954, стр. 719—723, 725—726). — *709.*

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

Австро-прусская война 1866 г. — 399.

Агрессия империалистическая — 15—16, 68—70, 74—75, 79—80, 100, 215—218, 229—230, 238, 240—241, 263, 286—287, 289—290.

См. также Империализм — агрессия во внешней политике.

Англия — 61—63, 101, 116—119, 129, 141—142, 143, 151, 154, 169, 180, 196, 200—201, 205—206, 228, 230—231, 232, 237, 238, 239, 286—287, 300—301, 413—417, 425, 443—444, 446—447, 472—473.

См. также Англо-бурская война 1899—1902 гг.; Империализм английский; Империалистическая война 1914—1918 гг. — и Англия; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Советской России — и английский империализм как один из организаторов интервенции; Ирландия и ирландский вопрос; Колонии и колониальный вопрос в отдельных странах — в Англии; Советская Россия и капиталистический мир — и Англия.

Англо-бурская война 1899—1902 гг. — 15, 183, 189, 214—215.

Аннексии и контрибуции — 15—17, 69—70, 73, 161—162, 163—164, 192—193, 194, 209, 217—218, 224, 225, 238, 240—241, 244, 258—260, 261, 264, 266, 274—275, 279—280, 289—293, 317, 324, 338.

Антанта — ее империалистический характер и противоречия внутри нее — 142—143, 144, 236—239, 246—248, 316—317, 453, 481, 482, 497—499, 505, 526, 538—539, 552—554, 564, 579—580, 606—607.

— в период империалистической войны 1914—1918 гг. — 143—144, 240—241, 305—306, 417—418, 573.

— ее контрреволюционная роль после империалистической войны 1914—1918 гг. — 417—418, 436—437, 444—445, 446, 447—448, 450, 451—452, 462, 550—551, 570—571, 573, 668.

— ее роль в организации военной интервенции в Советской России — 412—418, 419, 420, 421, 422, 436—437, 447—448, 450, 451—452, 458—459, 460, 464—465, 471, 479, 481—482, 498—499, 505—515, 517—519, 525—526, 533—537,

[1] Составлен на основе предметного указателя к 4-му изданию Сочинений В. И. Ленина (см. «Справочный том к 4-му изданию Сочинений В. И. Ленина», ч. 1) и «Систематического указателя избранных высказываний В. И. Ленина о международном праве и международной политике» В. Н. Дурденевского, Л. Г. Шатова, изд. МГИМО, 1955.

Б-1287

543, 545—546, 547—548, 551—552, 560, 561, 562—564, 569—570, 579, 606—607, 624—625.
См. также Брестский мир 1918 г. — и Антанта; Советская Россия и капиталистический мир — и Антанта.
Антимилитаризм — 439—440, 689—690, 701—704.
Балканские войны 1912—1913 гг. — 81—82, 83—84, 89—90, 115.
Балканы и балканский вопрос — 67—75, 80, 81—82, 83—84, 89—90, 107—108, 109, 110, 111—112, 175, 228, 272.
Ближневосточная конференция — *см.* Лозаннская конференция 1922—1923 гг.
Блокада Советской России империалистическими государствами — 446—447, 471, 474, 506—507, 513—515, 517, 519, 521—522, 525, 526, 529—530, 543, 551—552, 564—566, 662—663, 664—665, 666, 697.
Блокада экономическая как средство империалистической политики — 446—447, 451—452, 529—531, 662—663, 697.
Боксерское (Ихэтуаньское) восстание 1899—1901 гг. в Китае — 14—18, 216.
Бразилия — 115, 172, 211—212.
Братание солдат на фронте в период империалистической войны 1914—1918 гг. — 146, 161—162, 252, 270—272, 277—278, 332, 333—334, 341, 349.
Брестский мир 1918 г. — **оценка его условий и его значение** — 165—166, 360—362, 375—376, 382—383, 396—398, 401—402, 410, 420—421, 426—427, 440, 441—442, 443, 446—447, 456—458, 469, 521, 557—558, 558—559, 602.
— **история его заключения** — 336—337, 338—339, 351, 352, 354—357, 358—362, 378—379, 382—383, 389—390, 456—457, 479.
— **причины его заключения** — 352, 358—362, 377—379, 379—380, 382—383, 410, 440—441, 456—457, 458, 558, 606—608.
— **и Антанта** — 425—427.
— **борьба партии с предательской позицией «левых коммунистов»** — 354—357, 358—362, 367—381, 403—404, 557.
— **борьба партии с предательской позицией Троцкого** — 354—357, 360, 361—362, 369—374, 375—376, 384—385.
— **и Версальский мир 1919 г. (сравнение)** — 398—399, 400, 481, 496—497, 521—522, 573, 589—590, 656—657.
— **внешняя и внутренняя обстановка** — 369, 382, 384—385, 396—408, 440—441, 457, 458, 480.
— **как выход из империалистической войны и завоевание мирной передышки** — 339, 351, 352, 370—371, 375—379, 401—402, 410, 418, 457, 579.
— **и контрреволюционная позиция меньшевиков и эсеров** — 397—398, 403—404, 410, 418.
— **и массы** — 360—361, 369, 373—374, 375—376, 377—379, 410.
— **отношение к нему германской буржуазии** — 398—399, 418, 443.
— **отношение к нему русской буржуазии** — 360—361, 387—388, 458.
— **революция в Германии и аннулирование договора** — 372—373, 375—376, 379, 440—442, 479—482.
— **и революция международная** — 379—380, 440—441, 442—443, 447—448, 457, 458—459.
— **и Тильзитский мир 1807 г. (сравнение)** — 361—362, 375—376, 378—379, 380—381.
Великобритания — *см.* Англия.
Венгерская революция 1919 г. и Советская республика в Венгрии — 461—462, 467—470, 482, 487—488, 505—506, 550—551, 560, 573—574.
Венгрия — 135—136, 442—443, 461—462, 468, 470, 482, 487—488, 570.

Версальский мир 1919 г.
— и Брестский мир (сравнение) — 166, 445—447, 452, 481, 496—497, 521—522, 573, 590, 656—658.
— его империалистический, грабительский характер — 166, 446—447, 452, 479, 481, 496—498, 521—522, 526—527, 573, 582—583, 589—591, 690—691.
— его последствия — 479—480, 487, 496—498, 685.
— и угнетенные народы колоний и зависимых стран — 573, 615.
— и Австрия — 444—445, 452, 590.
— и Англия — 166, 482, 496—498, 521—522.
— и Германия — 445—446, 452, 479—480, 481, 521—522, 526, 590, 613—615.
— и Польша — 582—583, 589.
— и США — 166, 497—498.
— и Франция — 166, 482, 496—498, 521—522, 526.
Вильсон В. и вильсонизм — 166, 245, 247—248, 386, 430—431, 452, 471, 514—515.
Внешняя политика Советского государства
— ее основные принципы — 323—327, 336, 341, 389—390, 405—406, 425—427, 469, 519—520, 540, 560—561, 568, 606—608, 613—615, 616, 625—627, 627—628, 654, 659—662, 685—686, 688—690.
— в первые месяцы Советской власти — 323—327, 328—330, 331—333, 335—337, 338—339, 341, 349, 351, 352, 371—372, 382—383, 384—385, 386, 389—390, 394—408, 418, 420—421, 425—427, 439—441, 442—443, 511, 656.
— декрет о мире 26 октября (8 ноября) 1917 г. — 323—327, 328—330.
— в период иностранной военной интервенции и гражданской войны — 439—442, 445—446, 456, 459, 484—485, 489, 490, 516—517, 519—520, 525—526, 530—538, 538—539, 540—542, 543, 544, 546, 551—554, 560—561, 563—565, 568—569, 582, 584—585, 594—595, 624—625, 633, 637—638, 643, 661.
— в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства — 599—600, 624—625, 625—631, 654, 659—665, 666—667, 672—678, 679—682, 685—686, 687—692, 693—694, 695—696, 696—700.
— и аннулирование царских долгов — 341, 390, 442—443, 448, 588—589.
— и вопрос о возможности мирного сосуществования двух систем (социалистической и капиталистической) — 489, 540, 541, 542, 626—627, 627—629, 637—639, 661—663, 665, 679—682, 685—686, 687—690.
— ее международное значение — 341, 348, 420—421, 426—427, 439—440, 516, 530—538, 538—539, 615—616.
— мирные акты Советского правительства — 323—327, 401, 425—426, 456—457, 458—459, 490, 516—517, 519, 526, 530—537, 538—539, 543, 546, 558, 568, 583—584, 588—589, 594—595, 599, 606—608, 621, 622—625, 633, 637, 638, 643, 661, 685, 686.
— разоблачение тайной дипломатии и опубликование договоров царского правительства — 324—325, 329, 332, 337, 441, 371—372, 390, 401, 405, 426—427, 439—440, 558, 569.
См. также Брестский мир 1918 г.; Внешняя торговля — Советской России; Генуэзская конференция 1922 г.
Внешняя политика царского самодержавия
— ее сущность — 23—29, 34—40, 41—44, 59—60, 72—73, 142—143, 229—234, 259, 274—275, 275—276, 282, 293, 426—427, 439—440, 577—578.
— в XIX в. — 14—18, 116, 139—140, 145—146, 274—276, 445—446.

— до начала империалистической войны в 1914 г. — 41—44, 45—48, 59—60, 61, 62, 67—75, 77—78.
— в годы империалистической войны (1914—1917 гг.) — 143—144, 148—149, 227—231, 236—238, 241, 281—282, 481.
— на Ближнем и Среднем Востоке — 61, 62, 71—73, 74—75, 77, 231, 232, 293.
— на Дальнем Востоке — 14—18, 23—29, 30, 38—39, 41—44, 77.
— ее зависимость от западно-европейского империализма — 34—40, 231—232.
— царизм как оплот международной реакции — 17—18, 23—24, 61, 62, 67, 69—70, 72—75, 116, 132—133, 146—148, 445—446.

Внешняя торговля
— при капитализме — 7—9, 9—13, 15, 16, 116, 132, 135—136, 153—156, 445—446.
— царской России — 9—13, 15, 16, 528.
— Советской России — 391—393, 540, 541, 546, 597—598, 600, 608—609, 611—612, 628—629, 637, 639, 640—641, 643, 662—665, 673—676, 678, 680—682, 695, 696—697, 698—700, 705—708.

Военнопленные — 349.

Военные долги и займы царские — *см.* Займы и долги царские.

Военные союзы капиталистических стран в эпоху империализма — 151—152, 181—182, 215—217, 232, 237—238, 255—256, 286—287, 305—306, 395—399, 417, 484—486, 540, 568—569.

Война (учение о войне)
— классовый характер (сущность) войн — 28—29, 35, 76, 79, 138, 151—152, 159, 164—165, 179—180, 185—188, 196—197, 198—199, 214—217, 218—220, 221—231, 249—250, 263, 264, 268, 283—288, 320—321, 494—496.
— исторические типы войн — 15, 25—26, 35, 139—145, 145—146, 159—160, 284—286, 288, 289—291, 320—321, 378—379, 387—388, 424—425, 429, 430—431.
— и неизбежность войн при капитализме — 29, 35, 79, 138, 139—140, 159—160, 164—166, 179—180, 185—188, 196—197, 198—199, 215—216, 218—220, 249—250, 285—286, 288, 291—293, 382, 395—397, 398, 443, 453, 483—484, 532—533, 549, 610, 648—649, 658, 703—704.
— и «нейтралитет» в войне (сущность) — 243—244.
— несправедливые, захватнические войны как орудие порабощения народов — 14—18, 79, 141—142, 143—144, 234, 244—245, 259, 285, 279—280, 294—295, 314—315, 361—362, 453.
— несправедливые, захватнические войны как средство обогащения эксплуататорских классов — 15—16, 79, 101—102, 145, 159, 246—247, 248, 263, 264, 268—269, 286—287, 424, 443, 453, 484—486.
— последствия войн — 76, 79, 138, 159, 166, 314, 366—367, 430—431, 453, 659—660.
— причины возникновения войн — 28, 138, 159, 185—188, 196, 198—199, 215—217, 218—220, 283—284, 285, 289—291, 291—293, 298, 395—396, 453, 549, 708—710.
— как продолжение политики иными средствами — 142—144, 151—152, 159, 228—229, 231—232, 249, 264, 284—287, 288, 289—290, 320—321, 378—379, 494, 605.
— расходы военные — 14—15, 24—25, 26, 79, 101, 102, 177, 289—290.
— и революции — 23—25, 27—29, 31—33, 34—35, 41—44, 83—84, 138, 145, 146, 159—160, 166, 252, 269, 289—302, 310, 314—315, 325—326, 418, 430—431, 453, 496—497, 517—518, 610, 630, 648, 656.
— роль народных масс в войне — 25—26, 378—379, 379, 494—495.

— справедливые и несправедливые (прогрессивные и реакционные) войны — 27—28, 138—145, 159—160, 161, 251—252, 281—282, 283—387, 310, 311—312, 316—317, 356—357, 378—379, 382—383, 387—388, 424—425, 429, 428—429, 431, 654.

См. также Гражданская война; Империалистическая война 1914—1918 гг.; Империалистические (захватнические) войны; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Советской России; Колониальные войны; Национально-освободительные войны; Революционные войны.

Война буржуазно-помещичьей Польши против Советской России в 1920 г.

— и международный империализм (США, Антанта, Лига Наций) — 526, 535—537, 540, 545—546, 552—553, 560—561, 562, 566, 569—570, 582—584, 586—593, 594—600, 611—612, 621, 624—625.

— и мирная политика Советского государства — 540, 543—544, 560—561, 563—565, 582, 584—585, 586, 588, 591, 593—594, 595—596, 599, 621, 624—625, 643.

— причины ее возникновения, ход войны и ее исход — 552—553, 560—561, 582—583, 583—585, 586—593, 594—598, 600, 611—612, 624—625, 643.

Война за независимость в Северной Америке (1775—1783 гг.) — 355, 424, 425, 427—428, 429, 430.

Временное правительство в России в 1917 г.

— его империалистическая внешняя политика и империалистическая война — 251, 252, 258—260, 261, 263—264, 276, 281—282, 293—295, 296, 307—308, 319—379, 355, 356, 363—364, 439—440, 481—482.

— зависимость его от иностранных империалистических государств (США, Англии и Франции) — 261, 295—296, 305—306, 318—319.

Вывоз капитала — 100, 141—142, 151—152, 167, 169—173, 187, 190—191, 199—200, 211—213, 218—219, 219—220, 245, 280, 287, 453.

Генуэзская конференция 1922 г. — 671, 672—678, 679—682, 685—686.

Германия

— общая характеристика — 65, 122—123, 132, 141—142, 143, 151, 196, 228—229, 231, 232, 233, 248—249, 266, 278, 284, 290—291, 335, 418, 443—444, 514—515, 613—614.

— после революции 1848 г. (период объединения) — 116, 136, 139—140, 145, 149, 159, 215, 248, 399.

— в 1870—1900 гг. — 159—160, 204—205, 288—289, 473.

— в XX в., до 1914 г. — 84, 88, 158, 204—205, 473.

— в период империалистической войны 1914—1918 гг. — 141—142, 143, 147, 151, 160, 165—166, 227, 230—231, 233, 237, 241, 258—259, 269, 311, 401—402, 424—426, 436, 438, 441—442, 443—444, 444—445, 498—499.

— после империалистической войны 1914—1918 гг. — 442—443, 466—467, 473, 479—480, 481, 482, 496, 497—498, 521, 526, 563—564, 613—615, 618—619, 619—620, 665, 708.

См. также Брестский мир 1918 г.; Версальский мир 1919 г.; Империализм германский; Империалистическая война 1914—1918 гг. — и Германия и германская коалиция; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Советской России — и Германия; Колонии и колониальный вопрос в отдельных странах — в Германии; Советская Россия и капиталистический мир — и Германия.

Германская революция 1918—1919 гг.

— и империализм Антанты и

США — 465, 550—551.
Государственный суверенитет и независимость — 188—189, 650, 685.
См. также Право наций на самоопределение (программное положение большевизма).
Гражданская война
— сущность — 53—54, 55—56, 62, 138, 150—151, 233, 343—345, 398—399, 430—431, 494, 517—518.
— ее отличие от других войн — 53—54.
— и соединение гражданской войны с революционными и национально-освободительными войнами в эпоху империализма — 500.
— в эпоху империализма и пролетарских революций — 145, 146, 150—151, 227—228, 233, 343—345, 375, 430—431, 500, 562—664.
Гражданская война в Западной Европе после империалистической войны 1914—1918 гг. — 196—197, 558—559.
Гражданская война в Советской России — *см.* Иностранная военная интервенция и гражданская война в Советской России.
Греко-турецкая война 1919—1922 гг. — 687—688.
Греция — 81, 231, 424—425.
Дания — 175, 572, 658—659.
Декрет о мире 26 октября (8 ноября) 1917 г. — 323—327, 328—330.
Демпинг — 211—212.
Дипломатия буржуазная — 50, 67, 68—70, 73, 74, 80, 188, 227, 228—229, 230—231, 234, 237, 238, 240, 241, 279—280, 298, 325—326, 394—395, 439, 446—447, 529, 582, 583—584, 661—662, 673—674, 675—676, 688—689.
См. также Договоры международные.
Дипломатия советская — 323—327, 405, 406, 439—440, 582, 583—584, 637—638, 661—662, 675—676, 679—680, 685—686, 688—689, 693—694.
См. также Внешняя политика Советского государства.
Договоры международные — 69—70, 73, 143, 155—156, 172, 228—229, 229—230, 387—388, 396—397, 401.
— их несоблюдение эксплуататорскими государствами — 151.
— тайные договоры капиталистических государств — 228—229, 229—230, 237—238, 241, 279—280, 281—282, 329, 355, 425—426, 439—440, 550—551, 569.
Договоры тайные царского правительства
— аннулирование и опубликование их Советским правительством — 317, 324—325, 329, 332, 335—336, 341, 355—356, 371—372, 401, 405, 426—427, 439—440, 558, 569.
— их империалистический характер — 73, 228—229, 229—230, 231, 237—238, 241, 259—260, 263, 279, 281—282, 293—294, 305—306, 312—313, 315, 353, 425—426, 439—440, 569, 570.
— отношение к ним буржуазного Временного правительства — 258—260, 263, 281—282, 293—294, 305—306, 355, 401, 439—440.
См. также Внешняя политика царского самодержавия.
Дружба народов — 275, 304, 321—322, 336—337, 454, 492, 626—627, 688—689.
Европа — 24, 57—58, 61, 66, 67—68, 72—73, 80, 81—82, 85, 89, 98, 99—100, 106—107, 109—110, 114—115, 122—123, 134—135, 135—136, 138, 139, 151, 196, 197—198, 232—233, 284—285, 420—429, 496, 496—497, 507, 540, 541, 551—552, 582, 583—584, 624, 626—627, 651—652, 662, 679.
Египет — 73, 187, 210—211, 213—214, 424.
Займы и долги царские — 17, 34—40, 43—44, 170—172, 263—264,

341, 442—443, 448, 588—589, 666—667.

Законы и обычаи войны — 19.

См. также Иностранная военная интервенция и гражданская война в Советской России — зверства и грабежи интервентов и белогвардейцев и материальный ущерб, нанесенный стране; Колониальные войны.

Закон неравномерного экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма — 151—152, 169—170, 184—185, 195—199, 215, 219—220, 288—289, 532—533.

Защита отечества в национальных войнах — *см.* Национально-освободительные войны.

«Защита отечества» — лозунг социал-шовинистов — *см.* Социал-шовинизм и борьба с ним.

Защита социалистического отечества — *см.* Оборона социалистического отечества.

Империализм

— сущность и основные признаки — 99—100, 101—102, 141, 147—149, 151, 166, 167, 189—207, 217—223, 225—226, 243—244, 249—250, 288, 365—366, 420—421, 439, 484—485, 573, 639.

— агрессия во внешней политике — 14—17, 68—70, 77—79, 100, 215—218, 238—239, 240—241, 263, 286—287, 289—291, 668.

— борьба за захват новых рынков и сфер влияния — 15—18, 68—69, 73, 74—75, 79, 140—141, 151—152, 164—166, 173, 175—176, 185—188. 198—199, 215, 218—219, 224—225, 228—229, 237, 240—241, 241—242, 420—421, 453, 466, 485—486.

— борьба за источники сырья 175—176, 185—188, 218—219, 225, 453.

— вывоз капитала — 100, 142—143, 151—152, 168—169, 169—173, 187, 190—191, 197—199, 244, 280, 287, 453.

— империалистические, захватнические войны как неизбежный спутник империализма — 79, 141, 150—151, 153, 164—167, 179—180, 187, 196—197, 198—199, 215—217, 252, 285—286, 286—288, 291—293, 382, 395—397, 397—398, 443, 453, 484—486, 532—533, 541—542, 648—649, 656, 702—703.

— империалистические союзы капиталистических стран — 73, 74, 151—152, 173—180, 185—186, 215—217, 228—230, 237—238, 247—248, 286—288, 305, 395—396, 417—418, 484—485, 540, 568—569.

— интернационализация хозяйственных отношений — 110—111, 186—187, 243, 268.

— метрополии и колонии (территория и население) — 141—143, 151, 164—166, 180—190, 196, 205—207, 214—215, 590.

— неравномерность экономического и политического развития как закон развития капитализма в эпоху империализма — 151—152, 157, 164—165, 165—166, 175—176, 184—185, 191—199, 215, 219—220, 288—289, 532—533.

— и общий кризис капитализма — 165—166, 299—300, 314—315, 395—396, 485—486, 495—498, 619—620, 648—649, 656—658, 685—686.

— основной экономический закон монополистического капитализма (исходные положения) — 167—168, 169, 185—186, 187, 189—191, 201—202, 203—204, 206—207, 217—219, 220—221, 268—269, 286—287, 424—426.

— паразитизм и загнивание капитализма — 99—100, 167, 169—171, 192—193, 198—207, 219—222, 375, 484—485, 496—498, 656—658.

— и полуколонии и зависимые страны — 14—18, 61—64,

68—69, 73, 74, 109—110, 141, 151, 165—166, 183—186, 188—189, 197—198, 211—213, 225—226, 228—229, 229—230, 234, 237—238, 242, 249—250, 424—426, 500—501, 590.

— как последняя стадия развития капитализма и канун социалистической революции — 110—111, 139—140, 152, 163—223, 397—398.

— противоречия и борьба между империалистическими странами — 16—18, 68—69, 74—75, 81—82, 109, 139—143, 151—152, 154—155, 155—156, 164—166, 169—173, 175—177, 184—185, 186, 187—188, 192—194, 196—197, 197, 206—207, 211—212, 215—218, 218—219, 220—221, 225—226, 228—233, 237—238, 240—241, 286—291, 291—293, 305—306, 367—368, 395—398, 398—399, 437, 441—443, 447—448, 466—467, 484, 485—486, 495—499, 548—550, 552—553, 563—565, 587—590, 592—593, 598—599, 602—603, 605—608, 609, 610—611, 612—614, 648, 656, 676—697, 702—703.

— противоречия между колониями и империалистическими странами — 62—64, 79, 90, 109—110, 142—143, 207—208, 242, 286, 289—291, 424, 425, 500—501, 531—532, 578, 646—647, 650—651.

— раздел и передел мира — 15—18, 68—69, 73—75, 79, 139—143, 150—152, 164—166, 170—190, 190—191, 192—194, 196—197, 198—199, 203—204, 206—207, 207—208, 215—217, 218—220, 220—221, 225, 228—233, 237—239, 240—241, 246—247, 288, 291—293, 395—396, 398—399, 420—421, 435—436, 453, 481, 484—495, 500.

— и раскол мира на две системы: капиталистическую и социалистическую — 152, 332, 348, 395—397, 426—427, 435, 656, 661—663, 685—686.

— усиление противоречий капитализма после империалистической войны 1914—1918 гг. — 395—397, 466—470, 481, 494—499, 526, 532—533, 563—564, 602, 619—620, 656—658, 673—685, 676—677, 685.

Империализм австрийский — 142—143, 450.

Империализм американский (США) — 540.

— его агрессивный характер — 165—166, 225, 236, 241, 299, 424—425, 425—426, 426—427, 427—428, 440, 441—442, 444—445, 484, 497—499, 511—513, 569, 657—658.

— использование им Германии против Советской России — 426—427.

— и милитаризм — 166, 236, 241, 284, 497—498.

— один из организаторов военной интервенции в Советской России — 424, 425, 428, 436, 437, 446—447, 447—448, 452, 465—466, 471, 474, 483—484, 493, 508—509, 533—536, 536—537, 586, 661, 693.

— особенности его развития и борьба за мировое господство — 151—152, 165—166, 172—173, 175—176, 183—185, 196—199, 205—206, 209, 211, 215, 218—219, 220—221, 221—222, 225, 236, 241, 286—287, 289, 395—398, 424—425, 425—426, 443—444, 497—498.

— противоречия с другими капиталистическими странами — 172—173, 175—178, 182—183, 196—197, 211, 215, 286—287, 466, 484—485, 609.

— противоречия с Японией — 196—197, 299, 395—397, 398—399, 401—402, 526, 529, 532—533, 602, 605—608, 610—611, 614—615, 641, 685, 702—703.

— угнетение и порабощение народов — 141—142, 165—166, 196—197, 209, 215, 217, 225, 424—425, 425—426, 444—445, 445—446, 446—447, 447—448, 452, 484, 508—509, 510, 511—513, 533—535, 569.

— финансовое закабаление и ограбление им других государств — 165—166, 175—178, 196—197, 201, 215, 225, 241,

425—426, 497—499, 508—509, 510, 685.
— и **Австрия** — 444—445, 452.
— и **Англия** — 497—498.
— и **Бельгия** — 497—498.
— и **Болгария** — 444—445.
— и **Германия** — 441—442, 452.
— и **Голландия** — 246, 452.
— и **Дания** — 246.
— и **Испания** — 209.
— и **Китай** — 196—197, 526, 614—615.
— и **Польша** — 497—498, 536—537, 586.
— и **Прибалтийские страны** — 511—513, 533—536.
— и **Россия** — 569.
— и **Финляндия** — 511—513.
— и **Франция** — 497—499, 590.
— и **Швейцария** — 246, 452.
См. также Империалистическая война 1914—1918 гг. — и США; Колонии и колониальный вопрос в отдельных странах — в США.

Империализм английский
— **его агрессивный характер** — 15, 61—64, 141—142, 142—143, 144, 151, 158, 165—166, 225, 228, 232, 239, 241, 264, 277, 280, 413, 416—417, 420—421, 424, 424—425, 425—426, 426—427, 427—428, 439—440, 445—447, 481, 511—513, 521, 569.
— и **милитаризм** — 92, 101—102, 165—166.
— **один из организаторов военной интервенции в Советской России** — 406—407, 412—418, 419, 420—421, 421—422, 424, 428, 437, 446—447, 447—448, 450, 452, 464, 465—466, 471, 474, 483—484, 498—499, 506—507, 508—509, 522, 526, 545, 560, 562—563, 569—570, 587, 591—592, 598—599, 611, 628—629.
— **особенности его развития и борьба за мировое господство** — 158, 165—166, 169—173, 175—176, 178—179, 181—185, 187, 188—189, 192—193, 196—197, 198—199, 199—201, 203—207, 210, 211—212, 215, 216—217, 218—219, 219—220, 220—221, 228, 229, 230, 231, 237—239, 424—425, 425—426, 427—428, 436—437, 443—444, 450, 563—564.
— **угнетение и порабощение народов** — 15, 61—64, 141—143, 144, 151, 158, 166, 225, 289—291, 417—418, 424, 424—425, 425—426, 427—428, 444, 444—445, 445—446, 446—447, 447—448, 450, 452, 492, 537—538, 570—571, 588—589, 590, 591—592, 648—649, 668.
— **финансовое закабаление и ограбление им других стран** — 151, 165—166, 169—172, 172—173, 188, 197—199, 199—201, 203—204, 205—207, 215, 225—226, 241, 280, 287, 424, 466, 467, 521—523.
См. также Империалистическая война 1914—1918 гг. — и Англия; Колонии и колониальный вопрос в отдельных странах — в Англии.

Империализм бельгийский — 141, 178—179, 179—180, 182—183.
См. также Империалистическая война 1914—1918 гг. — и Бельгия; Колонии и колониальный вопрос в отдельных странах — в Бельгии.

Империализм в России — 14—18, 71—72, 82—83, 264—265, 289—291, 292—293, 537—538, 569.
— **иностранный капитал в России** — 109, 170—172, 174, 175—176, 197—199.
— **его особенности** — 143—145, 170—172, 175—176, 183—184, 184—185, 187, 196, 197—198, 511—512.
— **противоречия с другими капиталистическими странами** — 17, 141—142, 187, 226, 228—229, 229—230, 230—231, 231—232, 232—233, 236—237, 241, 246—247, 279—280.
— **роль буржуазии в проведении завоевательной колониальной политики царизма** — 15—17, 77—78, 80, 135—136, 149, 162, 230—231, 241.
См. также Внешняя политика царского самодержавия; Империалистическая

война 1914—1918 гг. — и Россия; Колонии и колониальная политика царского самодержавия; Русско-японская война 1904—1905 гг.

Империализм германский

— его агрессивный характер — 141—142, 142—143, 145, 151, 158, 228, 239, 246—247, 263—264, 277, 292—293, 425—426.

— его агрессия по отношению к Советской России — 337, 351, 352, 354, 355—356, 369—371, 374, 375—376, 376—377, 379, 401—403, 403—404, 416—417, 419, 422—423, 426—427, 428, 436, 438, 441—442, 443, 444—446, 446—447, 479, 493, 496—497, 505—506.

— и милитаризм — 92, 96, 101, 177.

— особенности его развития и борьба за мировое господство — 141—142, 158, 169—180, 181—185, 192—194, 196—199, 200—201, 211—216, 216—217, 218—219, 219—221, 228, 229, 230—231, 286—289, 424—425, 427—428, 442—443, 443—444, 444—445.

— поражение германского империализма в первой мировой войне — 424, 436, 438, 441—442, 442—443, 443, 445—447, 450, 481, 496—497, 505, 505—506, 521, 532—533.

— противоречия с другими капиталистическими странами — 141—142, 144—145, 172—173, 175—178, 182—183, 182—184, 196, 196—197, 211—216, 216—217, 219—221, 228—233, 236, 237—239, 246—248, 286—289, 291—293, 293, 395—396, 401—402, 441—442, 479—480, 496—498, 521—522, 526—527, 685.

— угнетение и порабощение народов — 15, 141—142, 142—143, 151—152, 192—194, 217—218, 241—242, 289—281, 352, 424—425, 425—426, 427—428, 445—446, 511.

См. также Империалистическая война 1914—1918 гг. — и Германия и германская коалиция; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Советской России — и Германия; Колонии и колониальный вопрос в отдельных странах — в Германии.

Империализм голландский — 97—98, 141, 172, 173, 175—176, 183—184, 200—201, 238, 246.

См. также Империалистическая война 1914—1918 гг. — и Голландия; Колонии и колониальный вопрос в отдельных странах — в Голландии.

Империализм испанский — 178—179, 179—180.

См. также Колонии и колониальный вопрос в отдельных странах — в Испании.

Империализм итальянский — 79, 142—143, 153—155, 281—282, 305—306, 568—569.

См. также Империалистическая война 1914—1918 гг. — и Италия; Колонии и колониальный вопрос в отдельных странах — в Италии.

Империализм французский — 28.

— его агрессивный характер — 15, 141—142, 143, 144, 151, 192—193, 291—292, 420—421, 426—427, 427—428, 445—446, 446—447, 521—522, 568—569, 590, 590—591.

— и милитаризм — 92, 96, 101, 467.

— один из организаторов военной интервенции в Советской России — 406—407, 410, 412—418, 419, 420—421, 421—422, 436—437, 447—448, 448, 450, 465—468, 474, 479, 483—484, 493, 505—506, 506—507, 508—509, 522, 526—527, 535—537, 540, 552—553, 560, 562—564, 584—585, 586, 586—587, 594—595, 595—596, 598—599, 612—613, 621, 624—625.

— особенности его развития — 169—172, 173, 178—179, 179—180, 181—182, 183—185, 192—194, 197—199, 200—201, 215, 216, 417—418, 437.

— противоречия с другими капиталистическими страна-

ми — 141—142, 192—194, 216—217, 229—230, 286—288, 428, 466—467, 496—498, 521—522, 526, 564—565, 587—589, 590, 599, 612—613, 685, 687—688, 702—704.
— его ростовщический характер — 28, 170—171, 172, 200—201, 287, 497—498.
— угнетение и порабощение народов — 15, 141—142, 143, 151, 241, 290—291, 291—292, 426—427, 445—447, 447—448, 450, 452, 467—468, 496—498, 508—509, 510, 511—512, 569, 590, 591—592.
Империализм швейцарский — 200—201, 234, 236, 243—244, 246.
См. также Империалистическая война 1914—1918 гг. — и Швейцария.
Империализм японский
— его агрессивный характер — 15, 141—142, 151, 163—164, 166, 217—218, 228—229, 229—230, 241, 484, 569, 590.
— и милитаризм — 241.
— один из организаторов военной интервенции в Советской России — 396—397, 397—399, 424, 483—484, 494—495, 498—499, 505—506, 526, 598—599, 605—606, 693, 696—697.
— особенности его развития — 151—152, 183—185, 196—197, 197—198.
— противоречия с другими капиталистическими странами — 151, 196—197, 215, 216, 228—229, 229—230.
— противоречия с США — 196—197, 299, 395—396, 398—399, 524—525, 529, 532—533, 598—599, 602—603, 605—608, 610—611, 614—615, 641, 685, 702—704.
— угнетение и порабощение народов — 15, 109, 151—152, 165—166, 196—197, 215, 424, 483—484, 569, 590, 668.
См. также Империалистическая война 1914—1918 гг. — и Япония; Колонии и колониальный вопрос в отдельных странах — в Японии.
Империалистическая война 1914—1918 гг.
— ее сущность, характер и причины возникновения — 139—143, 143—144, 144—145, 157—158, 159, 161, 164—165, 228, 228—229, 234, 237—239, 240—241, 241—242, 246, 247—249, 249—250, 251, 258—259, 263, 268, 280, 285—286, 288, 289—293, 300—301, 305—306, 312—313, 315, 336—337, 395—396, 417—418, 424, 424—426, 427—428, 431—432, 443—444, 453, 481, 484—485, 497—498, 517—518, 521—522, 540, 541, 543, 610.
— ее подготовка — 59—60, 91—92, 95—96, 101—102.
— вопрос о мире и пути революционного выхода из войны — 148, 159—160, 228—229, 229—230, 232—233, 240—241, 245—250, 252, 264—265, 270—272, 276—278, 298, 300—302, 309—310, 311—313, 316—317, 417—418, 435, 558, 656.
— ее итоги и последствия — 159, 166, 233, 238, 239, 240—241, 246—247, 268, 301—302, 313, 314, 368—369, 395—396, 405, 422—423, 424—425, 425—426, 430—432, 442—443, 444—445, 447—478, 466—467, 481, 485, 496—497, 521, 541, 641, 655, 656—658, 659—660, 673—675, 685, 697.
— и лозунг мира без аннексий и контрибуций — 148, 161—162, 264—265, 309—310, 316—317, 323—327, 328—330, 338—339, 341.
— и лозунг поражения своего правительства — 135—136, 147, 232—233, 558.
— и лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую и его осуществление — 143, 144, 145—148, 233, 241, 264—265, 311, 363—364, 375.
— и лозунг «разоружения» — 239, 248—250.
— и лозунг «Соединенные Штаты Европы» — 150—152.
— и национально-колониальный вопрос — 141 — 143,

143—144, 147—148, 161—162, 240—241, 242, 248—250, 317, 500—501, 573, 548—549.
— и национально-освободительное движение в странах Востока — 500—501, 540, 573, 648—649.
— неспособность буржуазии правильно оценить войну и ее последствия — 673—674.
— обогащение капиталистов в ходе войны и в результате ее — 141—143, 236, 241, 246—247, 263, 276, 424—425, 425—426, 442—443, 463.
— и обострение противоречий капитализма — 229—230, 363—368, 410, 424—425, 441—443, 467, 496—498, 573, 685.
— и общий кризис капитализма — 145—146, 299—300, 375, 484—486, 495—498, 619—620, 656—658, 685—686.
— и Октябрьская социалистическая революция — 323, 327, 336, 363—364, 390, 418, 419, 425—426, 426—427, 429—430, 517—518, 656.
— и ослабление капитализма в целом и прорыв империалистической цепи в наиболее слабом звене — 418, 435, 656—658.
— и переговоры о сепаратном мире царской России с Германией — 227—233, 236—239, 246—248.
— и поворот в мировой политике к империалистическому миру — 236—239, 241, 245—250.
— и революционизирование масс — 165—166, 314, 336, 435, 485, 521, 563, 573, 648—649.
— и революционная ситуация и революционный кризис в Западной Европе — 145—146, 146—148, 165—166, 335—336, 442—443, 529—530, 597—598, 632.
— и социалистическая революция в Европе и мировая революция — 159—160, 241—242, 268—269, 298, 300—301, 314—315, 317, 410, 435, 496—497.
— ее уроки и историческое значение — 157—158, 424—425, 444—445, 484—486, 496—499, 573, 702—703.
— и усиление реакции и ликвидация демократических свобод — 141—143, 146—147, 234, 425—426, 439—440.
— условия выхода из нее Советской России — 323—327, 328—330, 331—332, 333—334, 335—337, 338—339, 341—342, 389—390, 420—421, 422—423, 426—427, 440—441.
— и Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России — 301—302.
— Австро-Венгрия — 141—142, 142—143, 228, 231—233, 238—239, 246—247, 247—248, 248—249, 410, 436.
— и Албания — 143.
— и Англия — 141—142, 142—143, 143—144, 147, 151—152, 165—166, 227—232, 236—239, 241, 246—247, 256, 277, 280, 286—287, 305—306, 312—313, 395—396, 424—425, 425—426, 427—428, 436—437, 440, 441—442, 442—443, 443—444, 444—445, 447—448, 497—498, 500—501, 521—522, 540, 563—565, 568—569.
— и Антанта — 143, 240—241, 417—418, 566—567, 573.
— и Балканские страны — 246—248.
— и Бельгия — 141—142, 142—144, 148, 232, 246—248, 248—250, 427—428.
— и Болгария — 143, 229—230, 237—238, 247—249.
— и Германия и германская коалиция — 141—142, 142—145, 147—148, 151, 227—233, 236—239, 240—241, 246—248, 248—250, 258, 277—278, 286—287, 287—288, 395—396, 410, 424—425, 425—426, 427—428, 436, 437, 440—442, 442—443, 443—444, 444—445, 497—498, 521—522, 540, 563—565, 568—569.
— и Голландия — 236.
— и Греция — 231.
— и Дания — 246—247.
— и Ирландия — 249.

— и Италия — 142—143, 143—144, 153—154, 241—242, 248—249, 281—282, 305—306.
— и Китай — 151, 228—229, 229—230, 230—231.
— и Монголия — 230—231.
— и Персия (Иран) — 151, 228—229, 230—231, 232.
— и Польша и польский вопрос — 148, 230—231, 232, 237, 246—248, 248—249.
— и Россия — 141—142, 143—144, 148—149, 227—233, 237, 238—239, 239, 241, 246—248, 248—249, 250, 263, 305—306, 312—313, 324—325, 419, 481, 521, 540, 641.
— и Румыния — 143—144, 231, 238, 246—247, 247—248.
— и Сербия — 232, 427—428.
— и США — 164—165, 236, 241, 245, 246, 299, 305, 424, 425—427, 439—440, 441—442, 442—443, 443—444, 444—445, 447—448, 497—499, 568—569.
— и Турция — 143—144, 151, 153—154, 228—229, 230—231, 231, 232, 233.
— и Франция — 141—142, 142—143, 143—144, 151, 165—166, 228, 229—230, 241, 285—287, 305—306, 433, 441—442, 447—448, 497—498, 500—501, 521—522, 540, 568—569.
— и Швейцария — 227, 234—235, 236, 243, 244.
— и Япония — 151, 229—230, 230—231, 232, 237—238, 305, 494—495.
См. также Брестский мир 1918 г.; Версальский мир 1919 г.

Империалистические (захватнические) войны
— сущность, их неизбежность в эпоху империализма и последствия войн — 28, 76, 79, 139—140, 143—144, 144—145, 151—152, 164—166, 179—180, 185—188, 196—197, 198—199, 215—217, 218—220, 230—231, 246, 249—250, 252, 263, 264, 268, 285—286, 288, 291—293, 305, 314—315, 382, 395—397, 397—398, 403—404, 424, 443—444, 484—486, 532—533, 541, 610, 648—649, 656, 702—703.
— в древнем мире и в средние века — 185—186.
— как орудие порабощения народов — 14—18, 79, 40—141, 143—144, 165—166, 263, 285—286, 289—291, 294—295, 314—315, 361—362, 453.
— в период домонополистического капитализма — 181—182, 185—186, 285—286, 289—291, 294—295, 312—313, 361—362, 378—379, 387—388, 424.
— и социалистическая революция — 146—147, 159—160, 174, 252, 269, 295—296, 298—302, 314—315, 315—316, 410—411, 418, 496—497, 610, 648—649, 656.
— как средство обогащения буржуазии — 15—17, 79, 101—102, 154—155, 246—247, 248—260, 263, 264, 286—287, 311—312, 424, 484—485, 517—518.
— и усиление реакции и ликвидация демократических свобод — 268—269, 314, 439—440, 443—444.

Иностранная военная интервенция и гражданская война в Советской России
— ее причины и неизбежность — 412, 417—418, 419, 436—437, 438, 447—448, 448, 449, 461—462, 483—484.
— этапы ее развития — 412—414, 417—418, 420—421, 478—479, 499, 504—515, 525—526, 548, 562—564.
— наступление немецких войск в феврале 1918 г. — 351, 352, 361—362, 428.
— оккупация германскими войсками Украины, Крыма, Белоруссии и Прибалтики в 1918 г. — 401—402, 406, 419, 436—437, 441—442, 444—445, 445—446, 446—447.
— использование Антантой германских оккупационных войск — 437, 438.
— оккупация англо-американскими и французскими войсками Мурманска и Архангельска в 1918—1919 гг. — 406—407, 412, 413—414, 417—418, 420—421, 446—447, 479,

484, 499, 505—506, 506—507, 508—509, 525—526, 548—550.
— оккупация английскими империалистами Баку в 1918—1919 гг. и расстрел 26 бакинских комиссаров — 413—418, 446—447, 466, 488.
— оккупация германо-турецкими войсками Грузии в 1918 г. — 403—404, 416—417, 419.
— высадка французских войск в Одессе в 1918 г. — 505—506, 506—507, 525—526, 548—550.
— оккупация американскими и японскими войсками Приморья в 1918 г. и разгром интервентов и белогвардейцев в 1922 г. — 396—397, 397—398, 505—506, 605—606, 606—607, 607—608, 650—651, 693, 695—696, 696—697.
— война буржуазно-помещичьей Польши против Советской России в 1920 г. — 525, 535—538, 540, 545—546, 552—554, 560—561, 562—566, 569—571, 582—585, 586—593, 594—597, 600, 611, 612—613, 624—625, 643.
— ликвидация белофинской авантюры в 1921—1922 гг. — 654, 659—660.
— и американский империализм как один из организаторов интервенции — 424, 424—425, 428, 436, 447, 446—447, 447—448, 452, 465—466, 466, 471, 483—484, 493, 508—509, 534—536, 536—537, 586, 661, 693.
— и английский империализм как один из организаторов интервенции — 406—407, 412—418, 419, 420—421, 421—422, 424, 436—437, 446—447, 447—448, 450, 452, 464, 465—466, 466, 474, 483—484, 493, 498—499, 506—507, 508—509, 522—526, 545, 560—561, 562—563, 569—570, 570—571, 586, 587—588, 591—592, 598—599, 611, 628, 698.
— и блокада — 446—447, 471, 474, 506—507, 513—514, 514—515, 521—522, 525, 526, 527, 529—530, 543, 551, 563—565, 662—663, 664—665, 666, 697.
— борьба советского народа против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции как отечественная война — 352, 361—362, 382—383.
— движение протеста в капиталистических странах против интервенции, разложение и революционизирование войск оккупантов — 438, 466—467, 498—499, 505—509, 525—526, 548—550, 563, 597—598, 598—599.
— зверства и грабежи интервентов и белогвардейцев и материальный ущерб, нанесенный стране — 400—401, 413—414, 465, 484, 494, 526—527, 605—606.
— ее исторические уроки — 494—495, 589, 591—593, 661—662.
— источники непобедимости Советской республики — 434, 435, 437, 460—461, 464, 494—495, 589, 592—593, 409.
— и международный империализм — 412—414, 419, 421—422, 424—425, 427—428, 439, 438, 445—450, 456, 459, 460, 461—462, 465—466, 466, 467, 471, 474, 483—484, 484—485, 488, 493—495, 498—499, 505—506, 517—518, 525—526, 562—565, 569—571, 582—583, 424, 632—633, 637—638, 648, 650—651, 656—657, 659—660, 661, 675—676.
— и мирная политика Советского государства — 456—458, 459, 484, 485, 490, 491, 519—520, 530—538, 540, 543—544, 553—554, 563—565, 565—566, 568, 569, 582—583, 583—584, 584—585, 594—595, 598—599, 603, 624—625, 633, 643.
— и партизанское движение в тылу врага — 511—512, 521—522.
— и патриотизм советского народа — 434, 445—446, 460—469.
— и помощь международного пролетариата Советской Рос-

сии — 427—428, 438, 447—449, 479—480, 482, 498—499, 505—509, 525—526, 529—530, 548—550, 562—563, 582—584, 591—593, 597—598, 600, 628—629, 632—633, 656—657.

— причины победы советского народа и Красной Армии — 460—461, 466, 494—495, 505—516, 518—519, 525—526, 527—528, 547—551, 562—565, 586—593, 596—598, 600, 602, 606—607, 632—633, 648, 656—657, 693, 709.

— и противоречия в империалистическом лагере — 428—429, 441—443, 466—467, 526, 529, 549—550, 563—565, 586—589, 591—593, 598—599, 606—607, 648.

— союз иностранных империалистов с буржуазно-помещичьей контрреволюцией — 413—415, 416—417, 417—418, 419, 419—420, 420—421, 421—422, 437, 465—466, 483—484, 484—486, 490—491, 494—495, 495—496, 498—499, 505—506, 514—515, 521—522, 533—536, 543, 551—552, 562—564, 569—570, 570—571, 586, 587—588, 606—607, 624—625, 625—626, 632, 634—635, 648, 653, 659—660, 675—676, 680, 693.

— и французский империализм как один из организаторов интервенции — 406—407, 410, 412—418, 419, 420—421, 421—422, 436—437, 447—448, 448, 450, 464, 465—466, 479, 483—484, 493, 505—506, 506—507, 508—509, 521—522, 526, 535—536, 540, 552—553, 560, 562—563, 584—585, 586, 586—587, 587—589, 594—595, 595—596, 598—599, 612—613, 621, 624—625, 632—633.

— и японский империализм как один из организаторов интервенции — 483—484, 494—495, 498—499, 505—506, 526, 598—599, 605—606, 693, 696—697.

— и Антанта — 412—418, 419, 419—420, 420—421, 421—422, 436—437, 438, 447—448, 450, 460, 464—466, 471, 481, 482, 498—499, 505—506, 517—519, 525—526, 533—537, 543, 447—448, 551—552, 560, 561, 562—565, 570, 594—596, 596—599, 606—607, 624—625.

— и Германия — 379, 401—403, 403—404, 406, 418—419, 422—423, 436—437, 438, 444—445, 445—446, 446—447, 465—466, 483, 505.

— и Прибалтийские страны (Литва, Латвия, Эстония) — 465—466, 498—499, 508—512, 526, 533—536, 552—553.

— и Турция — 402—403, 403—404, 446—447.

— и Финляндия — 498—499, 508—512, 562—563.

См. также Советская Россия и капиталистический мир.

Иностранный капитал в России — 34—40, 109, 170—172, 174, 175, 175—176, 197—199.

Интервенция в Советской России — *см.* Иностранная военная интервенция и гражданская война в Советской России.

Ирландия и ирландский вопрос — 111—112, 124—125, 125—126, 126—130, 136—137, 242, 249, 570—571, 572, 574—575, 685.

Испано-американская война 1898 г. — 189, 209, 424—425.

Итало-турецкая война (1911—1912 гг.) — 79, 154—156.

Каннская конференция 1922 г. — 678—679, 685—686.

Капиталистическое окружение — 152, 332, 382, 395—397, 404—405, 418, 419, 435, 574—575, 605—607, 611—612, 623, 627—628, 656—657, 659—660, 662—663, 666.

Китай

— грабительская политика международного империализма по отношению к Китаю — 15—18, 24, 85, 100, 139—140, 141, 142—143, 151—152, 183—184, 196—197, 202, 203—204, 214—217, 228—229, 229—230, 230—231, 263, 317, 326, 590, 614—615.

— национально-освободительное движение — 14—18, 63—64, 77—78, 97—98, 99—100,

114—116, 135—136, 142—143, 216, 500—501, 554.
— международное значение революции 1911 г. — 77—78, 85—86, 97, 115—116, 500—501, 548—549.
Классы и классовая борьба в Советской России и международная буржуазия — 417—418, 419—420, 438, 483—484, 649, 659—660.
Колониальные войны — 14—18, 141—142, 154—155, 181, 182, 183, 184—185, 189—190, 285—286, 289—291, 294—295.
Колонии и колониальная политика царского самодержавия — 9—13, 14—18, 25—26, 61—62, 67—75, 77—78, 85, 141—142, 142—143, 143—144, 151—152, 160, 164, 164—165, 183—184, 187, 196, 197—199, 216, 228—233, 240, 241, 281—289, 291—292.
Колонии и колониальный вопрос — *см.* Национальный и национально-колониальный вопрос.
Колонии и колониальный вопрос в отдельных странах
— в Австрии — 68—69, 72—73, 141—142, 142—143.
— в Англии — 61—64, 68—69, 72—73, 74, 90, 129—130, 141—142, 142—143, 143, 151, 153—154, 158, 170—172, 172, 181—185, 187, 196—197, 197, 198—199, 207—208, 210, 211—212, 214—215, 216, 225, 228, 236—237, 239, 240—241, 287, 289—291, 416—417, 417—418, 424, 424—425, 425—426, 429, 444, 497—498, 500—501, 532—533, 537—538, 563—564, 590, 609, 648—649, 668.
— в Бельгии — 141—142, 182, 183—184, 184—185.
— в Германии — 68—69, 72—73, 74, 141—142, 142—143, 150—151, 160, 171—172, 172, 181—182, 183—185, 196, 197—199, 228, 237, 239, 240—241, 289—291, 293, 424—425.
— в Голландии — 97—98, 141, 172, 175—176, 183—184, 184—185, 207—208.
— в Испании — 429.
— в Италии — 142—143, 153—154, 240—241.
— в Португалии — 182, 189, 236—237.
— в США — 141—142, 151—152, 183—185, 196—197, 197—198, 214—215, 424—425, 444.
— во Франции — 64, 68—69, 72—73, 141—142, 142—143, 150—152, 172, 181—182, 183—185, 192—193, 214—215, 216, 240—241, 290—291, 429, 497—498, 500—501, 586, 590.
— в Японии — 109, 141—142, 150—151, 163—164, 183—185, 214—215, 590, 668.
Компромиссы в политике — 354—357, 361—362, 427—429, 557—559.
Контрреволюция, ее международный характер — 38—40, 66, 318, 319—320, 413—414, 419.
Конференции международные; формальное значение и юридическая сила решений — 57.
См. также Вашингтонская конференция 1921—1922 гг.; Генуэзская конференция 1922 г.; Каннская конференция 1922 г., Лозаннская конференция 1922—1923 гг., Парижская мирная конференция 1919—1920 гг.
Конференция на Принцевых островах (несостоявшаяся) — 456, 459.
Концессии
— капиталистических стран в колониях — 141—142, 294—295.
— в России — 263—265.
См. также Иностранный капитал в России.
Концессии в Советской России
— их виды и объекты — 601—602, 612—613, 616—621, 629, 638—639.
— декрет о концессиях 23 ноября 1920 г. — 604, 614—615, 616—617, 629, 637—639.
— переговоры с различными концессионерами — 598—599, 601—602, 605—610, 639, 641, 645, 690—692, 698—700.
— в 1919—1920 гг. и в первые годы нэпа — 542, 601—603, 604—623, 629—630, 631, 637—

639, 645, 690—692, 698—699, 699—700, 705—707.
Корея — 24—25, 163—164, 217—218, 229—230, 572, 668.
Крымская война 1853—1856 гг. — 145, 146.
Лагерь социализма и лагерь капитализма — *см.* Советская Россия и капиталистический мир.
— **и Советская Россия** — 619—621, 673—674, 680—689.
Мировой рынок — 8—9, 10, 11—12, 173, 182—183, 199—200, 205—207, 268, 689.
Монополия внешней торговли — 391—392, 705—708.
Монополии международные — 173—180, 185—186, 190—191, 195, 196—197, 215, 453.
Наполеоновские войны — 311—313, 361—362, 378—379, 387—388.
Народный комиссариат внешней торговли (НКВТ) — 705—706, 708.
Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) — 519—520, 662—663, 685—686, 709.
Национальная политика Коммунистической партии и Советского государства; ее международное значение — 484—485, 492, 511—512, 532—533, 567, 573—575, 688—690.
Национальная программа большевизма о праве наций на самоопределение — 74, 106—133, 136, 148—149, 151, 152, 161—162, 264—265, 273—275, 303—304, 317, 321—322, 341, 454, 455.
Национальная программа и национально-колониальный вопрос в Коминтерне — 572—578, 648—649, 652—653.
Лига наций и ее мандатная система — 500—501, 545, 548—549, 563—565, 573, 586—589, 590, 612—613, 637—638, 690—691.
Лозаннская конференция 1922—1923 гг. — 686—689, 690—692, 693—694, 698—699.
Мандатная система Лиги наций — *см.* Лига наций и ее мандатная система.
Международная солидарность трудящихся — 40, 57, 64, 81—82, 83—84, 100, 119—120, 154, 235, 262, 265, 266—267, 269, 270—272, 335—337, 347—349, 390, 426—428, 490, 501—503, 506—507, 521—522, 525—526, 548—551, 560—561, 563, 567, 573—574, 590—593, 597—598, 600, 627.
Международное положение Советской России — 348.
— **в первые месяцы Советской власти** — 332, 367—368, 408, 439—442.
— **в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (в целом)** — 412—419, 436—437, 438, 439—450, 451, 456, 460, 461—462, 464—466, 466, 467, 479, 481—482, 504—515, 516—517, 547—554, 606—607, 632—633.
— **в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (в целом)** — 597—598, 627—629, 634—635, 640, 646—647, 648—650, 652—653, 655, 670, 672—678, 679—682, 685—686.
— **в 1918 г.** — 382, 384—385, 394—408, 410—411, 412—420, 436—437, 438, 439—450, 451, 478—479, 479.
— **в 1919 г.** — 456, 459, 460, 461—463, 463—464, 464—466, 466, 467, 478—479, 481—482, 493, 498—499.
— **в 1920 г.** — 525—526, 535—539, 544, 545—546, 562—565, 582—585, 586—593, 594—600, 624—629.
— **в 1921 г.** — 632—633, 634—635, 637—638, 640—641, 646—647, 648, 650—653, 655—664, 666.
— **в 1922—1923 гг.** — 672—678, 679—682, 685—686, 687—689, 690—692, 693—694, 695—696, 696—700.
— **и Брестский мир** — 384—385.
См. также Внешняя политика Советского государства; Внешняя торговля — Советской России; Советская Россия и капиталистический

мир; Советская Россия и международный пролетариат; Советская Россия и угнетенные народы Востока.

Международное право — 396—397, 397—398, 401, 406—407, 500, 548—549, 672—674.

Международные договоры — *см.* Договоры международные.

Международные конференции после Октябрьской социалистической революции — *см.* Вашингтонская конференция 1921—1922 гг.; Генуэзская конференция 1922 г.; Канская конференция 1922 г.; Конференция на Принцевых островах (несостоявшаяся); Лозаннская конференция 1922—1923 гг.; Парижская мирная конференция 1919—1920 гг.

Мирная политика Советского государства — *см.* Внешняя политика Советского государства.

Мирное сосуществование двух систем — социалистической и капиталистической — 489, 540—541, 541—542, 597—599, 626—627, 628—629, 637—638, 647, 661—663, 665, 679—682, 685—686, 687—692.

Мир (империалистический) — *см.* Политика — мир (империалистический) как продолжение захватнической политики военного времени иными средствами.

Мирные договоры Советского государства

— **Брест-Литовский мирный договор 1918 г.** — 382—383, 384—385, 396—397, 397—398, 401, 420—421, 456—457, 457—458, 479, 496—497, 521—522, 557—558, 606—608, 610.

— **мирный договор с Эстонией 2 февраля 1920 г.** — 525—527, 530—536, 538—539, 542, 543, 546, 594—595, 626—627.

— **мирный договор с Литвой 12 июля 1920 г.** — 626—627.

— **мирный договор с Латвией 11 августа 1920 г.** — 594—595, 626—627.

— **мирный договор с Финляндией 14 октября 1920 г.** — 594—595.

— **советско-иранский договор 26 февраля 1921 г.** — 627—628.

— **советско-афганский договор 28 февраля 1921 г.** — 627—628.

— **советско-турецкий договор 16 марта 1921 г.** — 643.

— **мирный договор с Польшей 18 марта 1921 г. (прелиминарный мирный договор 12 октября 1920 г.)** — 588—589, 594—596, 599, 624—625, 633, 643.

— **Рапалльский договор с Германией 16 апреля 1922 г.** — 685—686.

Мировое хозяйство — 140, 150—152, 164—166, 173—180, 183—189, 195—199, 200—201, 211—212, 216—217, 274—275, 620—621.

— **его возникновение и этапы развития** — 8—9, 10—12.

— **распад мирового капиталистического хозяйства** — 619, 673—674.

Национально - освободительные войны

— **сущность, историческое значение** — 122—123, 138—139, 145—146, 378—379.

— **в эпоху буржуазных и буржуазно - демократических революций XVIII—XIX вв.** — 15, 122—123, 139, 145—146, 153, 159, 378—379, 387—388, 424—425, 429, 430.

— **в эпоху империализма и пролетарских революций** — 14—16, 142—143, 284, 500.

Национально - освободительные движения и революции

— **в доимпериалистическую эпоху** — 106—108, 110—111, 111—112, 114—115, 122—123, 125—130, 135—137, 206—208, 244, 424.

— **их значение для окончательной победы социализма** — 499—503, 563.

— **в колониях и зависимых странах в эпоху империализма** — 14—18, 61—64, 67—75, 77—78, 83—84, 85—86,

89—90, 97—98, 99—100, 109—111, 113—114, 123—125, 135—136, 142—143, 207—208, 216, 231—232, 324, 499—503, 540, 567, 573, 573—574, 585—586, 646—647, 648, 648—649, 650—651, 652—653.

— и социалистическая революция — 573—574, 648—649, 652—653.

Национальный и национально-колониальный вопрос

— в эпоху домонополистического капитализма — 15, 106—108, 110—111, 114—116, 122—123, 135—137, 139—140, 142—143, 159—160, 185—186, 218—219, 342—344.

— в эпоху империализма — 15, 68—75, 82, 97—98, 106—110, 110—112, 114—116, 123—125, 134—137, 139—144, 148—149, 150—152, 153—157, 161—162, 163—164, 180—190, 190—191, 192—194, 196—197, 206—207, 207—208, 217—218, 218—220, 224—226, 240—241, 249—450, 263—265, 266—267, 273—275, 289—396, 321—322, 323—324, 341, 424—425, 454, 455, 499—503, 567, 572—578, 648—649, 650—651, 668, 690—691.

— при диктатуре пролетариата — 152, 454, 573—575, 688—690.

— национально - колониальный вопрос как составная часть вопроса о социалистической революции — 136—137, 143, 147—148, 152, 157—158, 284, 303—304, 341—342, 494—496, 499—502, 573—574, 574—575, 577—578, 648—649, 652—653.

— две исторические тенденции в национальном вопросе — 106—110, 110—111.

— колониальный гнет и зверства империалистов — 14—17, 100, 109, 140—141, 141—142, 142—143, 266, 284—286, 289—290, 294—295, 314—315, 484, 627—628, 648—649.

— и право наций на самоопределение вплоть до отделения и самостоятельное государственное существование — 74, 106—133, 136—137, 148—149, 161—162, 224—225, 264, 264—265, 273—275, 290—291, 303—304, 319, 321—322, 323—324, 338—339, 454, 455, 567, 654, 659—661, 688—690.

— и пролетарский интернационализм — 82, 119—120, 122—123, 123—125, 133, 135—136, 136—137, 148—149, 159, 161—162, 266—267, 274—275, 335—337, 405, 501—503, 567, 573—578, 627—628, 688—690.

См. также Колонии и колониальный вопрос в отдельных странах; Нация.

Нация

— буржуазная, процесс образования — 8, 106—107.

— разделение наций на угнетающие и угнетенные — 109—111, 125—126, 128—129, 131—133, 136—137, 139—140, 141—142, 142—144, 145—146, 147, 151—152, 153—154, 154—155, 155—156, 164—166, 207—208, 219—220, 303—304, 454, 500—501, 501—503, 573, 575—578.

Невмешательство как принцип советской внешней политики — 497.

См. также Внешняя политика Советского государства — ее основные принципы.

Негры и негритянский вопрос — 87, 203—204, 430—431, 572, 574—575.

Нейтралитет — 142—145, 243—244, 511—512, 512—513.

См. также Война (учение о войне) — «нейтралитет» в войне (сущность).

Норвегия — 116—120, 124—125, 274—275.

См. также Империалистическая война 1914—1918 гг. — и Норвегия.

Оккупация иностранными интервентами советской территории — *см.* Иностранная военная интервенция и гражданская война в Советской России.

Октябрьская социалистическая революция 1917 г. в России; ее международный характер и всемирно-историческое зна-

чение — 347—349, 363, 367—368, 382—383, 400, 404—405, 418, 426—428, 432—433, 434—435, 439—442, 442—443, 447—448, 462—463, 469—470, 493, 499—500, 500—503, 521—522, 548, 555—557, 586—587, 601, 650—652.

Октябрьская социалистическая революция 1917 г. и выход России из империалистической войны — 323—327, 328—330, 336, 417—418, 419—422, 425—426, 426—427, 656.

«Опиумные» войны — 23.

Отечественная война советского народа с иностранными интервентами в 1918—1920 гг. — 352, 361—362, 382—383.

См. также Иностранная военная интервенция и гражданская война в Советской России.

Панисламизм — 572, 576—577.

Панславизм — 149.

Парижская мирная конференция 1919—1920 гг. — 466.

Партизанские выступления как военные действия — 51.

Партизанское движение в период иностранной военной интервенции и гражданской войны в Советской России — 511—512, 521—522.

Пацифизм буржуазный — 138, 162. 166—167, 194, 236—239, 240—241, 245—250, 680, 689—690.

Передел мира — *см.* Раздел и передел мира.

Передышка

— в 1918 г. — 358, 382—383, 385, 410, 420—421, 579.

— в январе — апреле 1920 г. — 543—544, 545—546.

Перемирие — 276—277, 328—329.

Персия (Иран) — 12, 61—62, 67—75, 97, 115—116, 135—136, 139—141, 143, 144, 151, 228—229, 230, 231, 232, 263, 282, 341, 416—417, 481, 500—501, 590, 627—628, 648—649.

Политика

— определение, сущность — 373—374.

— внутренняя и внешняя (соотношение) — 224, 311, 313, 394—408, 439.

— и война как продолжение политики иными средствами — 142—145, 151—152, 159, 227—230, 231, 249, 264, 284—287, 288, 289—291, 312—313, 378—379, 494, 605.

— мир (империалистический) как продолжение захватнической политики военного времени иными средствами — 159, 232—233, 285—286.

— и экономика (соотношение) — 194, 224—226, 285—286, 394—396, 419.

Польша

— и великорусский буржуазно-помещичий национализм — 588—589.

— вопрос об автономии и независимости Польши — 112—113, 122—123, 124—126, 132, 196—197, 560—561.

— и империалистические державы — 161, 230—231, 237, 241, 242, 247, 274, 292—293, 497—498, 498—499, 508, 509, 526, 535—537, 540, 545—546, 552—553, 560—561, 563—564, 569—570, 583, 586—589, 594—596, 599, 611, 621, 624—625.

— после империалистической войны 1914—1918 гг. — 497—498, 552—553, 564—565, 582, 584—585, 595—596, 599.

— разделы Польши — 274, 292—293.

— и советская политика мира — 535—538, 552—553, 560—561, 564—565, 582, 583—584, 584—585, 594—595, 595—596, 599, 621, 624—625, 633, 643, 654, 659—660.

— угнетение Польши царизмом — 132, 135—136, 160, 164, 230—231, 231—232, 259, 274, 292—293, 588—589, 622—623.

— угнетение поляков германским империализмом — 132, 148, 237, 241, 247—248.

См. также Империалистическая война 1914—1918 гг. — и Польша и польский вопрос; Война буржуазно-помещичьей Польши против Советской России в 1920 г.

Португалия — 182, 188—189, 211—212, 212—213, 225, 237.

Право международное — 396—397, 397—398, 401, 406—407, 500, 548—549, 662—663.

Право убежища — 45—47.

См. также Эмиграция революционная.

Правопреемство в международных отношениях — 249, 666—667.

См. также Внешняя политика Советского государства — и аннулирование царских долгов; — разоблачение тайной дипломатии и опубликование договоров царского правительства.

Право наций на самоопределение (программное положение большевизма) — 74, 106—116, 116—137, 148—149, 161—162, 224—226, 264, 266—267, 273—275, 303—304, 336—337, 338, 340, 342, 454, 455, 532—533, 567, 654, 659—661.

См. также Национальный и национально-колониальный вопрос.

Признание международное — 85, 521—522, 525—526, 529—537, 648—649, 650—651, 662—665, 695—696.

Противоречия империализма — *см.* Империализм.

Равноправие рас и наций — 123—125, 135—137, 266, 267, 304, 425—426, 454, 492, 574—575.

Раздел и передел мира — 15—17, 68—69, 73—74, 79, 141—142, 143—144, 151—152, 158, 164—166, 170—190, 190—191, 192—194, 196—199, 203—204, 206—207, 207—208, 215, 216—217, 218—219, 220—221, 225—226, 228—229, 232, 237—238, 240—241, 242—243, 246—248, 287—289, 291—293, 395—396, 398—399, 420—421, 436—437, 453, 481, 500.

Раскол мира на две системы — социалистическую и капиталистическую — 152, 347—348, 472—473, 656, 661—663, 685—686.

См. также Советская Россия и капиталистический мир.

Революционные войны

— их сущность — 138—139, 152, 251, 281—282, 311, 424—425, 494—495.

— в период французской буржуазной революции 1789—1794 гг. — 139, 284, 284—285 285—287, 307—308, 311—313.

— постановка вопроса в 1917 г. — 251, 283—284, 311, 313, 316—317.

— постановка вопроса в 1918 г. — 349, 358, 372—374.

См. также Война (учение о войне).

Революция буржуазно-демократическая 1905—1907 гг. в в России —

— и международная обстановка — 35—36, 42—43, 51—52, 53—56.

— ее международное значение — 42, 51, 56, 75, 97—98, 115—117, 145, 347, 500—501, 521—522, 648—649.

— и русско-японская война — 31—37, 38, 42—43, 49—52.

Революция буржуазно-демократическая (Февральская) 1917 г. в России

— и империалистическая война — 269.

— ее международное значение — 269.

Революция социалистическая (пролетарская)

— возможность победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой, стране и условия его окончательной победы — 152, 347—348, 369—370, 400, 418, 431—435, 439, 501—503, 504—505, 547, 596—597, 600, 601, 650—652.

— как выход из империалистической войны — 148, 233, 241, 250, 264—265, 298, 300—302, 308, 310, 313, 323—327, 418, 435, 610, 656.

— и гражданская война — 150—151, 233, 405, 430, 430—432, 500.

— и империалистическая война и революционный кризис — 143—144, 145—146, 146—147, 159—160, 166, 314,

410, 429—430, 435, 485—486.
— и национально-колониальный вопрос — 100, 136—137, 143, 147—148, 152, 303—304, 454, 494—496, 499—503, 648—649, 650—651, 652—653.
— ее особенности в странах со значительными остатками феодальных отношений и преобладанием крестьянства — 364—366, 500—503, 575—576.
— и превращение империалистической войны в войну гражданскую — 145, 145—146, 233, 311, 313, 363—364.
— условия ее развития в отдельных капиталистических странах — 336—337, 348, 368—369, 372—374, 374, 375, 429, 434—435, 469—470, 505.
Революция социалистическая в России — ее международное значение — 278, 310, 347—349.
Румыния — 54—55, 144, 175—176, 187, 211—212, 212—213, 231, 237, 237—239, 241, 243—244, 246—247, 293, 294, 368, 445—446, 446-447, 540, 550—551, 654, 659—660.
См. также Империалистическая война 1914—1918 гг. — и Румыния.
Русско-турецкая война 1877—1878 гг. — 144—145, 228—229.
Русско-японская война 1904—1905 гг. — 31—37, 38, 42—43, 46—47, 49—52, 75, 229—230.
Рынок внешний при капитализме — 7—9, 9—13, 15, 16, 169, 173, 178—179, 224, 263, 273.
Рынок мировой — 8—9, 10, 11—12, 173, 182—184, 199—200, 205—207, 639.
См. также Внешняя торговля; Империализм — борьба за захват новых рынков и сфер влияния.
Самоопределение наций — *см.* Право наций на самоопределение.
Сепаратный мир
— вопрос о нем между Россией и Германией в 1916 и 1917 гг. — 227—233, 236—239, 240—241, 246—247, 263—264, 276—277, 298.
— вопрос о нем между Англией и Германией в 1917 г. — 319—320.
постановка вопроса о сепаратном мире в связи с Брестским миром 1918 г. — 354, 360—361.
Сербия — 81—82, 160, 172, 233, 239, 360—361, 427—428, 442—443, 445—446.
См. также Балканские войны 1912—1913 гг.; Балканы и балканский вопрос; Империалистическая война 1914—1918 гг. — и Сербия.
Сирия — 276—278, 481, 568—569.
Советская Россия и капиталистический мир
— в первые месяцы Советской власти — 344—345, 348, 351, 352, 354—355, 361—362, 366—368, 382—383, 383—385, 386, 425—427, 439—441, 441—442.
— в период иностранной военной интервенции и гражданской войны — 394—408, 410—411, 412—414, 417—418, 419, 420—421, 422—423, 424, 425—426, 428, 436—437, 438, 439—450, 452, 456—458, 459, 460—463, 464—466, 466—467, 467—469, 471—472, 474, 483—485, 488, 490—491, 493, 494—496, 498—499, 504—515, 516—517, 519—520, 521—522, 525—526, 529—538, 540—542 543—544, 547—554, 560—561, 562—565, 568, 569—570, 573—574, 582—584, 586—593, 596—598, 601, 606—607, 624—626, 632—633, 637—638, 648, 650, 650—651, 656—657, 675—676.
— в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства — 594—600, 601—603, 604—623, 624—625, 628—631, 632—633, 637—638, 640—641, 643, 644—645, 646—647, 648, 648—649, 650—653, 654, 655—665, 666—667, 672—678, 679—682, 685—686, 687—689, 689—692, 693, 695—696, 696—700.

— агрессивная политика буржуазных государств по отношению к Советской России и опасность попыток новой интервенции — 332—333, 364—368, 382, 384—385, 395—397, 397—399, 410—411, 412—414, 419, 419—423, 424, 426—427, 438, 446—450, 460, 466, 471, 483—484, 498—499, 505—506, 511—512, 512—513, 514—515, 517—518, 519, 525, 531—532, 536—537, 542, 546, 553—554, 562—563, 564—565, 573—574, 591, 596—599, 600, 601, 603, 605—607, 608—609, 611—612, 612—614, 621—622, 625—627, 630—631, 634—636, 648, 648—649, 650—651, 656—657, 659—660, 661, 662—664, 674—678.

— договоры с капиталистическими странами — 382—383, 384—385, 396—398, 401, 456—457, 459, 479, 496—497, 516, 521, 525—527, 530—536, 538—539, 542, 543, 546, 552—553, 557—558, 586—587, 589, 594—595, 595—596, 599, 606—608, 621, 624—625, 626—627, 627—628, 631, 637—638, 640—641, 643, 644—645, 662—663, 673, 674—675, 678, 685, 686, 696—697.

— и мирная политика Советского государства — 223—227, 228—230, 331—334, 336—337, 348, 352, 356, 386, 397—398, 401—403, 403—404, 406—407, 410, 417—418, 425—428, 456—457, 459, 483—485, 489, 490—491, 516—517, 519—520, 530—538, 538—539, 540, 541, 541—542, 542—543, 552—553, 558, 560—561, 563—565, 565—566, 568, 569, 582, 588—589, 594—596, 598—599, 606—608, 624—625, 625—628, 637—639, 643, 654, 658—661, 662, 685—686, 689—690, 690—691, 695—696.

— и мирное сосуществование и экономическое соревнование двух систем — социалистической и капиталистической — 489, 540—541, 541—542, 637—638, 647, 661—663, 679—682, 685—686, 687—692.

— и экономическая блокада со стороны Антанты — 446—447, 471, 474, 506—507, 513—514, 514—515, 517, 519—520, 521—522, 525, 526, 529—530, 543, 551—552, 563—565, 662—663, 665, 666, 697.

— и Англия — 385, 406—407, 412—418, 419, 420—421, 422—423, 424, 425—427, 428, 436—437, 447—450, 451, 452, 464, 463—465, 465—466, 471, 474, 483—484, 484—486, 488, 493, 498—499, 506—507, 508—509, 511—512, 519—520, 521—522, 526—527, 545, 558, 560—561, 562—563, 568—570, 570—571, 582—584, 586, 586—588, 591—592, 598—599, 608—609, 611—614, 618—619, 628—629, 637—638, 641, 643, 687—689, 690—692, 698—699.

— и Антанта — 412—418, 419—420, 420—421, 436—437, 446—447, 459, 460, 464—466, 471, 471—472, 474, 479, 489, 498—499, 505—506, 517—519, 519—520, 525—526, 529—530, 541, 545—546, 547—548, 551—553, 560, 561, 562—564, 582—583, 594—595, 597—598, 624—625.

— и Афганистан — 627—628.

— и Германия — 337, 351, 352, 354, 361—362, 378—379, 392—393, 398—399, 401—403, 403—404, 406, 416—417, 419, 420—421, 419—420, 426—427, 428, 436—437, 438, 439—447, 456—457, 465—467, 483—485, 493, 496—497, 498—499, 505, 507—508, 515—516, 540—541, 613—615, 685.

— и Голландия — 446—447.

— и Италия — 484—485, 519—520, 522.

— и Персия (Иран) — 627—628.

— и Польша — 498—499, 508—509, 511, 524—525, 526—527, 535—538, 540, 545—546, 552—553, 560—561, 563—565, 582—583, 583—585, 586—588, 594—596, 599, 600, 621, 624—625,

637—638, 643, 654, 659—660.
— и Прибалтийские страны (Латвия, Литва, Эстония) — 490—491, 498—499, 508—509, 510—512, 526—527, 530—536, 537—538, 538—539, 543, 546, 552—553, 560—562, 594—595, 599, 626—627.
— и Румыния — 540, 654, 659—660.
— и США — 386, 405—407, 424, 424—425, 425—427, 428, 436, 436—437, 445—448, 450, 451, 452, 464—466, 466, 471, 474, 483—485, 489, 493, 508—509, 511—512, 516, 519—520, 529, 534—536, 536—537, 540—541, 542, 586, 598—599, 602—603, 605—609, 609—610, 637—638, 641, 643, 661, 667, 693.
— и Турция — 401, 403—404, 446—447, 627—628, 643.
— и Финляндия — 401, 406—407, 483—484, 498—499, 508—512, 552—553, 594—595, 654, 659—660.
— и Франция — 385, 406—407, 412—418, 419, 420—421, 421—422, 425—427, 428, 436—437, 445—450, 452, 464, 464—465, 466, 467—468, 471—472, 474, 479, 483—484, 475—476, 490, 493, 498—499, 505—507, 508—509, 511—512, 513—515, 519—520, 526, 540, 552—553, 558, 560, 562—563, 582, 584—585, 586, 587—588, 588—589, 589, 594—595, 598—599, 612—613, 687—689.
— и Япония — 384, 395—397, 397—399, 424, 483—485, 494—495, 498—499, 505—506, 519—520, 526—527, 529, 598—599, 605—608, 610, 693, 696—697.

См. также Внешняя политика Советского государства; Внешняя торговля — Советской России; Дипломатия советская; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Советской России; Концессии в Советской России; Международное положение Советской России; Монополия внешней торговли в Советской России.

Советская Россия и международный пролетариат
— в первые месяцы Советской власти — 347—348, 395—396, 398—399, 404—405, 426—427, 430.
— в период иностранной военной интервенции и гражданской войны — 411, 419—420, 426—427, 427—428, 428—429, 435, 438, 447—449, 466—467, 479—480, 482, 490, 505—509, 511—512, 512—514, 521—522, 525—526, 529—530, 549—551, 561—562, 562—563, 568—571, 573—574, 582—584, 590—593, 597—598, 600, 611, 628—629, 632—633, 648, 656—657.
— в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства — 656—657.
— помощь трудящихся Советской России международному пролетариату — 347—348, 418.

Советская Россия и угнетенные народы Востока — 483—484, 492, 493—503, 537—539, 567, 573—574, 627—628, 648, 648—649, 686—687.

Соединенные Штаты Америки (США)
— общая характеристика — 141—142, 196, 286—287, 299, 424—425, 427—428, 443—444, 444—445, 484—486, 496—497, 497—499, 608—609, 613—614.
— война с Англией за национальную независимость (1775—1783) — 357, 424, 424—425, 427—428, 429, 430.
— гражданская война в США — 299, 430—431.
— негритянский вопрос, угнетение и расовая дискриминация негров — 430—431.

См. также Империализм американский (США); Империалистическая война 1914—1918 гг. — и США; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Советской России — и американский империализм как

один из организаторов интервенции; Колонии и колониальный вопрос в отдельных странах — в США; Советская Россия и капиталистический мир — и США.

«Соединенные Штаты Европы» (лозунг) — 150—152, 203—204.

Сосуществование двух систем — социалистической и капиталистической — *см.* Мирное сосуществование двух систем — социалистической и капиталистической.

Социал-империализм — 144—145, 163—164, 207—208, 210.

Справедливые и несправедливые (прогрессивные и реакционные) войны — *см.* Война (учение о войне).

Суверенитет государственный — *см.* Государственный суверенитет и независимость.

Тайная дипломатия — *см.* Дипломатия буржуазная.

Тайные договоры — *см.* Договоры международные; Договоры тайные царского правительства.

Таможенная политика — 20, 705—708.

Тильзитский мир (1807) — 361—362, 375—376, 378—379, 380, 380—381, 387.

Тихоокеанская проблема — 295, 396—397, 605—606, 614—615, 702—703.

Триполи (Триполитания) — 79, 154—156, 241.

Триполитанская война — *см.* Итало-турецкая война (1911—1912 гг.).

Тройственное согласие — *см.* Антанта.

Тройственный союз — 102.

Финляндия и финляндский вопрос

— при царизме — 19—22, 50, 59, 160, 163—164, 166—167, 273—275.

— в период буржуазного Временного правительства в 1917 г. — 266, 273—275.

— после Октябрьской социалистической революции — 336—337, 361—362, 368, 377—378, 380, 401, 406—407, 436—437, 498—499, 508—513, 552—553, 570—571, 594—595, 654, 659—660.

— предоставление независимости Финляндии Советским правительством — 335—337, 340—342.

Франко-прусская война 1870—1871 гг. — 139, 145—146, 159.

Франция — 24—25, 31—33, 34, 64—65, 66, 139, 140—142, 142—143, 143—144, 146, 151, 156, 228, 287, 291—292, 308, 361, 472, 472—473, 496—497, 497—499, 514—515, 521—522, 586—588, 687.

См. также Империализм французский; Империалистическая война 1914—1918 гг. — и Франция; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Советской России — и французский империализм как один из организаторов интервенции; Колонии и колониальный вопрос в отдельных странах — во Франции; Советская Россия и капиталистический мир — и Франция.

Французская буржуазная революция 1789—1794 гг. — 274.

— и контрреволюционная роль Англии — 472.

— и международная обстановка — 308.

— ее революционные войны с реакционной Европой — 138—139, 284, 284—285, 285—287, 308, 314—315.

Хозяйство мировое — *см.* Мировое хозяйство.

Царские долги — *см.* Займы и долги царские.

Чили — 211—213.

Швейцария — 104, 111—112, 156, 158, 227, 234, 243—244, 452.

См. также Империализм швейцарский; Империалистическая война 1914—1918 гг. — и Швейцария.

Швеция — 116—120, 274—275.

См. также Империалистическая война 1914—1918 гг. — и Швеция.

Шовинизм — 17, 59—60, 70, 89—90, 92, 134—135, 286—287, 289—290, 582.

Шпионаж и диверсии, борьба с ними в Советской России — 358.

Экономика и политика (соотношение) — 194, 224—226, 285—286, 394—396, 419.

Экспорт и импорт — *см.* Внешняя торговля.

Эмиграция
— **при капитализме** — 154, 155—156, 204—205.
— **при царизме** — 204—205.

Эмиграция белогвардейская — 608—609, 624—625, 625—626, 645, 649, 659—660, 678, 708.

Эмиграция революционная — 256—257, 582—583.

Южная Америка — 172—173, 196—197.

См. также. Бразилия; Чили.

Южная Африка — 207—208.

Япония — 24, 25, 34, 35, 37, 43, 44, 57—58, 109, 151, 164, 183—185, 196—197, 216, 228—229, 229—230, 230—231, 232, 238, 299, 397—398, 398—399, 519—520, 586—588, 610.

См. также Империализм японский; Империалистическая война 1914—1918 гг. — и Япония; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Советской России — и японский империализм как один из организаторов интервенции; Колонии и колониальный вопрос в отдельных странах — в Японии; Советская Россия и капиталистический мир — и Япония.

СОДЕРЖАНИЕ

Из книги «РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ. *Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности*» . . 7—13

Глава I. Теоретические ошибки экономистов-народников

VIII. Почему необходим для капиталистической нации внешний рынок 7

Глава VIII. Образование внутреннего рынка

V. Значение окраин. Внутренний или внешний рынок? . . 9

КИТАЙСКАЯ ВОЙНА 14
ПРОТЕСТ ФИНЛЯНДСКОГО НАРОДА 19
ПАДЕНИЕ ПОРТ-АРТУРА 23
ЦАРСКИЙ МИР 30
ПЛАН ЧТЕНИЯ О КОММУНЕ 31
ЕВРОПЕЙСКИЙ КАПИТАЛ И САМОДЕРЖАВИЕ 34
РАЗГРОМ 41
РУССКИЙ ЦАРЬ ИЩЕТ ЗАЩИТЫ ОТ СВОЕГО НАРОДА У ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА 45
Из статьи «ПРОЛЕТАРИАТ БОРЕТСЯ, БУРЖУАЗИЯ КРАДЕТСЯ К ВЛАСТИ» 50
Из статьи «СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ И ТАКТИКА РАБОЧЕЙ ПАРТИИ» 51
Из статьи «НОВЫЙ ПОДЪЕМ» 52
Из статьи «ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА» 55
Из статьи «МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В ШТУТГАРТЕ» 57
Из статьи «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ» 59
ГОРЮЧИЙ МАТЕРИАЛ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ 61
СОБЫТИЯ НА БАЛКАНАХ И В ПЕРСИИ 67
Из статьи «„СОЖАЛЕНИЕ“ и „СТЫД“» 76
VI («ПРАЖСКАЯ») ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП . . 77—78

Из резолюций конференции

О нападении русского правительства на Персию 77
О китайской революции 77
О политике царизма по отношению к Финляндии . . . 77

КОНЕЦ ВОЙНЫ ИТАЛИИ С ТУРЦИЕЙ 79
БАЛКАНСКИЕ НАРОДЫ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ 80
НОВАЯ ГЛАВА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ 81
СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЕРБСКО-БОЛГАРСКИХ ПОБЕД . . . 83

ОБНОВЛЕННЫЙ КИТАЙ 85
РУССКИЕ И НЕГРЫ 87
БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА И БУРЖУАЗНЫЙ ШОВИНИЗМ 89
«КОМУ ВЫГОДНО?» 91
МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА БУРЖУАЗИИ 93
БУРЖУАЗИЯ И МИР 95
ПРОБУЖДЕНИЕ АЗИИ 97
ОТСТАЛАЯ ЕВРОПА И ПЕРЕДОВАЯ АЗИЯ 99
ВООРУЖЕНИЯ И КАПИТАЛИЗМ 101
ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПРОФЕССОР О РАВЕНСТВЕ 103
Из работы «О ПРАВЕ НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ» . . . 106—133
1. Что такое самоопределение наций? 106
2. Историческая конкретная постановка вопроса 110
3. Конкретные особенности национального вопроса в России и ее буржуазно-демократические преобразования . . 113
6. Отделение Норвегии от Швеции 116
7. Решение Лондонского Международного Конгресса 1896-го года 121
8. Утопист Карл Маркс и практичная Роза Люксембург . . 124
9. Заключение 131

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРДОСТИ ВЕЛИКОРОССОВ 134
Из брошюры «СОЦИАЛИЗМ И ВОЙНА *(Отношение РСДРП к войне)*» . . . . . 138—149

Глава I. Принципы социализма и война 1914—1915 г. . . . 138
Отношение социалистов к войнам 138
Исторические типы войн нового времени 139
Различие между наступательной и оборонительной войной 139
Теперешняя война есть империалистская война 140
Война между крупнейшими рабовладельцами за сохранение и укрепление рабства 140
«Война есть продолжение политики иными» (именно: насильственными) «средствами» 142
Пример Бельгии 143
За что воюет Россия? 144
Что такое социал-шовинизм? 144
Базельский манифест 145
Ложные ссылки на Маркса и Энгельса 145
Пример братанья в траншеях 146
О поражении «своего» правительства в империалистской войне 147
О пацифизме и лозунге мира 147
О праве наций на самоопределение 147
Глава II. Классы и партии в России 148
Буржуазия и война 148

Из статьи «О ЛОЗУНГЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ЕВРОПЫ» . . 150
Из статьи «ИМПЕРИАЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ В ИТАЛИИ *(заметка)*» 153
Из статьи «О „ПРОГРАММЕ МИРА"» 159
Из работы «ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РСДРП 2-ой СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ» . . . 161
Из книги «ИМПЕРИАЛИЗМ, КАК ВЫСШАЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА. *Популярный очерк*» . . . . . 163—223

Предисловие 163
Предисловие к французскому и немецкому изданиям . . . 164
IV. Вывоз капитала 169

V. Раздел мира между союзами капиталистов 173
VI. Раздел мира между великими державами 180
VII. Империализм, как особая стадия капитализма . . . 190
VIII. Паразитизм и загнивание капитализма 199
IX. Критика империализма 207
X. Историческое место империализма 218

Из работы «О КАРИКАТУРЕ НА МАРКСИЗМ И ОБ „ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ ЭКОНОМИЗМЕ"» . . . . . 224—226

3. Что такое экономический анализ 224

О СЕПАРАТНОМ МИРЕ 227
Из работы «ТЕЗИСЫ ОБ ОТНОШЕНИИ ШВЕЙЦАРСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ К ВОЙНЕ» 234
Из работы «ПАЦИФИЗМ БУРЖУАЗНЫЙ И ПАЦИФИЗМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ» . . . . . 236—239

Статья (или глава) I. Поворот в мировой политике . . . 236

Из работы «ЧЕРНОВОЙ ПРОЕКТ ТЕЗИСОВ ОБРАЩЕНИЯ К ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОМИССИИ И КО ВСЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ» . . . 240
ЗАЩИТА НЕЙТРАЛИТЕТА 243
Из статьи «ПОВОРОТ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ» 245
О ЗАДАЧАХ ПРОЛЕТАРИАТА В ДАННОЙ РЕВОЛЮЦИИ 251
КАК МЫ ДОЕХАЛИ 256
ВОЙНА И ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО 258
РЕЗОЛЮЦИЯ ЦК РСДРП(б) 20 АПРЕЛЯ (3 МАЯ) 1917 ГОДА О КРИЗИСЕ В СВЯЗИ С НОТОЙ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТ 18 АПРЕЛЯ (1 МАЯ) 1917 г. 261

СЕДЬМАЯ (АПРЕЛЬСКАЯ) ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП(б) 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г. . . . . . 263—269

РЕЗОЛЮЦИЯ О ВОЙНЕ 263
РЕЗОЛЮЦИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ 266
ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ 268

ЗНАЧЕНИЕ БРАТАНЬЯ 270
ФИНЛЯНДИЯ И РОССИЯ 273
«ФАКТИЧЕСКОЕ ПЕРЕМИРИЕ» 276
ТАЙНЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ 279
ОДИН ИЗ ТАЙНЫХ ДОГОВОРОВ 281
ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ. *Лекция 14(27) мая 1917 г.* 283
УКРАИНА 303

РЕВОЛЮЦИЯ, НАСТУПЛЕНИЕ И НАША ПАРТИЯ 305
МОЖНО ЛИ ЗАПУГАТЬ РАБОЧИЙ КЛАСС «ЯКОБИНСТВОМ»? . . 307
Из работы «ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МОМЕНТЕ» 309
Из брошюры «ГРОЗЯЩАЯ КАТАСТРОФА И КАК С НЕЙ БОРОТЬСЯ» . . . . . 311—313

Борьба с разрухой и война 311

Из книги «ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. *Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции*» . . . . 314—315

Предисловие к первому изданию 314
Из работы «ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИИ» . . . . . 316—317

Мир народам 316

ПИСЬМО ПИТЕРСКОЙ ГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. *Для прочтения на закрытом заседании* 318

Из работы «К ПЕРЕСМОТРУ ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЫ» . . . 321

ВТОРОЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ. 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г. . . . . . 323—330

ДОКЛАД О МИРЕ 26 ОКТЯБРЯ (8 НОЯБРЯ) 323
ДЕКРЕТ О МИРЕ 323
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ О МИРЕ 26 ОКТЯБРЯ (8 НОЯБРЯ) 328

ЗАСЕДАНИЕ ВЦИК 10(23) НОЯБРЯ 1917 г. *Протокольная запись* . . 331—334

Доклад о переговорах с Духониным 331
Заключительное слово 333

ИЗ РЕЧИ НА ПЕРВОМ ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ВОЕННОГО ФЛОТА 22 НОЯБРЯ (5 ДЕКАБРЯ) 1917 г. *Протокольная запись* 335
КОНСПЕКТ ПРОГРАММЫ ПЕРЕГОВОРОВ О МИРЕ 338
ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ТРУДЯЩЕГОСЯ И ЭКСПЛУАТИРУЕМОГО НАРОДА 340

ТРЕТИЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ 10—18 (23—31) января 1918 г. . . . . . 343—348

ИЗ ДОКЛАДА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ 11(24) ЯНВАРЯ 343

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЗАСЕДАНИИ ЦК РСДРП(б) 19 ЯНВАРЯ (1 ФЕВРАЛЯ) 1918 г. *Протокольная запись* 349
ТЕЛЕГРАММА С. Г. ШАУМЯНУ 350
ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ РАДИОГРАММЫ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ 351
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ! 352
О ЧЕСОТКЕ 354
СЕРЬЕЗНЫЙ УРОК И СЕРЬЕЗНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ 358

СЕДЬМОЙ СЪЕЗД РКП(б) 6—8 марта 1918 г. . . . . . 363—385

ДОКЛАД О ВОЙНЕ И МИРЕ 7 МАРТА 363
РЕЗОЛЮЦИЯ О ВОЙНЕ И МИРЕ 382
ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОПРАВОК ТРОЦКОГО К РЕЗОЛЮЦИИ О ВОЙНЕ И МИРЕ 8 МАРТА (УТРОМ) 384

IV ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ 14—16 марта 1918 г. . . . . . 386—390

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ПОВОДУ ОБРАЩЕНИЯ ВИЛЬСОНА 386
ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА ПО ДОКЛАДУ О РАТИФИКАЦИИ МИРНОГО ДОГОВОРА 15 МАРТА 387
РЕЗОЛЮЦИЯ О РАТИФИКАЦИИ БРЕСТСКОГО ДОГОВОРА . . 389

Из книги «ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ» . . . . 391—393

Новый фазис борьбы с буржуазией 391

ДОКЛАД О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ВЦИК И МОСКОВСКОГО СОВЕТА 14 МАЯ 1918 г. . . . 394
ВО ВСЕ РАЙОННЫЕ КОМИТЕТЫ РКП, ВО ВСЕ РАЙОННЫЕ СОВДЕПЫ, ВСЕМ ШТАБАМ КРАСНОЙ АРМИИ 409
РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В ЛЕФОРТОВСКОМ РАЙОНЕ 19 ИЮЛЯ 1918 г. . 410
ИЗ РЕЧИ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ВЦИК, МОСКОВСКОГО СОВЕТА, ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ МОСКВЫ 29 ИЮЛЯ 1918 г. 412

ПИСЬМО К АМЕРИКАНСКИМ РАБОЧИМ 424
РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ВЦИК, МОСКОВСКОГО СОВЕТА, ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ 22 ОКТЯБРЯ 1918 г. 436
ИЗ РЕЧИ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО СОВЕТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ 6 НОЯБРЯ 1918 г. *Газетный отчет* . . . 438

VI ВСЕРОССИЙСКИЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ, КАЗАЧЬИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ 6—9 ноября 1918 г. . . . . . 439—450

РЕЧЬ О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ 8 НОЯБРЯ 439
СОБРАНИЕ ПАРТИЙНЫХ РАБОТНИКОВ МОСКВЫ 27 НОЯБРЯ 1918 г. 451

Из доклада об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии 451
ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ РКП(б) . . . . . 453—455

Из работы «ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ РКП (БОЛЬШЕВИКОВ)» 453
ПУНКТ ПРОГРАММЫ В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ 454
ВСТАВКА В ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ПУНКТА ПРОГРАММЫ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ 455

VIII СЪЕЗД РКП(б). 18—19 марта 1919 г. . . . . . 456—463

Из отчета ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА 18 МАРТА . . . 456
РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ СЪЕЗДА 23 МАРТА 460

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПЛЕНУМА МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ. *3 апреля 1919 г.* . . . . . 464—470
Из доклада о внешнем и внутреннем положении Советской республики 464

Из работы «ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ» 471

I ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД ПО ВНЕШКОЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ 6—19 мая 1919 г. . . . . . 474—475

Из речи «ОБ ОБМАНЕ НАРОДА ЛОЗУНГАМИ СВОБОДЫ И РАВЕНСТВА» 474
ТЕЛЕГРАММА БЕЛА КУНУ 476
БЕЛА КУНУ 477
Из доклада «О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ И БЛИЖАЙШИХ ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ». *Доклад сделан на соединенном заседании ВЦИК, Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов, Всероссийского Совета профессиональных Союзов и представителей фабрично-заводских комитетов Москвы 4 июля 1919 г.* 478

РЕЧЬ О ВНЕШНЕМ И ВНУТРЕННЕМ ПОЛОЖЕНИИ НА КОНФЕРЕНЦИИ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ ХОДЫНСКИХ ЛАГЕРЕЙ 15 ИЮЛЯ 1919 г. *Краткий газетный отчет* 481

ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА 483
РЕЧЬ НА БЕСПАРТИЙНОЙ РАБОЧЕ-КРАСНОАРМЕЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 6 АВГУСТА 1919 г. *Хроникерская запись* . . . . . 487—488

Второй вариант 487

ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА АМЕРИКАНСКОЙ ГАЗЕТЫ «The Chicago Daily News» 489

ИЗ РЕЧИ ПЕРЕД СЛУШАТЕЛЯМИ СВЕРДЛОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ОТПРАВЛЯЮЩИМИСЯ НА ФРОНТ, 20 ОКТЯБРЯ 1919 г. . . . 490
ТОВАРИЩАМ КОММУНИСТАМ ТУРКЕСТАНА 492
ДОКЛАД НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НАРОДОВ ВОСТОКА 22 НОЯБРЯ 1919 г. . . . 493

VII ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ. 5—9 декабря 1919 г. 504—520

ДОКЛАД ВЦИК И СОВНАРКОМА 5 ДЕКАБРЯ 504
ИЗ РЕЧИ НА МИТИНГЕ, ПОСВЯЩЕННОМ ГОДОВЩИНЕ ДЕКАБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1905 ГОДА В ПРЕСНЕНСКОМ РАЙОНЕ 19 ДЕКАБРЯ 1919 г. 521
РЕЧЬ НА БЕСПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙЦЕВ ПРЕСНЕНСКОГО РАЙОНА 24 ЯНВАРЯ 1920 г. *Газетный отчет* 525
ИЗ ДОКЛАДА О РАБОТЕ ВЦИК И СОВНАРКОМА НА ПЕРВОЙ СЕССИИ ВЦИК VII СОЗЫВА 2 ФЕВРАЛЯ 1920 г. 529
ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА АМЕРИКАНСКОЙ ГАЗЕТЫ «New York Evening Journal» 540
ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА АНГЛИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ «Daily Express» 543
ИЗ РЕЧИ НА III ВСЕРОССИЙСКОМ СОВЕЩАНИИ ЗАВЕДУЮЩИХ ВНЕШКОЛЬНЫМИ ПОДОТДЕЛАМИ ГУБЕРНСКИХ ОТДЕЛОВ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 25 ФЕВРАЛЯ 1920 г. 545

IX СЪЕЗД РКП(б). 29 марта — 5 апреля 1929 г. . . . . . 547—554

ИЗ ДОКЛАДА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА 29 МАРТА 547
Из книги «Детская болезнь „левизны" в коммунизме» . . . 555—559
I. В каком смысле можно говорить о международном значении русской революции? 555
IV. В борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм? 557
ИЗ РЕЧИ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РАБОЧИХ СТЕКЛО-ФАРФОРОВОГО ПРОИЗВОДСТВА 29 АПРЕЛЯ 1920 г. 560
РЕЧЬ НА СОЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ВЦИК, МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ 5 МАЯ 1920 г. 562
ИНДИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АССОЦИАЦИИ 567
ПИСЬМО К АНГЛИЙСКИМ РАБОЧИМ 568
ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК ТЕЗИСОВ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ И КОЛОНИАЛЬНОМУ ВОПРОСАМ *(для Второго съезда Коммунистического Интернационала)* 572
В ИСПОЛКОМ КОМИНТЕРНА 579
Г. В. ЧИЧЕРИНУ 581
РЕЧЬ НА IX ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б) 22 СЕНТЯБРЯ 1920 г. *Газетный отчет* 582
ИЗ РЕЧИ НА СОВЕЩАНИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ УЕЗДНЫХ, ВОЛОСТНЫХ И СЕЛЬСКИХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 15 ОКТЯБРЯ 1920 г. 586
Из речи «НАШЕ ВНЕШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ ПАРТИИ» *(речь на Московской губернской конференции РКП(б) 21 ноября 1920 г.)* 594

РЕЧЬ НА СОБРАНИИ СЕКРЕТАРЕЙ ЯЧЕЕК МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(б) 26 НОЯБРЯ 1920 г. *Газетный отчет* . . . 601

VIII ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ. 22—29 декабря 1920 г. 604—631

ДОКЛАД О КОНЦЕССИЯХ НА ФРАКЦИИ РКП(б) VIII СЪЕЗДА СОВЕТОВ 21 ДЕКАБРЯ 604

ИЗ ДОКЛАДА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ 22 ДЕКАБРЯ 624

ИЗ РЕЧИ НА IV ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РАБОЧИХ ШВЕЙНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ 6 ФЕВРАЛЯ 1921 г. 632

X СЪЕЗД РКП(б) 8—16 марта 1921 г. . . . . . 634—641

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ СЪЕЗДА 8 МАРТА 634

ИЗ ОТЧЕТА О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦК РКП(б) 8 МАРТА 637

ИЗ ДОКЛАДА О ЗАМЕНЕ РАЗВЕРСТКИ НАТУРАЛЬНЫМ НАЛОГОМ 15 МАРТА 640

ТЕЛЕГРАММА РЕВВОЕНСОВЕТУ XI АРМИИ 642

ИЗ ДОКЛАДА О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ НАЛОГЕ НА СОБРАНИИ СЕКРЕТАРЕЙ И ОТВЕТСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЯЧЕЕК РКП(б) Г. МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 9 АПРЕЛЯ 1921 г. 643

X ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РКП(б). 26—28 мая 1921 г. 644—647

ИЗ ДОКЛАДА О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ НАЛОГЕ 26 МАЯ . . 644

РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ 28 МАЯ 646

III КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА. 22 июня — 12 июля 1921 г. . . . . . 648—653

Из работы «ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА О ТАКТИКЕ РКП НА III КОНГРЕССЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА *(Первоначальный проект)*» 648

1. Международное положение РСФСР 648

2. Соотношение классовых сил в международном масштабе 648

ИЗ ДОКЛАДА О ТАКТИКЕ РКП 5 ИЮЛЯ 650

ПИСЬМО В ПОЛИТБЮРО ПО ПОВОДУ РЕЗОЛЮЦИИ IX ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ 654

IX ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ. 23—28 декабря 1921 г. 655—667

Из отчета «О ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ». *Отчет ВЦИК и СНК IX Всероссийскому съезду Советов 23 декабря 1921 г.* 655

О ПОЛИТИКЕ АНГЛИЙСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ. *Письмо в ЦК РКП(б)* 668

ПИСЬМО Д. И. КУРСКОМУ 670

Из речи «О МЕЖДУНАРОДНОМ И ВНУТРЕННЕМ ПОЛОЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ». *Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г.* 672

XI СЪЕЗД РКП(б) 27 марта — 2 апреля 1922 г. . . . . . 679—682

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТЧЕТА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РКП(б) 27 МАРТА 679

КАРЛУ ШТЕЙНМЕЦУ 683
ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЦИК ПО ОТЧЕТУ ДЕЛЕГАЦИИ НА ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 685
ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ «ОБСЕРВЕР» И «МАНЧЕСТЕР ГАРДИАН» ФАРБМАНУ 687
ИЗ РЕЧИ НА IV СЕССИИ ВЦИК IX СОЗЫВА 31 ОКТЯБРЯ 1922 г. . . 693
ИЗ РЕЧИ НА ПЛЕНУМЕ МОСКОВСКОГО СОВЕТА 20 НОЯБРЯ 1922 г. 695
ЗАМЕТКИ ПО ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ НАШЕЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ГААГЕ. 701
О МОНОПОЛИИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ. *Товарищу Сталину для пленума ЦК* 705
Из работы «КАК НАМ РЕОРГАНИЗОВАТЬ РАБКРИН. *(Предложение XII съезду партии)*» 709
Примечания 710
Предметный указатель 742

Составитель сборника
КУЛЬКОВ Иван Иванович

Составитель предметного указателя
ШАТОВ Леонид Григорьевич

•

Ленин о международной политике
и международном праве

Под наблюдением редактора *В. Л. Артемова*

Оформление художника *П. Белова*

Художественный редактор *Л. Морозова*

Технический редактор *Н. Беляев*

Корректоры *С. Полтавская,*
К. Журавлева

•

Сдано в набор 6 августа 1957 г. Подписано в печать 28 октября 1957 г. Формат 60 × 92¹/₁₆. Физ. печ. л. 48,5. Услов. печ. л. 48,5. Уч.-изд. л. 47,15. Тираж 24 500 экз. Заказ № 761.

Цена 12 руб. 85 коп.

•

Издательство Института Международных Отношений
Москва, Ж-54, Стремянный пер., 29.

Ленинградский Совет народного хозяйства.
Управление полиграфической промышленности.
Типография № 1 «Печатный Двор»
имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.